

CORNELL UNIVERSITY LIBRARY
3 1924 106 822 756

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Ноябрь № 11.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просп., 8.
1896.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 31 октября 1896 г.

Контора «Сѣвернаго Вѣстника» покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ въ разсрочку поспѣшить уплатою за четвертую четверть (Октябрь—Декабрь).

СОДЕРЖАНІЕ.

№ 11 „Сѣвернаго Вѣстника“ 1896 г.

СТРАН.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Digitized by Google

Зеркала.

I.

— Послушайте, Райвичъ, вы не думайте: эта исторія не кончена. Я именно и присланъ сказать вамъ, что она не можетъ быть кончена. Мы еще васъ станемъ судить.

Янъ безпокойно поднялъ глаза на товарища. Глаза были близорукіе, черные и выпуклые.

— Какъ, судить?—проговорилъ онъ робко и глуховато.

— Увидите. Какъ всегда судятъ. Можетъ быть, послѣ суда, мы васъ исключимъ изъ товарищества и вамъ тогда придется перейти въ другое училище. Помните-же, завтра ровно въ 8.

Съ этими словами Игнатій Самохинъ всталъ, показывая, что разговоръ конченъ, обдернулъ парусинную блузу и потянулся за фуражкой съ прикрѣпленнымъ спереди значкомъ московскаго реальнаго училища. Самохинъ былъ мальчикъ лѣтъ семнадцати, худой, со впалой грудью, длинноватымъ блѣднымъ лицомъ, всегда тревожнымъ и старообразнымъ, хотя не некрасивымъ. Небольшіе сѣрые глаза смотрѣли остро и прямо изъ-подъ густыхъ, свѣтлыхъ бровей. Улыбался онъ часто, но какъ-то однимъ угломъ рта, безъ всякаго веселья, а со злостью.

Когда онъ всталъ, Янъ тоже всталъ и схватилъ его за рукавъ.

— Самохинъ... Послушайте... Зачѣмъ это? Ради Бога не надо. Вѣдь вы знаете всю исторію, и всѣ знаютъ. Я тогда задумался такъ, что ничего не слышалъ. Это со мной бываетъ, я не совсѣмъ здоровъ. Шумъ былъ, крики—-я ничего не слышалъ. А тутъ сразу инспекторъ подходитъ, схватилъ меня за плечо и спрашиваетъ: «Лебедевъ и Хлоповъ тоже ходили? Да?» Я говорю: «да, да». Я тогда на все-бы отвѣтилъ «да». Я даже и не зналъ, что Лебедевъ и Хлоповъ ходили и попались, я и теперь не знаю, куда они ходили. Какой-же я донос-

чикъ? Ради Бога, простите меня, Самохинъ, и пусть всѣ простятъ. И нельзя-ли, чтобъ меня не судили? Я все равно выхожу изъ училища, мы съ сестрой и бабушкой переѣзжаемъ въ Петербургъ...

Самохинъ выдернулъ свой рукавъ, за который схватился Янъ, и проговорилъ съ презрѣніемъ:

— Какой вы трусъ, Райвичъ! Это мерзость, дрожать такъ отъ всего. Знайте, если вы завтра не явитесь, мы сочтемъ это мерзостью. А теперь прощайте.

Онъ усмѣхнулся своей дурной улыбкой вкось, нахлобучилъ фуражку и, вѣроятно, вышелъ-бы, но въ эту минуту на порогѣ маленькой гостинной, гдѣ происходилъ разговоръ, показалась дама въ капотѣ. Дама была сухощавая, съ быстрыми карими глазами, еще красивыми. Около зрачковъ они свѣтлѣли, точно обнимали зрачки желтыми кольцами.

— Вотъ сестра,—проговорилъ Янъ, въ замѣшательствѣ. — Вы, Самохинъ, никогда у меня еще не были. Посидите. Я такъ давно ждалъ, что вы придете. Вѣра, это мой товарищъ.

Вѣра весело, почти задорно, улыбнулась, протянула руку Самохину и тотчасъ-же принялась болтать съ нимъ, какъ со старымъ знакомымъ.

— А вотъ и бабушка, воскликнула Вѣра, оборачиваясь назадъ.— Идите, бабушка. Это не чужой. Это знакомый Яна, другъ. Слышите?

Самохинъ обернулся. Въ комнату вошло что-то имъ никогда невиданное.

Маленькое существо, сгорбленное такъ, что лицо было совершенно обращено къ полу и спина круглилась выпукло и страшно, все было закутано въ какіе-то платки. Но голова съ рѣдкими сѣдыми волосами, заплетенными въ косички, была непокрыта. Отъ непомѣрнаго горба передъ ситцевой блузы волочился, а задъ, напротивъ, поднялся и выставлялъ на видъ малиновые шерстяные чулки. Бабушка везла передъ собою деревянную тачку, въ какихъ дѣти возятъ песокъ. Самохинъ понялъ, что тачка ей помогаетъ сохранять равновѣсіе, но въ первую минуту все-таки былъ изумленъ. Онъ подошелъ ближе и, почтительно поклонившись, подалъ старухѣ руку.

Вѣра продолжала повторять: «Бабушка, это Игнатій Николаевичъ, онъ съ вами здоровается...» И такъ-какъ старуха не отвѣчала и не двигалась, она оторвала правую руку ея отъ тачки и вложила въ ладонь Игнатія.

Онъ взглянулъ ближе въ опущенное лицо и понялъ, что имѣетъ дѣло съ безчувственнымъ существомъ. Лицо это, желтое, какъ пергаментъ, выражало спокойствіе и сосредоточенность смерти. Запавшіе, остановившіеся глаза, чуть прорѣзанные, какъ щелки, не смотрѣли и не видѣли. Холодноватая рука была неподвижна въ рукѣ Игнатія.

Вѣра, казалось, ничего не замѣчала. Она говорила съ бабушкой, какъ съ живой и теребила ее. И вдругъ пергаментное лицо собралось,

исказилось, отверстіе рта раскрылось, какой-то звукъ, какое-то непонятное слово вылетѣло оттуда. Спокойствіе смерти было нарушено. Невольный холодокъ пробѣжалъ по спинѣ Игнатія.

— У бабушки былъ легкій ударъ и съ тѣхъ поръ она не можетъ говорить ясно,—какъ ни въ чемъ не бывало пояснила Вѣра. — Впрочемъ, я ее понимаю. Вы хотите къ себѣ? Да? наклонилась она къ старушкѣ.—Пойдемте, я васъ сведу.—И видитъ плохо, прибавила она, съ нѣжностью, привычно и ловко повернула старушку, положила ея руки на тачку и скоро свистящій звукъ старухиныхъ туфель (она не поднимала ногъ отъ полу, шагая) замолкъ въ темномъ корридорчикѣ.

Янъ стоялъ попрежнему у стола, опустивъ глаза. Игнатій помолчалъ немного.

— Она вамъ бабушка?—проговорилъ онъ.

— Да,—торопливо проговорилъ Янъ.—Она очень стара.

— Она... понимаетъ?

— Нѣтъ, не понимаетъ. Она давно ужъ не понимаетъ. Только при сестрѣ не надо объ этомъ упоминать. Вѣра ее очень любитъ и не хочетъ вѣрить, что она... совсѣмъ забылась.

— Это она сразу? Давно?

— Нѣтъ, понемногу. Оттого Вѣра и не замѣчаетъ. Жалко.

— Ну, вотъ, жалко! А сестрица ваша... она не замужемъ?

— Нѣтъ, она барышня.

— Однако, что-же я? До свиданья, господинъ Райвичъ. Помните, завтра въ восемь, на полчаса раньше занятій!

Уходя, онъ прибавилъ:

— Съ эдакой-то старухой тащатся въ Петербургъ!

— Сестрѣ будетъ веселѣе въ Петербургѣ, она здѣсь скучаетъ,—страдальчески проговорилъ Янъ.—Послушайте, Самохинъ...

— Да вы богаты, что-ли?

— Нѣтъ, мы не богаты... Самохинъ, я говорю, нельзя-ли безъ суда?.. Къ чему онъ, подумайте?

— Прощайте,—крикнулъ Игнатій и, хлопнувъ дверью, вышелъ.

Янъ остался одинъ, сѣлъ за свой старенькій письменный столъ и тупо, остановившимися глазами смотрѣлъ на дворъ, залитый желтымъ весеннимъ солнцемъ, и на стѣну противоположнаго дома, который не позволялъ видѣть ни клочка неба.

II.

Янъ Райвичъ былъ полякъ только по отцу, который и самъ происходилъ изъ смѣшанной семьи. Отца давно, за какую-то провинность, сослали на поселеніе, тамъ онъ и умеръ. Мать, русская, имѣв-

шая отъ перваго брака дочь Вѣру, уже взрослую дѣвушку, умерла еще раньше. Янъ жилъ въ Москвѣ у сестры съ младенчества, и кромѣ Москвы, бабушки и сестры, никого и ничего не помнилъ. Онъ вообще сталъ помнить себя поздно. Говорить онъ началъ только по четвертому году, росъ тупо и вяло. Порою онъ просиживалъ часами неподвижно, глядя въ одну точку не мигающими глазами, съ остановившеюся мыслью. Сестра отдала его въ реальное училище, боясь, что онъ не осилитъ латыни. Яну, дѣйствительно, очень трудно давалось ученье, хотя онъ и старался. Семнадцати лѣтъ онъ былъ не высокъ ростомъ, полонъ, медлителенъ въ движеніяхъ. Смугловатое блѣдное лицо было кругло, съ мягкими чертами. И руки у него были небольшія, смуглыя и полныя. Темные глаза на выкатѣ онъ никогда не щурилъ, несмотря на близорукость.

Янъ не любилъ, не думалъ о своемъ дѣтствѣ, да и помнилъ его плохо. Но когда случалось ему обратиться мыслями назадъ, всегда возникала передъ нимъ сцена, единственно уцѣлѣвшая изъ затуманеннаго прошлаго. Онъ очень малъ. Его поставили на полъ, держатъ подъ мышки и заставляютъ идти. Ноги совсѣмъ слабыя. Янъ боится, онъ знаетъ, что непремѣнно упадетъ, если его не будутъ держать. Кто-то, можетъ быть сестра, можетъ быть няня, присѣла на полъ въ двухъ шагахъ и совсѣмъ близко протягиваетъ руки. «Иди, иди, Янъ, говоритъ она,—не бойся, вотъ мои руки, видишь, здѣсь, иди ко мнѣ!» Руки ея почти касаются Яна, и онъ идетъ, хочетъ схватиться за нихъ—и вдругъ руки отодвигаются, все дальше, и Янъ падаетъ лицомъ на полъ, тяжело и трудно. Онъ былъ долго боленъ послѣ этого паденія. Няня, вѣроятно, думала, что ребенокъ просто боится рѣшиться и хотѣла, обманувъ его, доказать ему самому, что онъ умѣетъ ходить. Но Янъ пошелъ, только вѣря этимъ протянутымъ рукамъ, упалъ, когда онѣ отодвинулись—и на долго потомъ въ душѣ его осталось недоумѣнье, чувство обиды и боли, тѣмъ сильнѣйшей, что онъ ея самъ не сознавалъ.

Янъ спалъ плохо, голова у него болѣла, въ глазахъ плыли зеленыя пятна, когда на другое утро онъ вскочилъ съ постели и принялся одѣваться. Сначала онъ не хотѣлъ идти «на судъ», но потомъ рѣшился. Онъ зналъ, что они его оскорбятъ, потому что они всегда его оскорбляютъ, и въ душѣ уже есть наболѣвшее мѣсто, куда одна на другую падаютъ обиды. Но все равно, пусть! Онъ имъ скажетъ, что онъ думаетъ, можетъ быть они поймутъ.

Онъ пришелъ раньше всѣхъ. Въ большой пустой залѣ, гдѣ собираются ученики передъ молитвой, только двое или трое малышей повторяли уроки. Янъ пошелъ въ уголъ, за колонны, притаился и замеръ.

— А Райвича нѣтъ?—разбудилъ его рѣзковатый голосъ Самохина.

— Я здѣсь,—сказалъ Янъ, выходя изъ угла.

Самохинъ обрадовался.

— Пришли? Отлично. Пойдемте за мной, въ нашъ классъ. Живѣе!

Почти весь классъ собрался. Впереди стояли «пострадавшіе», Хлоповъ и Лебедевъ. Говорить долженъ былъ первый ученикъ, Цыбульскій, дѣтина рослый, съ равнодушнымъ рыжимъ лицомъ.

— Вы нафискалили, Райвичъ,—произнесъ онъ лѣниво, глядя съ каѳедры на невысокую фигуру Яна.—Вы донесли инспектору, что Хлоповъ и Лебедевъ выходили въ городъ безъ спросу.

— Да вѣдь это-же неправда.—задыхающимся голосомъ перебилъ Янъ.—Вы знаете, какъ было... И всѣ знаютъ.

И онъ опять повторилъ то, что разсказывалъ Самохину, какъ онъ «задумался», какъ не слышалъ, что спросилъ его внезапно подошедшій инспекторъ и что онъ ему отвѣтилъ.

— Я былъ нездоровъ...

— А если нездоровъ, такъ въ училище нечего лѣзть,—прокричалъ рѣзкій голосъ.—Доносчикъ!

Янъ встрепенулся.

— Послушайте, за что вы меня оскорбляете? Вѣдь вы-же знаете, что я не доносчикъ? Вы думаете, я боюсь, что меня исключатъ? Я не боюсь, я все равно самъ уѣзжаю въ Петербургъ.

Раздались негодующіе крики. Слова Райвича не понравились. Рѣзкій голосъ покрылъ остальные:

— Цыбульскій, да скажите-же ему, чтобы онъ молчалъ! Это возмутительно! Исключить! Шпіонъ!

— Исключить, исключить!—подтверждали другіе.

— Нѣтъ, позвольте, господа...

Поднялся шумъ. Янъ вошелъ на каѳедру. Лицо его было блѣдно.

— Исключайте, мнѣ все равно,—сказалъ онъ тихо, но такъ, что всѣ слышали.—Я слышалъ, это вы Самохинъ назвали меня шпіономъ. За что вы меня ненавидите?

— Ну, довольно,—произнесъ Цыбульскій,—все глупости. Райвичъ, вы не исключаетесь, но все-таки фактъ остается фактомъ и вы донесли, и товарищи изъ-за васъ пострадали.

Звонокъ прервалъ его. Всѣ, не обращая вниманія ни на Райвича, ни на судъ, кинулись въ залу. Самохинъ догналъ Яна въ корридорѣ.

— Послушайте!

Янъ обернулся.

— Вы спрашивали, за что я васъ ненавижу,—произнесъ онъ.—Лицо его было блѣдное и злое. Кто вамъ сказалъ, что я васъ не-

навижу. Я ненавижу не васъ, а ихъ, всѣхъ вмѣстѣ... Такъ нельзя дѣлать. Судить—такъ судить! Исключить надо было, что-жъ такое, что вы не виноваты? Не могу терпѣть, когда и туда, и сюда,—и въ сущности ничего. Несправедливость—и отлично, что несправедливость! — Да что я съ вами говорю?—воскликнулъ онъ. — Ничего не понимаете!

Янъ улыбнулся, причемъ на полныхъ щекахъ его показались ямочки, и протянулъ было руку Самохину.

— Помиримся, — проговорилъ онъ. — Зачѣмъ вамъ несправедливость?

Но Самохинъ оттолкнулъ руку Яна, болѣзненно сжалъ губы и пошелъ прочь.

Вечеромъ Янъ сидѣлъ дома, жёлтое солнце свѣтило въ окна гостинной, бабушка бродила съ тачкой и повторяла глухо и однообразно какія-то непонятныя слова.

III.

Петербургскій августъ часто бываетъ похожъ на октябрь. Дожди льются, сѣрые и холодные, сплошное, низкое небо давитъ тяжело, мокрые дома кажутся выше и угрюмѣе сквозь скользкій, рѣдкій туманъ. Осень чувствуется во всемъ.

Въ часъ, послѣ полудня, было темновато, какъ сумерками. Мокрыя, хотя еще зеленыя и густыя, качались липы въ одномъ изъ палисадниковъ Большого проспекта на Васильевскомъ островѣ. Деревянный домикъ, сѣрый, съ мезониномъ, совсѣмъ пропадалъ за купой деревьевъ. Въ палисадникъ вышелъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ, въ черной мягкой шляпѣ, съ поднятымъ воротникомъ довольно поношеннаго лѣтняго пальто. Тотчасъ-же вслѣдъ за нимъ, стуча каблучками по деревяннымъ ступенькамъ, выбѣжала дѣвушка, полненькая, невысокая блондинка. Гладкіе волосы, сѣровато-пепельные, немного растрепались, на плечахъ висѣлъ коричневый пледъ. Дѣвушка видимо спѣшила.

— Иванъ Ивановичъ! крикнула она негромко и оглянулась по сторонамъ.—Иванъ Ивановичъ, вы туда идете?

— Да, Оля... Сегодня воскресенье...

— Дождь льетъ...

— Нѣтъ, надо, Оля. А я хотѣлъ васъ попросить...

— Знаю, знаю! весело перебила дѣвушка.—Наверху присмотрѣть за бабушкой? Тамъ Мавра, но я знаю, вамъ спокойнѣе, если я тоже смотрю. Сейчасъ пойду, не бойтесь.

Янъ мало перемѣнился за восемь лѣтъ, даже почти не выросъ. Онъ былъ попрежнему неуклюжъ и довольно полонъ. Выраженіе его лица и выпуклыхъ близорукихъ глазъ было до крайности просто, почти

тупо. Но именно въ простотѣ, въ «немудрености» всего лица и была его привлекательность.

— Прощайте, Оля,—сказалъ Янъ ласково.

Онъ улыбнулся. Оля тоже улыбнулась, порозовѣла и побѣжала наверхъ, а Янъ вышелъ за ворота и побрелъ по направленію къ Николаевскому мосту.

Годъ тому назадъ сестра Вѣра сошла съ ума. На взглядъ Яна она стала только болѣе раздражительна, чѣмъ была всегда. Но доктора разсудили иначе, и ее отвезли въ больницу. Съ тѣхъ поръ Янъ каждое воскресенье ходилъ навѣщать ее. Онъ ходилъ бы и по четвергамъ, но въ будни онъ былъ занятъ. Когда сестра заболѣла, ему пришлось бросить, не кончивъ, университетъ и поступить на частное мѣсто, въ какое-то правленіе. Необходимо было хоть немного денегъ. Сестра прожила почти весь маленькій капиталъ. А на рукахъ Яна оказалась и бабушка. Восемь лѣтъ пролетѣли надъ нею незамѣтно: времени она не знала и не чувствовала. Казалось, смерть ее забыла. Такъ-же недвижно и спокойно было ея лицо, такъ-же шевелились, не поднимаясь отъ полу, тяжелыя ноги. Только вся она еще ссохлась, горбъ обострился и руки крѣпче нажимали на тачку, которую она попрежнему возила передъ собою для равновѣсія.

Янъ съ бабушкой и прислугой Маврой жили въ крошечной квартирѣ, въ мезонинѣ. Домъ принадлежалъ Олиному отцу, больному старику, не покидавшему своей комнаты.

Янъ шагалъ, несмотря на дождь, который забирался къ нему за воротникъ. Онъ и не замѣтилъ, какъ повернулъ на Пряжку. Пилили какой-то тесъ или дрова. Щепки и полѣнья плавали въ мутной, шеколадной водѣ. По довольно крутымъ берегамъ тутъ росла трава, настоящая августовская трава: мокрая, не пожелтѣвшая, а изношенная, истертая. Непонятное строеніе изъ краснаго кирпича, длинное, однообразное, съ прозрачными аркадами, высилось на противоположной, правой сторонѣ. Узкая набережная тянулась. Вдругъ, за угломъ, она оборвалась, перешла въ пустую площадь—и показался домъ, мутно-желтый, обнесенный высокими стѣнами, и всетаки весь видный, точно стоящій на возвышеніи. Темнѣли малыя пятна рѣшетчатыхъ оконъ. Бываютъ дома живые, бываютъ веселые и грустные. Этотъ домъ былъ не мраченъ и не веселъ — онъ былъ похожъ на трупъ. Большой, окоченѣвшій трупъ съ незакрытыми, но невидящими глазами, съ сѣрыми тѣнями и грязными налетами на холодномъ тѣлѣ. Янъ свернулъ во дворъ, гдѣ на убогой клумбѣ вялъ мокрый піонъ—и вошелъ внутрь. Дверь на блокѣ тяжело стукнула за нимъ.

Вмѣстѣ съ Яномъ въ швейцарскую больницы пробралось нѣсколько робкихъ фигуръ. Прикащикъ въ синей сибиркѣ, старый чиновникъ съ

сѣдымъ, плохо выбритымъ подбородкомъ, женщина въ измятой шляпкѣ и при ней испуганная дѣвочка, обдергивающая драповое пальто, изъ котораго давно выросла, двѣ совсѣмъ простыя бабы въ желтыхъ платкахъ и древняя старуха съ серьезнымъ и злымъ лицомъ. Всѣ они были со свертками, кульками, даже бутылками. Сквозь зеленоватое стекло бутылокъ бѣлѣло молоко.

— Въ третье женское?—спросилъ швейцаръ равнодушно, пока Янъ вручалъ ему палку.

— Да. Я знаю... проговорилъ Янъ—и, не поднимаясь наверхъ по лѣстницамъ, которыя шли направо и налѣво, двинулся прямо черезъ швейцарскую.

Вторая дверь грузно стукнула за нимъ. Онъ очутился въ широкомъ и низкомъ сводчатомъ корридорѣ, длинномъ, пустомъ и почти совершенно темномъ. Знакомый, хватающій за горло, запахъ обнялъ его. Онъ, тяжелый и густой, лежалъ неподвижно подъ этими толстыми, сырыми стѣнами. Янъ никогда не зналъ, чѣмъ собственно пахнетъ,— но вездѣ узналъ-бы этотъ запахъ, отъ котораго у него и теперь, какъ всегда, захолонуло на сердцѣ. Запахъ этотъ окружалъ, обнималъ человѣка. Старая капуста вѣчныхъ щей, затхлость подмокшаго, просырѣвшаго древняго кирпича и известки, немытыя тряпки, копоть жестяной лампы, грязь, кровь и потъ человѣческіе—казалось были въ этомъ запахѣ, и только все это слилось въ одно, какъ пронзительные звуки сливаются въ одинъ страшный аккордъ.

Янъ повернулъ направо, прошелъ довольно далеко по корридору и вышелъ къ лѣстницѣ. Лѣстница вся была на виду, широкая, каменная, въ темныхъ пятнахъ, съ огромными пролетами, затянутыми на каждомъ поворотѣ желѣзными сѣтями, точно гигантской паутиной. И свѣтъ здѣсь былъ паучій, сѣрый, туманный. Онъ шелъ съ самаго верху, гдѣ въ потолокъ были вставлены потускнѣвшія стекла.

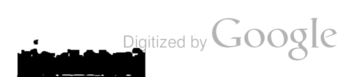
Янъ сталъ подыматься по ступенямъ, около блѣдно-желтой стѣны. Запахъ сдѣлался злѣе. Онъ, вѣроятно, просачивался сквозь стѣну.

Кое-гдѣ, медленно, какъ сонныя мухи, спускались и подымались рѣдкіе посѣтители. Они были молчаливы и тихи—и безмолвіе царило въ сѣромъ полусвѣтѣ. Только порою гдѣ-то, заглушенно, задушенно, точно подъ землей, точно обманъ слуха,—носились звуки, похожіе не то на стонъ, не то на смѣхъ, не то и на смѣхъ и на стонъ вмѣстѣ.

Въ самомъ верху, у плотно запертой двери, стояла молодая, румяная дѣвушка въ платкѣ. Двухлѣтній ребенокъ плакалъ у нея на рукахъ, она утѣшала его торопливо и тихо.

— Что вы? — спросилъ Янъ, прижимая пуговку электрическаго звонка.—Ждете?

— Да, мать вотъ его пришли провѣдать, да не пустили. Тетка,

сестра-то, пошла, а ребенка не пустили. Я съ нимъ и осталась. Я тоже родня.

— Отчего не пустили?

— Кто-жъ знаетъ? Нельзя—да и все тутъ. А ужъ какъ она наказывала! За платье даже хватала—просила. Принесите мнѣ, говоритъ, Ваську. Все равно, говоритъ, помру. А тутъ и не пустили. Скажите вы теткѣ — въ желтомъ платкѣ она — коль увидите, чтобъ скорѣе. Ваську-то не унять.

Дверь отворилась съ ключа и выглянуло осунувшееся лицо горничной въ чепцѣ.

— Можно видѣть Вѣру Зыбину?—проговорилъ Янъ поспѣшно.

Лицо въ дверяхъ скрылось, ключъ щелкнулъ. Но черезъ минуту дверь снова пріотворилась.

— Пожалуйте.

Янъ проскользнулъ въ узкое отверстіе и очутился опять въ сыромъ корридорѣ, болѣе узкомъ и низкомъ, освѣщенномъ рядомъ открытыхъ боковыхъ дверей. Янъ бывалъ тутъ давно, цѣлый годъ, но привыкнуть не могъ, да врядъ-ли и можно было привыкнуть. Теперь, вмѣстѣ съ запахомъ, который здѣсь слегка измѣнился—острѣе пахло людской тѣснотой — его сталъ тревожить шумъ сотни голосовъ, разнообразный, громкій, то жидкій, то густой. Были звуки, не напоминающіе человѣческую рѣчь. Кто-то тонко бранился и спорилъ. Кто-то стоналъ равнодушно и однообразно на букву «э». Въ глубинѣ корридора слышался продолжительный и тоже однообразный, какой-то застывшій, хохотъ. Страннымъ казалось одно: во всемъ смѣшеніи голосовъ — ни одного звука не было веселаго. Во всѣхъ восклицаніяхъ, взвизгиваніяхъ, даже смѣхѣ было что-то особое, очень далекое отъ всякой радости. Сѣрыя фигуры, безконечныя, маленькія и большія, юркія и медленныя, наполняли корридоръ, тѣснясь и толкая другъ друга. Янъ всегда боялся задѣть, обидѣть кого-нибудь, и осторожно пробрался въ боковую комнату, гдѣ вдоль стѣнъ и около деревяннаго стола посерединѣ—стояли длинныя лавки. Окна были и тутъ затянуты рѣшетками. Сѣрыя выштукатуренныя стѣны смотрѣли грязно и холодно. У двери, гдѣ висѣла косая лампа, чернѣло громадное пятно копоти, темныя лапы котораго тянулись почти къ потолку.

Въ комнатѣ было довольно много посѣтителей. Нѣкоторые разговаривали шепотомъ съ приведенными больными, другіе сокрушенно и тупо молчали. Янъ тотчасъ-же замѣтилъ женщину въ желтомъ платкѣ. Ея больная была еще молода, можетъ быть совсѣмъ молода. Рѣдкіе волосы, слегка растрепанные, впавшія щеки и длинный носъ—старили ее. Глаза съ опухшими вѣками, какъ отъ долгихъ слезъ, смотрѣли прямо. Она качалась медленно и безпрерывно и все повторяла, голосомъ, такимъ утомленнымъ, что въ немъ почти не было звука:

— Ваську-то... Ваську-то... Что Ваську-то не принесли... Принеслибы Ваську-то... Ваську...

— Да говорятъ тебѣ, — степенно начинала женщина въ желтомъ платкѣ, — принесли мы Ваську, а его не пустили. Нельзя, говорятъ, такихъ маленькихъ. Вотъ погоди, поправишься, выйдешь...

Больная не слушала, вѣрно и не слышала. Она качалась все такъже и тупо, надорванно и непрерывно повторяла:

— Ваську-то... Ваську-то... Вѣдь я помру... Ваську что не принесли...

Сидѣлка съ деревяннымъ, длиннымъ лицомъ появилась въ дверяхъ и ткнула пальцемъ на Яна.

Тотчасъ-же вслѣдъ за ней показалась небольшая фигурка, закутанная въ коричневый платокъ, и мелкими, торопливыми шагами приблизилась къ Яну. Это была его сестра, Вѣра.

— Ты за мной?—произнесла она быстро, цѣлуя его.

Этотъ вопросъ она повторяла ему каждый разъ, каждый разъ съ новымъ довѣріемъ, прощая ему всѣ прежніе разы и опять, снова думая, что онъ непремѣнно пришелъ за ней, потому-что онъ одинъ у нея есть, онъ одинъ можетъ ее взять, потому-что здѣсь ей жить нельзя.

И каждый разъ Янъ, краснѣя мучительно и тяжело, лепеталъ ей въ отвѣтъ:

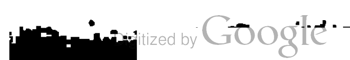
— Видишь-ли, Вѣра... Еще доктора не соглашаются... Но я опять попробую... И черезъ нѣсколько дней...

Тутъ Вѣра презрительно прерывала его, пожимая плечами. Она знала, что онъ лжетъ. И онъ вдвойнѣ страдалъ отъ своей лжи и отъ ея презрѣнія.

— А ты послушай, что тутъ дѣлается,—начала Вѣра быстрымъ, тихимъ голосомъ, какимъ-то совсѣмъ другимъ, здѣшнимъ—и усѣлась съ ногами на лавку, съежилась комочкомъ подъ своимъ платкомъ.

Она похудѣла, сдѣлалась вся вдвое меньше, почернѣла, глаза, безпокойные, потерянные, обнимали коричневые круги. Еще недавно, годъ тому назадъ, она невинно занималась собою, шила себѣ какія-то пестрыя тряпки, завивала волосы. Теперь волосы были едва подобраны и сбоку слегка посѣдѣли, переднихъ зубовъ не хватало, пальцы рукъ опухли на суставахъ и дрожали, точно вывихнутые. Она говорила быстро, съ накипѣвшимъ раздраженіемъ, съ возмущеніемъ.

— Ты можешь себѣ представить, Янъ,—говорила она, близко наклонившись къ брату, — я теперь убѣдилась, что этого ничего нѣтъ. Ничего нѣтъ, а они притворяются, что есть, чтобы мучить. Главное—то важно, что ихъ тоже нѣтъ, а они этого не подозрѣваютъ. Развѣ я виновата, что мое тѣло чувствуетъ? Они пользуются — и мучаютъ. Посмотри, тѣсно, посмотри, идутъ, идутъ, ходятъ... Посмотри, какъ

тѣсно, онѣ бить должны другъ друга, чтобы пройти... Я говорю—пустите, я знаю, у меня домъ есть, я свободный человѣкъ... А они смѣются и говорятъ: ничего тамъ нѣтъ, куда вы еще хотите?..

Янъ слушалъ горячій говоръ сестры и молчалъ. Что ему было говорить?

Чиновница въ плоской шляпкѣ, съ бутылкой молока, долго ждала рядомъ съ Яномъ свою больную и пристально всматривалась въ тѣни, мелькавшія безпрерывно въ корридорѣ. Попрежнему оттуда доносился гулъ, смѣхъ и взвизгиванья, полныя печали. Вдругъ лицо чиновницы, не старое, но поблекшее и забитое, исказилось. Она привстала. Двѣ сидѣлки принесли скорченное существо съ подогнутыми ногами, въ сѣромъ холщевомъ капотѣ, похожемъ на одежду арестантовъ. Никто не угадалъ-бы—ребенокъ это, или старуха. Янъ вглядывался долго и рѣшилъ, что это двѣнадцатилѣтняя дѣвочка. Сидѣлки посадили ее на лавку, все съ подогнутыми ногами, безучастную и молчаливую. Лицо, худое, какъ у черепа, обтянутое темной кожей, выражало нѣмое, окаменѣвшее страданіе. Волосы были острижены подъ гребенку. Маленькая головка качалась на очень длинной, тонкой, какъ стебель, шеѣ, которая выходила свободно изъ широкаго ворота холщевой блузы, слишкомъ широкаго, точно срѣзаннаго, какъ срѣзаютъ рубаху у преступника передъ обезглавленіемъ.

— Нюша моя, Нюшечка, здравствуй!—произнесла чиновница, обнимая дѣвочку.—Что, какъ ты?

Дѣвочка ничего не отвѣчала, даже не посмотрѣла на мать. Сидѣлки ушли, ей, видно, было тяжело на узкой и твердой лавкѣ.

— Нюшечка, молочка попей. Дай я тебя попою,—хлопотала чиновница, съ трудомъ откупорила бутылку, налила въ чашку и стала поить дѣвочку. Она выпила два глотка, потомъ замычала. На черномъ личикѣ ея сильнѣе выступило страданіе.

— Не хочешь, милая? Попей, попей...

— Давно она у васъ такъ-то?—спросила чиновницу баба въ желтомъ платкѣ.

— Четвертый годъ. Да все хуже. Теперь ей ужъ восьмнадцать лѣтъ исполнилось. А видать-ли? Эхъ мы, злополучные!

— Да съ чего она?

— А Богъ вѣсть. Жили мы хорошо. Она заскучала. Къ батюшкѣ ходила. Про Бога все вздумывала. Потомъ въ монастырь захотѣла. Здоровье слабое. И мысли, что-ли, ее одолѣли. Дальше-больше... Тутъ и мы раззорились. Развѣ, если-бъ деньги, отдала я ее въ такое мѣсто? Точно я не знаю. Тутъ совѣсти нѣтъ. Дурное, злое мѣсто. За то они всѣ тутъ святые. Моя-то ужъ и понимать перестала. Собралъ-бы ее Господь поскорѣе!

Вѣра вдругъ прервала свою хлопотливую рѣчь къ Яну и обратилась къ чиновницѣ презрительно надменно:

— Вы о комъ это говорите?—спросила она.

— Я о своей сказала, что если, молъ, ее Богъ соберетъ...

— Богъ? Какой Богъ? Янъ, Янъ! — вдругъ вскрикнула она, вся вздрогнувъ.—Если можешь, возьми меня, уведи меня, освободи! Вѣдь я человѣкъ, я не виновата, что могу мучиться... Если-бъ ты зналъ, какъ они мучаютъ меня! Что я имъ дѣлаю? Я годъ солнца не видѣла... Я дома не была... Посмотри, Янъ, видишь, пальцы распухли: это они меня такъ схватили. Некому жаловаться, вѣдь сумасшедшимъ не повѣрятъ... Янъ, унижаюсь передъ тобой, на колѣняхъ тебя молю, видишь, плачу передъ тобой, возьми, уведи меня, дай мнѣ жить! Янъ, братикъ милый... Если есть въ тебѣ душа...

Она дѣйствительно опустилась на колѣни передъ нимъ, умоляла и плакала. Платокъ упалъ съ плечъ. Голосъ ея становился все громче и перешелъ въ крикъ. Изъ корридора кто-то выглянулъ, потомъ къ Вѣрѣ приблизились двѣ сидѣлки и, наклонившись, схватили ее, та, которая была слѣва—за правую руку, а правая за лѣвую.

Вѣра спотыкаясь, наступая на платье, приподнялась съ трудомъ, какъ приподнимается упавшая лошадь.

— Что это? Убирайтесь вонъ!

— Потише, Вѣра Зыбина. Тутъ посѣтители.

— Пустите меня! Вы не смѣете!—закричала она.

Вошла надзирательница, рыжеватая особа съ начальническимъ видомъ. Она сдѣлала знакъ сидѣлкамъ и онѣ повели, почти понесли куда-то Вѣру. Ея крикъ, разорванный рыданіями, раздался въ общемъ гулѣ корридора и замолкъ. Янъ едва помнилъ, какъ онъ прошелъ сквозь толпу женщинъ въ сѣрыхъ капотахъ съ широкими, точно разрѣзанными воротами, какъ захлопнулись за нимъ двери и гулъ голосовъ оборвался сразу—онъ увидѣлъ себя спускающимся по сѣрой, пахучей лѣстницѣ съ гигантскими тенетами въ пролетахъ, а тяжелый запахъ ползъ за нимъ и сжималъ ему виски. Мокрый воздухъ на улицѣ точно опьянилъ его. Онъ очнулся и пошелъ тише.

IV.

Темносѣрыя небеса висѣли низко. Попрежнему было холодно и туманно. Черный фабричный дымъ ползъ по землѣ и мутной водѣ канала. Все казалось сблизившимся, пространство между землею и небомъ—узкимъ, какъ корридоръ. Чѣмъ дальше двигался Янъ, тѣмъ и людей становилось больше, точно дѣлалось тѣснѣе. Янъ вглядывался въ лица прохожихъ. На лицахъ было выраженіе, далекое отъ всякой радости.

Вдругъ щегольская маленькая коляска на резинахъ обогнала его, чуть не свалила съ ногъ, забрызгала грязью и, пока Янъ вынималъ платокъ изъ кармана, чтобы утереться—коляска неожиданно остановилась. Немного рѣзкій голосъ закричалъ:

— Райвичъ! Это вы, что-ли?

Удивленный Янъ подошелъ ближе и взглянулъ на говорившаго, но узнать его не могъ.

— Ну да, конечно Райвичъ!—продолжалъ тонкій блѣдноватый гвардейскій офицеръ, сидѣвшій въ коляскѣ. Лицо его было длинно, сухо и нервно, немного старообразно. Негустая бѣлокурая бородка слабо курчавилась. Онъ улыбался однимъ угломъ рта, сѣрые глаза были упрямы и быстры.

— Извините,—проговорилъ Янъ медленно,—не узнаю...

— А я сразу васъ узналъ, вы почти не перемѣнились. Садитесь, я васъ довезу,—прибавилъ онъ, отстегивая фартукъ.—Вы гдѣ живете?

— На Васильевскомъ,—машинально проговорилъ Янъ, ступилъ на подножку и вдругъ, увидавъ ближе лицо офицера, улыбнулся радостно и удивленно.—Вы Самохинъ? Теперь и я васъ узналъ.

Офицеръ захохоталъ и ударилъ Яна по плечу.

— То-то, дружокъ! А перемѣнился я? Очень? Вы такой-же, сейчасъ видно... Обрадовался, улыбается... Ну чему вы, собствено говоря, обрадовались? Никогда мы съ вами особенно не дружили. Даже непріятности между нами бывали, помните, а?

И онъ, прищуривъ одинъ глазъ, взглянулъ на Яна сбоку.

Они въѣзжали на Николаевскій мостъ. Сѣрый, плоскій просторъ Невы тянулся въ туманѣ. У береговъ громоздились мокрыя массы барокъ съ дровами, налѣво, дальше, чернѣло неясно тѣло громаднаго броненосца. А люди все спѣшили, шли и ѣхали, толкая и мѣшая другъ другу, потому что имъ было тѣсно.

Яну сразу стало печально отъ словъ и взора Самохина. И знакомое, испуганное чувство, ожиданіе оскорбленія, какъ и прежде, въ училищѣ, сдавило ему сердце. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но промолчалъ.

— Что-же, не помните?—продолжалъ Самохинъ.—Ну, Аллахъ съ вами, тѣмъ лучше. Я тоже радъ, что встрѣтилъ васъ, теперь ужъ будемъ видаться, я не отстану. Что, не вѣрите, что не отстану?

— Отчего вы такъ говорите со мною, Самохинъ?—кротко возразилъ Янъ.

— Э, вздоръ, нетерпѣливо перебилъ Самохинъ.—Вѣчно въ сторону уѣдете. Разскажите лучше о себѣ.

Янъ не умѣлъ говорить кратко. Онъ сталъ разсказывать все, что было съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ они разстались.

— Неужели бабка еще живетъ?—перебилъ его Самохинъ, который слушалъ сдвинувъ брови.

— Да... Она все такая-же... Вотъ мы и пріѣхали... Вы обѣщали зайти ко мнѣ, Самохинъ?

Они стали подниматься по крутой деревянной лѣстницѣ.

— Это вы, Иванъ Ивановичъ?—раздался изъ второй комнаты голосокъ Оли.—А я бабушку молокомъ напоила. Спать она не хочетъ.

Оля весело подбѣжала къ дверямъ, но увидала съ Яномъ незнакомаго офицера, покраснѣла и остановилась.

— Ольга Дмитріевна, это мой товарищъ, Самохинъ,—неловко сказалъ Янъ и тоже покраснѣлъ.

Оля подала руку, но молча и молча-же скользнула вонъ, не побѣдивъ смущенія.

— Кто такая?—спросилъ Самохинъ, входя въ крошечное «зало».

— Здѣшняго хозяина дочь. Когда я ухожу—она смотритъ за бабушкой, и я спокойнѣе. Садитесь, пожалуйста, Самохинъ. Я сейчасъ чаю... Мавра, Мавра!

— Оставьте, сдѣлайте милость. Я сижу, и ничего больше не нужно. Стану я вамъ чай пить! А миленькая дѣвочка,—прибавилъ онъ, помолчавъ, и опять искоса посмотрѣлъ на Яна и улыбнулся вбокъ.—Свѣженькая такая. Признайтесь, Райвичъ, есть тутъ кое-что? А? Ухаживаете? Совсѣмъ влюблены, или еще нѣтъ?

— Послушайте, Самохинъ, — началъ Янъ, слегка поблѣднѣвъ и очень тихо.—Онъ стоялъ прямо передъ его кресломъ.—Вы, конечно, все можете говорить, но я очень прошу васъ, оставьте это со мною. Вы меня не знаете. Я объ этомъ совсѣмъ не могу слушать. Я ненавижу. Если это смѣшно, и вамъ доставитъ удовольствіе смѣяться—смѣйтесь. Но умоляю васъ, лучше не говорите.

— Вонъ вы какой!—протянулъ Самохинъ, переставъ улыбаться.—Впрочемъ, я и думалъ, что вы такой. Только зачѣмъ вы меня умоляете? Вы-бы прикрикнули на меня, если я говорю непріятныя или оскорбительныя вещи. Вѣдь не боитесь-же вы меня?

Янъ отвернулся молча, брови его сжались. Онъ не понялъ, отчего ему больно: отъ обиды, или отъ внезапной, странной жалости къ этому человѣку.

— Э, къ чорту, глупости!—заговорилъ вдругъ Самохинъ другимъ голосомъ, вскакивая съ мѣста.—Теперь я уѣзжаю, когда-же мы увидимся? Знаете, у меня мысль: я васъ повезу въ одинъ домъ. Я тамъ часто бываю. Вы не отказываетесь?

— Отчего-же?—отвѣтилъ Янъ просто и почти радостно.—У меня мало знакомыхъ, но я всегда радъ... Только я держать себя, пожалуй, въ обществѣ не сумѣю. А вамъ зачѣмъ, чтобы я поѣхалъ?

— Вы сами потомъ поймете... Райвичъ, прошу васъ,—началъ онъ мягче и тише.—Я много вздору болталъ, вы не обращайте вниманія. У меня такая привычка, я часто говорю нарочно. А въ этотъ домъ слѣдуетъ поѣхать. Мы теперь съ вами сблизимся, я надѣюсь. И что это я васъ точно упрашиваю?—перебилъ онъ самъ себя.—Вы непремѣнно поѣдете. Когда вы свободны?.. — Боже мой! — прибавилъ онъ, случайно взглянувъ въ дальній уголъ комнаты, у окна.—Вѣдь это бабушка! А я и не замѣтилъ.

Бабушку, при умирающемъ свѣтѣ ненастнаго дня, очень легко было не замѣтить. Она сидѣла на низенькомъ креслѣ, пестромъ, тускломъ, очень старомъ. Крошечное тѣло, костлявое, закутанное въ темныя тряпки, тяжело осѣло, опустилось, и она точно слилась съ кресломъ. За все время она не двинулась, не шевельнула рукой. Въ спокойно-сосредоточенномъ, безучастномъ лицѣ съ невидящими глазами не дрогнулъ ни одинъ мускулъ. Дремала-ли она, глубоко-ли спала, думала-ли о чемъ-нибудь нездѣшнемъ—никто не могъ-бы угадать. Въ онѣмѣлыхъ чертахъ попрежнему была важность, торжественность смерти.

— Мы ей не помѣшали нашими разговорами?—спросилъ Самохинъ съ какой-то робостью.

— О, нѣтъ, спокойно отвѣчалъ Янъ.—Вѣдь она, вѣроятно, давно ничего не слышитъ.

Самохинъ все-таки притихъ, молча простился съ Яномъ и вышелъ.

V.

Вѣтеръ стихъ, облака поднялись выше, въ воздухѣ опять потеплѣло, наступили послѣдніе лѣтніе дни. Даже вечерами не было очень холодно, листы на деревьяхъ еще желтѣли недружно и шумѣли привѣтливо. Часто Янъ, проходя послѣ небольшого дождя по своему проспекту, удивлялся деревьямъ, ростущимъ здѣсь за сѣрыми заборами палисадниковъ. Онъ не зналъ, какъ называются эти деревья, но они и въ серединѣ августа, особенно послѣ дождя, пахли ранней весной. Въ садикѣ передъ его домомъ тоже были эти деревья съ черными, крѣпкими сучками и пышной листвой.

Уже вечерѣло, когда Янъ сошелъ въ садикъ. Солнце не закатилось, но небеса поблѣднѣли. Въ садикѣ было сыровато, пахло волглой корой древесной и настурціями. Воздухъ, совсѣмъ теплый, остывалъ медленно. Съ улицы, изъ-за высокаго забора, доносился привычный, не очень громкій, стукъ колесъ и звонки конокъ.

Въ деревянной бесѣдкѣ сидѣла Оля. Въ теплые вечера она и Янъ часто просиживали вечера въ садикѣ.

Оля была милая, простая дѣвушка съ хорошимъ характеромъ. Отецъ

отдалъ-было ее въ модную гимназію, но она вышла не кончивъ. Ее влекло домашнее дѣло, котораго всегда было по горло. Она давно любила Яна, не задумываясь ни надъ своей любовью, ни надъ тѣмъ, за что она его любитъ.

— Вы тутъ, Оля?—спросилъ Янъ.

— Да. Сейчасъ послѣ обѣда пришла. Видите, какъ тепло. И пахнетъ славно... Не знаю, что и дѣлать-бы безъ садика. Тутъ только и живешь.

— Не все-ли равно, Оля? И надъ улицей небо.

— Господи! Какой вы странный, Иванъ Ивановичъ! А деревья? А цвѣты? Да вѣдь это все живое... Позапрошлое лѣто я гостила въ деревнѣ, такъ вотъ рай! Мотыльки бѣлые въ полѣ, роща на солнцѣ такъ и сквозитъ, въ оврагѣ рѣчка лепечетъ. А кашка, одуванчики! Я все хожу, бывало—и надышаться не могу, такъ-бы и жилъ вѣчно съ ними.

— Я тоже бывалъ въ деревнѣ, тогда-же, позапрошлымъ лѣтомъ, еще съ Вѣрой и бабушкой... И мнѣ это все нравилось, а потомъ я бояться сталъ.

— Чего?—спросила Оля и разсмѣялась.

— Да такъ... Это трудно вамъ объяснить... Всего сталъ бояться.

— Травы испугались, цвѣтовъ, рѣчки? Какой вы смѣшной! Я вотъ темноты боюсь, это правда. Потому-что не знаешь, что тамъ въ темнотѣ. А вотъ этой липы, напримѣръ, нельзя-же бояться. Вижу, что липа, со всѣхъ сторонъ вижу и знаю ее.

— А какъ вы ее знаете?

— Да вижу, глазами вижу! А мало—такъ пойду, да пощупаю. Что это вы, право, шутить хотите, что-ли?

— Видите, Оля, я, можетъ, дѣйствительно странный. Я и пощупаю, а мнѣ все мало. Все я не убѣжденъ. А какъ еще иначе убѣждаться? Иначе нельзя. И вотъ я ее, липу, не знаю, какая она въ самомъ дѣлѣ, и не то что боюсь, а такъ, непріятна мнѣ она иногда.

Оля сдѣлалась серьезна, почти грустна и молчала, видимо не понимая.

— Вотъ вы купаться ходили,—продолжалъ Янъ,—вѣрно видѣли свое лицо въ водѣ. Видѣть можно, а попробовали пощупать? Все и разлетѣлось.

— Такъ что-жъ? Я знаю, что это не я сама, а въ водѣ отраженіе.

— Вотъ еслибъ мы липу тоже... не пощупали, а какимъ-нибудь другимъ способомъ постарались узнать, какимъ-нибудь, совсѣмъ небывалымъ у людей, чувствомъ—вдругъ-бы она тоже разлетѣлась, а? Вдругъ она тоже отраженіе? И вы тоже?

Оля съ глубокимъ испугомъ посмотрѣла на Яна. Ей показалось, что онъ шутитъ съ нею. Она вдругъ покраснѣла и замолчала.

Янъ растерялся. Онъ взялъ Олю за руку.

— Что вы, Оля, милая, я васъ обидѣлъ? Я что-нибудь дурное сказалъ? Вѣдь вотъ, говорилъ я, что это трудно объяснить. Развѣ обидно, если я скажу, что чего-нибудь не знаю?

— Иванъ Ивановичъ, умоляю васъ, бросьте думать. Такъ нехорошо. Такъ вы никого не будете любить. И меня не будете... А я васъ... Я-то васъ какъ люблю... Въ огонь, въ воду за васъ пойду... Всей душой васъ люблю.

Въ глазахъ ея стояли слезы. Онъ обнялъ ее одной рукой и прижалъ къ себѣ. Что-то истинное, достиженіе недостижимыхъ предѣловъ, почудилось ему въ горячихъ словахъ Оли. Янъ никогда не думалъ о любви и не думалъ, что въ ней можетъ быть твердое, настоящее, то—чего онъ нигдѣ не видѣлъ. Ему показалось, что и онъ любитъ, и что тутъ спасеніе. Онъ обнялъ Олю тѣснѣе и крѣпче, чувствовалъ ея тепло, ея дыханье, не замѣчая цѣловалъ ея тонкіе волосы, руки, и ему было хорошо. Оля прижималась, льнула къ нему. Еще не совсѣмъ стемнѣло, небеса мерцали высокія и прозрачныя. Отъ деревьевъ съ крѣпкими, черными сучками пахло весной. Янъ наклонился и взглянулъ въ Олино лицо. Оно было красиво, томно и безмысленно. Глаза затуманенные, съ полуопущенными вѣками, никуда не смотрѣли. Янъ вздрогнулъ. Онъ понялъ, откуда Олина любовь, и куда она идетъ. Сила, возвращающая въ тотъ-же тѣсный, навсегда непонятный кругъ. Это бѣлые мотыльки надъ нивой, это береза, роняющая серьги, это стрижи въ предзакатнемъ небѣ, это кленъ, отдающій вѣтру свои сѣмена... Это та мучительная цѣпь, безъ конца и начала, которую можно ненавидѣть, которой можно бояться, можно любить, если понять,—но нельзя не страдать отъ нея.

Оля не замѣтила его движенія. Янъ хотѣлъ сказать ей что-то, но почувствовалъ, что нельзя. Онъ долженъ былъ оскорбить ее этимъ словомъ до сердца, и выхода не было. Онъ не могъ никого оскорблять. Нельзя никого оскорблять, потому боль оскорбленія тяжелѣе всего, что есть въ мірѣ. Онъ не выдержалъ, упалъ на землю, на колѣни передъ скамейкой, и зарыдалъ отъ боли и жалости. А Оля стояла надъ нимъ недоумѣвающая, любящая, и не знала, что ей дѣлать.

VI.

Райвичъ и Самохинъ мягко катились въ щегольской пролеткѣ по набережной.

День былъ прохладный, прозрачный, золотой и звонкій, какіе бываютъ только въ самомъ концѣ сентября. Вдоль сырыхъ аллей, солнечныхъ теперь, когда полураздѣтая роща сквозила, лежали мягкія, пушистыя

кучи листьевъ. Это опадали клены, и листья были и блѣдножелтые, и красные, какъ макъ, и нѣжно-розоватые. Закутанныя дѣти играли въ опустѣвшихъ аллеяхъ парка и бѣгали, шурша листьями. Тонкая, блестящая паутина медленно плавала въ воздухѣ, рѣдкомъ и остромъ. Дыханье стынущей воды шло съ рѣки.

— Сейчасъ пріѣдемъ, проговорилъ Самохинъ невесело, слегка грубовато.—Домъ за поворотомъ. Вы удивляетесь, что Бѣлозерскіе еще на дачѣ? Они всю зиму живутъ на Крестовскомъ. Не любятъ города. Дача у нихъ своя, прекрасная... Семья небольшая. Отецъ, — генералъ, — и дочь. Живутъ очень хорошо, но замкнуто. Стой, стой! Заперты ворота— и отлично!

Самохинъ ловко соскочилъ у калитки. Дача, теперь, среди полуоблетѣвшихъ деревьевъ, смотрѣла холодно и безжизненно.

Молчаливый лакей встрѣтилъ ихъ въ передней. Онъ провелъ гостей въ небольшую комнату съ пушистымъ ковромъ и темнокрасной, низкой мебелью. Янъ сѣлъ въ полукруглое кресло. Самохинъ нѣсколько разъ нетерпѣливо прошелся по ковру.

— Подождите здѣсь, сказалъ онъ Яну.—Навѣрно лакей не доложилъ, какъ слѣдуетъ. Я разузнаю.

Онъ поспѣшно вышелъ, Янъ остался одинъ.

Въ комнатѣ было не очень свѣтло: единственное венеціанское окно, широкое, но полускрытое тяжелой темной занавѣсью, выходило въ садъ. Виднѣлись обнаженные сучья деревьевъ, тонкіе прутья высокихъ кустовъ. Янъ близорукими глазами неясно различалъ предметы въ углахъ комнаты. Однообразный темнокрасный цвѣтъ утомлялъ его. Окно было налѣво, а почти прямо передъ нимъ, вдали, въ глубинѣ комнаты, тоже, казалось ему, было либо закрытое окно, либо другая дверь, потому-что и тамъ нависали складки темной драпировки. Но Янъ смотрѣлъ вглубь безъ мыслей объ окружавшихъ его предметахъ. Ему было все равно, темно или свѣтло въ комнатѣ, ему не казалось скучнымъ и ждать. Сначала онъ думалъ о Самохинѣ, о томъ, какой онъ странный, отчего онъ, послѣ первой встрѣчи, когда былъ особенно ласковъ, не пріѣзжалъ цѣлый мѣсяцъ, потомъ вдругъ явился и сразу привезъ въ незнакомый домъ. А онъ, Янъ, который рѣдко бываетъ въ гостяхъ, согласился и поѣхалъ. Янъ, впрочемъ, смутно сознавалъ, что уже не можетъ ни въ чемъ отказать Игнатію Самохину.

Но эти мысли недолго занимали Яна. Мало-по-малу, успокоенный тишиной, онъ впалъ въ оцѣпенѣніе, не дремоту и не бодрствованіе, когда онъ едва ощущалъ жизнь и почти совсѣмъ не ощущалъ себя. Съ нимъ бывали такія минуты, онъ не замѣчалъ времени и, когда его окликали, онъ просыпался сразу, точно приходилъ откуда-то. И онъ любилъ эти мгновенія и никогда не противился имъ.

Теперь онъ тоже не замѣтилъ, сколько времени прошло. Вѣроятно не мало, ибо въ комнатѣ еще потемнѣло. Но Янъ возвратился къ жизни и сознанію вдругъ, какъ отъ толчка, приподнялся въ креслѣ и близорукими глазами сталъ смотрѣть прямо, въ глубь комнаты, гдѣ темнѣла драпировка. Онъ думалъ, что тамъ закрытое окно, альковъ,—но теперь онъ увидѣлъ подъ складками драпировки женскую фигуру во весь ростъ. Янъ смотрѣлъ безмолвно, не спуская глазъ, точно боясь, что видѣніе пропадетъ. Она, стоявшая тамъ женщина, была похожа на видѣніе, такъ беззвучно она появилась, такъ неподвижно стояла—и, казалось, стояла въ стѣнѣ, тамъ, гдѣ нельзя было стоять, гдѣ,—теперь Янъ видѣлъ,—не было никакой двери.

Гладкое черное платье охватывало ея худощавый станъ. Очень темные волосы, слегка пышные, были откинуты назадъ съ бѣлаго, узкаго, но высокаго лба. Брови сходились надъ переносьемъ, что придавало неизмѣнную строгость, даже надменность ея совершенно блѣдному, прекрасному лицу. Лицо было именно прекрасно: его нельзя было-бы назвать ни красивымъ, ни привлекательнымъ. Сѣрые глаза смотрѣли на Яна прямо, въ упоръ. Что поразило его въ этомъ лицѣ, Янъ не зналъ. Но онъ смотрѣлъ, не смѣя встать. И вдругъ дѣвушка въ темномъ платьѣ сразу, такъ-же беззвучно, какъ появилась, исчезла, точно скользнула куда-то назадъ, далекая красная занавѣсь заколебалась. Янъ вскочилъ съ низкаго кресла, сдѣлалъ шагъ впередъ—и вдругъ остановился и понялъ: комната неожиданно кончалась, глубина стерлась, передъ нимъ было громадное зеркало, задрапированное сверху, отражавшее всю комнату, темно-красную мебель и противоположную дверь, въ которую Янъ вошелъ и къ которой все время сидѣлъ почти спиной. Незнакомая дѣвушка стояла, вѣроятно, за нимъ, на порогѣ этой двери, пока онъ смотрѣлъ на нее въ зеркало. Янъ подошелъ ближе къ зеркалу, стараясь не видѣть себя, и дотронулся до его поверхности. Стекло было гладкое, ясное и холодное, и въ немъ съ той-же отчетливостью, какъ за минуту передъ тѣмъ фигура дѣвушки — отражались теперь мертвые и неподвижные предметы.

VII.

— Вотъ онъ, здѣсь! услышалъ Янъ голосъ Самохина за дверью и обернулся.—Самохинъ входилъ необычайно развязно, что къ нему шло, весело, подъ руку съ сѣдымъ старикомъ высокаго роста въ отставной генеральской формѣ, безъ погоновъ. Лицо старика было добродушно, открыто и лѣниво.

— Другъ мой, школьный товарищъ, Иванъ Ивановичъ Райвичъ,—отрекомендовалъ Игнатій Яна.—Прошу любить и жаловать. Помните, я вамъ говорилъ про него, Михаилъ Васильевичъ?

— Да, да, привѣтливо сказалъ Бѣлозерскій, и улыбнулся, хотя видно было, что онъ ничего не помнитъ.—Очень радъ, молодой человѣкъ.

— Я тоже радъ, проговорилъ Янъ, пожимая руку генералу, который ему сразу понравился. Я давно хотѣлъ... Игнатій Николаевичъ мнѣ говорилъ.

Игнатій громко расхохотался. Янъ, который началъ было ясно и весело улыбаться, совсѣмъ замолкъ, притихъ.

— Да гдѣ-же Раиса?—произнесъ генералъ озабоченно.—Раиса!

Они усѣлись въ углу комнаты, у стола. Дверь скрывалась за трельяжемъ. Янъ невольно опять обратилъ глаза къ зеркалу.

Онъ увидѣлъ, какъ мелькнула тамъ тѣнь Раисы, дѣвушки въ черномъ платьѣ, и тотчасъ-же она подошла къ нимъ живая, со сжатыми тонкими бровями на блѣдномъ лицѣ, съ необычайной надменностью и суровостью, выражавшейся во всемъ ея существѣ, даже въ крѣпко-стиснутыхъ, маленькихъ, худощавыхъ рукахъ. Только ростомъ она была ниже, чѣмъ показалась Яну въ зеркалѣ.

Игнатій тотчасъ-же вскочилъ и началъ:

— Позвольте вамъ представить, Раиса Михайловна...

Раиса даже не взглянула на Яна, со скучающимъ, брезгливымъ видомъ повела плечами и опустилась въ кресло. Игнатій осѣкся на полусловѣ. Янъ стоялъ растерянный.

— Чѣмъ мы прогнѣвили сегодня Раису Михайловну? — началъ Игнатій, обращаясь къ старику и усиливаясь говорить насмѣшливо и задорно.

— Не знаю-съ, не знаю,—торопливо отвѣтилъ тотъ и поднялся съ кресла.—Извините, Игнатій Николаевичъ, я выѣхать собирался, лошадь подаютъ. Я еще васъ найду здѣсь съ вашимъ другомъ, неправда-ли? Обѣдаемъ мы въ семь...

И, не ожидая отвѣта, онъ торопливо вышелъ. Онъ боялся сумрачнаго лица дочери. Добродушіе у него было слишкомъ мирное. Игнатій не выдержалъ и крикнулъ ему вслѣдъ:

— На всякій случай—прощайте, Михаилъ Васильевичъ. Случиться можетъ, что мнѣ безъ васъ и отъ дома откажутъ за неизвѣстныя провинности.

Выкрикнулъ онъ это особенно смѣло и громко, но сейчасъ-же перемѣнилъ выраженіе лица и поблѣднѣлъ. Раиса смотрѣла на него въ упоръ.

— Мое настроеніе отъ васъ не зависитъ,—проговорила она медленно. Голосъ у нея былъ ровный, слегка глуховатый, точно она его умѣряла на половину. — Вы никакихъ «провинностей» передо мной имѣть не можете. Возбуждать-же мою... досаду, такъ, легкую, проходящую, вы можете, и, признаюсь, злоупотребляете этой способностью. Ваши насмѣшки всегда неостроумны. Я знаю, что вы привезли сюда

этого молодого человѣка съ какими-то особыми планами, и нахожу, что это уже выходитъ изъ границъ плоской шутки.

Янъ весь вспыхнулъ и поднялъ на Раису умоляющій взоръ, не понимая. Самохинъ приподнялся съ кресла. Глаза его были такъ злы, что, казалось, онъ ударитъ Раису. Но вдругъ онъ улыбнулся, судорожно и жалко.

— Что съ вами, Раиса Михайловна? Ради Бога успокойтесь... Я не зналъ, что мои невинныя шутки... А Янъ... Вотъ этотъ молодой человѣкъ... Спросите его, пріѣхалъ-ли онъ сюда съ радостью, или нѣтъ? Онъ не привыкъ къ обществу, но любитъ его, и то, что я ему доставилъ случай...

— Я въ самомъ дѣлѣ очень радъ, осмѣлился вставить Янъ. — Игнатій Николаевичъ былъ такъ добръ привезти меня... А шутки его, право, вовсе не обидны, прибавилъ онъ вдругъ такимъ чистосердечнымъ и умоляющимъ голосомъ, что Раиса подняла слегка изумленные глаза, какъ-будто увидала Яна въ первый разъ.

— Не обидны? повторила она.

Янъ подхватилъ, вдругъ воодушевившись:

— Совсѣмъ нѣтъ! Знаете, я вамъ скажу откровенно... Вы простите, что я такъ съ вами сразу, но я почувствовалъ, что съ вами иначе нельзя... Я вамъ скажу — у меня ужъ эта мысль была, насчетъ его насмѣшекъ, то-есть очень смутно была, я, можетъ-быть, только сію минуту и созналъ вполнѣ, что она была. Игнатій всегда со мной... не то что насмѣшки, а такъ, точно злость свою на мнѣ хочетъ сорвать. И оскорбляетъ... Но онъ не на меня золъ, а на себя, и когда оскорбляетъ, ему легче... Я какъ-то это вдругъ понялъ, и сразу ему все простилъ, и прежнее, и будущее... Внутрь человѣка надо смотрѣть... Вы, вотъ, сердитесь, а я нѣтъ... Я отъ оскорбленій людскихъ вообще— весь страдаю, точно меня жгутъ, а отъ него —нѣтъ, пусть и насмѣшки, я его жалѣю, я...

Онъ не договорилъ. Его схватила за плечо цѣпкая и сильная рука Самохина. Янъ увидѣлъ близко искаженное отъ бѣшенства лицо своего друга.

— Замолчите, вы... проговорилъ онъ медленно и тихо, сквозь зубы.

Раиса поднялась съ кресла, отвела руку Самохина и сказала ему такъже тихо:

— Вы забываетесь. Ступайте вонъ.

VIII.

Когда Игнатій вышелъ, первымъ движеніемъ Раисы было налить стаканъ воды и дать его Яну. Онъ былъ такъ блѣденъ, что Раиса боялась, не дурно-ли ему.

— Пейте, сказала она громко и строго.—Не доставало еще, чтобъ вы въ обморокъ упали.

Янъ отпилъ воды—и заговорилъ торопливо, все еще возбужденный и точно боясь, что ему не дадутъ высказаться.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего... Вы напрасно такъ на Игнатія... Конечно, больно, но и ему должно быть очень больно. Когда оскорбляютъ—знаете, за двухъ больно, и за того, и за другого. А Игнатій еще особенный. Я, въ самомъ дѣлѣ, опрометчиво поступилъ, что при немъ началъ и сказалъ, что жалѣю его. Никогда себѣ не прощу. Ой, какъ это нестерпимо, когда изъ-за тебя кому-нибудь тяжело! Но я не могъ удержаться, мнѣ очень хотѣлось вамъ сказать, что вы ошибаетесь, когда сердитесь на Игнатія, я зналъ, что вы это поймете.

— Какъ вы знали? Въ первый разъ меня видя?

— Не въ первый разъ. Я васъ видѣлъ раньше. Вы входили въ комнату—на порогъ только—и я увидѣлъ ваше отраженіе въ зеркалѣ. Я не зналъ, что это отраженіе, я думалъ, что это вы сами. Вы были совсѣмъ живая, я даже могу вообразить, что вы—это отраженіе, а настоящая вы—вонъ тамъ, въ зеркалѣ...

Онъ обернулся — она точно стояла тамъ, какъ живая, чуть-чуть строгая, чуть-чуть улыбающаяся, невольно, потому что слишкомъ много было въ голосѣ этого блѣднаго человѣка съ близорукими глазами искренняго восхищенія.

— Знаете,—воскликнулъ Янъ съ изумленіемъ и ужасомъ, какъ-будто внезапная мысль ослѣпила его,—знаете, я понялъ: онъ васъ любитъ! Теперь все ясно, и жалко, совсѣмъ жалко его! Какъ я раньше не угадалъ! Онъ любитъ, потому что вы — необычайная, прекрасная, васъ нельзя не любить!..

Она вспыхнула, но сейчасъ-же опомнилась.

— Пожалуйста, прекратимъ это, произнесла она ледянымъ тономъ.—Повѣрьте, мнѣ очень непріятно поведеніе господина Самохина въ моемъ домѣ. Но я надѣюсь, что все возможно поправить. Извините, я васъ оставлю, чтобы написать записку. Папа скоро пріѣдетъ.

Она ушла и восторгъ Яна стихъ, въ душѣ что-то закрылось, замерло. Онъ даже не могъ ни о чемъ думать, ему было холодно и руки дрожали.

Пріѣхалъ отецъ, а потомъ, передъ самымъ обѣдомъ, къ удивленію и радости Яна; Игнатій Самохинъ. Раиса перевела глаза въ его сторону и кивнула головой. Игнатій былъ блѣднѣе обыкновеннаго, но держалъ себя точно ничего не случилось, былъ веселъ и остроуменъ. На Раису онъ почти не смотрѣлъ. Она совсѣмъ замолчала, не говорила и съ Яномъ. Когда гости прощались, Раиса кивнула въ сторону Яна и произнесла, едва разжавъ зубы:

— Заходите. Будемъ рады.

Это послѣднее слово опять переполнило Яна радостью, а онъ совсѣмъ было затихъ, готовый покориться и тому, что видитъ ее въ послѣдній разъ.

Осенняя, черная, сырая и вѣтренная ночь встрѣтила Игнатія и Яна на крыльцѣ. Рысакъ застоялся и билъ землю копытомъ. Они помчались по аллеямъ. Кое-гдѣ мелькали огоньки, далеко, за рѣкой. Оттуда неслось еще болѣе холодное дыханье воды. Янъ очень озябъ. Они молчали. Наконецъ, Самохинъ обернулся—Янъ едва замѣтилъ это движеніе—и опять, какъ тогда, процѣдилъ сквозь зубы:

— Вы видите теперь, какая это дѣвушка, вы видите, какъ она...

— О, я все, все понимаю!—воскликнулъ Янъ и даже руки сложилъ.—Хотите вѣрьте, Самохинъ, хотите нѣтъ,—но я невыразимо страдаю за васъ, я понимаю, что вы ее не можете не...

— Молчать!—вдругъ закричалъ Игнатій визгливо, сорвавшимся голосомъ.—Будете-ли вы молчать, о, Господи!

Въ этомъ послѣднемъ «о, Господи» было столько муки, что Янъ застылъ, замолкъ, прижался въ уголъ коляски и уже не произнесъ ни слова. Мутная жалость давила ему сердце, а передъ глазами, сквозь весь хаосъ мыслей, безпорядочныхъ, полусознаваемыхъ, стоялъ образъ надменной дѣвушки, отраженный въ ясномъ, звонко-холодномъ стеклѣ.

IX.

Игнатій и Янъ шли вмѣстѣ по Большой Морской. Послѣднее время Игнатій почти безпрестанно бывалъ у Яна, точно уже не могъ безъ него обходиться. Къ Бѣлозерскимъ они тоже ѣздили вмѣстѣ. На не въ мѣру злыя, особенно злыя при Раисѣ, шутки Самохина—Янъ отвѣчалъ почти всегда молчаніемъ. Былъ всего двѣнадцатый часъ дня и воскресенье. Янъ намѣревался къ часу попасть въ больницу къ сестрѣ. Игнатій былъ особенно золъ и молчалъ. Утромъ шелъ мокрый снѣгъ, на улицѣ было тускло и грязно.

— Здравствуйте! Куда вы спѣшите?—окликнулъ товарищей голосъ, который они тотчасъ-же узнали и остановились.

У тротуара стояла легкая двухмѣстная пролетка, въ которой обыкновенно пріѣзжала въ городъ Раиса. У нея была компаньонка, старая англичанка, но Раиса всюду ѣздила одна и старуха почти не покидала своей комнаты. И теперь въ пролеткѣ сидѣла только Раиса, вся въ черномъ, по обыкновенію, и улыбалась. Она очень рѣдко улыбалась и улыбка не шла къ ней, хотя зубы были ровные, немного крупные, тѣсные и очень бѣлые.

— Я пріѣхала кое-зачѣмъ въ городъ и сейчасъ отправляюсь домой.

Что это, вы не въ духѣ, Самохинъ? — вскользь замѣтила она. Такъ я ѣду сейчасъ. Хотите, поѣдемте со мной, Иванъ Ивановичъ?—вдругъ обратилась она къ Яну.—Пообѣдаете у насъ. Идетъ?

Янъ растерялся отъ ея непривычной привѣтливости и молчалъ. Самохинъ заговорилъ:

— Прошу васъ, Раиса Михайловна, позвольте поѣхать съ вами мнѣ. У меня есть неотложное дѣло... мнѣ необходимо сказать вамъ нѣсколько словъ. Я хотѣлъ пріѣхать сегодня самъ.

— О, это лишнее! Я не расположена слушать дѣловые разговоры. Вамъ придется отложить поѣздку. Я приглашаю съ собой Ивана Ивановича, а не васъ. Такъ мнѣ угодно.

Она подвинулась, дѣлая знакъ Яну сѣсть съ ней рядомъ.

— Раиса Михайловна, — началъ Игнатій отрывисто. — Это очень серьезно. Вы меня заставите думать, что у васъ ко мнѣ нѣтъ уваженія. Или... или вы слишкомъ капризны въ своихъ внезапныхъ желаніяхъ,—прибавилъ онъ, дурно улыбаясь.—Вы, Янъ, уйдите пожалуйста. Еще тутъ будете мѣшаться! Во всякомъ случаѣ, мнѣ нужно поговорить съ Раисой Михайловной.

Брови Раисы сдвинулись. Самохинъ отступилъ, вдругъ замолкнувъ.

— Вы нездоровы, Самохинъ,—проговорила она тихо.—Мнѣ васъ жаль. Думайте все, что ходите. Садитесь, Иванъ Ивановичъ. Андрей, домой..

Янъ замиралъ отъ ужаса. Онъ не посмѣлъ и оглянуться на оставшагося Игнатія. Онъ думалъ, что у него теперь особенно больное, ужасное лицо.

Нѣсколько минутъ они ѣхали молча. Наконецъ, Янъ поднялъ глаза и встрѣтился съ пристальнымъ взоромъ Раисы.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали? спросилъ онъ ее съ робкимъ укоромъ.

— Что сдѣлала?

— Игнатія обидѣли. Это очень нехорошо.

— Вы не желали ѣхать со мною?—спросила она рѣзко.

— Я не про то. Вы его-то обидѣли. Его особенно нельзя обижать. И вообще нельзя.

— Почему это? — спросила она съ надменностью:—Бросьте ваши пустяки и знайте, что обижать ничуть не плохо. Каждый за себя: Чѣмъ чаще «обижаешь», какъ вы говорите, другихъ—тѣмъ, значитъ, ты сильнѣе. А сила—все. Впрочемъ, я прекращаю это. Скучно.

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ!—воскликнулъ Янъ.—Ради Бога! Дайте мнѣ вамъ сказать. Это такъ просто. Вамъ больно, когда васъ оскорбляютъ?

— Да, больно.

— Очень больно? Больнѣе, чѣмъ всякое другое горе?

— Да.

— И мнѣ, и другому, и еще другому... Но вы мое оскорбленіе не можете чувствовать, мою боль... Вы только свою. А я вашу или другого, могу чувствовать, почти какъ свою. Это что значитъ? Это значитъ, что у насъ съ вами души различны, у меня больше воспринимаетъ, а у васъ иная душа, у нея уже кругъ воспріятія, она не достигаетъ...

— Что вы говорите...

— Вотъ какъ глаза близорукіе. Предметъ есть—но человѣкъ его не видитъ, потому что онъ въ узкомъ кольцѣ только видитъ,—ну и не можетъ, конечно, имъ, предметамъ, радоваться или печалиться. Чувствовать себя, свою боль—это первоначально. А понять боль другого—это очень трудно и тонко, этого животныя никогда не могутъ. И людямъ трудно, я часто безсознательно, не желая... Боже мой, что это я? Простите, не слушайте, я глупости... Я къ тому это говорю, что вотъ Игнатій... Ему больно.

— Скажите, опять рѣзко прервала его Раиса,—вы очень любите Игнатія Самохина?

— Я... люблю,—отвѣтилъ Янъ.—Почему вы меня спрашиваете?

— Потому что я не понимаю, какъ можно допускать себя до такого униженія, слушать и терпѣть покорно то, что вы терпите отъ этого человѣка. Вы говорили, что чувствуете боль оскорбленія. Вѣдь онъ оскорбляетъ васъ! И вы молчите... Мнѣ стыдно, стыдно... Или вы его боитесь?

Глаза ея блестѣли, прекрасное лицо было гнѣвно.

— Я вамъ скажу сейчасъ, — проговорилъ Янъ. — Вы не знаете Игнатія! Если я ему не позволю меня оскорблять, ему будетъ больнѣе чѣмъ мнѣ, если я позволю. Я знаю, что будетъ больнѣе. Я не могу, чтобы онъ страдалъ, не могу для себя, для васъ...

Раиса вздрогнула, она поняла больше, чѣмъ быть можетъ понималъ самъ Янъ. Но Янъ не замѣтилъ и продолжалъ:

— Вся жизнь его—сплошь—страданіе. Я понялъ это съ давнихъ поръ. Онъ вездѣ конца ищетъ, — добавилъ Янъ,—и мучается, что нѣтъ конца.

— Какого конца? Я думала объ этомъ, но скажите вы.

— Все равно какого. Въ чемъ нибудь. Нити тянутся, тянутся, а мы только нити видимъ, а концы спрятаны... не здѣсь. Здѣсь только «больше» и «меньше», а онъ, Игнатій, хочетъ увидать большое и малое—все. Въ какую-нибудь сторону дойти. Я ему необходимъ. Онъ меня оскорбляетъ и невольно дальше идетъ, добиваетъ, все къ «концу» ведетъ, все надѣется. И пусть надѣется. Жаль его! Надо это, — то-есть, что конца нѣтъ—понять и покориться, въ иную сторону взглянуть, а онъ не можетъ... А вы еще сами его оскорбляете!

Раиса сидѣла, опустивъ глаза. Лицо ея было серьезно и сосредоточенно.

— Знаете? Я скажу — такъ и быть. Я сама прежде объ этомъ «концѣ» думала. Я была еще совсѣмъ дѣвочка. И все хотѣла сдѣлать что-нибудь великое, но такое... безпримѣрное. А потомъ вижу, что не могу—и думаю: дай что-нибудь дурное сдѣлаю, но очень, очень дурное, до дна дурное... Вѣдь все равно, лишь-бы до дна... У меня была сестренка маленькая, годовалая, любила меня... Я взяла ее на руки, пошла по лѣстницѣ, разжала руки—она упала по ступенькамъ внизъ.

— Господи!—воскликнулъ Янъ внѣ себя, со слезами въ голосѣ.— Господи, что это? Что вы сдѣлали? Да какъ вы смѣли?

Онъ забылся, схватилъ Раису за одежду, почти кричалъ:

— Ребенка! Дѣвочку маленькую! А она, вѣрно, и пошла-то къ вамъ улыбаясь, вѣрила вамъ, и руками за васъ не держалась... Какія бываютъ у нихъ ручки: круглыя, съ ямочками, съ глубокой складочкой у кисти, точно ниточкой перевязано... Она вѣрила и за то должна головой... головой по ступенькамъ... Какъ вы могли изъ-за лжи, изъ-за того, что слѣпы и буйны люди...

— Успокойтесь пожалуйста, — произнесла Раиса холодно.—Сестра моя не расшиблась, она лѣтъ черезъ пять послѣ того умерла отъ дифтерита. А вотъ, кстати, мы и пріѣхали. Милости просимъ.

X.

Въ тотъ же вечеръ Самохинъ сидѣлъ въ комнатѣ Яна. Ранній ноябрьскій сумракъ давно наступилъ, горѣла низенькая лампа подъ зеленымъ колпакомъ, въ сосѣдней комнатѣ спала бабушка. Ольга ее сама накормила и уложила, какъ всегда по воскресеньямъ.

— Что, еще не вернулся Иванъ Ивановичъ?—спросила она осторожно, просунувъ голову въ дверь.

— Нѣтъ.

— Ахъ, это вы!—протянула Оля, увидѣвъ Самохина. Она его не любила.

— Ольга Дмитріевна, зайдите на минутку,—позвалъ Самохинъ.— Мнѣ нужно сказать вамъ два слова.

Дѣвушка неохотно вошла и притворила за собой дверь.

— Присядьте, не дичитесь. Увидите, скажу важное. Вы думаете, почему Янъ такъ долго не возвращается?

— Ума не приложу, — вдругъ безпокойно заговорила Ольга. — Пріемъ въ больницѣ кончается въ четыре, а теперь седьмой. И не обѣдалъ онъ... Просто не знаю.

— Вы думаете, онъ у сестры?

— А гдѣ-же? Сегодня воскресенье.

— Онъ въ больницѣ и не былъ. Его при мнѣ посадили и увезли, кое-кто подороже сестры! Я зналъ, что его нѣтъ, я пришелъ сюда съ вами говорить, а не съ нимъ.

Ольга сидѣла блѣдная, какъ смерть, безъ словъ.

— Да вы не пугайтесь, — продолжалъ Самохинъ.—Только вамъ надо знать, что его ждетъ величайшее горе, если онъ не станетъ себя иначе держать, не пойметъ, гдѣ его мѣсто. Дѣвушка она безсердечная, злая, къ тому-же богатая и гордая. Янъ для нея—ничто.

— Она его не любитъ?—шепотомъ спросила Оля.

Самохинъ засмѣялся.

— Любитъ! Что вы, милая моя! Она и мысленно себя съ нимъ рядомъ не поставитъ. Такъ, не замѣчая, погубитъ человѣка. Пожалуй,— прибавилъ онъ жестко,—Янъ отъ простоты своей захочетъ посвататься...

— Боже мой,—простонала Оля,—что-же я могу? Ничего, ничего!

Самохинъ прищурился и спросилъ не очень громко, скользящимъ голосомъ:

— А вы сами очень Яна любите?

Ольга умолкла, посмотрѣла нѣсколько мгновеній на Самохина изумленными, почти злыми глазами, потомъ вскочила со стула и бросилась вонъ.

На лѣстницѣ, внизу, передъ входомъ въ садъ, Самохинъ столкнулся съ Яномъ. Садъ былъ совсѣмъ бѣлый, потому что шелъ снѣгъ и уже не таялъ. На снѣгу дрожали неясные отблески фонарей на проспектѣ.

— Это вы, Игнатій? Вы были у меня? — проговорилъ Янъ поспѣшно и робко.—Войдемте. Я вамъ разскажу, Игнатій... Вы не должны на меня сердиться...

— Опомнитесь, сдѣлайте милость,—холодно прервалъ его Игнатій.— Мнѣ сердиться не за что. Вернуться теперь не имѣю времени. Прощайте. Два слова только: зачѣмъ вы не предупредили меня, что ваша миленькая хозяйка питаетъ къ вамъ чувство нѣжнѣе дружбы? Она спросила меня, гдѣ вы, и когда я сказалъ — пришла въ такое отчаяніе, что мнѣ стало ея жаль. Долго вамъ, при вашемъ добродѣтельномъ сердцѣ, придется ее утѣшать.

— О, Игнатій,—горестно вскрикнулъ Янъ,—не можетъ быть, она не спроситъ!.. И въ чемъ я могъ васъ предупредить? И не спроситъ она, и не съ чего ей въ отчаяніе приходить... Вы, вѣрно, сказали ей что-нибудь отъ себя, Игнатій, да? Сказали? Зачѣмъ вы сказали!

— Экая вы плакса! Да еще осмѣливаетесь меня въ чемъ-то упрекать? Блудливъ, какъ котъ, а трусливъ, какъ заяцъ. И могу-ли я знать всѣ ваши дрянныя шашни, и еще покрывать? До свиданья, любезный другъ. Преуспѣвайте, преуспѣвайте!..

Онъ повернулся и пошелъ.

— Игнатій, Игнатій, ради Бога!—крикнулъ ему вслѣдъ Янъ умоляющимъ голосомъ.—Вернитесь, я не могу такъ! Клянусь вамъ, вы ошибаетесь! Все будетъ, какъ было, Игнатій!

Но хлопнула калитка, и Янъ понялъ, что кричать напрасно. Онъ медленно, понуривъ голову, сталъ подниматься по лѣстницѣ. Мысль объ Ольгѣ томила его. Уже два мѣсяца прошло со времени ихъ разговора въ саду. Янъ долго мучился, боясь, что оскорбилъ ее, не зная, что сказать, но Ольга была такъ весела, проста, смотрѣла такъ ясно, что и Янъ утѣшился. Теперь онъ понималъ, что Самохинъ сдѣлалъ что-то противъ него, но понималъ тоже, что напрасно утѣшалъ себя Олинымъ спокойствіемъ. Онъ хотѣлъ всей силой хотѣнія, чтобы людямъ, окружающимъ его, шло отъ него только радостное. Но шло горе—и онъ не зналъ, что надо дѣлать.

Два дня Янъ не видѣлъ Ольги. Когда онъ встрѣтилъ ее на третій день, ему показалось, что она поблѣднѣла и осунулась.

— Оля,—началъ онъ,—я чѣмъ-нибудь огорчилъ васъ? Скажите, я все сдѣлаю, мнѣ такъ больно васъ огорчать.

Она испугалась, хотѣла уйти молча, но потомъ проговорила съ усиліемъ:

— Нѣтъ, нѣтъ... Чѣмъ-же вы меня огорчили? Спасибо на добромъ словѣ. Я только для васъ самого... думала... Что, можетъ, вамъ лучше туда не часто ѣздить. Не очень часто...

Янъ замѣтилъ, что она сдерживаетъ слезы.

— Оля,—сказалъ онъ, взявъ ее за руку.— Клянусь вамъ, я не понимаю, что вы можете думать... Вѣрно вы на ложной дорогѣ. Но я не хочу говорить объ этомъ. Если то, что я ѣзжу часто... васъ огорчаетъ—ну я буду рѣдко ѣздить, гораздо рѣже. Безъ разсужденій сдѣлаю, какъ вы хотите.

Оля улыбнулась, вся просіяла, шепнула «спасибо» и убѣжала. А Яну стало печально. Онъ обѣщалъ ѣздить рѣдко. Зачѣмъ онъ обѣщалъ?

XI.

— Я очень радъ, что засталъ васъ одного,—проговорилъ Игнатій, входя въ кабинетъ генерала Бѣлозерскаго.—Мнѣ нужно съ вами поговорить. Раисы Михайловны нѣтъ дома?

— Раисы? Нѣтъ. Она было мнѣ сказала, что у насъ обѣдаетъ этотъ... какъ его, все забываю... ну, вашъ другъ, молодой человѣкъ, которому вы покровительствуете. Потомъ объявила, что онъ не пріѣдетъ и ушла гулять съ миссъ Вудли. Это ее успокоитъ.

— А развѣ Раиса Михайловна въ дурномъ настроеніи?

— Да, сердита на что-то. Прогулка ее успокоитъ.

Кабинетъ генерала поражалъ безвкусіемъ, со сборной, безпорядочной мебелью.

— Я на-дняхъ выхожу въ отставку и уѣзжаю, — проговорилъ Игнатій.

— Вотъ какъ!—протянулъ непріятно изумленный генералъ.—Да, да... Куда-жъ это вы?

— Не знаю еще. Или къ себѣ въ деревню, или заграницу.

— Гм... Что это вы вздумали?

— Меня обманули,—холодно проговорилъ Игнатій.

— Кто-бы это, напримѣръ?

— Раиса Михайловна и вы. Не обижайтесь, генералъ, я могу сказать, если вамъ это пріятнѣе, что я обманулся. Но вы сами дали мнѣ такую твердую надежду...

— Да что дѣлать съ этой сумасшедшей!—воскликнулъ генералъ съ внезапнымъ волненіемъ.—Это престранная дѣвушка, я ее самъ не понимаю. Такія женщины даже любви не внушаютъ, право. Милый мой Игнатій Николаевичъ, я отъ всей души изумляюсь...

— Это васъ не касается, милый мой генералъ,—смягчая улыбкой рѣзкость фразы возразилъ Игнатій.—Я хочу только спросить васъ въ послѣдній разъ, вѣдь вы желаете, лично вы, чтобы дѣло устроилось? Такъ какъ-же вы—отецъ,—прибавилъ онъ вдругъ со злостью,—и никакого вліянія...

— Извините, милѣйшій. Тутъ я вамъ ничего не обѣщалъ. Вижу, что вы разстроены, иначе-бы вамъ и въ голову не пришло о моемъ вліяніи говорить. Спроситъ она меня—скажу, что я съ своей стороны желаю, а больше ничего не скажу. Богъ съ ней совсѣмъ! Страшусь я этихъ неожиданныхъ женщинъ, какъ огня.

Генералъ разболтался, говорилъ много и долго, но Игнатій уже не слушалъ. Дверь гдѣ-то скрипнула, платье прошумѣло и онъ понялъ, что вернулась Раиса.

За обѣдомъ она была особенно молчалива.

— Отчего нѣтъ Яна?—сказалъ Игнатій, когда они перешли изъ столовой въ темнокрасную гостиную.—Не съѣздить-ли мнѣ за нимъ?

Генералъ ушелъ къ себѣ, въ гостинной осталась съ Игнатіемъ и Раисой только старая миссъ Вудли, очень плохо понимающая по-русски. Раиса сидѣла у лампы, склонивъ темную голову къ работѣ. На вопросъ Игнатія она отвѣтила не сейчасъ, продолжая работать:

— Пожалуйста не трудитесь. Иванъ Ивановичъ быть сегодня не можетъ.

— А, значитъ, вы освѣдомлены? Вы его звали и онъ вамъ отказалъ?

Вмѣсто отвѣта, Раиса взглянула на него удивленно и стала складывать работу, намѣреваясь уйти.

— Позвольте, еще два слова,—остановилъ ее Самохинъ.—Я совсѣмъ не желалъ разсердить васъ. Я хотѣлъ только, будучи увѣренъ, что вы знаете о домашнихъ привязанностяхъ, весьма извинительныхъ, нашего общаго друга,—попросить васъ быть добрѣе, не сѣтовать на него, если онъ манкируетъ приглашеніемъ... да и то только потому, что все это къ слову пришлось,—добавилъ онъ, замѣтивъ проницательный и недовѣрчивый взглядъ Раисы.

— Вотъ какъ!—протянула она.—Иванъ Ивановичъ долженъ цѣнить вашу доброту. Къ несчастію, я не могу ее оцѣнить, потому что не понимаю, къ чему вы клоните рѣчь.

— Значитъ, онъ повѣрилъ вамъ тайну сердца подъ условіемъ ее хранить? Со мной секреты излишни. И сама барышня ничего не скрываетъ отъ меня. Прехорошенькая дѣвочка. Манеры немножко мѣщанскія, но за то самоотверженія—хоть отбавляй. Ему такія пухленькія и должны нравиться. Вы какъ-будто изумлены, Раиса Михайловна? Вѣдь вы-же знаете, невѣста, его Ольга Дмитріевна Лебедева...

— Лебедева?—машинально проговорила Раиса.

— Неужели онъ вамъ ничего не сказалъ? Не вѣрю, вы друзья! Ахъ, какой скрытникъ! Я понимаю, въ такомъ случаѣ, что вы должны сердиться на него, когда онъ не приходитъ по вашему зову. Да позвольте, не далѣе, какъ вчера...

— Довольно,—произнесла Раиса.—Не хочу знать вашихъ цѣлей, но вижу ваше неискусное притворство. Боже мой! Какъ я могла слушать!

Она вышла, даже не убравъ работу. Игнатій весело посмотрѣлъ ей вслѣдъ и подумалъ:

«Разгнѣваться изволили! Не повѣрили! Ну, авось немножко и повѣрили, а намъ только немножко и нужно. Остальное сдѣлается само собою»...

XII.

Янъ остановился въ темной передней, у порога своей собственной комнаты, и не могъ сдѣлать ни шагу дальше. Онъ не сталъ-бы подслушивать, еслибъ сообразилъ, что подслушиваетъ, но онъ былъ слишкомъ пораженъ.

Онъ ходилъ къ сестрѣ. Послѣ больницы Янъ обѣщалъ поѣхать къ Бѣлозерскимъ обѣдать, тамъ-же долженъ былъ быть и Самохинъ. Но Янъ чувствовалъ себя разстроеннымъ, озябшимъ (стояли сильные морозы)—и онъ рѣшилъ передъ Крестовскимъ зайти домой обогрѣться. Теперь онъ стоялъ, почти безъ мыслей, и слушалъ. Говорившія въ со-

сѣдней комнатѣ—двѣ женщины—не подозрѣвали его присутствія. Онъ узналъ голосъ Оли, которая всегда смотрѣла за бабушкой, когда онъ уходилъ; собесѣдница ея была Раиса.

Дверь оказалась полуотворенной. Янъ безсознательно, не вѣря ушамъ, подвинулся вправо—и тотчасъ-же увидалъ ихъ обѣихъ, рядомъ, на широкомъ старенькомъ турецкомъ диванѣ. Оля была въ своемъ розовомъ кашемировомъ платьицѣ, вся бѣленькая, съ растрепавшимися пепельными кудрями, серьезная, испуганная. Раиса держала ее за руки. Она не сняла черной, толстой жакетки, въ которой ходила обыкновенно гулять; только перчатки сдернула и подняла вуаль. На блѣдныхъ щекахъ ея едва замѣтно горѣли два розовыхъ пятна.

— Какая ты милочка, говорила Раиса. — Ты, вѣрно, не знаешь, что ты такая хорошенькая. Ты прежде не была такая. Я бы тебя не узнала.

Раиса крѣпко, нѣсколько разъ, поцѣловала Олю.

— Я такъ рада, что нашла тебя... Иванъ Ивановичъ, Самохинъ— всѣ знали тебя и ни разу, случайно, не назвали твоей фамиліи... Но какъ только Самохинъ сказалъ «Лебедева»,—я сейчасъ-же поняла, что это ты. Мы съ тобой, кажется, въ одно время оставили гимназію... Меня увезли заграницу, тебя взяли домой.

— Да, я помню... Только тогда ты была другая... Я тебя боялась... прибавила Оля простодушно.—Знаешь, я тоже, когда мнѣ этотъ Самохинъ говорилъ,—я никакъ не могла предположить, что это ты...

— Самохинъ тебѣ говорилъ обо мнѣ? живо обернулась Раиса.— Что онъ говорилъ?

— Нѣтъ, нѣтъ—смущенно залепетала Оля.—Ничего... Я ошиблась... Я не знала, что это онъ про тебя.

— Глупенькая дѣвочка! Развѣ я тебѣ не другъ? Я даже знаю о тебѣ маленькую тайну, нечего скрывать! Кто вамъ нравится, сударыня? Признавайтесь!

Ольга испуганно отшатнулась, хотѣла встать, — но Раиса держала ее крѣпко, обнявъ за плечи маленькими, сильными руками и улыбалась, все, ближе наклоняя лицо:

— Ну, право, какая ты дурочка... Чего ты испугалась? Ужъ если я говорю, что знаю? Иванъ Ивановичъ славный, добрый, мой другъ... Я такъ обрадовалась за него... Вѣдь ты его любишь? Скажи, не бойся.

— Люблю—прошептала Оля съ отчаяніемъ. Цѣпкія руки Раисы охватывали, ласкали, не пускали ее—и она чувствовала себя пойманной. Ради Бога, прибавила она, пойдемъ ко мнѣ. Здѣсь я боюсь... Онъ можетъ вернуться... Застать тебя...

— Нѣтъ, онъ не вернется. Я звала его къ намъ обѣдать. Такъ ты любишь? Крошка моя милая! Ну, а онъ? Тоже любитъ тебя? Говори скорѣй!

Что то повелительное, сквозь ласку, проскользнуло въ голосѣ Раисы. Ольга поспѣшила отвѣтить:

— Я не знаю...

— Какъ не знаешь? Развѣ ты сомнѣваешься въ его словахъ?

— Онъ мнѣ ничего не говорилъ...

— Неправда! Видишь, ты не откровенна. Скажи скорѣе, что было между вами? Не бойся, я все устрою.

Ольга оживилась и съ надеждой взглянула въ лицо подругѣ. Запинаясь, недоумѣвая сама, разсказала она сцену въ саду, стараясь точно и правдиво передать мельчайшія замѣчанія Яна. Раиса жадно слушала, не двигаясь и не отрывая глазъ отъ Олинаго лица.

— Такъ это въ августѣ было?

— Да... Еще ночи стояли теплыя...

— И онъ говорилъ объ отраженіи? Говорилъ, что облака—это не сами облака, а, можетъ быть, только отраженія какихъ-то другихъ, нездѣшнихъ облаковъ?

— Да, да... Вродѣ этого... Я не поняла и заплакала, и сказала ему, что люблю его.

— И онъ обнялъ тебя? Крѣпко? Вотъ такъ?

— Рая, Рая, мнѣ больно! Зачѣмъ ты жмешь меня? Вѣрно отъ твоихъ колецъ мнѣ такъ больно, они острыя.—Да, онъ обнялъ.

И она торопливо и смущенно передала подробности сцены.

— Ну, а послѣ? Въ слѣдующіе дни?

— Ничего. Я боялась заговорить, и онъ ничего. Недавно, когда Самохинъ мнѣ про тебя наговорилъ, я ему сказала: лучше-бы вы къ ней рѣже ѣздили. Я не знала, Раичка, что это ты. Онъ говоритъ—хорошо, только не огорчайтесь.

— Обѣщалъ къ намъ рѣдко ѣздить?

— Да... Рая, почему ты смѣешься? Ты сердишься? Вѣдь я ничего не знала... О, какъ ты опять больно жмешь меня!

— Глупенькая! Чего ты боишься? Теперь все будетъ хорошо. Вѣдь ты вѣришь мнѣ?

Онѣ такъ, обнявшись, и встали съ дивана. Раиса была чуть-чуть выше ростомъ и худощавѣе.

Оля, розовая и бѣленькая, казалась ребенкомъ около Раисы, съ ея ласковымъ и злымъ выраженіемъ узкаго, желтовато блѣднаго лица.

— Какъ тебя не любить? продолжала Раиса.—Ты видишь себя часто въ зеркалѣ? Ты знаешь-ли, какая ты хорошенькая? Онъ именно такую долженъ любить, бѣленькую, пухленькую.—И она опять засмѣялась.—Знаешь, мнѣ самой тебя зацѣловать, защекотать хочется... Вонъ какая у тебя складочка подъ шейкой.. Точно ниточкой перевязано... Дай я тебя поцѣлую въ шейку... Ты не боишься, что я тебя укушу?

Ольга отбивалась и тоже смѣялась, но какъ-то невесело. Ей хотѣлось, чтобы подруга поскорѣе ушла. Она добрая, хорошая, красавица, Оля ей благодарна отъ всей души... Но какъ то хотѣлось, чтобы теперь она ушла.

— Мнѣ пора, душенька, проговорила Раиса, торопливо схвативъ перчатки.

— Пиши мнѣ обо всемъ, да? А я заѣду, когда можно.

Раиса опять крѣпко расцѣловала Ольгу, онѣ направились къ двери. Янъ машинально отодвинулся въ темный уголъ, за вѣшалку. Онъ такъ былъ убитъ всѣмъ слышаннымъ, что даже не мучался мыслью, что онъ это подслушалъ. Онъ и понялъ мало, и думать не могъ, онъ только хотѣлъ, чтобы его не замѣтили теперь.

Черезъ нѣсколько минутъ Янъ шелъ пѣшкомъ по направленію къ Крестовскому. Было очень холодно. Морозъ жегъ уши и лицо. Но Янъ не замѣчалъ. Онъ теперь думалъ, хотя мысли его были не сложны. На Ольгѣ мысли не останавливались. Онъ думалъ только, что та, другая непонятная дѣвушка, чуждая и удивительная, которую онъ привыкъ считать инымъ существомъ, почти не живымъ, какъ отраженіе въ зеркалѣ—она захотѣла знать, любитъ-ли онъ Ольгу. Ей нужно было знать, онъ это чувствовалъ.

XIII.

Раиса нѣсколько разъ была съ Яномъ въ больницѣ у его сестры. Миссъ Вудли ждала въ каретѣ, внутренно удивляясь своеволію и храбрости Раисы, которая одна рѣшается итти въ столь неприличное для дѣвушки мѣсто.

Вѣра въ первый разъ сдерживалась и поглядывала на незнакомую барышню искоса, но скоро освоилась и перестала ее замѣчать. Раиса молчала и слушала. А кругомъ шумѣла, пѣла, стонала и толкалась тѣсная толпа женщинъ въ сѣрыхъ капотахъ.

Въ одно изъ воскресеній Раиса заѣхала за Яномъ.

— Вы меня только довезите, проговорилъ Янъ, усаживаясь въ карету противъ Раисы и миссъ Вудли.—Сестрѣ хуже. Мнѣ и самому тяжело.

— Нѣтъ, я пойду съ вами, угрюмо сказала Раиса —Тяжело... Какой вздоръ! Я хочу къ ней.

— Раиса Михайловна, робко вымолвилъ Янъ.—Скажите мнѣ, я никакъ не могъ понять: зачѣмъ вамъ Вѣра? Зачѣмъ вы къ ней ѣздите?

Тѣнь пробѣжала по лицу Раисы. Она хотѣла что-то сказать, но сдержалась. И черезъ минуту проговорила просто:

— Я тамъ учусь.

Янъ не посмѣлъ спросить объясненія.

Они подъѣхали къ запертымъ воротамъ больницы.

Въ пріемной, среди однообразнаго гула голосовъ, среди удушливаго, теплаго, кислаго запаха, Яну и Раисѣ пришлось ждать долго. Янъ опять обратился къ сидѣлкѣ съ лицомъ деревяннымъ и ожесточеннымъ, прося вызвать Вѣру Зыбину.

— Вѣра Зыбина? Да она никакъ на буйномъ. А можетъ и вышла. Чего-то она больная: дохнетъ все.

Янъ хотѣлъ попросить узнать точнѣе, но въ эту минуту вошла Вѣра.

Она не казалась больной и слабой. Напротивъ, походка у нея была твердая, рѣшительная, движенія живыя. Худѣть и темнѣть она все равно не могла. Но Янъ сейчасъ-же замѣтилъ, что она возбуждена свыше мѣры. Голову она держала высоко, горделиво, лицо было серьезно и такъ необыкновенно, что Раиса невольно подвинулась къ Яну и сказала ему тихо:

— Что у нея въ глазахъ? Это не безуміе... Я не могу понять, но чувствую.

Вѣра подошла къ Яну такъ-же твердо, почти спокойно, поцѣловала его, протянула руку Раисѣ—и въ первый разъ не спросила брата: «ты за мной?»

Она усѣлась на скамейку съ ногами, какъ всегда, и завернулась въ свой тонкій коричневый платокъ.

— Мнѣ говорили, что ты больна, произнесъ Янъ, и голосъ его дрожалъ.

— Кто тебѣ говорилъ?—сказала она быстро.—Это вздоръ. Я совершенно здорова. Развѣ ты не видишь, что я здорова? А какъ я много ѣмъ! Я ужасно много ѣмъ. Тебѣ вздоръ говорили. Я совсѣмъ не больна. Я только поняла.

— Поняла? Что?

— Да все рѣшительно. Ты послушай меня, — вдругъ заговорила она горячо и часто, сразу бросивъ сдержанный тонъ и всѣмъ тѣломъ повернувшись къ Яну. Глаза, большіе, быстрые, окруженные темной синевой, смотрѣли прямо въ его глаза. — Ты слушай меня. Это очень просто. Я все поняла. Теперь мнѣ никто ничего не сдѣлаетъ, я въ огнѣ не сгорю, въ водѣ не утону. Я все просилась отсюда,—это глупо. Никто не поможетъ, если зеркало не разбилось, не потускнѣло.

— Какое зеркало?

— Твое, мое, всякое... Вотъ представь себѣ: длинный-предлинный рядъ зеркалъ: все разныя, кривыя, косыя, ясныя, мутныя, маленькія, большія... И всѣ въ одну сторону обращены. А напротивъ—Духъ. Не знаю, какой только,—великій Духъ. И онъ въ этихъ зеркалахъ отра-

жается. Каждое зеркало, какъ умѣетъ, его отражаетъ. Потомъ, разъ, два, моментъ жизни конченъ, зеркало затуманилось, разбилось—и Духъ не отражается. Мы говоримъ—исчезъ. Неправда: есть! Только мы не видимъ, потому что не отражается. Зеркала разныя бываютъ, вогнутыя, выгнутыя... а Духъ одинъ. Понялъ меня? Ничего больше нѣтъ... Чего они тѣснятся? Сами отраженія, кругомъ отраженія, и выйти изъ нихъ, изъ отраженій, нельзя, пока зеркало не разбилось...

Янъ слушалъ бредъ сестры и все ниже опускалъ голову. Раиса была блѣднѣе обыкновеннаго, губы ея улыбались. Вѣра говорила безъ перерыва, потомъ вдругъ умолкла, точно у нея въ горлѣ что-то перервалось и захватило дыханіе. Янъ испугался было, но она встала спокойно.

— Теперь ступайте,—сказала она почти шопотомъ.—Мнѣ слѣдуетъ быть одной.

Янъ растерянно поднялся.

— Ну, будь здорова. Я бабушку за тебя поцѣлую.

— Зачѣмъ? Ну все равно, какъ хочешь. Прощай. Я буду здорова, не безпокойся. Мнѣ теперь ничего не сдѣлается. Прощай.

Она пошла вонъ и не обернулась. Янъ и Раиса тоже двинулись къ выходу въ корридоръ, темноватый, шумящій и зыбкій. У самыхъ дверей имъ переступила дорогу довольно пожилая больная, въ сѣрой одеждѣ, похожая на худую, старую утку.

— Послушайте, послушайте, вы свою больную берете? Сдѣлайте распоряженіе, чтобы никого не пускали на ея мѣсто, кромѣ меня. У нея мѣсто подъ окномъ. Я должна быть подъ окномъ, я добьюсь своего! Такая тѣснота! А тутъ подоконницы не уходятъ, не умираютъ, ничего! Ужъ добьюсь я, погодите!

Сидѣлка отвела навязчивую даму и она скрылась въ сѣрой толпѣ.

Замокъ щелкнулъ и Янъ съ Раисой очутились на паучей лѣстницѣ, освѣщенной сверху мутно-желтыми лучами.

— Я не могу,—выговорилъ Янъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.—Я пойду къ доктору, подожду его, сколько нужно. Надо спросить о ней хорошенько. Вы, Раиса Михайловна...

— Нѣтъ,—сказала она быстро, угадывая, что онъ скажетъ.—Я не уѣду. Я тоже съ вами къ доктору.

Янъ не возражалъ и они тихо, молча, пошли внизъ.

Доктора пришлось ждать дольше, чѣмъ думалъ Янъ. Они сидѣли внизу, на деревянной скамейкѣ, часъ или полтора. И ни Раиса, ни Янъ за все это время не произнесли ни слова. Казалось, что-то тяжелое и темное виситъ надъ ними.

Ихъ позвали вдругъ, когда Янъ уже забылъ, что должны позвать, и онъ вздрогнулъ. Въ боковой комнатѣ, низковатой и тусклой, почти безъ мебели, ихъ встрѣтилъ докторъ, высокій, полный, со знач-

комъ, трясущійся отъ внутренняго гнѣва. Вѣроятно, его только-что чѣмъ-нибудь очень раздосадовали и разстроили. Въ глубинѣ комнаты, у длиннаго стола, тихо разговаривали еще нѣсколько докторовъ, причемъ одинъ, маленькій лысый старичокъ, озабоченно жестикулировалъ, размахивая полными ручками.

— Вы о какой больной хотите узнать? — началъ докторъ отрывисто.—О Маріи Тешъ? Мнѣ теперь некогда.

— Извините, — робко возразилъ Янъ. — Не о Маріи Тешъ... Я желалъ-бы узнать насчетъ Вѣры Зыбиной.

— Что? Вы о Вѣрѣ Зыбиной? Это вы у нея сейчасъ были? Вы ее раздражили чѣмъ-нибудь? Вы какъ ей приходитесь? Вамъ было извѣстно, что она страдаетъ астмой?

Янъ не зналъ, на какой вопросъ отвѣчать.

— Да, мы были у нея... И мнѣ хотѣлось-бы спросить...

— Сколько времени тому назадъ вы ее оставили?

— Часа полтора, или больше... Мы дожидались пріема.

— Вы можете теперь подняться. Вѣра Зыбина... вы какъ ей приходитесь? Дальній родственникъ?—страдала астмой и часъ тому назадъ внезапно скончалась отъ припадка этой болѣзни. Ее еще пытаются привести въ чувство, но есть несомнѣнные признаки смерти. Да вы кто ей?—почти закричалъ докторъ, видя какъ блѣднѣетъ лицо Яна.

— Братъ,—громко сказала Раиса.

— Братъ? Извините... Такъ вы можете къ ней пройти... Ничего нельзя сдѣлать: внезапная смерть... До свиданья.

Раиса почти насильно взяла Яна подъ-руку и они опять поднялись по лѣстницѣ наверхъ. Ихъ сейчасъ-же провели въ довольно просторную комнату со множествомъ кроватей. Больныхъ тамъ почти не было, ихъ не пускали. Нѣкоторыя любопытно заглядывали въ двери. Двѣ сидѣлки стояли около дальней кровати, у самаго окна. Янъ и Раиса подошли ближе. На кровати лежало, закинувъ голову, тѣло Вѣры. Темный капотъ былъ разстегнутъ, одинъ рукавъ почему-то разрѣзанъ. Съ перваго взгляда было видно, что это трупъ. Тускло-желтый свѣтъ сквозь рѣшетчатое окно падалъ прямо на неподвижную голову съ рѣдкими, полусѣдыми, точно похолодѣвшими, волосами и мертвой, бѣлой кожей между ними. Лицо снѣговое, съ темнымъ, полуоткрытымъ ртомъ, застыло въ выраженіи равнодушія. Раиса не вѣрила, что это она, Вѣра, сестра Яна. Раиса ждала ужаса, но ужаса не было. Была только смерть.

— Янъ, пойдемте, — сказала Раиса тихо, съ невыразимой нѣжностью и печалью беря его за руку.—Пойдемте. Видите, здѣсь кончено.

— Нѣтъ, позвольте мнѣ, Раиса Михайловна... Я ужъ здѣсь останусь. Чтожъ? Это ничего. Это только такъ... зеркало разбилось.

Они стояли взявшись за руки, и смотрѣли въ мертвое лицо. Боль-

ная, похожая на старую утку, пробралась въ комнату, суетилась и тараторила:

— Прошу васъ, прошу васъ, господа... Окажите содѣйствіе... Я пять лѣтъ жду, когда опростается мѣсто у окна. А всѣ, кто у окна, какъ на зло, не переводились, не умирали. Окажите содѣйствіе. Я желаю на мѣсто покойницы. Тѣснота такая... На мѣсто покойницы желаю.

XIV.

Черезъ недѣлю или полторы, утромъ, Янъ получилъ отъ Раисы записку. Раньше она никогда не писала ему. Почеркъ у нея былъ узкій, длинный и неровный.

«Приходите сегодня, въ четвертомъ часу, на ту аллею, по берегу, гдѣ я всегда гуляю. Мнѣ хочется поговорить съ вами, а дома неудобно».

Еще не было трехъ, когда Янъ пришелъ на условленную аллею. Онъ шелъ пѣшкомъ, немного усталъ, но не озябъ. Погода стояла мягкая, теплая, безвѣтренная. Оттепели еще не было, но бѣлые, безмолвные, затихшіе снѣга ждали оттепели. Небо, тоже бѣлое, мягкое, предсумрачное, было низко. Налѣво, незамѣтно сливаясь съ берегами, свѣтлѣла занесенная, спящая рѣка. Кругомъ все точно остановилось и задумалось, не зная, куда повернуть: начать-ли таять снѣжнымъ глыбамъ, двигаться и бѣжать болтливыми ручьями,—или снова окостенѣть, окрѣпнуть, заскрипѣть розовымъ, яркимъ морозомъ. И эта нерѣшительная тишина природы не успокаивала, а тревожила Яна. Онъ шелъ все быстрѣе—и вдругъ на поворотѣ молочно-бѣлой аллеи увидалъ Раису. Черезъ минуту она была около него, закутанная въ мѣховую пелерину и повязанная бѣлымъ платкомъ. Этотъ простой платокъ, пушистый и нѣжный, странно шелъ къ ней, смягчая рѣзкія, слишкомъ строгія черты ея лица. Впрочемъ, въ этотъ разъ она вся показалась Яну другой, совсѣмъ измѣнившейся, слабой, нерѣшительной, почти робкой. Въ слегка порозовѣвшемъ лицѣ былъ не холодъ, а смущеніе.

— Это вы? сказала она. И голосъ ея звучалъ трепетнѣе и тише.

Янъ тоже смутился, ничего не отвѣтилъ. Они пошли рядомъ, молча, въ глубину аллеи. Наконецъ, Раиса опять начала:

— Мнѣ такъ много нужно сказать вамъ... Такъ давно я васъ не видѣла. Помните, съ того раза, въ больницѣ... Я много думала за это время... Вамъ было тяжело. И вотъ я... Никогда прежде не жалѣла. А тутъ васъ ужасно, ужасно, ужасно...

Она краснѣла и путалась. Изъ надменной женщины она вдругъ, на это странное мгновенье, превратилась въ робкую дѣвочку, почти ребенка, не находила непривычныхъ словъ и повторяла, совсѣмъ по-женски, безпомощно, это слово «ужасно», не зная, что сказать еще.

— Я позвала васъ сюда, потому что дома.... могутъ помѣшать... пріѣхать... Здѣсь лучше. Мнѣ столько нужно сказать вамъ... Но я не могу сразу придумать словъ, чтобы вы поняли...

Она остановилась и подняла на него темные глаза, въ которыхъ стояли слезы.

Янъ встрепенулся, радостно и неосторожно схватилъ ее за руки и, улыбаясь, почти смѣясь, торопливо заговорилъ:

— Да не надо словъ, не надо. Я все пойму. Я ужъ понялъ, когда взглянулъ на васъ. Спасибо за это, я всегда зналъ, что вы такая-же, какъ я, что вы все, какъ я, чувствуете, всему доступна ваша душа... Какъ я счастливъ! И я васъ такъ...

Онъ не договорилъ, потому что она, испуганная его словами, его движеніями, вдругъ опять измѣнилась, освободила свои руки и поглядѣла на него прямо посвѣтлѣвшими глазами, безъ слезъ. Казалось, она дѣлаетъ усиліе, тяжелое, почти невозможное, чтобы проснуться, опомниться. Стремительность и простота Яна развѣяли новыя, еще робкія настроенія. Чѣмъ дольше она такъ смотрѣла на него, тѣмъ спокойнѣе становилось ея строгое, поблѣднѣвшее лицо. Яну стало холодно и страшно. Онъ хотѣлъ что-то сказать, крикнуть, но вдругъ ощущеніе, что они не одни, пробѣжала по его тѣлу. Онъ обернулся—невольно обернулась и Раиса. Неслышно ступая по мягкому, какъ пухъ, снѣгу, къ нимъ подходилъ Самохинъ. Онъ недавно снялъ военную форму и казался еще худѣе, желтѣе и злѣе въ черномъ пальто. Аллея была очень пряма, онъ, вѣроятно, давно наблюдалъ за Раисой и Яномъ. Взглядъ его съ откровенной насмѣшливой дерзостью остановился на Раисѣ. Прежде онъ смотрѣлъ такъ только на Яна.

— Мое почтеніе! Вотъ вамъ счастіе, Янъ! Сколько я ни гулялъ, ни разу не встрѣтилъ здѣсь Раису Михайловну. Вамъ прямо везетъ!

Онъ не спускалъ глазъ съ Раисы, но она уже совсѣмъ была прежняя, презрительная, даже оскорбленная. Самохинъ зналъ, что пока она прежняя—она вся въ его хитрой и тонкой волѣ.

— Я иду домой. Мы встрѣтились не случайно,—вызывающе произнесла Раиса.—Я писала Ивану Ивановичу. Мнѣ надо было съ нимъ видѣться...

И она вдругъ мучительно покраснѣла, понявъ, что этого не нужно было говорить.

Самохинъ пожалъ плечами съ снисходительнымъ сожалѣніемъ и улыбочкой.

— Это меня не касается, — сказалъ онъ. — До свиданья.

Онъ снялъ шляпу и низко поклонился.

Раиса ничего не отвѣтила и ушла. Самохинъ прослѣдилъ, какъ скрылась за деревьями ея темная фигура—и повернулся къ Яну. Янъ

стоялъ растерянный, не зная, что думать. У него въ ушахъ еще звучалъ дрожащій, измѣненный голосъ Раисы, ея слова о жалости... Вѣдь это она говорила... Что-же случилось потомъ?

— Скажите, пожалуйста, — началъ Игнатій, — вы, вотъ, такой нравственный, а какъ по вашему называется завлекать дѣвушку, не любя ее? Ольгѣ самымъ нравственнымъ образомъ вскружили голову, теперь за эту принялись? И чего вамъ отъ нихъ нужно, не понимаю! Ну, влюблена въ васъ Раиса Михайловна, такъ вѣдь вы на ней не женитесь? Не любите ее?

— Господи? Что вы говорите, Самохинъ? Что вы говорите! Раиса Михайловна въ меня... Я ее не люблю! Я ее ужасно люблю, я для нее на все готовъ, я ее обожаю, у нея душа ясная, какъ зеркало...

— Вотъ какъ! Любите! Что-жъ, женитесь. А Ольга? Вѣдь она съума сойдетъ... Или вы ее не любите?

Янъ весь встрепенулся.

— Ольга? Нѣтъ, нѣтъ, что вы говорите... Я очень люблю Ольгу, всей душой...

— Тоже любите? — Игнатій засмѣялся сухимъ и острымъ смѣхомъ. — Эхъ вы! Раису Михайловну люблю—и «тоже» Оленьку! Желалъ-бы я, чтобы Раиса Михайловна это слышала. А вы, кажется, какъ должное приняли мои слова о томъ, что Раиса Михайловна въ васъ влюблена? Какова самоувѣренность! А теперь прощайте, намъ не по дорогѣ. Я зайду къ Бѣлозерскимъ.

Онъ раскланялся, все съ той-же улыбкой, и пошелъ прочь. Быстро темнѣло и снѣга сѣрѣли. Янъ стоялъ не двигаясь, опустивъ глаза.

XV.

Въ гостиной Бѣлозерскихъ было свѣтло и солнечно, когда вошелъ Янъ. Лучи, длинные и пыльные, еще зимніе—и уже весенніе, падали изъ окна. За столомъ сидѣли Раиса и Самохинъ.

Игнатій вскочилъ, подбѣжалъ къ Яну и обнялъ его.

— Вотъ и вы! А какъ мы васъ ждали? Я рѣшилъ, что за вами необходимо тотчасъ-же послать. Я хотѣлъ вамъ первому объявить... Вы ужъ не сердитесь, голубчикъ, что я вамъ раньше ни слова. И еще вчера въ аллеѣ разную чепуху болталъ... Мало-ли что бываетъ! Но вѣдь вы знаете, что я безъ васъ жить не могу... И я радъ объявить вамъ первому...

— Это можно сказать короче, — прервала Раиса. — Я выхожу замужъ за Игнатія Николаевича.

Яну показалось теперь, что онъ давно это зналъ. Зналъ, когда шелъ сюда, когда ночью ему снилась Раиса, нѣжная, родная, съ тѣмъ

взоромъ, какой онъ видѣлъ вчера. Онъ думалъ одно, а въ темной глубинѣ души лежало знаніе, что случится невозможное, но неизбѣжное, что Раиса не отдастся безъ борьбы волнѣ новой, неожиданной, коснувшейся ея души, хотя-бы пришлось совершить насиліе надъ этой смущенной душой. Онъ понялъ—и не удивился, не поразился, принялъ просто и покорно.

Раиса отошла къ окну и безцѣльно глядѣла въ садъ. Игнатій былъ возбужденъ. Онъ ходилъ по комнатѣ, говорилъ, казался неестественно развязнымъ, какъ человѣкъ, который исполняетъ въ подробностяхъ заранѣе обдуманный планъ и не все еще кончилъ.

— Такъ вы не сердитесь на мою скрытность? Не сердитесь... А послѣ свадьбы мы ѣдемъ заграницу... Что это вы такъ блѣдны, дружокъ?

— Голова немного болитъ,—съ усиліемъ проговорилъ Янъ.—Это ничего.

— Да... Такъ я говорилъ о заграницѣ... Раиса Михайловна, что-же вы мнѣ не поможете? Вѣдь вы знаете мои намѣренія относительно нашего друга?

Раиса молчала.

Игнатій подошелъ ближе и ласковымъ движеніемъ обнялъ Яна.

— Хочу увлечь васъ съ нами, голубчикъ,—проговорилъ онъ, наклоняя къ нему взволнованное лицо. — Подумайте, ну почему-бы вамъ не ѣхать съ нами? Что вы тутъ будете одинъ? За бабкой присмотрятъ отлично, а вы поѣдете съ друзьями, мы будемъ всегда вмѣстѣ, всюду вмѣстѣ. Рѣшайте скорѣе...

Янъ видѣлъ, что хочетъ съ нимъ сдѣлать Самохинъ. Ему было мало отнять у него душу Раисы, онъ хотѣлъ идти до конца, сдѣлать Яна вѣчнымъ свидѣтелемъ этой побѣды, которую онъ считалъ полной. Жертва была еще жива. Въ бѣшенствѣ онъ хотѣлъ безмѣрно усиливать пытку, оскорбленія, которыя разбивались до сихъ поръ о покорную силу Яна.

Теперь, казалось,—жизнь Самохина зависитъ отъ согласія Яна.

— Вы согласны? Да говорите-же, что согласны!

Онъ улыбался. Сердце Яна сжалось больно. Онъ хотѣлъ крикнуть, что это слишкомъ, что у него нѣтъ силъ... и въ то-же мгновеніе, случайно взглянувъ прямо передъ собой, увидѣлъ въ зеркалѣ глаза Раисы. Она думала, что ее никто не видитъ, и не скрыла взора. Взоръ былъ тотъ-же, нѣжный и смущенный, какимъ Янъ видѣлъ вчера, въ аллеѣ, и ночью, во снѣ. Раиса тоже хотѣла, чтобы онъ согласился. Но хотѣла не думая ни о чемъ, быть можетъ не сознавая, просто хотѣла, чтобы онъ былъ всегда съ ней. Она ждала и боялась его слова не такъ, и не потому, почему боялся Игнатій.

— Я подумаю... Спасибо, Игнатій,—тихо произнесъ Янъ.

Это было равносильно согласію.

Въ тотъ-же день вечеромъ, Янъ сидѣлъ у себя, дрова трещали въ печкѣ, чуть доносились съ улицы звонки конокъ. Ольга только что покормила бабушку и ушла. Янъ глубоко задумался и не слышалъ, какъ кругомъ него, шурша и шелестя, бродила бабушка, вся тяжелая, гнущаяся къ землѣ, съ недвижнымъ, давно умершимъ лицомъ, и повторяла какія-то монотонныя, глухія слова, понятныя, быть можетъ, лишь жильцамъ другого міра.

XVI.

Уже двѣ недѣли, какъ Игнатій Самохинъ, Раиса и Янъ—въ Италіи. Они изъ Неаполя переѣхали въ небольшой городокъ Амальфи, откуда безпокойная и недовольная Раиса стремилась въ Пестумъ. Амальфи было мѣсто неудобное, шумное, узкое, горы совсѣмъ подступали къ морю, едва давая мѣсто дорогѣ. Бѣлая пыль ѣла глаза, мальчишки кричали на улицѣ.

Янъ, Игнатій и Раиса были всегда вмѣстѣ, не разставаясь. Странно было видѣть этихъ троихъ людей, углубленныхъ каждый въ свою печаль, все рѣже разговаривающихъ другъ съ другомъ, можетъ быть враговъ и связанныхъ неразрывною, непонятною цѣпью. Игнатій былъ боленъ: его желчное лицо стало непріятнымъ, темнымъ. Янъ жалѣлъ его невыразимо и съ тишиной принималъ всѣ его слова, которыя дѣлались все рѣзче и злѣе. Онъ какъ-будто искалъ, ждалъ противорѣчія, возмущенья, а возмущенья не было. И опять Игнатій, въ бѣшенствѣ, шелъ все дальше, ранилъ все больнѣе, ища предѣла, котораго не было, побѣды, которой не могъ одержать. И каждый чувствовалъ, что такъ долго длиться не можетъ.

Раиса проснулась въ половинѣ четвертаго утра. Въ пять часовъ они выѣзжали въ Салерно, оттуда черезъ Баттипалію въ Пестумъ. Въ комнатѣ было еще совсѣмъ темно и очень холодно. Вздрагивая, Раиса поднялась съ постели и зажгла свѣчу. Море шумѣло, многоголосое, кидая на берегъ тяжелыя, бѣлопѣнныя волны. Дверь на балконъ слабо вздрагивала и звенѣла отъ вѣтра. Раиса подняла занавѣсъ. Даже сумерки еще не наступили. Былъ мракъ, но не полный, потому что у самого горизонта, надъ черной движущейся массой воды, стоялъ большой, узкій серпъ мѣсяца на ущербѣ и освѣщалъ слегка край небесъ. Что-то неживое было въ этомъ мѣсяцѣ, прозрачномъ, желто-зеленоватомъ. Выше, прямо передъ балкономъ, дрожала бѣлымъ свѣтомъ крупная звѣзда, утренняя, свѣжая и молодая. Часъ казался необычайнымъ, не похожимъ на ночь такъ-же, какъ на день.

Раиса попробовала отворить дверь балкона. Шумъ моря ворвался

въ комнату, широкій и тяжелый, вмѣстѣ съ порывомъ соленаго, иглистаго вѣтра. Пламя свѣчи погасло. И въ комнатѣ опять стало черно, только высокая дверь балкона свѣтлѣла зеленоватымъ пятномъ.

Когда они вышли на крыльцо, гдѣ ждала ихъ коляска съ загорѣлымъ итальянцемъ въ клѣтчатомъ пальто на козлахъ, ночь уже стерлась, блѣднѣя, сѣрыя сумерки ползли по морю. Игнатій, въ этомъ тускломъ свѣтѣ, былъ почти страшенъ, землистыя тѣни легли на впалыхъ щекахъ. Лицо Яна казалось, напротивъ, живѣе, чѣмъ всегда. Онъ сидѣлъ на передней скамейкѣ и глядѣлъ вверхъ, на безцвѣтное, чистое небо, какъ будто надѣясь, что въ этотъ ранній часъ стекло небесъ прозрачнѣе, что можно увидѣть сквозь него то, чего мы привыкли видѣть одни земныя отраженья...

Дорога поднималась, черныя скалы нависали ближе. Справа море уходило внизъ, подъ острые утесы. Сумракъ таялъ, розовая теплота проступала сквозь длинные туманы. Когда вышло солнце, море загорѣлось все сразу, широкое, неподвижное съ высоты. Непонятныя полосы потянулись вдоль береговъ безконечными зигзагами, точно слѣдъ исполинскаго корабля. Дорога была еще въ тѣни, и все шла, извиваясь. Кое-гдѣ, съ уступа, падалъ прозрачный потокъ, и свѣжей сыростью несло изъ мшистаго и темнаго ущелья, гдѣ онъ разбивался. Была весна, но весной, живой, ростущей, идущей не пахло. Казалось—тутъ вѣчная весна, прекрасная и неподвижная. Листья оливъ сѣрѣли, темные, неопадающіе дубы не двигали верхушками.

На маленькую станцію «Пестумъ» они пріѣхали поздно, часа въ два, и когда прошло болтливое общество англичанъ и стало почти безлюдно, они направились изъ дверей вокзала по прямой, пустынной дорогѣ.

Исчезли и горы, и море. Широкая, волнистая, сумрачная равнина разстилалась кругомъ. Гряды легкихъ, жемчужно-сѣрыхъ облаковъ заволакивали теперь небеса и солнце сквозь ихъ тонкій дымъ свѣтило неярко и тепло. Раиса и Янъ шли впереди, Игнатій слѣдовалъ за ними. У самой дороги тянулась каменная стѣна. За ней, въ углу, качалась одинокая перистая пальма. Вдругъ стѣна оборвалась, дорога круто повернула налѣво.

Они увидали Пестумскій храмъ.

XVII.

— Янъ, сядемъ, я устала, поздно... Куда пошелъ Игнатій, вы не видѣли? Ну все равно. Отдохнемъ здѣсь. Сейчасъ зайдетъ солнце. Какой онъ... страшный! прибавила Раиса, указывая на темнѣющій храмъ.

Янъ покачалъ головою и поднялъ глаза. Онъ видѣлъ ряды красновато-желтыхъ колоннъ, простыхъ и громадныхъ, съуженныхъ кверху,

соединенныхъ тамъ, въ вышинѣ, линіями легкими, какъ музыка,—за ними еще рядъ колоннъ, такихъ-же, немного меньшихъ, гигантскіе камни пола, ступени, сдѣланныя людьми не для людей, голубой край небесъ между колоннами, равнину, низкую, буровато-зеленую, поросшую цѣпкой сухой травой... Между ея длинными стеблями, кое-гдѣ, бѣлѣли маргаритки и еще какіе-то блѣдные, остролистые цвѣты, похожіе на восковые. Туманъ поднимался отъ болотъ и храмъ дѣлался легче и прозрачнѣе.

Просторъ былъ суровый, строгій, почти торжественный.

— Нѣтъ, сказалъ Янъ тихо, не спуская взора, онъ не страшный. Онъ, какъ громадный, стотысячный хоръ. Слишкомъ громко, почти выдержать нельзя, но прекрасно, потому что гармонично. Я въ первый разъ это понялъ. У меня душа полна счастьемъ. Вижу отраженіе великаго духа.

Раиса встрепенулась.

— Отраженіе? Нѣтъ, нѣтъ, Янъ, хочу вѣрить иному, хочу обнять красоту, какъ она есть, хочу страдать, жить ею... Вотъ, этотъ храмъ передо мною, онъ простъ и страшенъ, онъ тревожитъ мою душу, онъ *самъ*—и я не хочу думать, что онъ—только отраженіе...

— Отраженіе великаго духа, повторилъ Янъ, задумчиво улыбаясь.— Я раньше понималъ, но не совсѣмъ. А надо понять это совсѣмъ, до конца... И перестанешь бояться, и все далекое и близкое станетъ твоимъ, и опять полюбишь небеса, облака... Людей...

— Неправда! вскрикнула Раиса.—Любовь—другое... Любовь хочетъ знать, видѣть, вѣрить, прикоснуться, приблизиться .. О, почему вы думаете, что это—отраженья? А сила, которой полна моя душа, сила страданья и...

Она не договорила. Янъ съ горестью смотрѣлъ на нее.

— Раиса, вы несчастны? Я зналъ, что вы несчастны. Можетъ быть, я еще огорчилъ васъ! Скажите мнѣ все.

— Нѣтъ, проговорила Раиса.—Зачѣмъ вы о любви? Нельзя никого любить, если думать, какъ вы.

— О, какъ вы ошибаетесь! Я люблю всей душой, я люблю...

— Молчите! воскрикнула Раиса. Я вамъ скажу потомъ... въ Римѣ... Но не теперь. Теперь поздно.

Игнатій подходилъ къ нимъ. Замѣтивъ его острый взглядъ, Раиса вдругъ горячо вспыхнула. Яну тоже, невѣдомо отчего, стало неловко и больно.

— Здѣсь лихорадки, сказалъ Игнатій.—Голосъ его звучалъ неспокойно, хотя насмѣшливо.—Вы простудитесь, Раиса. Надо ѣхать.

Небольшая римская площадь освѣщена луной, яркой, съ темными тѣнями. Неясно, какъ во снѣ, выступаютъ на зеленовато-тусклой колоннѣ чуть выпуклыя фигуры и линіи. Гладкіе камни площади кажутся

звонкими, металлическими. Часы противъ колонны бьютъ каждыя четверть часа протяжно, печально и пѣвуче.

Гостиная Раисы темна. Открытый балконъ, выходящій на площадь, тоже теменъ, потому что домъ бросаетъ короткую, широкую тѣнь. Въ гостиной коверъ во весь полъ и открытое піанино въ углу. Но Раиса не привыкла къ темнотѣ и дверь гостиной, съ балкона, гдѣ сидятъ она и Янъ, кажется ей просто темнымъ пятномъ.

Игнатія нѣтъ дома. Послѣднее время онъ почти не бывалъ дома, хотя, когда приходилъ, былъ веселъ, говорливъ, и только Янъ чувствовалъ что-то нехорошее въ этомъ весельѣ.

— Послушайте, Янъ, говорила Раиса.—Я ничего не понимаю. Я едва дозвалась васъ сегодня, а между тѣмъ мнѣ нужно говорить съ вами. Съ тѣхъ поръ, съ Пестума—вы точно бѣжите отъ меня, и смотрите только на Игнатія...

— Игнатій... боленъ, съ усиліемъ сказалъ Янъ.—Развѣ вы не видите? Развѣ не слѣдите? Такъ длиться не можетъ. У него нѣтъ силъ. Онъ очень страдаетъ...

— А я? вдругъ съ гнѣвомъ воскликнула Раиса.—Вы не думаете, что и я страдаю? Или вы совсѣмъ обо мнѣ не думаете? Или вы ничего не понимаете? Вы, боящійся оскорбить, и принимающій всякое оскорбленіе отъ жалости къ тому, кто оскорбляетъ! Что вы притворяетесь теперь передо мной! Вѣдь вы давно знаете, еще съ того вечера, когда я звала васъ въ аллею, что вы меня отравили своими мыслями, своей вѣрой, своей покорной силой, вы знаете, что я васъ люблю! Тогда я боролась, сдѣлала надъ собой величайшее насиліе... И все-таки не побѣдила ни себя, ни васъ. Вы сильнѣе меня... Вы любите меня, да? Но не жалостью, а любовью, и не такъ, какъ всѣхъ, а какъ меня, единственную!

Она стояла передъ нимъ, смѣлая, гнѣвная. Луна взошла выше. тѣни сдѣлались еще короче, и зеленый лучъ скользнулъ по краю балкона. Янъ взглянулъ на Раису съ безконечной любовью—и вдругъ вспомнилъ, какой видѣлъ ее въ первый разъ, въ длинномъ зеркалѣ. Такъ-же блѣдны были узкія губы, и черное платье такъ-же просто охватывало ея станъ.

Янъ закрылъ лицо руками.

Она взяла его за плечи, старалась поднять его голову и съ мукой и злобой повторяла:

— Янъ, Янъ! Говорите же что-нибудь! Вы слышали, что я сказала? Я васъ люблю!

Въ гостиной кто-то чиркнулъ спичкой. Легкій огонекъ загорѣлся. Янъ отнялъ руки и посмотрѣлъ на дверь. Раиса умолкла и опустилась на стулъ.

— Кто тамъ? спросила она тихо, послѣ секунды молчанія.

— Это я, сказалъ Игнатій. Темная фигура его показалась на порогѣ. Я искалъ спичекъ—долго искалъ—и нашелъ.

Теперь лунные лучи освѣщали весь балконъ и лицо Игнатія. Янъ взглянулъ, хотѣлъ сказать что-то, но слова остановились у него во горлѣ. А между тѣмъ лицо Игнатія вовсе не было страшно. Только—въ первый разъ—вмѣсто обычной тревожности, на немъ лежала печать мертвой скуки и спокойнаго утомленья. Какъ будто все напряженье, всѣ силы сразу покинули его и насталъ часъ отдыха.

— Я хотѣлъ выпить сельтерской воды, проговорилъ онъ.—Вы не помните, гдѣ сифонъ, Раиса?

— На піанино, кажется, отвѣтила она беззвучно.

— А, благодарю васъ. Я вижу. А что это за ноты развернуты на піанино?

Въ гостиной теперь горѣла одна свѣча и слабо, но ясно освѣщала внутренность комнаты.

— Не знаю... «Vita felice», кажется...

— Тотъ вальсъ, что мы слышали въ Неаполѣ? Вы достали ноты? Надо потребовать. Помню: Vita felice. Какое простое заглавіе: счастливая жизнь. Славное заглавіе.

Онъ вернулся въ комнату, прошелъ на нѣсколько минутъ къ себѣ, въ спальню, направо, потомъ приблизился къ піанино, гдѣ стоялъ сифонъ. Янъ и Раиса, безъ словъ, безъ движенія, слѣдили за нимъ. Непонятное, тяжелое ожиданье сковывало ихъ члены. Игнатій ходилъ медленно и спокойно. Раиса не видѣла, что онъ дѣлаетъ около сифона, потому что онъ стоялъ спиной къ балкону. Потомъ онъ сѣлъ за піанино и заигралъ вальсъ. Игнатій игралъ недурно, вальсъ оказался веселымъ, мелодичнымъ, но піанино было разстроено и что-то жалкое, дисгармоническое, свистящее примѣшивалось къ веселой волнѣ звуковъ.

Раиса ждала, что вальсъ будетъ литься всегда; она не могла себѣ представить, что онъ кончится. Но Игнатій оборвалъ на серединѣ, повернулъ лицо къ двери, улыбнулся, хотѣлъ сказать что-то—но вдругъ всталъ, и Раиса увидѣла, какъ онъ залпомъ выпилъ то, что было въ стаканѣ, около сифона. Въ ту-же секунду, тяжело и неловко, задѣвъ тѣломъ дребезжащую розетку свѣчи, потомъ уголъ піанино,—онъ упалъ на полъ. Стекло разлетѣвшагося стакана мягко зазвенѣло о коверъ. Раиса и Янъ бросились къ двери. Въ комнатѣ рѣзко пахло горькимъ миндалемъ. Игнатій былъ мертвъ.

XIX.

У веселой и зажиточной итальянской четы, во второмъ этажѣ чистенькаго домика, въ маленькомъ, тепломъ мѣстечкѣ на берегу Салерн-

скаго залива, Янъ нанималъ комнату. Домикъ былъ на уступѣ, у дороги. Съ балкона виднѣлись ряды нижнихъ домиковъ, у самаго берега, а еще дальше высокій горизонтъ моря. Никакое сѣверное дуновеніе не достигало сюда. Вѣяло только тепломъ и солью отъ морскихъ волнъ. У домовъ были широкія, плоскія крыши, гдѣ грѣлись на ласковомъ солнцѣ старики и женщины. Цвѣты лимоновъ, какъ хлопья снѣга, свѣтлѣли между блестящими листьями и тяжелыми золотыми плодами. Пахло лучше, чѣмъ весной: пахло раемъ.

Янъ выбралъ это мѣстечко, потому что они оба съ Раисой, проѣзжая въ Амальфи, замѣтили его и оно имъ понравилось. Янъ уѣхалъ изъ Рима на другой-же день послѣ смерти Игнатія. Такова была воля Раисы. Она отправила его сюда, обѣщая пріѣхать къ нему, какъ только будетъ возможно. Прошло уже двѣ недѣли, а ея еще не было. Тихая жизнь подъ лучами солнца, подъ дыханьемъ моря, въ ароматѣ травъ и апельсинныхъ цвѣтовъ—успокаивали усталую душу Яна. Онъ становился прежнимъ и многое изъ прошлаго дѣлалось ему понятнѣе.

День былъ очень ясный. Море лежало спокойное, зеленое и гладкое. Янъ спустился къ самому берегу по крутымъ каменистымъ тропинкамъ. На берегу было еще теплѣе и влажнѣе. Янъ сѣлъ у большой черной скалы, сходившей въ воду. Налѣво, поодаль, рыбачьи лодки едва колебали свои тонкія мачты отъ дыханья волнъ. Между ракушками и зернами крупнаго сырого песку кое-гдѣ розовѣли палочки коралловъ. Толпа дѣтей отыскивала кораллы и Янъ слышалъ издали ихъ крики и смѣхъ.

Вдругъ онъ замѣтилъ, что прямо къ нему бѣжитъ изъ дому десятилѣтній Антоніо, сынъ его хозяевъ. Онъ былъ босикомъ, бѣлокурые кудри падали на глаза. Янъ любилъ его, потому что мальчикъ былъ тихъ и ласковъ и никогда не просилъ, приставая, «un'so» у проѣзжихъ путешественниковъ, какъ другія дѣти.

— Due lettere per signore!—кричалъ мальчикъ, гордясь, что говоритъ по-итальянски, а не на непонятномъ никому неаполитанскомъ діалектѣ. Но мать его была изъ Умбріи и учила его говорить на чисто тосканскомъ нарѣчіи:—Ecco! Tutte le due per Lei!

Янъ взялъ письма. Мальчикъ, радуясь, что доставилъ удовольствіе постояльцу, убѣжалъ въ припрыжку.

Одно письмо было изъ Франціи, другое изъ Россіи. На французскомъ письмѣ адресъ былъ написанъ длиннымъ и узкимъ почеркомъ Раисы.

«Янъ, не прошу у васъ прощенья, писала Раиса,—я иначе поступить не могу. Я не пріѣду, мы больше не увидимся. Вы сами поймете, что такъ нужно, если еще не поняли. Мнѣ кажется, я была сумасшедшая въ то мгновеніе, на балконѣ... Не хочу скрывать: я васъ

люблю. Но вы меня не можете любить, какъ мнѣ надо. Я все помню, не бойтесь, и ваши слова, и ваши слезы передъ отъѣздомъ, и вѣрю имъ. Но вы меня любите по-своему, а мнѣ нужно по-моему. Мы былибы несчастны вмѣстѣ: вы—отъ вѣчныхъ оскорбленій, отъ моего несчастія, я—оттого, что ваши мысли отравляютъ меня, а вѣрить, какъ вы, у меня нѣтъ силъ. Нѣтъ вашей тишины въ сердцѣ. Прощайте. Я долго не вернусь въ Россію. Вездѣ, всегда я стану думать о васъ, во всемъ, что будетъ мнѣ казаться прекраснымъ и чистымъ, я увижу отраженіе вашей души».

Янъ опустилъ листокъ на колѣни. Ему опять казалось, что случилось именно то, о чемъ онъ давно зналъ, что не могло не случиться. И онъ машинально раскрылъ другое письмо. Ласковое море, шелестя, лизало его ноги.

«Ужасно скучно безъ васъ», начинала Оля. Она сообщала съ дѣтской тщательностью всѣ подробности—не о себѣ, а о бабушкѣ, о томъ, какъ она ѣстъ, спитъ... Писала о томъ, что Мавра теперь два раза въ день варитъ для бабушки манную кашу, «потому-что она лучше ѣстъ, если дать тепленькую». «Бабушка совсѣмъ не слабѣетъ, заканчивала она свое посланіе, а даже какъ-будто крѣпче. Все бродитъ и лепечетъ что-то. Вѣрьте-не вѣрьте, а мнѣ думается, что и она по васъ скучаетъ. Смутно, конечно, у нея въ душѣ, но вѣдь мы ничего не знаемъ, можетъ она и чувствуетъ. Пріѣзжайте, Иванъ Ивановичъ.—Пожалуйста, пріѣзжайте, я такъ васъ стану ждать».

Далекой, но какой-то ненужной нѣжностью, пахнуло на Яна отъ этихъ строкъ. Пріѣхать? Зачѣмъ? Не все-ли равно? Здѣсь, тамъ... Нѣтъ разстояній, нѣтъ времени...

— Не пріѣду я, милая Оля,—тихо проговорилъ Янъ, опустилъ голову и задумался. И даже не задумался, а впалъ, какъ ребенкомъ, бывало, въ тихое, сладкое оцѣпенѣніе, не сонъ и не бодрствованіе, безъ мыслей, едва ощущая жизнь и совсѣмъ не ощущая себя. Солнце свободно отражалось въ его остановившихся, близорукихъ глазахъ, которыхъ онъ никогда не щурилъ. Теплый, тяжелый воздухъ былъ полонъ аромата апельсинныхъ садовъ. Недвижно лежало море, какъ громадное ясное зеркало, а надъ нимъ, повторяясь въ немъ, разстилалась блѣдная лазурь и проносился небесный дымъ легкой полосою.

З. Гиппіусъ.

Исторія одного идейнаго преступленія.

«Преступленіе и Наказаніе» Ф. М. Достоевскаго.

Въ лицѣ Раскольникова Достоевскій нарисовалъ намъ сложную картину особой весьма тонкой разновидности полусознательнаго состоянія, которое развилось на почвѣ чрезмѣрно субъективной, аффективной и не урегулированной умственной работы, принявшей характеръ броженія. Въ жизни каждаго интеллигентнаго человѣка особенно въ эпоху юности во время оріентированія и броженія не рѣдки также моменты, какой переживалъ Раскольниковъ. Но, къ счастью для большинства молодежи, эти моменты скоро проходятъ; подъ двойнымъ давленіемъ внѣшней дѣйствительности и внутренней душевной жизни, эти моменты стушевываются, не пріобрѣтая особеннаго значенія. Не такъ сложилась судьба Раскольникова. Въ силу особеннно чувствительной организаціи, крайней идейной чуткости, ему суждено было пережить критическій періодъ развитія самосознанія въ очень широкихъ размѣрахъ и въ сопровожденіи весьма сильнаго идейнаго аффекта. А тутъ еще злая судьба лишила Раскольникова той могущественной точки опоры, которую находитъ молодежь въ жизни чувствъ и инстинктовъ, изолировала его отъ товарищей, окружила его мрачной семейной обстановкой и поставила его въ упоръ передъ самыми мрачными сторонами жизни. «Ему ударило въ голову и потемнѣло въ глазахъ», въ тѣхъ духовныхъ очахъ, которыми мы различаемъ добро и зло, свѣтъ и тѣнь.

Нужно имѣть въ виду, что такъ называемое сознаніе есть именно состояніе полнаго оріентированія и равновѣсія между различными душевными силами; сознаніе также есть условіе правильной мѣры во всякой психической работѣ, мѣры въ оцѣнкѣ времени, качества, силы, а также значенія отдѣльныхъ вещей и явленій. Лишь только сознаніе поколеблено, или хотя сколько-нибудь помрачено, мѣра и равновѣсіе

потеряны. Понятно, возможны различныя степени помраченія сознанія, отъ самаго легкаго колебанія, какъ при волненіяхъ, до полной потери его при бредѣ, опьяненіи и т. п. Интересно, что у людей съ болѣзненнымъ разстройствомъ нервовъ, особенно у истеричныхъ, замѣчается большая наклонность къ такому временному помраченію сознанія и головокруженію. Было-бы однако-жъ большой натяжкой видѣть въ Раскольниковѣ нервно-больного и приписывать его головокруженіе слабости его нервной системы. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдняя у Раскольникова ничѣмъ не обнаруживаетъ того, что можно принять за нервное разстройство въ строгомъ смыслѣ слова. Замѣчается нѣкоторое раздраженіе, возбужденіе его нервовъ, что вполнѣ натурально при его обстановкѣ, образѣ жизни и настроеніи, но отсюда еще очень далеко до болѣзни. Душевное состояніе Раскольникова носитъ на себѣ характеръ спеціальнаго и идейнаго головокруженія. Случай Раскольникова не единственный въ этомъ родѣ. Исторія и жизнь знаютъ не мало случаевъ, когда подъ вліяніемъ рѣзкой перемѣны въ жизни, быстрой карьеры, у человѣка кружится голова, разстраивается его душевное равновѣсіе, теряется ясное сознаніе дѣйствительности, возможное и невозможное больше не различаются. Жизнь нѣкоторыхъ крупныхъ историческихъ дѣятелей представляетъ яркій примѣръ такого рода нравственнаго головокруженія, которое слишкомъ дорого обходилось современникамъ (Наполеонъ I). Эти тонкія и загадочныя душевныя состоянія встрѣчаются далеко не такъ рѣдко, какъ кажется, и играютъ большую роль, какъ въ большой исторіи человѣчества, такъ и въ маленькой исторіи повседневной жизни маленькихъ людей. Вопросъ, куда отнести эти неопредѣленныя душевныя состоянія—къ области-ли здоровья или болѣзни, можетъ поставить въ тупикъ самаго тонкаго психолога и опытнаго психіатра. Къ счастью, это одинъ изъ тѣхъ формальныхъ вопросовъ, которые не имѣютъ большого практическаго значенія. Ясное дѣло, что предъ нами аномалія, одно изъ уклоненій отъ физіологическаго и гармоническаго хода душевныхъ процессовъ, одна изъ переходныхъ формъ, находящихся на рубежѣ душевнаго здоровья и болѣзни. Затемненіе сознанія обыкновенно является пароксизмами, и лицо подверженное такимъ головокруженіямъ представляетъ въ своемъ душевномъ состояніи смѣну двухъ періодовъ—одного совершенно яснаго сознанія, и другого—пароксизма полусознательнаго состоянія. Это особенно рельефно выступаетъ у Раскольникова, котораго мы видимъ то совершенно просвѣтленнымъ, то въ состояніи затмѣнія, которое, какъ онъ самъ чувствуетъ, на него «находитъ». Въ одну изъ свѣтлыхъ минутъ онъ восклицаетъ: «Господи. покажи мнѣ путь мой, и я отрекаюсь отъ мечты моей». Этими непрерывными колебаніями въ душевномъ состояніи Раскольникова отчасти объясняется то напряженное волненіе, которое охватываетъ читателя

на самомъ порогѣ разсказа и не покидаетъ его до момента развязки. Читатель невольно и безсознательно раздѣляетъ различные моменты, переживаемые героемъ разсказа. Читатель то испытываетъ чувство облегченія, видя какъ просвѣтляется душа Раскольникова, и содрагается, замѣчая, что послѣдній снова погружается въ мракъ. Передъ нами утопающій въ его борьбѣ съ волнами. Мы нарочно останавливаемся на этомъ обстоятельствѣ, такъ какъ имъ, а не однимъ стилемъ Достоевскаго и даже не трогательными эпизодами можно объяснить то напряженное и глубокое волненіе, которое испытываетъ всякій при чтеніи исторіи Раскольникова.

Повторяю, Раскольниковъ, какъ намъ его рисуетъ Достоевскій, не только не боленъ душевно, не страдаетъ никакой нервной болѣзнью, онъ даже не одержимъ насильственной идеей; его страданіе заключается въ раздраженіи плѣнной мысли, а по временамъ онъ подверженъ пароксизмамъ умственнаго затмѣнія и полусознательнаго состоянія. Этого матеріала, при чувствительной натурѣ и благородствѣ его души, конечно, недостаточно, чтобъ сдѣлать изъ него убійцу. Чтобы привести его къ убійству, авторъ прибѣгаетъ къ помощи раздражающей «обстановки» Онъ окружаетъ своего героя мрачной атмосферой, проводитъ измученнаго и безъ того раздраженнаго и возбужденнаго юношу сквозь строй цѣлаго ряда потрясающихъ, до искусственности однородныхъ, картинъ и сценъ. Бѣдный юноша подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній постепенно накаливается до температуры убійства. Да позволено намъ будетъ здѣсь высказать, что этотъ процессъ накаливанія заключаетъ въ себѣ не мало искусственнаго въ группировкѣ фактовъ и со стороны концепціи отдаетъ какой-то фальшью въ художественномъ и бытовомъ смыслѣ. Спору нѣтъ, каждая сцена, взятая въ отдѣльности, будетъ-ли это исторія Мармеладова, Сони, исторія «партіи» его сестры, даже его сонъ и т. д. представляетъ собою живую, вѣрную, хотя не рѣдко черезъ чуръ ярко и густо нарисованную картину, въ которой быть можетъ больше свѣтовыхъ и тѣневыхъ эффектовъ, чѣмъ гармоніи линій. Но когда мы нанизываемъ, какъ это дѣлаетъ авторъ, всѣ эти картины на одну нить и пытаемся путемъ синтеза создать изъ нихъ нѣчто цѣлое, то чувствуется, что здѣсь есть нѣчто искусственное и нереальное. Хотя въ отдѣльности каждая изъ этихъ картинъ и исторій имѣетъ мѣсто въ дѣйствительной жизни, но послѣдняя именно тѣмъ и отличается, что въ ней нѣтъ этого искусственнаго синтеза; что въ ней, въ реальной жизни, рядомъ съ мрачными картинами есть и отрадныя, рядомъ съ низкими сюжетами имѣются высокіе и даже комическіе. А между тѣмъ именно въ этомъ искусственномъ нагроможденіи однородныхъ фактовъ, въ этомъ сумированіи одинаковыхъ впечатлѣній и заключается

тотъ рычагъ, которымъ Достоевскій двигаетъ своего героя къ убійству. Нужно сознаться, что какъ драматическій пріемъ такое нагроможденіе фактовъ даетъ сильный эффектъ—не только герой разсказа, но и читатель увлекается словно могучей волной, которая уноситъ въ даль. Волна эта, къ счастью, однако-жъ, не жизненная, а лишь художественная.— Раскольниковъ фаталистъ и въ то-же время религіозенъ, притомъ-же не только въ отвлеченномъ смыслѣ. Религіозность прежде всего предполагаетъ вѣру въ міровую и божественную совѣсть, которой подчинена наша личная и индивидуальная совѣсть. Послѣдняя у истинно религіознаго человѣка никогда не можетъ стать верховнымъ принципомъ, не можетъ разрѣшить то, что не допускается міровой совѣстью. Революціонный индивидуализмъ, которымъ проникнутъ Раскольниковъ, не можетъ ужиться съ высшимъ началомъ, предъ которымъ должно преклониться все личное и индивидуальное. Раскольниковъ всюду видитъ ложь, зло, насиліе, онъ не разъ спрашиваетъ, гдѣ-же смыслъ всѣхъ людскихъ страданій, онъ не видитъ нигдѣ проблеска свѣта и добра, міръ представляется ему одимъ лишь царствомъ грубой стихійной силы.—Вотъ почему для насъ остается загадкой, какъ Достоевскій представлялъ себѣ религіозность своего героя,—тѣмъ болѣе, что самъ авторъ мало объ этомъ распространяется.

Не менѣе загадочнымъ и туманнымъ является для насъ смыслъ того фатализма, который Достоевскій приписываетъ Раскольникову. Нужно вообще сознаться, что фатализмъ есть нѣчто весьма сложное и понимается на разные лады. Называютъ фаталистомъ человѣка, который вѣритъ въ роковую неизбѣжность всего того, что совершается. Такого рода міровой фатализмъ принимаетъ философскую форму вѣры въ міровой законъ и міровой порядокъ; иногда-же фатализмъ принимаетъ религіозный характеръ, когда въ основѣ его лежитъ вѣра въ высшее верховное начало. Нужно однако-жь сознаться, что такой отвлеченный фатализмъ доступенъ лишь не многимъ избранникамъ. Для огромнаго большинства человѣчества фатализмъ не выходитъ изъ предѣловъ ихъ личной жизни и личныхъ интересовъ. Вѣра въ то, что ихъ личная жизнь и судьба фатально чѣмъ-то предопредѣлены, вотъ что въ дѣйствительности составляетъ живой источникъ фатализма бытового, такъ сказать обывательскаго. Въ этомъ смыслѣ каждый человѣкъ неможко фаталистъ, такъ-какъ въ фатализмѣ мы ищемъ объясненія различныхъ эпизодовъ нашей жизни, часто мы находимъ въ немъ утѣшеніе въ нашихъ неудачахъ, а нерѣдко и успокоеніе нашей совѣсти во всемъ томъ, что послѣдняя не одобряетъ. Съ этой точки зрѣнія намъ открываются двѣ различныя формы фатализма. Онъ не одинаковъ у людей сильныхъ и слабыхъ. У первыхъ, это прежде всего вѣра въ свой успѣхъ, въ свое будущее,— тутъ фатализмъ и оправдываетъ всѣ тѣ поступки, которые нерѣдко на-

рушаютъ интересы другихъ людей. Фатализмъ слабыхъ совсѣмъ иного рода—всѣ свои неудачи и бѣдствія, свое собственное безсиліе, удары, наносимые имъ другими, слабые приписываютъ фатализму, въ которомъ они видятъ причину своей слабости. Сильный фаталистъ проникнутъ горделивымъ самочувствіемъ, онъ смотритъ на себя, кякъ на представителя судьбы, какъ на частицу самого фатума; слабый напротивъ чувствуетъ себя жертвой фатума, который является для маленькаго человѣка грозной враждебной силой; фаталистъ вообще склоненъ вѣрить въ предзнаменованіе, т. е. въ символическое значеніе того или другого явленія. Сильный фаталистъ особенно склоненъ воображать, будто многое происходящее вокругъ него имѣетъ какое-то спеціальное отношеніе къ нему, къ его личной судьбѣ, и какъ-будто для него и существуетъ. О фатализмѣ Раскольникова мы не находимъ прямыхъ указаній въ разсказѣ. По своей манерѣ не давать прямыхъ характеристикъ, авторъ заставляетъ читателя догадываться, что его герой фаталистъ. Обратимся-же къ послѣднему. Его міровоззрѣніе, т. е. взгляды на жизнь и міровой порядокъ, представляетъ смѣшеніе различныхъ понятій. Міръ для Раскольникова представляется то бездушнымъ механизмомъ, то отраженіемъ скрытаго высшаго предопредѣленія. Трудно разобраться въ хаосѣ его мыслей и чувствъ, и указать, гдѣ у него кончается рокъ и начинается вѣра. Чувствуется разладъ между его холоднымъ, скептическимъ, склоннымъ къ фатализму умомъ и горячимъ протестующимъ сердцемъ, которое со всей силой молодости возмущается противъ слѣпого рока и живетъ вѣрой въ высшее начало везмездія. Авторъ заставляетъ насъ угадывать фатализмъ своего героя въ той чувствительности, которую послѣдній обнаруживаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ; такъ напримѣръ на Раскольникова производитъ сильное впечатлѣніе случайно подслушанный имъ въ трактирѣ разговоръ на тему о волнующемъ его вопросѣ, можно-ли переступить черезъ жизнь другого. Можно еще пожалуй признать естественнымъ это волненіе. Но за то нельзя не видѣть нѣкоторой натяжки и нѣкотораго преувеличенія въ томъ ужасѣ, который овладѣваетъ имъ, когда онъ случайно на улицѣ встрѣтилъ Лизавету, сожительницу старухи и узнаетъ, что завра въ 7 часовъ вечера ея, Лизаветы, не будетъ дома. Описывая то волненіе, которое вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ охватило Раскольникова, Достоевскій не только выставляетъ своего героя фаталистомъ, но какъ-будто и самъ вмѣстѣ съ своимъ героемъ готовъ увѣровать въ роковое стеченіе обстоятельствъ. Право, въ этой сценѣ есть значительное преувеличеніе и бытовое, и психологическое. Съ бытовой стороны кажется страннымъ, что Раскольникова такъ поразило, когда онъ узналъ, что въ такомъ-то часу «старуха будетъ одна», когда ему было хорошо извѣстно, что старуха почти всегда была одна и ему стоило только прослѣдить уходъ Лизаветы изъ дому, чтобы имѣть

увѣренность, что старуха одна. Психологически кажется мало понятнымъ этотъ внезапный и рѣзкій переворотъ въ душѣ Раскольникова, въ которой только-что видѣнный сонъ вызвалъ такое просвѣтленіе, такую реакцію противъ мечты. Достаточно было ему узнать, что старуха будетъ одна, и по какому-то волшебству, фаталистически, но не совсѣмъ понятно психологически, въ душѣ его снова подымается туманъ, снова всплываетъ мечта. Непосредственно за этой встрѣчей слѣдуетъ разговоръ въ трактирѣ, имѣющій рѣшающее значеніе для судьбы Раскольникова. Когда читаешь разсказъ и поддаешься непосредственному впечатлѣнію этихъ сценъ глубоко драматическихъ и по содержанію, и по стилю, невольно увлекаешься могучимъ потокомъ мысли и чувства автора и, вслѣдъ за нимъ повторяешь: «какъ-будто тутъ было какое-то предопредѣленіе». Но стоитъ намъ дать отойти этому разсказу отъ насъ на нѣкоторое разстояніе, тогда законъ логической перспективы дѣлаетъ свое и обнаруживаетъ нѣкоторую неправильность и искусственность всей постройки и показываетъ преувеличеніе, какое имѣется въ этомъ чередованіи одной за другой двухъ драматическихъ встрѣчъ. Быть не можетъ, чтобы самъ Достоевскій не чувствовалъ бытовой, фактической натяжки своего построенія. Ключъ къ разгадкѣ заключается безъ сомнѣнія въ томъ, что Достоевскій писалъ не исторію, а драму, что онъ пытался разрѣшить психологическую задачу — исторію возникновенія и развитія идейнаго убійства въ душѣ юноши, призваннаго природой къ самопожертвованію.

Наступилъ моментъ убійства. За часъ передъ этимъ мы видимъ Раскольникова лежащимъ на диванѣ, съ тяжелой головой, ему грезится Африка, оазисы, пальмы... Когда часы пробили «онъ вздрогнулъ, вскочилъ, какъ-будто что-то сорвало его съ дивана. Сердце его страшно билось. Дико и чудно показалось ему, какъ могъ онъ пролежать въ такомъ забытьѣ со вчерашняго дня, и еще ничего не приготовить. И необыкновенная лихорадочная и какая-то растерявшаяся суета охватила его вдругъ. Онъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы все сообразить и ничего не забыть. А сердце все билось, стукало такъ, что ему дышать было тяжело». По пути къ дому, гдѣ жила старуха, «онъ не боялся совсѣмъ, занимали его даже какія-то постороннія мысли, только все ненадолго». Передъ самымъ моментомъ преступленія «руки его были ужасно слабы, съ каждымъ мгновеніемъ онѣ все болѣе нѣмѣли и деревенѣли; онъ боялся, что выпуститъ и уронитъ топоръ... Вдругъ голова его какъ-бы закружилась... Онъ вынулъ топоръ и взмахнулъ имъ обѣими руками, едва себя чувствуя. Силъ его какъ-бы тутъ не было. Но какъ только онъ разъ опустилъ топоръ, тутъ и родилась въ немъ сила. Онъ былъ въ полномъ умѣ, головокруженія уже не было, но руки все еще дрожали.

Онъ вспомнилъ потомъ, что былъ даже очень внимателенъ и остороженъ. Странное дѣло, только-что онъ началъ прилаживать ключи къ комоду, только-что услышалъ звяканье, какъ-будто судорга прошла по немъ. Ему вдругъ опять захотѣлось бросить все и уйти. Онъ спѣшилъ ужасно, но какъ-то все неудачно. Не то, чтобъ руки его дрожали, но онъ все ошибался». Послѣ второго убійства «страхъ охватывалъ все больше и больше. Ему хотѣлось поскорѣй убѣжать отсюда. Отвращеніе особенно подымалось и росло въ немъ каждую минуту. Ни за что на свѣтѣ не пошелъ-бы онъ теперь къ сундуку и даже въ комнаты. Но какая-то разсѣянность, какъ-будто даже задумчивость стали понемногу овладѣвать имъ: минутами онъ какъ-будто-бы забывался, или лучше сказать забывалъ о главномъ и принимался за мелочь». Въ такихъ выраженіяхъ описываетъ Достоевскій душевное состояніе Раскольникова во время совершенія преступленія. Начало чисто механическое, какъ-бы вынужденное, безъ участія собственной воли, сознаніе, поглощенное все время частностями и посторонними вещами, непрерывная лихорадочная работа мысли, мгновеніями затемненіе сознанія. Неоднократно упоминается о затмѣніи и забвеніи. Повидимому Достоевскій хочетъ убѣдить читателя въ томъ, что Раскольниковъ все время совершенія преступленія находился въ полусознательномъ состояніи. Руки Раскольникова не дрожали, но онъ всетаки ошибался, говоритъ авторъ. Дѣйствительно-ли однако поведеніе Раскольникова во время совершенія преступленія напоминаетъ автомата? Наврядъ-ли. До послѣдней минуты, когда онъ кладетъ топоръ на прежнее мѣсто, Раскольниковъ обнаруживаетъ поразительное самообладаніе, сообразительность, способность примѣняться къ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ. Онъ не дѣлаетъ ни одного лишняго шага, ничѣмъ не выдаетъ своего волненія. Само убійство старухи совершается безъ излишней жестокости, онъ не наноситъ ей лишнихъ ударовъ, и Лизавету онъ также убиваетъ однимъ ударомъ, а это было уже въ періодъ наивысшаго возбужденія и страха. Между тѣмъ извѣстно, что преступники, находящіеся въ состояніи безпамятства, какъ эпилептики напримѣръ, или въ состояніи сильнаго возбужденія, обнаруживаютъ много нецѣлесообразной жестокости—трупы убитыхъ такими субъектами нерѣдко изрублены въ куски. Раскольникова не покидаетъ даже соображеніе о существованіи какой-то «укладки» у старухи. По окончаніи дѣла онъ тщательно осматриваетъ свое платье, обмываетъ топоръ. Его поведеніе на лѣстницѣ обнаруживаетъ поразительную сообразительность и вѣрность разсчетовъ. Не только въ цѣломъ вся картина преступленія дышетъ глубокой реальностью, не напоминаетъ человѣка, находящагося въ полусознательномъ состояніи, но отдѣльныя детали прямо исключаютъ такое предположеніе. Раскольниковъ вздрагиваетъ, когда звякнулъ замокъ сундука—это вполнѣ понятно, если принять, какъ оно и есть, что

Раскольниковъ находился въ состояніи чрезвычайнаго напряженія всѣхъ душевныхъ силъ и повышенной нервной раздражительности. Рѣзкій звукъ замка какъ-бы ударилъ по натянутымъ нервамъ, и въ сознаніи моментально возникъ образъ того дѣла, на которое онъ идетъ, «грабежа», и его чуткая, не заснувшая душа вздрогнула. Гдѣ-же тутъ безсознательное состояніе?

По словамъ Достоевскаго, Раскольниковъ вспомнилъ потомъ, что былъ даже очень внимателенъ, остороженъ, старался все не запачкаться. Тутъ что ни слово, то фактъ, исключающій безсознательное состояніе. Вниманіе и есть главное мѣрило сознанія—безсознательное-же состояніе совершенно исключаетъ вниманіе. Наконецъ, уже одно то, что онъ впослѣдствіи могъ вспомнить свое душевное состояніе, дѣлаетъ абсолютно немыслимымъ, чтобы Раскольниковъ находился тогда въ безпамятствѣ. Память неразрывно связана съ сознаніемъ. Вспоминать и притомъ произвольно, возможно лишь то, что произошло въ состояніи полнаго и яснаго сознанія. Преступленіе, совершенное въ безсознательномъ состояніи, напримѣръ эпилептиками, тѣмъ главнымъ образомъ и характеризуется, что не оставляетъ въ душѣ больного преступника никакого слѣда, никакихъ воспоминаній.

Кому-же мы должны больше вѣрить — художнику или коментатору? Въ выборѣ не можетъ быть колебаній. Картина преступленія дышетъ такой художественной правдой, что психологическій анализъ можетъ смѣло пользоваться ею, какъ руководящей нитью и матерьяломъ. Понять душевное состояніе Раскольникова во время преступленія можно только, взявъ исходной точкой тотъ умственный и нравственный кризисъ, который онъ пережилъ раньше. Какъ мы видѣли, душа Раскольникова была захвачена сильнымъ идейнымъ и моральнымъ броженіемъ. Подъ вліяніемъ этого броженія мысль его приняла одностороннее направленіе, сконцентрировалась въ заколдованномъ кругѣ вопросовъ и чувствъ. Въ силу-же основного психологическаго закона, по которому воля нуждается въ устойчивости мысли, у Раскольникова, у котораго мышленіе получило крайне неустойчивый характеръ какого-то круговорота, проявленіе воли сдѣлалось почти невозможнымъ, и вся духовная личность его оказалась во власти круговаго теченія мыслей и чувствъ.

Слово «идейное головокруженіе» всего ближе подходитъ къ душевному состоянію Раскольникова въ этотъ періодъ. Убійство представляетъ собою вторую фазу развитія этого душевнаго процесса. Каково взаимное отношеніе обѣихъ фазъ? Можно-ли прослѣдить ихъ внутреннее психологическое родство?

Поставивъ такимъ образомъ вопросъ, мы уже этимъ самымъ даемъ отвѣтъ—вся исторія убійства органически связана съ предыдущимъ состояніемъ Раскольникова, логически вытекаетъ изъ него, какъ роковая

необходимость. Въ теченіи всего подготовительнаго періода мы видимъ, какъ въ душѣ Раскольникова происходитъ борьба противоположныхъ идей, чувствъ и стремленій. Всѣ активныя идеи, т.-е. стремящіяся перейти въ поступокъ, сливаются въ одну «мечту» и резюмируютъ всю сумму революціонныхъ идей и протестующихъ чувствъ, назрѣвшихъ въ душѣ Раскольникова. Эти идеи однако встрѣчаютъ сопротивленіе со стороны нѣкоторыхъ устоевъ мысли и чувствъ,—отсюда борьба и бездѣйствіе. Достоевскій шагъ за шагомъ устраняетъ сопротивляющіеся элементы и въ то-же время укрѣпляетъ активныя идеи, подготовляя имъ окончательную побѣду. Борьба прекращается только тогда, когда сопротивленіе окончательно сломлено, и активныя идеи пріобрѣтаютъ господствующее положеніе. Борьба кончена,—достаточно-ли однако этого, чтобы активныя идеи перешли непосредственно въ дѣйствіе? Едва-ли. Ставъ господиномъ позиціи, идея еще нуждается для перехода въ дѣйствіе въ одномъ—въ устойчивости, ибо нѣтъ воли и рѣшенія безъ опредѣленности, т.-е. безъ неподвижности идей. Пока продолжается броженіе, даже простое колебаніе господствующей идеи, пока нѣтъ полнаго равновѣсія, идея не перейдетъ въ поступокъ. Достоевскій глубокимъ чутьемъ своимъ постигъ этотъ законъ воли и дѣйствія, когда онъ приводитъ своего героя наканунѣ рокового дѣйствія къ сравнительному успокоенію. Прежде чѣмъ дѣйствовать, Раскольниковъ какъ-бы замираетъ. Страшная тишина и миръ водворяются въ душѣ его—въ иные моменты кажется даже, что преслѣдующія его идеи истощены въ безплодной внутренней борьбѣ, на самомъ дѣлѣ это спокойствіе имѣетъ своимъ источникомъ устойчивость этихъ идей, т.-е. полную готовность ихъ перейти въ разрушительный актъ.

Послѣдній наступаетъ. Идеи, такъ долго бродившія, наконецъ, прокладываютъ себѣ дорогу и осуществляются въ дѣйствіи. Легко представить себѣ, что должно происходить въ душѣ Раскольникова. Сознаніе его, всецѣло поглощенное уже не самой идеей, а ея осуществленіемъ, должно быть въ состояніи сильнаго напряженія и сосредоточенія на техникѣ дѣйствія. Чувству, волненію уже нѣтъ мѣста, такъ какъ вся энергія души уходитъ въ дѣло, въ исполненіе. Воля Раскольникова во время совершенія убійства достигаетъ высокаго напряженія. Будучи вся подъ вліяніемъ активной идеи, она достигаетъ размѣровъ непреодолимой силы, почему онъ и производитъ впечатлѣніе автомата. Это—автоматизмъ идеи, которая овладѣла волей и прокладываетъ себѣ путь. Зато внѣ этой идеи у Раскольникова нѣтъ никакой воли, онъ потерялъ способность владѣть своими дѣйствіями. Сильный въ осуществленіи своей идеи, онъ безпомощенъ передъ ней и не можетъ ей оказать сопротивленіе. Вотъ почему Достоевскій склоненъ былъ приписывать своему герою полную потерю воли въ моментъ совершенія имъ убійства. Секретъ этого

кажущагося противорѣчія въ томъ, что воля не есть цѣльная, недѣлимая душевная способность и что она можетъ достигнуть высокаго напряженія въ одной какой-нибудь области и вмѣстѣ съ тѣмъ быть какъ-бы парализованной въ другой сферѣ. Въ общемъ весь періодъ совершенія преступленія заключаетъ въ себѣ разрѣшеніе той внутренней душевной энергіи, которая накопилась въ душѣ Раскольникова. Энергія, не нашедшая себѣ исхода, проложила себѣ насильственный путь въ формѣ преступленія. А за разрѣшеніемъ наступило истощеніе. Еще въ теченіе самого убійства у Раскольникова нѣсколько разъ являлись на мгновеніе головокруженія. Когда-же все было кончено, истощеніе достигло высокой степени. Раскольниковъ впадаетъ въ полное безпамятство, наступаетъ сонъ, тяжелый, съ бредомъ и галлюцінаціями, точь въ точь какъ это бываетъ въ другихъ случаяхъ истощенія—отъ голоданія, чрезмѣрнаго утомленія или послѣ сильнаго душевнаго потрясенія.

Бредъ и безпамятство составляютъ третью фазу процесса. Бредъ былъ выраженіемъ мозговой реакціи, вызванной продолжительнымъ раздраженіемъ мысли. Наблюденія показываютъ, что при истощеніи высшей душевной дѣятельности мозгъ превращается на время въ автоматическій аппаратъ, судорожно работающій и производящій вмѣсто стройныхъ мыслей безсвязные обрывки идей, т.-е. бредъ. Кажущееся богатство бреда и фантастическіе образы галлюцинацій выражаютъ собою судорожную безцѣльную мозговую работу. Такая работа ослабленнаго мозга не можетъ долго продолжаться, нервная система окончательно отказывается работать, наступаетъ глубокій летаргическій сонъ. Въ такой сонъ впадаетъ и Раскольниковъ. Но Раскольниковъ не впадаетъ сразу послѣ убійства въ сонъ, какъ это бываетъ съ людьми, совершившими проступленіе въ состояніи безпамятства или очень сильнаго аффекта. Онъ нѣкоторое время еще борется съ наступающимъ истощеніемъ. Эта борьба еще разъ доказываетъ выносливость его нервной системы, а также и то, что онъ не испыталъ особенно сильнаго *нервнаго* возбужденія.

Бредъ овладѣваетъ имъ не сразу, а постепенно. Послѣ забытья, наступившаго у него по возвращеніи домой, онъ приходитъ въ себя, быстро овладѣваетъ мыслью и оріентируется въ своемъ положеніи. Въ участкѣ онъ снова поддается слабости, голодъ, волненіе, духота подкашиваютъ его силы, онъ приходитъ сначала въ возбужденіе, изливается передъ квартальнымъ, затѣмъ наступаетъ реакція, онъ падаетъ въ обморокъ. Дома однако-жъ онъ снова находитъ въ себѣ силы предпринять прогулку, обдуманно спрятать вещи, затѣмъ уже, какъ подкошенный, онъ впадаетъ въ бредъ. Выходитъ онъ изъ бреда не сразу также, а постепенно. Во время перваго своего выхода или бѣгства изъ дома, когда онъ бродитъ по Сѣнной, заходитъ въ трактиръ, заглядываетъ въ квартиру убитой старухи, онъ находится въ полусознательномъ состояніи. Его раз-

говоръ на улицѣ съ мужикомъ, бесѣда съ Заметовымъ носитъ на себѣ явную печать бреда.

Кстати замѣтимъ, что посѣщеніе квартиры старухи, сцена съ колокольчикомъ, ставшая почему-то классической и часто цитируемая, какъ шедевръ психологическаго анализа, представляетъ на нашъ взглядъ хотя весьма эффектный, но довольно искусственный эпизодъ. Самое большее, что можно въ этомъ видѣть, это автоматическій актъ; никоимъ образомъ нельзя въ этомъ посѣщеніи видѣть проявленія какой-то неотвязчивой идеи, такъ какъ Раскольниковъ и въ бреду обходилъ «тотъ» пунктъ. Онъ приходитъ въ себя и вступаетъ въ новую полосу. Рѣзко измѣнилось его положеніе, у него есть подавляющее прошлое, угрожающее будущее и запутанное настоящее, да и самъ онъ уже не тотъ, какимъ мы его знали раньше. Наступаетъ четверый періодъ его исторіи, тянущійся вплоть до самого конца разсказа, до того момента, когда въ его душѣ подъ вліяніемъ любви занимается заря нравственнаго возрожденія. По своему внѣшнему содержанію этотъ періодъ весьма богатъ лицами и событіями. Для Раскольникова однако-жъ вся эта эпоха резюмируется въ простой формулѣ: борьба на жизнь и смерть съ обществомъ и закономъ, съ представителями ненавистнаго принципа. До преступленія онъ былъ нападающей стороной, онъ громилъ общество и его начала, теперь мы его видимъ обороняющимся, и положеніе его тѣмъ драматичнѣе, что ему никто не объявляетъ прямой войны, но онъ чувствуетъ ее въ воздухѣ, въ людяхъ, въ ихъ взглядахъ и разговорахъ и, что ужаснѣе всего—въ себѣ самомъ. Точно въ немъ сидятъ два человѣка. Но не въ этой сложной внѣшней борьбѣ интересъ и смыслъ этого періода; суть его заключается въ крайне сложной внутренней борьбѣ разнородныхъ элементовъ, разыгрывающейся въ его душѣ. Отбросивъ всѣ вводныя лица и событія и сосредоточившись на одномъ Раскольниковѣ, мы въ состояніи уловить нѣсколько основныхъ психологическихъ мотивовъ, внутренней, душевной жизни Раскольникова въ эту эпоху. Мечта его осуществлена,—какъ-же онъ воспользовался убійствомъ? Мы видѣли, что онъ не съумѣлъ выполнить того, что казалось составляло его главную цѣль, онъ не съумѣлъ быть воромъ. И нетолько не съумѣлъ, а какъ будто и забылъ про то, для чего онъ пожертвовалъ чужой жизнью и своей совѣстью и убилъ принципъ. Самъ онъ впослѣдствіи приписываетъ это своей неумѣлости и трусости. А между тѣмъ это весьма характерно для исторіи его поступка. Какъ онъ самъ это впослѣдствіи понялъ, главнымъ мотивомъ, побудившимъ его совершить убійство, было желаніе сдѣлать «пробу» своихъ моральныхъ силъ, своей воли, стремленіе нарушить законъ, даже безъ всякой цѣли. Не человѣка убилъ, а принципъ, восклицаетъ онъ. Это еще разъ доказываетъ, что мечта его имѣла чисто идейный характеръ, чувство-же, желанія и вожделѣнія не

играли здѣсь почти никакой роли. Оттого-то, когда идея была осуществлена, отъ мечты больше ничего не осталось, не нашлось никакихъ стяжательныхъ инстинктовъ. Мечта осуществлена. Но родившись на Божій свѣтъ въ видѣ «преступленія», она въ тотъ-же мигъ умерла въ душѣ Раскольникова какъ идея. Она вся разрѣшилась и мы не находимъ у него слѣдовъ ея, онъ уже больше не возвращается къ ней, точно художникъ, осуществившій свою идею на картинѣ. Впослѣдствіи, вспоминая о «мечтѣ» и о «преступленіи», онъ совершенно объективно относится къ нимъ. Мечта перестала жить какъ стремленіе, но Раскольниковъ не отвергаетъ ее, не проклинаетъ. До самаго момента возрожденія въ Раскольниковѣ незамѣтно раскаянія. Если онъ не разъ жалѣетъ о томъ, что онъ совершилъ, то жалость его относится больше къ себѣ, а не къ старушкѣ, которую онъ до конца не перестаетъ считать «вошью». Особенно поразительно, что Раскольниковъ не обнаруживаетъ раскаянія по поводу своей случайной жертвы Лизаветы и не жалѣетъ ее, онъ, сердце котораго прежде такъ чутко было ко всякому страданію. Ни сожалѣнія, ни раскаянія, ничего того, что составляетъ проявленіе реакціи противъ пережитаго и сдѣланнаго. Чтобы объяснить себѣ эту черствость Раскольникова, нужно вникнуть въ глубокую перемѣну, которая произошла въ немъ послѣ убійства. Предъ нами уже не прежній Раскольниковъ, а совершенно другой человѣкъ. Прежній Раскольниковъ имѣлъ помутившійся умъ, но онъ обладалъ цѣльнымъ, не испорченнымъ сердцемъ. Теперь Раскольниковъ обладаетъ болѣе свѣтлымъ и трезвымъ умомъ, успокоившимся послѣ бури, но сердце у него надломлено и озлоблено. Правда, какъ онъ самъ отлично понималъ, онъ не имѣетъ права злиться на другихъ, онъ самъ виноватъ въ своемъ несчастьи, но онъ глубоко несчастенъ и отъ этого озлобленъ. Онъ не можетъ простить людямъ, что долженъ ихъ избѣгать, что онъ въ чемъ-то ниже ихъ, онъ теперь чувствуетъ себя гораздо дальше отъ нихъ, чѣмъ былъ прежде на своемъ чердакѣ. Его раздѣляетъ отъ людей тайна, которую онъ скрываетъ, тотъ ужасъ, который внушаетъ людямъ кровь и «преступленіе». Онъ не можетъ простить людямъ того, что они умѣютъ мириться съ своей жизнью, а онъ не съумѣлъ, что они какъ будто умнѣе его тѣмъ, что не берутъ на себя непосильной задачи, какъ онъ это сдѣлалъ.

Мечта осуществлена. Съ этого момента роль ума, анализа и діалектическихъ тонкостей окончена, сердце человѣческое вступило въ свои права. Если до убійства главнымъ рычагомъ и двигателемъ Раскольникова служилъ его безпокойный умъ и распаленное воображеніе, то вся послѣдующая полоса его жизни имѣла своимъ путеводителемъ сердце. И въ этомъ именно заключается та психологическая реакція, которая наступила у Раскольникова послѣ убійства и которая разрѣшилась полной побѣдой сердца — любовью, возрожденіемъ. Но сердце Расколь-

никова, впервые выступившее на сцену, когда умъ потерпѣлъ крушеніе, не явилось сразу во всеоружіи силы и зрѣлости. Еще не вполнѣ освободившись отъ гнета скептическаго и помутившагося ума, сердце его на первыхъ порахъ носитъ на себѣ слишкомъ свѣжій слѣдъ дурного вліянія его «мечты». Много мрака еще въ этомъ сердцѣ, но въ немъ уже замѣчается проблескъ свѣтлыхъ чувствъ и тепла. Первое проявленіе поднимающаго свой голосъ сердца сказывается въ томъ, что Раскольниковъ избѣгаетъ близкихъ и дорогихъ ему чистыхъ людей, словно онъ не хочетъ замарать ихъ своимъ прикосновеніемъ. Уже въ тотъ моментъ, когда у него не хватаетъ силъ обнять мать и сестру, надъ нимъ занимается заря возрожденія. Въ этомъ обособленіи себя сказывается уже реакція сердца, его смутный протестъ противъ зла, порожденнаго умомъ. Чувствуется, что близко уже то время, когда въ сердцѣ одинокаго Раскольникова распустятся цвѣты любви. Пока-же, на первыхъ порахъ, сердце его полно собственной судьбой, оно болѣетъ и переполнено злобой на себя и другихъ. Точно все зло обезсиленнаго ума перешло въ сердце Раскольникова. Разочарованіе въ своихъ силахъ, стыдъ за неудачу, страхъ за свое будущее—вотъ что волнуетъ его сердце. Въ то-же время въ немъ, во всемъ его организмѣ, выростаетъ нѣчто новое, ему до того незнакомое—инстинктъ свободы и самосохраненія. Раскольниковъ, которому угрожаетъ потеря его свободы, почувствовалъ физическое желаніе жить и быть свободнымъ. Этотъ-то инстинктъ и есть главный оплотъ Раскольникова въ его борьбѣ съ голосомъ сердца и требованіями здраваго разсудка. Какъ тяжело раненый, онъ уже предчувствуетъ свой плѣнъ, но все еще пытается бороться, и если можно, уйти отъ враговъ. А тутъ еще оскорбленное самолюбіе, стыдъ, страхъ будущаго и каторги. По временамъ въ немъ снова проявляется его гордая воля, появляется желаніе еще разъ испытать свои силы. Сама борьба, хотя мучительная и безцѣльная, получаетъ нѣкоторую прелесть въ глазахъ Раскольникова, быть можетъ, какъ средство наполнить пустоту жизни и хоть на время заставить молчать пробуждающееся сердце. А оно дѣлаетъ свое и голосъ его раздается все громче, указывая Раскольникову истинный путь. Раскольниковъ не въ силахъ обмануть себя, онъ чувствуетъ, что «надо-же, чтобы человѣкъ имѣлъ куда идти» и что нельзя никуда идти съ такой тайной на душѣ. Сознаніе той тайны, которую онъ долженъ скрывать отъ всѣхъ, даже отъ близкихъ людей не только угнетаетъ его, но давитъ своей тяжестью, отчуждаетъ его отъ всѣхъ, а главнымъ образомъ оскорбляетъ его чувство собственнаго достоинства. Онъ сознаетъ себя вынужденнымъ вѣчно лгать, даже въ своемъ молчаніи. Онъ не въ силахъ принять участіе отъ Разумихина, отъ котораго у него такая страшная тайна.

Тяжесть тайны кажется ему несравненно больше оттого, что она

никѣмъ не раздѣляема. У Раскольникова все больше возростаетъ потребность открыть кому-нибудь свою душу, подѣлиться своей тайной. Въ этой необходимости опять-таки сказывается голосъ сердца. Уже послѣ перваго визита Разумихина Раскольниковъ не въ силахъ вынести своей тайны, онъ выходитъ, чтобы «все покончить». Какъ кончить, онъ еще не знаетъ—онъ пробуетъ напиться и почти открываетъ свою тайну Заметову. Онъ думаетъ о самоубійствѣ.

Тутъ, однако, выступаетъ на сцену новое лицо, которому суждено было играть такую важную роль въ возрожденіи Раскольникова. Является Соня Мармеладова. Не будемъ касаться здѣсь вопроса, насколько Соня сама по себѣ живой типъ или ходульная, искусственная фигура. Для насъ важно то, что такая, какой она является въ разсказѣ, она одна только можетъ выполнить задачу, возложенную на нее авторомъ. Раскольниковъ, сдѣлавшійся жертвой своего одиночества и гордой замкнутости, послѣ убійства ощутилъ еще болѣе свое одиночество, въ добавокъ преслѣдуемый уже не «мечтой», а тяжкимъ воспоминаніемъ, живой тайной, для которой онъ самъ долженъ былъ служить могилой. Не найди Раскольниковъ Сони, онъ навѣрное погибъ-бы, всего вѣроятнѣе помѣшался-бы. Вопросъ жизни и смерти былъ для него—найти, кому открыть свою тайну. Никогда у него не хватило-бы силы раскрыть свое сердце обыкновенному, даже лучшему изъ людей. Всего менѣе способенъ онъ былъ открыться другу или близкому, этого не допустила гордость Раскольникова, который не въ состояніи былъ перенести мысли, что его жалѣютъ. Ему нуженъ былъ человѣкъ, предъ которымъ ему не было-бы стыдно, который не имѣлъ-бы права гордиться предъ нимъ, или жалѣть его. Въ то-же время это лицо должно было имѣть чистое сердце, непорочную душу. Въ лицѣ Сони Достоевскій разрѣшилъ эту задачу, создавъ фигуру, быть можетъ, нѣсколько фантастическую, но зато удовлетворяющую требованіямъ сердца своего героя. Передъ ней Раскольникову нечего стыдиться, она не можетъ ни гордиться предъ нимъ, ни жалѣть его. Чистая сердцемъ и ясная душей, Соня, такъ-же какъ и онъ, была отверженной, отрѣзанной отъ общества. Она такъ-же перешагнула законъ и такъ-же пострадала отъ жизни. Гордость Раскольникова требовала жертвы. Въ видѣ возмездія за то, что онъ самъ сознавалъ себя достойнымъ сожалѣнія, онъ чувствовалъ потребность самъ жалѣть кого-нибудь и смотрѣть на кого-нибудь сверху внизъ. И опять-таки только одна Соня была тѣмъ лицомъ, которое онъ могъ жалѣть. Это льстило его гордости и облегчило ему путь къ сближенію съ ней, дѣлало для него менѣе унизительнымъ самое изліяніе предъ ней. Наконецъ его бѣдное сердце, проснувшись, должно было рано или поздно заявить свое законное право на симпатію со стороны другихъ человѣческихъ существъ... Гордость Раскольникова, конечно, не допустила-бы

его принять любовь къ нему отъ женщины неравной ему, т. е. не отверженной, какъ онъ самъ.

То, чего онъ изъ гордости не могъ принять отъ своей матери и сестры, онъ, правда, послѣ долгихъ колебаній, нашелъ въ себѣ мужество принять отъ Сони. Соня послужила для него выходомъ изъ его одиночества. Протянувъ ей руки, онъ этимъ самымъ сдѣлалъ первый шагъ къ сближенію съ людьми и всѣмъ обществомъ. Достоевскій повидимому приписываетъ большое значеніе религіозности Сони и ея вліянію на Раскольникова въ этомъ смыслѣ. Достоевскій художникъ, однако, и на этотъ разъ стоитъ выше Достоевскаго теоретика. Религіозность Сони иногда трогаетъ, иногда напротивъ того возмущаетъ Раскольникова. Но зато онъ съ благоговѣніемъ преклоняется предъ величіемъ ея кротости и смиренія, столь противоположныхъ его гордости. Онъ чувствуетъ своимъ сердцемъ, что это простое «полусумасшедшее» существо по своему разрѣшило великую задачу жизни. И сравнивая это рѣшеніе сердца съ рѣшеніемъ, къ которому его привелъ его сильный умъ, онъ невольно задается вопросомъ, въ которомъ-же изъ этихъ рѣшеній больше смысла? Его скептическому уму слабой рукой Сони нанесенъ ударъ, отъ котораго сильно колеблется его гордость. Было, стало быть, много самыхъ разнообразныхъ точекъ соприкосновенія между судьбой и личностью Сони и Раскольникова, но все это можетъ быть сведено къ одному – къ моральному воздѣйствію судьбы Сони на Раскольникова. Образъ Сони имѣлъ для Раскольникова еще большое, непосредственное, чисто психологическое значеніе. Раскольниковъ пострадалъ вслѣдствіе того, что его собственное «я» занимало уже слишкомъ много мѣста въ его душевной жизни. Оно, это «я», его судьба сдѣлались какъ-бы насильственнымъ представленіемъ, заполонившимъ всю душевную жизнь. Когда-же онъ потерпѣлъ крушеніе, то должна была естественно наступить реакція. Образъ его собственной личности долженъ былъ отодвинуться на задній планъ. Душа Раскольникова опустѣла, и это пустое мѣсто занялъ образъ Сони, къ которому, по выраженію автора, Раскольниковъ «прилѣпился». Именно такъ: прилѣпился. Раскольниковъ испытывалъ безсознательную потребность около кого-нибудь отдохнуть, забыть о себѣ и имѣть возможность и право думать о комъ-то другомъ. Но о комъ-же онъ могъ думать, заботиться, кого онъ имѣлъ право жалѣть, какъ не Соню? Вѣдь всѣ остальные люди были неизмѣримо счастливѣе его и имѣли право его жалѣть! Соня по праву заняла пустое мѣсто въ душѣ Раскольникова, и уже однимъ тѣмъ, что она хоть на минуту отвлекала отъ думъ о себѣ, а еще болѣе тѣмъ, что она подымала его въ своихъ глазахъ, создавъ ему роль покровителя, она оказала ему громадную услугу. Главное, что онъ былъ спасенъ отъ пустоты, его надломленное сердце было занято, и онъ уже былъ болѣе не одинъ.

Съ этого времени образъ Сони завладѣлъ всей душой, мечтами и воображеніемъ Раскольникова. Этотъ образъ преслѣдуетъ его такъ-же неотступно, съ роковой силой, какъ прежде преслѣдовалъ его образъ «мечты». Образъ Сони сдѣлался новой мечтой Раскольникова, и будучи антитезой прошлой «проклятой» мечты, эта живая мечта служитъ какъ-бы живымъ постояннымъ протестомъ противъ прежней мечты. Этотъ образъ есть тотъ двигатель, который толкаетъ Раскольникова на путь раскаянія, путь возрожденія.

Глубокое проникновеніе Достоевскаго въ душу человѣка обнаруживается во всей силѣ еще разъ—онъ заставляетъ Раскольникова принести повинную гораздо раньше, чѣмъ въ душѣ его дѣйствительно совершился внутренній переломъ, прежде чѣмъ онъ проникся новыми мыслями и чувствами. Повинная его далека отъ искренней исповѣди; въ его показаніи слышится презрѣніе къ самому себѣ, къ слабости, которая не дала ему вынести «преступленія» и тайны. Незамѣтно сознанія виновности, заблужденія, онъ не только ни о чемъ не проситъ, онъ какъ-будто бравируетъ своимъ положеніемъ и своей исторіей. Видно, что онъ все еще во власти гордости и ложнаго самосознанія. А между тѣмъ онъ уже не въ силахъ устоять противъ внутренней потребности принести «повинную», высказать предъ всѣмъ міромъ свою тайну, освободиться отъ ея бремени, отъ своего одиночества съ ней. Раскольниковъ еще не сознаетъ своей виновности и даже не чувствуетъ нравственной потребности въ наказаніи, не жалѣетъ своей жертвы, т. е. не раскаивается, и въ то-же время испытываетъ непреодолимое влеченіе объявить о своемъ «преступленіи». На первый взглядъ это можетъ показаться даже неправдоподобнымъ. Но именно въ этомъ раздѣленіи потребности сознаться и въ наказаніи сказывается глубокое пониманіе Достоевскаго души человѣческой.

Потребность сознаться въ своей винѣ, открыться, лежитъ гораздо глубже въ душѣ человѣка, чѣмъ корень раскаянія. Можно не испытывать никакихъ угрызеній совѣсти, не жалѣть и не раскаиваться въ совершонномъ «преступленіи», даже не считать его особенно дурнымъ, и одновременно съ этимъ испытывать безсознательную потребность открыться кому-либо. Это обусловливается тѣмъ психологическимъ закономъ, по которому всякое скрытое, подавляемое представленіе, находится въ состояніи напряженія, вслѣдствіе котораго это представленіе стремится автоматически проложить себѣ дорогу, такъ сказать разрядиться. Это есть тотъ законъ, въ силу котораго всякая тайна, скрытая въ нашей душѣ, сама стремится выйти наружу. Тотъ кто скрываетъ въ себѣ тайну какъ-бы находится въ положеніи человѣка, у котораго въ карманѣ динамитъ. Ему нужно постоянно помнить объ этомъ, остерегаться. Эта необходимость всегда быть насторожѣ требуетъ постояннаго самообла-

данія, постояннаго сдерживанія себя. Всякое слово, движеніе должны быть обдуманны и взвѣшены. Непрерывный контроль надъ своими мыслями и словами чрезвычайно утомляетъ и истощаетъ душевныя силы носителя тайны. Но особенно поразительно то, что злополучная тайна достигаетъ необыкновеннаго напряженія именно вслѣдствіе постояннаго сосредоточенія на ней вниманія. Она какъ будто насмѣхается надъ усиліями ея господина, и чѣмъ больше онъ старается забыть и не думать о ней, тѣмъ больше онъ невольно занятъ ею. Въ концѣ концовъ такая постоянная борьба укрѣпляетъ ее въ душѣ и дѣлаетъ ее мучительной неотвязчивой идеей. А между тѣмъ стоитъ только порѣшить, что это не тайна, что она извѣстна и другому лицу, что ее нечего скрывать, какъ сразу исчезаетъ все ея напряженіе и наступаетъ полное внутреннее облегченіе. Вотъ гдѣ лежитъ причина того стремленія сознаться, «открыться», которое такъ часто наблюдается у людей, даже весьма далекихъ отъ раскаянія. Открывшись, «преступникъ» испытываетъ сразу огромное облегченіе, освободившись отъ постоянной внутренней душевной работы, которую ему приходилось выполнять, чтобы скрыть свою тайну. Отнынѣ онъ можетъ слѣдовать своему настроенію, говорить, что хочетъ, безъ оглядокъ и безъ страха.

Едва-ли, впрочемъ, этимъ однимъ возможно объяснить стремленіе «открыться» и наступающее затѣмъ облеченіе. Въ этомъ сложномъ психологическомъ процессѣ участвуетъ нѣсколько факторовъ и, безспорно, одинъ изъ нихъ заключается въ томъ, что «преступленіе», пока оно остается въ душѣ преступникака его тайной, пугаетъ его, какъ нѣчто внутреннее, какъ будто само «преступленіе» сидитъ въ немъ. Разъ-же тайна открыта, сама тайна совершеннаго выходитъ наружу, какъ будто отодвигается отъ него, дѣлается для него чѣмъ-то внѣшнимъ и отчасти даже чуждымъ ему, она не внушаетъ ему уже прежняго страха; ему кажется, что тайна перестала быть его собственностью. Чувство нравственной отвѣтственности, повидимому, также облегчается какъ только тайна открыта, отчужденіе ея произошло, человѣкъ долженъ испытать облегченіе. Его мысли, чувства одинаково избавлены отъ нѣкотораго гнета, который былъ особенно тяжелъ оттого, что падалъ своей тяжестью на него одного и чувствовался гдѣ-то внутри. Послѣ признанія онъ можетъ разсуждать о своемъ поступкѣ, какъ о чемъ-то лежащемъ внѣ его. Весьма вѣроятно, что въ этомъ облегчающемъ вліяніи отчужденія отъ своего грѣха кроется психологическая основа такъ называемаго «сообщничества въ преступленіи» и того стремленія, которое нерѣдко замѣчается у «преступника» безъ надобности и даже въ ущербъ для себя притянуть другихъ къ участію въ преступленіи.

У Раскольникова, кромѣ этого стремленія облегчить свое душевное напряженіе былъ еще иной двигатель,—Соня. Въ ея глазахъ онъ по-

стоянно читалъ повелѣніе открыться и «сознаніемъ» освободить себя отъ тайны, хотя она понимала, что онъ еще не проникся искреннимъ раскаяніемъ. Труденъ былъ только первый шагъ. Даже въ послѣднюю минуту, въ участкѣ, у Раскольникова не хватило духа сознаться и онъ ушелъ оттуда, скрывъ свою тайну, и только мучительный, укоризненный взоръ Сони, встрѣтившій его во дворѣ, заставилъ его вернуться. Соня получаетъ поэтому еще одно новое значеніе—она живая совѣсть Раскольникова, неотступно преслѣдующая его съ момента убійства. Безсознательно, какъ слѣпой, но глубоко разумный голосъ сердца, она руководитъ имъ и направляетъ его на новый путь, котораго онъ пока еще самъ не видитъ, но уже предчувствуетъ. Раскольниковъ еще далекъ отъ раскаянія, ибо разумъ его еще не вполнѣ просвѣтлѣлъ и находится подъ вліяніемъ бурныхъ мыслей и недобрыхъ чувствъ. Но уже въ его сердцѣ нарождаются новыя начала, сѣмена добрыхъ чувствъ, посѣянныхъ природой въ сердцѣ каждаго разумнаго и здороваго существа, начинаютъ давать всходы. Возрожденіе наступитъ тогда, когда сердце его, овладѣвъ умомъ и изгнавъ изъ него всѣ ложныя идеи, послужитъ источникомъ новаго, просвѣтленнаго міросозерцанія.

Исторія студента Раскольникова окончена.

Спросимъ-же себя, что привело его къ убійству? Въ самомъ разсказѣ мы находимъ на этотъ вопросъ нѣсколько различныхъ отвѣтовъ. Раньше всего объясненіе самого Раскольникова. Принося на судѣ чистосердечное показаніе, Раскольниковъ заявилъ, что причиной, побудившей его совершить убійство, было скверное положеніе, нищета, безпомощность, желаніе упрочить первые шаги своей карьеры, при помощи тѣхъ 3000 р., которые онъ разсчитывалъ найти у старухи. Рѣшился-же онъ на убійство вслѣдствіе своего легкомысленнаго и малодушнаго характера, раздраженнаго сверхъ того неудачами и лишеніями. Таковъ суровый приговоръ самого Раскольникова надъ собой и исторіей своего преступленія.

Послушаемъ другихъ.

Порфирій, въ которомъ авторъ, очевидно, хотѣлъ олицетворить житейскую мудрость, говоритъ: «сердце помутилось, книжныя мечты, теоретически раздраженное сердце». На судѣ высказано было предположеніе, что убійство совершено въ состояніи временнаго умопомѣшательства. Авторъ не безъ ироніи говоритъ объ этомъ, очевидно самъ онъ не раздѣляетъ этого взгляда. Разумѣется оффиціальное показаніе Раскольникова не выходитъ изъ рамокъ чисто описательной характеристики «исторіи его преступленія», но отнюдь не даетъ отвѣта на вопросъ о внутренней подкладкѣ его. Мудрое объясненіе Порфирія слишкомъ книжно и догматично, чтобы соотвѣтствовать живой и сложной правдѣ, всегда захватывающей одновременно и факты и душу человѣка. Правда, исторія Раскольникова по своей бытовой и внутренней сложности даетъ поводъ

къ самымъ различнымъ бытовымъ, психологическимъ и соціальнымъ толкованіямъ.

Въ настоящей статьѣ была сдѣлана попытка прослѣдить въ исторіи Раскольникова развитіе извѣстнаго психологическаго процесса, для характеристики котораго мы нашли наиболѣе подходящимъ выраженіе «идейное головокруженіе». Этимъ опредѣляется, однакожъ, только та почва, на которой зародилась эта исторія. Остается еще отвѣтить на вопросъ, въ какомъ отношеніи была «мечта» къ этой почвѣ. Слѣдуетъ-ли видѣть въ «мечтѣ» корень зла, исходный пунктъ всего процесса, а послѣдній считать лишь реакціей, вызванной въ душѣ юноши этой мечтой? Въ этомъ смыслѣ мы встрѣчаемъ намеки какъ у автора, такъ и у самого Раскольникова. Возможно, однакожъ, и другое толкованіе. Можно допустить, что почва Раскольникова, т. е. его духовная натура была по своей организаціи подготовлена для воспринятія этой «мечты». Мечта эта, какъ и многія другія, носилась въ воздухѣ, какъ невидимая бацилла, которой стоитъ лишь попасть въ благопріятную среду, чтобы пышно разростись. Окружающая обстановка была такой средой, и исторія Раскольникова и является сложнымъ продуктомъ взаимодѣйствія обоихъ факторовъ—среды и организаціи. И было-бы совершенно безполезнымъ ломать себѣ голову надъ вопросомъ, что «прежде» и что «потомъ».

Остается однако-жъ еще одна соціальная сторона этой исторіи. Спрашивается, чѣмъ отличается «преступленіе» Раскольникова отъ другихъ, и по какому праву авторъ выдвигаетъ его и дѣлаетъ центромъ всего разсказа? Можно-ли видѣть въ этой исторіи случай обыкновеннаго убійства, или-же авторъ хотѣлъ нарисовать особый, своеобразный типъ «преступленія?» Внимательное чтеніе разсказа не оставляетъ никакого сомнѣнія насчетъ того, что именно хотѣлъ сказать авторъ этой исторіей. Прежде всего слѣдуетъ указать, что хотя формальною цѣлью убійства былъ грабежъ, но Раскольниковъ не подумалъ даже воспользоваться взятымъ, да и взялъ-то онъ машинально. Онъ говоритъ: «не человѣкъ убитъ, а принципъ». «Не старуха убита, а я». По словамъ автора, Раскольниковъ «хотѣлъ сдѣлать пробу своихъ силъ». Въ этихъ немногихъ словахъ—ключъ къ разгадкѣ всей фабулы. Раскольниковъ пытался увѣрить себя, что онъ имѣетъ право нарушить законъ человѣческой жизни, что онъ имѣетъ право совершить то, что считается преступленіемъ; онъ даже хотѣлъ увѣрить себя, что не существуетъ ни принципа, ни преступленія. Внутри, въ глубинѣ своей души, онъ не былъ однако-жъ увѣренъ—ни въ своей теоріи, ни въ своихъ силахъ, и его фактическое преступленіе было пробой, испытаніемъ его теоріи и силъ. Морально, преступленіе было имъ совершено гораздо раньше, нежели онъ убилъ старуху. Убійство только обнаружило всю фальшь его теоріи, и его слабость предъ незыблемыми законами человѣческой жизни. Только такъ,

думается намъ, слѣдуетъ понимать эту исторію, и только въ этомъ смыслѣ она получаетъ глубокій философскій интересъ темы, по поводу которой каждый изъ насъ найдетъ въ своемъ умѣ и въ своей совѣсти, такъ много и за и противъ. Суть преступленія Раскольникова заключается стало-быть не во внѣшнемъ фактѣ крови, а во внутреннемъ, идейномъ процессѣ, его преступленіе—идейное. Конечно, когда произносишь такія слова, невольно испытываешь страхъ за свободу человѣческой мысли, вспоминаешь, какъ жестоко люди злоупотребляли этимъ контролемъ внутренняго духовнаго міра, какія опасности для развитія человѣчества скрываются въ этомъ перенесеніи морали изъ области фактовъ въ нашъ духовный міръ. Не будемъ-же и мы касаться этого жгучаго вопроса. Наша задача болѣе скромная—указать, какъ понималъ Достоевскій преступленіе своего героя.

Но въ чемъ-же общественное значеніе этой исторіи? Вѣдь герой ея—человѣкъ книги и идеи, занятый больше вопросомъ о правѣ на преступленіе и онъ ничего общаго не можетъ имѣть съ міромъ дѣйствительныхъ преступниковъ. Да и существуетъ-ли еще такой субъектъ, какъ онъ? Не есть-ли онъ только фантастическое существо, продуктъ воображенія Достоевскаго? Такіе вопросы и сомнѣнія основаны однако-жъ на одномъ лишь недоразумѣніи. Къ счастью или къ несчастью, но тема, разработанная Достоевскимъ, имѣетъ реальное значеніе для всего вопроса о преступленіи. Ибо если Раскольниковъ, какъ законченный типъ и не встрѣчается въ мірѣ преступниковъ, за то частица Раскольникова сидитъ въ каждомъ маломальски интеллигентномъ преступникѣ.

Объяснимъ нашу мысль. Преступленіе, какъ явленіе общественное подчинено извѣстнымъ соціальнымъ законамъ и можетъ быть изучаемо, какъ болѣзненный продуктъ общественныхъ условій, совершенно игнорируя личность самого преступника. Въ то-же время каждое преступленіе, въ отдѣльности взятое, принадлежитъ опредѣленному индивиду, имѣющему свою духовную организацію, свои душевныя силы и свои слабости. Въ этомъ смыслѣ каждое преступленіе индивидуально по своей природѣ. При этомъ оказывается, однако-жъ, что самыя разнообразныя на видъ преступленія, какъ по формѣ, содержанію, по цѣли, такъ и по способу выполненія могутъ быть легко сведены къ тремъ основнымъ психологическимъ типамъ. Въ однихъ случаяхъ преступленіе имѣетъ своимъ источникомъ умъ, т. е. или его слабость, или его неправильную дѣятельность. Иногда преступленіе обусловлено чувствами, то слабыми, то неправильными, то чрезмѣрно и односторонне развитыми. Наконецъ преступленіе можетъ быть обусловлено недостатками воли, дурными стремленіями, привычками и проч. Значитъ-ли это однако-жъ, что этимъ различнымъ типамъ преступниковъ соотвѣтствуютъ также и различные классы преступленій? Вотъ вопросъ, на который не такъ-то легко отвѣ-

тить. Конечно, въ смыслѣ описательномъ и формальномъ каждый специальный психологическій типъ преступника имѣетъ и свою особую картину преступленія. Возможно однако-жъ, что несмотря на разнообразіе психологическихъ мотивовъ и источниковъ преступленія послѣдніе по существу своему, по механизму своего развитія, остается всегда тождественнымъ. Если въ одномъ случаѣ преступленіе есть результатъ слабаго интеллекта, въ другой разъ оно развилось вслѣдствіе ненормальныхъ чувствъ и т. д., то во всѣхъ этихъ случаяхъ различны лишь причины, силы, производящія то нарушеніе душевнаго равновѣсія, которое составляетъ преступленія. Самый-же механизмъ этого нарушенія, быть можетъ, вполнѣ одинаковъ во всѣхъ этихъ случаяхъ, или по крайней мѣрѣ содержитъ одни и тѣ-же основные элементы, но въ различной пропорціи. Вѣдь, какое-бы колесо въ экипажѣ не сломалось, результатъ будетъ одинъ и тотъ-же, нарушено будетъ механическое равновѣсіе экипажа. И какъ-бы разнообразны ни были причины взрыва въ котлѣ паровой машины, механизмъ самого взрыва, самаго нарушенія молекулярнаго равновѣсія, также будетъ всегда одинъ и тотъ-же.

Обратимся къ автору, и мы увидимъ, что таковъ именно его взглядъ на природу преступленія. Какъ ни смотрѣть на послѣднее, съ соціальной-ли или психологической точки зрѣнія, для Достоевскаго преступленіе въ томъ и другомъ случаѣ есть борьба за равновѣсіе и нарушеніе послѣдняго. Какъ общественный фактъ, преступленіе состоитъ въ нарушеніи равновѣсія между дѣятельностью индивида и общества. Какъ психологическій процессъ, преступленіе также сводится къ борьбѣ въ душѣ преступника двухъ психологическихъ факторовъ—эгоистическаго и альтруистическаго. Конечно, не въ самой борьбѣ заключается преступленіе. Иногда даже степень упорства и продолжительности борьбы можетъ служить мѣрой нравственной крѣпости и устойчивости душевнаго міра. Преступленіе начинается съ того момента, когда борьба кончена, когда побѣда окончательно склонилась на сторону эгоистическихъ мотивовъ и стремленій, когда равновѣсіе окончательно нарушено.

Борьба, какъ психологическая, такъ и соціальная, тѣсно связана съ преступленіемъ, но не какъ причина послѣдняго. Нерѣдко борьба даже предупреждаетъ преступленіе. Одно только можно сказать, что преступленію всегда предшествуетъ болѣе или менѣе сильная борьба. И понятно, что чѣмъ прочнѣе душевная организація субъекта, тѣмъ устойчивѣе его душевное равновѣсіе, тѣмъ упорнѣе и сильнѣе должна быть борьба въ тѣхъ случаяхъ, когда она кончается нарушеніемъ равновѣсія. Такъ именно понимаетъ Достоевскій сущность преступленія. Для него на первомъ планѣ та борьба, которая предшествуетъ преступленію; его вниманіе сосредоточивается цѣликомъ на тѣхъ силахъ, которыя принимаютъ участіе въ этой борьбѣ. Борьба, какъ соціальная между индиви-

домъ и обществомъ, такъ и психологическая между различными элементами въ душѣ героя—вотъ истинный сюжетъ его разсказа.

Авторъ поучаетъ насъ, что мы не должны видѣть въ этой душевной борьбѣ нѣчто случайное. Достоевскій убѣждаетъ насъ, и мы всѣ чувствуемъ всю правду и важность его взгляда, что борьба такого рода свойственна каждому развитому интеллигентному человѣку въ извѣстномъ періодѣ его жизни и разумѣется въ извѣстныхъ границахъ. Тамъже, гдѣ происходитъ крушеніе, гдѣ совершается преступленіе, тамъ такая борьба, но болѣе жестокая, составляетъ неизбѣжное явленіе, предшествующее паденію и потерѣ нравственнаго равновѣсія. Кѣмъ-бы не совершалось преступленіе, если только преступникъ не слабоумный, не душевно-больной, въ душѣ его роковымъ образомъ, хотя на мгновеніе, промелькнетъ вопросъ о томъ, «что можно» и «чего нельзя», гдѣ кончается его право, и начинается царство закона. Само собою разумѣется, что чѣмъ выше умственное развитіе индивида и чѣмъ здоровѣе его духовная натура, тѣмъ мотивы выступятъ яснѣе, борьба будетъ сознательнѣе, упорнѣе и продолжительнѣе.

Теперь намъ становится совершенно понятнымъ, почему Достоевскій избралъ Раскольникова героемъ своей драмы. Чтобъ раскрыть предъ читателемъ весь сложный механизмъ душевной борьбы, предшествующей преступленію, автору необходимъ былъ герой, обладающій сильнымъ и яснымъ умомъ, здоровымъ чувствомъ и крѣпкой волей. Раскольниковъ, сверхъ того, одаренъ безпокойнымъ, стремительнымъ умомъ; въ характерѣ его есть нѣчто воинственное, ему присущъ инстинктъ борьбы. На такой почвѣ нормальный процессъ юношеской критики и отрицанія авторитетовъ долженъ былъ достигнуть большихъ размѣровъ, затянуться и принять острый характеръ. Разъ почва такимъ образомъ подготовлена, авторъ показываетъ намъ, что достаточно было извѣстной моральной и бытовой обстановки, чтобы процессъ идейнаго броженія принялъ болѣе опредѣленное и опасное направленіе, чтобы борьба мотивовъ превратилась въ зародышъ преступной идеи и преступнаго дѣянія. Благодаря такому пріему всѣ эпизоды борьбы и паденія героя представляются намъ въ сильно увеличенномъ и ярко освѣщенномъ видѣ, точно мы видимъ все это на экранѣ при свѣтѣ электрической лампы.

Когда предъ нами съ поразительной быстротой двигается исторія борьбы Раскольникова, когда различные мотивы борьбы—его мысли, чувства и стремленія въ увеличенномъ видѣ, ярко освѣщенныя, проносятся въ вихрѣ событій, мы смотримъ, пораженные всѣмъ этимъ, какъ чѣмъ-то сказочнымъ, и въ первое мгновеніе даже не подозрѣваемъ того рокового внутренняго родства, которое связываетъ насъ съ исторіей несчастнаго юноши. Но стоитъ намъ закрыть глаза, дать нѣсколько поблѣднѣть яркимъ картинамъ этой исторіи и мы смутно начинаемъ чувствовать въ

его судьбѣ нѣчто родное, близко насъ касающееся. Его несчастье вызываетъ какіе-то глухіе отголоски въ нашей душѣ, въ послѣдней, какъ эхо. пробуждаются и отдаются блѣдныя воспоминанія давнымъ-давно нами пережитыхъ сомнѣній и волненій... Не въ этомъ-ли резонансѣ нашей души и заключается тайна того неотразимо-притягательнаго дѣйствія, которое исторія студента Раскольникова производитъ на всякаго интеллигентнаго читателя?

Проф. **И. Г. Оршанскій**.

Искусство и дѣйствительность.

Избранныя мѣста изъ сочиненій **Джона Рескина**.

Переводъ съ англійскаго **О. Соловьевой**.

Усиліе и успѣхъ.— Вдохновеніе.— Идея красоты.— Высокій стиль въ живописи.— Признаки величія: I. Выборъ высокаго сюжета. II. Любовь къ красотѣ. III. Искренность. IV. Творчество.

Усиліе и успѣхъ. Сколькихъ мученій избѣгли-бы тысячи людей, если-бы смиренно и искренно поняли ту великую истину и законъ, по которому, если возможно созданіе великаго произведенія, то созданіе это легко; когда ему надлежитъ явиться въ свѣтъ, можетъ быть во всемъ мірѣ только одинъ и есть человѣкъ, способный создать его, но онъ его создастъ безъ усилія, не съ большимъ, а можетъ быть съ меньшимъ усиліемъ, чѣмъ маленькіе люди создаютъ маленькія вещи. Есть-ли какая-нибудь другая истина, столь-же ясно начертанная на всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ? Не всѣ-ли существующія великія произведенія носятъ на чемъ печать легкости? Не всѣ-ли они ясно говорятъ намъ не о томъ, что «здѣсь потрачено большое усиліе», а о томъ, что «здѣсь потрачена большая сила»?

Но пусть это не поведетъ къ недоразумѣнію; пожалуй молодые люди примутъ великую истину за свой излюбленный догматъ, гласящій, что работать не надо, если у нихъ есть талантъ. На дѣлѣ, геніальные люди гораздо болѣе прочихъ склонны къ труду; трудъ ихъ настолько плодотворнѣе труда другихъ людей, и они зачастую такъ мало сознаютъ божественную свою природу, что приписываютъ ему всѣ свои способности. «Если изъ меня дѣйствительно что-нибудь вышло, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь, то я достигъ этого исключительно работой». Вотъ какъ отвѣтитъ великій человѣкъ на вопросъ, какимъ образомъ онъ достигъ величія.

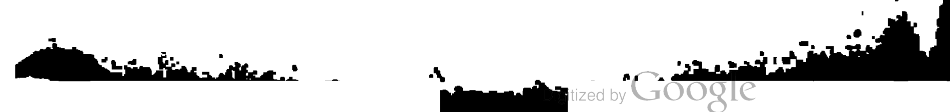
Такъ говорилъ Ньютонъ, и такъ, я думаю, говорятъ всѣ, чей геній проявился въ сферѣ положительныхъ наукъ. Геній въ сферѣ искусства по необходимости долженъ болѣе сознавать свою силу; но во всѣхъ проявленіяхъ отличительная черта его — непрерывный, постоянный, вѣрно направленный, счастливый и неизмѣнный трудъ; трудъ накопленія и дисциплинированья своихъ силъ, и гигантская, непостижимая способность ихъ приложенія. Слѣдовательно, буквально ни одному человѣку не должно быть никакого дѣла до того, геній онъ или нѣтъ; кто-бы онъ ни былъ, онъ долженъ работать, но работать спокойно и мирно; въ результатѣ такой работы, естественно и безъ усилія, онъ произведетъ то, что Богомъ назначено ему произвести, произведетъ лучшія свои вещи. Никакія муки и сердечныя терзанія не дадутъ ему способности создать что-нибудь лучшее. Если онъ великій человѣкъ, онъ создастъ великія вещи; если человѣкъ маленькій — вещи маленькія, но пока онъ будетъ работать спокойно, все что онъ сдѣлаетъ будетъ хорошо и вѣрно; а все что сдѣлаетъ въ тревогѣ и честолюбіи будетъ фальшиво, безсодержательно и никуда не годно.

Вдохновеніе. На какомъ основаніи можно предполагать, что искусство было когда-либо откровеніемъ или вѣстью свыше? Заключается-ли въ произведеніяхъ великихъ мастеровъ какое-нибудь внутреннее свидѣтельство сверхъестественнаго руководства и повелѣнія?

Правда, отвѣтъ на столь таинственный вопросъ не можетъ основываться на одномъ внутреннемъ свидѣтельствѣ, но все-же вамъ полезно будетъ узнать, что дается въ немъ. Чѣмъ безпристрастнѣе вы разсмотрите явленія воображенія, тѣмъ яснѣе увидите въ нихъ результатъ дѣятельности общечеловѣческаго, жизненнаго, но тѣмъ не менѣе божественнаго духа, частица котораго живетъ въ каждомъ существѣ, измѣряясь положеніемъ его въ мірозданіи; тѣмъ яснѣе увидите, что все хорошее, что можетъ сдѣлать человѣкъ,—дѣлается съ помощью Бога, но по твердому и неизмѣняющемуся закону.

Сила духовной жизни можетъ быть увеличена или уменьшена нашимъ поведеніемъ; она измѣняется отъ времени, какъ и физическая сила; иногда мы можемъ вызвать ее своею волей, она можетъ быть понижена вліяніемъ грѣха или горя; но это сила всегда *равно человѣческая и равно божественная*. Мы люди, а не звѣри, потому что особая форма ея никогда не покидаетъ насъ; большимъ или меньшимъ обладаніемъ ею обусловливается наше человѣческое достоинство, но никогда она не дается намъ настолько, чтобы сдѣлать насъ болѣе чѣмъ людьми.

Замѣтьте, я не ручаюсь за точность такого вывода, но къ нему, какъ мнѣ кажется, долженъ клониться всякій, кто безпристрастно разсмотритъ данныя дѣйствительности; мнѣ безъ сомнѣнія удастся доказать, въ теченіе нашихъ занятій, что тѣ художественныя произведенія, которыя до

сихъ поръ считались результатомъ особаго вдохновенія, обязаны своимъ существованіемъ долгому, разумно направленному труду и вліянію такихъ чувствъ, которыя общи всему человѣчеству. Но слѣдуетъ замѣтить, что чувства эти и способности, въ различныхъ степеняхъ общія всѣмъ людямъ, раздѣляются на три главныя категоріи: во-первыхъ — инстинкты строенія и мелодіи, общіе у насъ съ низшими животными и также врожденные человѣку, какъ пчелѣ или соловью; во-вторыхъ—способность имѣть видѣнья, грезить, во снѣ и на-яву въ сознательномъ экстазѣ, или произвольнымъ усиліемъ воображенія; и наконецъ, способность разумнаго вывода и собиранія какъ законовъ, такъ и формъ красоты.

Способность имѣть видѣнія, тѣсно связанныя съ глубочайшей основой духа, большинствомъ мыслителей считается спеціальнымъ проводникомъ божественнаго откровенія; несомнѣнно, что большая часть произведеній чисто дидактическаго искусства была лишь передачей, посредствомъ словъ или линій, дѣйствительнаго видѣнія, которое явилось независимо отъ воли человѣка въ данную минуту, но отразилось въ духовномъ взорѣ, просвѣтленномъ прошлой, праведной жизнью. Несомнѣнно, однако, и то, что видѣнія эти, и наиболѣе опредѣленныя изъ нихъ, всегда— я положительно утверждаю это—*всегда* являются признакомъ какого-нибудь духовнаго ограниченья или ненормальности; и что тѣ люди, которые наиболѣе понимаютъ ихъ цѣну, преувеличиваютъ ее, выбираютъ то, что кажется имъ годнымъ, и называютъ это «вдохновеннымъ», и отбрасываютъ то, что имъ кажется лишнимъ, хотя оно съ одинаковой очевидностью явилось прозорливцу,

По всѣмъ вѣроятіямъ, во всей области искусства нѣтъ произведенія болѣе широко дидактическаго, чѣмъ гравюра Альбрехта Дюрера, извѣстная подъ названіемъ «Рыцарь и Смерть». Но это одно изъ цѣлаго ряда произведеній, передающихъ столь-же отчетливыя видѣнія. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ «Св. Губертъ», интересны только по способу изображенія, другія непонятны или уродливы, или совершенно лишены всякаго значенія. Такимъ образомъ, если внимательно разсмотрѣть способность имѣть видѣнія, которою обладалъ великій Дюреръ, мы увидимъ, что способность эта—болѣзненная, что она чаще унижала его искусство, чѣмъ возвышала его, и заставляла тратить большую часть энергіи на изображеніе сюжетовъ безсодержательныхъ, изъ которыхъ только два, втеченіе всей его жизни, имѣли высокую дидактическую цѣну, да и тѣ, въ сущности, могутъ внушить лишь довольно безотрадное мужество. Каково-бы ни было ихъ достоинство, они болѣе похожи на сокровища, добытыя цѣною большихъ страданій, чѣмъ на непосредственный даръ божій.

Наоборотъ, не только самые высокіе, но и самые основательные

результаты были добыты художниками, въ которыхъ способность видѣть видѣнія хотя и существовала въ сильной степени, но подчинялась сознательному замыслу, умѣрялась спокойнымъ, непрерывнымъ, не лихорадочнымъ а любовнымъ наблюденіемъ вполнѣ реальныхъ явленій окружающаго міра. Насколько возможно прослѣдить связь творческихъ способностей съ нравственнымъ характеромъ жизни, мы видимъ, что лучшія произведенія искусства созданы людьми хорошими, но не опредѣленно религіозными, отнюдь не сознававшими никакого внушенія свыше и часто совершенно не понимавшими своего превосходства надъ другими. Одинъ изъ величайшихъ художниковъ, Рейнольдсъ, утверждалъ въ ослѣпленіи скромности, что все доступно для вѣрно-направленнаго труда.

Идея красоты. Для существованія идеи красоты необходимо, чтобы чувственное наслажденіе, лежащее въ ея основѣ, сопровождалось прежде всего радостью, затѣмъ любовью къ своему объекту и сознаніемъ благости высшаго разума, благодарностью и благоговѣніемъ предъ нимъ: внѣ соединенія всѣхъ этихъ элементовъ, ничто не даетъ намъ идеи красоты, точно также какъ тонкій запахъ и прекрасный почеркъ письма не даетъ понятія о самомъ письмѣ, если мы не знаемъ его содержанія и назначенія; чувства, составляющія въ своей сложности идею красоты, не проистекаютъ изъ дѣятельности разума и не могутъ быть добыты ею: слѣдовательно, эта идея независима ни отъ чувственности, ни отъ разума; въ своей интенсивности и правдѣ она дается только чистымъ, праведнымъ, воспріимчивымъ состояніемъ сердца; даже послѣдующая, законная реакція разума на явленія красоты зависитъ отъ силы чувствъ, пробужденныхъ ею. Слова апостола въ этомъ второстепенномъ значеніи такъ-же вѣрны, какъ и во всѣхъ остальныхъ: люди отдаляются отъ жизни божіей по невѣжеству; разумъ ихъ помрачается жестокосердіемъ и, не имѣя чувства, они предаются пороку. Мы постоянно видимъ, что люди отъ природы способные къ сильному воспріятію красоты, но не воспринимающіе ее чистымъ сердцемъ, да и вообще никакимъ сердцемъ, никогда ее не понимаютъ и не извлекаютъ изъ нея пользы; они дѣлаютъ ее средствомъ удовлетворенія своихъ вожделѣній, обращаютъ ее въ приправу для своихъ низшихъ чувственныхъ наслажденій; на всѣ ихъ впечатлѣнія наложена одна и та-же печать тлѣнія и понятія красоты превращается въ служеніе похоти.

То, что въ наше христіанское время является злоупотребленіемъ и извращеніемъ идеи красоты, было, во времена язычества, ея эссенціей, лучшимъ, что она давала. У языческихъ писателей нѣтъ ни одного выраженія любви къ природѣ, которое-бы не относилось къ чувственной сторонѣ ея. Они пользовались ея щедростью и уклонялись отъ ея власти, никогда не понимая чему она ихъ учила и щедростью и властью.

Пріятныя впечатлѣнія нѣжнаго вѣтерка, журчащаго потока, прохлад-

ной чащи лѣса, ложа изъ фіалокъ и тѣни чинаръ воспринимались ими можетъ быть болѣе возвышенно, чѣмъ они воспринимаются нами; но ни о чемъ, кромѣ страха, не говорили имъ обнаженныя скалы и угрюмыя долины. Верескъ былъ любимъ ими болѣе за сладкій медъ, чѣмъ за пурпурный цвѣтъ. Но христіанская *теорія* (Θεωρια) [1]) не ищетъ, хотя принимаетъ и сообщаетъ свою чистоту тому, чего искали эпикурейцы: она находитъ себѣ пищу, находитъ предметы любви вездѣ, въ томъ, что сурово и страшно, не менѣе чѣмъ въ томъ, что благодушно; видитъ хорошее даже въ грубомъ и будничномъ; иногда ее болѣе радуетъ медъ, вытекающій прямо изъ скалы, пиръ, приготовленный въ мѣстахъ несоотвѣтствующихъ пиру, въ присутствіи враговъ, чѣмъ радовало-бы болѣе гармоническое, но менѣе чудесное празднество; она ненавидитъ только самодовольство и надменность въ трудѣ человѣческомъ, презираетъ все, что не проистекаетъ отъ Бога или не говоритъ о немъ, находитъ свидѣтельство о немъ даже тамъ, гдѣ повидимому онъ забытъ всѣми, и обращаетъ къ славѣ его то, что стремилось къ ея омраченію. Яснымъ и смѣлымъ взоромъ она смотритъ на Бога, по обѣту писанія: Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ.

Высокій стиль въ живописи. Мы сознаемъ инстинктивно, что задача одного художника выше, чѣмъ задача другого, даже если оба они достигаютъ одинаковаго совершенства каждый въ своемъ родѣ; мы чувствуемъ, что если-бы можно было освободиться отъ предразсудковъ, отбросить всѣ заблужденія личнаго чувства и вспомнить пробѣлы въ нашемъ знаніи, всѣ мы согласились-бы въ своей оцѣнкѣ и каждому художнику опредѣлили-бы надлежащее мѣсто, прилагая къ нему вѣрное мѣрило совершенства. Мы не сомнѣваемся, что на высшей ступени оказались-бы люди поистинѣ великіе, такіе, которыхъ увидѣть лицомъ къ лицу хотя на минуту мы сочли-бы за счастье; что хотя къ оцѣнкѣ нашей не допускался-бы никто, не имѣющій какого-нибудь положительнаго достоинства, на низшихъ ступеняхъ все-же помѣстились-бы люди маленькіе, не возбуждающіе особеннаго благоговѣнія или любопытства. Имѣя такое непоколебимое инстинктивное убѣжденіе, мы позволяемъ учителямъ изо-дня въ день склонять учениковъ къ занятіямъ «высокимъ искусствомъ», хотя ни они, ни мы сами не имѣемъ яснаго представленія о томъ, въ чемъ заключается эта «высота»; иногда мы склонны думать, что она находится въ зависимости отъ размѣра холста и, что искусство на протяженіи десяти футовъ въ духовномъ отношеніи отличается отъ искусства на протяженіи пяти футовъ; иногда намъ кажется, что оно заключается въ изображеніи тѣла голаго, вмѣсто тѣла одѣтаго въ приличное платье:

---

[1]) Рескинъ называетъ Теоріей высшее созерцаніе, способность, посредствомъ которой душа воспринимаетъ красоту. Терминъ этотъ заимствованъ имъ у Гегеля, въ свою очередь заимствовавшаго его у Аристотеля.

иногда мы убѣждаемся, что оно имѣетъ отношеніе къ изученію исторіи и что высоко только то искусство, которое изображаетъ вещи, никогда не виданныя художникомъ и не знакомыя ему; а иногда твердо вѣримъ, что оно достигается вообще придирчивымъ отношеніемъ ко всему, созданному божественной премудростью и стараніемъ все это исправить. Каждое изъ этихъ заблужденій имѣетъ въ своемъ составѣ крупицу истины и заслуживаетъ подробнаго разсмотрѣнія; ко всѣмъ имъ приложимъ законъ, по которому—самое дурное есть испорченное хорошее.

Вышеприведенныя четыре заблужденія — самыя дурныя изъ всѣхъ ходячихъ заблужденій; но доля истины, заключенная въ нихъ, и инстинктъ, заставляющій многихъ проповѣдовать ихъ, обусловливаютъ здоровый ростъ искусства. Одного за другимъ мы губимъ нашихъ молодыхъ художниковъ, побуждая ихъ упражняться на поприщѣ великаго искусства, тогда какъ сами не знаемъ, въ чемъ заключается его величіе; однако, мы увѣрены, что оно дѣйствительно въ чемъ-то заключается, что въ этомъ дѣлѣ возможна глубина и широта, поверхностность и узость. На эту-то увѣренность и слѣдуетъ обратить вниманіе, если мы хотимъ принести пользу себѣ и другимъ. Заниматься искусствомъ, чтобы пріобрѣсти славу великаго человѣка и постоянно изобрѣтать средства для достиженія популярности и почетнаго званія—вѣрнѣйшій путь къ полному ничтожеству, но искреннее благоговѣніе передъ искусствомъ и твердое сознаніе собственнаго достоинства въ художественномъ трудѣ необходимо чтобы спасти искусство отъ диллетантизма, дать ему подобающее почетное мѣсто, высокое положеніе и возможность исполнить свое дѣло на пользу человѣчества.

Признаки величія. *I. Выборъ высокаго сюжета.* Величіе стиля заключается, во-первыхъ, въ избраніи сюжетовъ, затрогивающихъ широкіе интересы и глубокія страсти, въ противоположность сюжетамъ, затрогивающимъ мелкіе интересы и страсти. Высота стиля зависитъ всецѣло отъ высоты интересовъ и страстей, вдохновляющихъ художника. Обычный выборъ сюжетовъ религіозныхъ (Рождество, Преображеніе, Распятіе), если выборъ этотъ сдѣланъ искренно, указываетъ естественное влеченіе къ сферамъ самымъ высшимъ, какія доступны человѣческой мысли; такому художнику (напримѣръ Леонардо въ «Тайной Вечери») принадлежитъ первое мѣсто въ искусствѣ. Второе принадлежитъ тому, который, подобно Рафаэлю въ «Аѳинской школѣ», вдохновляется дѣлами и мыслями великихъ людей; третье тому, который изображаетъ мелочныя страсти повседневной жизни. Но и въ этой сферѣ есть свои подраздѣленія; глубокія мысли и страданія изображаются художниками перваго разряда (Гонтъ въ картинѣ «Клавдіо и Изабелла» и другихъ картинахъ этого рода); пустяшные эпизоды и дрязги свѣтской жизни—художниками второго разряда (Десли); дѣтскія игры и дурачества клоуновъ—худож-

никами третьяго разряда (Вебетеръ, Теньеръ); далѣе идутъ художники, изображающіе порокъ и грубость не съ цѣлью назиданія, а изъ любви къ нимъ; но эти уже не принадлежатъ ни къ какому разряду, или вѣрнѣе къ разряду отрицательному, числящемуся въ преисподней.

Мы надѣемся, что читатель пойметъ все значеніе сдѣланной выше оговорки «если выборъ производится искренно», такъ какъ конечно выборъ сюжета можетъ служить критеріемъ достоинства художника только въ томъ случаѣ, если художникъ дѣлаетъ его отъ души. На низшихъ ступеняхъ искусства художникъ, впрочемъ, всегда избираетъ сюжетъ отъ всей, имѣющейся у него въ наличности, души. Предпочтеніе, оказываемое имъ грубымъ дракамъ и ребяческимъ играмъ, доказываетъ только, что грубымъ дракамъ и ребяческимъ играмъ онъ сочувствуетъ болѣе, чѣмъ сюжетамъ высшаго порядка. Наоборотъ, выборъ сюжетовъ возвышенныхъ часто бываетъ не искреннимъ, а потому можетъ и не быть критеріемъ достоинства художника. Большая часть нашихъ современниковъ, задавшихся религіозными или героическими темами, дѣлали это преимущественно изъ тщеславія, потому что имъ внушили, какъ прекрасно быть служителями «высокого искусства», и въ сущности девять изъ десяти такъ называемыхъ историческихъ живописцевъ, служителей этого самаго «высокаго искусства», стоятъ несравненно ниже своихъ собратьевъ, пишущихъ цвѣты и nature morte. Въ наше время это бываютъ, большей частью, люди съ огромнымъ тщеславіемъ, но безъ художественныхъ способностей: отъ пейзажистовъ и тѣхъ, кто избираетъ своей спеціальностью изображеніе плодовъ, они отличаются только невѣрной и самонадѣянной оцѣнкой собственныхъ силъ; они принимаютъ свое тщеславіе за вдохновеніе, честолюбіе за духовное величіе и отдаютъ предпочтеніе «идеальному» только потому, что не имѣютъ ни достаточно смиренія, ни достаточно способностей, чтобы понять реальное.

Изъ всего сказаннаго ясно, что школа великаго искусства опредѣляется не только избраніемъ сюжета, но и надлежащимъ отношеніемъ къ нему; всякій художникъ, достойный подвизаться на такомъ высокомъ поприщѣ, прежде всего долженъ выражать духовную жизнь изображаемыхъ лицъ. Искренно избравъ тему, онъ главнымъ образомъ будетъ стремиться къ воплощенію ея высокаго содержанія — героическихъ и благородныхъ чувствъ дѣйствующихъ лицъ. Если-же, наоборотъ, онъ поставитъ себѣ цѣлью только красивое расположеніе пятенъ, блескъ красокъ, точный рисунокъ тѣла или какія-либо другія исключительно живописныя задачи, очевидно всякая другая тема одинаково годилась-бы для него, и кромѣ того—онъ совершенно не годится для своей темы; онъ не понимаетъ сокровеннаго ея смысла, слѣдовательно и избрана она была имъ не ради своего смысла. Однако, хотя главное значеніе и заключается въ выраженіи, но и къ формѣ художникъ долженъ отнестись

съ возможно большей тщательностью; пока онъ не овладѣетъ вполнѣ рисункомъ и колоритомъ, онъ вовсе не можетъ считать себя художникомъ, и еще менѣе можетъ приниматься за высочайшія задачи искусства, а разъ онъ овладѣлъ вполнѣ своими орудіями, онъ совершенно естественно и неизбѣжно будетъ стараться посредствомъ ихъ углубить и усилить впечатлѣніе, произведенное духовнымъ содержаніемъ темы.

II. *Любовь къ красотѣ.* Наибольшая сумма красоты, совмѣстная съ правдою въ изображеніи даннаго сюжета—вотъ второй признакъ великой школы искусства.

Если художнику понадобится представить толпу, онъ изобразитъ въ ней столько красивыхъ лицъ, сколько позволитъ правдивое изображеніе человѣчества. Онъ не станетъ отрицать существованія безобразія и дряхлости, сравнительно большей или меньшей степени благоразумія людей составляющихъ толпу, но будетъ по возможности выискивать формы болѣе красивыя, останавливаться на нихъ, подчеркивать то, что прекрасно, а не то что уродливо. Чѣмъ большимъ пониманіемъ красоты и любовью къ ней обладаетъ школа искусства, тѣмъ выше эта школа. Таинъ напр. Анджелико, страстно любящій красоту духовную, стоитъ на высшей ступени; Павелъ Веронезъ и Кореджіо, страстно любящіе красоту тѣлесную, на второй ступени; Альбрехтъ Дюреръ, Рубенсъ и вообще всѣ сѣверные мастера, повидимому равнодушные къ красотѣ и стремящіеся исключительно къ правдѣ, какая-бы она ни была,—на третьей ступени, а Теньеръ, Караваджіо, Сальваторъ и другіе, подобные имъ поклонники разврата, не стоятъ ни на какой ступени, ибо, какъ уже сказано мною выше, мѣсто имъ въ преисподней.

Эта отличительная особенность высокихъ школъ искусства выражается, во время упадка ихъ, въ отступленіи отъ правды ради красоты. Великое искусство останавливается на всемъ, что прекрасно, искусство ложное опускаетъ или измѣняетъ все, что уродливо. Великое искусство беретъ природу какъ она есть, но обращается мыстью и взоромъ къ тому, что въ ней наиболѣе совершенно; ложное искусство не даетъ себѣ труда сочетать оба элемента и, вмѣсто того, откидываетъ и измѣняетъ все, что кажется ему предосудительнымъ. Такой образъ дѣйствій приноситъ двоякій вредъ.

Во-первыхъ, красота лишенная необходимыхъ контрастовъ и нарушеній, перестаетъ быть ощутительной, точно такъ-же какъ свѣтъ, лишенный тѣни, перестаетъ производить впечатлѣніе свѣта. Бѣлый холстъ не передаетъ солнечнаго освѣщенія; художникъ долженъ мѣстами сдѣлать его темнымъ, чтобы другія мѣста казались освѣщенными; непрерывный рядъ красивыхъ предметовъ не произведетъ впечатлѣнія красоты, она должна нарушаться контрастами, чтобы явиться въ своей силѣ. Природа всюду перемѣшиваетъ высшіе свои элементы съ низшими, точно

такъ-же какъ она перемѣшиваетъ свѣтъ съ тѣнью, давая обоимъ надлежащее мѣсто и значеніе; художникъ, уничтожающій тѣнь, самъ погибаетъ въ сотворенной имъ жгучей пустынѣ. Истинно высокое искусство Анджелико почерпаетъ силу и свѣжесть въ откровенномъ портретномъ изображеніи самыхъ заурядныхъ физіономій товарищей художника, монаховъ, и самыхъ неприглядныхъ, сохраненныхъ преданіемъ, особенностей иныхъ угодниковъ; но современныя нѣмецкія и рафаэлистскія школы живописи теряютъ всякое достоинство и всякое право на уваженіе, благодаря парикмахерскому пристрастію къ хорошенькимъ лицамъ; въ сущности, онѣ вѣрятъ только въ прямые носы и завитые волосы. Веронезъ противопоставляетъ карлика воину и негритянку королевѣ; Шекспиръ помѣщаетъ Калибана рядомъ съ Мирандой и Автолика рядомъ съ Пердитой; но современный «идеалистъ» находитъ для своей красоты безопасное убѣжище въ гостиной, а для своей невинности—въ уединеніи монастыря; дѣлаетъ онъ это не по тонкости вкуса, а просто потому, что не имѣетъ ни достаточно смѣлости, чтобы лицомъ къ лицу встрѣтить чудовище, ни достаточно остроумія, чтобы представить намъ негодяя.

Отличать красивое отъ некрасиваго мы научаемся только тогда, когда привыкнемъ изображать вполнѣ точно и то, и другое. Самые безобразные предметы содержатъ элементъ красоты спеціально имъ принадлежащій, ее нельзя отдѣлить отъ ихъ безобразія; или вы будете наслаждаться красотою вмѣстѣ съ безобразіемъ, или никакъ не будете наслаждаться ею. Чѣмъ болѣе художникъ принимаетъ природу такою, какова она есть, тѣмъ болѣе неожиданныхъ красотъ находитъ онъ въ томъ, что презиралъ сначала; но какъ только онъ присвоитъ себѣ право отверженія, кругъ его наслажденій начнетъ постепенно съуживаться, то, что онъ сочтетъ утонченностью выбора, будетъ только тупостью воспріятія. Постоянно вращаясь въ сферѣ однородныхъ идей, искусство его станетъ болѣзненнымъ и чудовищнымъ и, наконецъ, онъ утратитъ способность вѣрно изобразить даже то, что признаетъ для себя годнымъ; его изысканность обратится въ слѣпоту, утонченность въ слабоуміе.

Слѣдовательно, искусство не должно ни измѣнять, ни исправлять природу, оно должно выискивать прекрасныя и свѣтлыя ея стороны; любовно воспроизводить красоту ихъ всѣми средствами, какія находятся въ его распоряженіи, и направлять къ ней мысли зрителя, силой чарующей своей прелести или кроткаго вразумлѣнія.

III. *Искренность.* Возможно большая сумма истины въ возможно совершеннѣйшей гармоніи — слѣдующій отличительный признакъ высокаго искусства [1]).

Еслибы оно могло передать всѣ истины дѣйствительности, оно-бы

[1]) Я ставлю ихъ въ восходящемъ, а не нисходящемъ порядкѣ значенія.

должно было это сдѣлать, но это невозможно. Всегда приходится выбирать среди явленій тѣ, которыя могутъ быть воспроизведены, а остальныя обходить молчаніемъ, и даже, въ нѣкоторомъ смыслѣ, воспроизводить невѣрно. Художникъ посредственный выбираетъ истины второстепенныя и отрывочныя; великій художникъ беретъ истины основныя и затѣмъ уже наиболѣе съ ними связанныя и получаетъ наибольшую и самую гармоническую сумму ихъ. Рембрандтъ, напримѣръ, ставитъ себѣ цѣлью въ точности передать отношеніе свѣта на самой освѣщенной части предмета, съ тѣнью на его наименѣе освѣщенной части. Чтобы получить эту по большей части второстепенную истину, онъ жертвуетъ цвѣтомъ и свѣтомъ трехъ четвертей картины, а такъ-же и всѣми тѣми предметами, изображеніе которыхъ требуетъ нѣжности рисунка или колорита. За то единая избранная имъ истина, связанный съ нею живописный эффектъ и впечатлѣніе силы, достигается имъ великолѣпно, съ удивительнымъ искусствомъ и тонкостью. Веронезъ, наоборотъ, стремится изображать отношенія видимыхъ предметовъ между собою, ихъ отношеніе къ небу и къ землѣ. Для него болѣе значенія представляетъ задача изобразить какъ отчетливо выступаетъ фигура на воздушномъ фонѣ или на фонѣ стѣны; какъ эта красная, фіолетовая или бѣлая фигура ясно и опредѣленно выдѣляется среди предметовъ не красныхъ, не фіолетовыхъ и не бѣлыхъ; какъ играетъ вокругъ нея безбрежный солнечный свѣтъ и безчисленныя тонкія тѣни окутываютъ ее нѣжными покровами; какъ ограничены и опредѣленны и темныя сильныя ея тѣни, и рѣзкіе сильные свѣта, все это кажется ему болѣе важнымъ, чѣмъ точная мѣра солнечнаго блеска, играющаго на рукояткѣ кинжала или отраженнаго алмазомъ. Къ тому-же онъ чувствуетъ, что все это гармонично, что все это можетъ сочетаться въ одно великое цѣлое глубокой правды. Съ неусыпнымъ вниманіемъ и величайшею нѣжностью онъ приводитъ всѣ данные элементы въ самое тонкое равновѣсіе, въ каждомъ малѣйшемъ оттѣнкѣ наблюдаетъ не только самостоятельное его достоинство или недостатокъ, но и отношеніе къ каждому другому оттѣнку въ картинѣ. Во имя истины онъ подавляетъ свою необузданную энергію и сдерживаетъ пламенную силу, тушитъ суетный блескъ и проникаетъ въ угрюмыя тѣни; желѣзной рукой сдерживаетъ безпокойную фантазію, не допускаетъ ни ошибки, ни небрежности, ни разсѣянности, подчиняетъ всѣ силы, порывы и вдохновеніе суду безпощадной правды и неподкупной справедливости.

Я привожу этотъ примѣръ по отношенію къ свѣту и тѣни, но во всѣхъ задачахъ искусства разница между великими и второстепенными мастерами заключается въ томъ-же и опредѣляется большей или меньшей суммой истинъ, данныхъ художникомъ.

Высокое искусство требуетъ возможно большей тщательности испол-

ненія, такъ-какъ она способствуетъ приближенію къ истинѣ, а приближеніе къ истинѣ—необходимое условіе совершенства. Правило это не имѣетъ никакихъ исключеній или ограниченій. Грубая работа—признакъ низшаго искусства. Не нужно забывать, однако, что грубость эта находится въ зависимости отъ разстоянія между картиной и глазомъ зрителя: когда разстояніе велико, оно требуетъ мазковъ, которые кажутся грубыми вблизи, но самая тонкая и мелочная выработка менѣе тщательна, чѣмъ эти грубые мазки въ картинѣ великаго мастера, такъ-какъ впечатлѣніе ихъ разсчитано заранѣе; они требуютъ такой-же остроты чувства, какою долженъ обладать мѣткій стрѣлокъ, прицѣливающійся изъ лука, вы видите только напряженіе его сильныхъ рукъ и не сознаете тонкаго чувства пространства въ его глазу и въ пальцѣ, нажимающемъ стрѣлу.

Такая тщательность работы вполнѣ очевидна только для человѣка, понимающаго дѣло; бойкіе мазки въ картинѣ Тинторето или Павла Веронеза кажутся невѣжественному зрителю только тяжеловѣсными кляксами краски и въ этомъ смыслѣ вызываютъ подражаніе неразумныхъ художниковъ; но въ дѣйствительности они такъ тщательно модулированы кистью и пальцемъ, что ни единой крупицы краски нельзя было-бы отнять безнаказанно; крошечныя золотистыя пятнышки, величиной не болѣе головки комара, играютъ важную роль въ распредѣленіи свѣта въ картинѣ, имѣющей пятьдесятъ футовъ длины. Почти всякое правило въ живописи имѣетъ какое-нибудь исключеніе. Но въ этомъ правилѣ нѣтъ ни одного исключенія. Всякое истинное искусство есть искусство тонкое; грубое искусство—искусство плохое.

IV. *Творчество.* Высокое искусство есть продуктъ творческой дѣятельности художника, т. е. дѣятельности его воображенія; таковъ послѣдній, отличительный его признакъ. Къ живописи приложимо опредѣленіе, данное нами поэзіи: она не только должна возбуждать благородныя чувства, но и создавать объекты этихъ чувствъ силою воображенія. Непроходимая пропасть отдѣляетъ въ этомъ отношеніи школу высшаго искусства отъ школы искусства низшаго. Послѣдняя только копируетъ наличную дѣйствительность, въ портретѣ-ли, въ пейзажѣ или изображеніи мертвой природы; первая созидаетъ предметъ свой силою воображенія, или комбинируетъ матеріалы, данные дѣйствительностью, сообразно требованіямъ своей фантазіи.

Творческая сила обусловливаетъ такъ-же и вѣрное пониманіе исторіи; такимъ образомъ, если мы оглянемся на всѣ способности, которыхъ требуетъ высокій стиль въ живописи, мы увидимъ, что они въ сложности составляютъ сумму всѣхъ силъ, данныхъ человѣческой душѣ. 1) Выборъ высокаго сюжета требуетъ вполнѣ правильной нравственной оцѣнки; 2) любовь къ красотѣ требуетъ вполнѣ развитаго вкуса; 3) разумѣніе

истины требуетъ силы мышленія, справедливости и искренности; 4) поэтическое вдохновеніе требуетъ быстроты фантазіи и точности исторической памяти; сумма всѣхъ этихъ способностей исчерпываетъ содержаніе души человѣческой. Вотъ почему такое искусство мы называемъ «великимъ». Оно велико въ буквальномъ смыслѣ; оно заключаетъ въ себѣ и возбуждаетъ къ дѣятельности всѣ силы духа, тогда какъ другіе роды искусства, болѣе узкіе и мелкіе, содержатъ и возбуждаютъ къ дѣятельности только одну какую-нибудь сторону духа. Названіе «великаго» справедливо и вѣрно въ буквальномъ смыслѣ, такъ-какъ искусство измѣряется количествомъ духовныхъ силъ, дѣйствующихъ въ немъ и возбуждаемыхъ имъ къ дѣятельности. Вотъ окончательный смыслъ моего стараго опредѣленія искусства, какъ наибольшаго количества величайшихъ идей.

Поэтому всякая система преподаванія, имѣющая ввиду обученіе великому искусству или допускающая возможность такого обученія, совершенно фальшива. Великое искусство—какъ-разъ то самое, которому научиться никогда не было и никогда не будетъ возможности; это прежде всего и болѣе всего—выраженіе великаго духа; единственное здравое преподаваніе заключается въ стремленіи запечатлѣть въ сознаніи ученика благородныя свойства великаго духа; сдѣлать это вовсе не трудно; не то слѣдуетъ внушать ученику, что онъ когда-нибудь можетъ и, по всей вѣроятности, будетъ писать какъ Тиціанъ и ваять какъ Микель Анджело, а то, что онъ, несомнѣнно, можетъ и непремѣнно долженъ стараться рисовать добросовѣстно и отчетливо; слѣдуетъ развивать въ немъ милосердіе, искренность и изящество; впослѣдствіи, втеченіе всей его жизни это поможетъ ему отличать правду отъ лжи, дѣйствительность отъ призрака и красоту отъ тлѣнія.

ПО ВОПРОСУ О РАЗВИТІИ ОБЩЕСТВА.

(Benjamin Kidd: «L'évolution sociale» 1896).

I.

Киддъ проводитъ на всемъ пространствѣ своего труда ту мысль, что разумъ не служитъ главнымъ дѣятелемъ въ исторіи человѣчества и что условія народняго хозяйства не имѣютъ той важности, которую имъ приписываютъ подъ вліяніемъ новѣйшей экономической доктрины.

«Исторія человѣчества,—говоритъ Киддъ,—знакомитъ насъ съ однимъ общимъ явленіемъ—борьбой за существованіе, въ которой погибаютъ слабѣйшіе. Подборъ выражается въ побѣдѣ сильнѣйшихъ; она обезпечиваетъ человѣчеству безостановочное движеніе впередъ. Такая борьба происходитъ и между отдѣльными группами внутри каждаго народа, и между самостоятельными народами. Разумъ, если стать на точку зрѣнія слабѣйшаго, не можетъ оправдать многія условія общественной жизни. И какъ полудикія племена Америки и Австраліи, исчезающія при столкновеніи съ европейцами, не могутъ своимъ разумомъ оправдать печальную необходимость, вслѣдствія которой они осуждены на вымираніе, такъ бѣднѣйшіе классы европейскаго общества не могутъ разумомъ одобрить тѣ условія, въ которыя поставлено ихъ существованіе. Большинство членовъ современнаго общества заинтересовано «въ томъ, чтобъ уничтожить соперничество между отдѣльными лицами, которое всѣмъ обходится дорого, упорядочить производство на новыхъ началахъ и, что важнѣе всего, опредѣлить точною цифрой населеніе, дабы оно, будучи всегда пропорціонально средствамъ существованія, обезпечивало каждому полное довольство» (стр. 76). Разумъ можетъ дать санкцію только такому общественному строю, въ которомъ всѣ,—разумные и слабоумные, способные и бездарные,—пользуются условіями матеріальной жизни. Словомъ, всѣ прогрессирующія общества выдвигаютъ предъ нами такой

основной фактъ: выгоды цѣлаго общества и отдѣльныхъ людей, которые входятъ въ его составъ, противоположны; непримиримыя по самой своей природѣ, они никогда не будутъ сходны.

Эти предварительныя замѣчанія, разъясняющія, что разумъ не оправдываетъ всѣхъ условій жизненнаго строя и не созидаетъ ихъ, побуждаютъ Кидда перейти къ оцѣнкѣ религіознаго чувства. Еслибы,—говоритъ онъ,—въ наши города попалъ житель другой планеты, то храмы возбудили-бы въ немъ особенный интересъ. Онъ увидалъ-бы, что обычаи и учрежденія цивилизованныхъ народовъ, во всѣхъ своихъ подробностяхъ, сложились подъ вліяніемъ религіи, что, безотчетно для нихъ, ихъ понятія о правѣ и обязанности, отношенія людей другъ къ другу, представленія объ условіяхъ государственной жизни происходятъ, главнымъ образомъ, отъ ихъ религіозныхъ идей. Напрасно было-бы думать, что власть религіозныхъ идей надъ людьми отошла въ область преданій: и въ настоящее время эти идеи защищаются многими и служатъ источникомъ великихъ общественныхъ движеній. Эти движенія не только независимы отъ умственныхъ силъ, но часто стоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ послѣдними. Приводя многочисленныя опредѣленія, которыя давались религіи мыслителями древности и новаго времени, Киддъ не находилъ ихъ удовлетворительными; въ каждой религіи,—говоритъ онъ,—наиболѣе существенно сверхъестественное оправданіе того поведенія людей, которое необходимо для прогресса и которое не можетъ быть оправдано разумомъ. Это независимое отъ разума одобреніе и дается поведенію людей именно въ то время, когда интересы личности и общества приходятъ въ противорѣчіе и когда нужно подчинить первые вторымъ для споспѣшествованія эволюціи, которую совершаетъ человѣчество.

Каковы-же существенныя особенности западной цивилизаціи? Прежде всего,—думаетъ Киддъ,—нужно исправить распространенное заблужденіе, будто наше общество обладаетъ условіями, которыя были налицо всегда, во всѣхъ странахъ. Средній человѣкъ на можетъ усвоить то положеніе, что отличительныя черты новѣйшаго общества должны быть признаны единственными въ исторіи человѣчества. А если такъ, то спрашивается, какими-же характеристическими чертами отличается наша цивилизація отъ цивилизаціи другихъ народовъ и особенно древности? Какъ ни важны успѣхи матеріальной жизни, сдѣланные европейско-американскимъ міромъ, не въ нихъ нужно искать отличительную особенность того, что составляетъ западную цивилизацію. Новое начало внесено христіанствомъ. Какъ во всѣхъ движеніяхъ этого рода, ему были враждебны умственныя силы его времени. «Быть можетъ, нѣтъ болѣе замѣчательнаго факта въ исторіи человѣческой мысли, какъ полный недостатокъ пониманія грядущихъ судебъ христіанства, который обнаруживаютъ древніе писатели до воцаренія Константина» (стр. 124). Величайшія религіозныя перемѣны,

которыя извѣстны исторіи человѣчества, совершались на глазахъ цѣлой плеяды блестящихъ философовъ и историковъ, сознававшихъ разложеніе своего общества. И всѣ эти писатели ошиблись въ своихъ предсказаніяхъ относительно исхода движенія, которое они наблюдали: цѣлыхъ три столѣтія они презирали силу, которая сдѣлалась могучимъ рычагомъ для нравственности.

Итакъ, христіанство явилось важнѣйшимъ творческимъ началомъ въ западной цивилизаціи. Съ самаго своего появленія оно отличалось двумя особенностями: чрезвычайною силой божественной санкціи, которую оно давало человѣческому поведенію, и моралью, которая была разсчитана на то, чтобы поднять народы, подчинявшіеся ей, до болѣе благопріятныхъ условій жизни и борьбы за существованіе съ другими народами.

Эти два начала должны были внести крупныя перемѣны во всю общественную жизнь. Строй государства древняго міра былъ военный. Гражданинъ не трудился: онъ воевалъ, жилъ на счетъ добычи и труда рабовъ Онъ смотрѣлъ съ величайшимъ презрѣніемъ на рабовъ и вольноотпущенныхъ. Ему было чуждо даже слабое сознаніе обязанностей относительно этихъ классовъ. Западная-же цивилизація, опирающаяся на христіанство, облагораживаетъ трудъ и представляетъ намъ все большіе успѣхи въ дѣлѣ политическаго и соціальнаго освобожденія массы народа. Развитіе Европы совершается такимъ образомъ, что силы людей, заглушенныя въ первобытныхъ обществахъ или поглощенныя служеніемъ государству, какъ-то было въ древнихъ цивилизаціяхъ, получаютъ все больше свободы.

Это движеніе отнюдь не есть слѣдствіе успѣховъ, которые сдѣлалъ умъ европейца. Уму принадлежитъ значительное, но отнюдь не преобладающее вліяніе въ этомъ процессѣ. Нравственное чувство, укрѣпляемое христіанствомъ, обнаруживаетъ въ жизни запада все большую и большую силу, оно доказывается тѣми теченіями, которыя должны быть признаны альтруистическими.

Альтруистическія идеи христіанства, вызывавшія особенное негодованіе древнихъ римлянъ, получаютъ все большее развитіе. Альтруистическія чувства дѣлаютъ съ каждымъ поколѣніемъ все большіе и большіе успѣхи. И замѣчательно то, что развитіе этихъ чувствъ и перемѣна характера людей, которая сопровождаетъ его, обнаруживаются особенно ярко въ наиболѣе цивилизованныхъ обществахъ. Киддъ приводитъ рядъ примѣровъ, доказывающихъ развитіе этихъ чувствъ. Таковы, прежде всего, многочисленныя благотворительныя общества, къ которымъ почти ежедневно примыкаютъ новыя учрежденія этого рода. Такова чувствительность общества относительно всякаго горя и страданія людей. Англія ратовала за отмѣну рабства негровъ подъ вліяніемъ впечатлѣній, которыя производили разсказы о жестокостяхъ и униженіяхъ, выпадавшихъ

на долю невольниковъ. Англійское общество XIX вѣка находится подъ впечатлѣніемъ данныхъ о несчастіяхъ, которыя испытываютъ угнетенныя народности, и это не однократно имѣло вліяніе на ея внѣшнюю политику. Стоитъ раздаться въ печати воззванію въ пользу какой-нибудь угнетенной общественной группы—и сейчасъ это воззваніе находитъ откликъ, который становится замѣтною силой. Сюда-же нужно отнести и то мягкосердечіе, которое выходитъ далеко за предѣлы интерессовъ людей и распространяется на животныхъ: всѣмъ извѣстно, какъ сильно теченіе, направленное противъ вивисекціи. Разница между ними и древнимъ міромъ представляется особенно рѣзкою, если припомнимъ жестокость, съ которою римлянинъ и грекъ относился ко всѣмъ, кто не принадлежалъ къ его семьѣ, черствость и равнодушіе, съ которымъ наиболѣе просвѣщенные изъ людей древности относились къ престарѣлымъ родителямъ. И несправедливъ высказываемый иногда упрекъ, что упражненіе въ альтруистическихъ чувствахъ изнѣживаетъ насъ; нѣтъ, эти чувства особенно развиты среди народовъ, которые имѣютъ наиболѣе сильную волю. Источникомъ-же всего этого служатъ отнюдь не успѣхи ума, а огромный запасъ альтруистическихъ чувствъ, накопленныхъ западною цивилизаціей съ могущественною санкціей религіи, которая даетъ этимъ чувствамъ точку опоры.

Если мы будемъ изучать исторію законодательства за послѣднія полтора столѣтія, то увидимъ, что это—только исторія уступокъ, которыя партія болѣе сильныхъ сдѣлала въ пользу болѣе слабыхъ. Говорятъ нерѣдко, что эти уступки были вынуждены народомъ, силы котораго возросли вслѣдствіе возросшаго умственнаго развитія. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что первая партія и теперь, въ силу всѣхъ условій, болѣе могущественна; она побѣждала, какъ скоро дѣло доходило до борьбы. Ближе изучая партію, которая подвигается назадъ передъ потокомъ народа, мы получаемъ ясное понятіе объ этомъ замѣчательномъ фактѣ. Движеніе, которое происходитъ вокругъ насъ, должно быть признано единственнымъ въ исторіи человѣчества. Изучая-же дѣйствующія силы, мы видимъ ихъ происхожденіе: именно среди господствующихъ классовъ быстро совершается смягченіе нравовъ, воспитываются благородныя черты характера. Весь духовный обликъ этой партіи испыталъ большія перемѣны, нежели характеръ ея противниковъ. Эти перемѣны и мѣшаютъ господствующимъ классамъ пользоваться своими силами и дѣятельно сопротивляться движенію, которое отнимаетъ у нихъ почву. «Людей такъ трогаютъ страданіе, нищета, несправедливость, униженіе, что они не могутъ долѣе противиться имъ» (стр. 175). Вотъ путь, который постепенно ведетъ къ уравненію условій существованія. Успѣхъ долженъ быть приписанъ не столько натиску, сколько вліянію альтруистическихъ чувствъ на господствующіе классы, именно это вліяніе и подрываетъ въ нихъ

вѣру въ собственное дѣло. Эта партія уже не убѣждена въ томъ, что по справедливости занимаетъ свое положеніе; отступая въ порядкѣ, она оставляетъ одну за другой свои исконныя привилегіи. Ученые и политики усвоили привычку приписывать успѣхи, сдѣланные рабочими классами, разнымъ условіямъ: всеобщности обученія, умственному развитію, вліянію печати, улучшенію средствъ сообщенія; однако, все это не можетъ быть отнесено къ первичнымъ причинамъ. Таковую нужно искать только въ развитіи человѣчности, въ смягченіи характера, которое совершилось у западныхъ народовъ; «безъ этого альтруистическаго потока наши законы были-бы нелѣпы, а демократическія учрежденія невозможны» (стр. 178).

«Постараемся,—говоритъ Киддъ,—хотя воображеніемъ устранить чувства дружелюбія, и мы поймемъ, какъ велико ихъ значеніе въ общественной жизни. Предположимъ на минуту, что правящіе классы полны вѣры въ собственное дѣло и презрѣнія къ большинству гражданъ. Всѣ гарантіи, которыя предоставлены народу конституціями, было-бы также легко уничтожить, какъ вольности римской республики для Марія и Суллы. Стоитъ только уничтожить альтруистическія чувства,—и вся сила печати, всѣ приложенія научныхъ знаній, все развитіе промышлености, «экономическія тенденціи» которыя, говорятъ, работаютъ для народа, стали-бы просто-на-просто оборонительными и наступательными средствами въ рукахъ тиранической олигархіи» (стр. 181). Можно сдѣлать противъ всего сказаннаго то возраженіе, что среди насъ есть люди, которые откровенно говорятъ о своемъ безвѣріи и въ то-же время являютъ всею своею жизнью самые высокіе образцы любви къ ближнему. Но вліяніе религіи и на этихъ людей не можетъ подлежать спору: западная цивилизація слагалась въ теченіе длиннаго ряда столѣтій; всѣ мы нравственно и умственно являемся продуктами этого религіознаго движенія. И никакое усиліе ума не можетъ въ нашей индивидуальной жизни освободить насъ отъ этого вліянія.

Киддъ посвящаетъ особую главу современному соціально-экономическому движенію. Во всей современной политикѣ мы видимъ все болѣе крѣпнущую увѣренность, что теорія государственнаго невмѣшательства непригодна, и что, наоборотъ, государства должны поддерживать бѣднѣйшіе классы на счетъ всего общественнаго союза. Партія, вѣрная теоріи государственнаго невмѣшательства, еще дѣйствуетъ, но у нея уже нѣтъ прежняго энтузіазма; она какъ-бы ждетъ новаго призыва, который обновилъ-бы ея силы. И въ то-же время, какъ эта политическая партія (авторъ имѣетъ въ виду прежде всего Англію) колеблется, на сцену выступаетъ новая, стройно организованная. Мы имѣемъ передъ собой не отвлеченные проекты, а программу, совершенно опредѣленную, отвѣчающую на злобы дня. И многое въ этой программѣ выражаетъ только

общія гуманныя теченія нашего времени. Но что касается истиннаго соціализма, то онъ «имѣетъ конечною цѣлью устранить индивидуальную борьбу за существованіе, продолжающуюся донынѣ отъ первыхъ зачатковъ общежитія и даже отъ первыхъ проявленій жизни на землѣ» (стр 201). А между тѣмъ,—говоритъ Киддъ,—если-бы даже во всемъ человѣчествѣ съ одного удара было уничтожено начало конкуренціи, то нельзя представить себѣ, не увлекаясь призраками, какъ-бы могло существовать подобное общество. Длинный рядъ вѣковъ человѣкъ жилъ въ области, которая была насыщена соревнованіемъ. Всѣ его тѣлесныя свойства и духовныя качества являются продуктомъ соперничества. И только благодаря соперничеству онъ можетъ найти наиболѣе подходящее мѣсто для примѣненія своихъ дарованій. Измѣнить это невозможно.

Отмѣтивъ прогрессъ, безостановочно совершающійся въ матеріальныхъ условіяхъ жизни всѣхъ классовъ, Киддъ высказываетъ мысль, что эти улучшенія вовсе не были связаны съ подавленіемъ конкуренціи; напротивъ, въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ развитіе хозяйственной жизни сдѣлало наибольшіе успѣхи, соперничество достигло за послѣднія десятилѣтія такой силы, какъ никогда и нигдѣ. И въ будущемъ неизбѣжно должна продолжаться эволюція, которая совершалась до сихъ поръ; она будетъ лишь тѣмъ отличаться отъ нынѣшней, что всѣ получатъ возможность принимать участіе въ борьбѣ за существованіе не только на почвѣ политическаго, но и соціальнаго равенства. Политическое освобожденіе массъ есть уже совершившійся фактъ; ихъ соціальное освобожденіе будетъ задачей того періода, въ который мы вступаемъ. Съ каждымъ днемъ становятся болѣе многочисленны общественныя положенія, которыя можно занять только благодаря знанію. Но для большинства населенія эти мѣста не доступны уже потому, что оно лишено возможности пріобрѣсти знанія. Но законодательство нашего времени стремится къ тому, чтобы съ этой стороны улучшить положеніе бѣднѣйшихъ на счетъ богатыхъ классовъ. Скоро для массъ, вѣроятно, будетъ доступно не только низшее, но и высшее образованіе. Все это позволяетъ заключить, что цѣлая «пропасть отдѣляетъ соціализмъ отъ того состоянія общества, къ которому насъ ведетъ совершающаяся среди насъ эволюція. Тенденція, присущая нашему общественному развитію, стремится *усилить соперничество* до наивысшей степени... такимъ образомъ, чтобы каждый человѣкъ имѣлъ всѣ способы для полнаго развитія своей личности» (стр. 231).

Утверждая, что не умъ, а религіозное чувство есть главный дѣятель эволюціи, авторъ говоритъ, что, для наиболѣе быстраго ея движенія, люди должны становиться все болѣе религіозными. Эти положенія могутъ быть доказаны фактами трехъ родовъ: 1) нашъ умственный прогрессъ менѣе значителенъ и менѣе правиленъ, чѣмъ обыкновенно продполагаютъ;

2) огромное различіе между наиболѣе развитыми обществами и низшими расами должно быть приписано разницѣ въ нравственномъ отношеніи, а не въ умственномъ; и 3) между высокимъ соціальнымъ и высокимъ умственнымъ развитіемъ нѣтъ прямой связи, которую обыкновенно устанавляютъ.

Факты перваго ряда могутъ быть почерпнуты изъ сравненія народовъ древности съ современными обществами. Средній уровень умственнаго развитія древнихъ грековъ былъ выше, чѣмъ нашихъ современниковъ. А, между тѣмъ, и греки и римляне погибли въ борьбѣ за существованіе. Сопоставляя современное поколѣніе съ предшествующимъ, мы найдемъ, что уровень умственнаго развитія не повысился. Киддъ подкрѣпляетъ это ссылкой на авторитетъ Гладстона, который будто-бы находитъ, что въ XVI столѣтіи люди имѣли болѣе мощный мозгъ, чѣмъ теперь.

Факты второго ряда могутъ быть добыты въ изобиліи при наблюденіи полудикихъ народовъ. Многіе изъ нихъ такъ мало развиты, что не умѣютъ считать дальше пяти и даже трехъ. А, между тѣмъ, дѣти и юноши этихъ племенъ, посѣщая школу, дѣлаютъ не меньше успѣховъ, чѣмъ европейцы. Уже не говоря объ индусахъ и бирманцахъ которые, обучаясь на-ряду съ англичанами, нисколько не отстаютъ отъ нихъ, дѣти туземцевъ почти такъ-же быстро проходятъ курсъ австралійскихъ школъ, какъ и дѣти англичанъ. То-же наблюдается и въ начальныхъ школахъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ дѣти негровъ преуспѣваютъ не менѣе, чѣмъ дѣти бѣлыхъ. Такимъ образомъ чудеса новѣйшей цивилизаціи должны служить мѣриломъ не умственнаго превосходства народовъ Европы, а ихъ соціальной устойчивости и соціальной работы. Все это не продуктъ индивидуальнаго ума, а результатъ постепеннаго накопленія знаній, которыя послѣдовательно преобрѣтались многими индивидами; каждый вкладъ въ этотъ общій запасъ облегчалъ дальнѣйшую работу.

Авторъ находитъ факты третьей группы при сравненіи отдѣльныхъ народовъ Европы. Французы представляются ему народомъ наиболѣе развитымъ; блестящей умственной жизнью французы напоминаютъ древнихъ грековъ. Народы тевтонской расы достигаютъ высшихъ умственныхъ результатовъ тамъ, гдѣ нуженъ упорный трудъ, гдѣ цѣлое создается изъ многихъ частей, но всѣмъ этимъ изысканіямъ *чуждъ идеализмъ* (?), который составляетъ отличительную черту французскаго генія. А, между тѣмъ, въ отношеніи соціальномъ французы значительно уступаютъ народамъ германскаго племени. Киддъ доказываетъ это ссылкою на медленный приростъ населенія во Франціи, на то, что общее число людей на земномъ шарѣ, говорящихъ по-англійски, не считая негровъ и индійцевъ, превышаетъ 100 милліоновъ, тогда какъ общее число французовъ едва достигаетъ 40.000,000. Уступая первенство англичанамъ, французы

оказались несостоятельными и предъ нѣмцами. Отсюда авторъ дѣлаетъ выводъ, что умственное превосходство народа еще не обезпечиваетъ ему соціальнаго превосходства. А причины упадка современной Франціи общеизвѣстны: слабая рождаемость преднамѣренна. Намѣренное ограниченіе числа производимыхъ дѣтей есть слѣдствіе упадка религіознаго чувства. Человѣкъ слишкомъ усердно заботится о собственныхъ удобствахъ и не хочетъ пожертвовать личными выгодами интересамъ общежитія, къ которому принадлежитъ. Среди народовъ германскаго племени, благодаря реформаціи, религіозное чувство сохранилось болѣе цѣльнымъ. Словомъ, какъ скоро человѣкъ становится членомъ общества, его прогрессированіе состоитъ не въ томъ, чтобы прежде всего стремиться къ умственному развитію. Главный интересъ состоитъ въ воспитаніи и упроченіи религіознаго чувства; уже вслѣдъ за этимъ идетъ воспитаніе ума. Человѣчество должно становиться все болѣе и болѣе религіознымъ, такъ какъ побѣдителями оказываются народы, у которыхъ особенно сильно религіозное чувство.

II.

Книга Кидда понравилась читателямъ. Изданная на англійскомъ языкѣ два года тому назадъ, она переведена на французскій и нашла себѣ мѣсто въ Collèction d'auteurs étrangers contemporains. Она написана живо и интересно; но нѣкоторыя изъ основныхъ положеній автора не могутъ быть приняты. Если въ немногихъ словахъ сжать содержаніе книги, то получится такая картина. Борьба за существованіе способствуетъ прогрессированію человѣчества; слабѣйшіе погибаютъ; разумъ тѣхъ, которые побѣждены, не можетъ примириться съ этимъ, такъ какъ онъ предписываетъ каждому создать условія жизни, наиболѣе благопріятныя для себя. Но является регилiозное чувство, которое и исполняетъ двѣ функціи: вліяя на сильнѣйшихъ, оно побуждаетъ ихъ смягчать формы борьбы за существованіе, дѣлать уступки слабѣйшимъ. Дѣйствуя же на послѣднихъ, оно побуждаетъ ихъ смириться предъ тяжелою долей, безропотно нести ее, такъ какъ это необходимо для безостановочнаго движенія общественной эволюціи.

Можно согласиться безоговорочно только съ однимъ положеніемъ автора, что разумъ тѣхъ, которые оказываются побѣжденными въ борьбѣ за существованіе, не можетъ оправдать необходимости такого исхода борьбы, что вымирающіе индѣйцы или австралійцы не могутъ признать разумнымъ и справедливымъ фактъ своего исчезновенія по мѣрѣ занятія бѣлымъ племенемъ всѣхъ уголковъ шара и что неимущіе классы европейскаго общества не могутъ разумомъ оправдать необходимость своего угнетеннаго положенія. Всѣ же остальныя утвержденія автора должны быть или ограничены, или отвергнуты, такъ какъ нельзя под-

крѣпить ихъ ни апріорными выводами, ни данными изъ жизни разныхъ странъ и многихъ народовъ.

Эволюція, если разсматривать ее съ точки зрѣнія европейца, совершается при такихъ условіяхъ, что низшія расы, сталкиваясь или даже встрѣчаясь съ высшими, постепенно вымираютъ. Нѣтъ никакихъ логическихъ основаній считать этотъ фактъ полезнымъ для развитія наиболѣе культурныхъ народовъ. Напротивъ, есть данныя въ пользу того, что вымираніе первобытныхъ племенъ, насколько оно вызывается столкновеніемъ этихъ племенъ съ бѣлой расой, замедляетъ прогрессированіе послѣдней, такъ какъ расширяетъ площадь, на которой могутъ дѣйствовать хищническія наклонности людей. И если мы согласимся относительно того, что мѣриломъ развитія и прогрессированія обществъ служитъ ростъ альтруистическаго чувства, то необходимо должны признать и выше установленное положеніе.

Первобытныя племена имѣютъ во всей обстановкѣ своей жизни много условій, которыя препятствуютъ ихъ быстрому размноженію и даже уменьшаютъ ихъ численность: войны, вредные обычаи, голодъ, повальныя болѣзни, при полномъ отсутствіи мѣръ гигіены и лѣченья и проч. Столкновеніе-же съ культурными народами присоединяетъ къ этому новый фактъ—безостановочную эксплуатацію побѣжденныхъ побѣдителями, которая и должна вести къ вымиранію слабѣйшихъ. Эта причина можетъ дѣйствовать тѣмъ болѣе долгое время и тѣмъ болѣе могущественно, что эксплуатація совершается безкровно. Она происходитъ, напримѣръ, въ такой формѣ, что у побѣжденнаго народа, который еще не перешелъ отъ кочевого состоянія къ осѣдлому, отнимается въ пользу побѣдителей значительная часть земли, и такъ какъ площади, которая оставлена за покореннымъ племенемъ, ему недостаточно, такъ какъ оно не можетъ быстро перейти отъ скотоводства къ земледѣлію, то первое, будучи единственнымъ источникомъ существованія, упадаетъ, и многія группы племени лишаются средствъ въ жизни, а это влечетъ за собой усиленную смертность.

Эксплуатація становится особенно жестокой въ тѣхъ случаяхъ, когда среди первобытныхъ племенъ поселяются люди сильнѣйшей расы и начинаютъ заниматься кулачествомъ, которое достигаетъ размѣровъ, неизвѣстныхъ цивилизованнымъ странамъ. Такъ господствуютъ наши купцы-рыбопромышленники и другіе среди остяковъ, тунгусовъ, чукчей, высасывая у нихъ послѣдніе соки; эти «носители культуры» не только не ослабляютъ отрицательныхъ условій, которыя связаны со всѣмъ бытомъ инородцевъ, но даже понижаютъ своей эксплуатаціей и безъ того крайне низкій уровень ихъ благосостоянія, чѣмъ и способствуютъ ихъ вымиранію.

Думать, что такая побѣда сильнѣйшаго, обогащающая сотни и ты-

сячи алчныхъ людей на счетъ жалкихъ инородцевъ, культурно поднимаетъ страну, значитъ то-же, что давать подобную оцѣнку всѣмъ противообщественнымъ элементамъ, насколько ихъ дѣятельность сопровождается успѣхами. Я утверждаю, что подобные факты задерживаютъ прогрессированіе высшихъ племенъ, ибо тѣ ихъ члены, которые на своей родинѣ, отчасти подчиняясь общественному мнѣнію, отчасти въ виду близости контроля и большей трудности обходить законъ, сдерживали-бы свои хищническія стремленія, дѣйствуютъ среди полудикихъ племенъ безъ всякой задержки, даютъ полный просторъ всѣмъ своимъ отрицательнымъ силамъ и прямо и косвенно расширяютъ область, куда альтруистическія чувства не находятъ доступа. Наблюдая въ этихъ сферахъ борьбу за существованіе, мы должны признать побѣду сильнѣйшимъ слабѣйшаго и уменьшеніе слабѣйшихъ въ числѣ задерживающею движеніе эволюціи, такъ-какъ этой побѣдѣ способствуетъ обыкновенно стеченіе цѣлаго ряда неблагопріятныхъ условій: отдаленность мѣста борьбы отъ центра, гдѣ обычаи и законы нѣсколько смягчаютъ нравы, непосредственное воздѣйствіе на полудикарей наиболѣе жестокой части бѣлаго племени и проч.

Не вѣрно и то, что всѣ, павшіе въ борьбѣ за существованіе, чувствуя необходимость этого для общественной эволюціи, ***примиряются*** со своей судьбой. Въ каждомъ обществѣ и среди исповѣдниковъ любой религіи можно найти людей, которые легко и даже радостно переносятъ всѣ удары судьбы; не только противодѣйствіе, но и ропотъ—не ихъ дѣло. Христіанскіе мученики являются высшими представителями этого типа. Но всѣ эти люди, связующіе свои помыслы и желанія съ тѣмъ, что наступитъ за предѣлами земной жизни, жертвуютъ собою не потому, что въ интересахъ эволюціи нужна побѣда сильнѣйшаго надъ слабѣйшимъ, а потому, что ихъ воображенію вся жизнь, со всѣми ея удобствами и тревогами, радостями и печалями, представляется ничтожною, пустою. Не таковъ, однако, *средній типъ* людей. Еслибъ мученичество по убѣжденію, подвижничество были присущи среднимъ людямъ, то, быть можетъ, существованіе человѣческаго рода прекратилось-бы давнымъ-давно. Средній человѣкъ принимаетъ близко къ сердцу условія земной жизни и падаетъ въ борьбѣ за существованіе съ проклятіемъ или, по крайней мѣрѣ, съ чувствомъ горечи относительно той силы, которая поразила его. Если онъ не сопротивляется, то лишь потому, что не можетъ сопротивляться. Такъ было въ языческомъ мірѣ; такъ совершается и теперь. Историки твердятъ на всѣ лады, что рабство было необходимо, что оно помогло блестящему развитію древне-греческой жизни за какія-нибудь пять столѣтій. Пусть такъ. Величайшіе мыслители древности считали рабство неотъемлемою принадлежностью государства, установленной изначала міра; это учрежденіе освящалось волею боговъ. Но греческій или рим-

скій рабъ сживался со своею долей не потому, что преклонялся предъ небесною санкціей своего подневольнаго положенія, а потому, что не имѣлъ силы освободиться отъ господства. На сторонѣ господина было искусство владѣть оружіемъ, привычка повелѣвать, даже объединять общественныя силы такъ, чтобы поддерживать непоколебленнымъ строй, покоющійся на рабскомъ трудѣ.

Что было въ древнемъ мірѣ, то-же находимъ мы и въ позднѣйшія времена. Крѣпостной среднихъ вѣковъ сталъ крѣпостнымъ именно потому, что не имѣлъ силы быть свободнымъ. Именно это заставляло крѣпостныхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе переносить гнетъ, который много разъ и такъ ярко изображенъ историками крѣпостничества. Отсюда— крестьянскія войны, занимающія не мало страницъ въ исторіи западныхъ народовъ.

Еще болѣе основаній дать такую оцѣнку современному обществу. Въ древніе и средніе вѣка господствующій классъ не представлялъ такой рѣзкой дисгармоніи между личными свойствами и общественнымъ могуществомъ, какую находимъ нынѣ. Для увѣчнаго, болѣзненнаго, хилаго не было мѣста среди греческихъ или римскихъ гражданъ: условія жизни были слишкомъ суровы, чтобы слабыя дѣти или юноши могли дожить до зрѣлаго возраста. Кто выросталъ, тотъ былъ крѣпокъ, искусенъ во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, а досугъ помогалъ культурѣ ума, которая была довольно высока и для зауряднаго гражданина. То-же скажемъ мы и о среднихъ вѣкахъ. И рабъ или крѣпостной, видя своего господина, понимали или хотя смутно чувствовали, что они служатъ сильнѣйшему тѣломъ и духомъ. Когда на сторонѣ господина были хотя тѣлесная сила и мужество, можно было говорить о господствѣ сильнѣйшаго: складъ-же новой общественной жизни очень часто даетъ побѣду тому, кто совершенно ничтоженъ, кому слѣдовало-бы, еслибъ каждый получалъ отъ жизни соотвѣтственно со своими личными качествами и заслугами, только изъ состраданія давать то, что спасаетъ отъ голодной смерти. Видя результаты, къ которымъ въ нашемъ обществѣ приводитъ борьба за существованіе, чувствуя на себѣ всѣ невзгоды борьбы, побѣжденный въ этой борьбѣ за существованіе примиряется съ этимъ порядкомъ только потому, что не имѣетъ силъ устранить его. Рѣдко онъ переноситъ его съ хладнокровіемъ стоика, котораго мало безпокоютъ внѣшнія условія жизни; гораздо чаще онъ негодуетъ, и негодованіе это обуздывается лишь сознаніемъ, что единичные рѣзкіе протесты безцѣльны, что новая жизнь можетъ быть создана только планомѣрнымъ трудомъ.

Киддъ правъ, когда отмѣчаетъ въ европейско-американскомъ мірѣ ростъ дружелюбія, но ошибается при опредѣленіи той степени напряженности, которую оно будто-бы получило въ современномъ обществѣ. Христіанство дало человѣчеству возвышенную мораль; но нужно твердо

помнить объ условіяхъ, при которыхъ могли крѣпнуть и измѣнять общественную жизнь нравственныя начала христіанства. Еслибы религіозное чувство одно поддерживало и укрѣпляло въ людяхъ дружелюбіе, то условія существованія людей были-бы гораздо отраднѣе, чѣмъ нынѣ; можно было-бы говорить о равенствѣ и братствѣ не какъ о свѣтлыхъ точкахъ, которыя чуть мерцаютъ гдѣ-то далеко, а какъ о фактахъ. Припоминая въ самыхъ общихъ чертахъ пережитое христіанскими обществами почти за два тысячелѣтія, мы видимъ, что христіанская мораль была проводима въ жизнь только очень немногими людьми, и для небольшихъ общинъ первыхъ христіанъ, и въ разное время и въ разныхъ странахъ она создавала такія условія жизни, гдѣ всѣ отношенія были проникнуты началомъ дружелюбія. Независимо отъ такихъ привлекательныхъ, крайне рѣдкихъ оазисовъ, на которыхъ отдыхаетъ мыслитель, мы видимъ, что религіозное чувство не проникало въ человѣческія общества на столько, чтобы устранить всѣ ужасы, которыми переполнена исторія каждаго народа. Пусть мнѣ докажутъ, что уголовныя наказанія, которыя примѣнялись двѣсти лѣтъ тому назадъ, больше проникнуты чувствомъ гуманности, чѣмъ казни и пытки, извѣстныя классическому міру; пусть убѣдятъ меня, что средневѣковый баронъ былъ гораздо болѣе проникнутъ чувствомъ дружелюбія относительно своихъ крѣпостныхъ, чѣмъ аѳинскій гражданинъ относительно своихъ рабовъ. Я отмѣчаю факты, которые должны быть отнесены къ обыденнымъ явленіямъ. А если припомнить массовую рѣзню войнъ, которая до послѣдняго времени такъ часто совершалась между культурными народами, то заключеніе Кидда придется признать безусловно невѣрнымъ.

Нѣтъ, дѣло происходило иначе, чѣмъ думаетъ Киддъ. Какъ въ христіанствѣ, такъ и внѣ его (припомнимъ высокое нравственное ученіе буддизма, древнихъ китайскихъ мыслителей) всегда были отдѣльныя лица, строившія свою жизнь согласно съ началами возвышенной морали. Мы находимъ такихъ лучшихъ людей среди ученыхъ и невѣжественныхъ, именитыхъ и простолюдиновъ. Какъ-бы ни было мало число такихъ людей, они находили послѣдователей. И вотъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ обществѣ накоплялся запасъ альтруистическихъ чувствъ. Приростъ знаній помогалъ всѣмъ тѣмъ членамъ общества, которымъ чужды крайне эгоистическія влеченія, глубже познавать общественное значеніе дружелюбія и стремиться проводить его и тамъ, гдѣ оно ранѣе вовсе не было извѣстно. Знаніе научило людей, что цѣли уголовной политики гораздо лучше достигаются умѣренными карами, чѣмъ жестокими пытками; что уровень благосостоянія гораздо быстрѣе поднимается при свободномъ трудѣ, чѣмъ при трудѣ подневольномъ, что спокойствіе гораздо лучше обезпечено тамъ, гдѣ бѣдняка поддерживаетъ общественная благотворительность, что здоровье всего населенія наиболѣе надежно охраняется

тамъ, гдѣ общество заботится о предупрежденіи болѣзней бѣднѣйшихъ классовъ и ихъ исцѣленіи и проч. Такимъ образомъ дружелюбіе крѣпнетъ съ одной стороны потому, что есть люди благороднаго образа мыслей, а съ другой—потому, что воспитаніе мысли раскрываетъ и людямъ, проникнутымъ себялюбіемъ, что нѣкоторые изъ ихъ существенныхъ интересовъ могутъ быть всего лучше ограждаемы при извѣстной заботливости о бѣднѣйшихъ классахъ. Но и первые, если даже ихъ чувство дружелюбія не возрастаетъ въ напряженности, даютъ ему, вслѣдствіе знанія, гораздо болѣе яркое и цѣлесообразное выраженіе.

Нельзя согласиться съ авторомъ и относительно того, что, будто-бы, расширеніе правъ, выпадающее на долю бѣднѣйшихъ людей, является почти исключительно результатомъ альтруистическихъ чувствъ въ рядахъ классовъ, которымъ принадлежитъ господство. Безспорно, всѣ истинно-прогрессивныя начала, которыя могутъ быть отмѣчены въ законодательствѣ, являются плодами того, что отдѣльные представители господствующихъ классовъ отказываются отъ своихъ классовыхъ интересовъ и воодушевляются тѣми идеалами, осуществленіе которыхъ особенно важно для слабѣйшихъ гражданъ. Но невѣрно думать, будто-бы настойчивость въ домогательствахъ, обнаруживающаяся среди матеріально-слабѣйшихъ, имѣетъ мало вліянія на приближеніе ихъ къ болѣе счастливымъ общественнымъ группамъ. Мы рѣшительно не можемъ согласиться, чтобы такъ было въ передовыхъ государствахъ европейско-американскаго міра. За предѣлами узкаго круга людей, одержавшихъ видимую побѣду въ борьбѣ за существованіе, есть уже большой запасъ знаній, навыковъ къ общественной дѣятельности; вліяніе этихъ силъ проникаетъ повсюду.

Оцѣнивая современныя соціально-экономическія теченія, Киддъ невѣрно изображаетъ выводы, къ которымъ придетъ общество, когда ему удастся принять лучшую организацію и свести къ наименьшимъ размѣрамъ борьбу за существованіе. Совершенно напрасно дѣлать выводъ, что, разъ исчезла борьба за существованіе, исчезнутъ и условія, развивающія способности людей и съ каждымъ поколѣніемъ поднимающія средній человѣческій типъ на болѣе высокій уровень. Лучшія силы человѣка упражняются и воспитываются не борьбой за существованіе, а правильнымъ трудомъ, хотя-бы этотъ трудъ вовсе не былъ связанъ съ соперничествомъ. Высшія проявленія научнаго и художественнаго творчества, благотворная общественная дѣятельность стоятъ внѣ соперничества, а потому и нельзя сводить на борьбу за существованіе тотъ исполинскій размахъ, которымъ отличался трудъ Ньютона, Гете, Канта, Вашингтона. Если-же мы обратимся къ болѣе обыденнымъ областямъ человѣческой дѣятельности и къ дарованіямъ, которыя не превышаютъ или немногимъ превышаютъ средній уровень, то и въ нашемъ обществѣ найдемъ факты, доказывающіе возможность умственнаго развитія и воспи-

танія людей безъ борьбы на почвѣ эгоизма. Таковъ трудъ, прилагаемый въ сферѣ благотворительности, въ общественной дѣятельности, направленной на защиту слабѣйшей части населенія,—словомъ, повсюду, гдѣ, главнымъ образомъ, упражняется альтруистическое чувство. Человѣкъ, гуманный не на показъ, не меньше укрѣпляетъ свой навыкъ, чѣмъ скопидомъ, для котораго вовсе нѣтъ интересовъ за предѣлами семьи. Учительница воскресной школы, безвозмездно приносящая этому дѣлу часть своего досуга, часто работаетъ не хуже оплачиваемаго педагога и часто не меньше послѣдняго извлекаетъ изъ преподаванія пользу для самоусовершенствованія въ этомъ занятіи. Нельзя доказать, чтобы адвокатъ, стоящій на высотѣ этого званія и отдающій большую часть своихъ силъ защитѣ бѣдныхъ и угнетенныхъ, имѣлъ меньше случая для воспитанія дара слова и изученія законовъ, нежели тотъ, который не открываетъ рта, не получивъ отъ кліента крупнаго задатка. И если въ современномъ, столь несовершенномъ, обществѣ область проявленія альтруистическихъ чувствъ уже достаточно широка, то въ обществѣ, построенномъ на началахъ братства, она будетъ несравненно болѣе обширна, будутъ несравненно болѣе благопріятны условія для упражненія духовныхъ силъ и выработки все болѣе совершеннаго человѣческаго типа. Что-же касается распредѣленія матеріальныхъ благъ, то, во всякомъ случаѣ, каждый получитъ тѣмъ больше, чѣмъ дальше двинется производительность труда, чѣмъ болѣе будутъ совершенны машины, чѣмъ лучше будутъ утилизироваться сырые матеріалы. А потому каждый гражданинъ будетъ заинтересованъ въ наибольшемъ служеніи интересамъ всего общежитія.

Превосходство цивилизованныхъ народовъ надъ первобытными сводится именно въ большей умственной силѣ: она доказывается главнѣйше не тѣмъ, насколько человѣкъ можетъ преуспѣвать въ школѣ, но тѣмъ, въ какой мѣрѣ человѣкъ усвоилъ привычку дѣйствовать для достиженія опредѣленныхъ общественныхъ цѣлей. Между отдѣльными народами можетъ быть въ этомъ отношеніи подмѣчено очень рѣзкое различіе. Негръ дѣлаетъ въ школѣ иногда столь-же быстрые успѣхи, какъ англичанинъ; однако, вышедши изъ школы, онъ не обладаетъ навыкомъ къ общественной дѣятельности и не можетъ поддерживать такой высокій тонъ жизни, какой доступенъ англичанину, далеко превосходящему въ этомъ не только первобытныхъ людей, но и человѣка другой, менѣе культурной расы. А въ этомъ сказывается вѣковое воспитаніе воли, издавна направляемой просвѣщеннымъ умомъ; этимъ еще не располагаютъ первобытные народы. Правъ Киддъ, что въ нашемъ умственномъ запасѣ велика доля, накопленная трудомъ предыдущихъ поколѣній; но онъ не правъ, когда рѣзко отдѣляетъ умственную силу самое по себѣ отъ умственной силы поскольку она является дѣятелемъ, создаваемымъ работою совре-

менниковъ и предковъ. На что-бы ни опиралась духовная мощь народа, нѣтъ основанія дѣлать такое различеніе: какъ матеріальное богатство доставляетъ человѣку выгоды независимо отъ того, пріобрѣтено-ли оно самимъ владѣльцемъ, или унаслѣдовано отъ предковъ, такъ и большая умственная сила обезпечиваетъ болѣе быстрое движеніе впередъ, хотя главная часть этого запаса воспитана условіями, которыя созданы всей культурой даннаго народа.

Не правъ Киддъ и тогда, когда пытается доказать на примѣрѣ Франціи возможность превосходства народа въ отношеніи интеллектуальномъ и сравнительную отсталость въ отношеніи соціальномъ. Французамъ, германцамъ и англичанамъ вовсе нѣтъ надобности спорить о первенствѣ относительно культурной силы: каждый изъ этихъ народовъ сдѣлалъ много для человѣчества, хотя можно найти особенности въ продуктахъ ума кельтскаго и тевтонскаго. Однако, мысль, что Франція отстала отъ англо-германцевъ въ отношеніи соціальномъ не основывается рѣшительно ни на чемъ. Злоупотребленія наполеоновскаго правительства были причиной потерь Франціи въ борьбѣ съ Германіей. Но народъ, который за немного лѣтъ возстановилъ потрясенное матеріальное благосостояніе, коренными образомъ обновилъ школу и упрочилъ государственный строй, имѣетъ всѣ права на признаніе его великимъ народомъ не только въ отношеніи научныхъ завоеваній, но и въ соціальномъ. Обширность площади, которую занимаетъ раса, объясняется прежде всего ея географическимъ положеніемъ и сама по себѣ еще ничего не говоритъ о ея значеніи для человѣчества. Островное положеніе Англіи, издавна способствуя развитію мореходства, облегчило разселеніе англичанъ по всѣмъ частямъ свѣта и занесло англійскій языкъ въ самые отдаленные уголки. Пустынность безпредѣльной равнины на востокѣ Европы и въ Сибири сдѣлала расширеніе Русскаго царства очень немудренымъ дѣломъ. А Германія и Франція, такъ много поработавшія для культуры, уже географическимъ положеніемъ были вдвинуты въ тѣсные предѣлы. И какъ многолюдство въ Китаѣ не служитъ ручательствомъ, что этому народу суждено играть великую роль въ движеніи человѣчества, такъ медленный приростъ населенія во Франціи и малое число дѣтей на бракъ не выдаютъ ея соціальной слабости [1]). Можно ли говорить хотя-бы о сравнительной слабости народа, каждое поколѣніе котораго даритъ человѣчеству много высокихъ образцовъ науки, искусства и языку котораго и до настоящаго времени спѣшитъ научиться каждый, кто хочетъ пріобщить себя къ культурному человѣчеству?

А. А. Исаевъ.

---

[1]) Я разсмотрѣлъ этотъ вопросъ въ моихъ «Началахъ политической экономіи» (изд. 3, стр. 666—670).

Зимній дымъ.

Дымъ встаетъ и къ бѣлой крышѣ
Подъ упорствомъ вѣтра льнетъ.
Встало солнце. Вѣтеръ тише.
Дымъ воздушный отдохнетъ.
Будетъ ровной полосою
Восходить, какъ ѳиміамъ—
Вѣчно тающей красою
Къ вѣчно синимъ небесамъ!

К. Бальмонтъ.

Въ лѣсу.

Разсказъ.

Иванъ Прокофьевъ, блѣдный и болѣзненный парень лѣтъ восемнадцати, получилъ записку отъ своего дяди Порфирія. Записку завезъ истоминскій прикащикъ, ѣхавшій въ городъ изъ усадьбы Истомина, у котораго Порфирій служилъ лѣснымъ сторожемъ. Прикащикъ, вручивъ записку, сказалъ, что отвѣта не требуется и уѣхалъ, сильно настегивая взмыленную лошаденку. А Иванъ сѣлъ у окна на лавку и принялся читать; читалъ онъ плохо, почти по складамъ, такъ что отъ напряженія у него выступили на носу тонкія, какъ булавочныя головки, капли пота. Мать его, высокая и рябая женщина, возилась около квашни и вопросительно глядѣла то на тщедушную фигуру сына, то на черныя стѣны избы, усѣянныя голодными тараканами.

А Иванъ все еще читалъ внимательно и напряженно, порою шевеля губами. Наконецъ, онъ свернулъ записку и сообщилъ матери, что дядя Порфирій зоветъ его къ себѣ въ помощники на осень и зиму. Весной онъ опять вернется къ матери. Дядѣ и самому не трудно справиться на своемъ мѣстѣ, да онъ жалѣетъ племянника, пишетъ: «вамъ, поди, и хлѣба-то на зиму не хватитъ». И онъ обѣщаетъ платить племяннику по три рубля въ мѣсяцъ. Иванъ сообщилъ все это матери вялымъ и лѣнивымъ голосомъ, но Матрена очевидно обрадовалась.

По ея мнѣнію, это предложаніе являлось для нихъ настоящимъ кладомъ. Дома работы нѣтъ, да и какой Иванъ работникъ! Послѣ полдня пашни онъ долженъ полдня отдыхать; отъ тяжелой работы у него дѣлается одышка, ломота въ спинѣ, головокруженіе. Куда ужъ ему быть дровосѣкомъ, землекопомъ или пильщикомъ! Послѣ недѣли такой работы онъ протянетъ ноги. А тутъ сентябрь, октябрь, ноябрь,—до апрѣля семь мѣсяцевъ; стало-быть, онъ заработаетъ двадцать одинъ рубль. По-

ложимъ, онъ изведетъ за это время на обувку, па табакъ, на то да се, рубля четыре; и все-таки онъ принесетъ домой чистыхъ семнадцать рублей.

Мать и сама рада-бы работать, да ужъ у нея ноженьки не ходятъ; она отработала свой вѣкъ.

Иванъ вяло соглашался съ матерью. На тяжелую работу онъ не годенъ. Когда онъ ходилъ въ пильщики, онъ повредилъ себѣ грудь и теперь даже пахать не можетъ. У него дѣлается одышка и голова кружится. Работа для него мученье, и онъ плачетъ, когда только подумаетъ о томъ, что ему нужно ѣхать на загонъ съ сохою. А присмотрѣть, не рубятъ-ли лѣсъ—работа легкая. Что-же? онъ пойдетъ къ дядѣ съ удовольствіемъ. Не умирать-же ему, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь на загонѣ? Если-бы его учили, онъ былъ-бы учителемъ, или псаломщикомъ, или слесаремъ, а теперь онъ знаетъ только тѣ работы, для которыхъ нужна лошадиная сила. А у него ея нѣтъ.

Мать и сынъ долго говорили на эту тему. А затѣмъ Матрена стала собирать сына въ дорогу. Она уложила въ посконный мѣшокъ краюху хлѣба, двѣ пары рубахъ и штановъ, пару совершенно новыхъ завертокъ для ногъ и кочадыкъ для плетенія лаптей, и вручила мѣшокъ сыну. Иванъ надѣлъ кафтанъ, положилъ мѣшокъ вмѣстѣ съ свернутымъ полушубкомъ къ себѣ на спину и подвязалъ все это, какъ ранецъ. Послѣ этого онъ троекратно перекрестился на потемнѣвшіе образа и переступилъ порогъ. Мать послѣдовала за нимъ.

Мать и сынъ шли тихой деревушкой съ унылыми хатами по бокамъ пыльной улицы,—сынъ впереди, мать позади. Сынъ молчалъ, а мать, подперевъ кулакомъ щеку, говорила, чтобы онъ не моталъ денегъ зря, слушался во всемъ дядю Порфирія, а въ свободное время плелъ-бы лапти. Когда подвернется случай, пусть пришлетъ о себѣ вѣсточку. Ея доля вдовья горькая, и онъ одинъ у нея кормилецъ и надежда. Сынъ шагалъ, понуро опустивъ голову, и думалъ о предстоявшемъ ему путешествіи. До истоминскаго лѣса считаютъ 45 верстъ. Сегодня онъ пройдетъ 15 и будетъ ночевать въ «Выселкахъ»; завтра въ полдень онъ пообѣдаетъ у «Колтуевскихъ колодцевъ», а къ вечеру будетъ у дяди.

У околицы Иванъ остановился и снялъ съ головы шапку. Мать, слезливо моргая глазами, поцѣловала его въ губы и трижды перекрестила. Сынъ нѣсколько минутъ стоялъ передъ матерью, молча, блѣдный и тщедушный; потомъ онъ перекрестился на востокъ и, не оборачиваясь, зашагалъ своей дорогой. А мать стояла у околицы и долго смотрѣла ему вслѣдъ, пригорюнившись и нашептывая что-то безрадостное.

Сѣрый осенній день и выжатыя поля смотрѣли, также какъ и она, пригорюнившись, и, также какъ и она, шептали каждый про себя что-то безотрадное.

Когда Иванъ сталъ ростомъ съ восьми-лѣтняго мальчика, Матрена ушла въ деревню.

Иванъ шелъ тѣмъ вялымъ и съ перваго взгляда не спорымъ шагомъ, какимъ русскій крестьянинъ проходитъ изъ Архангельска въ Кіевъ или изъ Чернигова на Китайскій клинъ. Версты тянулись одна за другою долговязыя и похожія другъ на друга, какъ дѣти одной и той-же матери, но онъ шелъ упорно и сосредоточенно, постепенно одолѣвалъ ихъ. Порою онъ садился на пашню у самой дороги, свертывалъ изъ газетной бумаги папиросу, смотрѣлъ на летающихъ надъ жнивой грачей и курилъ. А затѣмъ снова шелъ шагъ за шагомъ. Ночевалъ онъ, какъ и разсчитывалъ, въ «Выселкахъ», а свою краюшку съѣлъ ровно въ полдень у «Колтуевскихъ колодцевъ».

Вечеромъ Иванъ вошелъ въ Истоминскій лѣсъ. Могучія деревья съ вершинами, уходившими въ самое небо, обступили его со всѣхъ сторонъ, и ему стало какъ-то жутко. Онъ не привыкъ къ лѣсу. Видъ ровнаго съ далекимъ горизонтомъ поля всегда дѣйствовалъ на его душу успокоительно. Тамъ ему было знакомо все до той черты, гдѣ земля какъ крышей замыкается к домъ; и онъ твердо зналъ, гдѣ его взоръ встрѣтитъ холмъ, гдѣ овражекъ, а гдѣ одиноко торчащій среди пашни кустикъ бобовника. А здѣсь среди богатырскихъ деревьевъ и непроницаемаго для глаза кустарника, среди мутнаго сумрака и непонятнаго шелеста Ивану казалось, что вотъ-вотъ передъ нимъ явится что-нибудь таинственное, сверхъестественное и никогда не виданное имъ раньше. И онъ двигался среди лѣса нѣсколько смущенный, какъ путешественникъ среди чуждаго ему народа, нравовъ и языка котораго онъ не знаетъ.

Когда на небѣ загорѣлись звѣзды, Иванъ отворилъ дверь лѣсной хаты дяди Порфирія. Въ хатѣ на дубовомъ столѣ горѣла маленькая жестяная лампочка. Порфирій сидѣлъ за столомъ и сапожнымъ ножемъ крошилъ корешки махорки. Онъ сразу увидѣлъ племянника и точно сорвался съ лавки—съ поцѣлуями, объятіями и вскрикиваніями. Онъ громко хохоталъ, всплескивалъ руками и пронзительно вскрикивалъ:

— Спасибо, племяшъ! Вотъ люблю паренька за ухватку!

И онъ опять бросался къ племяннику съ объятіями. Между тѣмъ Иванъ вяло разоблачался, поглядывая на дядю. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, въ розовой ситцевой рубахѣ и нанковыхъ шароварахъ, въ высокихъ сапогахъ, рыжій, съ козлиной бородкой. Все его лицо было въ веснушкахъ, которыя на его носу сливались въ сплошныя пятна. Говорилъ онъ какъ-то вскрикивая и жестикулируя, точно пьяный, хотя водкой отъ него не пахло.

Вскорѣ онъ полѣзъ въ печку за щами, такъ какъ никакой прислуги онъ не держалъ и даже самъ доилъ корову. Во время ужина онъ

ѣлъ мало и все тараторилъ, жестикулируя своими веснусчатыми руками передъ самымъ носомъ племянника. А Иванъ сосредоточенно хлебалъ щи и разглядывалъ стѣны хаты, чистенькой и опрятной, несмотря на отсутствіе женщины.

— И безъ бабы, дружище, жить можно,—говорилъ, громко хохоча, Порфирій.—Бабы я не держу; съ бабой я черезъ недѣлю разругаюсь въ кровь! А ты вотъ смотри на меня, племяшъ, да учись, какъ жить надо. Можетъ и самъ лѣсникомъ будешь; лѣсникомъ быть не хитрая вещь, нужно только, чтобъ баринъ вѣрилъ, а онъ мнѣ вѣритъ,—хохоталъ Порфирій.

— А на мужицкую работу ты не способенъ, у тебя жила повреждена, вишь ты какой лядащій.

Послѣ ужина и дядя и племянникъ улеглись спать. Но Иванъ долго не могъ заснуть и все ворочался съ боку на бокъ, прислушиваясь къ разговору лѣса. Случайно ему пришло въ голову, что дядя Порфирій то-же похожъ на дерево. Онъ похожъ на осину; та безъ вѣтра шелеститъ листьями, а дядя хохочетъ безъ всякаго повода. И внезапно всѣ деревья показались ему похожими на людей.

«Береза—баба», думалъ онъ, засыпая, «дубъ—мужикъ, кленъ—баринъ, а орѣшникъ—поповскій сынъ».

Онъ заснулъ.

Двѣ недѣли мелькнули, какъ одинъ день. Иванъ жилъ у дяди Порфирія и уже привыкъ къ лѣсу. Онъ не боялся его болѣе. Жизнь въ лѣсу даже пришлась ему по душѣ. Главное, здѣсь не было той тяжелой работы, которую Иванъ ненавидѣлъ всѣми силами своей души, и отъ которой его мучила одышка, головокруженіе и ломота во всѣхъ членахъ. Утромъ Иванъ вставалъ рано и умывался холодной колодезной водою; затѣмъ, пока Порфирій доилъ корову, съ хохотомъ похлопывая ее по бедрамъ, онъ заготавливалъ хворостъ для печки. Потомъ и дядя и племянникъ отправлялись въ обходъ. Дядя шелъ впереди съ ружьемъ за плечами, а племянникъ съ боку или позади, съ топоромъ въ рукахъ, который онъ держалъ, какъ держитъ карточный валетъ свою сѣкиру. Они обходили весь свой участокъ, глядѣли, нѣтъ-ли гдѣ порубки, оглядывали пеньки, присматривались къ слѣдамъ на лѣсной дорогѣ. Порфирій все время тараторилъ и хохоталъ, а Иванъ молчалъ и всѣми легкими вбиралъ въ себя свѣжій лѣсной воздухъ. Ему казалось, что этотъ воздухъ сообщаетъ его дряблымъ мышцамъ крѣпость молодого дуба, что онъ вывѣтриваетъ изъ него всѣ его болѣсти, и его слабое тѣло здоровѣетъ съ каждымъ часомъ, съ каждой минутой.

И, опустивъ голову, онъ шелъ позади дяди, думая свою думу. Что если-бы и ему сдѣлаться лѣсникомъ? Вдругъ онъ встрѣтится гдѣ-нибудь

въ лѣсу съ хозяиномъ и съумѣетъ понравиться ему. И хозяинъ сдѣлаетъ его лѣснымъ сторожемъ. Онъ будетъ добрымъ сторожемъ и не позволитъ украсть у хозяина ни одного прутика. Только-бы никогда не видѣть постылой тяжелой работы!

И тутъ-же Ивану приходило въ голову, что все это вздоръ и что его мечтамъ никогда не суждено сбыться. Въ апрѣлѣ онъ вернется въ дымную хату къ больной матери, которая найметъ его пилить бревна и корчевать пни. И послѣ тяжелой дневной работы онъ будетъ корчиться по ночамъ безъ сна и отдыха, мучаясь одышкой, головокруженіемъ, зелеными кругами въ глазахъ.

Эта боязнь отравляла счастливыя минуты Ивана. И когда онъ послѣ обхода возвращался вмѣстѣ съ дядей къ лѣсной хатѣ и ея опрятный видъ веселилъ его взоръ, онъ глядѣлъ и думалъ, что все это не надолго, что все это очень не надолго, что все это пройдетъ, минетъ, какъ счастливый сонъ.

Порою на Порфирія нападало мрачное состояніе; съ утра онъ просыпался злобный и сердитый и привязывался къ каждому движенію племянника; онъ придирался къ нему цѣлый день съ утра до вечера, обзывая лядащимъ, и божился всѣми святыми, что сошлетъ его обратно къ матери.

Въ такія минуты Иванъ окончательно падалъ духомъ. Весь день онъ ходилъ самъ не свой, а ночью плакалъ въ своемъ углу на печкѣ, съ головой укрывшись полушубкомъ. Онъ плакалъ и думалъ.

Что если дядя внезапно захвораетъ и умретъ, и хозяинъ сдѣлаетъ Ивана лѣснымъ сторожемъ? И тогда онъ поселится въ этой хатѣ вмѣстѣ съ матерью. Онъ будетъ получать десять рублей деньгами, да два пуда ржаной муки, да десять фунтовъ пшена. Они будутъ держать корову, и онъ никогда, никогда въ жизни не вернется къ постылой работѣ.

И вмѣстѣ съ этимъ Ивану порою приходило въ голову, что недурно-бы быть псаломщикомъ и читать въ святой церкви божественные стихи.

Но мрачное и злое настроеніе соскакивало съ Порфирія такъ-же внезапно, какъ и появлялось. Онъ снова принимался хохотать съ утра до вечера и шутливо толкать въ животъ племянника своими веснушчатыми кулаками. И тогда Иванъ нѣсколько успокоивался.

Какъ-то въ лѣсную хату Порфирія внезапно пріѣхалъ самъ хозяинъ Истоминъ. Онъ былъ въ зеленной плюшевой шапочкѣ и въ курткѣ съ зелеными отворотами. За его спиною болталась щегольская двухстволка. Истоминъ намѣревался немножко поохотиться и на охоту онъ захватилъ съ собою Ивана. Иванъ сопровождалъ его по лѣсу и собственными руками поймалъ зайца, которому Истоминъ перешибъ заднюю ногу. За это онъ получилъ отъ хозяина рубль.

Послѣ охоты Истоминъ снова заѣхалъ закусить въ лѣсную хату Порфирія, и когда Иванъ вышелъ изъ хаты накачать усталой собакѣ воды въ корыто, онъ услышалъ за дверью голосъ Истомина:

— Хорошій парень твой племянникъ; когда ты, старая сорока, помрешь, я сдѣлаю его лѣсникомъ.

Истоминъ забулькалъ, очевидно проглатывая рюмку водки, а Порфирій неистово расхохотался.

Когда Иванъ, накачавъ собакѣ воды, вернулся въ хату, онъ былъ блѣднѣе, чѣмъ всегда.

Истоминъ уѣхалъ; дни потянулись за днями. Между тѣмъ на Порфирія снова напало мрачное состояніе и онъ ругалъ племянника съ утра до вечера и каждый день грозилъ отослать его обратно къ матери. По цѣлымъ днямъ онъ кричалъ на племянника, размахивая передъ его носомъ веснушчатыми кулаками:

— Ступай нанимайся корчевать пеньки, блоха лѣсная! Попробуй-ка ночевать на сырой землицѣ подъ дождикомъ! Да! Ишь зазнался, рыло воротитъ, чтобъ тебя лѣшій переѣхалъ!

Въ то-же время на Покровъ Иванъ получилъ письмо отъ матери. Солдатъ Селифанъ, единственный во всей деревнѣ человѣкъ, знавшій прописныя буквы, писалъ Ивану подъ диктовку Матрены между прочимъ слѣдующее:

«Такъ какъ мы, милый сыночекъ, промежду прочимъ наслышаны, что дядя вами недоволенъ и что онъ можетъ васъ каждый часъ выгнать, то мы были у Андронова и онъ можетъ васъ взять въ пильщики на 5 рублей въ мѣсяцъ и его харчъ. Уйдете, милый сыночекъ, отъ дяди, идите къ нему, а у насъ хлѣба до зимняго Миколы не хватитъ, а мнѣ милый сыночекъ на старости лѣтъ идти по міру тяжко, а вамъ стыдно. Съ материнскимъ благословеніемъ написалъ солдатъ Селифанъ».

Дочитавъ записку матери, Иванъ долго сидѣлъ неподвижно и глядѣлъ на тучи, непривѣтливыя и неряшливыя, скитавшіяся по небу, какъ бездомныя попрошайки въ изодранныхъ зипунахъ.

На другой день Порфирій снова проснулся мрачный и злой и, не успѣвъ умыться, онъ накинулся на племянника:

— Ты чего мнѣ вчера ружье не промылъ, галка ты щипанная? Аль дармоѣдничать хочешь, пугало воронье? Чего бѣльма-то на меня выпялилъ? Вотъ прогоню тебя къ матери. Ступай нанимайся къ Андронову въ пильщики!

Когда они пошли въ обходъ, дядя все время ворчалъ на племянника и вышагивалъ впереди него съ ружьемъ за плечами, сердито размахивая руками.

— Помяни мое слово, завтра сошлю тебя къ матери, чтобъ тебя

лѣшій переѣхалъ!—кричалъ онъ и, оборачивась къ племяннику, брызгалъ ему въ лицо слюною.

Все его лицо поблѣднѣло отъ гнѣва, и даже коричневое пятно на его носу стало сѣро-зеленымъ.

Иванъ шелъ за дядей съ топоромъ за поясомъ и сердито думалъ:

«Лайся, лайся, коли тебѣ охота пришла!»

Но мысль о томъ, что если дядя прогонитъ, ему придется идти въ пильщики, мучительно сверлила его сердце. Онъ уже чувствовалъ въ груди приступъ отдышки и думалъ:

«Если-бы ты умеръ, я занялъ-бы твое мѣсто. Хозяинъ мною доволенъ».

И вдругъ ему пришло въ голову, что этотъ злобно кричащій на него человѣкъ стоитъ поперекъ его дороги и мѣшаетъ ему завоевать счастье, о которомъ онъ мечтаетъ день и ночь. Это мѣсто его, хозяинъ обѣщалъ отдать ему, а этотъ человѣкъ еще кичится, что прогонитъ его!

Иванъ съ ненавистью оглядѣлъ дядю съ головы до ногъ.

— Паскудникъ, паскудникъ,—ворчалъ Порфирій, не оборачиваясь.

А Иванъ смотрѣлъ на него, поблѣнѣвъ всѣмъ лицомъ.

Между ними было разстояніе въ два шага и Ивану казалось, что эти два шага отдѣляютъ его отъ счастія, отъ тихой и спокойной жизни. Стоитъ только ему захотѣть и шагнуть два раза, и онъ никогда не будетъ пильщикомъ, никогда въ жизни не узнаетъ работы, для которой нужна лошадиная сила.

Ивана точно что-то оторвало отъ земли и понесло выше тучъ. У него закружилась голова, и зашумѣло въ ушахъ.

Внезапно онъ выхватилъ изъ за пояса топоръ, ступилъ два шага и, высоко взмахнувъ топоромъ, опустилъ его на голову дяди.

Порфирій упалъ ничкомъ съ расколотой головою.

Иванъ видѣлъ его затылокъ и на немъ широкую, съ разорванными краями, трещину, мгновенно наполнившуся кровью. Онъ выронилъ топоръ и долго стоялъ, ничего не понимая, съ широко раскрытыми, помутившимися глазами. Потомъ онъ сѣлъ у вытянутыхъ ногъ распростершагося на землѣ дяди на корточки и все смотрѣлъ на багровый рубецъ, зіявшій на его затылкѣ, и на кровь, сочившуюся по затылку за воротъ его розовой рубахи. Онъ глядѣлъ долго съ тоскливымъ любопытствомъ, какъ кровь все текла и текла, и ему казалось, что она будетъ течь вѣчно и онъ будетъ вѣчно глядѣть на ея медленное теченіе. Кровавое пятно на спинѣ розовой рубахи Порфирія все расплывалось и расплывалось и, какъ казалось Ивану, принимало форму топора.

Наконецъ, Иванъ всталъ на ноги и перевернулъ трупъ на спину. Одинъ глазъ Порфирія былъ прищуренъ, а другой вытаращенъ. Лицо его было блѣдно, и даже веснушки стали сѣрыми; его рыжая, торчавшая кверху клиномъ борода тоже какъ-будто посѣрѣла. Иванъ взялъ Порфирія за ноги, слегка раздвинулъ и вошелъ между ними задомъ, какъ лошадь въ оглобли. Придерживая трупъ за ноги, онъ поволокъ его такимъ образомъ лѣсомъ, сосредоточенный и напряженный. Онъ проволокъ трупъ около двухъ верстъ къ «Волчьему оврагу» и, остановившись здѣсь, сталъ выбирать мѣсто. Скоро онъ увидѣлъ песчанную площадку, выходившую выступомъ отъ глиняной кручи. Мѣсто это ему понравилось, и онъ потащилъ трупъ туда, шагая, какъ лошадь въ оглобляхъ. Тамъ онъ уложилъ свою ношу на песчанный мысокъ и, вытащивъ изъ-за пояса Порфирія свой топоръ, который онъ засунулъ туда прежде, чѣмъ волочить за ноги трупъ, онъ сталъ подрывать имъ снизу глиняную кручу подъ безмолвно распростертымъ Порфиріемъ. Такимъ образомъ онъ проработалъ около двухъ часовъ. Потомъ, когда, по его мнѣнію, круча была уже достаточно подрыта, онъ вдвинулъ трупъ въ вырытое имъ углубленіе, какъ въ ящикъ. Затѣмъ онъ залѣзъ сверху на кручу и сталъ собственною тяжестью, топоромъ и всѣми своими усиліями спускать подрытую имъ глыбу внизъ на коченѣющій трупъ. Послѣ тяжелой получасовой работы Иванъ достигъ и этого. Круча съ гуломъ осѣла и навсегда похоронила подъ собой дядю Порфирія. Добившись этого, Иванъ легъ на землю тутъ-же, въ двухъ шагахъ отъ похороненнаго имъ трупа, тяжело дыша и отдыхая отъ мучительной тоски, отдышки и головокруженія. Въ его глазахъ рябило; онъ былъ почти безъ сознанія. Наконецъ, силы вернулись къ нему. И тогда онъ пошелъ въ лѣсную хату, взялъ скребокъ и прошелъ съ нимъ въ лѣсъ, туда, гдѣ онъ ударилъ топоромъ дядю Порфирія, и той дорогой, которой онъ волочилъ трупъ на кладбище. Со скребкомъ въ рукахъ онъ прошелъ всѣ эти мѣста, внимательно уничтожая слѣды крови и затѣмъ снова отдыхалъ, лежа на землѣ. Только передъ закатомъ солнца Иванъ вернулся въ лѣсную хату, оглядѣлъ свою одежу, тщательно вымылъ топоръ и скребокъ и поставилъ ихъ на свое мѣсто. Послѣ этого онъ досталъ начатый имъ лапоть, усѣлся на крыльцѣ и, защемивъ лапоть колѣнями, принялся плести его, постукивая кочедыкомъ въ сочное лыко подошвы. Думы шли въ его головѣ одна за другой, какъ осеннія тучи. Два дня онъ разсчитывалъ молчать, а тамъ онъ явится къ Истомину и заявитъ ему, что его дядя Порфирій, отлучившись для обычнаго обхода вчера утромъ, неизвѣстно куда пропалъ, вмѣстѣ съ своимъ ружьемъ, а его, Ивана, поиски остались безъ успѣха.

И при этомъ Ивану приходило въ голову, что недурно-бы быть сейчасъ псаломщикомъ и читать въ святой церкви божественные стихи.

Вечеромъ онъ подоилъ корову, загналъ куръ, похлебалъ щей и, не зажигая лампы, сѣлъ у окна на лавку и глядѣлъ въ лѣсъ. Прошло нѣсколько часовъ. Лѣсъ наполнился мракомъ, подулъ вѣтеръ, заморосилъ дождь, а онъ все сидѣлъ у окна и глядѣлъ передъ собою, прислушиваясь къ монотонному ворчанью лѣса.

И внезапно на Ивана напалъ страхъ, онъ вспомнилъ, что не снялъ сапогъ съ ногъ убитаго. Сапоги нужно было снять непремѣнно и зарыть ихъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ: иначе покойникъ будетъ приходить къ нему каждую ночь. И Иванъ былъ увѣренъ, что дядя Порфирій придетъ къ нему сегодня, сейчасъ, можетъ быть сію минуту.

Что если онъ войдетъ въ хату, неистово расхохочется и, по своему обыкновенію, толкнетъ его въ животъ своими веснушчатыми кулаками?

И одинъ глазъ будетъ у него прищуренъ, а другой вытаращенъ.

Иванъ рѣшился не спать всю ночь. А завтра утромъ онъ пойдетъ въ «Волчій оврагъ», откопаетъ трупъ и, снявъ съ него сапоги, зароетъ ихъ поодаль. А трупъ онъ снова завалитъ глыбой. И тогда онъ будетъ спокоенъ. Теперь-же онъ не заснетъ всю ночь и будетъ дожидаться вотъ такъ у окна прихода дяди. Какъ только онъ завидитъ его, онъ пустится бѣгомъ, куда глаза глядятъ. А можетъ быть дядя пожалѣетъ племянника и не придетъ; вѣдь теперь ему все равно: онъ мертвый.

Иванъ сидѣлъ у окна на лавкѣ, поставивъ локти на подоконникъ и подперевъ руками голову и глядѣлъ въ лѣсъ. Въ лѣсу было темно, хоть выколи глазъ, моросилъ дождь, да съ монотоннымъ шелестомъ падали порою подгнившіе листья. Лѣсъ какъ будто слегка ворочался и ворчалъ. И Ивану этотъ шорохъ казался подозрительнымъ и недружелюбнымъ. Онъ все сидѣлъ у окна, застывъ въ своей позѣ, и смотрѣлъ, напрягая до галлюцинаціи и зрѣніе и слухъ. Чтобъ оконное стекло не мѣшало его наблюденіямъ, онъ распахнулъ окно настежъ, и сырой вѣтеръ пронизывалъ его холодомъ насквозь, какъ источенное червемъ дерево. Онъ дрожалъ и тѣмъ не менѣе не догадывался надѣть полушубка. Онъ сидѣлъ часъ или два и съ напряженнымъ до послѣдней степени вниманіемъ смотрѣлъ въ лѣсъ. И порою ему казалось, что онъ видитъ сквозь мутный сумракъ осенней ночи сѣрое лицо Порфирія. Одинъ его глазъ съ ужасомъ вытаращенъ, а другой лукаво прищуренъ. И тогда Ивана начинала мучить отдышка и зеленые круги въ глазахъ.

И вдругъ онъ заснулъ тутъ-же, уронивъ голову на подоконникъ, скорчившись на лавкѣ, со лбомъ, покрытымъ холоднымъ потомъ.

Но черезъ минуту онъ проснулся въ ужасѣ. Его точно кто-то толкнулъ. Онъ вскочилъ съ лавки, трясясь всемъ тѣломъ. Онъ понялъ, что дядя идетъ къ нему.

Иванъ прислушался, дрожа у раскрытаго окна. Ему показалось, что

онъ слышитъ шлепанье тяжелыхъ сапогъ по грязной дорогѣ. Съ боку Ивана стукнула объ стѣну качаемая вѣтромъ ставня.

Иванъ вскрикнулъ и выскочилъ, какъ былъ, не одѣтый, вонъ изъ хаты, во мракъ, на грязную дорогу. Онъ остановился, едва переводя духъ.

Кругомъ былъ мракъ и лѣсъ; моросилъ дождь съ такимъ-же упорствомъ, съ какимъ текла кровь изъ рубца на затылкѣ Порфирія. Съ однообразнымъ шуршаньемъ падали листья. И больше ничего. Иванъ перевелъ духъ и, блуждая безпомощно глазами, крикнулъ во весь голосъ:

— Дяденька Порфирій, дядя!

Кручи «Волчьяго оврага» издалека откликнулись ему:—дя-дя!

Иванъ бросился бѣжать.

Онъ бѣжалъ тою-же дорогой, которой пришелъ сюда, бѣжалъ изо всѣхъ своихъ силъ, коченѣя отъ холода и ужаса, какъ только несли его ноги.

Лѣсъ тянулся долго, мучительно долго, и, казалось, ему не будетъ конца. Кругомъ былъ мракъ, шуршавшій, возившійся, пахнувшій гнилью и смертью и моросившій на спину Ивана холодными каплями.

Онѣ точно настегивали его.

Иванъ все бѣжалъ и бѣжалъ, что было мочи.

Порою ему казалось, что лѣсъ бѣжитъ по обѣимъ сторонамъ его дороги съ стремительной быстротою и замыкается впереди него непроницаемой стѣной.

Онъ понялъ, что его обошли и замкнули въ кольцѣ, откуда ему никогда и ни за что не выбраться. Но онъ всетаки бѣжалъ.

Въ его ушахъ свистѣло, а его сердце толкалось въ грудь съ такою же силой, къ какою толкаются заднія ноги зайца, когда охотникъ перерѣзываетъ ему горло. Въ горлѣ Ивана саднило и жгло; онъ задыхался. Но онъ не имѣлъ силъ остановиться и передохнуть. Его точно несло оторвавшимъ плотину потокомъ, и онъ бѣжалъ впередъ и впередъ съ мучительной тоскою. У самой опушки онъ упалъ, точно спотыкнулся и съ дикимъ крикомъ вцѣпился обѣими руками въ землю...

Черезъ трое сутокъ истоминскій прикащикъ нашелъ въ опушкѣ лѣса трупъ. Онъ лежалъ вдоль дороги, головою къ опушкѣ, безъ шапки, съ пальцами, судорожно втиснутыми въ жидкую грязь дороги.

Когда прикащикъ осторожно перевернулъ трупъ къ себѣ лицомъ, онъ узналъ въ немъ Ивана, хотя его щеки уже безобразно вздулись, перекосились и почернѣли.

Ал. Будищевъ.

ЗАПИСКИ О. А. СМИРНОВОЙ.

Талейранъ и Меттернихъ.—Николай I о Талейранѣ. — Бесѣда Николая I съ Робертомъ Овэномъ.—Мысли объ освобожденіи крестьянъ.

Нессельроде разсказывалъ мнѣ пикантный анекдотъ о Поццо ди Борго [1]) и королѣ Луи Филиппѣ. Будучи еще герцогомъ Орлеанскимъ, онъ давалъ балъ. Этикетъ требовалъ, чтобы принцы королевскаго дома по младшей линіи выходили на лѣстницу, чтобы принимать посланниковъ; когда-же Поццо явился со всѣмъ своимъ персоналомъ, герцога Орлеанскаго тамъ не было. Поццо поднялся наверхъ, прошелъ всѣ салоны и подошелъ поклониться герцогинѣ Орлеанской. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ герцогъ и сказалъ ему: «Добрый вечеръ, г. посланникъ». Поццо отвѣчалъ ему: «Извините, ваша свѣтлость я уже имѣлъ честь пожелать вамъ добраго вечера на лѣстницѣ». Затѣмъ онъ поклонился герцогинѣ и уѣхалъ съ бала. Король узналъ объ этомъ на другой день и послалъ Талейрана извиняться. Поццо былъ очень сухъ съ нимъ, такъ-какъ узналъ, что посланники Австріи и Англіи были приняты иначе, — какъ требуетъ обычай. Король призвалъ къ себѣ герцога, пожурилъ его и послалъ извиниться лично. По этому поводу Нессельроде сказалъ мнѣ: «Этотъ корсиканецъ умѣлъ держать себя; это былъ способный человѣкъ и умѣлъ противостоять Талейрану, какъ никто, потому что основательно зналъ его и составилъ себѣ о немъ точное мнѣніе. Онъ никогда не былъ ослѣпленъ его словами, никогда не давался ему въ обманъ; Талейранъ боялся его языка и взглядовъ, которые онъ на него бросалъ. Когда онъ лгалъ, Поццо насмѣшливо улыбался». Я спросила у Нессельроде его мнѣніе о Талейранѣ и онъ высказалъ мнѣ его совершенно прямо. «Без-

---

[1]) Извѣстный дипломатъ, уроженецъ Корсики, при дворѣ Николая I.

нравственность полнѣйшая, во всемъ; душа столь-же безобразная, какъ и лицо; Поццо называлъ его хромымъ чортомъ. Очень вѣжливъ, величественъ въ манерахъ, но въ сущности грубъ, развратенъ; онъ нравился женщинамъ, одинъ Богъ знаетъ, почему,—если только не потому, что ихъ привлекаетъ всякое зло: самъ онъ презиралъ ихъ; любилъ поѣсть, былъ расточителенъ и скупъ, или скорѣе *алченъ*, эгоистъ безпощадный (sans entrailles), лицемѣръ, при случаѣ даже слащавый, вездѣ и во всемъ, до совершенства, представитель испорченности XVIII в. Онъ былъ очень ловокъ и созданъ для интриги болѣе, чѣмъ для великихъ дѣлъ, къ тому-же обстоятельства очень благопріятствовали ему. Это былъ дипломатъ, созданный для директоріи, безъ всякой щепетильности. Наполеонъ пользовался имъ для всего, что ему противно было дѣлать самому. Я убѣжденъ, что онъ принималъ основательное участіе во всемъ, что было сдѣлано гадкаго, даже въ смерти герцога Энгіенскаго. Я убѣжденъ также, что Наполеонъ и Людовикъ XVIII, которые пользовались его услугами, только *терпѣли* и *ненавидѣли* его, и что Карлъ X и Луи Филиппъ совѣтовались съ нимъ только потому, что не знали, какъ избавиться отъ него». Нессельроде прибавилъ: «Я говорилъ объ этомъ съ Мортемаромъ, Лаферроннэ и Барантомъ, не скрывая моего мнѣнія, и видѣлъ, что и они съ своей стороны не уважали этого человѣка». Я разсказывала канцлеру, что Бакуръ сказалъ мнѣ въ Баденѣ, будто мемуары Талейрана появятся въ печати только черезъ 50 лѣтъ. Онъ отвѣчалъ: «Они будутъ интересны, но я сомнѣваюсь, чтобы они были правдивы и искренни, развѣ только, что онъ все высказалъ изъ цинизма,—это тоже возможно» [1]).

---

[1]) [Въ бумагахъ моей матери 1837 года есть еще очень коротенькая замѣтка о Талейранѣ]: «Обѣдала у Палена (русскаго посланника). Талейранъ былъ тамъ, молчаливый и весь занятый обѣдомъ. Циничное лицо сатира, манеры grand segneur стараго режима; старый красавецъ, хотя дуренъ собой. Киселевъ [сказалъ мнѣ: «Онъ пережевываетъ старыя остроты, которыхъ ему приписываютъ множество. Жюмильокъ [Jumilhoc, племянникъ герцога Ришелье Одесскаго; маркизъ de-Jumilhoc былъ младшимъ братомъ герцога Ришелье] увѣряетъ, что ихъ фабрикуетъ для него Монтранъ. Онъ разсказывалъ мнѣ невѣроятныя подробности о Талейранѣ. Онъ совершаетъ весь свой туалетъ при публикѣ: семья, друзья, куртизаны и лакеи,—это продолжается три часа. Онъ разыгрываетъ Людовика XIV! Всѣ съ благоговѣніемъ присутствуютъ при этой комедіи. Лазаревъ сказалъ ему на дняхъ: «дядя Талейранъ, у васъ такъ много ума, объясните-же мнѣ, зачѣмъ Наполеонъ пошелъ въ Россію въ 1812 г.?» Талейранъ отвѣчалъ ему: «Что вы хотите, мой другъ, онъ любилъ путешествія». Василій Мещерскій, который всю жизнь проводитъ въ томъ, что дразнитъ Лазарева, говорилъ ему: «Вмѣсто того, чтобы говорить: дядя Талейранъ, вы могли-бы сказать: дядя Тамерланъ, потому что у васъ чисто-азіатскій типъ». Жюмильокъ очень забавенъ: онъ спрашивалъ какого я мнѣнія о Талейранѣ и произвелъ-ли на меня впечатлѣніе его галстухъ? Онъ говоритъ, что судитъ о людяхъ по одеждѣ и что одежда Талейрана заставляетъ всегда думать о протоколахъ, о секретныхъ статьяхъ договоровъ и что у него «галстухъ коалиціи (sic).»

Прим. О. Смирновой.

Я говорила о Меттернихѣ, канцлеръ отвѣчалъ мнѣ: «Меттернихъ вѣрный слуга австрійскаго дома; не скажу, чтобы онъ всегда былъ искрененъ, его ремесло этого не терпитъ; но онъ патріотъ и, говоря съ нимъ, вы чувствуете, что если онъ и не открываетъ вамъ свое сердце, то по крайней мѣрѣ не лжетъ каждый разъ, какъ говоритъ». Онъ также не довѣрялъ Талейрану и также не уважалъ его. «Каждый за себя»—это общій девизъ, надо защищаться, служить интересамъ страны, которой служишь. Но Талейранъ никогда не былъ серьезнымъ патріотомъ, онъ всегда имѣлъ въ виду только свой личный интересъ; потому его характеръ всегда отталкивалъ; у него не было никакихъ убѣжденій,—вездѣ одинъ разсчетъ. Меттернихъ-же, напротивъ, имѣетъ очень крѣпкія убѣжденія; можно ихъ не раздѣлять—это другой вопросъ; но онъ ихъ имѣетъ, онъ въ нихъ вѣритъ и это называется честностью. Талейранъ не вѣрилъ ни въ Бога, ни въ дьявола и это выражалось на его лицѣ, которое было цинично». Графъ Нессельроде не разговорчивъ, но когда онъ увлечется, онъ бываетъ прелестенъ; мы составляли partie carrée: графъ, графиня, мой мужъ и я. Графиня сказала мнѣ: «Вамъ сегодня оказывается особенная честь; Нессельроде сегодня довѣряетъ вамъ свои тайны; это въ благодарность за то, что вы приглашали его каждый разъ, какъ Листъ игралъ у васъ».

Мой мужъ говорилъ ему о каррикатурахъ Сенъ-Приста, которыя они оба такъ любили; канцлеръ всталъ, принесъ портфель и показалъ намъ каррикатуры Сенъ-Приста и цѣлую коллекцію каррикатуръ имперіи, реставраціи, 1830 г. и самыя послѣднія также.

Каррикатуры Сенъ-Приста забавны. Княгиня сказала намъ: «Полюбуйтесь скромностью моего мужа, онъ имѣетъ каррикатуры Сенъ-Приста по крайней мѣрѣ уже десять лѣтъ и никогда мнѣ ничего о нихъ не говорилъ». Канцлеръ попросилъ насъ никому не говорить о нихъ, онъ дѣйствительно человѣкъ рѣдкой скромности и когда говоритъ, то очень искрененъ, но не часто чувствуетъ потребность высказываться. О музыкѣ [1]) и цвѣтахъ онъ говоритъ съ увлеченіемъ; онъ сохранилъ извѣстную юность ума, очень характеристичную.

Я помню, что Государь говорилъ о Талейранѣ послѣ моего возвращенія изъ Парижа: «Онъ умеръ. Нельзя сказать про него, что онъ отдалъ Богу свою прекрасную душу. Говорятъ, что король (Л. Ф.) сказалъ ему жестокое слово, когда пришелъ навѣстить его. Талейранъ сказалъ ему: «Я страдаю, какъ грѣшникъ въ аду!» Король отвѣчалъ ему: «какъ, ужѐ?» Это вымыселъ, но онъ ходитъ вездѣ и это надгробная рѣчь, указывающая, что нравственное чувство было часто оскорбляемо во Франціи ея знаменитѣйшимъ дипломатомъ. Впро-

[1]) Графъ Н. былъ большой меломанъ и также страстно любилъ цвѣты.

чемъ, то, что вы разсказали мнѣ о его туалетѣ, достаточно. Употреблять три часа на одѣванье въ публикѣ, часъ на прическу—это просто недостатокъ чувства собственнаго достоинства и вы спрашиваете себя: кто болѣе лишенъ гордости: тѣ, которые присутствуютъ, или тотъ, кто разыгрываетъ эту смѣшную комедію».

Государь прибавилъ: «Тотъ, кто презираетъ людей до такой степени, тотъ самъ достоинъ презрѣнія. Мнѣ передавали нѣкоторыя слова его, которыя вѣроятно вымышлены; но уже одно то, что ихъ приписываютъ Талейрану, доказываетъ, что его считали способнымъ сказать ихъ».

Я просила государя повторить мнѣ нѣкоторыя ихъ нихъ и онъ отвѣчалъ: «Его спросили, почему онъ женился на своей женѣ, и онъ отвѣчалъ: вѣроятно потому, что глупѣе ея не нашелъ. Это показываетъ то уваженіе, которое онъ питалъ къ женщинѣ вообще и презрѣніе къ своему собственному имени. У него было много спѣси; но спѣсь никогда не считалась достоинствомъ. Можно быть гордымъ, полнымъ достоинства и гордиться своими предками; такіе люди всегда вѣжливы, привѣтливы; они обращаются одинаково со всѣми, кого принимаютъ, не дѣлая различія между бѣдными и богатыми, высокорожденными и низкорожденными. Это признакъ настоящаго grand seigneur'а. Другое ужасное слово, которое мнѣ передавали, относится къ бѣдняку, пришедшему просить у него мѣста или помощи. Талейранъ отказалъ; проситель сказалъ, наконецъ: но, князь, вѣдь долженъ-же я всетаки жить. Тотъ отвѣчалъ ему: Не вижу въ этомъ необходимости. Если это правда, то это отвратительно по своей жестокости и даже нелѣпо. Эти слова преступны».

Я была того-же мнѣнія и прибавила: «Надѣюсь, что ему только приписываютъ эти слова и что онъ не говорилъ ихъ».

Государь продолжалъ: «Талейранъ изъ епископа сдѣлался республиканцемъ, служилъ директоріи, Бонапарту, Бурбонамъ, Орлеанамъ и слѣдовательно не имѣлъ никакихъ положительныхъ убѣжденій. Я знаю, что всѣ эти перемѣны называли патріотизмомъ—служеніемъ Франціи. Я уважаю эмигрантовъ, оставшихся въ Россіи, тѣхъ изъ нихъ, которые вѣрно служили ей и не принимали активнаго участія въ дѣйствіяхъ противъ Наполеона въ 1812 г. Ришелье, напримѣръ—вотъ патріотъ и честный человѣкъ».

Д'Андре [1]) принесъ мнѣ письмо Бакура [2]), который всегда очень милъ и прислалъ мнѣ книгъ. Николай зналъ его еще молодымъ и даже

[1]) Секретарь франц. посольства.

[2]) Дипломатъ, котораго мой братъ видѣлъ въ Англіи, потомъ въ Парижѣ. Онъ встрѣтилъ его потомъ въ Баденѣ и представилъ моей матери. *Прим. О. С.*

влюбленнымъ. Онъ увѣрялъ, что остался больнымъ со времени своего пребыванія въ Вашингтонѣ и что это ужасная страна, гдѣ всѣ плюютъ на полъ и толкаются локтями. Бакуръ былъ всегда вѣренъ герцогинѣ Доротеѣ. Онъ углубленъ въ архивы Талейрана. Государь чувствуетъ къ Талейрану антипатію. Онъ сказалъ: «Онъ измѣнилъ Богу, своей церкви, своей республикѣ, своему королю, своей директоріи, своему консолу, своему императору. Увѣряютъ, что это изъ преданности интересамъ Людовика XVIII. Сомнѣваюсь; онъ пользовался обстоятельствами. Если-бы Наполеонъ побѣдилъ насъ, онъ вернулся-бы съ тріумфомъ въ Парижъ, а если-бы онъ умеръ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, а не на Св. Еленѣ, Талейранъ былъ-бы регентомъ римскаго короля. Не онъ возвратилъ Бурбоновъ въ 1848 году, а сила обстоятельствъ, Лейпцигъ, Дрезденъ послѣ Бородина и Березины; скорѣе Кутузовъ, нежели Талейранъ. Вообще его хотятъ выдать за какого-то Маука (Mauke), но Маукъ безъ партіи конныхъ (des cavaliers) ничего-бы не сдѣлалъ. Пока Кромвель былъ живъ, живъ былъ и его режимъ—и при томъ только благодаря его въ желѣзо закованнымъ солдатамъ.

Великій князь [1]) сказалъ потомъ: «Это называлось: служить Бонапарту въ ожиданіи лучшаго: служить Франціи». Государь пожалъ плечами и продолжалъ: «Мнѣ кажется, что Талейранъ повредилъ (desservi) Бонапарту и Бурбонамъ. Онъ сдѣлался орлеанистомъ, но кто знаетъ, не былъ-ли онъ имъ уже въ началѣ революціи? Вы говорили мнѣ, что онъ довѣрилъ мемуары г. де-Бакуръ. Меня уже не будетъ въ живыхъ, когда они появятся, ихъ надо ждать тридцать лѣтъ; но я убѣжденъ, что въ своихъ мемуарахъ онъ будетъ играть первую роль (il aura le beau rôle) и потомъ тамъ не будетъ ничего компрометирующаго его самого». Я повторила Его Величеству то, что говорилъ мнѣ Нессельроде.

«Возможно, что изъ цинизма онъ скажетъ правду [отвѣтилъ Государь], но у него была большая личная гордыня, кромѣ презрѣнія къ людямъ. Мой братъ (императоръ Александръ) не довѣрялъ ему; онъ находилъ, что онъ не вѣренъ тому, кому служитъ—Наполеону. Онъ это замѣтилъ въ Эрфуртѣ и въ Тильзитѣ и это внушило ему недовѣріе и презрѣніе къ Талейрану. Это не потому, что онъ понялъ, что Талейранъ предпочиталъ союзъ съ Австріей, который не сослужилъ особенной службы (qui n'a pas servi à grand chose) Наполеону. Если-бы Наполеонъ побѣдилъ Веллингтона при Ватерлоо, то Талейранъ побѣжалъ-бы за нимъ въ Парижъ,—для Франціи-же, но онъ никогда не обладалъ честностью людей убѣжденныхъ. Мартеморъ сказалъ мнѣ, что Шатобріанъ говорилъ ему однажды: Я не знаю, кого я больше презираю и ненавижу: бывшаго епископа Отэн-

---

[1]) Михаилъ, братъ государя, такъ какъ говоря о Наслѣдникѣ, мать моя всегда употребляла этотъ титулъ, который онъ носилъ даже послѣ смерти вел. кн. Константина Павловича. *Прим. О. С.*

скаго (Талейрана) или Фуше. Къ тому-же Талейранъ былъ такъ неблагодаренъ къ M-me де-Стааль, которой онъ обязанъ болѣе, чѣмъ комулибо. Она его поставила на ноги (elle lui a mis le pied dans l'etrier)» (sic). Это напомнило мнѣ одинъ разговоръ о Наполеонѣ, о его маршалахъ, о Талейранѣ, а также разговоръ великаго князя съ Пушкинымъ. Я напомнила о немъ великому князю, который сказалъ Государю: «Пушкинъ сравнилъ эксъ-епископа Талейрана съ кардиналомъ Ретцъ». «Совершенно вѣрно», отвѣчалъ Государь,—«принциповъ нѣтъ, но умъ, ловкость, и много важности (de belles façons)».

Віельгорскій сказалъ: «Это политика Маккіавелли».

— Я знаю,—отвѣчалъ государь.—*полезныя преступленія*, которыя онъ совѣтовалъ принцу. Но, по правдѣ сказать, Борджіа не хуже чѣмъ Медичи и другіе.

— Они живописнѣе, мелодраматичнѣе, они даже годятся для оперы, отвѣчалъ Віельгорскій [1]).

Государь сказалъ мнѣ затѣмъ: «Вашъ другъ, лордъ Стюартъ де Ротсей [2]) оставилъ вашъ домъ съ сожалѣніемъ. Я думаю, что Смирновъ научился комфорту въ Лондонѣ въ молодости. Вашъ домъ мнѣ нравится, потому что онъ не очень великъ и у васъ даже есть спальня, выходящая въ зимній садъ. Объ этомъ слѣдовало-бы подумать, когда перестраивали [3]) дворецъ. Теперь это невозможно. Стюартъ сообщилъ мнѣ извѣстія объ Оуенѣ Лэнаркскомъ [4]), о которомъ я говорилъ вамъ однажды, говоря о Кабденѣ и Брайтѣ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что лордъ Ашлей, который называется также Шефтсбюри, происходитъ отъ знаменитаго Шефтсбюри, великаго писателя, и что существуютъ также потомки Болингброка; онъ зналъ также леди Эстеръ Стенгопъ, племянницу Питта. въ ея молодости. Я любилъ говорить со Стюартомъ, онъ оригиналенъ; онъ не такъ уменъ, какъ Гейтесбюри и Клорикордъ, но у него есть воспоминанія».

Я сказала Государю, что мой мужъ подружился въ молодости съ потомками Болигброковъ, во Флоренціи, съ Сенъ-Джонами и что я ихъ хорошо знаю, такъ какъ видала ихъ во Флоренціи и въ Баденѣ. Потомъ я спросила Государя, что его особенно поразило въ разговорѣ Оуэна Лэнаркскаго. Когда Государь въ духѣ, онъ любитъ разсказывать о томъ, что

---

[1]) Въ то время въ Петербургѣ давали Лукрецію Борджіа.

[2]) Въ то время, какъ моя мать путешествовала, лордъ Стюартъ де-Ротсей жилъ въ нашемъ домѣ. Мой отецъ ѣздилъ тогда на Кавказъ, въ Крымъ и въ разныя провинціи, куда Государь посылалъ его съ цѣлью изучать экономическія условія (ressources agricoles) и русскую торговлю, онъ два раза посѣщалъ ярмарки, въ особенности Нижній.

[3]) Послѣ пожара. *Прим. О. С.*

[4]) Извѣстный дѣятель Робертъ Оуэнъ, имѣвшій фабрики въ Нью-Лэнаркѣ.

его интересовало въ молодости. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Вотъ одно изъ его разсужденій, когда онъ мнѣ говорилъ о первыхъ машинахъ, которыя начинали вводить тогда на фабрикахъ. Онъ сказалъ мнѣ: настанетъ время, когда, благодаря машинамъ предметы роскоши будутъ дешевы, а предметы необходимости слишкомъ до́роги. Это будетъ опасно, потому что рабочій будетъ зарабатывать больше, жить лучше, а богаче не будетъ.—Это меня удивило и я сталъ его разспрашивать. Онъ сказалъ мнѣ: Великая загадка будущаго состоитъ въ томъ, чтобы найти равновѣсіе. У рабочаго будетъ больше нуждъ, и справедливо, чтобы онъ жилъ лучше, имѣлъ лучшее помѣщеніе, лучшую пищу, лучшую одежду. Предметы роскоши, очень дорогіе теперь, упадутъ въ цѣнѣ, потому что ихъ будутъ фабриковать въ большомъ количествѣ, машиннымъ способомъ, и они сдѣлаются доступными маленькимъ кошелькамъ. Но рабочій долженъ имѣть еще сбереженія на старость и на покой, который онъ заслужилъ. Фабрики произведутъ конкурренцію. Явится слишкомъ большой запасъ товаровъ, которые надо будетъ продать во что бы то ни стало, потому что рынокъ будетъ слишкомъ наполненъ. То-же самое случается, когда урожай слишкомъ великъ: хлѣбъ падаетъ въ цѣнѣ, а производство его сто́итъ все столько-же. Мы должны будемъ основывать колоніи въ дикихъ странахъ, чтобы сбывать свой товаръ. Мы это и дѣлаемъ въ Индіи и въ Америкѣ. Но если наши колоніи сдѣлаются въ свою очередь земледѣльческими странами, онѣ будутъ присылать намъ хлѣбъ и скотъ и наши фермеры будутъ раззорены.—Онъ разсказывалъ мнѣ, что рабочіе разбили машины, которыя показались имъ средствомъ замѣнить ихъ (рабочихъ), и говорилъ о парѣ, который измѣнитъ всѣ условія торговли. На это я спросилъ его, думаетъ-ли онъ, что это будетъ положительнымъ благомъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ: Да, но въ каждомъ измѣненіи есть извѣстное количество новыхъ неожиданныхъ условій, которыхъ нельзя предвидѣть, и такъ какъ ничто не можетъ быть совершеннымъ на этомъ свѣтѣ, то и въ этомъ прогрессѣ будутъ неудобныя стороны. Если машины достигнутъ большого развитія, если примѣнятъ открытіе Фультона къ передвиженію большихъ тяжестей, товаровъ, то произойдетъ недостатокъ равновѣсія между земледѣліемъ и промышленностью. То же самое можно сказать о крупной земельной собственности: она можетъ быть благомъ, такъ какъ землевладѣльцы даютъ работу, имѣютъ капиталы; и онѣ-же есть зло, если все монополизовано ими. Самый важный вопросъ для Европы есть вопросъ о монополіяхъ, капиталахъ, направляемыхъ по одному или двумъ путямъ въ рукахъ одной или двухъ компаній. Однако, безъ капиталовъ нѣтъ ни промышленности, ни земледѣлія. Мнѣ говорили [продолжалъ Оуэнъ], что въ Россіи очень дешевы дрова и сѣно, цѣны также повысятся у васъ, какъ только повысятся цѣны на землю и у васъ будутъ свободные ра-

ботники; однако, работа свободнаго человѣка приноситъ болѣе (пользы) націи. У васъ также будутъ фабрики, машины; у васъ есть рудники, громадные лѣса и мало населенія; у насъ населеніе очень увеличивается, поэтому нашъ народъ эмигрируетъ—и хорошо дѣлаетъ, ибо лучше эмигрировать, нежели плохо жить у себя дома.—Послѣ этого Оуэнъ мнѣ сказалъ: я написалъ вашему брату, Императору, такъ какъ это *человѣкъ мира* (homme de paix) и изложилъ ему мои мысли; намъ нужно пятьдесятъ лѣтъ мира въ Европѣ, чтобы уравновѣсить трудный вопросъ капитала и земельной собственности, права землевладѣльцевъ и землепашцевъ, фабрикантовъ и ихъ рабочихъ, рудокоповъ и владѣтелей рудниковъ. Всякій имѣющій собственность, рискуетъ своимъ капиталомъ и имѣетъ право на интересъ со своихъ денегъ. Но тотъ, кто даетъ свой трудъ, также имѣетъ право быть увѣреннымъ въ кускѣ хлѣба на старости лѣтъ и на средства выростить семью. Война пожираетъ страшные капиталы и причиняетъ ужасные кризисы, если она продолжительна. Я убѣжденъ, что отъ нея именно происходитъ все зло на землѣ и все то, что я предвижу—всѣ соціальные кризисы будущаго. Это злоба однихъ противъ другихъ, бѣдныхъ противъ богатыхъ, это слѣдствіе нашихъ страстей и эгоизма богатыхъ. Человѣкъ, который голоденъ, которому холодно, который страдаетъ, всегда бываетъ бунтовщикомъ, возмущеннымъ (violent)».

Государь прибавилъ: «я разговаривалъ съ нимъ долго или скорѣе я слушалъ его; онъ говорилъ вдумчиво, какъ человѣкъ, который предвидитъ что-то въ будущемъ, и это произвело на меня впечатлѣніе. Если бы можно было имѣть 25 лѣтъ мира, это было-бы Эльдорадо. Я требую только десять лѣтъ мира—чтобы освободить крестьянъ. Оуэнъ Лэнаркскій говорилъ мнѣ объ Адамѣ Смитѣ, изъ котораго я прочелъ потомъ тѣ мѣста, на которыя онъ мнѣ указалъ, и съ этого дня я сталъ думать объ освобожденіи нашихъ крестьянъ».

Затѣмъ Государь вздохнулъ. Недавно убили одного помѣщика и его управляющаго съ утонченной жестокостью; впрочемъ, тѣ такъ-же были утонченны въ жестокости, и ихъ палачи не превзошли ихъ. Убійцы пойдутъ въ Сибирь и это справедливо, но первая вина падаетъ на того, кто мучилъ и вывелъ изъ себя этихъ несчастныхъ! Управляющій былъ выкупившійся крѣпостной. Государь, говоря объ этомъ, сказалъ: «рабство безнравственно, оно отнимаетъ нравственное достоинство у мужика и чувство долга и любви къ ближнему у помѣщика (au maître). Какъ мнѣ ни пѣли о томъ, что оно было полезно съ экономической точки зрѣнія, это неправда; оно вбило въ насъ гвоздь, который сидитъ въ русской кожѣ и давитъ на меня, какъ несправедливость, которую я лишь терплю. Я знаю, что вы раздѣляете мое мнѣніе и вашъ мужъ также». Эти слова относились къ О. и С., которые ненавидятъ П. К., Л.

П. и Н. W., сказавшихъ Государю всю правду объ этомъ убійствѣ, которое О. и С. хотѣли скрыть отъ него. Онъ разгнѣвался ужасно, узнавъ, что отъ него хотѣли скрыть то, что сдѣлали этотъ управляющій и его милый баринъ, онъ гремѣлъ противъ О. и С., и W. стоило большого труда успокоить его.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ospedaletti.

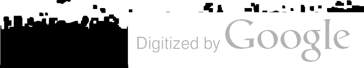
Въ гостинницѣ всѣ спятъ. Внизу передъ окномъ,
Недвижно свѣтъ лежитъ моей свѣчи безсонной,
И этотъ ровный свѣтъ мнѣ кажется пятномъ
На ризахъ ночи окрыленной.

А тамъ шумитъ прибой и тихъ небесный сводъ.
Склонился Оріонъ на цѣпь холмовъ прибрежныхъ.
И ночь кидаетъ тѣнь неслышныхъ крылъ мятежныхъ
На тайны гордыхъ скалъ и безпощадныхъ водъ.

Два міра предо мной. Одинъ, что пріютилъ—
Міръ скудно-правильный, размѣренный, какъ сѣти.
Другой, враждебный мнѣ, но юныхъ полный силъ.

Мірамъ обоимъ чуждъ, создать не въ силахъ третій,
Гляжу на свѣтъ и тьму въ раскрытое окно.
А вѣтеръ налетитъ—и станетъ вкругъ темно.

Н. Минскій.

ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА.

Переводъ съ французскаго.

Густаву Флоберу.

XXX.

Спасское.
Орловской губ., г. Мценскъ.
17—5 іюня 1874.

«Дорогой другъ.

«Пишу вамъ со дна моего мѣшка, куда я попалъ сегодня утромъ и гдѣ нашелъ ваше письмо отъ 1 іюня. Оно, какъ видите, долго путешествовало, но ни по моей винѣ, ни по винѣ г. Віардо. Я не думалъ остаться такъ долго въ Петербургѣ и Москвѣ, и намѣченный мною маршрутъ или скорѣе распредѣленіе моего времени оказалось неточнымъ. Досадно, что съ 20, т. е. съ послѣ-завтра, васъ не будетъ въ Кроассэ и что этому письму придется гоняться за вами. Я увѣренъ, что оно васъ догонитъ, и все-таки отъ этой мысли перо мое нѣмѣетъ. Не въ первый разъ пишу я вамъ отсюда и вамъ знакомо это мѣсто: зелено, золотисто, просторно, монотонно, тихо, старовато и ужасно неподвижно; патріархальная, томящая и окутывающая скука. Если я буду въ состояніи работать, то останусь здѣсь нѣсколько недѣль, если-же нѣтъ,—лечу стрѣлою въ Карльсбадъ, а оттуда въ Парижъ. Во всякомъ случаѣ, я не напрасно пріѣхалъ въ Россію: я нашелъ почти то, что искалъ; правда, что я менѣе, гораздо менѣе требователенъ, чѣмъ вы. Вы слишкомъ требовательны.

«Вы довольны романомъ Зола? Я ему писалъ; я устроилъ его дѣло [1]). Это пустяки, но все лучше, чѣмъ ничего. Въ Россіи его много читали и переводили; только что напечатали его Curée [2]).

[1]) Сотрудничество въ «Вѣстникѣ Европы».

[2]) По русски было озаглавлено: «Добыча брошенная собакамъ».

«Антоній» положительно не для толпы; обыкновенные читатели отступаютъ въ ужасѣ, даже въ Россіи. Я не думалъ, что мои соотечественники такъ щепетильны. Тѣмъ хуже;—«Антоній» во всякомъ случаѣ не умретъ.

«Я разскажу вамъ не мало смѣшного; дайте только вернуться и расположиться въ вашемъ прекрасномъ кабинетѣ въ Кроассэ. Въ моей «cara patria» есть много очень страннаго и интереснаго.

«Въ данный моментъ, благодаря легкому злоупотребленію молочными продуктами, которому я предался въ надеждѣ, что родной воздухъ все исправитъ, я страдаю жесточайшими коликами. Я думаю, что это должно отразиться и на моемъ почеркѣ. Но это ни странно, ни интересно.

«Какой собачій желудокъ и какая собачья политика въ данный моментъ!! А? Что вы скажете? Ни вы, ни я—не любимъ разговоровъ о ней, но какъ не воскликнуть по крайней мѣрѣ О! или А!

«Я съ удовольствіемъ думаю о томъ, когда мы снова начнемъ наши симпатичные маленькіе обѣды драматическихъ авторовъ.

«Пока, если это письмо застанетъ васъ на вершинѣ какого-нибудь ледника Риги, освѣжайтесь по мѣрѣ возможности! Что касается вашей милѣйшей племянницы, [1]) то передайте ей мои дружескія привѣтствія. Очевидно, что я не увижу ее въ Россіи».

«Пока довольно. До свиданья обнимаю васъ.

Вашъ старый
И. Тургеневъ».

XXXI.

Москва. 12 іюля—30 іюня 1874.

«Дорогой другъ.

«Я получилъ ваше письмо съ Риги въ ту минуту, когда, съ трудомъ опираясь на костыли, я влѣзалъ въ карету, чтобы покинуть деревню и вернуться сюда. Я—вопреки вашему предположенію—не сломалъ себѣ ни одного члена, но родной воздухъ, приносящій столько пользы марсельцамъ, возвратилъ мнѣ припадокъ подагры, — на этотъ разъ въ обѣихъ ногахъ,—онъ приковалъ меня къ постели на цѣлыхъ двѣ недѣли и до сихъ поръ еще не прошелъ. Я-бы жестоко солгалъ, если-бы сказалъ, что жизнь, благодаря этому, мнѣ представляется въ розовомъ или голубомъ свѣтѣ, (вспоминаю вашъ сонъ подъ небомъ Швейцаріи). Немощи, медленное, холодное отвращеніе, мучительныя волненія и безполезныя воспоминанія... Вотъ, старый другъ, перспектива, представляющаяся человѣку, перевалившему за пятьдесятъ лѣтъ. И сверхъ всего этого, смиреніе—ужасающее смиреніе.

[1]) M-me Камманвиль.

«Это подготовленіе къ смерти!.. Довольно! Постараюсь удрать какъ можно скорѣе въ Карльсбадъ. Не въ К., гдѣ тоскуете вы, а въ К. въ Богеміи, гдѣ я останусь пять недѣль. А осенью, позднѣе, увидимъ, куда ѣхать. Пока не хочу дѣлать никакихъ плановъ, въ особенности пріятныхъ, боюсь сглазить себя...

«Вы—какъ видно—не веселитесь на величественныхъ вершинахъ, воспѣтыхъ Галлеромъ и Руссо? Надо сознаться, что народъ, живущій въ постоянномъ созерцаніи этого величія—я говорю о швейцарцахъ—самый утомительно-скучный и бездарный народъ, какой я только знаю. Откуда такая аномалія?—сказалъ-бы философъ. Да можетъ быть это и не аномалія. Какого мнѣнія объ этомъ были-бы Буваръ и Пекюше? Я въ восторгѣ, что вы наконецъ нашли un site, или точнѣе le site, но чѣмъ больше я надъ этимъ раздумываю, тѣмъ болѣе нахожу, что такой сюжетъ слѣдуетъ обработать presto—à la Свифтъ, à la Вольтэръ. Вы знаете, что я всегда былъ такого мнѣнія.

«Разсказанный вами сценарій показался мнѣ прелестнымъ и смѣшнымъ. Если-же будете слишкомъ растягивать, или напустите слишкомъ много учености... Но вы сами знаете что дѣлать. «Завоеваніе Пласапа» Зола переведено въ сокращеніи въ одномъ изъ русскихъ журналовъ, позднѣе его переведутъ in extenso. Его любятъ въ Россіи.

«Что если-бы вамъ воспользоваться ледникомъ Риги и сочинить, что-нибудь страстное, знойное, жгучее?! А? это мысль! Но главное сами-то освѣжитесь! Къ несчастію, въ нѣкоторыхъ натурахъ скука возбуждаетъ и волнуетъ кровь. Возвращайтесь къ намъ, блѣднымъ и одноцвѣтнымъ, какъ стихъ Ламартина.

«Я получилъ хорошія вѣсти отъ друзей моихъ изъ Парижа и Буживаля.

«Это вливаетъ мнѣ въ кровь бальзамъ.

«По поводу политики... Втеченіе, семи лѣтъ вами будетъ управлять добрый, безславный вояка и вы увидите, что онъ кончитъ тѣмъ, что будетъ управлять одинъ, безъ палатъ. Это мнѣ напомнило, что въ деревнѣ (гдѣ у меня очень хорошая библіотека) я прочелъ въ сборникѣ, озаглавленномъ: «Избранныя донесенія, читанныя на французской трибунѣ съ 1789 до 1821», рѣчь Робеспьера по поводу вопроса: «Должно-ли судить Людовика XVI?» Она мнѣ показалась удивительно прекрасной! Потомъ, къ концу своей карьеры, Робеспьеръ испортился; онъ вдался въ чувствительность и громкія патетическія фразы, но въ немъ были задатки, въ этомъ молодцѣ!

«До свиданія, мой другъ,—вѣроятно въ Кроассэ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, надо надѣяться оба здоровые! Обнимаю васъ.

Вашъ старый

Ив. Тургеневъ».

«P.-S.—Увѣрены-ли вы, что это Карльсбадъ, гдѣ вы находитесь? Вы два раза пишете: Карльтбадъ, но такое названіе невозможно. Я какъ нибудь схитрю на адресѣ».

XXXII.

Буживаль.
11 октября 1875.

«Когда я увидѣлъ вашъ почеркъ, мой старый Флоберъ,—я очень обрадовался, а чтеніе вашего письма доставило мнѣ еще большее удовольствіе: вы снова вынырнули и составляете... хотѣлъ сказать литературные планы!! Однимъ словомъ, васъ занимаетъ мысль, что вы будете работать. Это хорошо и я убѣжденъ, что вы подарите намъ *тридцать страницъ*».

15 октября 1875.

«Что-то помѣшало мнѣ дописать это письмо, мой другъ, и я къ большому моему удивленію, нашелъ его въ моемъ бюварѣ. Я думалъ, что оно давно отправлено. Каюсь въ моей глупости и снова принимаюсь за него.

«И такъ, я сказалъ, что мысль о тридцати страницахъ меня очень радуетъ. Я также только что обѣщалъ моему русскому издателю разсказъ въ тридцать страницъ (два печатныхъ листа) къ 26 ноября — Это послѣдній срокъ! А у меня еще нѣтъ въ головѣ и перваго слова. Такъ какъ мой большой романъ запоздалъ—даже больше, чѣмъ Б. и П. *), то мой издатель взываетъ ко мнѣ орлинымъ голосомъ: «Дайте что-нибудь!» И я закабалился. Увидимъ, кто изъ насъ двоихъ поспѣетъ раньше. Увы, да, мы оба стары, добрый другъ; это безспорно. Будемъ, по крайней мѣрѣ, стараться веселиться, какъ старики.

«Кстати, читали-ли вы въ «République française» (отъ 10 или 11) фельетонъ, озаглавленный: «Самоубійство ребенка» и подписанный «X...»? Онъ меня поразилъ; авторъ, очевидно, принадлежитъ къ вашей школѣ. Если онъ молодъ, то у него есть будущее. Постарайтесь достать эту вещь и сообщите мнѣ ваше мнѣніе о ней.

«Здѣсь всѣ здоровы. У меня былъ довольно жестокій циститъ, такъ, кажется, называется воспаленіе мочевого пузыря; я провелъ двѣ мучительныя ночи и пролежалъ три дня въ постели. Теперь это почти прошло. Это легкія напоминанія, такъ сказать, визитныя карточки, которыя намъ присылаетъ г-жа Смерть, чтобы мы о ней не забывали.

«Мы остаемся здѣсь до 1 ноября. Погода мягкая, сѣрая, сырая, не непріятная. Я не могу еще жить въ моемъ новомъ домѣ въ этомъ году, но я хожу туда время отъ времени, пишу тамъ письма, какъ это, напримѣръ. Въ каминѣ горитъ огонь, а всетаки спинѣ холодно.

*) Буваръ и Пекюшэ.

«Былъ еще очень хорошенькій фельетонъ M-me Зандъ въ «Temps» (написанный въ 1829 г., когда ей было 25 лѣтъ), вы должно быть читали его. Золя напечаталъ въ «Русскомъ Обозрѣніи» великолѣпную статью о Гонкурахъ. Это заставитъ переводить ихъ романы.

«Назначьте мнѣ приблизительно день вашего возвращенія въ Кроассэ. Не думаю, чтобы вы еще долго остались на берегу моря... И вернетесь въ Парижъ, несмотря ни на что?

«Ваши друзья рѣшили окружить и согрѣть васъ.

«Пока передайте мои дружескія привѣтствія M-me Комманвиль. Васъ обнимаю и остаюсь

вашъ старый, вѣрный
Ив. Тургеневъ».

XXXIII.

Спасское.
Орловская губ., г. Мценскъ.
18 іюня 1876.

«Дорогой другъ.

«Я съ сегодняшняго утра въ моемъ Патмосѣ и грустенъ, какъ ночной колпакъ. Замѣтили-ли вы, что именно въ такія минуты и пишутъ своимъ лучшимъ друзьямъ? Жара—32° по Реомюру въ тѣни! И вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря 9-ти-градусному морозу, бывшему 21 мая, вся зелень сада испещрена маленькими сухими листьями, которые смутно напоминаютъ трупы маленькихъ дѣтей, а мои старыя липы даютъ такую жалкую, скудную тѣнь, что больно смотрѣть. Прибавьте къ этому, что братъ мой, который долженъ былъ ждать меня, чтобы устроить денежныя дѣла, очень важныя для меня, уѣхалъ въ Карльсбадъ пять дней тому назадъ; прибавьте, что мнѣ кажется, что я заболѣю подагрой (такъ со мной случилось въ эту-же пору, въ этомъ-же мѣстѣ, два года тому назадъ); что я почти вполнѣ убѣдился, что мой управляющій меня грабитъ и что я не буду въ состояніи отдѣлаться отъ него,—и представьте себѣ мое положеніе!

«Смерть M-me Зандъ меня тоже очень, очень огорчила. Я знаю, что вы были въ Ноанѣ на похоронахъ, а я хотѣлъ послать телеграмму отъ имени русской публики, чтобы выразить соболѣзнованіе, но меня остановила какая-то смѣшная скромность, страхъ передъ «Figaro», боязнь рекламы, словомъ—разныя глупости!

«Русское общество было изъ тѣхъ, гдѣ M-me Зандъ имѣла больше всего вліяніе, и надо-же было заявить объ этомъ—чортъ возьми! и я въ концѣ концовъ имѣлъ право на это, да вотъ!..

«Бѣдная, милая M-me Зандъ, она любила насъ обоихъ, особенно васъ, что было естественно. Какое золотое сердце было у нея! Какое

отсутствіе мелочности, узости, фальши; какой она была славный человѣкъ и какая славная женщина! Теперь все это тамъ, въ ужасной, ненасытной ямѣ, нѣмой и глухой, которая не вѣдаетъ даже, что пожираетъ! Однако, дѣлать нечего, будемъ стараться держать подбородокъ надъ водой.

«Пишу вамъ въ Кроассэ—полагаю, что вы тамъ. Принялись-ли вы опять за работу? Если я здѣсь ничего не сдѣлаю, тогда, значитъ, все кончено, — тутъ тишина невыразимая: на двадцать километровъ кругомъ—ни одного сосѣда! все застыло въ неподвижности! Домъ плохой, но въ немъ не слишкомъ жарко и мебель хорошая. Удивительный письменный столъ и кресло съ двойнымъ тростниковымъ сидѣньемъ! Но диванъ тутъ опасный,—какъ только попадешь на него—такъ и заснешь, я буду стараться избѣгать его. Начну съ окончанія «Св. Юліана» [1]).

«Въ одномъ изъ угловъ комнаты стоитъ старая византійская икона, вся черная, въ серебряной ризѣ, на ней только одно лицо громадное, мрачное, суровое; оно мнѣ немного надоѣло, но я не могу велѣть убрать его, мой лакей счелъ-бы меня за язычника: а здѣсь этимъ шутить нельзя.

«Напишите мнѣ два слова повеселѣе этихъ. Обнимаю васъ и остаюсь

Вашъ старый другъ

Ив. Тургеневъ».

«P.-S, А знаете:—черкесъ Гассанъ, убивающій министровъ по-парно, какъ куропатокъ, внушаетъ мнѣ нѣкоторое уваженіе.

«PP.-S. Мои искреннѣйшія привѣтствія вашей племянницѣ и ея мужу».

XXXIV.

Орловской губ., г. Мценскъ.
23 іюня—4 іюля 1876.

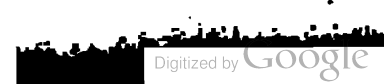
«Добрый, старый другъ,

«Пишу вамъ отсюда въ Кроассэ, изъ одного Патмоса въ другой. Получилъ вчера ваше письмо и, видите, отвѣчаю вамъ не медля.

«Да, жизнь M-me Зандъ была наполнена, а между тѣмъ, говоря о ней, вы называете ее: бѣдная M-me Зандъ. Этотъ эпитетъ отлично подходитъ мертвымъ, потому что въ концѣ концовъ они очень жалки; смерть—вещь ужасная. Я вспоминаю глаза маленькой Авроры; они удивительны по глубинѣ и добротѣ и дѣйствительно похожи на глаза бабушки; они почти что слишкомъ добры для глазъ ребенка. Зола, оказывается, написалъ длинную статью о M-me Зандъ въ «Русскомъ Обозрѣніи»; статья, говорятъ, очень хороша, но немного жестка. Зола не можетъ понять Жоржъ-Зандъ вполнѣ; ихъ раздѣляетъ слишкомъ большое разстояніе.

---

[1]) Legende de St. Julien S'Hospitalier, произведеніе Флобера, которое переводилъ Тургеневъ.

«Я вижу, какъ вы свирѣпыми глазами смотрите на М. А... М. нужна совсѣмъ особенная грязь, чтобы выростить такіе шампиньоны.

«Вы работаете въ Кроассэ. Ну, я васъ удивлю. Никогда я не работалъ такъ, какъ съ тѣхъ поръ, что я здѣсь: я провожу цѣлыя ночи у письменнаго стола. Во мнѣ воскресла иллюзія, что можно сказать,—не что-нибудь новое,—это для меня безразлично,—но то-же, да иначе! И замѣтьте, что вмѣстѣ съ этимъ я обремененъ дѣлами денежными, административными, арендными, и не перечесть! (Тутъ кстати могу вамъ сказать, что не такъ все дурно, какъ казалось мнѣ въ первый моментъ, и въ скобкахъ замѣчу, что я въ восторгѣ, что въ дѣлахъ вашего племянника есть нѣкоторый просвѣтъ). Но «Св. Юліанъ» страдаетъ отъ этого избытка дѣятельности.

«Мой діавольскій романъ [1]) совершенно поглотилъ меня. Но все-таки, вы можете быть спокойны, — переводъ уже обѣщанъ въ октябрьскую книжку «Вѣстника Европы». Онъ тамъ появится, иначе я умру.

«Я не читалъ статей Фромантэна. Я не читалъ книги Ренана; я теперь ничего не могу читать, кромѣ газеты, которую я здѣсь получаю, повѣствующей мнѣ о дѣлахъ Востока и навѣвающей сны. Мнѣ кажется это начало конца, но пока сколько головъ отсѣчено, сколько женщинъ, дѣвушекъ, дѣтей обезчещено, убито! Я думаю, что и намъ, т. е. русскимъ, не избѣжать войны.

«Вамъ хотѣлось-бы знать, какова съ виду моя обитель.—Это очень старый деревянный домъ, обшитый досками, окрашенный водяной краской въ свѣтло-лиловый цвѣтъ; съ лицевой стороны терасса, обросшая вьющимся плющемъ. Обѣ крыши желѣзныя, зеленаго цвѣта; верхній этажъ необитаемъ и окна въ немъ заколочены. Этотъ домикъ—все, что осталось отъ просторнаго зданія, построеннаго въ видѣ подковы и сгорѣвшаго въ 1870 г.

«Вчера вечеромъ, съ вашимъ письмомъ въ карманѣ, я сидѣлъ на крыльцѣ моей терассы, а предо мной толпилось около шестидесяти крестьянокъ, почти всѣ въ красномъ и очень некрасивыя (исключая одной молодухи шестнадцати лѣтъ, которая только что оправилась отъ горячки и поразительно похожа на Сикстинскую Мадонну въ Дрезденѣ). Онѣ плясали, какъ сурки или медвѣдицы и пѣли рѣзкими, грубыми, но вѣрными голосами. Это маленькое празднество я устроилъ по ихъ просьбѣ, да впрочемъ это было и не трудно: два ведра водки, пряники и орѣхи—вотъ все, что требовалось... Онѣ кружились а я глядѣлъ на нихъ и чувствовалъ себя ужасно грустнымъ. Маленькую Сикстинскую мадонну зовутъ Маріей, какъ и слѣдуетъ. Довольно однако. Я вамъ напишу еще передъ отъѣздомъ. Пока крѣпко обнимаю васъ.

Вашъ старый

Ив. Тургеневъ.

---

[1]) «Новь».

«P.-S. Я нахожу, что характеръ пейзажа тутъ блѣдный: небо, зелень, земля—все блѣдно, съ теплымъ золотистымъ оттѣнкомъ. Это было-бы только мило, если-бы ширина и однообразный просторъ не придавали-бы всему величія».

XXXV.

Буживаль. 8 августа 1876 г.

«NB. Пишу случайно на этой фатовской бумагѣ.

«Дорогой другъ, я здѣсь уже два дня, послѣ стремительнаго путешествія по Россіи и Германіи и ваше письмо меня очень обрадовало. Вы здоровы и работаете; я тоже здоровъ и работалъ; такъ-какъ — вещь невѣроятная,—я кончилъ мой громадный романъ [1]) и могу снова приняться за работу. Его надо переписать и сдать черезъ два мѣсяца, а это будетъ не легко. Вы знаете, что значитъ переписывать: отъ нѣкоторыхъ страницъ не остается подчасъ ни строчки.

«Я — какъ Уллисъ, — много перевидалъ, встрѣчалъ не мало людей и, вернувшись, нашелъ всѣхъ моихъ въ добромъ здоровьѣ. Я прогналъ управляющаго, который укралъ у меня около 130,000 фр.— довольно значительную часть моего состоянія. Почему я былъ такъ глупъ? Я просто изъ лѣни слѣпо довѣрился ему, хотя прекрасно чувствовалъ, глядя на его слащавое, бородатое лицо, что онъ плутъ. Ну, все равно! Пусть онъ пользуется моими деньгами!

«Мнѣ очень хочется бросить дня на два, на три переписку романа и (около 25-го сего мѣсяца) поѣхать въ Кроассэ послушать ваше чтеніе «Попугая». Одновременно съ перепиской, буду кончать переводъ «Св. Юліана», такъ-какъ онъ долженъ появиться въ Россіи 1 ноября.

«Только-что прочелъ статью этого «Господина» о Ренанѣ. Это подло; вся эта «République des Lettres» провоняла неестественностью и какой-то фальшью и низостью.

«Зола мнѣ писалъ. Онъ здоровъ и возвращается въ Парижъ въ концѣ сентября.

«Мой Châlet мнѣ нравится, и будетъ еще милѣе для меня, когда утратитъ запахъ новой мебели. Погода стоитъ слишкомъ хорошая, зелень деревьевъ передъ моимъ окномъ покрылась бархатнымъ золотистымъ отливомъ. Это очень красиво.

«Когда будете писать вашей племянницѣ, передайте ей тысячу пожеланій отъ меня, и до свиданья, недѣли черезъ двѣ съ небольшимъ.

Вашъ старый Ив. Тургеневъ.

---

[1]) Новь.

XXXVI.

Буживаль. 29 августа 1876 г.

«Дорогой другъ!

«Я не отвѣтилъ вамъ тотчасъ, потому что хотѣлъ заранѣе назначить день моего пріѣзда въ Кроассэ, а это было не легко; но вотъ получаю вашу телеграмму и принужденъ вамъ сказать, что не могу пріѣхать раньше 10-го сентября, но тогда ужъ навѣрное.

«Я въ восторгѣ, что вы кончили вашу работу. Если я найду, что для начала лучше, чтобы «Св. Юліанъ» появился въ русскомъ журналѣ, то я объ этомъ позабочусь, хотя другой уже почти оконченъ. Вы знаете, что до 1-го ноября у насъ есть еще довольно времени.

«Я весь погруженъ въ переписываніе и эта работа мнѣ надоѣдаетъ.

«Въ общемъ я здоровъ, но чувствую, что меня обволакиваетъ какой-то старческій туманъ и онъ очень непріятенъ.

«Итакъ, мой другъ, до 10-го, непремѣнно. Обнимаю васъ.

Вашъ Ив. Тургеневъ».

XXXVII.

Буживаль. 23 сентября 1876 г.

«Мой свирѣпый старикъ!

«Я вернулся сюда безъ затрудненій; съ Маньи не было времени повидаться, но зато видѣлъ Пеллэ. Я ему предложилъ нашъ спорный вопросъ и онъ мнѣ отвѣтилъ:

«—Такъ дѣлается и даже часто, но это не въ правилахъ хорошей кухни.

«Результатъ тотъ, что я вамъ долженъ шесть бутылокъ шампанскаго и, хотя побѣда матеріальная не за мной, я однако восторжествовалъ нравственно.

«Я опять принялся за мое переписываніе. Вечеромъ вторично перечитаю «Простое сердце». Дружескія привѣтствія всему Кроассэ.

«Надѣюсь, что ваша племянница скоро оправится и обнимаю васъ.

Тотъ, который ѣстъ жаренаго цыпленка горячимъ, безъ горчицы—

И. Т.»

XXXVIII.

Буживаль. 25 октября 1876 г.

«Пишу вамъ въ среду, и ваше письмо помѣчено средой, но сколько недѣль прошло съ тѣхъ поръ? Двѣ-ли, три, сто, тысяча?—

не знаю! Что дѣлалъ я все это время? Ничего и ничего не знаю объ этомъ. Дни протекли, какъ вода, какъ песокъ. А вы работали? Какъ здоровье m-me Комманвиль? Надѣюсь, что она ужъ давно на ногахъ? Когда вы пріѣдете въ Парижъ? Мы остаемся здѣсь еще дней десять. Все это время небо было сѣрое... Я ничего не читалъ. — Впрочемъ, нѣтъ! Я прочелъ вторую пѣснь «Донъ-Жуана» Байрона, что было свѣтлымъ лучемъ во всей этой мглѣ.

«Было два, три чудныхъ музыкальныхъ вечера. Разъ ночью былъ у меня припадокъ нефрита. Я думалъ, что околѣю.

«Et voilà!

«Черкните мнѣ два слова и передайте отъ меня тысячу пожеланій m-me и m-lle Комманвиль.

«Я чувствую себя отупѣлымъ, что не мѣшаетъ мнѣ обнять васъ.

Вашъ Ив. Тург.

XXXIX.

Буживаль.
8 ноября 1876.

«Дорогой другъ.

«Я весь въ хлопотахъ по укладкѣ; мы уѣзжаемъ послѣ-завтра въ Парижъ; какъ только водворимся тамъ, напишу вамъ подробнѣе. «Вѣстникъ Европы» далъ мнѣ знать, что онъ не можетъ выпустить «Св. Юліана» съ моей подписью до появленія моего романа, такъ-какъ далъ обязательство не печатать ничего моего, ни подписаннаго мною до этой вещи. Но такъ-какъ романъ выйдетъ въ январьскомъ номерѣ, то «Св. Юліанъ» будетъ напечатанъ въ февралѣ, раньше появленія его во Франціи. Кажется, я нашелъ хорошаго переводчика для «Простого Сердца».

«Я въ восторгѣ, что m-me Комманвиль поправилась. Передайте ей отъ меня тысячу пожеланій.

«Что касается до гигантскихъ трудностей въ «Иродіадѣ», я вѣрю этому, но убѣжденъ, что вы ихъ преодолѣете.

«Я не читалъ фельетоновъ Золя, но прочелъ первую часть «Assommoir'a». Чортъ! Чортъ!.. Мы объ этомъ поговоримъ. Я вамъ напишу черезъ два, три дня, какъ только устроюсь въ Парижѣ. Припадокъ нефрита у меня былъ только случайный, очень непріятный, правда, но съ тѣхъ поръ я чувствую себя недурно.

До скораго свиданія. Обнимаю васъ.

Вашъ Ив. Тургеневъ».

XL.

Парижъ.
2—9 декабря 1876 г.

«Мой старый другъ!

«Я, ровно недѣлю тому назадъ, взялъ этотъ листъ бумаги, чтобы вамъ писать, и не написалъ ни слова.

«Я въ очень дурномъ настроеніи: чувствую себя старымъ, сѣдымъ, тусклымъ, безполезнымъ и глупымъ. У меня былъ припадокъ подагры, но и она скоро прошла. Я читаю корректуры моего романа, которыя высылаютъ мнѣ изъ Петербурга, и нахожу его плоскимъ и безцвѣтнымъ [1]). Я почти ни съ кѣмъ не вижусь. Нахожу, что вы слишкомъ долго остаетесь внѣ Парижа; если-бы я могъ побесѣдовать съ вами, все это уладилось-бы, а писать надо слишкомъ долго и много: во-первыхъ это утомительно; во-вторыхъ, на бумагѣ надо говорить все, даже то, что само собою понятно.

«Мы какъ-то обѣдали съ Золя и Гонкуромъ; Додэ не могъ пріѣхать. Сожалѣли, что васъ не было. Пеллэ далъ намъ отвратительный обѣдъ; не надо больше ходить къ нему. Ну, когда-же мы васъ увидимъ въ Парижѣ? Подвигается-ли работа? Какъ здоровье?

«Гонкуръ прочиталъ намъ отрывокъ изъ своего романа [2]), его голосъ прерывался отъ волненія. Мнѣ показалось страннымъ, что сѣдовласый человѣкъ можетъ такъ волноваться. То, что онъ намъ прочелъ, мнѣ понравилось, но показалось слишкомъ сжатымъ.

«Я понюхалъ «Assommoir». И не въ восторгѣ отъ него. Это строго между нами. Таланту въ немъ много, но тяжело и слишкомъ много грязи.

«Когда-же наконецъ вы возвратитесь? Увѣдомьте меня не медля, не подражайте мнѣ. А что скажете вы объ этомъ смятеніи, которое у насъ господствуетъ? Что бы ни говорили, а война у насъ будетъ

«Я надѣюсь получить доходъ въ 10,000 руб. на весь 1877 годъ. Въ хорошее время это составило-бы 35,000 франковъ, въ посредственное время— 30,000; въ плохое—25,000, и надо разсчитывать на 25,000, не больше. Такъ-какъ у меня болѣе чѣмъ на 10,000 фр. расходовъ и столько-же долгу, то не много останется. Надо терпѣть!

«Мои дружескія привѣтствія вашей племянницѣ и ея мужу. Я вялая груша, старая тряпка, но очень люблю васъ и обнимаю.

До свиданія!
Ив. Тургеневъ».

---

[1]) «Новь».
[2]) «La fille Elisa».

XLI.

Парижъ. 19 декабря 1876 г.

«Мой старый другъ!

«Я только-что вернулся изъ добродѣтельнаго семейнаго путешествія, которое у меня взяло три дня и втеченіе котораго я порядочно скучалъ. Теперь отвѣчаю на ваше письмо. Покончимъ сначала съ вопросомъ о трехъ разсказахъ.

«Св. Юліанъ» переведенъ, находится въ рукахъ издателя и будетъ оплаченъ по моей всегдашней цѣнѣ, т.-е. мы получимъ по 300 руб. (стоимость рубля отъ 2 фр. 85 до 3 фр. 30) за печатный листъ (16 страницъ). Но вотъ въ чемъ дѣло: я долженъ былъ дать формальное обѣщаніе моему издателю и публикѣ (въ замѣткѣ, которую я имѣлъ глупость напечатать) не выпускать ничего за моей подписью, раньше моего громаднаго романа. Я его окончилъ, этотъ романъ, и отправилъ въ Петербургъ, гдѣ онъ въ данную минуту и печатается. Только мой издатель-змѣя, вмѣсто того, чтобы напечатать его всего заразъ (онъ мнѣ это формально обѣщалъ), дѣлитъ его на-двое, такъ что онъ появится въ двухъ книгахъ: 1—13 января и 1—13 февраля; онъ такъ опуталъ меня, что я, въ качествѣ вялкой груши, далъ свое согласіе на такое изувѣченіе, а это отсрочило несчастнаго Юліана до 1—13 марта. Надо-бы, значитъ, чтобы другіе два разсказа были напечатаны. Во всякомъ случаѣ «Простое Сердце» не должно быть напечатано одно. По тому, что вы мнѣ пишете, это не невозможно. Я далъ «Простое Сердце» одной русской барышнѣ-писательницѣ, которая очень хорошо владѣетъ языкомъ. Она здѣсь, въ Парижѣ, и если она съ честью справится съ этой задачей, я могу ей довѣрить и «Иродіаду»; я, конечно, провѣрю переводъ самымъ тщательнымъ образомъ. Перепишу его, если надо, потому что необходимо мое имя. Иначе могутъ сказать: почему-же онъ перевелъ только одну сказку и не переводитъ другихъ? Онѣ значитъ хуже? Только такимъ образомъ можемъ получить хорошій гонораръ.

«Но вотъ еще затрудненіе! Я уѣзжаю въ Петербургъ (это между нами) 15-го февраля и останусь тамъ мѣсяцъ.

«По всей вѣроятности, къ этому сроку у васъ не будетъ готово, или если и будетъ, то я могу увезти съ собою оригиналъ, такъ какъ не будетъ времени сдѣлать хорошій переводъ. Ну, тогда надо будетъ найти кого-нибудь въ Петербургѣ, и это не невозможно. Конечный выводъ: постарайтесь докончить «Иродіаду» въ первыхъ числахъ февраля и тогда увидимъ.

«Что касается другихъ пунктовъ вашего письма, я отвѣчу на нихъ лапидарнымъ слогомъ.

«1) Убедительная просьба ускорить ваше возвращеніе, такъ какъ мнѣ васъ очень недостаетъ.

«2) На счетъ Золя мы съ вами сходимся. Обѣдъ нашъ состоится въ пятницу въ ресторанѣ Opéra comique. Пеллэ-свинья.

«3) Ренанъ. Его статья, лично, очень интересна, но какое отсутствіе красокъ и жизни! Я не вижу не Бретани, ни святыхъ, ни матери его, ни его маленькихъ дѣвочекъ—виновницъ того, что его первая любовь раздвоилась, ни его самого! И почему говоритъ онъ, что «Богъ» ему далъ дочь? [1])

«4) Я не читалъ г. Монт..., онъ мнѣ противенъ. Войны вѣроятно не будетъ. Вы косвенно въ этомъ заинтересованы, потому что она діавольски вліяетъ на курсъ рубля. Перемѣна министра меня не тронула. Germiny-пирамидаленъ! Вотъ что могло-бы заставить повѣрить въ существованіе Бога личнаго, ироническаго и насмѣшливаго! Меня навѣстила m-me Комманвиль. Я былъ въ восторгѣ и очень польщенъ. Я нашелъ, что у нея видъ прекрасный.

«А теперь обнимаю васъ.

Вашъ И. Т.»

XLII.

2 января 1877 г.

«Дорогой другъ:

«На слѣдующей страницѣ вы найдете стихотвореніе, продиктованное школьнымъ учителемъ въ классѣ (по случаю новаго года) и которое сынъ нашего консьержа, мальчикъ восьми лѣтъ, преподнесъ своимъ родителямъ. Мать (она,—замѣчу въ скобкахъ,—неграмотна) пришла показать это прекрасное твореніе m-me Віардо. Она гордилась имъ, слезы блестѣли у нея на глазахъ, а я поспѣшилъ списать этотъ истинный шедевръ, чтобы послать его вамъ. Измѣрьте, если можете, глубину души этой пѣшки, растворенной въ риторикѣ!

«Меня схватилъ припадокъ подагры въ колѣнѣ; я надѣюсь, что изъ этого ничего не будетъ, но пока я не могу двигаться.

«А вы какъ? все продолжаете хорошо работать? здоровье хорошо?

Обнимаю васъ сердечно,

Ив. Тургеневъ».

---

[1]) Статья Ренана, о которой говоритъ Тургеневъ, это глава изъ его «Воспоминаній дѣтства», вышедшая въ «Revue de Deux Mondes» 1-го декабря 1876 г. Эти воспоминанія были собраны въ одинъ томъ нѣсколько лѣтъ спустя.

Приложеніе:

«Дорогіе родители!

«Новый годъ начинаетъ свой путь, и вы знаете какія пожеланія можетъ посылать мое сердце. Есть особенно одно, внушаемое любовью: видѣть себя всегда любимымъ вами въ такой-же мѣрѣ, какъ я стараюсь вамъ угождать! Завидуя счастью любовниковъ, время забавляется расторженіемъ ихъ узъ; звено, которое имъ было дорого, становится имъ въ тягость и надоѣдаетъ. Вѣтеръ разноситъ ихъ клятвы, и для несчастной любовницы чаще всего тотъ годъ лучшій, который кончился! Но нѣжность сыновняя не подвержена раскаянію: она всегда живетъ, всегда ровна и время не можетъ остановить ея развитія. Подобно огню весталокъ, ея пламя никогда не гаснетъ *)».

XLIII.

Парижъ. 24 января 1877 г.

«Мой старый другъ!

«Посылаю вамъ два нумера «Temps», гдѣ помѣщена моя маленькая бездѣлица. Прочитайте ее, когда вамъ не будетъ предстоять ничего лучшаго.

«Первая часть моего романа, появившаяся въ Россіи, доставляетъ, повидимому, много удовольствія моимъ друзьямъ и очень мало публикѣ. Газеты находятъ, что я исписался и побиваютъ меня моими прежними вещами (какъ васъ вашей m-me Бовари).

«Я счастливъ, что вы бодро работаете; m-me Комманвиль, которую я видѣлъ и нашелъ въ добромъ здоровьѣ и хорошемъ настроеніи, ска-

---

[1]) Chers Parents.

«Un nouvel an commence sa carrière,
Et vous savez les voeux que mon coeur peut former.
Il en est surtout un que l'amour nous suggère
C'est de vous voir toujours m'aimer
Autaut que je cherche à vous plaire!
Jaloux du bonheur des amants
Le temps s'amuse à détruire leur chaîne,
Ce noeud qui leur fut cher, les fatigue et les gêne.
Le vent emporte leurs serments.
Et pour l'amante infortunée
Le plus souvent la bonne année
Est celle qui vient de finir!
Mais la tendresse filiale
N'est point sujette au repentir;
Toujours vive, toujours égale,
Le temps ne peut arrêter ses progrès,
Semblable aux feux de la Vestale
Son ardeur ne s'eteint jamais».

зала мнѣ, что вы возвратитесь раньше, чѣмъ предполагали. Браво! Мнѣ васъ такъ недоставало! Что касается меня, то я не уѣду раньше первыхъ чиселъ марта.

«Зола прислалъ мнѣ свой Assommoir. Книга увѣсистая; я примусь за нее. Бѣдный Мопассанъ совсѣмъ облинялъ. (Онъ навѣстилъ меня). Это отъ желудка, какъ онъ говоритъ. Онъ попрежнему очень милъ, но очень некрасивъ въ настоящее время.

«Не смотря ни на что, я упорно вѣрю, что весной будетъ война.

«А теперь обнимаю васъ и до свиданія.

Ив. Тургеневъ».

XLIV.

Буживаль. 24 іюля 1877 г.

«Мой старый другъ!

«Я не отвѣтилъ вамъ сейчасъ-же, потому что смутно надѣялся съѣздить самъ въ Кроассэ, чтобы свезти вамъ вашъ халатъ, но эта надежда исчезла и я вамъ пишу и посылаю халатъ по желѣзной дорогѣ [1]).

«Ногѣ моей лучше, но много ходить было-бы невозможно. Кончу, я думаю, тѣмъ, что испробую новое лекарство, которое такъ восхваляютъ въ газетахъ и названіе котораго начинается на sal и кончается на ate. Эта подлая подагра принимаетъ у меня полу-хроническій, полу-острый характеръ, это мнѣ надоѣло. Жаль, что Б. и П. покончили съ медициной,—я-бы попросилъ у нихъ совѣта.

«Я сдѣлалъ въ Россіи четверть того, что хотѣлъ сдѣлать, но и это уже много; конечно главнаго я не сдѣлалъ. Не видалъ брата. Все это во мракѣ.

«Я-бы очень желалъ, чтобы скорѣе кончилась война, и курсъ русскаго рубля могъ-бы опять подняться. Настоящее положеніе дѣлъ совершенно парализуетъ мои средства. Вы работаете, это хорошо, а дѣла? Какъ обстоитъ то, что, помните, обѣщало такъ много?

«Моя литература въ данный моментъ на днѣ глубочайшей пропасти.

«Я видѣлъ маленькую повѣсть Зола въ «Echo Universel». Особенно замѣчательно начало. Мой привѣтъ всѣмъ.

Обнимаю васъ, И. Т.»

---

*) Подарокъ Тургенева Флоберу, шелковый халатъ, вышитый золотомъ и шелкомъ крымскими татарками.

XLV.

Каенъ. 17 августа 1877 г.

«Дорогой другъ!

«Каенъ? Почему Каенъ?—спросите вы, дорогой мой старикъ! Что, чортъ побери, означаетъ Каенъ! Да, что-жъ дѣлать? Дамы семьи Віардо должны провести двѣ недѣли на берегу моря, или въ Люкѣ, или въ С.-Обенѣ, и онѣ послали меня впередъ пріискать что-нибудь подходящее. Я увезъ съ собою ваше письмо и спѣшу сообщить вамъ, что ваше посѣщеніе мнѣ страшно кстати, такъ-какъ со вторника я уже буду въ Буживалѣ; я буду ждать словечко отъ васъ въ «les Frênes», чтобы знать, когда мнѣ ѣхать васъ встрѣчать въ Парижѣ, въ Faubourg St.-Honoré. Отъ нашихъ разговоровъ задрожатъ стѣны!

«Итакъ, со вторника я жду извѣстія отъ васъ.

Обнимаю васъ.

Вашъ Ив. Тургеневъ».

XLVI.

Буживаль. 30 августа 1877 г.

«Дорогой другъ!

«Говоря со мной, вы думаете, что имѣете дѣло съ человѣческимъ существомъ; не обманывайтесь,—я только старый сосудъ для подагры. Это означаетъ, что она опять сильно захватила меня съ іюня мѣсяца, когда мы вмѣстѣ завтракали съ вами, и съ тѣхъ поръ я лежу. Въ прошлую ночь она поднялась изъ пятки въ колѣно и, вѣроятно, еще не дошла до конца своихъ странствованій. Поэтому, если вы хотите меня видѣть, надо поступить какъ Магометъ: подойти къ горѣ.

«А теперь обнимаю васъ и желаю кучу хорошихъ вещей,—только не подагры.

Вашъ Ив. Тургеневъ».

XLVII.

Буживаль. 1 сентября 1877 г.

«Дорогой другъ!

«Пишу вамъ, чтобы помѣшать итти къ горѣ, если это было у васъ въ мысляхъ. Я рѣшился тащиться на костыляхъ въ Парижъ для консультаціи у д-ра Сэ. Я долженъ былъ отложить это до среды, такъ-какъ онъ проводитъ воскресенье и понедѣльникъ въ Трувиллѣ и не принимаетъ по вторникамъ. Не знаю, когда онъ меня отпуститъ, да мнѣ и немыслимо подняться къ вамъ въ пятый этажъ. И наше свиданіе, обѣдъ

и т. д.—все кануло въ воду! Послѣ сорока лѣтъ весь смыслъ жизни сводится къ одному слову: *отреченіе.*

«Обнимаю васъ и желаю здоровья, дѣятельности и т. д. и т. д.

Вашъ старый И. Т.»

XVLIII.

Буживаль. 5 октября.

«Дорогой другъ!

«Только одно слово, чтобы вы не удивлялись моему молчанію, разныя причины котораго я вамъ объясню при свиданіи. Все это время я былъ въ мрачномъ настроеніи и былъ совершенно неспособенъ къ общенію съ людьми.

«Какъ только будетъ возможно, поѣду васъ навѣстить, предупрежу заранѣе.

«Я ничего не читаю, ничего не дѣлаю и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствую себя прекрасно, благодаря салицилу.

«Свадьба M-lle X. отложена на время.

«Работайте усердно за насъ двоихъ. Обнимаю васъ.

Вашъ вѣрный И. Т.»

XLIX.

Парижъ. 8 ноября 77.

«Мой добрый старикъ!

«Надо все-таки вамъ напасать, хотя-бы только для того, чтобы узнать, сколько времени вы думаете еще остаться въ Кроассэ, ибо я хочу поѣхать васъ навѣстить во что-бы то ни стало!

«Мы уѣхали изъ деревни десять дней тому назадъ и окончательно устроились здѣсь.

«Здоровье мое хорошо, благодаря салициловому натру, который я принимаю два мѣсяца и который кажется пріостановилъ подагру.

«Я, главнымъ образомъ, былъ огорченъ тѣмъ, что разстроился бракъ M-lle X. съ человѣкомъ, которому я покровительствовалъ и котораго очень любилъ. Все это случилось на моихъ глазахъ. Были тутъ и психологическія странности, которыя я желалъ-бы подмѣтить лучше въ другихъ.

«Мы побесѣдуемъ обо всемъ этомъ и еще о многомъ другомъ. Я никого не видалъ и никого не вижу. Зола должно быть вернулся: думаю пойти провѣдать его на дняхъ. Надѣюсь, что вы здоровы и

усердно работаете. Шамро [1]) мнѣ сказалъ, что ваши три разсказа вторично печатаются. Тѣмъ лучше!

«Обнимаю васъ.

Вашъ старый Ив. Тург.».

P.-S.—А политика-то мила! Неправда-ли? Я всегда былъ убѣжденъ, что это министерство останется и что выгодно поставленный чурбанъ сильнѣе цѣлаго народа.

L.

«Мой добрый старикъ!

«Я все въ томъ-же горизонтальномъ положеніи. Съ тѣхъ поръ, что я вамъ писалъ, болѣзнь опять возобновилась. Я больше не страдаю, но начинаю спрашивать себя, какъ пользуются ногами; люди, которые ходятъ съ помощью костылей, мнѣ кажутся колоссами и героями. И мнѣ мнится, что я въ такомъ состояніи для того, чтобы сравняться съ несчастной Франціей, которая тоже не можетъ двинуть ни рукой, ни ногой. Какое положеніе, дорогой другъ! Это невиданная вещь! Паровозъ на всѣхъ парахъ несется къ пропасти, а машинистъ преспокойно почесываетъ себѣ спину или складываетъ руки. И эта ложь, эта наглая ложь, сочащаяся ото всюду, какъ вода изъ мерзлаго полѣна, брошеннаго въ огонь. Повторяю: этого еще никогда не видали.

«M-me Комманвиль была такъ мила и добра, что навѣстила больного. Я нашелъ, что у нея видъ великолѣпный, сіяющій здоровьемъ. Видѣлъ я и Зола, который рѣшительно хочетъ написать пьесу для Сары Бернаръ.

«Только что кончилъ «Набаба». Въ этой книгѣ многое выше Додэ, но и многое *ниже* его. То, что онъ взялъ изъ жизни—превосходно; то, что сочинилъ — жидко, безцвѣтно и даже не оригинально. И несмотря на это, хорошія страницы такъ хороши, что, кажется, я рѣшусь написать ему правдивое письмо, которое его и обрадуетъ, и огорчитъ. А можетъ быть, въ концѣ концовъ, я этого и не сдѣлаю.

«А вы работаете? M-me Комманвиль мнѣ сказала, что да. Тѣмъ лучше. Пользуйтесь временемъ, пока никакой недугъ не привязался къ вамъ. Ибо разъ онъ нагрянулъ, все кончено. Онъ внушитъ вамъ покорность и смиреніе, быть можетъ превосходныя съ христіанской точки зрѣнія, но ни къ чорту негодныя для того, кто можетъ еще что-нибудь сдѣлать.

«Вы возвратитесь къ новому году, неправда-ли? Прощайте, обнимаю васъ.

---

[1]) Мужъ старшей дочери M-me Віардо, владѣлецъ большой типографіи.

«У меня нѣтъ печалей, но нѣтъ и радостей Я себѣ кажусь тѣнью изъ «Елисейскихъ полей» въ «Орфеѣ» Глюка. У меня долженъ быть ихъ взглядъ «глубоко удивленный и глубоко равнодушный», какъ говорилъ Жюль Симонъ, сдѣлавшись министромъ Макъ-Магона. Жюль Симонъ министръ, хорошо придумано?

Вашъ другъ Ив. Тургеневъ».

Письмо, которое Тургеневъ намѣревался послать Додэ, было дѣйствительно послано и авторъ «Набаба» воспроизвелъ его въ своей статьѣ о Тургеневѣ, написанной въ 1883 г. для нью-іоркскаго «Century Magazine». Вотъ оно:

24 мая 1877.

«Дорогой другъ.

«Если я вамъ до сихъ поръ не говорилъ о вашей книгѣ, то потому, что хотѣлъ сдѣлать это обстоятельно, а не довольствоваться нѣсколькими банальными фразами. Я откладываю все это до нашего свиданія, которое, надѣюсь, вскорѣ состоится, такъ какъ Флоберъ возвращается на дняхъ и наши обѣды возобновятся.

«Ограничусь однимъ замѣчаніемъ: «Набабъ»—самая замѣчательная и самая неровная книга, какую вы когда-либо написали. Если «Фромона и Рислера» представить прямой линіей —, то «Набаба» должно представить такъ: и достигнуть верхушекъ этихъ зигзаговъ можетъ только *первостепенный талантъ*.

«Простите, что выражаюсь такъ геометрически.

«У меня былъ очень продолжительный и очень сильный припадокъ подагры. Я только вчера вышелъ въ первый разъ, а ноги и колѣни у меня, какъ у девяностолѣтняго. Боюсь, что сталъ, какъ говорятъ англичане, confirmed invalid (совершенный инвалидъ). Дружескія привѣтствія m-me Додэ, сердечно жму вамъ руку.

Вашъ Иванъ Тургеневъ».

LI.

Парижъ. 14 іюня 78.

«Дорогой другъ!

«Я, дѣйствительно, странное существо, но на этотъ разъ менѣе странное, чѣмъ вы предполагаете.

«Я вамъ говорилъ, что толстякъ Ханыковъ[1]) меня пригласилъ на сегодня. Я-бы могъ отговориться, если-бы онъ не пригласилъ никого ради этого случая... но подумайте, нарочно выписываютъ двухъ математиковъ! У меня репутація уже такъ дурна (относительно точности),

[1]) Старый другъ Тургенева. довольно извѣстный географъ.

что я-бы себя погубилъ на вѣкъ. Читалъ фельетонъ Золя... Что вы хотите? Я его жалѣю. Да, онъ мнѣ внушаетъ сожалѣніе; боюсь, что онъ никогда не читалъ Шекспира. Это въ немъ врожденный недостатокъ, отъ котораго ему не избавиться никогда.

«И такъ до субботы!

«На этотъ разъ ужъ я буду точенъ.

Весь вашъ Ив. Тургеневъ».

LII.

Буживаль. 23 іюня 1878.

«Я тоже, добрый другъ, думалъ, что буду теперь въ Германіи, да ошибся. Я далъ себя втянуть въ этотъ международный конгресъ [1]), который не будетъ имѣть никакого результата, да и не можетъ имѣть его. И я долженъ произносить рѣчи et patati et patata! Мой другъ, какая смѣшная штука совѣщательное собраніе! Напр. Гюго приготовилъ вчера великолѣпную рѣчь; эту рѣчь громко привѣтствуютъ, постановляютъ, какъ въ учредительномъ собраніи, напечатать ее, а пять минутъ спустя вотируютъ резолюцію діаметрально противоположную его рѣчи! И онъ самъ подаетъ голосъ за нее!.. У насъ учреждена коммисія, засѣдающая каждый день (я вице-президентъ ея). Мы топчемся на мѣстѣ, какъ дураки, и я начинаю думать, что мы оказываемся таковыми на самомъ дѣлѣ. Мнѣ это по-уши надоѣло и я бѣгу въ четвергъ въ Карльсбадъ, куда прошу мнѣ писать (К... Богемія, до востребованія). Вода, которую я тамъ буду пить, быть можетъ тоже обманъ, но не такой очевидный.

«Что до васъ, — то отъ всего сердца желаю вамъ здоровья и терпѣнья.

«Видѣлъ Золя на мигъ, онъ купилъ маленькій домъ въ окрестностяхъ Maisons-Lafitte и поселится тамъ.

«Г. Мартенъ, конечно, не великій писатель, но сознайтесь, что видѣть Тэна въ креслѣ Тьера — кажется чудовищнымъ. Я лично очень люблю Мартена и радуюсь его успѣху.

«Обнимаю васъ.

Ив. Тургеневъ».

---

[1]) Въ 1878 г. состоялся въ Парижѣ подъ предсѣдательствомъ Виктора Гюго первый международный литературный конгресъ.

LIII.

Парижъ. 9 ноября 1878.

«Мой старый другъ.

«Послѣ стольких несчастій, вы-ли это Радамистъ? Послѣ такого долгаго молчанія, послѣ поѣздокъ въ Россію, въ Англію, къ чорту,— да, это я; и скажу вамъ, что я водворился въ Парижѣ только со вчерашняго дня, что хочу имѣть извѣстіе о васъ, что вы должны меня увѣдомить, сколько времени вы еще остаетесь въ Круассэ,—такъ какъ полагаю, что вы тамъ, и хочу навѣстить васъ.

«Здоровье мое довольно хорошо и я хожу одинъ совсѣмъ какъ трехлѣтній младенецъ. Сегодня не прибавляю ничего болѣе, ибо чувствую себя очень утомленнымъ и жду отъ васъ отвѣта.

«Обнимаю васъ.

Вашъ Ив. Тургеневъ».

LIV.

Парижъ. 27 ноября 1878.

«Мой дорогой другъ,

«Въ отвѣтъ на вашу маленькую записку, полную раздирающей сердце грусти, я хотѣлъ полетѣть въ Круассэ, и если не сдѣлалъ этого, то только по очень вѣскимъ причинамъ.

«Надо было предать землѣ стараго сорокалѣтняго друга (сорокъ лѣтъ дружбы) Ханыкова, скончавшагося въ Рамбулье въ томъ мрачномъ домѣ, который я видѣлъ.

«На Pére-Lachaise было очень скверно, снизу—грязь, сверху сыпалось что-то вродѣ града или снѣга, а кругомъ непріятный грязный туманъ. Имъ стоило неимовѣрныхъ трудовъ спустить тяжелый громадный гробъ въ разверстую яму. Я сказалъ нѣсколько прощальныхъ словъ надъ этой ямой, стоя на кучѣ жирной и скользкой земли. Говорилъ я съ непокрытой головой и схватилъ довольно сильный насморкъ, который не позволяетъ мнѣ выйти изъ комнаты и ѣхать въ Круассэ. Чувствую себя однако лучше и будущая недѣля не пройдетъ, я увѣренъ, безъ того, чтобы вы не видѣли меня у себя въ Круассэ. Отсюда вижу, какъ скептическая улыбка скользитъ по вашимъ губамъ; и долженъ сознаться, что вы вправѣ такъ улыбаться, но все-таки — увидите!

«Золя еще не возвращался въ Парижъ. Додэ я не видалъ. Гонкуръ приходилъ ко мнѣ вчера, чтобы пропитаться немного мѣстнымъ колоритомъ: южная Россія, цыганскія имена и т. д. Я нашелъ его здоровымъ, немного худымъ, и все съ тѣми-же блестящими, мрачными

и совсѣмъ недобрыми глазами. Онъ говорилъ о васъ съ большой симпатіей.

«Мнѣ исполнилось шестьдесятъ лѣтъ, дорогой старина. Это начало хвоста жизни. Испанская пословица говоритъ, что труднѣе всего содрать шкуру съ хвоста. И въ то-же время это доставляетъ наименьшее удовольствіе и даетъ наименьшій результатъ. Жизнь дѣлается исключительно личной и становишься въ оборонительное положеніе противъ смерти, и это преувеличеніе личности лишаетъ ее интереса, даже для того, о комъ идетъ рѣчь. Но вамъ и безъ того не весело; къ чему прибавлять еще эту мрачную ноту; забудьте, что я сказалъ вамъ. Когда мы увидимся, у меня будетъ много что разсказать вамъ о моихъ двухъ путешествіяхъ: въ Россію и въ Англію. Только заставьте меня болтать.

«Здѣсь всѣ мои здоровы и кланяются вамъ; я-же обнимаю васъ.

«До скораго свиданія. Вы будете предупреждены наканунѣ.

Вашъ Ив. Тургеневъ».

LV.

Парижъ. 7 января 1879 г.

«Что-же, мой другъ, все нѣтъ письма? Впрочемъ, это быть можетъ къ лучшему, потому-что, если-бы вы мнѣ написали недѣли двѣ или десять дней назадъ, я-бы не могъ пріѣхать:—лежалъ въ постели съ подагрой. Припадокъ былъ сильный, но не продолжительный и я вотъ ужъ пять дней, какъ обуваюсь и хожу, какъ обыкновенный человѣкъ. Во всякомъ случаѣ, дайте о себѣ вѣсточку и не забудьте, что вы обѣщали пріѣхать въ Парижъ въ началѣ февраля.

«Наши несчастные обѣды въ дьявольской опасности. Я получилъ записочку отъ Додэ, онъ очень страдаетъ ревматизмомъ въ правой рукѣ. Что касается Золя, то онъ вернулся въ Парижъ четыре дня тому назадъ, и я его только-что видѣлъ, онъ здоровъ и толстъ. Онъ кончаетъ постройку дома въ деревнѣ и черезъ десять дней ставитъ на сценѣ «Assommoir». Онъ обѣщалъ мнѣ кресло для перваго представленія. Воображаю, какой будетъ гвалтъ! Онъ это, впрочемъ, знаетъ, и относится совершенно спокойно. Онъ съ такимъ-же презрѣніемъ относится и къ шуму, который надѣлали его русскія статьи и къ жестокимъ нападкамъ Ульбаха, Кларти и пр.; но я вспоминаю, что вы не получаете никакихъ газетъ у себя и, быть можетъ, ничего не знаете обо всемъ этомъ дѣлѣ; когда увидимся, поговоримъ о немъ, если до тѣхъ поръ все не будетъ уже забыто [1]).

[1]) Статьи Золя, о которыхъ идетъ рѣчь въ этомъ письмѣ, появились сначала въ „Вѣстникѣ Европы", затѣмъ въ «Figaro» (декабрь 1877) и наконецъ были со-

«Меня огорчаетъ, что вы такъ запутались и не можете высвободиться. Но все-таки не слѣдуетъ глодать себя и я счастливъ, что вы трудитесь надъ вашей книгой. Есть, впрочемъ, многое, чего я не понимаю: что вамъ до того, что Шарпантье издаетъ Сару Бернаръ и что въ этомъ могло уколоть васъ? Эта глупо написанная и жалко иллюстрированная Клереномъ книга уже забыта больше, чѣмъ моды прошлаго года. А что скажете вы о томъ, что было третьяго дня?

«M-me Віардо желаетъ вамъ всего хорошаго, а я васъ обнимаю.

Вашъ Ив. Тургеневъ».

LVI.

Парижъ. 11 января 1879 г.

«Дорогой другъ!

«Я поѣду навѣстить васъ, какъ только прекратится эта холодная снѣжная погода, вѣроятно въ концѣ будущей недѣли; конечно, предупрежу васъ заранѣе. Мнѣ тоже очень хочется васъ видѣть и говорить съ вами. Я не зналъ, что M-me Комманвиль возвратилась въ Парижъ; завтра-же отправлюсь къ ней.

«Вы переживаете тяжелое время, дорогой мой бѣдный старикъ, но у васъ есть здоровье, работа и настоящіе друзья,—съ этимъ еще можно жить. Только не грызите самого себя, это единственное, чего человѣкъ не можетъ вынести.

«Вся семья Віардо шлетъ вамъ привѣтъ; я-же обнимаю васъ.

Вашъ Ив. Тургеневъ».

LVII.

Парижъ. 21 января 1879.

«Мой старый другъ.

«Вы, можетъ быть, спрашиваете себя, почему я не подаю признаковъ жизни? Увы, я положительно сталъ калѣкой, и уже не могу ничего предпринимать. Скоро двѣ недѣли, что подагра опять схватила меня и только со вчерашняго дня я хожу по комнатѣ, разумѣется съ по-

---

браны въ одну книгу подъ заглавіемъ: «Натуралистическіе романисты», заключавшую въ себѣ оцѣнки Стендаля, Бальзака, Флобера, Гонкура и Додэ. При своемъ появленіи, эти этюды вызвали такую горячую критику и такія жестокія нападки печати, что г. Барду, министръ народнаго просвѣщенія, готовый, по настоянію Флобера и Додэ, наградить Золя крестомъ Légion d'honneur, долженъ былъ измѣнить свое намѣреніе. Поль Алекси даже разсказываетъ въ своей книгѣ о Золя, что, когда г. Барду предложилъ автора «Assommoir'a» своему начальнику кабинета этотъ торжественно отвѣтилъ: «г. министръ, это невозможно, вы рискуете вашимъ портфелемъ».

мощью костылей. Я не могъ присутствовать на первомъ представленіи «Assommoir'a», который, какъ видно, послѣ необходимыхъ сокращеній, имѣлъ большой успѣхъ доброй старой мелодрамы.

«Вчера я получилъ извѣстіе о смерти моего брата [1]); это доставило мнѣ большое горе, горе ретроспективное и личное. Мы только изрѣдка видѣлись и между нами не было почти ничего общаго, но братъ—это иногда меньше, чѣмъ другъ, но это что-то другое—менѣе сильное и болѣе интимное. Братъ умеръ милліонеромъ, но оставилъ все состояніе родственникамъ жены. На мою долю онъ (какъ писалъ мнѣ), назначилъ въ завѣщаніи 250,000 франковъ. Это приблизительно 20-я часть его состоянія [2])... придется, вѣроятно, отправиться туда немедленно. Это завѣщаніе брата можетъ и испариться! И такъ черезъ 10 дней я, быть можетъ, буду на пути въ Москву. Въ такомъ случаѣ, когда-же мы увидимся? Не слѣдовало-бы ужъ и думать о поѣздкѣ въ Круассэ, а у меня величайшее желаніе васъ видѣть! Неужели, въ самомъ дѣлѣ, вамъ необходимо оставаться тамъ до конца февраля? Какая грустная зима! Ни одинъ кротъ не живетъ замкнутѣе, чѣмъ я. Одиночество, полное одиночество и ничего-недѣланіе—даютъ вамъ предвкушеніе вашей безполезности. Но, терпѣніе!

«Къ счастью, всѣ наши здоровы. Напишите мнѣ два слова. Надѣюсь, что ваша работа идетъ своимъ путемъ.

Обнимаю васъ. Вашъ

Ив. Тургеневъ».

LVIII.

Парижъ, 24 января 1879 г.

«Мой старый другъ!

«Я получилъ ваше письмо, и m-me Комманвиль была такъ любезна, что навѣстила меня вчера. Мы довольно долго бесѣдовали; конечно вы были главнымъ предметомъ нашего разговора. Я нашелъ ее здоровой и въ бодромъ настроеніи. Я отдамъ ей визитъ, какъ только буду въ состояніи ходить безъ палки и, главное, подыматься по лѣстницамъ.

«Можетъ случиться, что путешествіе мое въ Россію будетъ отсрочено; все зависитъ отъ того, какія письма я получу оттуда. Въ такомъ случаѣ, я непремѣнно поѣду въ Круассэ.

. . . .

«Ваша племянница мнѣ сказала, что вы здоровы, а это самое главное.

---

[1]) Старшій братъ Николай.

[2]) Нѣсколько немного рѣзкихъ выраженій пришлось выпустить въ этомъ и слѣдующихъ письмахъ. *Отъ редакціи.*

«Вы не любите гулять, но должны заставлять себя это дѣлать. Я разъ сидѣлъ въ заключеніи (по секрету) болѣе мѣсяца. Комната была маленькая, жара удушливая. Два раза въ день я переносилъ сто четыре карты (двѣ игры), карту за картой, изъ одного конца комнаты въ другой. Значитъ надо было пройти 208 разъ = 416 разъ въ день; разстояніе равнялось 8 шагамъ, всего—3,300 шаговъ, около двухъ километровъ! Пусть этотъ остроумный разсчетъ придастъ вамъ мужества! Въ тѣ дни, когда я не гулялъ—вся кровь приливала мнѣ въ голову.

«Я вырѣзалъ для васъ изъ газеты прилагаемую статью, она мнѣ кажется d'un prud'homme achevè.

Напишу вамъ скоро, какъ только узнаю что-нибудь опредѣленное. Пока обнимаю васъ.

Вашъ Ив. Тургеневъ».

LIX.

19 марта.

«Мой старый другъ!

«Вы должны были сказать себѣ вчера: «Вотъ шутникъ! Не приходитъ на любезное приглашеніе, потому что у него подагра, а на другой день гуляетъ по городу!» Но я все-же не настолько шутникъ; я совсѣмъ не чувствовалъ себя хорошо, когда вышелъ вчера. (Я былъ въ отсутствіи только одинъ часъ, а вы пріѣхали пятью минутами раньше меня).

«Третьяго-же дня мнѣ было такъ плохо, ноги такъ болѣли, я чувствовалъ себя такимъ безсильнымъ, старымъ погибшимъ подагрикомъ, что при одной мысли идти смотрѣть то, что хотѣли намъ показать, я уже впалъ въ черную меланхолію. Я не сомнѣваюсь, что я проскучалъ-бы тамъ—даже хуже этого,—если-бы былъ въ состояніи съ двумя ранами, вмѣсто ногъ, подняться до мастерской.

«Я рѣшилъ остаться у себя, какъ старая жаба въ своей сырой дырѣ. Употреблю всѣ усилія, чтобы дотащиться завтра до васъ. А нѣтъ, такъ прощайте!

«Какъ только буду имѣть возможность сѣсть въ вагонъ, я уѣду; вѣроятно въ концѣ будущей недѣли.

Печально обнимаю васъ.

Ив. Тург.»

LX.

Парижъ.

«Дорогой мой больной [1]).

«Я собирался уѣзжать, когда пришло ваше письмо. Не поѣду сегодня, потому что вы этого не хотите; но мнѣ непремѣнно надо васъ

[1]) Флоберъ сломалъ себѣ ногу.

видѣть,—для себя, а также и для васъ — и уѣду въ понедѣльникъ. Что вы говорите о 2-хъ часахъ? Я пріѣду утромъ и останусь до слѣдующаго дня. Если для меня не найдется постели,—я поѣду ночевать въ Руанъ. Такъ какъ вѣроятнѣе всего, что я уѣду въ Россію черезъ недѣлю, то я непремѣнно желаю повидать васъ передъ отъѣздомъ.

«Почему вы не отвѣтили на мою телеграмму (съ уплаченномъ отвѣтомъ?). Вы продержали меня цѣлый день въ ужасномъ волненіи, также какъ и m-me Віардо, которая велитъ передать вамъ, что она сама не знала, насколько была привязана къ вамъ. Я вчера написалъ m-me Комманвиль и ея отвѣтъ меня успокоилъ. Но она говоритъ только о вывихѣ, а я убѣжденъ, что вы все-таки сломали ногу. Мнѣ снилось, что вы показывали мнѣ мѣсто,—немного ниже праваго колѣна.

«И такъ до понедѣльника; Te volente aut nolente! Надо многое вамъ разсказать и многое услышать отъ васъ.

«Надѣюсь, что къ моему возвращенію изъ Россіи, черезъ шесть недѣль, вы будете совсѣмъ бодры и здоровы. Пока обнимаю васъ.

Вашъ Ив. Тургеневъ».

LXI.

Буживаль, 7 августа 1879.

«Дорогой другъ!

«Въ самомъ дѣлѣ, я слишкомъ долго не имѣю отъ васъ извѣстій. Напишите мнѣ два слова о томъ, что вы дѣлаете, какъ поживаете и т. д. и т. д. Что касается до меня, то физически я чувствую себя очень хорошо; а о состояніи души моей вы можете себѣ составить точное понятіе, приподнявъ крышку помойной ямы и заглянувъ туда...

«Всѣ наши шлютъ вамъ дружескій привѣтъ. Я также присоединяюсь къ нимъ изъ глубины моего spleen'а—потому что очень люблю васъ. Вы это знаете.

Вашъ Ив. Тургеневъ».

LXII.

Буживаль. 30 августа 79.

«Мой старый другъ.

«Я согласенъ и буду ждать сигнала, чтобы летѣть къ вамъ.

«У меня дѣйствительно есть намѣреніе поѣхать въ Россію, но не для того, чтобы работать, нѣтъ! а просто для того, чтобы подышать роднымъ воздухомъ какъ марселецъ. Это рѣшеніе вывело меня изъ нервнаго раздраженія, въ которомъ я изнывалъ, выражаясь à la prud'homme. Смѣйтесь, если хотите но мысль погрузиться, по горло въ

эту грязную лужу—успокоила меня. Вотъ что значитъ человѣческая природа! сказалъ-бы тотъ-же prud'homme.

«Я долженъ былъ обѣщать маленькій разсказъ въ десять страницъ m-me Аданъ и я позволилъ себѣ сказать, что разсчитывалъ представить этотъ капитальный трудъ на вашу провѣрку. Теперь вы предупреждены; въ концѣ ноября я нападу на васъ съ моей рукописью.

«Мнѣ также хочется познакомиться съ философіей Б. и П. [1]) Все это зависитъ отъ васъ. Жду, а въ ожиданіи обнимаю васъ.

Вашъ Ив. Тургеневъ».

P.-S.—Я прочиталъ первые фельетоны Додэ: «Короли въ изгнаніи».

LXIII.

«Дорогой другъ!

«Прошлой ночью моя нога опять распухла и я снова прикованъ къ своему креслу. Я не увѣренъ, что могу ѣхать послѣ-завтра, но во всякомъ случаѣ не могу выйти сегодня.

«Возвращаю вамъ вашу рукопись. Если увидите Зола, то скажите ему, что я пришлю ему сюжеты для фельетоновъ, какъ только повидаюсь и переговорю со Стасюлевичемъ. А пока вотъ какая мысль мнѣ пришла въ голову: что-бы ему написать психологическій этюдъ закулисной стороны парижской журналистики? Это не было-бы злобой дня, но могло-бы выйти любопытнымъ. Публика лакома на такія вещи. Ну прощайте и до свиданія въ лучшее время. Обнимаю васъ.

Ив. Тургеневъ».

P.-S.—Мой дружескій привѣтъ m-me Комманвиль и ея мужу.

LXIV.

Буживаль. 13 ноября 79.

«Дорогой, добрый старикъ!

«Я лично доставлю вамъ въ Круассэ корректуры моей маленькой вещицы [2]). Это будетъ въ началѣ декабря, такъ какъ самая вещь появится только въ книгѣ отъ 15 числа. Вы будете предупреждены за двадцать-четыре часа.

«Знаете, что вотъ шесть дней, какъ мы читаемъ съ восхищеніемъ и восторгомъ «Сантиментальное воспитаніе»? Послѣ другихъ нашихъ чтеній (правда, что въ томъ числѣ были романы изъ «Revue de Deux Mondes»,—этимъ все сказано) оно кажется намъ удивительнымъ! Но

[1]) Буваръ и Пекюше.

[2]) „M-r François“, воспоминаніе о 1848 г., появился въ «Nouvelle Revue» 15 декабря 1879 г.

и въ немъ, однако, есть ошибка, единственная, — это описаніе пѣнія M-lle Арну: 1) такая, какой себѣ представляешь ее, она должна былабы пѣть иначе и не то; 2) контральто не можетъ искать эффектовъ на высокихъ нотахъ, а третья нота еще выше двухъ первыхъ, 3) надо было точнѣе опредѣлить въ музыкальномъ отношеніи то, что она поетъ, иначе получается впечатлѣніе неопредѣленное и даже нѣсколько комическое, а вы этого не хотѣли, не правда-ли? Но вы помните классическій стихъ: Ubi plura nihil in carmine... и т. д., и я желаю Б. и П. необходимое для ихъ великаго благочестиваго дѣла смиреніе, ибо чѣмъ оно будетъ больше, тѣмъ бодрѣе воспрянутъ они потомъ.

«Здоровье мое хорошо, подагра молчитъ, но въ домѣ всегда есть больные. Я передалъ Віардо ваши милыя слова и они благодарятъ васъ за нихъ. Дружески обнимаю васъ.

Вашъ Ив. Тургеневъ».

LXV.

Буживаль. 23 ноября 79.

«Мой добрый старикъ.

«Конечно, я пріѣду въ Круассэ 12-го, съ двумя бутылками шампанскаго въ рукахъ, чтобы отпраздновать . . . который годъ вашего существованія? Ровно двѣ недѣли тому назадъ, 9-го ноября, мнѣ исполнилось 61 годъ.

«Вы получите корректуры моей вещи, предназначенной для «Nouvelle Revue» въ первыхъ числахъ декабря; судите строго, если найдете что-нибудь не совсѣмъ удачное.

«Я, какъ и вы, одинъ изъ учредителей праздника въ пользу потерпѣвшихъ наводненіе въ Мурціи. (Этотъ праздникъ назначенъ на 11-е ноября). Намъ только придется,—я полагаю, что вы примете приглашеніе,—надѣть фракъ, бѣлый галстухъ и почтить праздникъ нашимъ присутствіемъ, съ маленькимъ оригинальнымъ украшеніемъ въ петлицѣ. Вы видите, что это не трудно. Вамъ для этого надо-бы послать ваше согласіе на приглашеніе и затѣмъ пріѣхать въ Парижъ 11-го или 10-го вечеромъ, а вернулись-бы мы въ Круассэ вмѣстѣ 11-го вечеромъ, или рано утромъ. Voilà.

«Мы продолжаемъ читать въ семьѣ «Сантиментальное воспитаніе» и все такъ-же восхищаемся имъ.

«Нѣтъ, *Нана* не имѣетъ успѣха, хотя нѣсколько дней тому назадъ и были въ ней двѣ очень милыхъ главы. Въ общемъ—это скучно и,—что особенно не понравилось-бы Золя,—эта вещь совсѣмъ не наивна и чертовски тенденціозна.

[1]) Флоберъ родился 21 декабря 1821 г. Ему было значитъ въ это время 58 лѣтъ.

«У меня завтра свиданіе съ вашей племянницей. Я покидаю деревню въ концѣ этой недѣли.

«До скораго свиданія. Обнимаю васъ.

Вашъ Ив. Тург.».

LXVI.

Парижъ. 2 декабря 79.

«Вотъ, мой старый другъ, когда сваливается вамъ на голову та тяжелая работа, о которой я говорилъ вамъ. И вотъ, что я прошу отъ вашей дружбы: прочитайте этотъ пустячокъ [1]), поправьте, измѣните, выпустите, что хотите и возвратите его мнѣ завтра, если возможно! Буду вамъ признателенъ до послѣднихъ предѣловъ.

«Я два дня уже какъ вернулся въ Парижъ. Вы мнѣ не сказали, одобряете-ли мой планъ для васъ—пріѣхать сюда 11-го? Во всякомъ случаѣ, я провожу день 12-го числа въ Круассэ. Это дѣло рѣшеное.

«Тысячу разъ благодарю заранѣе и обнимаю васъ.

Ив. Тург.

LXVIII.

Парижъ.

«Мой старый другъ.

«Икра и семга были отправлены четыре дня тому назадъ по адресу Пилона въ Руанъ, Гаврская набережная, для передачи г-ну Г. Ф. (Этотъ адресъ мнѣ данъ Комманвилемъ). Наведите должныя справки. Я особенно пожалѣлъ-бы о потерѣ семги, которая была великолѣпна.

«Теперешній холодъ леденитъ меня и притупляетъ умъ. Однако, я ужъ началъ готовиться къ отъѣзду. Разъ вино (какое вино!) откупорено, надо его выпить.

«Скоро вышлю вамъ романъ въ трехъ частяхъ Льва Толстаго [2]), котораго я считаю первымъ современнымъ писателемъ.

«Вы знаете, кто по моему могъ-бы потягаться съ нимъ? Къ несчастію, переводъ сдѣланъ русской дамой, а я вообще боюсь дамъ,— переводчицъ въ особенности, когда дѣло касается такого мощнаго писателя, какъ Толстой.

«Пока обнимаю васъ.

Вашъ И. Т.»

---

[1]) «Monseur François».—«Человѣкъ въ сѣрыхъ очкахъ»

[2]) Война и миръ.

(Въ письмѣ къ Льву Толстому отъ 12 января 1880 г. Тургеневъ сообщаетъ автору «Война и миръ» отрывокъ изъ отвѣта Флобера, касающійся этого произведенія. Считаемъ интереснымъ воспроизвести его здѣсь:

«Благодарю, что дали мнѣ возможность прочитать романъ Толстого. Это первоклассное произведеніе! Какой художникъ и какой психологъ! Первыя двѣ части восхитительны, но третья значительно ниже. Онъ повторяется и философствуетъ! Словомъ, виденъ баринъ, авторъ и русскій человѣкъ, тогда какъ до тѣхъ поръ видны были только природа и человѣчество. Мѣстами, по моему, встрѣчаются вещи à la Шекспиръ.

«Я громко выражалъ свой восторгъ во время этого чтенія... а оно продолжительно! Да это сильно! очень сильно!»)

LXVIII.

Парижъ. 24 января 1880.

«Мой старый другъ!

«Вы и представить себѣ не можете, какое удовольствіе мнѣ доставило ваше письмо и то, что вы говорите о романѣ Толстого.

«Ваше одобреніе подкрѣпляетъ мой взглядъ на него. Да, это мощный человѣкъ, и все-таки вы попали въ его больное мѣсто. Онъ создалъ себѣ философскую систему мистическую, дѣтскую и дерзкую въ одно и то-же время и она, чортъ знаетъ, какъ испортила его второй романъ, написанный послѣ «Войны и Мира» и въ которомъ тоже есть вещи совершенно изъ ряда выходящія [1]). Не знаю, что скажутъ гг. критики (я послалъ «Войну и Миръ» также Додэ и Золя), но для меня вопросъ рѣшенъ: Flaubertus dixit. Все остальное не имѣетъ значенія» [2]).

«Я радъ что ваши старички подвигаются впередъ:

«Я уѣзжаю изъ Парижа на будущей недѣлѣ, но не уѣду не напомнивъ вамъ о себѣ. Пока-же обнимаю васъ

Вашъ

Ив. Тургеневъ,

---

[1]) Въ одномъ изъ предшествующихъ писемъ Льву Толстому Тургеневъ ему говоритъ, что послалъ экземпляры «Войны и Мира» Г. Тэну, Ед. Абу, Андрэ Теріе и др., а къ письму отъ 12 января 1880 г. онъ прибавилъ статью «XIX вѣка» (которымъ тогда завѣдывалъ Ед. Абу) о романѣ Толстого. Объ особомъ стараніи Тургенева ознакомить Францію съ произведеніями своего знаменитаго русскаго собрата будетъ сказано ниже.

[2]) «Анна Каренина».

LXIX.

Парижъ.
Среда, утромъ.

«Мой старый другъ.

«Шпроты прiѣдутъ только черезъ недѣлю; посылаю вамъ пока другую шведскую рыбу, которая, впрочемъ, не стоитъ шпротовъ.

«Обѣ книги отправляются сегодня и сегодня-же я увижу вашу племянницу.

«Три главы, которыя вы прочли мнѣ, доставили мнѣ величайшее удовольствiе, особенно 2-я и 3-я [1]).

«Работайте бодро, воспряньте духомъ и прiѣзжайте сюда, какъ только вамъ будетъ возможно.

«Пока я тоже постараюсь работать; обнимаю васъ.

Вашъ Ив. Тургеневъ».

LXX.

14 марта.

«Мой старый другъ.

«Сейчасъ написалъ принцессѣ Матильдѣ, что не могу быть у нея на обѣдѣ. Я очень огорченъ. Это настоящая незадача, но я положительно никуда показаться не могу. Выйду въ первый разъ, чтобы отправиться къ зубному врачу и сейчасъ-же возвращусь домой. Сегодня ночью у меня были опять сильныя невралгическiя боли.

«Прошу васъ, скажите принцессѣ, что все это, къ несчастiю, правда.

«Еще одно: Стасюлевичъ мнѣ пишетъ, что, разсудивъ хорошенько, онъ предпочитаетъ помѣстить обѣ легенды въ одной книжкѣ 1|13 апрѣля. Это его дѣло и онъ, можетъ быть, правъ. Я написалъ маленькое предисловiе. Это ничего не мѣняетъ въ здѣшнемъ изданiи. Стасюлевичъ говоритъ, что такъ какъ «Иродiада» одной длины со «Св. Юлiаномъ», то онъ сейчасъ-же сдѣлаетъ разсчетъ и пришлетъ деньги. (Я косвеннымъ образомъ далъ ему понять, что вы противъ этого ничего не имѣете).

«Меланхолически жму вашу руку.

Вашъ Ив. Тургеневъ».

---

[1]) Рѣчь идетъ о трехъ главахъ «Буваръ и Пекюшэ», послѣднемъ произведенiи Флобера, окончить которое помѣшала смерть.

LXXI.

Парижъ. Суббота, утромъ.

«Мой старый другъ.

«На этотъ разъ вы навѣрное обзовете меня и вялой грушей, и тряпкой, и отрепьемъ и т. д., и вы будете правы. Однако, раньше чѣмъ бить, выслушайте меня (въ этомъ я отличаюсь отъ Ѳемистокла). Всѣ мои уѣзжаютъ сегодня и я былъ-бы свободенъ, но Поль Віардо [1]) даетъ завтра свой концертъ, на которомъ мнѣ невозможно не присутствовать. Во вторникъ вечеромъ у меня чтеніе (въ нашемъ обществѣ покровительства русскимъ художникамъ) съ благотворительной цѣлью. Я, значитъ, могъ-бы пріѣхать въ среду; но за сарданапальскимъ обѣдомъ, даннымъ намъ Золя третьяго дня, было рѣшено, что онъ, Додэ, Гонкуръ и я, поѣдемъ къ вамъ въ воскресенье (не завтра, а черезъ недѣлю). Мы пріѣдемъ къ завтраку: они уѣхали-бы вечеромъ, а я остался-бы съ вами весь день въ понедѣльникъ. Теперь, такъ какъ вы вправѣ мнѣ болѣе не довѣрять, я любезно подчиняюсь вашимъ поношеніямъ, но думаю, что на этотъ разъ ужъ перемѣны не будетъ.

Обнимаю васъ.

Вашъ Ив Тургеневъ».

Письма къ м-мъ Комманвиль.

I.

Буживаль, 19 августа 1873.

«Madame.

«Первую записку, которую вы изволили написать мнѣ, я получилъ только по возвращеніи моемъ изъ Карльсбада въ Парижъ; я разсудилъ, что было-бы слишкомъ поздно отвѣчать на нее; съ тѣмъ большей поспѣшностью отвѣчаю на полученное мною сейчасъ письмо.

«Вы читаете меня, очевидно, съ слишкомъ большой снисходительностью, но то, что вы говорите мнѣ, все-таки доставляетъ мнѣ громадное удовольствіе и я горжусь такимъ одобреніемъ. Ваше сужденіе о «Вешнихъ Водахъ» совершенно справедливо; что-же касается второй части, которая ни достаточно мотивирована, ни особенно нужна, то я въ ней увлекся воспоминаніями.

«Я намѣреваюсь съѣздить въ Круассэ между 10 и 15 сентября; не проѣдете-ли и вы туда въ это время?

[1]) Сынъ m-me Віардо.

«По возвращеніи въ Парижъ, надѣюсь васъ часто видѣть.

«Передайте, пожалуйста, отъ меня дружескій привѣтъ m-r Комманвилю и примите выраженіе самой горячей симпатіи отъ преданнаго

Вамъ Ив. Тургенева.

II.

Парижъ. Суббота, утромъ.

«Увы, дорогая m-me Комманвиль, я не могу быть у васъ сегодня вечеромъ. Вмѣсто того, чтобы провести пріятно часъ въ обществѣ вашемъ и Гете, я долженъ отправиться скучать (это между нами) въ концертъ m-me Гарвади, на которомъ не могу не присутствовать въ силу вѣскихъ причинъ.

«Назначьте мнѣ другой день (исключая завтра) и я буду счастливъ предоставить себя въ ваше распоряженіе.

Преданный вамъ Ив. Тургеневъ».

III.

«Дорогая m-me Комманвиль!

«Человѣкъ предполагаетъ, а подагра располагаетъ. Рѣшилъ сегодня зайти къ вамъ, такъ-какъ по средамъ васъ можно застать, да со вчерашняго утра я лежу съ распухшимъ колѣномъ и не имѣю возможности двигаться. Вѣрьте, что я очень сожалѣю объ этомъ. Надѣюсь, что она не продлится слишкомъ долго и что скоро я буду въ состояніи заѣхать къ вамъ, чтобы поздравить васъ съ новымъ годомъ и выразить мою искреннюю вамъ преданность.

Ив. Тургеневъ».

«P.S. Дружескій привѣтъ m-r Комманвилю».

IV.

Буживаль. 26 августа 1879 г.

Дорогая m-me Комманвиль!

«Вы очень любезны, что высказываете мнѣ столько участія и поздравляете меня съ назначеніемъ, о которомъ я, конечно, не просилъ, и которое даже не очень хорошо понимаю; что собственно значитъ «officier d'instruction publique?» Это, оказывается, даетъ право носить лиловую ленточку,—лиловую, а не красную. Я прицѣплю ее къ моему ярко-красному одѣянію доктора оксфордскаго университета; эти два цвѣта очень подойдутъ одинъ къ другому.

«Вы ничего мнѣ не говорите ни о вашемъ здоровьѣ, ни о вашихъ работахъ; позволяю себѣ заключить изъ этого, что все идетъ хорошо. Долго-ли вы остаетесь въ Круассэ? Я долженъ написать письмо вашему дядѣ, все это время я совсѣмъ не былъ въ настроеніи писать письма. Поцѣлуйте его отъ меня. Я думаю, что могу вамъ дать это порученіе, и примите сердечное и дружеское рукопожатіе отъ преданнаго вамъ

Ивана Тургенева».

V.

Парижъ. Четвергъ, утро.

«Какое ужасное несчастіе! [1]) Я тотчасъ-же телеграфировалъ Флоберу съ оплаченнымъ отвѣтомъ и не получилъ отвѣта, что меня очень безпокоитъ. Поѣду завтра въ Круассэ. Можете-ли вы мнѣ дать какую-нибудь вѣсточку?

«Я написалъ на адресѣ m-r или m-me, потому что полагаю, что кто-нибудь изъ васъ уѣхалъ въ Круассэ. Извините несвязность этой записки. Тысячу привѣтствій.

Ив. Тургеневъ.

V.

Парижъ. Суббота.

«Тысячу разъ благодарю васъ за письмецо, дорогая m-me Комманвилль. Я чувствую себя немного лучше, т.-е. хожу на костыляхъ, но еще не знаю, когда буду въ состояніи выйти изъ дому. Первый мой визитъ будетъ, конечно, вамъ. Шлю вамъ и m-r Комманвилю дружескій привѣтъ.

Преданный вамъ Ив. Тургеневъ».

VII.

Буживаль. 23 ноября 1879 г., воскресенье.

«Дорогая m-me Комманвиль!

«Я еще въ деревнѣ и получилъ ваше письмо только вчера вечеромъ. Боюсь, что «будущее воскресенье» уже наступило сегодня и что свѣдѣнія, которыя вы у меня спрашиваете и которыя я съ восторгомъ доставилъ-бы отцу Дидону, уже опоздаютъ. Все-же, поѣду завтра въ Парижъ и зайду къ вамъ около 4-хъ часовъ; во всякомъ случаѣ буду имѣть удовольствіе видѣть васъ, если и не могу быть полезнымъ о. Дидону.

«Примите увѣреніе въ моей искренней преданности.

Ив. Тургеневъ.

---

[1]) Флоберъ сломалъ себѣ ногу, какъ это видно было изъ предъидущихъ писемъ

VIII.

Спасское. Орловской губ., г. Мценскъ.
27—15 мая 1880 г.

«Дорогая m-me Комманвиль!

«Я очень благодаренъ вамъ, что вы—въ вашемъ горѣ—подумали обо мнѣ. Смерть вашего дяди была однимъ изъ величайшихъ огорченій, которыя я испыталъ въ жизни; я не могу свыкнуться съ мыслью, что не увижу его болѣе [1]). Я узналъ объ этомъ страшномъ горѣ самымъ жестокимъ образомъ, нѣсколько дней тому назадъ, прямо изъ газеты. Съ тѣхъ поръ я много о васъ думалъ съ глубокимъ сожалѣніемъ и самымъ теплымъ сочувствіемъ. Въ подобномъ горѣ не желаешь утѣшенія.

«Я возвращусь въ Парижъ черезъ три недѣли, сейчасъ-же явлюсь къ вамъ и отдамъ себя въ полное ваше распоряженіе—для изданія-ли этого романа, который его погубилъ, или для чего бы то ни было. Я чувствую, что перенесъ на племянницу Флобера часть той любви, которую я питалъ къ нему.

«До скораго свиданія, значитъ, а пока нѣжно жму вамъ руку и остаюсь навсегда преданный вамъ.

Ив. Тургеневъ».

IX.

Буживаль. 22 іюля 80.

«Дорогая m-me Комманвиль.

«Я очень жалѣю, что не видалъ васъ въ Парижѣ, но не я виноватъ въ этомъ. Ваше письмо отъ 15 іюля я получилъ только въ Парижѣ послѣ полудня; уже не было возможности послать вамъ телеграмму. Я пошелъ на удачу въ улицу Faubourg-St.-Honoré, а въ пять часовъ долженъ былъ возвратиться въ Буживаль. Наше свиданіе, значитъ, поневолѣ отложено на мѣсяцъ.

«Что-же касается предложенія на должность 2-го вице-президента въ этомъ комитетѣ [2]), то я не только принимаю его, но и счастливъ, что подумали обо мнѣ. Это мой долгъ по отношенію къ бѣдному дорогому другу, котораго я не забуду никогда. Предоставляю себя въ ваше полное распоряженіе для всего, что касается Флобера.

«Вы очень удивили меня вопросомъ о философіи въ Россіи. Я долженъ вамъ сказать, что ею занимаются страшно мало; недавно два молодыхъ писателя написали объ этомъ двѣ книги; уже давно не видали подобныхъ произведеній. И что-же! одинъ изъ этихъ писателей сошелъ съ ума, а другой сойдетъ не сегодня-завтра.

[1]) Флоберъ умеръ въ Круассэ, 8 мая 1880 г.

[2]) Комитетъ, организованный для сооруженія памятника Флоберу.

«Религіозные вопросы, волнующіе Россію, не имѣютъ ничего общаго ни съ философіей, ни съ литературой.

«До свиданія, черезъ мѣсяцъ. Напишите одно слово и я пріѣду тотчасъ-же въ Парижъ. Сердечно жму вамъ руку и остаюсь весь вашъ.

Ив. Тургеневъ».

X.

Буживаль. 11 ноября 80.

«Дорогая m-me Комманвиль,

«Я очень жалѣю, что мое письмо васъ огорчило; но посудите сами— m-r Комманвиль беретъ на себя возобновленіе переговоровъ съ m-me Аданъ; онъ меня уполномочиваетъ заключить условія отъ имени семьи; я отправляюсь туда, устраиваю все, по возможности лучше, и вдругъ все считается какъ-бы не состоявшимся; это ставитъ меня въ довольно фальшивое положеніе по отношенію къ m-me Аданъ. И я не вижу для чего мнѣ опять возвращаться къ ней. Пусть m-r Комманвиль увѣдомитъ ее, что онъ окончательно принимаетъ ея предложенія и все будетъ заглажено.

«Я получилъ списокъ состава комитета; все отлично; боюсь только, чтобы В. Гюго не отказался отъ засѣданія вмѣстѣ съ Золя. Я назначилъ свиданіе Мопассану въ субботу, въ Парижѣ; мы рѣшимъ, какъ это устроить. Я, вѣроятно, - отправлюсь къ Гюго.

«Остался я здѣсь совсѣмъ одинъ; хочу попробовать поработать.

«Въ среду водворюсь въ Парижѣ: 50, улица Дуэ.

«Что касается васъ, дорогая m-me Комманвиль. то будьте увѣрены, что я преданъ вамъ не только какъ племянницѣ моего бѣднаго друга, но и какъ особѣ, внушающей мнѣ самое сердечное чувство уваженія и симпатіи. Прошу васъ передать вашему мужу дружескій привѣтъ и примите увѣреніе въ совершенной моей преданности.

Ив. Тургеневъ».

P.-S.—Я сообщу вамъ результатъ моихъ переговоровъ съ Мопассаномъ [1]).

(Продолженіе писемъ И. С. Тургенева (2-я серія) появится въ журналѣ «Cosmopolis» только въ январѣ 1897 г. и будетъ своевременно напечатано на русскомъ языкѣ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ»).

Редакція.

[1]) Въ началѣ этого письма Тургеневъ намекаетъ на легкое недоразумѣніе, происшедшее по поводу печатанія посмертнаго произведенія Густава Флобера «Буваръ и Пекюшэ» въ «Nouvelle Revue». Разногласіе, однако, вскорѣ было улажено Тургеневымъ, какъ видно изъ записки къ m-me Комманвиль отъ 29 ноября 1880 г., которая гласитъ: «Вотъ условіе, надлежащимъ образомъ подписанное. Другой экземпляръ остался въ рукахъ m-me Аданъ. Она проситъ m-r Комманвиля принести ей рукопись завтра въ $3^1/_2$ ч. Я очень радъ, что это дѣло устроилось и дружески жму вашу руку».

Виллямъ Моррисъ, пѣвецъ „земного рая“.

3-го октября (н. с.) умеръ въ Лондонѣ поэтъ Вилльямъ Моррисъ, еще сравнительно не старымъ—ему было 62 года, и всякій, кому приходилось видѣть бодраго, красиваго и живого старика, мысленно причислялъ его къ тѣмъ долголѣтнимъ общественнымъ дѣятелямъ, которыхъ много въ высоко-культурной Англіи, гдѣ жизнь такъ сложна и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ упорядочена. Но Вилльямъ Моррисъ составилъ исключеніе среди своего поколѣнія. Англійскія газеты послѣднихъ дней полны подробностями о его смерти, вызванной переутомленіемъ за послѣдніе годы жизни поэта. Еще послѣдніе мѣсяцы онъ посвятилъ лихорадочной дѣятельности, предшествовавшей открытію выставки Arts and Crafts society, имъ-же основанной и процвѣтающей подъ его вѣдѣніемъ и вліяніемъ. Выставка открылась,—на большинствѣ витринъ, гдѣ собраны образцы декоративнаго искусства, фигурируетъ имя Морриса и его ближайшихъ сотрудниковъ,—но въ самый день открытія выставки главнаго устроителя, Морриса, не стало.

Если принять во вниманіе все разнообразіе жизни Морриса, сдѣлавшее его крупной величиной въ весьма различныхъ областяхъ художественнаго творчества и общественной дѣятельности, то не мудрено, что смерть его произошла отъ переутомленія. Великъ былъ источникъ духовныхъ силъ у этого свѣтлаго и жизнерадостнаго дѣятеля, но силамъ его долженъ былъ наступить преждевременный конецъ. Со смерти Морриса современная англійская поэзія теряетъ одного изъ своихъ самыхъ яркихъ представителей. Но не одна литература будетъ скорбѣть о его смерти. Въ практической жизни Англіи Моррисъ былъ творцомъ чуждаго ей дотолѣ элемента—красоты. Благодаря Моррису, угрюмый, непривѣтливый Лондонъ, покрытый копотью фабричныхъ трубъ, сдѣлался источникомъ своеобразной, напоминающій далекую Италію, красоты. Практичнымъ, дѣловитымъ англичанамъ Моррисъ съумѣлъ внушить стремленіе

къ артистическимъ формамъ и рамкамъ жизни. Силою своего таланта и своей личной энергіей онъ создалъ и довелъ до необычайной высоты декоративное искусство, радикально измѣнивъ этимъ путемъ внѣшнюю физіономію англійской жизни. Богатство и общительность его сильной натуры помогло ему создать вокругъ себя цѣлую школу учениковъ, такъ что съ его смертью не прекратится начатое имъ движеніе. Кромѣ того, за послѣдніе годы Моррисъ выступилъ еще и на совершенно иномъ поприщѣ, казалось-бы, не имѣющимъ ничего общаго ни съ поэзіей, ни съ искусствомъ, но, на самомъ дѣлѣ, какъ Моррисъ его понималъ, тѣсно съ ними связаннымъ. Морисъ былъ крупнымъ дѣятелемъ въ рядахъ англійскихъ политическихъ агитаторовъ въ рабочемъ вопросѣ. Смерть его опечалила не однихъ поэтовъ и художниковъ. О ней говорилось въ тотъ-же день на митингѣ лондонскихъ кэбмэновъ. Предсѣдатель митинга, извѣстный Бёрнъ Джонсъ, посвятилъ памяти своего умершаго друга рѣчь, въ которой обрисовалъ его значеніе для рабочаго дѣла.

Сочетая въ своей дѣятельности изысканнаго поэта, практическаго дѣятеля въ области искусства и, наконецъ, соціальнаго дѣятеля и внося во всѣ эти различныя области необычайную свѣжесть духа, творческую силу и оригинальность, Вильямъ Моррисъ кажется человѣкомъ какой-то иной жизнерадостной поры. На будничномъ фонѣ лондонской суеты онъ выдѣляется, какъ фигура изъ Елизаветинской эпохи, когда творческія силы англійскаго народа били ключемъ и когда даже мрачныя стороны жизни вызывали не апатію и пессимизмъ, а бодрое противодѣйствіе молодыхъ силъ націи. Эта жизнерадостность, основанная на избыткѣ силъ, и внутренній свѣтъ души, полной вѣры въ себя, составляютъ отличительныя черты Морриса и дѣлаютъ его жизнь образцомъ высшей культуры, вносящей идеализмъ порывовъ въ самую жизнь съ ея практическими задачами.

Вильямъ Моррисъ родился въ 1834 году, въ окрестностяхъ Лондона и, получивъ первое образованіе въ мѣстной школѣ, отправился потомъ въ Оксфордъ, гдѣ въ возрастѣ 22 лѣтъ получилъ ученую степень. Время пребыванія Морриса въ университетѣ совпадаетъ съ оживленіемъ религіозныхъ движеній подъ вліяніемъ кардинала Ньюмана и созданнаго имъ неокатолицизма. Впечатлительный Моррисъ подпалъ подъ религіозныя вѣянія университетской среды и даже одно время серьезно готовился къ духовной карьерѣ. Но необычайная любовь къ искусству и дружба съ Бёрнъ-Джонсомъ, его товарищемъ по университету, и нѣсколькими другими художниками, будущими членами прерафаэлитскаго братства, заставили Морриса отказаться отъ первоначальнаго плана и всецѣло посвятить себя эстетическимъ цѣлямъ. Во время пребыванія въ университетѣ это привело къ изданію журналовъ, посвященныхъ вопросамъ

искусства. Студенческій журналъ Морриса носилъ названіе «Oxford and Cambridge Chronicle» и заключалъ зародыши эстетическихъ теорій Морриса. Болѣе широкое и полное освѣщеніе онѣ получили въ другомъ журналѣ «The Oxford and Cambridge Magazine», который Моррисъ сталъ издавать по окончаніи университета, въ 1856 году. Вмѣстѣ съ другимъ журналомъ «The Germ», издаваемымъ главнымъ образомъ братьями Россети, этотъ журналъ сталъ первымъ органомъ прерафаэлитизма и въ немъ уже вполнѣ ярко выразилась артистическая личность Морриса. Онъ помѣщалъ въ журналѣ поэтичные разсказы изъ средне-вѣковой жизни, а также кой-какія теоретическія статьи о новомъ пониманіи задачъ искусства. Въ этихъ первыхъ шагахъ, пока только въ области чисто литературной, намѣчено уже то, что Моррисъ призванъ былъ дать культурной жизни своей страны. Въ его первыхъ разсказахъ и стихахъ сказывается отличавшій все позднѣйшее его творчество «медивіализмъ.» Его увлекали средніе вѣка или, вѣрнѣе, конецъ ихъ, близкій къ первой эпохѣ возрожденія. Въ нихъ онъ видѣлъ воплощеніе истинной красоты, которую мечталъ привить своему времени. Но страннымъ образомъ эта любовь къ чисто духовнымъ, мистическимъ идеаламъ средневѣкового искусства и поэзіи сочеталась у Морриса съ практической жилкой, дѣлавшей его вполнѣ англичаниномъ XIX столѣтія. Онъ увлекался не только какъ художникъ свободной и интенсивной жизнью итальянскихъ городовъ въ XIII и XIV вѣкѣ или сказаніями о сильныхъ характерахъ національной исторіи. Въ этомъ далекомъ прошломъ онъ видѣлъ урокъ для будущаго. Ему казалось возможнымъ создать новое возрожденіе въ той самой Англіи, которая такъ долго была родиной утилитарныхъ ученій. Ему казалось, что искусство и жизнь не составляютъ двухъ чуждыхъ другъ другу міровъ и что великая задача будущаго—въ томъ, чтобы внести эстетическія задачи въ практическую жизнь, чтобы сдѣлать жизнь радостной и желанной, т. е. красивой. Внутренній процессъ такого сліянія современныхъ общественныхъ идеаловъ съ забытыми требованіями красоты можетъ быть достигнутъ лишь философскимъ путемъ, но путь этотъ былъ чуждъ непосредственному жизнерадостному художнику. Моррисъ ограничилъ кругъ своей дѣятельности живой дѣйствительностью, которая прежде всего, по его мнѣнію, нуждалась въ эстетической реформѣ. Ему казалось, что если люди будутъ жить въ красивыхъ домахъ, если глаза ихъ будутъ останавливаться только на красивомъ, если мысли ихъ будутъ направлены на то, чтобы производить красивое, если наслаждаться красотой и создавать красоту для другихъ будетъ задачей всякаго, то измѣнится и внутренняя жизнь и дѣла людскія будутъ проникнуты любовью, а не враждой, гармоніей, а не страданіемъ. Эта вѣра сдѣлала Морриса одновременно дѣятелемъ на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ. Съ одной стороны, онъ стремился поднять ху-

дожественный вкусъ своихъ современниковъ и практически выполнялъ это путемъ развитія прикладного декоративнаго искусства. Съ другой стороны, онъ стремился создать тѣ условія, безъ которыхъ немыслимо царство красоты, грезившейся ему. Пока въ мірѣ будетъ господствовать неравномѣрное распредѣленіе труда, пока одни будутъ батраками другихъ, пока для удовлетворенія грубыхъ прихотей меньшинства толпы рабочихъ будутъ сверхъ силъ работать въ удушливыхъ фабрикахъ, пока такимъ образомъ трудъ, который долженъ быть наслажденіемъ, превращается въ нестерпимую муку, лишающую работника образа человѣческаго,—до тѣхъ поръ все, производимое руками человѣческими, будетъ уродливо. Для того, чтобы возможна была красота, должны измѣниться условія труда—вотъ какимъ путемъ художникъ, воспѣвающій красоту средневѣковой жизни, становится практическимъ соціалистомъ, героемъ рабочихъ митинговъ, громителемъ капитализма.

Свою дѣятельность эстетическаго реформатора Моррисъ началъ съ того, что образовалъ общество, противодѣйствовавшее уничтоженію старинныхъ зданій въ Лондонѣ. Городская администрація, въ своемъ похвальномъ стремленіи къ оздоровленію города, безжалостно уродовала его въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, срывая оригинальныя средневѣковыя зданія, насаждая вмѣсто нихъ скверы и окаймляя улицы монотонными, тѣсно сплоченными высокими домами, которое до сихъ поръ поражаютъ своимъ унылымъ, казарменнымъ видомъ. Если въ нѣкоторыхъ кварталахъ Лондона сохранились остатки прежнихъ причудливыхъ построекъ, ласкающихъ глазъ своею оригинальностью, то этимъ жители Лондона обязаны Моррису и его единомышленникамъ.

Вскорѣ Моррисъ началъ болѣе активно проявлять свои реформаторскія попытки и создавать ту красоту, которую онъ до сихъ поръ проповѣдывалъ. Онъ сдѣлался компаньономъ торговой фирмы Моррисъ, «Маршалъ» и комп. и затѣмъ единственнымъ ея владѣльцемъ. Это предпріятіе было направлено на изготовленіе предметовъ домашняго обихода на совершенно новыхъ художественныхъ началахъ. Тамъ изготовлялись и изготовляются до сихъ поръ обои и ткани для мебели по стариннымъ и оригинальнымъ образцамъ, а также ковры, мебель и всякіе предметы украшенія для домашняго обстановки. Какъ владѣльца этой фабрики роскошныхъ издѣлій, Морриса въ шутку прозвали «поэтомъ-обойщикомъ». Но промышленное предпріятіе имѣло у поэта чисто идейную подкладку. Оно было попыткой поставить рабочій вопросъ инымъ образомъ, чѣмъ въ другихъ фабрикахъ. Всѣ работающіе для фирмы Морриса—художники и люди интеллигентные, преданные дѣлу, которымъ они занимаются. Работаютъ они въ идеальныхъ условіяхъ, не болѣе семи-восьми часовъ и имъ предоставлено широкое поле для развитія своихъ художественныхъ силъ. Моррисъ вдохновитель всѣхъ своихъ сотрудниковъ.

Большинство рисунковъ для издѣлій онъ готовилъ самъ—не будучи живописцемъ въ смыслѣ писанія картинъ, онъ выдающійся рисовальщикъ въ области декоративнаго искусства. Онъ окруженъ былъ въ своемъ дѣлѣ цѣлой толпой молодыхъ энтузіастовъ, смотрѣвшихъ на него, какъ на учителя и пророка грядущаго царства красоты. Личной иниціативѣ предоставлено было широкое поле и въ послѣднее время среди учениковъ, начавшихъ работать на фабрикѣ Морриса, выдвинулось нѣсколько чрезвычайно талантливыхъ художниковъ, превратившихъ ремесленныя издѣлія въ произведенія искусства. Художественные переплеты Кобденъ-Сандерсона, гончарныя издѣлія де-Моргана, вышивки дочери Морриса, г-жа Мэй Спарлингъ, и многія другія напоминаютъ своимъ совершенствомъ произведенія флорентійскихъ ремесленниковъ Возрожденія.

Конечно, какъ поклонникъ старинной Италіи, Моррисъ заклятый врагъ всякаго машиннаго производства, и на его фабрикѣ властвуетъ принципъ ручного труда. Слѣдствіемъ этого является необычайная дороговизна всѣхъ производимыхъ имъ предметовъ. Своимъ рабочимъ Моррисъ платитъ какъ свободнымъ художникамъ, что тоже значительно возвышаетъ цѣну предметовъ. Такимъ образомъ, та красота, которую Моррисъ стремится внести въ англійскую жизнь, доступна пока только очень богатымъ англійскимъ лордамъ и капиталистамъ, и, проповѣдуя противъ капитализма, Моррисъ самъ отчасти поддерживаетъ его своимъ производствомъ. Противорѣчіе это, однако, только кажущееся. Въ своихъ художественныхъ занятіяхъ Моррисъ хочетъ показать, чѣмъ должно стать будущее производство, хочетъ поднять ремесло на идеальную высоту, что при настоящихъ условіяхъ жизни можетъ достигаться только путемъ громадныхъ затратъ. Но показавъ этотъ идеалъ, Моррисъ въ то-же самое время работалъ для созиданія новыхъ условій, въ которыхъ то, что теперь есть достояніе немногихъ, сдѣлается доступнымъ всѣмъ. И дѣятельность Морриса уже дала практическіе результаты: въ подражаніе его производству образовалось множество другихъ, чисто ремесленныхъ предпріятій, не имѣющихъ того художественнаго значенія, какъ фабрика Морриса, но вносящихъ въ жизнь его принципы. Все, что производится въ настоящее время въ Англіи по части тканей для одежды и предметовъ для обстановки, носитъ отпечатокъ болѣе тонкаго вкуса въ краскахъ, формахъ и рисункахъ, и прежнее безвкусіе, которымъ такъ славилась Англія, уступаетъ мѣсто стремленіямъ къ эстетичности во всѣхъ мелочахъ жизни.

Итакъ, фабрикантъ Моррисъ былъ въ то-же время дѣятельнымъ соціалистомъ. Онъ издавалъ газету «Commonweal» и въ періодъ сильныхъ рабочихъ волненій и стачекъ выходилъ на скверы и площади Лондона, на Trafalgar-Square и въ Hyde-Park продавать номера газеты по пени за номеръ, вмѣстѣ съ Джонъ-Бёрнсомъ и другими членами рабочей пар-

тіи. И этотъ методъ пропаганды, столь распространенный въ Англіи, долженъ былъ имѣть успѣхъ: кто-бы прошелъ, не остановясь, мимо видной и обаятельной фигуры Морриса съ его молодыми, свѣтлыми, жизнерадостными глазами, энергично блестѣвшими на правильномъ лицѣ, окаймленномъ густыми, бѣлыми волосами. Неизмѣнно одѣтый въ жакетку артистическаго покроя, изъ-подъ которой виднѣлась свѣтло-голубая рубашка, всегда привѣтливый и веселый, онъ приковывалъ къ себѣ вниманіе толпы, просто и ясно излагая передъ ней свои идеи. Много разъ онъ одинъ направлялъ движеніе лондонской рабочей массы, шелъ со знаменемъ въ рукахъ впереди многочисленныхъ народныхъ делегацій, направлявшихся къ Вестминстерскому аббатству для переговоровъ съ духовенствомъ или заявлявшихъ о своихъ правахъ на знаменитыхъ митингахъ на Trafalgar-Square'ѣ. Менѣе эффектной, но гораздо болѣе вліятельной была тихая дѣятельность Морриса въ болѣе семейныхъ собраніяхъ, много лѣтъ сряду происходившихъ въ маленькомъ домикѣ, на берегу Темзы, въ Kelmscott-House'ѣ. Тамъ въ маленькой, низкой залѣ перебывало все рабочее населеніе Лондона, да и добрая часть интеллигенціи, которая рада была послушать увлекательныя рѣчи поэта и подышать созданной имъ атмосферой радостнаго, сильнаго труда. Тамъ Моррисъ читалъ свои лекціи о трудѣ и красотѣ, тамъ онъ внушалъ рабочимъ, огрубѣвшимъ среди непосильнаго труда на докахъ и фабрикахъ, принципы новой эры труда свободнаго и радостнаго, того, который создастъ «земной рай». Часто устраивались въ Kelmscott-House'ѣ дебаты, на которые сходились представители самыхъ разнообразныхъ политическихъ партій и среди оживленныхъ споровъ все болѣе выяснялось личное міровоззрѣніе Морриса и основы его ученія, проповѣдующаго свободу личности и такой порядокъ вещей, въ которомъ каждый человѣкъ могъ-бы проявить то, что ему лично дано, въ свободно избранномъ имъ трудѣ. Изъ этихъ бесѣдъ съ рабочими, а также изъ многочисленныхъ чтеній и рѣчей Морриса въ разныхъ городахъ Англіи вышелъ цѣлый рядъ брошюръ по рабочему вопросу («Labour and Pleasure versus Labour and Sorrow», «Hopes and Fears for Art», «Art and Socialism», «The Aims of Art», «Socialism», «Chants for Socialists» и др.), въ которыхъ эстетическій критерій является рѣшающимъ для организаціи труда.

Въ своей политической дѣятельности Моррисъ воодушевленъ былъ вѣрой въ то, что наступитъ столь страстно желанная имъ пора свободнаго труда, когда люди будутъ наслаждаться жизнью и будутъ имѣть время чисто и безкорыстно любить искусство. Художественная фантазія Морриса заставляла его заранѣе жить въ этомъ будущемъ «земномъ раю», и вся его поэзія, чуждая дѣйствительности и ея заботъ, является продуктомъ этого стремленія къ несуществующему будущему. Зная основ-

ные мотивы всей дѣятельности Морриса, не приходится уже болѣе удивляться тому, что этотъ практическій дѣятель сталъ въ то-же самое время однимъ изъ самыхъ далекихъ отъ англійской дѣйствительности поэтовъ. Онъ самъ былъ уже человѣкъ свѣтлаго будущаго, въ которое онъ вѣрилъ, и вся его поэзія является безкорыстнымъ служеніемъ красотѣ.

Первый стихотворный сборникъ Морриса вышелъ въ 1858 году подъ названіемъ «The Defence of Guinevere and other poems». Въ отдѣльныхъ поэмахъ, составляющихъ этотъ сборникъ, съ большимъ вниманіемъ и силою рисуется жизнь средневѣковыхъ норманновъ. Углубленіе въ средніе вѣка, чтеніе Фруассара и Монстреле проникло все существо Морриса и вдохновило его чуткую, артистическую душу, а возсозданіе прочувствованнаго показываетъ въ двадцатичетырехлѣтнемъ поэтѣ совершеннаго мастера стиха; въ этомъ первомъ сборникѣ есть поэмы, которыя навсегда останутся въ англійской литературѣ, какъ напр. «Sir Peter Harpdons End», «The Haystack in the Floods».

Въ 1867 году Моррисъ выступилъ передъ англійской публикой въ качествѣ эпическаго поэта, воскресившаго забытое искусство разсказчиковъ, которыми такъ славилась средневѣковая Англія съ Чаусеромъ во главѣ. Въ этомъ году появилась «Life and Death of Jason» (Жизнь и смерть Язона)—эпическая поэма въ 17 книгахъ, написанная пятистопнымъ ямбомъ Чаусеровскаго образца. Творчество Морриса, какъ и большинства англійскихъ поэтовъ, поражаетъ иностранцевъ своей необычайной растянутостью, требующей отъ читателя чисто англійскаго пристрастія къ серьезному и усидчивому чтенію. И поэмы Шелли, и Теннисона, и Браунинга почти непреодолимы по своему объему для читателя не англичанина, и Моррисъ въ этомъ отношеніи, быть можетъ, превзошелъ ихъ всѣхъ. Но въ Англіи длина художественнаго произведенія не считается недостаткомъ. Читатели охотно остаются подольше съ своимъ авторомъ на высотахъ отвлеченнаго творчества. Быть можетъ, они правы, и то, что на континентѣ называется скучнымъ, означаетъ нерѣдко серьезное и вдумчивое.

Вліяніе Чаусера на Морриса сказалось сильнѣе всего въ его центральномъ произведеніи «The Earthly Paradise» (Земной рай), длинныя и короткія поэмы котораго составляютъ четыре тома. Отъ него вѣетъ какой-то особенной, свѣтлой вѣрой въ наступленіе несомнѣнной для поэта счастливой поры, когда объединенное взаимной любовью и чуждое всякихъ распрей человѣчество заживетъ мирной, счастливой жизнью во имя красоты и вѣры въ человѣка. Тогда настанутъ радостные дни на землѣ, и для этой золотой поры и предназначенъ «Земной рай». Въ этомъ сборникѣ короткихъ и длинныхъ поэмъ, художественныхъ пересказовъ миѳологическихъ и средневѣковыхъ легендъ нѣтъ ни тѣни сомнѣнія, нѣтъ безвѣрія и отчаянія, которымъ полна поэзія всѣхъ странъ конца нашего

вѣка. Въ прологѣ къ «Земному раю» Моррисъ называетъ себя «досужимъ пѣвцомъ свободнаго дня» (The idle singer of an empty day).

Этимъ онъ, конечно, хочетъ сказать, что, работая разумно, человѣкъ нуждается въ часы досуга въ созерцаніи красоты, чистой красоты, безъ всякой утилитарной цѣли, и что роль поэта давать эту красоту, услаждать фантазію читателя красивой выдумкой. Эту роль Морисъ выполняетъ блестяще. Онъ замѣчательный разсказчикъ, напоминающій богатствомъ красокъ, вырисовкой деталей и наивностью простой, но высоко художественной формы Чаусера въ его безсмертныхъ Кентерберрійскихъ разсказахъ. Земной рай, воспѣваемый Моррисомъ, заключается для него въ душевной жизни человѣка, въ красотѣ мірозданія, которую нужно только умѣть найти и воспринять. Его занимаетъ, но не печалитъ мысль о смерти: въ земной жизни столько красоты (если-бы только люди сами своими руками не разрушали ее), что, насладившись ею, легко умирать, зная, что слѣдующія поколѣнія будутъ наслаждаться той-же красотой. Сознаніе необходимости смерти заставляетъ поэта лишь жить болѣе полною жизнью, болѣе интенсивно наслаждаться земной красотой. Картины прекраснаго на землѣ рисуетъ Моррисъ въ «Земномъ раѣ»; планъ этой поэмы напоминаетъ не столько Чаусера, на котораго ссылается самъ поэтъ, сколько Боккачіевскій «Декамеронъ»: нѣсколько норвежскихъ мореплавателей отправились отыскивать земной рай, о которомъ они такъ много слышали. Послѣ многихъ мытарствъ и пропутешествовавъ много лѣтъ, они попадаютъ уже стариками въ какую-то невѣдомую страну на западѣ. Тамъ они живутъ въ большомъ почетѣ у жителей до самой смерти. Предложеніе одного изъ богослужителей страны устроить пиръ, на которомъ странники разсказали-бы свои похожденія и преданія о подвигахъ своихъ греческихъ предковъ, связываетъ между собою отдѣльныя поэмы. Большинство разсказовъ заимствовано изъ греческой миѳологіи, но переданы они совершенно своеобразно. Трагизмъ и паѳосъ греческихъ образцовъ исчезаетъ въ пересказахъ Морриса. Они уступаютъ мѣсто ровному, гармоническому теченію событій, соотвѣтствующему эпической формѣ «Земного рая», гдѣ детали описаній и оттѣнки чувствъ играютъ большую роль, чѣмъ громкія событія и возбужденныя страсти. На герояхъ Морриса лежитъ отпечатокъ средневѣковой романтичности— на первомъ планѣ у него всегда любовь къ женщинѣ. Въ разсказѣ о томъ, какъ Персей влюбляется въ Андромеду, много страницъ посвящено ихъ взаимнымъ объясненіямъ любви, но эпизодъ борьбы Персея съ морскимъ чудовищемъ едва-ли занимаетъ столько-же строкъ. Его героини также слишкомъ мало рѣшительны и опредѣленны для гречанокъ. Психея въ одной изъ самыхъ красивыхъ поэмъ Морриса напоминаетъ своей удивительной чистотой и наивностью средневѣковую Гризельду. Аталанта въ поэмѣ «Состязаніе въ бѣгѣ», («слишкомъ прекрасная для того, чтобы, глядя на нее, можно было оставаться счастливымъ», «слишкомъ

прекрасная для того, чтобы въ мірѣ исчезла война»), описана совершенно героиней средневѣковыхъ балладъ. Но именно въ этой обработкѣ греческихъ сказаній, гдѣ не передается греческое пониманіе жизни, а лишь выступаютъ рельефно тѣ элементы, которые Греція внесла въ европейскую культуру, и лежитъ прелесть поэмы Морриса. Грація эллинизма, оттѣненная средневѣковою мечтательностью, составляетъ основную ноту «Земнаго рая» и вмѣстѣ съ тѣмъ красоту самой поэмы, рельефно выступающую въ героическихъ строфахъ—любимомъ размѣрѣ Морриса.

Одновременно съ работой надъ «Земнымъ раемъ», Моррисъ глубоко изучалъ сѣверную исландскую и скандинавскую литературу, и результатомъ этого изученія явилось, кромѣ отдѣльныхъ поэмъ въ «Земномъ Раѣ», классическіе въ своемъ родѣ переводы исландскихъ сагъ. Въ печати они вышли въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ подъ заглавіемъ «The Story of Grettir the Strong» и «The Story of The Volsungs and Niblungs». Кромѣ этого неутомимый поэтъ перевелъ еще «Энеиду» Виргилія англійскими стихами. Послѣ произведеній, свидѣтельствующихъ главнымъ образомъ о проникновеніи Морриса въ глубину средневѣковаго міросозерцанія, появился рядъ поэмъ тоже на сюжеты изъ отдаленныхъ миѳологическихъ временъ, но уже освѣщенныхъ чисто современнымъ пониманіемъ древнихъ темъ. Такова его Исторія Сигурда Вольсунга и паденіе нибелунговъ. Въ ней Сигурдъ является не только воиномъ и героемъ романтическихъ эпизодовъ, — онъ представленъ героической и трагической личностью и окруженъ такого-же рода характерами его спутниковъ. Въ личности Сигурда затронуты глубокіе религіозные вопросы. Онъ является типичнымъ спасителемъ міра, какъ его понимали сѣверныя расы. И въ этомъ отношеніи его поэма болѣе глубоко задумана, чѣмъ послужившая ся основой сага о вольсунгахъ. То же новое освѣщеніе трагизма сѣвернаго эпоса сказывается въ изображеніи другихъ лицъ саги. Послѣ «Сигурда» Моррисъ написалъ еще нѣсколько поэмъ и прозаическихъ разсказовъ, въ которыхъ возсоздаются въ современномъ освѣщеніи сюжеты сѣверной миѳологіи. Самая послѣдняя прозаическая поэма Морриса «The Well at The World's End», вышедшая лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, показываетъ, какъ далекъ еще былъ поэтическій талантъ Морриса отъ оскудѣнія. Въ этомъ разсказѣ обнаруживается тотъ-же даръ воспроизведенія прошлаго, то-же проникновеніе минувшей красотой, тотъ-же свѣтлый, полный надежды взглядъ на жизнь, какъ и въ прежнихъ вещахъ. Среди нихъ упомянемъ еще объ утопическомъ романѣ Морриса «News from Nowhere» (Письма ни откуда), въ которомъ поэтъ эстетикъ нарисовалъ схему земнаго рая въ своемъ отечествѣ, противополагая принципъ красоты принципу буржуазнаго комфорта, воспѣтаго Белями въ его пресловутомъ романѣ «Looking Backwards».

Зин. Венгерова.

Ссылка въ отдаленныя мѣста Сибири.

Въ прошломъ году, какъ извѣстно нашимъ читателямъ [1]), старый и вѣчно новый вопросъ о реформѣ ссылки былъ снова поставленъ на очередь. Имъ сильно интересовались, о немъ много говорилось. При главномъ-же тюремномъ управленіи для обсужденія его даже была образована особая комиссія. Комиссія эта работала настолько интенсивно, что къ концу прошлаго года относительно упомянутой реформы пришла уже къ нѣкоторому заключенію: она проектировала сохранить ссылку только для привилегированныхъ сословій, ограничивъ ее, притомъ, самыми отдаленными сѣверными губерніями Сибири.

Со дня выработки комиссіей настоящаго проекта уже прошло около года. Въ теченіе этого времени не только не была произведена проектированная комиссіей реформа, но и вообще ни о реформѣ ссылки въ томъ или другомъ видѣ, ни о существованіи и дальнѣйшихъ результатахъ занятій самой комиссіи почти ничего не слышно. Причины этого оборота дѣла намъ неизвѣстны. Между тѣмъ реформа ссылки, это—насущнѣйшій и неотложнѣйшій вопросъ изъ всѣхъ очередныхъ сибирскихъ вопросовъ. Сибирь, вступившая за послѣднее время въ новую фазу своего соціально-экономическаго развитія, неизбѣжно должна реформироваться и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Безъ сомнѣнія, крайне желательно было-бы, чтобы всѣ эти реформы совершались вполнѣ нормальнымъ способомъ, логически вытекая одна изъ другой. Сохраненіе-же ссылки въ Сибирь, это—роковая ошибка, крайне вредное уклоненіе въ сторону отъ естественныхъ требованій современной жизни. Жизнь настоятельно требуетъ отмѣны ссылки въ Сибирь. Мало того—съ ея точки зрѣнія, *созиданіе новыхъ, болѣе совершенныхъ формъ жизни въ Сибири должно неизбѣжно начаться, именно, реформой ссылки.* Она—

[1]) «Въ Сибири» «Сѣверн. Вѣст.», 1895 г., 12 кн.

краеугольный камень, фундаментъ для того новаго зданія, о которомъ такъ давно и, конечно, по праву мечтаютъ лучшіе представители сибирскаго общества. Такимъ образомъ, «годить» съ разрѣшеніемъ вопроса о реформѣ ссылки не представляется ни малѣйшей возможности. Онъ настоятельно требуетъ къ себѣ серьезнаго правительственнаго и общественнаго вниманія, а также—возможно быстраго и кореннаго разрѣшенія. Между тѣмъ и вышеупомянутый проектъ комиссіи—только полумѣра, слабый палліативъ. Правда, съ проведеніемъ въ жизнь проектируемой комиссіей реформы, болѣе близкія къ Европейской Россіи и центральныя губерніи Сибири освободятся отъ гнета ссылки и онъ исключительно сосредоточится въ отдаленныхъ сѣверныхъ губерніяхъ этого края. А между тѣмъ сколько горя, страданій и слезъ причиняла и причиняетъ ссылка—особенно въ отдаленныхъ сѣверныхъ губерніяхъ Сибири, гдѣ жизнь не только ссыльнаго, но и кореннаго населенія превратилась въ непрерывную цѣпь общественно-экономическихъ неурядицъ, людского горя и взаимной вражды. Разрѣшить ссыльный вопросъ путемъ перенесенія ссылки на отдаленныя сѣверо-восточныя окраины Сибири, какъ, напримѣръ, Якутская область и Туруханскій край,—не только трудно, но прямо невозможно. Таково наше крайнее и глубокое убѣжденіе, истекающее изъ вполнѣ серьезныхъ и достаточныхъ оснований. Послѣдними прежде всего намъ служатъ, какъ и въ отношеніи остальныхъ отдаленныхъ сѣверныхъ раіоновъ Сибири, физическія и соціально-экономическія условія Якутской области и Туруханскаго края. Условія эти во всѣхъ отношеніяхъ неблагопріятны не только для болѣе или менѣе удовлетворительнаго устройства быта ссыльно-поселенцевъ, притомъ еще изъ привилегированныхъ сословій, но даже для кореннаго инородческаго населенія. Такъ, напримѣръ, климатъ Якутской области—самый суровый на всемъ земномъ шарѣ. «Якутскъ,—по словамъ извѣстнаго ученаго А. Ѳ. Миддендорфа,—относительно самое холодное мѣсто на земномъ шарѣ». Часть-же Якутскаго округа съ г. Якутскомъ, прилегающая къ самому восточному колѣну р. Лены, считается названнымъ ученымъ за «гнѣздо стужи». Мнѣніе Миддендорфа не является преувеличеннымъ, но оно нуждается только въ нѣкоторомъ дополненіи, а именно: согласно съ болѣе поздними изслѣдованіями,—по словамъ автора обстоятельной статьи «О климатѣ Якутской области [1]),—есть и еще болѣе холодныя мѣста на земномъ шарѣ, чѣмъ Якутскъ, но эти мѣста также въ предѣлахъ области. Такъ, напримѣръ, «приливъ стужи достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта, своей вершины въ окрестностяхъ Верхоянска», гдѣ температура зимы, по свидѣтельству В. Л. Сѣрошевскаго,—равняется—48° Ц., и термометръ, случается, падаетъ до—67° Ц. [2]). «Здѣсь,—кате-

[1]) См. Памятную кн. Якутской области за 1896 г., стр. 1—2-ая.

[2]) В. Сѣрошевскій «Якуты». Опытъ этногр. изслѣдованія, томъ I, стр. 23, изд. 1896 г.

горически утверждаетъ г. Сѣрошевскій,—полюсъ холодовъ сѣвернаго полушарія» [1]). Въ Якутской области времена года распредѣляются по причитающимся на нихъ мѣсяцамъ крайне неравномѣрно. Весны и осени тамъ почти нѣтъ. «Только часть мая можно считать за весну, только сентябрь за осень». Бо́льшая часть года, это—зима, а большая часть зимы, по свидѣтельству г. В. Сѣрошевскаго, проходитъ въ глубокомъ мракѣ или при свѣтѣ луны и звѣздъ. Число дней, освѣщенныхъ солнцемъ (вполнѣ или хотя-бы частію), по свидѣтельству другого очевидца, приходится на: Якутскъ—218; Волюйскъ—263; Верхоянскъ—199 [2]). Короткая весна начинается сильными вѣтрами. Весенніе вѣтры вызываютъ пурги. Въ тундрахъ всякіе промыслы и поѣздки тогда становятся крайне затруднительными и опасными. Въ такое время, по словамъ В. Сѣрошевскаго, «путнику приходится иногда по нѣсколько дней лежать подъ нартой, покрытой оленьими шкурами, безъ огня и теплой пищи. Черезъ небольшіе промежутки времени надо вылѣзать оттуда, чтобы разбудить собакъ, могущихъ безъ этой предосторожности, въ дремотѣ, околѣть отъ стужи, отряхнуть ихъ отъ снѣга и накормить. Тучи ледяныхъ иголъ, несомыхъ вѣтромъ, впиваются въ путника, забираются подъ одежду, знобятъ и ранятъ открытыя части тѣла. Случается, что вѣтры дуютъ при совершенно ясномъ небѣ, но и тогда они несутъ облака ледяной пыли, сорванной съ поверхности снѣга. На извѣстную высоту надъ землею воцаряется мутный, бѣлесоватый сумракъ, черезъ который изрѣдка только прорывается лучъ солнца. Человѣку достаточно позволить вѣтру оттолкнуть себя отъ нарты или дверей дома, чтобы уже не найти ихъ» [3]). А въ полѣ человѣку грозитъ гибель. Бывали случаи, что люди погибали или ихъ находили полуживыми, «съ вытекшими глазами отъ ледяныхъ иглъ», какъ объясняютъ якуты.

Въ Якутской области и лѣтнее время неособенно привлекательно: днемъ жарко, ночью холодно; цѣлыми періодами идутъ проливные дожди, или наоборотъ—наступаютъ продолжительныя засухи. Въ іюнѣ и іюлѣ, на солнцѣ, по словамъ В. Сѣрошевскаго,—жара достигаетъ поистинѣ африканской знойности. Нерѣдно она доходитъ до 48 градусовъ по Цельзію. Камни и песокъ накаливаются до того, что ходить по нимъ босой ногой невозможно; они жгутъ даже якутскую кожаную обувь [4]).

Главными представителями растительности являются въ Якутской области хвойныя деревья [5]). Встрѣчаются и полезныя растенія, это—

[1]) ibidem.

[2]) О климатѣ Якутской области, 23 стр.

[3]) «Якуты» В. Сѣрошевскаго, т. I, стр. 29-ая.

[4]) Ibid. стр. 37-ая.

[5]) ib. стр. 56—58, и «Очерки физической географіи Якутской области», Памятн. кн. Якутс. об. за 1896 г., стр. 85—90-ая.

разные виды ягодъ, корней,—суррогатовъ хлѣба; затѣмъ, нѣкоторые огородныя овощи (картофель, капуста, рѣпа, и др.) и, наконецъ, хлѣбъ. Но земледѣльческая культура, по свидѣтельству В. Сѣрошевскаго, находится здѣсь еще въ самомъ первобытномъ состоянiи [1]). При этомъ успѣшность земледѣлія, по словамъ другого автора,—ограничена необширными раіонами. Что-же касается урожаевъ, то въ Якутской области въ общемъ они очень низки. Въ среднемъ, за многіе годы, они были равны самъ—третьему зерну [2]). Неурожай хлѣбовъ довольно частъ. Такъ, напримѣръ, за 35 лѣтъ, 19—было неурожайныхъ лѣтъ (изъ нихъ 8 посѣвовъ не возвратили сѣмянъ), 10 среднихъ (съ урожаемъ въ самъ 3—5) и только 6 лѣтъ выше самъ 5 [3]). Необезпеченность урожаевъ дѣлаетъ занятіе земледѣліемъ невыгоднымъ. «Невыгодно продавать хлѣбъ, дешево»... говорятъ мѣстные земледѣльцы,—«невыгодно производить его при конкуренціи южнаго сплавного хлѣба»,—вполнѣ справедливо замѣчаетъ по поводу приведеннаго заявленія крестьянъ авторъ статьи: «Очерки физической географіи Якутской области» [4]). Земледѣліе привьется здѣсь только тогда, когда умножится населеніе, расчистятся громадные лѣса, повысится общая температура области, понижаемая теперь испареніями ея растительнаго покрова; когда возможно будетъ искусственное орошеніе и т. д. и т. д. Въ такой авторитетной книгѣ, какъ «Сибирь и Великая Сибирская желѣзная дорога», составленной при участіи извѣстнаго географа, сенатора Семенова,—мы находимъ еще болѣе рѣзкое мнѣніе о Якутской области въ указанномъ отношеніи. «Она не способна для осѣдлой земледѣльческой колонизаціи и обладаетъ ничтожной емкостью для населенія [5]), говорится въ этой книгѣ. И дѣйствительно, какая-же возможна тамъ осѣдлая земледѣльческая колонизація? Удобныхъ для земледѣлія земель очень мало. Такъ, напримѣръ, въ Якутскомъ округѣ есть наслеги, въ которыхъ лѣсъ занимаетъ $^4/_5$ и болѣе всей площади [5]). Такимъ образомъ, пахарю остается только вступить въ ожесточенную борьбу съ суровой природой—расчищать тайгу, кочковатыя и болотистыя мѣста и удобрять ихъ. Но и для этого требуется масса силъ, времени и матеріальныхъ затратъ, что для якута или крестьянина пахаря крайне трудно, почти невозможно. И вотъ, въ результатѣ уже за послѣднее время явно обнаружилось значительное земельное стѣсненіе. Такъ, напримѣръ, въ 1892—93 гг. на все инородческое населеніе Якутской области, какъ

---

[1]) «Якуты», т. I, стр. 83-ая.

[2]) ib. см. главу «Растительность».

[3]) «Къ вопросу о развитiи земледѣлія въ Якутск. области». См. Памят. кн. Якутс. обл. за 1896 г., стр. 55-ую.

[4]) «Сибирь и Великая сибирс. желѣзн. дорога», стр. 80-ая.

[5]) «Къ вопросу о развитіи земледѣлія въ Якутской области». См. Памятн. кн. Якутс. обл. за 1896 г., стр. 35-ю.

видно изъ всеподданнѣйшаго отчета за 1893 г. якутскаго губернатора, приходилось 20% безземельныхъ и безхозяйственныхъ якутовъ [1]). Теперь цифра эта, конечно, значительно возросла. Въ нѣкоторыхъ-же раіонахъ Якутской области, за послѣднее время, наблюдается даже перенаселеніе. Такое явленіе существуетъ, напримѣръ, въ Верхоянскомъ улусѣ, гдѣ излишку населенія прямо нечѣмъ питаться. Черезъ 10 лѣтъ полное истощеніе пищевыхъ средствъ для населенія, по предположенію С. Ковалика, грозитъ всему Верхоянскому краю. Единственное спасеніе отъ такой печальной перспективы—какъ названный изслѣдователь, такъ и сами верхоянскіе якуты, видятъ въ выселеніи избытка народонаселенія къ устью Яны и берегамъ Ледовитаго океана, гдѣ водится въ большомъ количествѣ самая лучшая и жирная рыба въ Сѣверномъ краѣ [2]).

Трудность занятія земледѣліемъ и малоземелье вынуждаетъ населеніе Якутской области обратить всѣ свои силы на другіе промыслы: скотоводство, звѣроловство, рыболовство и извозъ. Но за послѣднее время и эти промыслы не вполнѣ обезпечиваютъ населеніе. Мало того—они съ каждымъ годомъ падаютъ. Такъ, напримѣръ, скотоводство,—по свидѣтельству якутскаго статистическаго комитета,—уже въ первой половинѣ этого вѣка не въ состояніи было питать массу населенія [3]). Изъ сравненія цифръ различныхъ періодовъ о состояніи скотоводства въ Якутской области видно, что скотъ убываетъ [4]). А между тѣмъ, населеніе ростетъ. За послѣдніе годы многія хозяйства уже не имѣли скота, или-же—очень мало. Такъ, напримѣръ, въ Таргайскомъ наслегѣ изъ 248 хозяйствъ только 101, а въ Батаринскомъ изъ 270 хозяйствъ—127 имѣютъ отъ 6 до 20 головъ скота. Изъ другихъ категорій хозяйствъ находится въ первомъ наслегѣ: безскотныхъ—10; съ одной (или съ дробью) скотиной на душу—74, и, наконецъ, 54 съ 3 до 9 головъ на душу. Вообще-же, въ Якутской области, по оффиціальнымъ даннымъ, общее количество скота 375,131 голова. Такимъ образомъ, на одну душу круглымъ счетомъ (общее число жителей, безъ 6 тысячъ якутовъ, не занимающихся скотоводствомъ, 1.222,776 душъ обоего пола) приходится 1,7 головы скотины [5]). Чтобы понять всю краснорѣчивость этихъ цифръ, необходимо помнить, что предѣльнымъ количествомъ богатства у якутовъ считается *десять* штукъ скота на семью, т.-е. около двухъ штукъ на душу. Выше этой нормы,—поясняетъ В. Сѣрошевскій,—по ихъ мнѣнію, начинается

---

[1]) Алек—новъ, «Къ вопросу объ устройствѣ быта бѣдныхъ якутовъ», «Сибирскій Вѣстникъ», № 176 за 1896 г.

[2]) С. Коваликъ. «Верхоянскіе якуты и ихъ экономическое положеніе». См. «Извѣстія Восточно-Сибирск. Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ.» Т. XXV, №№ 4 и 5.

[3]) «Къ вопросу о развитіи земледѣлія въ Якутской области». Памятн. кн. Якутск. обл. 1896 г., стр. 98.

[4]) Ib.

[5]) «Якуты».

достатокъ, ниже—нищета. Въ Верхоянскомъ и Колымскомъ округахъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ скотоводство удачно сочетается съ рыболовствомъ, десять штукъ скота признакъ зажиточности. Въ мѣстностяхъ-же, гдѣ нѣтъ звѣроловства и рыболовства, для сноснаго существованія необходимо 15, даже 20 штукъ скота [1]).

Поднять въ Якутской области скотоводство очень трудно, почти невозможно. Для этого необходимо улучшить питаніе скота и вообще усиленно ухаживать за нимъ. Но ни того, ни другого въ настоящее время якутское населеніе сдѣлать не можетъ: выгоновъ недостаточно и они не удовлетворяютъ потребности въ нихъ.

Что-же касается звѣроловства и извознаго промысла, то Якутская область уже давно утратила старую репутацію «страны звѣроловства». Оказывается, что въ настоящее время все необходимое количество мѣховъ для одежды уже пріобрѣтается якутами отъ Оймяконскихъ торговцевъ пушниной [2]). Подобное явленіе, констатированное самимъ якутскимъ статистическимъ бюро, служитъ краснорѣчивымъ показателемъ того, насколько въ Якутской области теперь вывелся пушной звѣрь. Извозное-же дѣло до того сократилось, что, по свидѣтельству того-же бюро, «уже не оказываетъ замѣтнаго вліянія на общій ходъ экономической жизни» [3]) Занятіе рыболовствомъ могло-бы быть крайне выгоднымъ, еслибы послѣднее было болѣе зажиточно и организовало данный промыселъ капиталистически [4]).

Другихъ источниковъ къ существованію нѣтъ, а между тѣмъ, жизнь въ области стоитъ не дешево. Цѣны на главнѣйшіе предметы потребленія крайне высокія, такъ, напримѣръ: кирпичъ чаю—2 р., фунтъ сахару—80 коп., конецъ синей дамбы 16 арш.—5 руб., ситецъ—30—40 к. арш., бутылка неочищеннаго спирта—60 к.—2 руб., ржаная мука въ казенномъ магазинѣ—7 р. 55 коп. пудъ, средняя лошадь—35 руб., корова—25 руб., пудъ мяса—2 р. 50 к.—4 руб., пудъ молока 1 руб. и выше и т. п. [5]).

Суровость климата, почти полное отсутствіе промысловъ, обезпечивающихъ существованіе, и наконецъ, дороговизна продуктовъ первой необходимости, конечно, отражаются крайне гибельно на экономическомъ состояніи населенія. Большая часть его влачитъ самое жалкое существованіе, питается недостаточно и скверно. Ихъ обычная пища: кислое молоко, тухлая рыба и невкусныя хлѣбныя лепешки. Но часто якуты не

[1]) «Къ вопросу о скотоводствѣ у якутовъ Якутск. округи». Памятн. кн. Якутск обл. за 1896 г., стр. 69-я.

[2]) «Замѣтка о вліяніи уголовныхъ ссыльныхъ на якутск. населеніе», стр. 60.

[3]) Ib., стр. 56.

[4]) Къ вопросу о скотоводствѣ у якутовъ Якутск. округа», ib., стр. 55-я.

[5]) С. Ковалик, «Верхоянск. якуты и ихъ экономическое положеніе».

имѣютъ и этого, въ особенности въ неудачные годы и питаются древесной «заболонью», овражками и т. п. Иногда-же якуты не имѣютъ и такой пищи. Наступаетъ продолжительное хроническое голоданіе. Дѣти плачутъ и корчатся отъ приступовъ голода; взрослые, пошатываясь, едва передвигаютъ ноги. Во время такой голодовки, которая въ Якутской области бываетъ нерѣдко, люди набрасываются на все, что представляетъ собою какое-либо подобіе пищи. Относительно этого, очевидцами разсказываются поразительные случаи. Недостатокъ мѣста и времени не позволяетъ намъ приводить ихъ здѣсь. Замѣтимъ только, что голодные якуты при удобномъ случаѣ съ жадностью вырываютъ кость изъ пасти собаки и сами догрызаютъ ее... [1]).

Таковы физическія и экономическія условія Якутской области. Въ Туруханскомъ краѣ и ближайшихъ къ Европейской Россіи Сургутскомъ и Березовскомъ округахъ они почти аналогичны, почему здѣсь мы и не будемъ обозрѣвать ихъ въ указанномъ отношеніи, признавъ Якутскую область—типичной.

Вотъ, въ этихъ-то «не столь отдаленныхъ» и «отдаленныхъ мѣстахъ» согласно упомянутаго проекта комиссіи, и должна будетъ, главнымъ образомъ, сосредоточиться ссылка преступниковъ изъ привилегированныхъ классовъ. Практическое осуществленіе даннаго проекта комиссіи, какъ мы уже сказали выше, не принесетъ ничего хорошаго. Какъ видѣли наши читатели, «отдаленнѣйшія мѣста» по своимъ физическимъ и соціально-экономическимъ условіямъ исключаютъ всякую возможность для болѣе или менѣе сноснаго устройства въ нихъ быта ссыльныхъ.

Что дѣлать ссыльному въ этихъ мѣстахъ? Чѣмъ пропитать себя?!. «Пусть трудится, землю воздѣлываетъ, скотоводствомъ, звѣроловствомъ, рыболовствомъ и прочими промыслами занимается; наконецъ, пусть идетъ на золотые промыслы или въ батраки»...—отвѣтятъ намъ. Но чтобы воздѣлывать землю, нужно имѣть капиталъ и орудія производства, а у большинства ссыльныхъ первый врядъ-ли окажется въ нужныхъ размѣрахъ; удобной-же земли въ Якутской области, какъ видѣли читатели, крайне мало и якуты ее добровольно и не дадутъ. Также нужны нѣкоторыя средства и для занятія остальными промыслами и, кромѣ того, значительная сила, ловкость и умѣнье, какъ, напримѣръ, въ звѣроловномъ и рыболовномъ промыслахъ. Батрачество — также плохое утѣшеніе для ссыльныхъ: въ виду слабаго развитія земледѣлія и почти полнаго отсутствія промысловъ въ Якутской области въ рѣдкихъ случаяхъ является спросъ на наемнаго рабочаго. Нѣкоторыя средства къ существованію ссыльные могли-бы найти въ занятіи всевозможными мелкими ремеслами. Но и въ данномъ случаѣ требуются капиталъ, орудія производства

[1]) Огонеръ. «Изъ полярнаго края», см. «Сибирсій Сборникъ», годъ I, стр. 38.

и, главное, — спросъ на издѣлія. Къ сожалѣнію, въ Якутской области послѣдняго-то и нѣтъ. Ужъ не говоря о ткачахъ, ювелирахъ, переплетчикахъ и т. п. мастерахъ, даже столяры и слесаря,—по словамъ якутскаго статистическаго комитета, — не могутъ внѣ города перебиваться однимъ ремесленнымъ заработкомъ [1]). Всю необходимую домашнюю и хозяйственную утварь якутъ изготовляетъ самъ. Ремесленникъ-столяръ съ трудомъ можетъ разсчитывать на два-три заказа въ годъ. При этомъ, онъ за свой трудъ, конечно, получитъ самое жалкое вознагражденіе, какъ напримѣръ, за дюжину стульевъ, стоющихъ въ городѣ 12—15 руб., только 4 рубля [2]). Спросъ на такихъ ремесленниковъ, какъ шорники, бондари, маляры и т. п., также возможенъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Вообще, въ настоящее время уровень якутскаго быта еще настолько низокъ, что кустарные промыслы,—эта излюбленная нашими народниками и бюрократами панацея отъ обнищанія,—не могутъ развиться и процвѣтать. Правда, для ссыльныхъ въ Якутской области есть еще одинъ источникъ къ существованію, это — идти работать на ближайшіе пріиски. Но имѣетъ-ли большинство ссыльныхъ изъ привилегированныхъ классовъ достаточно физическихъ силъ, чтобы нести на себѣ цѣлые годы непосильный каторжный трудъ пріисковаго рабочаго? Если въ сырыхъ разрѣзахъ шахтъ крѣпкая грудь привычнаго чернорабочаго успѣваетъ зачахнуть черезъ два-три года и прежній «добрый молодецъ» уже выглядитъ старикомъ, то что-же будетъ съ человѣкомъ слабымъ и непривычнымъ къ физическому труду?

Итакъ, въ Якутской области (и другихъ аналогичныхъ съ нею въ физическомъ и соціально-экономическомъ отношеніяхъ мѣстностяхъ) для ссыльныхъ изъ привилегированныхъ классовъ въ отношеніи матеріальнаго обезпеченія не можетъ быть удовлетворительнаго исхода. Передъ ними возникаютъ только слѣдующія перспективы: или немедля бѣжать оттуда куда глаза глядятъ; или оставаться тамъ и постепенно умирать отъ голодной смерти; или-же, наконецъ, хитростью, обманомъ, угрозой и насиліемъ добывать себѣ нужныя средства къ существованію. На чемъ остановятся ссыльные предугадать не трудно: люди съ иниціативой, смѣлые и энергичные, вскорѣ-же по прибытіи своемъ на мѣсто ссылки убѣгутъ «бродяжить»; остальные ссыльные,—холодные, голодные, озлобленные,—объявятъ мѣстному населенію систематическую войну и будутъ всячески—хитростью, обманомъ, угрозой и насиліемъ—утѣснять и эксплоатировать его.

Ссылка въ Якутскую область началась съ 50-хъ годовъ текущаго столѣтія. Туда ссылаютъ, главнымъ образомъ, тяжкихъ преступниковъ, уже окончившихъ каторгу. Иногда-же ссылаютъ и прямо изъ Россіи, по

[1]) «Замѣтка о вліяніи уголовныхъ ссыльныхъ на якутское населеніе», стр. 86.

приговору суда и крестьянскихъ обществъ. Уголовныхъ ссыльныхъ въ Якутской области значительное количество. Такъ, въ 1880 году ихъ было тамъ 4,470 человѣкъ, въ 1881 г. прибыло еще 224 чел., около-же 1888 года число ссыльныхъ всѣхъ категорій превышало цифру 5,000 человѣкъ [1]). Въ отношеніи прибывавшихъ въ Якутскую область ссыльно-поселенцевъ администрація не могла примѣнять общія требованія закона, т. е. раздѣлять ихъ на разряды и распредѣлять по разнымъ хозяйственнымъ заведеніямъ для работъ (фабрикамъ, заводамъ, ремесленнымъ и рабочимъ домамъ), или отдавать въ услуженіе, а дряхлыхъ и увѣчныхъ призрѣвать въ богоугодныхъ заведеніяхъ. Такое отступленіе отъ закона обусловливалось отсутствіемъ въ Якутской области подобныхъ заведеній, спроса на наемный трудъ, и, наконецъ, ссыльно-поселенческаго капитала. И вотъ, ихъ начали водворять въ улусахъ и надѣлять землей, желая этимъ вызвать ихъ къ земледѣльческому труду. При этомъ, въ распоряженіе ссыльныхъ очень часто отводились лучшіе земельные участки. Но эти начинанія правительства, въ большинствѣ случаевъ, кончались полнымъ неуспѣхомъ. Только исключительныя личности изъ ссыльно-поселенцевъ занимались земледѣліемъ, притомъ, въ микроскопическихъ размѣрахъ. Такъ, напримѣръ, въ теченіе двухъ лѣтъ,—1882 и 1883 гг., въ Якутскую область, по свидѣтельству якутскаго статистическаго комитета, было прислано 2,317 человѣкъ; въ томъ-же году въ Мегинскомъ улусѣ считалось 202 человѣка, а въ 1893 г. это число возросло на бумагѣ до 304 человѣкъ. И вотъ изъ всего этого числа въ 1883 г. во всемъ Мегинскомъ улусѣ жили осѣдло и занимались хозяйствомъ всего 12—14 человѣкъ; тамъ-же въ 1893 г.—11, и 8 въ Тугавинскомъ наслегѣ. Въ 1885 г. въ пяти при-амчинскихъ наслегахъ Бутурусскаго улуса числилось 8 поселенцевъ, владѣющихъ надѣломъ; изъ нихъ, по аттестаціи наслежнаго начальства, «способныхъ и усердныхъ къ труду»—5, неспособныхъ—1, остальнымъ-же «усердія проявить было не на чемъ». Въ Дюпеюпскомъ улусѣ въ 1892 году занимался хозяйствомъ *только одинъ* поселенецъ [2]).

Въ распоряженіи поселенцевъ оставалась только работа на пріискахъ. И вотъ, поселенцы, желающіе жить личнымъ трудомъ, толпами бѣжали и бѣгутъ туда или въ какія-либо другія мѣста, гдѣ можно найти себѣ заработокъ. Такъ, въ половинѣ 70-хъ годовъ, оттокъ поселенцевъ изъ улусовъ, по словамъ автора «Замѣтки о вліяніи уголовныхъ ссыльныхъ на якутское населеніе», повело къ такимъ послѣдствіямъ, которыя серьезно обезпокоили администрацію. На пріискахъ ссыльные скоплялись огромными толпами, оставаясь во все время своего пути безъ всякаго над-

---

[1]) См. «Восточное Обозрѣніе», 1888 г., № 19, стр. 1.

[2]) «Замѣтка о вліяніи уголовныхъ ссыльныхъ на якут. населеніе», стр. 75—76.

зора [1]). Тамъ они работаютъ въ теченіи двухъ-трехъ лѣтъ и этимъ коекакъ существуютъ, хотя трудная пріисковая работа, обыкновенно, совершенно разрушаетъ здоровье и силы поселенца. Приходится снова возвращаться въ ненавистный улусъ и какимъ-нибудь образомъ доживать свой несчастный вѣкъ. Въ подобныхъ случаяхъ поселенцы, обыкновенно, поступаютъ на полное содержаніе наслежнаго населенія и живутъ такъ иногда десятки лѣтъ. Многіе-же ссыльно-поселенцы, прибывъ на мѣсто своего водворенія, сразу категорически отказываются отъ всякаго личнаго труда и становятся трутнями. Отъ мѣстнаго населенія они нахально требуютъ себѣ полнаго содержанія. Такъ, напримѣръ, поселенецъ Титовъ, крѣпкій, дюжій мужикъ, лѣтъ 40, прибывъ въ Кресты, тотчасъже потребовалъ себѣ у улуса бабу и полное хозяйство: юрту, неводъ, сѣти и собачью упряжку (12 собакъ); въ противномъ случаѣ онъ грозилъ сжечь весь поселокъ. Ему дали. Потребованное имущество по мѣстнымъ цѣнамъ стоило 300 рублей. Но поселенецъ не удовлетворился этимъ и потребовалъ, чтобы ему ловили рыбу, давали чай и мясо. Удовлетворили и эти его требованія. Необходимую ему юкалу и рыбу,—повѣствуетъ очевидецъ,—Титовъ на глазахъ у владѣльцевъ бралъ въ ихъ амбарахъ. Когда лѣтомъ онъ поѣхалъ въ Ср.-Калымскъ, то продалъ свой неводъ, а у общества потребовалъ новый [2]). Среди ссыльно-поселенцевъ Якутской области Титовъ и его поведеніе — не исключеніе, а наоборотъ— часто повторяющееся и типичное явленіе. Наблюдаются и еще болѣе анормальные факты.

Содержаніе ссыльно-поселенцевъ стоитъ населенію недешево. По заявленію г. начальника Якутской области каждый поселенецъ обходится населенію въ годъ до 100 руб. Въ 1887—88 году содержаніе всѣхъ уголовныхъ ссыльно-поселенцевъ, по вычисленію «Вост. Обозр.», стоило якутскому населенію болѣе 500,000 рублей [3]). Цифра почтенная, но ей нечего удивляться хотя бы въ виду высокихъ цѣнъ на жизненныя продукты. Если-же принять во вниманіе и стоимость земельнаго надѣла, который мѣстное населеніе вынуждено уступить поселенцу, то годовое содержаніе поселенца много превысить 100 рублей. Замѣтимъ кстати, что столь тяжкую повинность якутское населеніе несетъ не по требованію закона, а добровольно, подъ однимъ только давленіемъ самой жизни и соціально-экономическихъ условій края. Мѣстная администрація неоднократно напоминала якутамъ, что они вовсе не обязаны кормить поселенцевъ и что въ крайнемъ случаѣ размѣръ довольствія ни въ какомъ

---

[1]) Стр. 60.

[2]) «Очерки жизни на крайнемъ сѣв.-вост. Азіи», см. Сибирскій торгово-промышл. календарь на 1896 г. Изд. Ф. П. Романова, стр. 323—327.

[3]) «Вост. Обозр.» 1888 г., № 19, стр. 1—2.

случаѣ не долженъ нарушать солдатскаго пайка [1]). Но населеніе прямо не въ силахъ было слѣдовать такимъ указаніямъ администраціи и подчинялось всѣмъ требованіямъ поселенца, который, ухватившись за слово «паекъ», былъ увѣренъ въ полной законности своего требованія и предъявлялъ его, нерѣдко ставя такой категорическій ультиматумъ: «а ежели мнѣ ѣсть будетъ нечего, такъ я себѣ и силой возьму!.. мнѣ нешто долго?!..» [2]).

Въ конецъ раззоряя якутовъ, уголовные сыльно-поселенцы причиняютъ имъ еще и другое не менѣе ужасное зло—глубоко деморализуютъ нравы. Послѣдніе подъ вліяніемъ ссылки, дѣйствительно, значительно ухудшились. Среди якутскаго населенія нерѣдко стали встрѣчаться воры, пьяницы, картежники, отчаянные сквернословы и развратники [3]). Въ Якутскую область занесены поселенцами такіе пороки, которымъ въ якутскомъ языкѣ нѣтъ даже названія, какъ напримѣръ, педерастія, которую якуты называютъ «ани хайлахтахъ»,—т. е. «хайлацкій» (ссыльнопоселенческій) грѣхъ [4]).

Наконецъ, ссылка въ Якутскую область породила между кореннымъ населеніемъ и ссыльными страшную вражду, часто доходящую до взаимнаго истребленія. Якуты, глубоко ненавидя и презирая «хайлаковъ», т. е. уголовныхъ ссыльныхъ, нерѣдко открыто возстаютъ противъ нихъ и пускаютъ въ дѣло удары ножа и дубины, петлю, свинцовую мѣткую пулю. Истребляютъ поселенцевъ и въ одиночку, по личному рѣшенію, и цѣлымъ улусомъ, по мірскому приговору. Случаевъ безвѣстныхъ расправъ, иногда заразъ надъ цѣлой поселенческой семьей—по словамъ автора «Замѣтки о вліяніи уголовныхъ ссыльныхъ и т. д.»,—происходило въ Якутской области не мало [5]); якутскія озера угрюмо скрыли въ своихъ пучинахъ десятки поселенческихъ труповъ; не мало пожралъ ихъ огонь, и буйный вѣтеръ разнесъ оставшійся отъ нихъ пепелъ. По словамъ-же одного поселенца,—сообщаетъ въ своей брошюрѣ С. Кружевичъ,—«по Ленѣ не несется столько въ морѣ дровъ, сколько людей, а въ тайгѣ встрѣтить человѣка не въ примѣръ опаснѣе звѣря». Частныя трагическія кончины товарищей или ихъ безвѣстное исчезновеніе сильно терроризуютъ оставшихся въ живыхъ поселенцевъ. Болѣзненная-же фантазія создаетъ всевозможныя легенды. Многіе поселенцы увѣряютъ, на-

---

[1]) «Вліяніе уголовныхъ ссыльныхъ на якутск. населеніе», стр. 62 и брошюру С. Вруцевича «Обитатели, культура и жизнь въ Якутск. области», стр. 28.

[2]) ib. стр. 62.

[3]) См. «Замѣтку о вліяніи ссыльныхъ и т. д.» стр. 66—83 и брошюру С. Кружевича «Обитатели, культура и жизнь въ Якутск. области», стр. 28.

[4]) «Очерки жизни на крайнемъ сѣв.-вост. Азіи», стр. 323, «Сибирск. календарь» за 1896 г.

[5]) «Вліяніе ссыльныхъ поселенцевъ на якутск. населенія», памятн. кн. Якутск. обл. за 1886 г., стр. 53.

примѣръ, будто-бы большинство ихъ товарищей, отправляющихся по билетамъ на пріиски или въ городъ, не доходитъ до Якутска; другіе добавляютъ, что убійцы подстерегаютъ уходящихъ въ самомъ началѣ ихъ пути, на первомъ-же десяткѣ верстъ. Подъ вліяніемъ такихъ слуховъ, многіе изъ поселенцевъ лавируютъ по тайгѣ, чтобы укрыться отъ преслѣдователей; иные-же изъ нихъ, по прибытію въ Якутскую область, годами не выходятъ изъ юртъ, изъ боязни, что якуты не пустятъ ихъ обратно и имъ угрожаетъ смерть отъ 40—50°/₀ мороза, или-же, что ихъ, при выходѣ изъ юрты, можетъ захлестнуть петля, которую будто-бы якуты вѣшаютъ на ночь на дверяхъ. Вообще, поселенцы считаютъ якутовъ способными на всевозможныя каверзы [1]). Въ этомъ отношеніи ихъ мнительность доходитъ до чрезвычайныхъ размѣровъ. Для иллюстраціи этого можно было-бы привести много фактовъ, но мы ограничимся слѣдующимъ: въ одномъ улусѣ, еще въ 1885 году происходила сходка якутовъ. На эту сходку также явилось двое или трое ссыльно-поселенцевъ. Замѣтивъ къ себѣ враждебное отношеніе схода, поселенцы, не долго думая, бѣгутъ и занимаютъ пустую юрту, баррикадируются въ ней, и вооруженные ножами и топорами приготовляются къ защитѣ. Сходъ бросается къ юртѣ, выламываетъ двери, избиваетъ поселенцевъ до-полусмерти, раздѣваетъ донага, связываетъ ихъ. Но одному поселенцу, голому и полуживому, удается освободиться, и онъ цѣлыхъ 20 верстъ по страшному зимнему морозу бѣжитъ съ жалобой къ мѣстной власти, головѣ якутскаго улуса. Голова—якутъ не внемлетъ несчастному, а собственноручно избиваетъ его еще и сажаетъ въ холодную [2]).

Ссыльно-поселенцы, въ свою очередь, также, конечно, не остаются въ долгу у якутовъ—при всякомъ удобномъ случаѣ они бьютъ и даже убиваютъ ихъ, всевозможными способами мстятъ имъ. Стоитъ якуту только не удовлетворить какой-нибудь претензіи поселенца, какъ немедленно пускается въ дѣло кулакъ, даже ножъ. Такъ, напримѣръ, одинъ поселенецъ распоролъ ножемъ якуту животъ единственно за то, что тотъ не далъ ему хлѣба [3]). Озлобленіе ссыльно-поселенцевъ на якутовъ иногда доходитъ до невѣроятныхъ размѣровъ и они выкидываютъ ужасныя, поражающія вещи. Въ Колымскомъ округѣ, въ 1887 году наблюдался, напримѣръ, слѣдующій трагическій случай. Въ юрту, къ княжцу, поселили ссыльнаго татарина. За время своей жизни у княжца-якута «хайлакъ» изнасиловалъ его жену, двухъ дочерей и какую-то пріѣзжую якутку, притомъ еще при ея мужѣ, когда та едва успѣла войти въ юрту. Но онъ не ограничился этимъ и пошелъ дальше: однажды, оставшись въ юртѣ одинъ съ годовымъ ребенкомъ княжца, татаринъ схватилъ его

[1]) Ib. стр. 53—54.
[2]) «Сибирь» за 1885 г.
[3]) Ibid.

за ножку и швырнулъ въ топящійся камелекъ. Когда якуты вбѣжали въ юрту, злодѣй спокойно стоялъ у огня и одной рукой засовывалъ подальше въ пламя полусгорѣвшее тѣло, а другой—закуривалъ лучинкой трубку [1]).

Таково въ общихъ чертахъ современное состояніе ссылки въ Якутской области. Оно во всѣхъ отношеніяхъ мрачно и безнадежно [2]).

Печальное состояніе ссылки въ Якутской области и отрицательные

---

[1]) «Очерки жизни на крайнемъ Сѣверо-Вост. Азіи». «Сибирск. календ.» за 1896 г. стр. 322.

[2]) Насколько ссылка въ Сибирь и въ особенности въ «отдаленныя мѣста» ея, какъ напримѣръ въ Якутскую область, дѣйствительно, — жестокая мѣра наказанія, можно заключить по такимъ фактамъ, какъ частыя самоубійства ссыльныхъ и новыя преступленія, учиняемыя уголовно-ссыльными съ единственною цѣлью вырваться изъ своего ненавистнаго мѣста водворенія. Въ мѣстной судебной практикѣ, по словамъ И. Гамова, извѣстны особаго рода убійства и преступленія, посредствомъ которыхъ удается иногда поселенцу избавиться отъ ссылки въ якутскія наслеги и попасть за вновь совершенное убійство на каторгу. «*Такое предпочтеніе каторги ссылкѣ въ Якутскую область, посредствомъ убійства человѣка, часто не сдѣлавшаго ему никакого зла*,—заключаетъ И. Гамовъ, — *не составляетъ тамъ рѣдкости и извѣстно всякому мѣстному жителю и поселенцу*». (См. И. Гамовъ «Очерки далекой Сибири», ст. «Поселенцы и крестьяне Приленскаго Края», стр. 48). Изъ Якутской области «Русскія Вѣдомости» въ 1881 году сообщали напримѣръ, о томъ, что въ Камышскомъ округѣ одинъ уголовный ссыльный совершилъ тяжкое по закону преступленіе «*единственно съ цѣлью попасть въ каторжныя работы и хоть этимъ способомъ избавиться отъ Калымска*» («Русскія Вѣдомости» 1881 г. № 23, стр. 3). Въ pendant къ этому приведемъ здѣсь, изъ той-же газеты, слѣдующую выдержку изъ корреспонденціи, ярко характеризующей положеніе въ Якутской области интеллигентнаго ссыльнаго, по всей вѣроятности, въ данномъ случаѣ, политическаго. «Казаки, привезшіе меня изъ Якутска, уѣхали, и я остался одинъ среди якутовъ, ни слова не понимающихъ по-русски. Они вѣчно за мной слѣдятъ, боясь, если я уйду отъ нихъ, своей отвѣтственности передъ начальствомъ. Выйдешь изъ душной, одиноко стоящей юрты пройтись,—за тобой уже слѣдитъ подозрительный якутъ. Берешь въ руки топоръ— обстругать себѣ палку, боязливый якутъ жестами и мимикой проситъ тебя оставить и идти лучше въ юрту. Входишь туда; передъ печкой сидитъ, снявши всю одежду, якутъ и ищетъ вшей,—красивая картина!.. Якуты живутъ зимой вмѣстѣ съ рогатымъ скотомъ, часто даже не отдѣляясь отъ него тонкой перегородкой; пометъ скота и дѣтей въ юртѣ, чудовищная неопрятность и грязь, гніеніе соломы и тряпокъ, на постели разныя насѣкомыя въ огромномъ количествѣ, душный до нельзя воздухъ, невозможность сказать два слова по русски,—все это положительно можетъ свести съ ума. Пищи якутской ѣсть почти невозможно; она неопрятно изготовлена, часто изъ тухлаго матеріала, безъ соли, — съ непривычки отъ нея дѣлается рвота. Посуды и одежды своей они вовсе не моютъ, бань у нихъ нѣтъ нигдѣ и всю зиму—8 мѣсяцевъ ходишь не чище якута. Отлучаться мнѣ никуда нельзя, а въ самый городъ—за 200 отсюда верстъ тѣмъ болѣе; живу я поочередно у жителей: у одного полтора мѣсяца, потомъ ѣдешь на тотъ-же срокъ къ другому и т. д. Читать нечего; ни книгъ, ни газетъ,—я ничего не знаю, что дѣлается на свѣтѣ. *Да, положеніе тяжелое, такое тяжелое, что его не пожелаешь и своему врагу*» (ib.). Sapienti sat!..

Авторъ.

результаты ея заслуживаютъ серьезнѣйшаго правительственнаго и общественнаго вниманія и обсужденія. Надъ ними необходимо много и долго подумать, прежде чѣмъ принять извѣстный проектъ комиссіи о реформѣ ссылки и провести его въ жизнь. Тогда полная несостоятельность его будетъ очевидна всякому. Мы-же лично въ этомъ глубоко убѣждены и ссылку преступниковъ въ Якутскую область или другіе отдаленные сѣверные раіоны Сибири находимъ не только житейски-неудобной, но и жестокой мѣрой, не мирящейся съ христіанскими взглядами. Больной и давно назрѣвшій вопросъ объ отмѣнѣ ссылки долженъ разрѣшиться болѣе цѣлесообразнымъ и гуманнымъ способомъ. За отмѣну ссылки стояли наши лучшіе криминалисты, публицисты, представители сельскаго общества и инородческаго, главнымъ образомъ, Якутскаго населенія [1]). Среди

[1]) Якутское населеніе неоднократно ходатайствовало передъ правительствомъ объ отмѣнѣ ссылки въ Якутскую область. Еще въ 1859 году, т. е. уже черезъ три года послѣ появленія уголовныхъ ссыльныхъ въ Мегинскомъ улусѣ, — по словамъ автора «Замѣтки о вліяніи уголовныхъ ссыльныхъ на якутское населеніе»,—родоначальники всѣхъ родовыхъ управленій подаютъ прошеніе «объ избавленіи отъ назначенія на будущее время въ наслеги ихъ поселенцевъ по неимѣнію у нихъ удобныхъ мѣстъ жительства», они просятъ «избавить ихъ отъ затрудненія и предоставить имъ черезъ то тишину и спокойствіе». Черезъ двадцать лѣтъ, въ томъ-же Мегинскомъ улусѣ, по словамъ того-же автора, всѣ старосты тамошнихъ наслеговъ рѣшились, наконецъ, на поступокъ довольно смѣлый въ ихъ положеніи: послѣ требованій администраціи объ отводѣ поселенцамъ земель, даже независимо отъ ихъ требованій, старосты «единодушно отказались дать подписку въ исполненіи этого приказа» и одновременно съ этимъ возобновили ходатайство о переводѣ всѣхъ поселенцевъ на рѣку Амгу. Умершій теперь голова Бутурусскаго улуса Е. Николаевъ, человѣкъ чрезвычайно популярный среди инородцевъ, въ 80 годахъ также неоднократно обращался къ правительству съ ходатайствами объ удаленіи инородцевъ изъ Якутской области. (См. «Памятн. кн. Якут. Обл.» за 1896 г., стр. 56.). Одинъ-же изъ якутскихъ старостъ, посланный депутатомъ отъ якутскаго населенія на коронованіе Императора Александра III, тоже подалъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ записку о нуждахъ якутскаго населенія, краеугольнымъ камнемъ которой положилъ именно просьбу объ уничтоженіи ссылки» (См. «Ссылка и поземельный вопросъ въ Якутской области» П. Н-ъ. «Восточн. Обозр.» 1886 г. № 46, стр. 8). Далѣе. при посѣщеніи Якутска графомъ Игнатьевымъ, депутатъ отъ Верхоянскаго округа, бывшій верхоянскій улусный голова, кромѣ общественнаго приговора о трехъ пунктахъ ходатайства, въ число которыхъ входилъ и пунктъ объ отмѣнѣ ссылки въ Верхоянскій округъ, представилъ отъ себя подробную докладную записку, гдѣ въ яркихъ краскахъ излагалъ бѣдственное положеніе якутовъ, обусловливающееся, главнымъ образомъ, существованіемъ въ краѣ ссылки. Данная записка вызвала запросъ въ полицію, которая въ свою очередь подтвердила справедливость всего изложеннаго въ упомянутой запискѣ (С. Коваликъ; «Верхоянскіе якуты и ихъ экон. полож.»). Наконецъ, въ одной изъ бумагъ, относящихся къ 1886 г., мы находимъ слѣдующую характеристику состоянія ссылки въ Якутской области; «Отношенія между поселенцами и инородцами обострились до такой степени, что ихъ можно считать двумя враждующими сторонами, между которыми идетъ пока глухая борьба, готовая рано или поздно разрѣшиться рядомъ кровавыхъ расправъ, признаки чего уже выразились въ столкновеніяхъ ссыльныхъ съ якутами, окончившихся смертельными случаями въ настоящемъ году. (См. «Памятн. Кн. Якутской области» 1896 г., стр. 57). *Авторъ*.

этихъ многочисленныхъ и горячихъ голосовъ слышатся и голоса нѣкоторыхъ представителей изъ высшей сибирской администраціи. Наконецъ, сама жизнь громко и настоятельно вопіетъ объ этомъ. Ея желѣзная логика рано или поздно повернетъ колесо исторіи въ благопріятномъ для Сибири смыслѣ и настоитъ на полной отмѣнѣ ссылки.

До сихъ-же поръ, при нашей современной ссыльной и тюремной системѣ наказанія, исправленіе преступниковъ не только не достигалось, а наоборотъ, какъ видѣли читатели выше, они, вынуждаемые голодомъ, холодомъ и невыносимыми физическими и нравственными страданіями, только впадали и впадаютъ въ новыя и еще болѣе тяжкія преступленія и окончательно гибнутъ для общества и государства.

Категорически высказываясь противъ ссылки, мы также не можемъ примириться и съ тюремной системой наказанія, не достигающей исправительныхъ цѣлей. Наши pia desideria въ практическомъ отношеніи и для ближайшаго времени, это — условное осужденіе, съ системой котораго нашъ журналъ въ свое время уже знакомилъ своихъ читателей.

Н. Арефьевъ.

Плоскогорье.

Романъ.

Часть вторая.

Одиночество.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Изъ края въ край, изъ града въ градъ,
Судьба, какъ вихрь, людей мятетъ.
И радъ-ли ты или не радъ,
Что нужды ей?.. Впередъ, впередъ!

Знакомый звукъ намъ вѣтръ принесъ:
Любви послѣднее прости...
За нами много, много слезъ,
Туманъ, безвѣстность впереди!

Тютчевъ.

I.

Сентябрьская ночь была прохладна и пасмурна. Экипажъ, въ которомъ ѣхали Нина съ Павломъ Ивановичемъ, качало изъ стороны въ сторону по глинистымъ колеямъ, размытымъ продолжительными дождями. Кучеръ, вглядываясь въ темноту, осторожно правилъ лошадьми, борясь съ дремотой.

— Достаньте мнѣ, пожалуйста, дядя, платокъ. Холодно!—сказала Нина.

— Ты что-то блѣдна сегодня,—отвѣтилъ Павелъ Ивановичъ, заботливо укутывая ее.

— Устала! Ужасно утомительная церемонія—свадьба, и такой неподходящій людъ тамъ былъ. Бѣдная Оленька! Она будетъ очень несчастна съ этимъ купчикомъ.

— Да. Она, кажется, до сихъ поръ неравнодушна къ нашему Николаю. Ну да, что-жъ дѣлать! Двадцать-три года дѣвушкѣ,—лучшаго жениха ей не найти.

— Колѣ ужасно непріятна эта исторія,—продолжала Нина.—Вѣдь онъ не давалъ ей ни малѣйшихъ поводовъ разсчитывать. И удивительно, какъ долго это тянется. Лѣтъ семь, восемь... Она была еще совсѣмъ дѣвочкой. Вообще она такъ мало измѣнилась. Когда подумаешь о себѣ...

— Да ты сильно измѣнилась. Ты меня безпокоишь, Нина.

— Старше становишься. И потомъ, знаете, дядя Поль, всѣ эти неурядицы дома. Меня очень безпокоитъ папа. Мнѣ кажется, что въ нашихъ дѣлахъ не все ладно. Папа́ никогда не говоритъ намъ о дѣлахъ. Даже Николаю. А вѣдь мы теперь не маленькіе, слава Богу.

— Непріятно, мой другъ. Кому это можетъ быть пріятно? Конечно, ему очень тяжело живется. Издержки большія, денегъ много требуется. Не можете-же вы, въ самомъ дѣлѣ, перемѣнить свою жизнь и скряжничать. А доходы съ годами уменьшаются. Много-ли даетъ теперь имѣнье? Да, впрочемъ, что говорить. Твой папаша, какъ и всѣ мы, не мастеръ заниматься хозяйствомъ. Натуры у насъ не такія, чтобъ входить въ каждую мелочь.

— Maman тоже очень разстроена. Замѣтно, какъ молодость измѣняетъ ей, и должно быть, она это чувствуетъ. Знаете, когда полковникъ женился въ прошломъ году, она была очень поражена. Въ сущности, что онъ ей? Такъ, въ поклонникахъ состоялъ, а между тѣмъ... Мнѣ было ее очень жаль, когда они пріѣхали къ намъ съ визитомъ. Она тогда нѣсколько платьевъ перепробовала, чтобы встрѣтить ихъ во всей красотѣ. И потомъ, когда она вышла, у нея даже руки дрожали.

— Да, мой другъ,—отвѣчалъ Павелъ Ивановичъ.—Не веселая штука старѣть! Чувствуешь, что становишься не прежній, и что-то щемитъ душу. Хорошо, если въ жизни есть что-нибудь, что грѣетъ жарче огня.

У Нины дрогнуло сердце при этихъ словахъ. Она знала, куда можетъ повернуться разговоръ и хотѣла, по обыкновенію, отклонить его.

— Ты теперь въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ,—продолжалъ Павелъ Ивановичъ,—и не скоро еще поймешь это. А какъ подойдешь къ пятидесяти—знаешь: тяжелѣешь какъ-то. И невесело становится. Самолюбіе страдаетъ. И всѣ вы, молодые, кажетесь такими юненькими, зелеными, чуть не дѣтьми.

Нина усмѣхнулась.

— Знаете, дядя Поль, вѣдь это непріятно, когда взрослаго человѣка считаютъ ребенкомъ. Въ этомъ есть фальшь какая-то и непониманіе.

— Почему ты говоришь—непониманіе?—живо и взволнованно перебилъ онъ.—Можетъ быть, я очень даже хорошо понимаю тебя! Ты знаешь, когда дѣло касается тебя...

Онъ крѣпко сжалъ ея руку.

«Какой ужасъ это его чувство ко мнѣ», подумала Нина и потянула руку. Но онъ не отпускалъ ея и нервно сжималъ еще крѣпче.

— Вотъ я говорила, что душно будетъ въ закрытомъ экипажѣ,— сказала она.—Лучше-бы спустить верхъ.

— Ну полно! дождикъ накрапываетъ. Да и сыро. Закрыть тебѣ ноги пледомъ?

— Нѣтъ, не надо.

— Боюсь, простудишься. Продуваетъ.

Онъ наклонился и просунулъ руку подъ фартукъ. Она нѣсколько отодвинулась.

— Вотъ ты какая!—сказалъ Павелъ Ивановичъ, и въ голосѣ его зазвучалъ упрекъ.—Даже позаботиться о себѣ не дашь.

— Да вы напрасно безпокоитесь, милый дядя. Вѣдь, вы знаете, я никогда не простужаюсь.

— Да, ты всегда была прежде здоровая. Только послѣднее время что-то, не знаю, недоволенъ я тобой. Глаза какіе-то усталые. Ты думаешь, я не замѣчаю. Эхъ, Ниночка, Ниночка...

Онъ вздохнулъ.

— Ты вотъ и не знаешь, а я только въ комнату вхожу и ужъ все вижу. Нюхъ у насъ, у стариковъ, развивается, чутье. Не вѣришь?—прибавилъ онъ, ближе наклоняясь къ ней въ темнотѣ.

— Что-же вы теперь чуете?—спросила Нина.

— Что? Да все чую, что у тебя въ душѣ.

— А что-же въ душѣ?

— Да то вотъ, что есть. Ну—неладно. Однимъ словомъ, сама знаешь.

Нина знала, что при всемъ его вниманіи къ каждому движенію ея лица, онъ не могъ разгадать тѣхъ мыслей, которыя послѣднее время всего больше занимали ее, и почему-то ей хотѣлось дать ему понять это.

— Вотъ вы говорите, неладно, — сказала она.—Это, положимъ, правда. Только отчего-же, какъ вы думаете?

— Мало-ли причинъ. Ну вотъ дѣла эти всѣ ваши семейныя. И потомъ—ты взрослая становишься, одинока. Общество все такое—тебѣ не подъ стать. На мѣстѣ засидѣлась.

— Да, это вы правду говорите,—сказала Нина.—Засидѣлась. И видите-ли... Только, вѣдь, вы не будете мнѣ сочувствовать.

— Вотъ ты всегда такъ! Еще не знаешь, что я скажу, а говоришь не буду сочувствовать. Ну когда это было, чтобы я въ чемъ-нибудь тебѣ препятствовалъ?

— Нѣтъ, я этого не говорю. Вы даже всегда баловали меня.

— Баловалъ! Ахъ, Боже мой, что такое баловалъ! Такъ-ли-бы я тебя баловалъ, если-бы... если-бы... Слава Богу, не маленькая ты, Нина, сама знаешь, что нѣтъ у меня другой жизни, кромѣ твоей.

Онъ смолкъ и наклонился къ ея рукѣ. Его голова, съ рѣдѣющими, гладко причесанными волосами, съ которыхъ онъ сдернулъ шляпу, была у самаго ея лица.

— Не надо, дядя. Я не хочу. Ну, я не люблю этого.

— Не любишь? А если я-то люблю?—воскликнулъ онъ съ горечью.—Мнѣ-то что съ этимъ дѣлать прикажешь? Кажется, я долго себя ломалъ. Господи Боже мой, сколько ужъ лѣтъ! Почти дѣвочкой ты была. Помнишь эту твою исторію? Тогда ужъ я—какъ-то вдругъ... Ну да все равно, тебѣ непріятно, я не буду говорить. Такъ, вѣдь, вотъ тогда ужъ вся душа у меня болѣла, я тебѣ не говорилъ. Я все ждалъ, что ты кого-нибудь встрѣтишь достойнаго, замужъ выйдешь...

— Ради Бога, дядя, зачѣмъ вы такъ говорите! Вы знаете, я не собираюсь замужъ.

Она была взволнована, измучена его признаніями. Но его слова о замужествѣ, которыя ей уже столько разъ приходилось слышать за послѣднія лѣта, нѣсколько охладили ее.

— Почему? Всѣ дѣвушки говорятъ это, а потомъ—какъ всегда. Я такъ и думалъ, и ждалъ. А теперь силъ больше нѣтъ.

Онъ опять сталъ прижимать ея руку къ своему лицу и, цѣловать ея пальцы, ладонь и выше ладони.

— Дядя, милый, оставьте! Право мнѣ непріятно, мнѣ... страшно!— воскликнула вдругъ Нина, не замѣтивъ, какъ это слово сорвалось у нея съ языка.

— Что ты?—отозвался онъ съ изумленіемъ и скорбью, отстраняясь отъ нея. — Господь съ тобой! Нина... Да вѣдь я самъ тебя боюсь. Другой разъ... вѣришь-ли... вѣдь я подойти къ тебѣ не рѣшаюсь. Вѣдь ты для меня,—понимаешь-ли ты это,—маленькая звѣзда! Родная ты моя!—говорилъ онъ дрожащимъ успокаивающимъ голосомъ, въ которомъ звучалъ восторгъ.

Онъ сжалъ ея руки, и повернувшись къ ней, глядѣлъ на нее влажными глазами, которые свѣтились въ полумракѣ.

— Дядя милый,—заговорила опять Нина, убѣждающимъ, почти умоляющимъ тономъ:—вы не знаете, какъ мнѣ это больно. Я не могу видѣть, чтобы вы изъ-за меня мучились. И право, это такъ неожиданно.

— Неожиданно? Ты не знала? Это съ твоимъ-то умомъ—ты не знала, не видѣла?

Нина не могла по совѣсти сказать, что она совсѣмъ не знала, и уклоняясь отъ прямого отвѣта, замѣтила:

— Нѣтъ, видите-ли, вамъ это такъ не подходитъ! Я съ дѣтства думала о васъ какъ-то по другому.

Она хотѣла и не рѣшалась ему сказать, что привыкла считать его за неутѣшнаго вдовца, что любовь его къ первой женѣ, ей казалось, не могла умереть въ его сердцѣ.

Онъ угадалъ ея мысль.

— Ты про то, про мое прошедшее?—заговорилъ онъ.—Боже мой, да я ее и не забылъ. Развѣ я смѣлъ-бы забыть! Ты знаешь, у меня портреты до сихъ поръ висятъ на всѣхъ стѣнахъ,—я на нихъ гляжу постоянно и молюсь ей, какъ на образъ. Только, вѣдь, сердце-то живое. Оно любви требуетъ. Если-бъ я тогда умеръ вмѣстѣ съ ней—ну, тогда конецъ. А, вѣдь, я живу. Давно это было. Говорятъ человѣкъ за сколько-то лѣтъ весь, во всемъ своемъ составѣ, перемѣняется. Ну вотъ такъ и у меня... Хуже мнѣ было безъ этого—пока не понялъ я себя. Жить тошно было. Одного только и искалъ—забыться. А теперь тянется къ тебѣ мое сердце и нѣтъ ему покою...

Нинѣ все труднѣе было дышать отъ волненія. Ни одного утѣшительнаго слова не находила она для этого несчастнаго человѣка, для милаго дяди Поля, котораго она съ дѣтства такъ любила и который всю жизнь былъ ея надежнымъ другомъ.

— Ну вотъ, я и сказалъ тебѣ все!—заговорилъ Павелъ Ивановичъ, помолчавъ, и уже по иному, робко и бережно прикоснулся къ ея рукѣ.—Вотъ душа какъ будто и облегчилась. А можетъ быть, и не облегчилась, опять начнется вся эта мука, какъ только я поѣду къ себѣ и останусь одинъ. Безъ тебя-то мнѣ очень ужъ плохо. Да и съ тобой, не знаешь, куда дѣвать себя.

— Если-бы вы успокоились!—нѣжно сказала Нина.

— Успокоиться! Ахъ, Боже мой, легко сказать! Не любила ты никогда, вотъ и говоришь—успокоиться. А полюбишь,—сама узнаешь.

Онъ нѣсколько разъ вздохнулъ стонущимъ звукомъ.

— Дядя милый... скоро мы пріѣдемъ?

Онъ ничего не отвѣтилъ.

Нина высунула голову изъ-подъ крышки экипажа. Съ сѣраго неба, по которому зыбкими пятнами мчались тучи, крапалъ мелкій дождикъ. Холодная муть ночного тумана стлалась по сторонамъ дороги и ни одного огня не было видно кругомъ. Колеса, раскатываясь, скользили по проселку и хлюпали въ лужахъ.

— Какъ долго,—сказала Нина, садясь опять на мѣсто.—Душно! Дядя Поль, велите спустить верхъ, я зонтикъ возьму.

Онъ точно неслыхалъ ея просьбы.

— А планы у тебя какіе?—вдругъ вспомнилъ онъ ревниво, погруженный въ свои мысли.

— Потомъ, когда-нибудь, въ другой разъ. Теперь я, право, такъ устала. Голова кругомъ идетъ. Скажите кучеру, чтобы онъ все-таки ѣхалъ поживѣе...

Павелъ Ивановичъ приказалъ кучеру ѣхать скорѣе и, выслушавъ его возраженія, безсильно откинулся къ высокой пружинной спинкѣ коляски. Слова Нины о томъ, что она устала, вернули ему самообладаніе. А Нина, содрагаясь мелкой и холодной дрожью, съ отуманеннымъ сознаніемъ, молча прислушивалась къ колокольчику, который медленно и глухо гудѣлъ въ отсырѣвшемъ воздухѣ.

II.

Нина проснулась раньше обыкновеннаго и сейчасъ-же вспомнила вчерашній разговоръ съ дядей. Ей стало такъ скверно на душѣ, что она вскочила и начала торопливо одѣваться: какъ будто это могло устранить непріятное чувство. Правда, ничего новаго она не узнала. Но до сихъ поръ можно было отгонять мысли объ этомъ и вести себя съ нимъ попрежнему. Теперь-же невольно возникалъ вопросъ: что съ этимъ дѣлать? Конечно онъ говорилъ и повторялъ, что ничего не требуетъ и не ждетъ отъ нея. Но всякая любовь ждетъ, надѣется на что-то... Даже любовь родныхъ. «Всѣ они смотрятъ на меня такъ, какъ будто я обязана сдѣлать что-нибудь пріятное для нихъ. А что я могу?»

Нина вышла изъ своей комнаты, надѣла пальто и пошла черезъ садъ къ рѣкѣ. Прохладный вѣтеръ дулъ ей навстрѣчу, крутя пожелтѣвшіе, вялые листья, опадавшіе съ деревьевъ. Въ саду было сыро и неуютно. Длинная трава, примятая дождемъ, спутанная и потемнѣвшая, вздрагивала при порывахъ вѣтра и чуть слышно сипѣла.

«Бѣдный дядя Поль!» повторяла Нина съ легкимъ содроганіемъ. «Вотъ онъ спрашивалъ вчера, что онъ можетъ сдѣлать для меня, чего мнѣ не достаетъ. Еслибъ я могла сама на это отвѣтить! Хочется только, чтобы не было того, что есть, изъ чего состоитъ вся моя жизнь. И когда я думаю о немъ, тоже одного только хочется,—не встрѣтить, не видѣть его. И никого изъ своихъ не видѣть. Даже заботы ихъ обо мнѣ начинаютъ раздражать меня. Мнѣ все кажется, что они заботятся отъ бездѣлья, какъ maman отъ бездѣлья подыскиваетъ въ журналахъ фасоны для моихъ платьевъ. А можетъ быть это и несправедливо. Положительно я становлюсь несправедлива отъ скуки и, право, изъ за одного этого нужно было-бы что-нибудь сдѣлать: чтобы не носиться съ этими скверными, злыми чувствами...»

Нина спустилась къ рѣкѣ и остановилась подлѣ толстой березы, прислонившись къ бѣлой, влажной, липкой корѣ, прорѣзанной темными шишистыми буграми. Вѣтеръ дулъ прохладный и острый,—рѣзалъ лицо,

выбивалъ волосы изъ-подъ платка. Нина стояла и смотрѣла на поднявшуюся въ запрудѣ мутную воду, которая морщилась и волновалась отъ порывовъ встрѣчнаго вѣтра, на противоположный низкій берегъ, поросшій густымъ жесткимъ камышемъ, на туманное свѣтло-сѣрое небо. Оно казалось мягкимъ и спокойнымъ. Должно быть, тамъ не было вѣтра. Высоко, чуть замѣтными черными точками неслись къ югу перелетныя птицы, и провожая ихъ глазами, хотѣлось повернуться въ ту-же сторону и идти вслѣдъ за ними. Онѣ скрывались изъ виду, глазъ едва улавливалъ уже не черныя точки, а что-то смутное, почти прозрачное, движущееся все дальше и дальше. Нина оторвалась отъ дерева и пошла прочь отъ рѣки, не думая о томъ, куда идетъ...

«Вотъ такъ, идти и идти, все дальше, прямо», мелькнула ей полушутливая, полуфантастическая мысль.

Она засмѣялась и повернула домой.

На террасѣ бились отъ вѣтра еще не просохшія послѣ дождя парусинныя занавѣси. Дикій виноградъ, покрывавшій стѣны, сталъ пурпурнымъ. Окно той комнаты, гдѣ жилъ лѣтомъ братъ, оставалось отвореннымъ, и тяжелая рама тихонько похлопывала отъ вѣтра на длинномъ крючкѣ. Черезъ окно виднѣлся столъ, съ котораго убраны были всѣ письменныя принадлежности. Уже четвертый годъ Николай уѣзжалъ въ Москву, въ университетъ, и каждый разъ отъѣздъ его будилъ въ душѣ Нины горькое, завистливое ощущеніе. Онъ радовался, собираясь въ Москву, веселый и беззаботный. Судя по его собственнымъ разсказамъ, онъ мало работалъ и очень пріятно проводилъ время. Товарищи любили его, и даже профессора, повидимому, съ какою-то особенною снисходительностью относились къ этому блоговоспитанному и безпечному юношѣ.

«Онъ избаловался тамъ», подумала Нина.—«У него явился какой-то непріятный тонъ».

Въ самомъ дѣлѣ въ разговорѣ съ сестрой Николай черезчуръ подчеркивалъ свою самостоятельность и слишкомъ легкомысленно и развязно спрашивалъ ее, скоро-ли она выйдетъ замужъ. И онъ, повидимому, ждалъ этого отъ нея, какъ всѣ домашніе. Это было несносно.

Нина вошла въ гостинную и увидѣла мачиху въ обществѣ тетки, которая гостила въ Знаменкѣ. Дамы пили чай и бесѣдовали. Нина подошла къ нимъ и подсѣла у столика.

— Такъ вотъ... Что я говорила...—продолжала тетка Sophie, — не торопясь, какимъ-то особенно тягучимъ тономъ, — да... про этотъ пирогъ, который мнѣ привезли изъ Варшавы... Клянусь вамъ, это было что-то удивительное: онъ просто таялъ во рту...

Нина улыбнулась и встала.

— Куда ты Нина? — сказала Елена Николаевна. — Посиди съ нами... Такъ скучно.

— Что прикажете дѣлать?—отвѣчала тетка Sophie.—Молодежь нынче стала такая непосѣдливая! Скорѣе два часа по дождю будетъ гулять, чѣмъ посидѣть со старшими или взяться за какое-нибудь рукодѣлье.

— Да мнѣ Сашу видѣть надо,—отвѣтила Нина, чтобы какъ-нибудь отдѣлаться.

— Сашу? Ну, пойди. Онѣ варятъ варенье съ m-lle Linon, — сказала Елена Николаевна. — Я такъ рада, когда Нина займется съ Сашей, — продолжала она, обращаясь къ теткѣ. — Вы не можете себѣ представить, какъ меня огорчаетъ Саша. Безчувственная какая-то!

Нина молча вышла въ садъ. Здѣсь было легче, чѣмъ въ гостинной, подлѣ тетки, которая какъ-то особенно осторожно, съ кончика ложки, ѣла варенье и разсказывала о варшавскомъ пирогѣ.

Она шла по дорожкамъ, которыя проросли травой и которыхъ уже больше не чистили. Приземистыя яблони широко разставляли въ прозрачномъ холодномъ воздухѣ свои отсырѣвшіе сучья, съ которыхъ отряхнули всѣ яблоки и часть листвы. Побурѣвшій малинникъ стоялъ перепутанный, примятый и поломанный. На деревьяхъ кричали большія, глянцовитыя, точно промокшія, галки.

Нина нашла, наконецъ, Сашу и m-lle Linon. На зеленомъ деревянномъ столѣ, врытомъ въ землю аллеи, стояли блюда съ яблоками. M-lle Linon, сидя на скамейкѣ, раздраженно глядѣла въ тазъ, кипѣвшій на жаровнѣ. Саша, бѣленькая, съ двумя гладкими русыми косами, стояла у стола, навалившись на него локтями: теперь ее уже не преслѣдовали за эту привычку, какъ въ дѣтствѣ.

— Варенье варите?—спросила Нина, стараясь сдѣлать видъ, что это интересуетъ ее.

— Oh mademoiselle Nina! — заговорила француженка. — Vous ne savez pas quelle souffrance...

— Да видишь, Нина! — перебила Саша, заволновавшись. — Я ей читаю по книжкѣ, а она не понимаетъ... — Она подталкивала Нинѣ истрепанную поваренную книгу, съ закрутившимися уголками.—Нужно сначала сиропъ, а потомъ положить яблоки и варить, пока можно проткнуть соломинкой. А m-lle Linon говоритъ, что не нужно соломинкой. Я вчера пять часовъ подрядъ выбирала солому. Не бросать-же теперь?

— Ну что такое?—засмѣялась Нина.

Она взяла книгу, разобрала недоразумѣніе Саши и гувернантки, такъ что онѣ обѣ сконфузились и притихли, и пошла дальше.

«Боже мой!» думала она.—«Эти драмы изъ-за яблочнаго варенья!.. Каждый день что-нибудь такое и каждый день я говорю себѣ, что это невозможно, что нужно устроить свою жизнь по новому, а когда спрошу себя—какъ, то не знаю... И главное здѣсь я все буду стараться дѣлать видъ, что это занимаетъ меня. И сама буду часто дѣлать то, что онѣ.

Гадко,—и все-таки буду... Нужно рѣшиться на что-нибудь», повторяла про себя Нина, быстрыми шагами ходя по дорожкамъ сада, и съ болью чувствуя, какъ бѣжитъ время, ни къ чему не подвигая ее и только усиливая тревогу.

III.

Когда утомленная и прозябшая Нина пришла къ обѣду, ее поразило оживленіе на лицахъ всѣхъ присутствующихъ. Они прервали общій разговоръ и глаза ихъ обратились къ Нинѣ.

«Какъ странно!» подумала она. «Глядятъ не по обыкновенному. Письмо, вѣрно, какое-нибудь пришло».

— Что это ты такъ загулялась, дѣвочка?—сказалъ Сергѣй Ермолаевичъ и испытующе взглянулъ на нее.

— Стемнѣло ужъ совсѣмъ, — прибавила Елена Николаевна. — Ты знаешь, въ эти часы очень вредно гулять. Это портитъ teint. И потомъ ты можешь потерять голосъ.

— Что вы—письмо получили какое-нибудь интересное?—перебила Нина.

— Нѣтъ, почему ты думаешь?—засмѣялся Сергѣй Ермолаевичъ.— Этакій канальственный нюхъ,—прибавилъ онъ.—Всякій пустякъ сейчасъ учуетъ!

— Monsieur Sourovzeff va venir, — крикнула француженка, торопясь первой доложить занимавшую всѣхъ новость.

— Что такое?—обратилась Нина къ отцу.

Взглядъ ея скользнулъ по нѣсколько напряженнымъ лицамъ мачихи и тетки и остановился на лицѣ дяди, взволнованномъ и какъ будто непріятно разстроенномъ.

— Суровцевъ, Аркадій Павловичъ... Развѣ ты не помнишь? — говорилъ Сергѣй Ермолаевичъ такимъ тономъ, какъ будто нельзя было не помнить этого имени. — Старый мой пріятель, петербургскій адвокатъ. Талантливѣйшій малый!.. Такое блестящее положеніе создалъ себѣ... Можно сказать знаменитость...

— Извѣстный похититель женскихъ сердецъ, — томно и многозначительно прибавила тетка, бывавшая въ Петербургѣ.

«А, это опять на мой счетъ виды!» подумала Нина, нахмуривъ брови.—«Удивляюсь, какъ у нихъ не хватитъ такта скрыть свои мысли».

— Что-же онъ сюда пріѣдетъ? — спросила она, по возможности спокойнымъ и равнодушнымъ тономъ.

— Въ томъ-то и дѣло!—воскликнулъ Сергѣй Ермолаевичъ, и въ голосѣ его слышалось удовольствіе. — Какъ ни какъ,—хоть и старые товарищи,—а все-таки это очень мило съ его стороны — тащиться сюда изъ города за пятнадцать верстъ.

Нина прекратила разговоръ и до конца обѣда сидѣла раздосадованная и молчаливая.

«Неужели они думаютъ, что я не замѣчаю всѣхъ этихъ усмѣшечекъ. Вотъ что отвратительно въ ихъ заботливости объ устройствѣ моей судьбы! Какая-то самоувѣренность, — убѣжденіе, что они все взвѣсили и разсчитали за меня. Не успѣешь оглянуться, а они уже все рѣшили и точно сговорились, — поощрять меня или не поощрять. И, вѣдь, ужъ сколько разъ поощряли! Прежде, въ молодости, нравилось все-таки когда кто нибудь ухаживалъ... Но теперь—когда чувствуешь на себѣ эти безпокойные взгляды, сразу все становится противнымъ. Они такъ хотятъ, чтобы я полюбила кого-нибудь! Но никогда этого не будетъ, пока я съ ними. Прежде, въ дѣтствѣ, письмо перехватили. Теперь всякій взглядъ перехватятъ. И ничего не будетъ, никакой жизни, ни радости, ни горя! Состарѣюсь такъ!» со злостью думала Нина, выходя изъ-за стола и разсѣянно благодаря за обѣдъ отца и мачиху.

«Состарѣюсь такъ!» повторяла она, идя къ себѣ въ комнату. Ей начинало казаться, что она и лицомъ постарѣла до неузнаваемости. Она зажгла свѣчу и подошла къ зеркалу. Да, конечно, лицо ея было не прежнее. Она давно знала это. Тотъ-же правильный овалъ, тѣ-же тонкія, твердыя черты и мягко темнѣющія брови. Но въ глазахъ непріятный, холодный и сухой блескъ, зрачки съужены, цвѣтъ лица гораздо темнѣе и желтѣе. И волосы не вьются локонами, какъ прежде, такъ что ихъ приходится даже подвивать на лбу... На ея письменномъ столѣ стоялъ маленькій портретъ, сдѣланный съ нея въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ. Она любовалась имъ, уже не какъ на самоё себя, а какъ на что-то далекое и невозвратимое, и тѣмъ больнѣе было видѣть себя въ зеркалѣ. И причесаться къ лицу ей не удавалось. Ничто ей не шло, не давало ея наружности опредѣленности и законченности.

«А! какіе скучные, тревожные дни! И куда они ведутъ?.. Неужели этотъ, завтрашній?» подумала она съ легкимъ содроганіемъ.

IV.

Было уже поздно, самоваръ давно остылъ на столѣ, и обитатели Знаменскаго дома, по привычкѣ рано ложиться спать, чувствовали себя утомленными и разсѣянными. Но словоохотливый гость не унимался. Аркадій Павловичъ Суровцевъ, какъ человѣкъ увѣренный въ обаяньи своего краснорѣчія, говорилъ оживленно, не стѣсняясь, ни на кого въ частности не глядя, но внимательно слѣдя за производимымъ впечатлѣніемъ.

...Вы, конечно, не заподозрите меня въ приверженности къ этимъ «идеямъ», — перебилъ онъ вдругъ свое повѣствованіе, обращаясь къ

хозяину дома, — и даже пожалъ плечами. — Но что ни говорите — смѣлость! смѣлость! Это невольно подкупаетъ насъ, несчастныхъ россійскихъ гамлетовъ. И когда слышишь, какъ они умѣютъ говорить о своемъ дѣлѣ—plaider leur cause—увѣряю васъ... Вы скажете, что это бредъ молодыхъ умовъ, опасная химера, фантазія, и при томъ фантазія, занесенная съ «гнилого запада», какъ выражается нашъ доморощенный геній Михаилъ Никифоровичъ... — Суровцевъ на мгновеніе смолкъ, задумчиво опустилъ голову и наморщилъ брови.—Я, быть можетъ, соглашусь съ вами. Но повторяю,—оставимъ въ сторонѣ суть вопроса. Меня интересуютъ типы, типы! И въ этомъ отношеніи, мы адвокаты, играющіе иногда роль конфидентовъ, такъ сказать — наперсниковъ этихъ героическихъ юнцовъ, — имѣемъ въ запасѣ наблюденія, которыя могли-бы не мало прибавить къ моднымъ разсужденіямъ о героахъ и толпѣ. Записать многое стоило-бы — для потомства: я не стою за полное раскрытіе нашихъ язвъ передъ современной толпой,—и безъ того достаточно растерявшейся и смятенной.—Суровцевъ выговорилъ послѣднее слово шутливо: «смятэнной» — чтобы не отнимать у своей рѣчи легкаго, отнюдь не назидательнаго характера...—Такъ вотъ говорю я,—этотъ процессъ, за которымъ я имѣлъ счастливую возможность слѣдить воочію, этотъ во всѣхъ отношеніяхъ историческій процессъ, убѣдилъ-бы васъ во многомъ, о чемъ— извините меня—вы, провинціалы, не имѣете надлежащаго понятія. И, главное,—эти женщины среди мужчинъ, блѣдныя, худенькія, и при этомъ спокойныя, почти улыбающіяся—замѣтьте, на судѣ! Вы представляете себѣ обстановку?..

Втеченіи всего обѣда, и послѣ обѣда, и за вечернимъ чаемъ Суровцевъ не переставалъ говорить и разсказывать. Какъ человѣкъ, только что пріѣхавшій изъ столицы, онъ началъ съ того, что бросилъ нѣсколько свѣжихъ новостей касательно послѣднихъ государственныхъ перемѣнъ, упомянулъ, въ сдержанныхъ выраженіяхъ, о недавней трагической кончинѣ Александра II и его заслугахъ передъ страною, охарактеризовалъ начало новаго царствованія, высказалъ свои соображенія о предстоящихъ чиновныхъ перемѣщеніяхъ въ высшихъ сферахъ и наконецъ, завладѣвъ общимъ вниманіемъ, сталъ разсыпать мелкіе эпизоды изъ своихъ наблюденій надъ современными нравами Петербурга. Рѣчь его была вольная, легкомысленно-смѣлая, порою не безъ игривости. Не стѣсняясь въ выраженіяхъ, но давая чувствовать окружающимъ конфиденціальность своихъ сообщеній, онъ рисовалъ комическими и неприглядными чертами портреты лицъ, передъ которыми другіе благоговѣли. При этомъ онъ намекалъ на то, что ему удалось, благодаря своему положенію, узнать многія важныя вещи изъ первоисточника, и тонко оттѣнялъ независимость и благородство своихъ воззрѣній и поступковъ.

Нина такъ устала за день, что минутами переставала различать содержаніе его разсказовъ и только безотчетно улавливала закругленные обороты его фразъ и переливы его звучнаго, сочнаго голоса. Порою ей казалось, что, разсказывая, онъ смотритъ на нее, и она нарочно старалась дѣлать видъ, что не замѣчаетъ этого, нѣсколько отворачивалась, и при этомъ не переставала чувствовать на своемъ лицѣ его взглядъ. Но когда она, наконецъ, желая убѣдиться, что онъ точно на нее смотритъ, осторожно обращала глаза въ его сторону, оказывалось, что онъ говорилъ какъ-бы самъ съ собой или устремлялъ прищуренный, разсѣянный взоръ въ отдаленіе.

Нинѣ становилось досадно на себя и на него, и на всѣхъ домашнихъ, которые почему-то вообразили, будто она должна плѣнить этого господина. Его наружность, манеры и, главное, его невниманіе раздражали ее. Но плавная рѣчь Аркадія Павловича и его увѣренныя либеральныя сужденія волновали ее, какъ что-то новое, высшее, почти недоступное ей самой. До сихъ поръ ей не приходилось сталкиваться съ такого рода свободомыслящими людьми. Нина встрѣчала у знакомыхъ нѣсколькихъ либеральныхъ земцевъ и думцевъ. Но по большей части оказывалось, что эти господа не любили ея отца, даже вредили ему на выборахъ. И Нина привыкла думать, что это были просто не совсѣмъ порядочные или обозленные люди. Встрѣчала она также двухъ трехъ учителей гимназіи, извѣстныхъ всему городу за «красныхъ» и «ярыхъ». Они были въ ея обществѣ застѣнчивы, угловаты, а когда начинали говорить, выходило напряженно, задорно, даже дерзко. И Нина говорила себѣ, что они сдѣлались такими просто подъ вліяніемъ личныхъ неудачъ. Остался у нея еще въ памяти съ раннихъ лѣтъ образъ гимназиста, съ которымъ она такъ скоро сдружилась и который надѣлалъ ей столько непріятностей своимъ письмомъ, гдѣ критиковалъ ея среду и призывалъ къ какимъ-то подвигамъ. Но это воспоминаніе было такъ болѣзненно, что Нина боялась тревожить его въ своей душѣ...

Теперь, слушая разсужденія и ядовитыя характеристики Аркадія Павловича, Нина впервые чувствовала, что передовитость можетъ быть просто дѣломъ хорошаго тона. Эта передовитость сливалась со всѣмъ обликомъ адвоката, проявлявшаго всѣ признаки благовоспитанности. Онъ пріѣхалъ въ модномъ просторномъ фракѣ, извиняясь тѣмъ, что явился прямо изъ суда, чтобы не опоздать къ обѣду. Тонкая глянцовитая сорочка съ мельчайшими запонками прекрасно лежала на его выпукломъ корпусѣ. Иногда Аркадій Павловичъ хватался за пенснэ, быстро надѣвалъ его и смотрѣлъ на всѣхъ сквозь стекла, оправленныя въ черепаху, съ такимъ отчужденнымъ видомъ, какъ будто передъ нимъ была незнакомая публика, въ рядахъ обширной аудиторіи. Потомъ онъ сбрасывалъ пенснэ быстрой гримаской лица и, схвативъ на лету

шнурокъ, тихонько покачивалъ пенснэ на пальцѣ, при чемъ становился задумчивымъ и утомленно понижалъ голосъ.

Куда-бы ни глядѣла Нина, она невольно замѣчала всѣ его движенія. Онъ былъ и непріятенъ, и привлекателенъ, и ей становилось все яснѣе, что онъ не обращалъ на нее никакого вниманія, что, быть можетъ, онъ просто считалъ ее за простенькую провинціальную барышню. У нея пересыхало горло отъ долгаго молчанія и волненія.

Аркадій Павловичъ вошелъ въ новую полосу разсказовъ—о типахъ учащихся петербургскихъ дѣвицъ.

— А то вотъ еще типикъ, скажу вамъ,—говорилъ онъ, уставившись почему-то на тетку Sophie. — Приходитъ ко мнѣ разъ курсисточка. Докладываетъ мнѣ человѣкъ—не помню ужъ въ точности ея фамиліи, что-то въ родѣ... впрочемъ — nomina odiosa sunt... Выхожу. Вообразите себѣ: малюсенькая эдакая дѣвочка—онъ показалъ рукой на аршинъ отъ пола,—кругленькая, красненькая, волоски стриженые, торчатъ...—Вы господинъ Суровцевъ?—Я, говорю, честь имѣю,—что прикажете? — «Помогите мнѣ, говоритъ, — одного человѣка забрали!»—Забрали — вы понимаете!... — Какъ, говорю, забрали? разскажите мнѣ, присядьте пожалуйста, кого именно забрали? — Садится на кончикъ стула, глазками моргаетъ, жмется.—Моего мужа, говоритъ, забрали.—Какъ мужа? Милая вы моя, неужто-жъ вы замужемъ?—Молчитъ, глазенки кулачками утираетъ. Потомъ говоритъ,—тихонько, шепоткомъ: Все равно, не мужа... я такъ...—Вы понимаете это прелестное «такъ»! Дѣвочка, я вамъ говорю, малюсенькая, розовая...

— Н-да! — мрачно проговорилъ Сергѣй Ермолаевичъ.—Хороши нравы!—Онъ всталъ, наконецъ. Онъ не привыкъ такъ долго, молча, сидя на мѣстѣ, слушать. Ему хотѣлось спать. Нѣсколько разъ втеченіе дня онъ дѣлалъ попытки увести гостя къ себѣ въ кабинетъ, чтобы тамъ, разстегнувшись, поврать на холостую ногу. Но Аркадій Павловичъ предпочиталъ говорить передъ многочисленнымъ обществомъ и не понималъ его подходовъ.

— Нѣтъ вѣдь это прелесть!—повторилъ Суровцевъ, не обративъ вниманія на замѣчаніе Сергѣя Ермолаевича. Онъ вообще не вслушивался въ реплики присутствующихъ, но замѣтивъ, что хозяинъ дома отнесся къ его разсказу какъ-то по провинціальному, мелькомъ взглянулъ на на него и перевелъ глаза на Нину, какъ-бы ища у нея поддержки. Елена Николаевна и тетка Sophie переглянулись. Нина нѣсколько покраснѣла.

— Не могу взять въ толкъ, что тутъ хорошаго,—заговорилъ вдругъ Павелъ Ивановичъ, который все время сидѣлъ молчаливый и хмурый. Голосъ его прозвучалъ разбито и желчно. — Вы меня извините, —можетъ, у васъ это тамъ, по столичному, полагается. До насъ не

дошли эти новшества. У насъ при молодыхъ дѣвушкахъ такихъ вещей не разсказываютъ... — Павелъ Ивановичъ, очевидно, потерялъ всякое самообладаніе, сорвался и готовъ былъ наговорить дерзостей. Нина бросила на него растерянный взглядъ и невольно оглянулась на гостя. Онъ смотрѣлъ спокойно, недоумѣвающе, склонивъ нѣсколько въ сторону свое блѣдное, одутловатое лицо, поднявъ брови.

— Извините!—насмѣшливо выговорилъ онъ, наконецъ, разведя руками. — Я думалъ, что между нами малолѣтнихъ нѣтъ, — могу говорить, не стѣсняясь.

Нинѣ хотѣлось провалиться отъ стыда.

— Если хозяйка держится такого-же мнѣнія, какъ... какъ мой почтенный vis-à-vis,—мнѣ остается попросить прощенія и, какъ выражается, нѣсколько вульгарно, Кузьма Прутковъ, заткнуть фонтанъ моего краснорѣчія.

— Ахъ, полноте, пожалуйста, m-eur Суровцевъ,—проговорила разстроенная Елена Николаевна, которая все время слушала гостя, не сводя съ него глазъ.—Павелъ Ивановичъ погорячился! Не маленькая же Нина, въ самомъ дѣлѣ.

Въ сущности Еленѣ Николаевнѣ было пріятно, что гость не обращалъ на Нину исключительнаго вниманія, какъ этого ожидали сначала.

— Я полагалъ! Я полагалъ!—заговорилъ адвокатъ уже игриво, пріятно блеснувъ глазами Еленѣ Николаевнѣ.—Не знаю, какихъ воззрѣній держится на этотъ счетъ мой старый другъ?—весело и невнимательно обратился онъ къ Сергѣю Ермолаевичу. — Я, дѣйствительно, отсталъ нѣсколько отъ добрыхъ патріархальныхъ нравовъ. Судишь, знаете, по окружающимъ. Вотъ родная сестрица Сергѣя Николаевича, — Ермолаевича, — быстро поправился онъ, — Вѣра Ермолаевна поражаетъ петербургское общество своей крайней приверженностью эмансипаторскимъ идеямъ. У нея только и слышишь: курсы, курсы, права женщинъ...

— Н-да! Хлопотунья!—замѣтилъ нехотя Сергѣй Ермолаевичъ.— Онъ тоже былъ крайне недоволенъ выходкой Павла Ивановича.

Гость успокоился мало-по-малу, вошелъ въ колею и продолжалъ свои разсказы, обращаясь теперь преимущественно къ Еленѣ Николаевнѣ, которая смотрѣла на него утомленными, но сосредоточенными, блестящими глазами.

Нина не поднимала глазъ. Голова у нея разбаливалась все больше, и въ груди тѣснило. Ей было мучительно досадно при мысли, что она за весь день не сказала ни одного путнаго слова, ни разу не сдѣлала какого-нибудь замѣчанія, которое показало-бы ее въ хорошемъ свѣтѣ, даже теперь, при выходкѣ дяди, она глупо промолчала, какъ маленькая. Куда дѣвалась ея обычная самоувѣренность, спокойная развязность, которую она знала въ себѣ съ раннихъ лѣтъ. О, какъ все это вышло

глупо, постыдно, послѣ всѣхъ ожиданій, которыя возлагались на пріѣздъ Суровцева по отношенію къ ней. Ей хотѣлось встать и уйти, но она сидѣла неподвижно, боясь шевельнуться, и глаза ея, помимо воли, смотрѣли на пухлую руку адвоката съ большимъ перстнемъ. Онъ разсказывалъ Еленѣ Николаевнѣ про какую-то дѣвушку, которая впослѣдствіи была замѣшана въ извѣстномъ процессѣ, и про ея свиданіе съ однимъ высокопоставленнымъ лицомъ.

— Красавица!—повторялъ онъ.—Умница, изящная. Лицо египетскаго сфинкса,—смуглая... Фигура...—(Суровцевъ поцѣловалъ кончики своихъ пальцевъ).—Является къ этому господину въ черномъ шелковомъ платьѣ,—толстый фай, знаете,—со свистомъ...

Нина почувствовала возмущеніе: ей пришла въ голову дикая мысль, что онъ разсказываетъ про эту умную, передовитую красавицу на зло ей, чтобы унизить ее, показать ей, какія женщины могутъ ему нравиться. Она вдругъ поднялась, неожиданно для самой себя, перебивъ рѣчь Суровцева.

— Что съ тобой?—спросилъ отецъ съ удивленіемъ и безпокойствомъ.

— Ничего, голова болитъ.

— А, Боже! — заговорилъ Суровцевъ, ударивъ себя пальцами по лбу.—Въ самомъ дѣлѣ, мы способны заговорить нашихъ слушателей на смерть! Который часъ теперь? Мнѣ вѣдь завтра чуть свѣтъ — ѣхать! Ради всего святого, простите, барышня!

Это обращеніе показалось Нинѣ небрежнымъ и даже невѣжливымъ.

— О, пожалуйста! — проговорила она, желая быть пренебрежительной, но въ голосѣ ея прозвучали обиженныя ноты. Она поспѣшно простилась съ присутствующими и вышла.

V.

Не зажигая огня, не раздѣваясь, Нина бросилась на постель и застыла въ тупомъ отчаяніи. Все въ ней было разбито, какъ-будто случилось что-то важное, какъ-будто она вышла на серьезную борьбу и потерпѣла пораженіе. Уязвленное самолюбіе ныло въ ея душѣ. Она лежала неподвижно, то вытягивая сжатыя руки вдоль тѣла, то забрасывая ихъ за голову. Глаза привыкли къ темнотѣ, и ночь казалась безконечнымъ томительнымъ разсвѣтомъ. Такъ вотъ чего стоютъ всѣ похвалы окружающихъ, вся лесть знакомыхъ,—этихъ приторныхъ, вѣчно торопящихся и захлебывающихся дамъ, этихъ пошлыхъ лебезящихъ мущинъ! Если-бы она была въ самомъ дѣлѣ такъ обворожительна, какъ ей твердили съ дѣтства, развѣ могло-бы случиться, чтобы петербургскій гость, наблюдательный—замѣчающій, какое платье было надѣто на красивой женщинѣ, не обратилъ на нее ни малѣйшаго вниманія? Всѣ казались

ей виноватыми, отвѣтственными за ея пораженіе, особенно всѣ домашніе. Вотъ къ чему приводятъ всѣ ихъ благія пожеланія, всѣ эти нелѣпыя подталкиванія на встрѣчу мужчинамъ, которые могутъ «составить ей партію». Рѣшаютъ за нее ея судьбу, смотрятъ во всѣ глаза, какъ она двинетъ бровью, сочувствуютъ, сострадаютъ, и въ концѣ концовъ даже самый любящій изъ нихъ — дядя — не можетъ сдержать себя на столько, чтобы не поставить ее въ унизительное положеніе. Вѣчныя разглагольствованія о ея привлекательности, а за этими разглагольствованіями и похвалами въ глаза—отъ отца, отъ брата, отъ гувернантки—всегда чувствуется скрытое безпокойство о томъ, что она не выходитъ замужъ. Нѣсколько разъ, когда она раздѣвалась, m-lle Linon, глядя на ея шею и руки—стройныя, тонкія,—начинала говорить своимъ противнымъ аффектированнымъ голосомъ, что вотъ некому любоваться на эти petites beautés. И Нинѣ становилось гадко, стыдно и досадно, тѣмъ болѣе досадно, что въ этомъ была какая-то опошленная правда. Кто въ самомъ дѣлѣ цѣнилъ ея красоту? Нѣсколько разъ случалось, что, проходя по улицѣ, она встрѣчалась глазами съ чужими мужчинами, которые отвратительно улыбались и бормотали что-то, къ чему она не хотѣла прислушиваться... Вотъ кому она нравилась! И теперь, вспомнивъ объ этомъ, Нина чувствовала себя вдвойнѣ униженной невниманіемъ петербургскаго гостя. А папа думалъ, ждалъ, — всѣ они ждали чего-то! И можетъ быть даже этотъ опытный, проницательный господинъ догадывался объ ихъ видахъ и нарочно выказывалъ свое равнодушіе. Воспоминанія только что пережитаго вечера бросали ее въ краску. Она приподнималась, чтобы стряхнуть ихъ съ себя.

Безконечный разсвѣтъ не подвигался. Въ комнатѣ было душно. Ночная бабочка билась на стеклѣ окна, ударяя въ него трепещущими крыльями. Скорѣй-бы сбросить все это, уѣхать подальше... Какъ будто тысячи людей не уѣзжаютъ изъ родныхъ мѣстъ въ поискахъ лучшей доли. Уѣхать въ Петербургъ, гдѣ все движется, волнуется, и тамъ заставить оцѣнить себя. Быть, по крайней мѣрѣ, такой, какъ другія, какъ эта красивая стройная дѣвушка въ «свистящемъ» шелковомъ платьѣ, гордо и смѣло явившаяся для разговора съ высокопоставленнымъ лицомъ, отъ котораго зависѣла ея участь. Ее нельзя не замѣтить, — ее помнятъ, о ней съ восторгомъ разсказываютъ знаменитые люди. Право,—вѣдь это такъ легко: уѣхать въ Петербургъ.

Нина вдругъ успокоилась. Озлобленіе и тревога стихли. «Утро теперь,—подумала она, — должно быть, дождь на дворѣ и потому такъ темно». Она чиркнула спичкой и посмотрѣла на часы. До разсвѣта было еще далеко. Нина раздѣлась и, утомленная всѣмъ перечувствованнымъ, скоро заснула.

VI.

Выйдя утромъ въ гостинную, Нина увидѣла дядю, который сидя у окна, перелистывалъ какую-то маленькую, плохо изданную книжку. Онъ вскочилъ при ея приходѣ.

— Что вы читаете?—спросила она, стараясь казаться спокойной и равнодушной, хотя послѣ его вчерашней выходки ей было особенно непріятно видѣть его.

— Такъ! Пустячки!—отвѣчалъ Павелъ Ивановичъ сконфуженно, отдергивая руку съ скабрезной французской книжонкой.

Онъ вдругъ смутился, покраснѣлъ и, схвативъ ее за руку, посадилъ рядомъ съ собой на стулъ. Его волненіе попрежнему вызывало въ ней тягостное ощущеніе.

— Что вы хотите сказать?

— Я-то ничего,—сказалъ онъ и замялся.—А только знаешь, Нинуша... Какъ-то мнѣ за тебя безпокойно. Ты думаешь я не вижу... какая ты...

— Я? Съ чего вы взяли?—отвѣтила Нина искусственно удивленнымъ тономъ.

— Э! ну полно! Это ты для другихъ оставь. Ну, да что я буду говорить. Ты мнѣ не хочешь сказать, такъ незачѣмъ мнѣ и соваться,—сказалъ онъ обидчиво.

— Да нѣтъ-же, дядя! Что за вздоръ, «незачѣмъ соваться!» Формальности какія выдумали!—возразила Нина съ шутливымъ упрекомъ.

Павелъ Ивановичъ успокоился.

— Думаю я все о тебѣ,—опять заговорилъ онъ, внимательно вглядываясь въ ея лицо.—Иной разъ какъ будто и видишь что-то, а потомъ опять собьешься. Я такъ полагаю,—продолжалъ онъ осторожнымъ голосомъ, опустивъ глаза, — почему-же и не сказать мнѣ? Неужто я довѣріе твое разрушилъ? Ты, бывало, маленькой была, все мнѣ говорила, а теперь... Слѣпой я, что-ли? Вчера, пока краснобай этотъ разглагольствовалъ, ты думаешь, я не видѣлъ, какъ ты въ лицѣ мѣнялась?

Она вспыхнула.

— Не знаю, право, что вы могли видѣть и причемъ этотъ господинъ въ моихъ планахъ.

— Вотъ видишь,—ты говоришь планахъ, вотъ и выходитъ, что я правъ... Планы у тебя какіе-то.

— Ну хорошо, я вамъ скажу,—заговорила Нина медленно и задумчиво, облокотившись на спинку стула.—Я хочу уѣхать.

— Уѣхать?—лицо его сморщилось, какъ отъ сильной физической боли.

— Ну да. Что-же тутъ ужаснаго?

— Да зачѣмъ тебѣ?.. Господи помилуй!—Онъ помолчалъ, точно соображая что-то.—Что это право, въ толкъ не возьму!.. Вѣдь... не на курсы-же эти,—прибавилъ онъ, какъ-бы не довѣряя собственной догадкѣ.

Нина молчала, учащенно дыша.

— Почему-же не на курсы?—проговорила она съ улыбкой. — Ну да,—на курсы. Развѣ не все равно... вамъ?

— Ну полно! Что за шутки такія!—Онъ отмахивался рукой съ досадой и гнѣвомъ.

«Почему-же и нѣтъ?—думала она. Это ихъ пугаетъ, потому что это слишкомъ неожиданно. Такъ вѣдь я именно этого и хочу: чтобы все сразу стало по другому». Ей сдѣлалось легче: по крайней мѣрѣ она знала что̀ говорить.

Она засмѣялась.

— Вы точно не вѣрите, дядя?

— Да зачѣмъ тебѣ это?—заговорилъ Павелъ Ивановичъ почти строго, какъ-бы усовѣщевая ее.—Господи Боже мой! Въ двадцать-три года на школьную скамью.

— Да, вы правы,—отвѣтила она.—Я дѣйствительно, пропустила много времени. Но все-равно—я не могу больше такъ... Вы не понимаете этого, но что-же мнѣ съ этимъ дѣлать? Нужно взять во вниманіе и мою волю...

Ея холодный тонъ рѣзнулъ его.

— Ну какъ хочешь,—пробормоталъ онъ.—Коли ты говоришь, что это не мое дѣло...

— Дядя, милый, откуда вы взяли! Я сказала, что вы, можетъ-быть, не понимаете моего чувства.

— Ну, чувства не понимаю, все равно. Не въ томъ дѣло. Не понимаю—ну и дѣлай, какъ знаешь. Твоя воля—уѣхать, а меня—вонъ, какъ старую подошву!

Онъ вскочилъ, охваченный оскорбленнымъ негодованіемъ.

— Всѣхъ вонъ, къ дьяволу! Такъ имъ и нужно, старымъ дуракамъ, чтобы не любили, не лелѣяли... Пусть хоть умираютъ съ горя, хоть разорвутся,—какое дѣло! Моя воля,—что хочу, то и дѣлаю!.. Съ носомъ ихъ... Хорошенько! чтобъ знали... чтобъ знали...

— Дядя милый! Зачѣмъ вы это!..—воскликнула Нина. Она закрыла глаза рукой и затихла.

Его напряженный, захлебывающійся крикъ пресѣкся. Онъ остановился, совсѣмъ растерянный, лишившись, вмѣстѣ съ взрывомъ своего гнѣва, послѣднихъ силъ. Долгое, тяжелое молчаніе стояло въ комнатѣ.—«Да вотъ она, эта нѣжная любовь, скажи только что-нибудь неугодное, руки и ноги свяжутъ», думала Нина.

— Ниночка!—услышала она совсѣмъ близко отъ уха сиповатый, взволнованный голосъ.

Она вздрогнула и встала.

— Ради Бога, дядя, не будемъ говорить больше объ этомъ.

Онъ сидѣлъ, безсильно опустивъ голову, такъ что она видѣла его темя, просвѣчивающее сквозь рѣдкіе, зачесанные черезъ лысину волосы. Темя было красное.

— Послушай,—сказалъ вдругъ Павелъ Ивановичъ и взялъ ее за руку.

Она сдѣлала легкое движеніе чтобъ уйти.

— Постой!—сказалъ онъ, и тяжело вдыхая воздухъ, поднялъ на нее покраснѣвшіе, воспаленные глаза. — Что я тебѣ скажу... скажу...—Слова которыя онъ старался выговорить, непослушно прыгали и срывались.—Ты говоришь... въ Петербургъ, ну, хорошо. Только вѣдь одной... зачѣмъ-же?—Онъ вдругъ растерянно улыбнулся.—Ну вотъ... И я съ тобой поѣду!.. устроимся какъ-нибудь...

Послѣднія слова онъ пролепеталъ уже съ потухающей улыбкой на лицѣ: она блѣднѣла и сжимала губы.

— Нѣтъ это невозможно!—выговорила она тихо и твердо, отодвигаясь отъ него.

Онъ не спросилъ, почему, и молча поникъ головой. Наклоненная шея его и темя сдѣлались темными, потомъ помертвѣли. «Что сказать ему?»—съ болью думала Нина.

— Что-жъ ты стоишь? Я кажется... невпопадъ. Ну и ладно. Не взыщи на глупомъ словѣ! Своего ума, у тебя, видно, довольно!—сказалъ онъ съ горькимъ и злымъ смѣхомъ и, не оборачиваясь, пошелъ изъ комнаты.

«Такъ вотъ какъ!—думала Нина, опустившись на стулъ.—На курсы? Страшнѣе для себя онъ и придумать ничего не могъ!.. Бѣдный дядя, онъ самъ подсказалъ мнѣ рѣшеніе, которое мнѣ и въ голову не приходило.»

Втеченіе двухъ дней Нина, избѣгая разговоровъ съ домашними, обдумывала со всѣхъ сторонъ свое рѣшеніе. Она больше не колебалась. На душѣ у нея стало яснѣе и тверже. Незамѣтный разрывъ уже образовался между нею и всею домашнею жизнью. Привычное, родное тихо отходило отъ нея въ даль, какъ уходитъ изъ глазъ берегъ, отъ котораго отплываетъ корабль.

VII.

Обѣдъ прошелъ тяжело и хмуро. Всѣ знали, что Нина пошла въ кабинетъ къ отцу и имѣла съ нимъ объясненіе, повидимому, непріятное, потому что Сергѣй Ермолаевичъ сердился и кричалъ, чего съ нимъ никогда еще не бывало при разговорахъ съ дочерью. Нѣсколько разъ

дамы подходили къ двери и прислушивались. Но отдѣльныя фразы Сергѣя Ермолаевича, которыя долетали до нихъ, были такъ странны, что никто ничего не могъ понять. А Нина говорила взволнованно и долго. Когда она вышла оттуда, лицо ея было заплакано. Всѣ желали знать, о чемъ былъ разговоръ, но Нина прошла въ свою комнату и заперлась тамъ, а Сергѣй Ермолаевичъ даже женѣ отвѣтилъ рѣзко и неопредѣленно, обѣщавъ разсказать все потомъ.

Послѣ обѣда Нина опять ушла къ себѣ.

Осторожный стукъ въ дверь заставилъ ее встать. Павелъ Ивановичъ просилъ впустить его. Она неохотно отодвинула задвижку и безмолвно опустилась въ мягкое кресло подлѣ письменнаго стола.

— Ты меня прости, Ниночка!—заговорилъ Павелъ Ивановичъ.— Узнать захотѣлось...

Онъ сѣлъ близко отъ нея и заглядывалъ ей въ лицо безпокойными, пытливыми глазами. Она молчала.

— Какъ тамъ у васъ съ папа?

Нина и на это ничего не отвѣтила.

— Сердился? очень? я, вѣдь, слышалъ... Думалъ, не войти-ли... да хуже—помѣшаешь.

— Что-жъ?—холодно сказала Нина.—Вѣдь, и вы противъ этого.

— Ахъ, Боже мой!—заговорилъ Павелъ Ивановичъ.—Вотъ ты какъ! Конечно, не радоваться-же мнѣ, что ты отсюда... отъ насъ...

Онъ откашлялся и старался говорить спокойнѣе.

— Только ты это напрасно!.. Конечно, тотъ разъ...—ты мнѣ сказала... Ошеломила ты меня: неожиданно ужъ очень...—Онъ помолчалъ.—Ну я думалъ... Правду тебѣ скажу: двѣ ночи не спалъ... Не сидится тебѣ съ нами, на людей посмотрѣть хочется... Самъ, помню: молодъ былъ...

— Я учиться ѣду,—сухо отвѣтила Нина, повторяя фразу, которую она нѣсколько разъ употребляла въ разговорѣ съ отцемъ и въ которую она сама теперь почти повѣрила.

Павелъ Ивановичъ смотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ.

— Вы, кажется, не вѣрите мнѣ, дядя? Я не знаю, право, на какомъ основаніи...

— Чему вѣрить-то, милая моя? Ну, учиться,—пусть такъ... Только думается не одного этого...

— А чего-же?—рѣзко перебила Нина и подумала: «Зачѣмъ я все это говорю? Учиться—не учиться... я и сама не знаю...»

— Ты все волнуешься, Нина! Перестань ради Бога! Самому не подъ силу...

Павелъ Ивановичъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Я тебѣ вотъ что... Ты на меня сердилась эти дни, не гля-

дѣла... Ты думаешь, мнѣ не тяжело? Я развѣ хочу врагомъ тебѣ быть? Ты думала, я такъ вотъ—вцѣплюсь руками и мѣшать тебѣ буду...

Нина удивленная и смягченная посмотрѣла на него.

— Видишь! Вотъ ты еще благодарить меня будешь... Сама скажешь: пригодился старикъ-дядя!..

Онъ началъ нервно и взволнованно посмѣиваться и, вытащивъ изъ кармана платокъ, сталъ обтирать лицо и бороду.

— Я думалъ такъ: если ты туда поѣдешь, какъ-же ты тамъ одна-то!..

— Ну?—нетерпѣливо перебила Нина, опасаясь, что онъ опять предложитъ сопровождать ее.

— Ну, вотъ, я и подумалъ... Тетка, вѣдь, у тебя тамъ есть, Сергѣя Ермолаевича сестра, и что-то она о курсахъ этихъ хлопочетъ... Вотъ я и подумалъ.—къ ней... Такъ-то, вѣдь, и твои легче согласятся!

Нина ничего не отвѣтила и долго сидѣла, закусивъ губы.

— Что-жъ ты? Лучше вѣдь такъ-то...

— Я не знаю,—сказала Нина.—Мнѣ бы хотѣлось одной...

— Одной!—воскликнулъ Павелъ Ивановичъ.—Ниночка, да вѣдь ты избалованная. Ты, вѣдь, къ заботѣ привыкла, къ любви...

— Вотъ я и не хочу больше этого!

— Да, вѣдь, ты такъ говоришь, потому что ты молоденькая, жизни не видала. Развѣ человѣкъ созданъ одному жить? Вѣдь, ты такъ говоришь, потому что все у тебя есть, ото всякаго можешь попросить, чего тебѣ надо. А поживи-ка на волѣ—да одна...

— Вездѣ люди есть! возразила Нина.

— Да, вѣдь, чужіе!

— Такъ что-же?

— Да, вѣдь, чужіе не простятъ ничего. Они, вѣдь, такъ и будутъ прицѣпляться, что въ тебѣ то и то нехорошо!

— Ну и пусть прицѣпляются!—сказала Нина вызывающе.—Если я стою чего-нибудь...

— Ты думаешь: полюбятъ! И полюбятъ,—какъ тебя не полюбить? Да, вѣдь, не такъ... Родной-то человѣкъ безъ тебя ужъ жить не можетъ. Онъ и хочетъ—не хочетъ, а долженъ тебя понять! А чужой, если что замѣтитъ, такъ и пойдетъ прочь. Привязанности-то этой самой у него нѣтъ, радости этой... вотъ, какъ у меня къ тебѣ!—прибавилъ онъ и опять подсѣлъ къ ней близко, заглядывая ей въ глаза измученнымъ взглядомъ.

— Развѣ у чужихъ не можетъ быть привязанности? — замѣтила Нина, чтобы только сказать что нибудь и не дать разговору перейти на личную почву.

— Ахъ, Боже мой! Конечно... Бываетъ, что и чужой,—какъ

родной станетъ. Только, вѣдь, много-ли такихъ-то, чтобы такъ привязаться—на смерть, чтобъ себя не пожалѣть, чтобы всякую невнимательность простить? Я, вѣдь, про то и говорю. Отъ родныхъ бѣжишь, а тамъ, вѣдь, другого родного искать будешь... А не найдешь такъ самой назадъ захочется. Потому что та любовь, взыскательная, про которую ты говоришь,—лучше-ли она, взыскательная-то?

Нина мелькомъ взглянула на него и промолчала.

— Ты вотъ такъ думаешь,—продолжалъ Павелъ Ивановичъ,—что ежели родной любитъ, такъ онъ тебя непремѣнно по своему согнуть хочетъ...

— А какъ-же, дядя? Вы-бы послушали, что говорилъ сегодня папа!

— Ну, да... Я тамъ не знаю... Я про себя говорю. Ты вотъ знаешь-ли, что со мной будетъ, когда ты... когда ты...

Онъ не договорилъ фразы и сильно потянулъ въ себя воздухъ.

— Ну, все равно... что тамъ! А только я... къ тому, что когда любишь,—перебороть себя для другого можно... До этого-то ты, пожалуй, еще не дошла Молода еще ты, сердце у тебя нетронутое, думается, и не знаешь ты вовсе, какая любовь бываетъ... И, вѣдь, нельзя сказать, чтобъ холодная ты была! Душа у тебя деликатная, нѣжная, всякому розовому облачку улыбается. А этого ты не знаешь.

Нина посмотрѣла на него свѣтлымъ, мягкимъ взглядомъ.

— Вотъ ты и сама знаешь, что я правъ! Вотъ я тебя и перехитрилъ!

Онъ опять началъ смѣяться—съ глазами полными слезъ. Потомъ онъ схватилъ ея руки, невольно вытянувшіяся и сжавшіяся, и наклонясь прижался къ нимъ лицомъ.

— Пріѣхать-то мнѣ зимой къ тебѣ позволишь?—спросилъ онъ, не поднимая головы.—Въ гости,—посмотрѣть, какъ ты тамъ?..

— Зачѣмъ вы такъ говорите!—сказала Нина тихо, чувствуя, какъ болѣзненно сжималось ея сердце отъ жалости къ нему, и удивляясь его великодушію. Она не понимала, что это была послѣдняя борьба, послѣдняя живая вспышка разбитой души.

Онъ оторвался отъ ея рукъ и опять началъ вытирать платкомъ покраснѣвшее, морщинистое лицо.

— Дядя милый, вѣдь это еще не устроилось!—сказала Нина, вѣря въ душѣ, что при его помощи все устроится.

— Ну, что объ этомъ!—заговорилъ Павелъ Ивановичъ другимъ тономъ.—Посердятся и устроится,—не такъ какъ ты хочешь, такъ вотъ этакъ—какъ я придумалъ. Вмѣстѣ какъ-нибудь поговоримъ...

Онъ поднялся съ мѣста, лицо его приняло утомленное, безжизненное выраженіе.

Нина встала и забывая всѣ тяжелыя ощущенія, которыя она пережила за послѣднее время отъ его страстной любви, довѣрчиво обвила руками его шею и прижалась лицомъ къ его плечу.

Онъ осторожно обнялъ ее, нѣсколько разъ поцѣловалъ въ голову, потомъ самъ бережно снялъ съ своихъ плечъ ея руки и, ничего не сказавъ, поспѣшно вышелъ.

Поздно вечеромъ, передъ тѣмъ, какъ лечь спать, Нина долго сидѣла не раздѣваясь, сложивъ на колѣняхъ руки. Глаза ея медленно бродили по стѣнамъ хорошо знакомой комнаты, и всѣ привычные предметы, слишкомъ приглядѣвшіеся и уже съ давнихъ поръ не замѣчаемые, выдѣлялись теперь съ какою-то особенною рельефностью.

Вотъ бѣлая изразцовая печка съ потемнѣвшими скважинками, блестящая при свѣтѣ лампы. Вотъ кровать съ давнишнимъ ватнымъ одѣяломъ. Какое оно въ эту минуту кажется смѣшное, со своей узорчатой стежкой по тусклому малиновому шелку и какъ странно глядѣть на покрывала подушекъ съ длинными кружевами!.. Кто-то заботливо покупалъ эти кружева, выбиралъ рисунокъ... И ничего этого не замѣчаешь, когда живешь здѣсь. Только новое волнуетъ, радуетъ, шевелитъ какія-то чувства... А маленькія бездѣлушки и флакончики на туалетѣ!.. Ей дарили ихъ,—родственники, подруги, — и она съ давнихъ поръ собирала и разставляла ихъ на столахъ и стѣнныхъ полочкахъ. Какое все это дѣтское, ненужное!.. На привычныхъ обояхъ выступаетъ точно новый рисунокъ: прежде гирлянды темныхъ цвѣтовъ, нарисованныя на нихъ, казались какими-то птицами и уродливыми головами, а теперь опять отчетливо видны грубо намалеванные, однообразные, растопыренные цвѣты— головы и птицы исчезли. Потолокъ, который всегда казался высокимъ, какъ будто сталъ ниже, и вся комната меньше. Но теперь стѣны уже не душатъ. Онѣ шевелятся и раздвигаются въ зыбкомъ туманѣ набѣжавшихъ мечтаній и надеждъ. Широкая даль чувствуется за ними, и хочется идти и видѣть что тамъ есть, въ этой дали, видѣть своими глазами—чтобы всѣ предметы, всѣ подробности такъ-же рельефно и такъ-же фантастично, такъ-же отчетливо и такъ-же неуловимо выступали въ пространствѣ...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Душа ждала... кого-нибудь.
Пушкинъ.

Фенѣ, сестрѣ Андрея, шелъ уже двадцать третій годъ, и ничто, съ самаго дѣтства, не перемѣнилось въ ея жизни. Но никогда еще она не

чувствовала такой безпокойной тоски, какъ этимъ лѣтомъ. Какъ будто каждый годъ, уходящій въ прошлое, незамѣтно оставлялъ въ ея сердцѣ лишнюю долю грусти и тревоги, пока эта грусть и тревога не сдѣлались наконецъ нестерпимыми.

Іюльскіе дни стояли жаркіе, душные. По небу постоянно бродили свѣтящіяся облака. Темныя тучи наползали изъ-за горизонта и разражались грозами и шумными ливнями. Вода въ рѣкахъ поднялась и стала мутной. Ложбины превратились въ болота. Большая дорога не успѣвала высыхать.

Были сумерки одного изъ такихъ тяжелыхъ грозовыхъ дней въ концѣ іюля. Солнце уже зашло. Облака лиловато-малиновыя на закатѣ и яркожелтыя въ зенитѣ, быстро потухали. Феня сидѣла на порогѣ сторожки, у шлагбаума, и скучая, глядѣла на дорогу. Запахъ влажной земли доносился изъ лѣсу и съ огорода. Въ полѣ раздавался громкій крикъ коростелей, а дома все было тихо, по вечернему. Слышно было только, какъ въ хлѣву топталась копытами по деревянному полу корова, да куры изрѣдка начинали возиться, усаживаясь на насѣстѣ. Анисья, молча, убирала посуду... Темнота быстро сгущалась въ освѣженномъ, успокоенномъ воздухѣ. Задорожный лѣсъ, сплывался въ темную массу: близорукіе глаза Фени уже не различали его привычныхъ очертаній. Окрестностей Феня никогда не могла разсмотрѣть. Даже ближніе кусты сливались для нея въ неопредѣленныя темныя пятна. Зато она первая слышала звонъ дорожнаго колокольчика или скрипъ еще не видной подъѣзжающей телѣги. Только эти звуки вносили оживленіе въ широкую безмолвную равнину, разстилавшуюся вокругъ сторожки. Какая-то жизнь появлялась на нѣсколько минутъ въ этихъ глухихъ мѣстахъ—и проносилась мимо, замирая въ отдаленіи...

Феня долго сидѣла, томясь скукой, не зная, куда пойти и что дѣлать. Смутныя мысли шевелились въ ея головѣ. Иногда она начинала думать о томъ, что Андрюша слишкомъ долго не отвѣчаетъ ей на письмо. Каждый день она ждала письма отъ него, хотя писала ему, не разсчитывая уже болѣе на скорый отвѣтъ. Она знала, что онъ живетъ своей жизнью, что онъ женатъ, что онъ служитъ гдѣ-то—онъ писалъ ей объ этомъ. Нѣсколько разъ она старалась объяснить ему въ письмахъ, что ей хотѣлось-бы поѣхать къ нему, напоминала его обѣщаніе взять ее къ себѣ, когда онъ устроится. Но странное дѣло: онъ ничего не отвѣчалъ на это, какъ будто совсѣмъ забылъ свое обѣщаніе... И въ душѣ у нея отстаивалась мало-по-малу легкая горечь. Иногда ей казалось, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ бариномъ (Феня всегда думала, что, окончивъ университетъ, онъ сталъ настоящимъ бариномъ), онъ уже не хочетъ знать ее. И эта мысль постоянно висѣла надъ нею, но какъ-то расплывчато, не вызывая острыхъ чувствъ... Проходили годы за

годами, а Феня жила одна, почти не разговаривая съ отцомъ, стараясь угодить чѣмъ можно добродушной и грубой Анисьѣ. Въ праздники Феня ѣздила въ церковь, вмѣстѣ съ Анисьей, и когда она шила себѣ новое платье изъ ситцу, который дарилъ ей отецъ, она всегда думала о томъ, что поѣдетъ къ обѣднѣ: дома некому было показаться. Иногда, вернувшись изъ церкви, она выходила отворять шлагбаумъ и надѣялась, что на нее поглядятъ проѣзжіе. Но каждый разъ она уходила разочарованная, потому что мимо нея проѣзжали безъ всякаго вниманія,—точно она была принадлежностью этой заставы. И всетаки каждый звонокъ волновалъ ее, и все казалось ей, что онъ что-нибудь принесетъ съ собою. Она чутко прислушивалась и смотрѣла на дорогу.

Становилось уже совсѣмъ темно. Звѣзды одна за другой проступали на небѣ, но Феня не различала ихъ, и ясная лѣтняя ночь казалась ей слишкомъ темной и тоскливой. Она встала и пошла въ горницу. Но и тамъ было темно и, казалось, что-то шевелилось за перегородкой, у печки и подъ широкой лавкой, тянувшейся вдоль передней стѣны. Лампада потухла передъ образами. Феня отступила передъ этимъ жуткимъ мракомъ и пошла въ кухню.

— Анисья!—позвала она робкимъ, дрожащимъ голосомъ, останавливаясь на порогѣ.—Анисьюшка, ты тутъ?

— Ась? кто тутъ? вскрикнула Анисья. Она заснула со скуки, опершись на столъ.

— Анисья, лампочку бы. Тамъ темно, я боюсь.

— Прости Господи мое согрѣшенье!—бормотала Анисья, тяжелой походкой отправляясь искать спичекъ и лампу.

Вычеркнутый сѣрничекъ оставилъ слабый, свѣтлый, дымящійся слѣдъ на стѣнѣ.

— И на что она тебѣ, лампа-то? ворчала Анисья, подправляя дурно горѣвшій узкій фитилекъ.—Вѣдь, не узоры вышивать. Только керосинъ изводишь!.. И Пантелѣича Богъ знаетъ гдѣ носитъ. Тоже манеру завелъ: прогуливается по дорогѣ, точно свои владѣнія обходитъ... Ну чего смотришь, глупая ты голова?

Анисья добродушно усмѣхнулась и провела своей жесткой рукой по головѣ Фени.

— Замужъ тебя никто не беретъ,—вотъ ты и слоняешься такъ. Тятька-то твой, кажись, и въ умѣ этой заботы не держитъ.

Феня посмотрѣла своими большими черными глазами, освѣщавшими ея некрасивое худое лицо, и въ глазахъ этихъ былъ, какъ всегда, испугъ, готовый перейти въ покорность.

— Ишь обтрепашка какая! замѣтила Анисья, дернувъ Феню за пуговку стараго, выцвѣтшаго платья.—И то правда: для кого тутъ и наряды надѣвать. Тутъ самое себя забудешь, въ полѣ-то въ этомъ

живши. Что-жъ? Самоварчикъ развѣ наставить. Попьешь чайку, и спать лягешь. Вотъ оно какъ-нибудь до утра время-то и пройдетъ.

Анисья ушла въ кухню, и слышно было, какъ она раздувала угли въ самоварѣ. Фенѣ хотѣлось спать, и она сидѣла у стола, положивъ голову на руки.

Вдругъ гдѣ-то, ужъ совсѣмъ близко отъ сторожки, послышался стукъ подъѣзжающаго экипажа—неровный и медлительный. Феня вскочила и приложила лицо къ стеклу, но тьма, казалось, начиналась сейчасъ-же за стекломъ и въ ней ничего нельзя было видѣть. Стукъ продолжался. Слышны были человѣческіе голоса и хлябанье по грязи лошадиныхъ копытъ. «Заставу отворять!»—подумала Феня и пошла къ выходной двери. Но никто не окликалъ ее, чтобы отворять заставу: экипажъ остановился подлѣ воротъ сторожки. Красноватый свѣтъ, падавшій черезъ тьму изъ кухоннаго окна, освѣщалъ колесо. Шевелились какія-то человѣческія фигуры. Феня различила тихій голосъ своего отца.

— Ну, вотъ,—говорилъ Василій Пантелѣевичъ,—воротину-то отмахну, сейчасъ и проведемъ.

— А може, тутъ оставить?—отвѣтилъ кто-то.

— Ну чего тамъ—тутъ! Веди въ ворота, благо добрый человѣкъ нашелся,—отвѣчалъ третій голосъ, властный и раскатистый.—Веди, веди!

Слышно было, какъ заскрипѣли ворота и телѣга проѣхала въ нихъ. Феня насторожилась. Это было что-то необычайное. Она повернулась и быстро пошла по земляному полу проходныхъ сѣней къ другой двери, ведущей на дворъ. На дворѣ, куда не падалъ красный свѣтъ лампы отъ оконъ, тьма не казалась такой черной. Въ полумракѣ ясной лѣтней ночи Феня разсмотрѣла лошадь, телѣжку и суетившихся около нея людей.

— Экъ вѣдь, какъ она! у самаго шкворня!—говорилъ громкій незнакомый голосъ.

— Ничего!—отвѣчалъ Василій Пантелѣевичъ.—Какъ нибудь обладимъ. Завтра утречкомъ въ село пошлю,—тамъ у насъ мастеръ есть. А до утра къ намъ пожалуйте. Мужиченко-то въ кухнѣ переночуетъ.

— Ну, а меня-то пристроишь?

— Пристрою какъ-нибудь, въ горницѣ, коли не взыщете.

Услышавшая шумъ Анисья выбѣжала изъ кухни.

— Анисьюшка, тамъ чужіе!—сказала Феня тревожнымъ шепоткомъ.

— Ну, ну, чего тамъ чужіе! Пусти-ка-сь, — и она побѣжала во дворъ.

— Вотъ, Анисья,—говорилъ слабый грудной голосъ Василія Пантелѣевича,—у нихъ тутъ ось сламалась дорогой. Они и заѣхали. Заночуютъ у насъ.

— Да, хозяюшка, ужъ ты какъ-нибудь выручай,—отвѣчалъ го-

лось,—до того звучный, что Феня, казалось, никогда и не слыхала такого.

Мысль, что сейчасъ гости придутъ въ избу и будутъ пить съ ними чай, такъ волновала Феню, что у нея билось сердце. Она побѣжала въ комнату и спряталась за перегородку; на ней было самое будничное платье, и ей хотѣлось переодѣться. Но голоса раздавались уже въ избѣ. Она сидѣла на краю кровати и, прижавъ къ груди руки, вслушивалась.

— Вотъ сюда, на лавочку.

— На лавочку, такъ на лавочку!—отвѣчалъ голосъ, наполнившій, казалось, всю избу.

— Ты намъ, Анисья, тамъ чего-нибудь подай. Можетъ-быть, они покушаютъ.

— А вѣдь и то правда. Ловко это ты измыслилъ, братецъ! Съ полудня ничего не ѣлъ. Да и какая ѣда на охотѣ!.. И славно такъ все шло. Гдѣ мой ягташъ? Э, да онъ въ тележкѣ остался. Ну-ка, голубчикъ, сходи, да и ружьецо захвати,—отсырѣетъ, пожалуй, на дворѣ.

— Принесемъ, батюшка, будьте покойны,—отвѣтилъ отецъ, и пошелъ за ружьемъ.

А проѣзжій всталъ и началъ ходить по комнатѣ большими шагами, подъ которыми скрипѣлъ полъ. Потомъ онъ остановился, громко вздохнулъ,—слышно было, что вздохъ вылеталъ изъ сильной груди,—и началъ насвистывать.

— Ну вотъ, отлично,—сказалъ онъ, когда отецъ принесъ и положилъ на лавку его ружье.—Видишь, ягташъ-то,—раздулся даже!

— Настрѣляли!—отвѣтилъ неторопливый голосъ отца.

— А ничего,—славно у васъ тутъ, — говорилъ проѣзжій. — И высплюсь въ лучшемъ видѣ. На сѣновалъ, что-ли, положишь?

— Нѣтъ, зачѣмъ на сѣновалъ? На лавочкѣ вотъ тутъ постелемъ, коли не побрезгаете со мной. Лавка-то, она, вишь, длинная!

— А бабъ у тебя въ избѣ нѣтъ? Ты смотри, коли бабы есть, такъ осторожно со мной.

— Бабъ-то нѣту. Дочурка тутъ со мной живетъ. Одна только и есть.

— Это тебѣ не хозяйка, что-ль, которая самоваръ-то раздуваетъ?

— Нѣтъ. Такъ женщина живетъ.

— А дочка гдѣ-жъ?

— Тутъ гдѣ-нибудь. А то, можетъ, спать пошла. Разбудить пойти.

Феня хотѣла съ конфузу притвориться, что спитъ, но вдругъ на нее напалъ страхъ, что ее оставятъ въ покоѣ и она совсѣмъ не увидятъ гостя. Тогда она пошевелилась на постели.

— Феня, а Феня!—позвала ее вошедшая Анисья. Иди-ка-сь, милая! Вонъ гость у насъ какой молодецъ,—военный! Иди-ка-сь!

Феня, жмурясь отъ свѣта и едва различая что дѣлалось въ комнатѣ, вышла изъ-за перегородки.

II.

— А, вотъ она!—закричалъ стоявшій въ комнатѣ высокій офицеръ веселымъ голосомъ.

— Спала Феня?—спросилъ отецъ.

— Спала,—солгала Феня отъ смущенія.

— Ну-ка, пожалуйте! У-у-у какая! Ничего, ничего! Заспались немножко?

И офицеръ сѣлъ, потирая себѣ руки. Феня увидѣла мелькомъ, не рѣшаясь поднимать глазъ, его большіе бѣлокурые усы и хохолъ свѣтлорусыхъ волосъ на головѣ. Онъ былъ молодой и статный.

Феня сѣла у стола и разливала чай, прячась за самоваромъ, потому что ей было стыдно своего обтрепаннаго платья. А гость расположился на табуреткѣ почти противъ нея, развязно заложилъ ногу на ногу и весело болталъ, разсказывая Василію Пантелѣевичу о своей удачной охотѣ, о томъ, какъ вообще ему везетъ—и на охотѣ, и на службѣ, и въ скупкѣ лошадей для ремонта,,—ради чего онъ и проживъ здѣшнихъ мѣстахъ. Василій Пантелѣевичъ слушалъ какъ будто нехотя. Но офицеръ не замѣчалъ этого и, наслаждаясь собственными разсказами, пилъ чай, безцеремонно спрашивалъ себѣ то того, то другого, курилъ и поглядывалъ иногда быстрымъ взглядомъ на смущенную, молчаливую Феню. Иногда, среди разсказа, онъ разражался смѣхомъ, такимъ открытымъ и громкимъ, что стекла слабо дрожали въ окнахъ, и даже Василій Пантелѣевичъ ухмылялся въ бороду.

— Я, вѣдь, тутъ ваши мѣста въ лучшемъ видѣ знаю,—говорилъ онъ.—Это все мое владѣнье!—Онъ сдѣлалъ широкій жестъ рукой. — Мы тутъ каждую деревушку изъѣздили съ моимъ Кузьмой: Дерюгино, Каменка, Власьево...

Перечисляя и откладывая по пальцамъ знакомыя мѣста, онъ оглядывался на Феню, какъ-бы призывая ея вниманіе къ тому обстоятельству, что онъ такъ скоро и хорошо изучилъ все это. Фенѣ было пріятно, что онъ знаетъ ихъ мѣста: казалось, онъ былъ не совсѣмъ чужой, и она удивлялась только, что до сихъ поръ никогда и нигдѣ его не видала. А онъ былъ такой большой, замѣтный, блестящій, веселый.

— Сафроновка тоже хорошенькое имѣньице. Барышни такія тамъ славненькія, у этой вдовы. Я заѣзжаю: просятъ, знаете. Разъ по дѣлу заѣхалъ,—у нихъ тамъ вѣдь конскій заводъ. Ну, а потомъ—просто отбою нѣтъ. Заѣзжайте, да заѣзжайте! Вотъ сынка ихняго поджидаю изъ Кіева: вмѣстѣ охотиться будемъ.

— Да, вѣдь, сынокъ-то ихній молоденькій вовсе,—робко замѣтилъ Василій Пантелѣевичъ.—Слабенькій такой. Онъ, кажись, на охоту-то и не хаживалъ.

— Ну это что,—научится! — отвѣтилъ офицеръ, непріятно поморщившись.—А главное, барышни тамъ, славненькія такія, кругленькія.

Феня, сидѣвшая до тѣхъ поръ, какъ во снѣ, смутилась и даже упала духомъ. Ей безотчетно показалось въ эту минуту, что жизнь, которой она такъ ждала и которая уже столько разъ проносилась мимо нея на звенящихъ тройкахъ, опять минуетъ ее, и она опять останется въ своемъ одиночествѣ, — въ заброшенной сторожкѣ отца открывать скучный полосатый шлагбаумъ.

Василій Пантелѣевичъ, видимо, усталъ за день и сидѣлъ прикрывъ глаза рукой. Но гостю не хотѣлось спать. Онъ говорилъ безъ умолку, обращаясь къ Василію Пантелѣевичу и поглядывая искоса на Феню. А ее все время мучила мысль, что сегодняшній вечеръ долженъ кончиться,—и онъ уѣдетъ. Ей хотѣлось-бы сказать такъ-же, какъ говорили ему разные господа и барышни, чтобъ онъ не уѣзжалъ, чтобъ онъ пріѣхалъ еще,—и она всѣмъ сердцемъ сочувствовала тѣмъ похваламъ его пріятной наружности и веселому характеру, которыя высказывали ему другіе. Но она ничего не могла сказать ему. Она помнила все время, что домъ ея отца плохая сторожка, и что она глупая и неученая, какъ говорилъ ей Андрей, и что она не успѣла даже одѣться къ тому времени, какъ онъ вошелъ въ избу, такъ что онъ могъ принять ее за какую-нибудь замарашку. Вѣдь онъ не зналъ, что у нея было хорошенькое платьице, которое она могла-бы надѣть, еслибы ждала, что сегодня кто-нибудь пріѣдетъ. И робко выглядывая изъ-за самовара, она не переставала думать о томъ, посмотритъ-ли онъ на нее еще разъ ласковымъ взглядомъ, какъ уже нѣсколько разъ смотрѣлъ...

Часы вдругъ пробили двѣнадцать. Онъ вскочилъ, хлопнулъ себя по колѣнямъ и такъ-же увѣренно и весело, какъ все, что онъ говорилъ и дѣлалъ, воскликнулъ:

— Ого, вотъ засидѣлся! И васъ-то сморилъ. А барышня такъ ужъ, пожалуй, теперь десятый сонъ видѣла-бы. Ишь глазки какіе заспанные!

Фенѣ было пріятно, что онъ назвалъ ее барышней. Она всполошилась, покраснѣла и сказала, запинаясь:

— Нѣтъ,—можетъ быть тятя, а я ничего.

— Наше дѣло привычное,—отозвался Василій Пантелѣевичъ, встряхивая головой, чтобы отогнать сонъ. — А вамъ какъ-же, на лавочкѣ, что-ли?.. Покойно-ли вамъ тутъ будетъ?—хлопотливо прибавилъ онъ и пошелъ за Анисьей.

Офицеръ прошелся по избѣ, потомъ сѣлъ на лавку, вытянулъ ноги и пріятно ухмыльнулся.

— Такъ-то-съ, красавица! —обратился онъ вдругъ къ Фенѣ и поднявъ на нее глаза, обвелъ ее всю, съ головы до ногъ, своимъ взглядомъ,—смѣлымъ, пытливымъ, свѣтлымъ до ласковости.

Все встрепенулось и задрожало въ Фенѣ съ такою силою, что она едва устояла на ногахъ. Невѣроятное счастье хлынуло въ ея душу и отъ этого обжегшаго ее взгляда и отъ его обращенія съ ней: никогда никто въ жизни не называлъ ее красавицей.

— Ну, а вы гдѣ-жъ спать будете? — спросилъ онъ, продолжая смотрѣть на нее смѣющимися глазами въ то время, какъ она, опустивъ поблѣднѣвшее лицо, хваталась за край подноса своими дрожащими пальцами.

— Я тамъ, за перегородкой, — сказала она чуть слышно, едва справляясь съ дыханіемъ.

— Вотъ какъ! Сосѣдями, значитъ, будемъ. Ну ничего. Вы не пугайтесь: я, говорятъ, храпѣть мастеръ.

Онъ засмѣялся. Она тоже слабо и сконфуженно умѣхнулась.

— Вотъ сейчасъ батюшка вашъ придетъ, и идите тогда съ Богомъ бай-бай.

Она опять смущенно усмѣхнулась.

— Чего это онъ тамъ захлопотался, — продолжалъ гость, бросая быстрый взглядъ въ темныя сѣни.—Мнѣ, вѣдь, ничего особеннаго ненадо. Я человѣкъ походный. И не такіе виды видали! Это вотъ вамъ, барышнямъ, непремѣнно мягкую постельку подавай. А нашему брату нельзя очень-то привередничать: на войнѣ—и въ траншеяхъ, на мокрой травѣ спать ложились.

Феня съ изумленіемъ слушала о его подвигахъ. Въ глазахъ у нея стоялъ густой туманъ.

— Что это вамъ какъ-будто неможется? — спросилъ онъ вдругъ участливо.

— Нѣтъ, это я такъ,—поспѣшила успокоить его Феня. Она горила себѣ въ душѣ, что онъ не только красивый и веселый, но и очень добрый.

— А то, вѣдь, вы такой народъ слабенькій. Трехъ верстъ не пройдете, и хоть на рукахъ васъ неси... А что вы тутъ—гуляете по здѣшнимъ мѣстамъ?

— Гуляю,—сказала Феня робко.

— Въ лѣсъ ходите? За грибами?

— Да, и за грибами.

— Ну вотъ и славно. Можетъ быть, какъ-нибудь встрѣтимся. Знаете лѣсокъ, за вашей рощей, отъ лѣсника недалеко... болотце тамъ, «охотничье» называется...

— Да,—сказала Феня чуть слышно, краснѣя.

— Экъ вы какую исторію подняли! Стоило это перину тащить!— обратился гость къ Василію Пантелѣевичу, сопровождаемому сердитой, сонной Анисьей.—Я вѣдь вамъ говорилъ,—мнѣ только такъ, прикурнуть малость. А вы и хозяюшку-то свою растревожили.

Онъ смотрѣлъ играющими глазами на Анисью, и казалось, готовъ былъ и ей сказать какое-нибудь доброе слово.

— Ну вотъ, Анисья, ты тутъ самоваръ убери. А я ужъ устрою,— сказалъ Василій Пантелѣевичъ, раскладывая на лавкѣ перину.—А ты, Фенька, чего стоишь! Поздно ужъ.

III.

Феня, смущенная и грустная, едва поклонившись гостю, ушла къ себѣ, и Василій Пантелѣевичъ затворилъ за ней дверь. Она не зажигала свѣчки и не раздѣвалась. Она забралась тихонько на широкую кровать, гдѣ спала въ дѣтствѣ вмѣстѣ съ Андрюшей и, накинувъ на голову байковый платокъ, уткнулась лицомъ въ подушку. Сердце ея билось и стучало. Она боялась выпустить изъ памяти все, что сейчасъ случилось. Она не могла ожидать ничего подобнаго послѣ всѣхъ его разсказовъ о блестящихъ знакомствахъ и успѣхахъ. Значитъ, она понравилась ему, если онъ такъ сказалъ ей и такъ посмотрѣлъ на нее. Значитъ, онъ не обратилъ вниманія на то, какая она растрепашка сегодня, и даже какъ-будто готовъ былъ приласкать ее!.. Всю жизнь Феня ждала этого, и ей не къ кому было приласкаться. Даже Андрюша, котораго она такъ любила, разлука съ которымъ всегда рѣзала ея сердце какъ ножемъ, — даже Андрюша только хмурился, когда она хотѣла обнять его. И эта неожиданная, громадная радость, этотъ взглядъ, властный и веселый, которымъ онъ обвелъ ее, сразу потрясли ее такъ, что теперь, лежа въ потьмахъ на своей постели, она вся трепетала, какъ въ лихорадкѣ.

Въ горницѣ уже загасили огонь. Было слышно только, какъ тамъ кто-то ворочался. За перегородкой стояла черная тьма. Но Феня теперь не боялась темноты. Она чувствовала себя счастливой отъ одной мысли, что онъ, этотъ красивый, добрый человѣкъ находится въ одной комнатѣ съ ней... Онъ сказалъ ей, чтобы она приходила въ знакомый лѣсокъ съ болотцемъ, гдѣ онъ охотится, и, конечно, она будетъ каждый день ходить туда и ждать его, пока онъ не придетъ. Онъ назвалъ ее красавицей и такъ посмотрѣлъ при этомъ, что, навѣрное,— это значитъ, что онъ скоро придетъ!.. Ей было жарко. Она сбросила платокъ. Свѣтлые, смѣющіеся голубые глаза все время стояли передъ ней въ темнотѣ, и ей было холодно отъ радости и жутко.

За стѣнами дома поднимался вѣтеръ. Доска, оторвавшаяся отъ крыши,

часто и тревожно хлопала, и лѣсъ слабо шумѣлъ черезъ дорогу тѣмъ особеннымъ шумомъ верхушекъ, который бываетъ передъ грозой. Феня сѣла на постель и прислушивалась. Въ одномъ краю небосклона раздавалось отдаленное глухое громыханіе, и вѣтеръ шумѣлъ уже съ легкимъ свистомъ и тихо шипѣлъ въ трубѣ. За перегородкой, очевидно, спали. Слышно было глубокое дыханіе, переходившее иногда въ протяжный храпъ. Феня боялась, когда по ночамъ храпѣлъ отецъ. Но теперь она думала о томъ, что въ горницѣ, кромѣ отца, былъ другой человѣкъ. Ей казалось, что если гроза подойдетъ, онъ, навѣрно, проснется, и тогда ужъ совсѣмъ не будетъ страшно. И ей хотѣлось, чтобы гроза надвигалась скорѣе, чтобы громъ разбудилъ его. Среди черной тьмы потолокъ вдругъ освѣтился летучимъ лиловатымъ свѣтомъ, и громъ загрохоталъ и загудѣлъ такъ близко, что изъ лѣсу раздался тяжелый вздохъ деревьевъ. Феня вздрогнула и замерла въ ожиданіи. На дворѣ тихо заржала лошадь,—это была его лошадь. Но въ комнатѣ слышался только еще болѣе тяжелый и глубокій храпъ... Феня вспомнила, какъ онъ сказалъ ей, что сильно храпитъ, и просилъ, чтобы она не пугалась,—и она старалась не пугаться. Еще разъ яркая молнія вспыхнула за перегородкой, озаривъ весь потолокъ до самыхъ дальнихъ угловъ, и громъ ударилъ съ такой силой, что самая земля подъ домомъ какъ-будто заколебалась. Потомъ болѣе отдаленные, взрывчатые, дробные раскаты понеслись по небосклону. Въ стекла сторожки забарабанилъ крупный дождь. Но никто не просыпался, и мѣрный, гудящій, переливчатый храпъ наполнялъ темноту живыми, страшными, давящими звуками. Феня уже не могла бороться со своимъ страхомъ. и ей хотѣлось позвать отца. Но она не рѣшалась крикнуть, и опять укрывшись платкомъ, прижалась къ подушкѣ. Ей было теперь жутко, и всѣ впечатлѣнія прошедшаго вечера казались ей далекими. Она лежала ничкомъ, въ душной темнотѣ, и старалась успокоить себя.

Гроза уже перешла на другую сторону неба и затихала. Иногда Фенѣ казалось, что черезъ маленькую щелочку между подушкой и платкомъ, даже сквозь закрытыя вѣки, чувствуются мигающія вспышки молніи. Но крупный дождь ровнѣе и глуше стучалъ въ окна и шумѣлъ по землѣ. И этотъ шумъ, и храпъ за перегородкой становились слабѣе, сливались и затихали. Мысли Фени спутались. Кто-то говорилъ съ ней во снѣ, смѣялся и проводилъ рукой по ея головѣ. Ей показалось, что Андрюша, какъ въ дѣтствѣ, спитъ съ ней рядомъ. Она протянула руку къ нему, но никого не ощупавъ вдругъ всхлипнула и очнулась. Воздухъ освѣжился послѣ грозы даже въ комнатѣ. Феня сбросила съ себя платокъ, вздохнула полной грудью и сладко, крѣпко заснула. Она не слышала какъ поднялся и вышелъ изъ комнаты на разсвѣтѣ ея отецъ и какъ уѣхалъ веселый прекрасный гость.

IV.

Три дня подрядъ Феня ходила въ лѣсъ,—на охотничье болотце, подлѣ сторожки лѣсника.

Феня никогда не гуляла одна, какъ гуляютъ деревенскія дѣвушки. При ея близорукости она не умѣла различать и запоминать дорогу, а сбившись, терялась и пугалась до слезъ. Когда ее посылали въ лавочку въ ближайшую деревушку, она шла только потому, что боялась ослушаться Анисьи... Прежде, когда Анисья была моложе и подвижнѣе, онѣ ходили въ лѣсъ. Маленькая Феня бѣжала быстрами шажками у самой юбки Анисьи и нерѣшително отходила въ сторону, чтобы поискать грибовъ или ягодъ. Но ей было мало радости отъ этого: она принимала издали за грибы какіе-нибудь сухія листья, и Анисьѣ слишкомъ часто приходилось бранить ее за то, что она приносила вмѣсто хорошихъ грибовъ «всякую погань». Одинъ разъ, когда Феня отошла дальше обыкновеннаго, ей встрѣтилась на узкой лѣсной тропинкѣ какая-то нѣмая побирашка, которая страшно мычала и протягивала къ ней красную безпалую руку. Феня такъ перепугалась, что безъ памяти бросилась въ чащу, закричала, и пугаясь еще больше собственнаго эхо, бѣжала все дальше, пока совсѣмъ не сбилась съ дороги... Съ тѣхъ поръ она боялась ходитъ въ лѣсъ даже съ Анисьей. Отъ лѣсной прохлады въ ея малокровномъ тѣлѣ разливалась непріятная дрожь. Въ тѣни старыхъ деревьевъ, въ шорохѣ листьевъ, въ неожиданномъ трескѣ сухихъ вѣтвей мерещилось ей что-то живое, большое, темное, надвигающееся на нее...

Никто никогда не узналъ, чего стоило Фенѣ въ первый разъ тайкомъ уйти изъ дома, разспросить у чужихъ встрѣчныхъ людей, какъ пройти на охотничье болотце и, наконецъ, пробраться къ этому мѣсту, по темной лѣсной тропинкѣ, путавшейся съ другими тропинками. Болото, къ которому она пришла, въ жаркое время года обыкновенно пересыхало. Оно было покрыто большими кочками, заросшими гдѣ желтоватымъ мохомъ, гдѣ широкой рѣзучей травой. Теперь, послѣ сильныхъ дождей, вода между кочками не просыхала, и тропинка, пролегавшая черезъ болото, была топкой и упруго колебалась подъ ногой. День былъ тихій и жаркій. Солнце припекало траву и мохъ на опушкѣ лѣса, такъ что можно было опуститься на землю.

Феня сидѣла, съежившись, прикрывъ отъ солнца голову маленькой косыночкой, со страхомъ оглядываясь и прислушиваясь. Изъ кустовъ ивняка и ракиты, ютившихся подлѣ старыхъ деревьевъ и окаймлявшихъ болотистую низину, взлетали, хлопая крыльями, большія темныя птицы. Феня вздрагивала, думая, что сейчасъ увидитъ передъ собою того, кого

она ждала, и пугалась до сердцебіенія. Всетаки онъ былъ чужой, и все, что произошло вечеромъ, было такъ не похоже на правду. Она не могла вообразить себѣ, какъ она поздоровается съ нимъ, какъ они будутъ говорить. Солнце стояло высоко и бѣлые свѣтящіеся барашки плыли по раскаленному небу. Быть можетъ, опять собиралась гроза. Иногда Фенѣ казалось, что гдѣ-то за лѣсомъ уже громыхаетъ Жутко становилось. Всѣ надежды начинали казаться ей несбыточными. Тяжелая дремота набѣгала на глаза. Феня вдругъ словно забывала, для чего она пришла. Все сливалось въ смутный сонъ, тяжелый и неподвижный.

Наконецъ, по острому чувству голода, Феня поняла, что оставаться здѣсь дольше было невозможно. Она опрометью побѣжала домой, все больше и больше теряясь, забывая дорогу. Незнакомая, глухая деревушка попалась ей—какіе-то лѣсные выселки въ нѣсколько дворовъ. Она насилу собралась съ духомъ попросить, чтобы ее проводили, насилу добралась домой, трепещущая, разбитая, съ ломотой въ ногахъ, съ болью на обгорѣвшемъ отъ солнца лицѣ. И когда удивленная и сердитая Анисья сказала ей, что она уже давно просрочила обѣдъ и, въ отвѣтъ на ея сбивчивыя оправданія, поглядѣла на нее недовѣрчивыми глазами, Феня заплакала и сказала себѣ, что никогда больше не пойдетъ въ этотъ ужасный лѣсъ съ желтымъ болотомъ и большими, шумно вылетающими изъ деревьевъ птицами. Но какъ только настала ночь, и Феня успокоилась въ тишинѣ, ей стало ясно, что сегодня онъ и не могъ придти: не могъ-же онъ каждый день уѣзжать изъ города. Его взглядъ, его призывъ, который въ темнотѣ такъ живо вспоминался ей, оставались несомнѣнными. Онъ долженъ придти—не сегодня, такъ завтра. И она вся замирала отъ счастья при мысли, что увидитъ его, и опять рѣшалась идти въ лѣсъ—завтра-же, съ утра, потому-что завтра онъ придетъ навѣрное...

На третій день Феня уже такъ привыкла думать о немъ, что ожидая его у болота, не теряла представленія о томъ, для чего пришла. Сидя подъ яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, не слыша больше лѣсныхъ голосовъ и шумовъ, она непрерывно глядѣла куда-то впередъ, видя передъ собой его лицо, волнуясь, холодѣя. Но когда онъ вдругъ показался на опушкѣ лѣса, въ сопровожденіи стараго лѣсника, Феня была такъ поражена, что у ней зазвенѣло въ ушахъ, и почти теряя сознаніе, она низко склонилась головой къ колѣнямъ...

V.

Вспоминая ночью свою встрѣчу, Феня не отдавала себѣ отчета въ томъ, какъ онъ подошелъ, какъ она поздоровалась съ нимъ, какъ ихъ оставилъ лѣсникъ. Она помнила только, что онъ пошелъ съ ней вмѣстѣ

по тропинкѣ въ глубину лѣса. Потомъ они вышли на полянку. Онъ развалился на травѣ, разстегнулъ свой китель и сказалъ ей, чтобы она сѣла рядомъ. Ружье свое онъ бросилъ неподалеку. Ягташъ былъ пустой. Онъ хвалилъ ее за то, что она пришла, смѣялся.

— Славная ты, ей Богу, дѣвочка,—говорилъ онъ.—Какъ тебя, Дуня, что-ли?

— Не Дуня!—отвѣтила она чуть слышно, опустивъ голову.

— Ну, не Дуня, такъ не Дуня! Какъ-же тебя, милуша?

— Феня.

— А, Феня! Феничка! Ну такъ и будемъ звать. Ишь шустрая какая! Въ первый разъ пошелъ въ ваши мѣста, а ты—тутъ какъ тутъ.

Она хотѣла ему сказать, что уже третій разъ приходила сюда, но не рѣшилась, и молча, сидя въ очень неловкой, непривычной позѣ на землѣ, разглаживала руками на колѣняхъ свое лиловенькое съ крапинками новое платье, которое она со вчерашняго дня, къ удивленью Анисьи, надѣвала на себя, убѣгая въ лѣсъ.

— Славная дѣвочка, право,—повторилъ онъ, развалясь и закинувъ руки за голову.—Красавицей не назовешь, а за сметливость хвалю.

Феню немножко огорчило, что сегодня онъ какъ-бы взялъ назадъ тѣ свои слова, которыя въ первый разъ такъ особенно взволновали и обрадовали ее. Красивой она себя никогда не считала. Она, впрочемъ, рѣдко и думала объ этомъ. Ея сердце ждало любви и ласки, а не похвалъ. Тѣмъ неожиданнѣе было его лестное слово, показавшееся ей обѣщаніемъ любви. И за эти нѣсколько дней, прошедшіе съ ихъ перваго знакомства, она все повторяла себѣ въ умѣ, какъ онъ сказалъ: «красавица моя!» Она произносила его въ ночной темнотѣ—шопотомъ, даже вполголоса, потому-что это больше убѣждало ее, что онъ дѣйствительно сказалъ такъ. И теперь вдругъ, съ первыхъ-же словъ, онъ точно отрекся. На нее напала робость, страхъ, что она потеряетъ его, что всѣ ея надежды были напрасны.

— Ну что-жъ ты, Феня, призадумалась какъ будто? Ты мнѣ смотри... Я вѣдь сегодня не надолго. Я тутъ неподалеку, въ селѣ былъ,—съ мужиченкой однимъ надо было переговорить... Я вотъ поболтаю съ тобой еще минутки двѣ да и пойду.

Феня поблѣднѣла.

— Чего это ты хилая какая-то выглядишь сегодня? Я тотъ разъ и не замѣтилъ. Ты тогда свѣженькая была. А сегодня жара этакая,—всѣ бабы красныя, а ты вонъ какая! Щеки-то у тебя совсѣмъ ввалились даже. Ты смотри,—ѣшь лучше, красивѣе будешь!

Онъ взглянулъ на ея лицо, какъ ей показалось, сердито,—и это было такъ непохоже на то, чего она ждала, что она едва удерживала слезы.

Онъ посмотрѣлъ на окрестныя деревья, на небо и сказалъ:

— Фу ты, какъ паритъ! Опять гроза будетъ.

Потомъ обернулся на нее,—съ тѣмъ-же безпечнымъ, разсѣяннымъ взглядомъ, какимъ только-что смотрѣлъ вокругъ, и призакрылъ глаза.

— Усталъ сегодня,—сказалъ онъ.—Дороги тутъ у васъ, — самъ чортъ ногу сломитъ... Ну-ка, разскажи мнѣ что-нибудь хорошенькое.

— А чего разсказать? я не знаю...,—проговорила Феня, оробѣвъ.

Глаза ея скользили по его разстегнутому кителю съ блестящими пуговицами, по его почернѣвшимъ погонамъ. Когда она ждала его, ей хотѣлось видѣть его лицо, его усы, которые такъ весело шевелились, когда онъ смѣялся, его глаза, въ которыхъ она все надѣялась подмѣтить тотъ взглядъ, который все это время волновалъ ея воображеніе. Но сегодня ничего этого не было. Даже усы, длинные, пожелтѣвшіе около рта отъ табачнаго дыма, были какіе-то хмурые. Фенѣ казалось, что можетъ быть, она была виновата въ томъ, что не умѣла развеселить его, и она силилась сказать что-нибудь пріятное для него. Но ничего не было въ ея душѣ, кромѣ жгучей нѣжности и желанья понравиться ему... Ей было жаль его,—что онъ такъ усталъ, и хотѣлось высказать ему это. Вдругъ, совершенно неожиданно, она въ первый разъ вспомнила, что даже не знала, какъ его зовутъ. И оживившись при мысли, что можно было заговорить хоть объ этомъ, и попрежнему не глядя ему въ глаза, она сказала:

— А вотъ вы подумали, что я Дуня...

Голосъ ея сорвался и она безсильно улыбнулась.

— Что? А, да, ты про это! Да, да. Не упомнишь, вѣдь, васъ всѣхъ...

— А я тоже не знаю,—рѣшилась она замѣтить.

— Чего?

— Какъ васъ звать?

— Звать? Ишь ты какая!.. А ты отгадай-ка сама!

Онъ смотрѣлъ на нее повеселѣвшимъ взглядомъ.

— А я не знаю,—сказала Феня.

— Ну, какъ ты думаешь? Герасимъ, что-ли?

— Нѣтъ,—сказала Феня, покачавъ головой.

— Почему-жъ ты думаешь, что нѣтъ?

Онъ глядѣлъ на нее и посмѣивался.

— Да имя такое нехорошее. Простое такое,—пояснила Феня.

— Простое? А ты-то сама что-жъ,—барышня?

Феня смутилась, вспомнивъ, что въ первое посѣщеніе онъ самъ называлъ ее барышней. Она молчала и терла пальцемъ ладонь.

— Вотъ, вѣдь, вы какія! Все вамъ чего-то особеннаго подавай. Имя чтобы хорошее! Ну, а какое-жъ по тебѣ имя хорошее?

— Василій, Николай... Андрей,—добавила она чуть слышно.

— Андрей! Тоже нашла хорошее! Что-жъ это у тебя женихи что-ли все были,—Николай да Андрей?

Феня не знала, какъ принять его фразу. Было не то немножко обидно за Андрюшу, не то лестно: значитъ онъ думалъ, что къ ней все-таки сваталось нѣсколько жениховъ.

— Ну что-же? гадай, Феня! А то такъ и не будешь знать, къ кому ходила.—Онъ забавлялся ею и былъ веселъ. — Захочешь письмо написать, и не будешь знать, кому.

Она покраснѣла при мысли, что могла-бы написать ему письмо.

— Ты что краснѣешь все? Тонкокожая какая! То поблѣднѣетъ, то покраснѣетъ. И въ глазенкахъ огонекъ какой-то бѣгаетъ. Глазенки-то у тебя, ничего,—большіе, ласковые такіе. Очень ужъ ты худа только! Я люблю, чтобы бабы были здоровыя... Ну вотъ, опять покраснѣла. Пресмѣшная ты, ей-Богу. Ну что-же, не правду я говорю, что у тебя только и есть кости да кожа?

Онъ потянулся и захватилъ ея худые, обвѣтрившіеся пальцы, съ утолщенными, морщинистыми суставами, и сталъ тискать ея руку, перебирая продольныя косточки запястья.

— Ну что, больно?

— Нѣтъ,—тихо сказала Феня. Лицо ея горѣло и слезы выступили на глаза отъ боли.

— Ну вотъ, чего врешь! Не больно, такъ еще больнѣе сдѣлаю! Кричать будешь.

— Больно! — не выдержала, наконецъ, Феня.

— Вотъ видишь,—я говорилъ! Глупый вы народъ. Коли больно, такъ и надо было сказать. А то терпитъ, терпитъ, а потомъ закричитъ или вдругъ въ слезы! Вотъ этого еще не люблю,—слезъ вашихъ бабьихъ.

Феня, глотая слезы, изо всѣхъ силъ старалась не заплакать.

— А вѣдь мнѣ идти пора,—сказалъ онъ, наконецъ. — Такъ ты меня ничѣмъ и не заняла!

— А какъ занять?—съ трудомъ выговорила Феня.

— Ну вотъ, я-же и придумывай, какъ занять. Сама должна придумать. Мало у васъ всѣхъ этихъ штукъ женскихъ. Неопытная ты, вотъ что я тебѣ скажу... Экъ, вѣдь ты! Вонъ опять уши покраснѣли. Торчатъ они у тебя какъ!

Она невольно схватилась за свои уши, которыя, дѣйствительно, были велики и некрасивы.

— Ну ладно, Богъ съ тобой, не конфузься. Вѣдь, не сама ты себя такой сдѣлала. Ну-ка, потяни меня за руку.

Она встала на колѣни и взялась дрожащими руками за его руку, но у нея не было силы приподнять его.

— Эхъ, слабёха какая!—отозвался онъ.—Оставь-ка, самъ встану.

Ей опять показалось, что онъ сердится, и не хотѣлось выпускать его руки, большой и грѣющей. Она вскочила и изо всѣхъ силъ потянула его. Онъ разсмѣялся, легко вспрыгнулъ на ноги, встряхнулся, провелъ пятерней по волосамъ, расправилъ усы, посмотрѣлъ на нее, моргнувъ глазомъ, и вдругъ, совершенно неожиданно для нея, обхватилъ ее одной рукой и поцѣловалъ въ щеку. Ее обдало жаромъ. Не помня себя, она схватилась обѣими руками за его рукавъ и прижалась лицомъ къ его плечу.

— Ну, полно! Оставь,—некогда сегодня!—сухо сказалъ онъ, отстраняясь.

Она разняла руки и безсильно опустилась на траву, закрывъ лицо руками, сквозь которыя хлынули жгучія слезы.

— Вона! поѣхала!—сказалъ онъ насмѣшливо. — Вѣдь, говорилъ, что не люблю этого.

Ничего она больше не понимала. И тѣмъ ужаснѣе было, что онъ уже уходитъ, что онъ опять разсердился и что она не могла удержаться отъ слезъ, которыхъ онъ не любилъ.

— Ну-ка-сь, слушай... Да полно, ну... какъ тебя,—а то уйду сейчасъ! Дай-ка мнѣ мое ружье. Вонъ оно подлѣ тебя валяется.

Она схватила его ружье и протянула ему, поднявъ на него свои заплаканные, влюбленные глаза. Взглядъ ихъ какъ будто тронулъ его.

— Ну ладно, полно объ этомъ,—сказалъ онъ.—Вотъ что, слушай-ка. Я тутъ какъ-нибудь еще къ тебѣ зайду. Только не въ этакое время. Жара,—просто не глядѣлъ-бы ни на кого. А такъ, къ закату. Ладно, что-ли?

— Ладно,—повторила она его слово.

— Ну вотъ такъ,—что у насъ сегодня? воскресенье? Такъ на недѣлѣ, въ четвергъ, что-ли, или въ пятницу. А то въ среду. Вѣдь, тебѣ все равно? Ты тутъ, небось, каждый день ходишь?

Феня не смѣла сказать, что каждый напрасный приходъ въ лѣсъ былъ для нея непосильнымъ мученіемъ.

— Такъ ты тутъ себѣ и погуливай. А пока поживай себѣ по добру, по здорову.—Онъ потрепалъ ее рукой по щекѣ и замѣтилъ: — Ишь щеки какія горячія! Наплакала себѣ. Въ другой разъ чтобы этого не было. Я строгій.

Онъ сказалъ это весело и добродушно и, перекинувъ за спину ружье, быстро скрылся въ лѣсу.

Она упала на траву подлѣ того мѣста, которое онъ примялъ, и долго лежала такъ, замирая отъ счастья и боли.

Весь день Феня ходила какая-то шалая,—какъ говорила, подозрительно на нее поглядывая, Анисья,—и рано забилась къ себѣ за перегородку на постель. Ей хотѣлось быть одной, чтобы видѣть въ темнотѣ солнечную лѣсную полянку и вспоминать тотъ жуткій мигъ, когда онъ внезапно обжегъ ее своимъ поцѣлуемъ. Ей казалось, что она умираетъ отъ восторга и нетерпѣнія: такъ долго было еще ждать до новаго обѣщаннаго свиданія.

Это были тревожные и сладкіе дни, безсонныя ночи. А воздухъ былъ попрежнему полонъ предчувствіемъ приближающейся изъ-за горизонта грозы.

VI.

Въ среду Феня шла на свиданье вся блѣдная, боясь опоздать, потому что ей не удалось во время вырваться изъ дому. Ей было такъ страшно разсердить его своимъ опозданіемъ, что минутами ей казалось даже, что лучше бы сегодня онъ вовсе не приходилъ. И въ то-же время ей такъ хотѣлось найти его тамъ. Послѣ нѣсколькихъ жаркихъ грозовыхъ дней погода вдругъ измѣнилась. День былъ съ утра сѣренькій, тихій, чуть теплый. Казалось, что того и гляди, облака спустятся ниже, сгустятся и начнутъ сыпать мелкимъ, долгимъ дождемъ. Вороны и галки безпокойно прыгали по дорогѣ и кричали въ рощѣ. Ласточки стремительно носились надъ самой землей. Феня шла такъ быстро, что у нея захватывало дыханье. Ей было жарко отъ напряженія, отъ непривычки къ скорой ходьбѣ.

Стволы деревьевъ быстро мелкали ей на встрѣчу. На узенькой тропинкѣ мелкая кустистая заросль била ее по лицу своими хлесткими вѣтками. Вотъ избушка лѣсника на полянкѣ. Вотъ начались желтоватые бугры съ рѣдкими тонкими деревцами. Феня остановилась. У нея занялся духъ. Она всматривалась пристально, безпокойно во всякое темное пятно по сторонамъ. Кругомъ все было тихо. Грачъ каркалъ грубо и рѣзко на высокой старой осинѣ у опушки лѣса. Она обѣжала вокругъ болота и безсильно свалилась на землю подлѣ высокаго, закорузлаго бугра, покрытаго желтой, выжженной солнцемъ травой. Не зачѣмъ было торопиться. Онъ ужъ не придетъ сегодня.

Вдругъ она услышала позади себя легкій шорохъ, и прежде, чѣмъ успѣла вскочить, громкій, звучный голосъ крикнулъ:

— А! Поджидаешь! Ну умница...

Феня не вспомнилась отъ радости. Она поднялась и сдѣлала къ нему на встрѣчу нѣсколько шаговъ.

— Ну, ничего, сиди, сиди!—сказалъ онъ.—А? Рада небось, что пришелъ?

— Рада,—проговорила Феня, чуть дыша.

— То-то! Видишь, я какой! Обѣщался придти либо въ среду, либо въ другой день, а, вѣдь, вотъ тебѣ и ходить напрасно не пришлось. Гдѣ ты другаго такого найдешь?

Онъ былъ сегодня веселый, добрый, такъ что у Фени прошелъ всякій страхъ къ нему.

— А? Ну что-жъ, сядемъ, что-ль!—сказалъ онъ, сбросивъ фуражку, расправивъ ладонью свои больше усы въ обѣ стороны и стеревъ съ загорѣлаго лица капли пота. Онъ обхватилъ ее за плечи рукой и сѣлъ вмѣстѣ съ ней на землю. Его рука тяжело легла на ея плечи, но отъ ощущенія этой живой тяжести ей было такъ тепло и пріятно, какъ еще никогда въ жизни.

— Давно ждешь?—спросилъ онъ, и, не дожидаясь отвѣта, прибавилъ:—Ишь, сердчишко-то какъ захватило! Такъ и дрожитъ вся подъ рукой! А?

Онъ разсмѣялся, смутивъ ее своими словами и своимъ смѣхомъ. Но по крайней мѣрѣ Феня чувствовала, что онъ не сердится. Она такъ боялась все это время, что была виновата передъ нимъ. Въ одну изъ прошедшихъ безсонныхъ ночей, когда она раздумывала, почему онъ въ послѣднее свиданіе былъ такой сердитый, ужасная мысль внезапно блеснула ей: онъ говорилъ—какъ будто въ шутку,—что его зовутъ Герасимъ, а она отвѣтила, что это было нехорошее имя! А если онъ не шутилъ, если и вправду—Герасимъ? Что она надѣлала!.. И теперь ей хотѣлось спросить, какъ его зовутъ, но она не смѣла и молча смотрѣла своими большими глазами, затуманившимися и горящими въ зрачкахъ.

— Уфъ! Усталъ какъ! И не отдышешься сразу!—говорилъ онъ. Рука его крѣпко обнимала ея худенькое, трепещущее тѣло. Вдругъ она слегка отдернулась и нерѣшительно подняла голову.

— Ну, что ты?—замѣтилъ онъ поощрительно.

— А вы сердиться не будете?—шепнула она.

— Чего-жъ сердиться?.. Глупость развѣ сморозишь. Всѣ вы такія: молчите—ничего себѣ,—бабы, какъ бабы, а заговорите... хоть святыхъ выноси!

Она оробѣла и притихла.

— Ну что-жъ! Я тебѣ сказалъ—говори, а ты тутъ какъ разъ и съежилась!

Но такъ какъ Феня продолжала молчать, все ниже склоняя голову,—такъ что изъ подъ узелка свѣтлыхъ, мелко заплетенныхъ волосъ выступала бѣлая, незагорѣвшая шея,—онъ опять обхватилъ ее рукой и притянулъ къ себѣ.

— Ну-ка! Раскошеливай свою дѣвичью премудрость! А? Фенюша!

Ея имя въ его устахъ и ласковый тонъ и ободрили, и тронули ее. Она прижалась головой къ его плечу и заговорила:

— А я вотъ... Вы мнѣ вотъ прошлый разъ сказать обѣщались, да такъ и... я вотъ про это...

— Эхъ ты: «вотъ, вотъ!..» Языкъ-то у тебя не больно шустрый,— засмѣялся онъ.

— А я вотъ... Вы мнѣ сказать хотѣли... да и не сказали... Какъ васъ звать!—съ трудомъ выговорила она, наконецъ.

— А тебѣ такъ все сразу и подай!.. Что-же ты меня—въ церкви поминать, что-ли, станетъ?.. Да и врешь-же ты,—какъ-же я тебѣ не сказалъ.

— Нѣтъ, вы пообѣщались, а потомъ и забыли.

Опять ее грызла мысль, что это его имя онъ назвала нехорошимъ.

— Ну вотъ! Не помню я, что-ли! Ты еще путала мнѣ что-то объ этомъ, забылъ ужъ—что.

— А по батюшкѣ какъ? спросила она, еле переводя духъ.

— По батюшкѣ? Любопытная какая! По батюшкѣ — Ивановичъ. Ѳедосѣй Ивановичъ.

— Ѳедосѣй?—переспросила Феня съ такимъ изумленіемъ, что онъ расхохотался.

— Вотъ глупая! Ну что такое? Имени такого, что-ли, въ святцахъ не видала. Какъ есть глупая! И не все-ли тебѣ равно?

Голова ея опять была опущена и тонкая, порозовѣвшая отъ волненія шея слегка вздрагивала. Онъ положилъ ей руку на шею и вытянувъ пальцы, тихонько сжалъ съ боковъ ея горячее горло.

— Ну, встань-ка-сь! Пойдемъ!—сказалъ онъ серьезно.

Она не поняла его приказанія, но послушно встала и пошла, едва поспѣвая за нимъ. Онъ шелъ рѣшительными большими шагами. Феня не знала, куда онъ идетъ такъ скоро, и такъ какъ они сошли съ тропинки и углублялись прямо въ лѣсъ, темный, заросшій, ей стало вдругъ жутко. Она хотѣла спросить его, но у нея пересохло въ горлѣ. Подъ ногами хрустѣли сухія вѣтки. Тонкія, цѣпкія травы липли къ платью... Феня начала отставать и, почти не видѣла, куда ей идти. Воздухъ здѣсь былъ сырой и тяжелый, какъ въ погребѣ.

— Ну, что-жъ ты! Идти, что-ли, не можешь? крикнулъ онъ, обернушись...

Никогда она не видала такого ужаснаго сна... У нея нѣмѣли руки и ноги, въ груди, въ горлѣ, въ головѣ все билось и дрожало. Она вдругъ остановилась. Онъ обернулся еще разъ и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ ей навстрѣчу, взялъ ее за плечи, туго и больно, своими руками... Его лицо на минуту мелькнуло передъ ней во мракѣ—такое страшное, что ей показалось, будто онъ хочетъ убить ее. Она дико вскрикнула...

На этотъ разъ онъ самъ проводилъ Феню до знакомой дороги: она такъ дрожала, что не было возможности оставить или отпустить ее одну.

VII.

Вечеромъ отецъ позвалъ Феню пить чай. Она отвѣтила черезъ перегородку, что ей не хочется. Потомъ пришла Анисья и долго ворчала на Феню, пока она, наконецъ, не встала и не вышла къ столу. Она была очень блѣдна. Глаза ея блестѣли и жмурились точно послѣ слезъ. Отецъ посмотрѣлъ на нее и покачалъ головой.

— Что это ты, Феня, неладная какая?

Анисья, сидѣвшая на лавкѣ нѣсколько поодаль отъ стола и прихлебывавшая съ блюдечка чай, прибавила:

— Я и то говорю! Такія повадки завела, что того гляди, вовсе свернется. Въ лѣсъ чего-то бѣгать стала. Эдакъ недалеко и до грѣха, — какъ съ мамашей ейной.

Отъ этихъ послѣднихъ словъ всегда спокойное лицо Василія Пантелѣевича слегка передернулось, и онъ промолчалъ, хотя поведеніе Фени тревожило его, и онъ хотѣлъ даже сдѣлать ей замѣчаніе построже. Но теперь онъ только задумался и продолжалъ молча пить чай, откусывая отъ маленькаго кусочка сахара.

— Платье новое чего-то стала надѣвать,—продолжала Анисья.—Бывало, говоришь, говоришь: посмотри на себя, въ чемъ ходишь,—ажно передъ людьми стыдно, все-таки проѣзжіе,—она и не смотритъ. А тутъ вытащила новенькое, и ну трепать! Статочное-ли дѣло!..

— Ну будетъ, будетъ!—тихо прервалъ ее Василій Пантелѣевичъ.

Но самъ онъ казался озабоченнымъ. Феня чувствовала это, и рука ея, которою она наливала на блюдце чай, дрожала. Нѣсколько разъ ей казалось, что отецъ смотритъ на нее, хотя онъ уже больше не оборачивался, а только какъ-то безпокойно подергивался, сидя на лавкѣ, и вздыхалъ своими обычными покорными вздохами. Феня допила чашку и опять пошла къ себѣ.

— Чего чаю не пьешь?—спросила Анисья.—Отъ ѣды даже вовсе отбилась! Съ лица спала. Вонъ глазищи-то какіе. Ты мнѣ смотри,—выслѣжу тебя, къ кому ты тамъ бѣгаешь.

Въ эту минуту Феня такъ боялась Анисьи, что могла-бы сдѣлать по ея приказанію все, что угодно. И страшнѣе всего было то, что ей говорили объ этомъ именно сегодня... Кровь бросалась ей въ голову. Она была вся разломанная, разбитая, разгоряченная. Ей казалось даже, что она плохо слышитъ сегодня,—голоса гудѣли громко и грубо, но точно издали. Она вся обливалась потомъ. Слушая зловѣщія слова Анисьи, Феня старалась ни о чемъ не думать, откладывая всѣ мысли на ночь.

Но какъ только она легла, тяжелый сонъ сковалъ ее. Она не слышала, какъ Анисья нѣсколько разъ заводила ту-же рѣчь съ отцомъ и какъ отецъ, все болѣе встревоженнымъ голосомъ и подъ конецъ даже сердясь, говорилъ ей:

— Ну полно, полно! Оставь, я тебѣ говорю. Самъ знаю.

Наконецъ Анисья ушла. Василій Пантелѣевичъ затушилъ лампу и, помолившись, сталъ укладываться на лавкѣ, ворочался, кряхтѣлъ и вздыхалъ. Воспоминаніе о женѣ, бѣжавшей отъ него послѣ нѣсколькихъ таинственныхъ отлучекъ изъ дому, заставляло его подозрительнѣе смотрѣть на поведеніе Фени. Тогда онъ не понималъ, что дѣлается, и опомнился, когда уже было поздно. Теперь Анисья своевременно открывала ему глаза, но онъ не зналъ, какъ ему поступить. Въ первый разъ стало его безпокоить, что Фенѣ живется не такъ, какъ другимъ дѣвушкамъ, что ей совсѣмъ негдѣ повеселиться, что она болтается безъ дѣла и что никто еще до сихъ поръ къ ней не сватался, хотя уже было давно пора. Привычная жизнь въ сторожкѣ представилась ему въ новомъ свѣтѣ. И онъ сталъ обвинять свое мѣсто, свою службу,— лучше которой ему было, пожалуй, и не найти,—и говорилъ себѣ, что бабамъ, особенно молодымъ, здѣсь и впрямь не житье. Вспомнилось ему какъ онъ пріѣхалъ сюда, женившись, и какъ съ первыхъ-же дней заскучала здѣсь его жена. Она была раньше продавщицей въ ресторанчикѣ городскаго сада, гдѣ онъ служилъ сторожемъ. Ему не по душѣ было видѣть, какъ заговариваютъ съ женой городскіе франты, и онъ думалъ успокоиться и счастливо зажить съ ней въ вольномъ одиночествѣ этой придорожной избушки. Но вышло худо... Глухая тоска душила Василія Пантелѣевича всякій разъ, когда что-нибудь напоминало ему несчастную исторію съ женой. Такъ онъ и не зналъ теперь, что съ ней было, не зналъ даже жива-ли она. Какая-то женщина приходила къ нему въ свое время, изъ города, прося дать паспортъ и нѣкоторыя вещи жены. Онъ далъ безропотно все, чего у него просили и хотѣлъ разспросить, куда она уѣхала, но вопросы его были неловкіе, а женщина, которую къ нему прислали, суровая и неразговорчивая... Онъ старался не думать больше о ней. Обида и тоска улеглись въ немъ мало по малу. Только сегодня слова Анисьи вдругъ расшевелили его затихшую, унылую душу... И невольно онъ думалъ, что Феня похожа немножко лицомъ на ту женщину, покинувшую его и дѣтей, хотя та была спѣсивая и требовательная, а Феня всегда была дѣвочка тихенькая и послушная.

«Господи, спаси и сохрани насъ, грѣшныхъ!» бормоталъ Василій Пантелѣевичъ и старался заснуть,— но не могъ. Поговорить, посовѣтоваться ему было не съ кѣмъ. Сынъ былъ далеко и какъ-то совсѣмъ отошелъ отъ него. Онъ могъ-бы гордиться Андреемъ, который самосто-

ятельно пробилъ себѣ дорогу, но онъ понималъ его еще меньше, чѣмъ Феню, даже немножко побаивался,—особенно съ тѣхъ поръ, какъ Андрей поѣхалъ въ Петербургъ. Тяжелое воспоминаніе осталось въ его душѣ отъ этого послѣдняго свиданія. Въ минуту разставанья Василій Пантелѣевичъ снялъ съ божницы старенькую дѣдовскую икону, чтобы благословить ею сына на новую жизнь,—но Андрей только болѣзненно передернулся, отстранилъ рукою отцовское благословеніе и тихо промолвилъ; «не надо, батюшка! Такъ простимся»... Никогда Василій Пантелѣевичъ не могъ забыть чувства обиды и тоскливаго, безпомощнаго опасенія за сына, которое онъ испыталъ въ ту минуту...

Въ избѣ было прохладно. Отъ окна немножко дуло,—должно быть, ночь была сырая и свѣжая. Стоялъ уже августъ. Развѣ вотъ осенью Феня присмирѣетъ, перестанетъ бѣгать. Да, вѣдь, до осени еще далеко, а она дѣвочка неосторожная, — долго-ль до грѣха? Поговорить-бы съ ней надо было покруче. Но Василій Пантелѣевичъ никогда ни съ кѣмъ круто не говорилъ. Онъ ничего не умѣлъ устроить своими силами. Когда въ жизни что-нибудь не ладилось и боязно было за себя и за своихъ, онъ зажигалъ лампадку и клалъ до сотни земныхъ поклоновъ. Ему становилось легче. Казалось, что Богъ пронесетъ тучу. И теперь только свѣтъ лампадки, дрожащій передъ образомъ, успокаивалъ его немного, такъ что онъ чувствовалъ, наконецъ, вмѣстѣ съ усталостью отъ томительныхъ мыслей и дневной ходьбы, приближавшуюся дремоту... Вдругъ онъ вскочилъ разбуженный жалостнымъ, точно придушеннымъ крикомъ Фени:

— Господи прости! Фенюша! Проснись-ка! Что-ты?—окликнулъ ее Василій Пантелѣевичъ.

Феня стонала и плакала. Онъ подбѣжалъ къ ней и потрогалъ тихонько за голову. Она содрогнулась и сѣла на постели.

— Что съ тобой?—повторилъ Василій Пантелѣевичъ.

— Ой!.. Ой!.. Мнѣ показалось...—стонала и лепетала Феня.

— Что тебѣ показалось?

— Мнѣ показалось... Ой!—это ты, тятя?..—Ничего... Мнѣ показалось... Ты спи, тятя!

Василій Пантелѣевичъ перекрестилъ голову дочери и, погладивъ ее тихонько по волосамъ, посовѣтовалъ ей лечь на правый бокъ.

— Такъ-то оно лучше. И не привидится ничего. Ты спи, Феня. не бойся. И я вѣдь тутъ.

Феня все еще дрожала, потомъ повалилась на постель и, натянувъ до самаго лица теплое одѣяло, повидимому, опять заснула. Онъ поправилъ лампадку и легъ. Но нѣсколько разъ Феня будила его то стонами, то испуганнымъ крикомъ. Василій Пантелѣевичъ подумалъ, что она больна, и сталъ даже думать о томъ, что свезетъ ее къ земскому фельдшеру.

«Дѣвочка-то худенькая, хворая», думалъ онъ, и въ первый разъ живое нѣжное чувство къ дочери теплилось въ его душѣ.

На утро Феня встала съ такимъ лихорадочнымъ лицомъ, что отецъ нѣсколько разъ звалъ ее къ фельдшеру. Но она пугалась до дрожи и упорно отказывалась. Весь день она бродила изъ угла въ уголъ, точно ища чего-то, тревожась и ожидая, а вечеромъ, чуть стемнѣло, забилась въ постель. Но она не спала, а только лежала, уткнувшись головой въ подушку, думая и вспоминая. Мысли были короткія, быстро потухающія, а воспоминаніе о вчерашнемъ днѣ захватывало ее всю, обдавало жаромъ и ужасомъ, къ которому примѣшивался теперь сладкій восторгъ. Она не знала, что будетъ дальше. Она не могла припомнить, говорилъ-ли онъ ей что-нибудь о томъ, когда онъ теперь придетъ. Но еслибы она знала, что можетъ теперь найти его гдѣ-нибудь за сто верстъ, она побѣжала-бы туда сейчасъ, ночью, ничего не боясь. Онъ самъ былъ для нея страшнѣе всего, что могло быть даже въ темномъ, спящемъ лѣсу. Но она только одного и хотѣла: быть съ нимъ. Сегодняшній день разлуки былъ томителенъ, какъ никогда ни одинъ день ея жизни. Онъ ничего не сказалъ ей о томъ, гдѣ онъ жилъ, и это было нестерпимо: не знать, гдѣ можно найти его—теперь, когда она во всемъ свѣтѣ чувствовала только его одного, его одного боялась, къ нему одному тянулась. Ей казалось, что теперь она уже больше не испугалась-бы. Она сама крѣпко обняла-бы его съ первой-же минуты, ничѣмъ не разсердила-бы его, сдѣлала-бы все, чего-бы онъ захотѣлъ. Еслибы онъ только захотѣлъ, она не отходила-бы отъ него всю жизнь. И въ первый разъ въ ней поднялся вопросъ: неужели она всегда будетъ видѣть его только въ лѣсу, потихоньку? а осенью? а зимой? Какъ онъ сдѣлаетъ? Робкая, трепетная мысль, что онъ посватается, вдругъ пронеслась въ ея душѣ и сейчасъ-же померкла. Воспоминанія вчерашняго дня, яркія, жуткія, нахлынули на нее, захватили ее, какъ объятья сильныхъ, властныхъ рукъ, и она думала только о томъ, что завтра-же опять побѣжитъ въ лѣсъ и будетъ ждать его тамъ,—что-бы ни случилось,—хоть-бы весь день, пока онъ не придетъ и пока она не покажетъ ему, какъ она его любитъ и какъ она на все готова.

VIII.

Наступала осень. Шли непрерывные, мелкіе, холодные дожди. Солнце выглядывало на короткое время словно лишь для того, чтобы показать какъ все вокругъ непоправимо измѣнилось. Поникшія, растрепанныя деревья одно за другимъ сбрасывали листья на промокшую, вязкую землю. Большая дорога покрылась грязью, по которой трудно было ходить. Тропинки въ лѣсу набухли и мѣстами были залиты водой.

Феня съ отчаяніемъ думала о томъ, что наступаетъ конецъ всему. Нѣсколько разъ не было возможности придти въ лѣсъ въ условленный день и часъ. Да и безполезно было: Феня знала, что по такому дождю онъ не придетъ. Въ сомнительную погоду она всегда ходила и подолгу ждала его,—стоя, потому что сидѣть въ лѣсу было уже не на чемъ: земля была мокрая, липкая. Но онъ уже давно не приходилъ вовсе. Феня оправдывала его тѣмъ, что изъ города далеко, и утѣшалась мыслью, что послѣдніе раза онъ былъ добрый и благосклонно принималъ ея нѣжныя ласки. Но теперь, не видѣвши его нѣсколько разъ изъ-за дурной погоды, она совсѣмъ сбилась въ томъ, когда можетъ встрѣтить его. Всѣ условленные дни давно прошли. Если-бы она знала, куда написать ему! Цѣлыя ночи она думала, что̀ она ему напишетъ,—что̀ написала-бы, если-бы знала, куда. Она сочиняла ласковыя слова и цѣлыя фразы и повторяла ихъ про себя съ такою страстью, съ такою тоской, съ такою мольбой отозваться на нихъ, что они начинали казаться ей самой необыкновенно убѣдительными. Безсонница мучила ее. Ночные часы тянулись безъ конца. Рѣдкій и мелкій косой дождь царапался въ окна. Съ шумомъ стекала вода по жолобу крыши. Со всѣхъ сторонъ дома и надъ домомъ чувствовался мракъ, напитанный сыростью и кропившій холодными росинками осенняго ненастья. А дальше, черезъ дорогу, угрюмый, точно продрогшій лѣсъ, стоналъ и бушевалъ при порывахъ сѣвернаго вѣтра.

Феня садилась на кровати и, прижимая руками сердце, которое билось до боли, думала о томъ, сколько времени они не видѣлись. Это было такъ давно! Дни и ночи сливались въ одну тоску, въ одно ожиданіе, въ одинъ туманъ. И впереди не видно было никакого свѣта. Мысль о томъ, что онъ посватается, мелькавшая у нея одно время, была очевидно глупою мыслью. Нѣсколько разъ въ душѣ ея вставалъ вопросъ: почему? Почему онъ не хотѣлъ того, что было такъ естественно, такъ желанно для нея? Можетъ быть онъ еще не зналъ, какъ она любитъ его, а если-бы узналъ и понялъ — самъ захотѣлъ-бы этого. Иногда ей казалось, что если она напишетъ и найдетъ средство послать письмо, онъ удивится и будетъ лучше думать о ней. Ей никода еще не приходилось сказать ему, что она умѣетъ писать, что ее научилъ Андрюша, что Андрюша такой умный и ученый. Написать письмо, которое могло-бы тронуть его—она сумѣетъ. Но разузнать, гдѣ онъ живетъ— и при этомъ никому не выдать своей тайны,—было слишкомъ трудно.

Однажды, проснувшись послѣ короткой дремоты, на разсвѣтѣ, и заглянувъ въ окно, Феня увидѣла, что погода какъ-будто прояснилась. На верхушкахъ деревьевъ золотилось восходящее солнце. Феня наскоро одѣлась и вышла на улицу. Было прохладно и вѣтряно, но на гори-

зонтѣ нигдѣ не видно было темныхъ, низко повисшихъ тучъ. Феня встрепенулась отъ радости. Можно было уйти прежде, чѣмъ кто-нибудь замѣтитъ. Она вбѣжала домой, надѣла башмаки поновѣе, чтобы легче было идти по грязи и, робко оглядываясь по сторонамъ, выскользнула изъ избы. Крѣпко придерживая обѣими руками большой платокъ, который относило вѣтромъ, ударявшимъ прямо въ лицо, она быстро пошла по дорогѣ. Ноги вязли и скользили по грязи. Отдуваемое вѣтромъ платье путалось въ ногахъ. Дышать было трудно: рѣжущій вѣтеръ проникалъ ей въ самую грудь. Холодныя слезы навертывались на глаза...

Въ лѣсу дышать стало легче. Но вѣтеръ пробирался и сюда—такъ что даже большіе, жесткіе папоротники, топорщившіеся подлѣ стволовъ, трепетали отъ его порывовъ. По верхушкамъ деревьевъ несся тревожный, торопливый шорохъ. Качающіяся вѣтки сыпали дождевыми брызгами. Ноги Фени, облипшія дорожной грязью, съ трудомъ передвигались по узенькой дорожкѣ, между росистыми травами, блестѣвшими на прогалинкахъ отъ солнца. Вотъ и сторожка лѣсника, вся точно осѣвшая за это время,—съ обмокшей, потемнѣвшей крышей, съ почернѣвшими стѣнами, съ подслѣповатыми окошечками. Вотъ, и хорошо знакомое болотце. И оно измѣнилось. Травянистыя кочки, торчащія изъ подъ налившейся повсюду воды, какъ-будто посвѣжѣли и позеленѣли. Но за то березки, которыя жались кучкой другъ къ другу по серединѣ, были совсѣмъ желтыя, и мелкіе листья ихъ крутились въ воздухѣ и усыпали землю. Никого здѣсь не было. Феня прислонилась къ дереву съ почернѣвшей волглой корой и вдругъ заплакала. «Что-же теперь дѣлать?»—повторяла она. Ей казалось, что она умретъ отъ усталости, если простоитъ здѣсь хоть нѣсколько минутъ. Она повернулась и пошла, едва глядя передъ собой обвѣтренными, заплаканными глазами. У избушки лѣсника на нее бросилась маленькая грязная шавка. Идти было такъ трудно, что Феня вдругъ рѣшила позвать лѣсника и попросить его немножко проводить ее. Она приблизилась къ низенькой, чернѣвшейся двери и позвала робкимъ голосомъ:

— Дяденька, а дяденька!

И вдругъ въ ту-же минуту ее осѣнила мысль, что, быть можетъ, этотъ лѣсникъ знаетъ его адресъ или поможетъ узнать его гдѣ-нибудь.

Старый лѣсникъ, косматый, сѣдой, въ широкой мужицкой свиткѣ, вылѣзъ, кряхтя, на ея зовъ.

— Чего ты, красавушка?—сказалъ онъ глядя на нее своими маленькими, бѣлесоватыми и, какъ ей показалось, хитро мигающими глазами.

— Дяденька,—начала Феня робко.—Я вотъ устала...

— Устала? Что-жъ мнѣ съ тобой дѣлать? Войдешь, что-ль ко мнѣ? Чего это тебя Господь Богъ въ такую погоду носитъ? Али опять къ офицеру своему пришла?

Феня вся онѣмѣла. Никогда еще она не говорила ни съ однимъ живымъ существомъ о своей тайнѣ.

— Въ этакую погоду, — повторялъ старикъ, уже сидя на лавкѣ, рядомъ съ Феней, въ своей закоптѣлой душной избенкѣ.—Ну, посиди. Сюда придетъ, такъ и то ладно!

Феня не смѣла смотрѣть ему въ глаза.

— Ты на этотъ счетъ не сумлѣвайся. Я на счетъ этихъ дѣловъ—мастакъ. Не то, чтобы что... Въ прошломъ году Өедосѣй Ивановичъ даже мнѣ на чай пожаловали. Ты, говоритъ, аккуратный старикъ, умный! Хе!

Услышавъ знакомое имя, Феня вся встрепенулась. Она не поняла, за что хвалилъ онъ этого старика, и думала только о томъ, какъ бы разспросить про адресъ.

— Я вотъ, дяденька... робко начала Феня,—ты вотъ сейчасъ сказалъ...—Она, съ трудомъ переводя дыханье, выговорила наконецъ его имя: Өедосѣй Ивановичъ... Ты его знаешь?

— Кого? Өедосѣя-то Ивановича? Хе! Да мнѣ ли его не знать? Онъ у насъ вѣдь тутъ ужъ второй годъ, въ городѣ-то. Мы тутъ съ нимъ всякаго... и на счетъ охоты, и на счетъ чего...

— А я вотъ, дяденька... ты знаешь, гдѣ онъ... гдѣ онъ живетъ?

— Өедосѣй-то Ивановичъ? Да какъ мнѣ не знать? Да ты пойди у любого мужика въ деревнѣ спроси—всякій скажетъ. Такой славный баринъ, забавникъ такой, добрый, дай ему Богъ здоровья!

Феня съ наслажденіемъ слушала, какъ его хвалили.

— Да я тебѣ вотъ какъ скажу: ежели тамъ что—живымъ манеромъ представлю. Онъ баринъ добрый, не оставитъ.

Старикъ переминался по полу своими лаптями и лукаво подмигивалъ.

— А ежели письмо?—выговорила, собравшись съ духомъ, Феня.

— Письмо? И письмо давай! Я живымъ манеромъ почтарю,—почтарь свезетъ. А ты мнѣ за это на косушечку.

Феня смутилась. У нея никогда не было своихъ денегъ.

— А у меня, дяденька, денегъ нѣту,—сказала Феня.

— Нѣту? Экая ты какая—скупая! Ты смотри—Өедосѣй-то Ивановичъ такихъ не любитъ, онъ баринъ добрый.

— Дяденька! Да у меня нѣту! съ трудомъ выговорила Феня, оробѣвъ.—Право, нѣту. Мнѣ не жалко.

— Ну что-жъ мнѣ съ тобой дѣлать?—сказалъ старикъ и подмигнувъ, прибавилъ:—Ну такъ ужо Өедосѣя Ивановича увидишь,—отъ него возьмешь. Ладно, что-ли?

Феня молчала.

— Ну-ка-сь?... А то и такъ, самому Өедосѣю Ивановичу на

помню. Онъ добрый. Такой простой баринъ,—сейчасъ цѣлковый отвалитъ. Давай, что ли письмо-то!

— Да у меня сейчасъ нѣту,—сказала Феня, ежась и испуганно моргая.—Я, дяденька, завтра приду и принесу.

— Завтра? Экая ты какая! Я думалъ, дѣло, а ты—нѣтъ. На-кося! Ужъ больно ты тиха. Ты смотри, Ѳедосѣй Ивановичъ такихъ не любитъ.

Второй разъ уже онъ говорилъ, что Ѳедосѣй Ивановичъ не любитъ такихъ, какъ она... Феня боялась теперь этого маленькаго, хитраго старика, какъ человѣка, отъ котораго зависѣла вся ея жизнь. И она не знала, какъ умолить его, какъ дать ему понять, что онъ не долженъ повторять Ѳедосѣю Ивановичу своихъ разсужденій о томъ, что она скупая и тихая.

— Экая ты какая!—повторялъ старикъ, неодобрительно покачивая головой, и проводилъ ее до половины лѣсной дороги, не переставая бормотать о томъ, что Ѳедосѣй Ивановичъ баринъ добрый и что они дѣлаютъ съ нимъ разныя дѣла.

Всю ночь, заперши на крючекъ дверь своей перегородки, Феня писала письмо, которое должно было, по ея мнѣнію—рѣшить ея судьбу. Колеблющійся свѣтъ огарка колыхался по потолку, разгоняя темь. Она писала, положивъ бумагу на свой сундучекъ и сидя на скамеечкѣ. Колѣни, упиравшіяся въ стѣнку сундука, болѣли. Пальцы, едва справлявшіеся съ старымъ заржавленнымъ перомъ, затекли и ныли отъ непривычки писать. Каждый разъ, когда отецъ всхрапывалъ, Феня останавливалась, смотрѣла вокругъ себя испуганными глазами,—потомъ опять наклонялась и старательно выводила блѣдными чернилами большія, неровныя буквы. Жаръ заливалъ ее всю, съ головы до ногъ, глаза сіяли, и сердце замирало отъ сладкой, восторженной любви и надежды.

XI.

Нѣсколько разъ Феня бѣгала къ лѣснику узнать, не пришелъ-ли какой-нибудь отвѣтъ на ея письмо. Но отвѣта не было. Старикъ говорилъ ей все одно и то-же:

— Письма-то? Нѣтути письма. Да ты не сумлѣвайся... А вѣдь, вотъ—обѣщала на косушечку, а нѣтъ того, чтобы... Эхъ ты, дѣвонька, дѣвонька!

Наконецъ, одинъ разъ, онъ сказалъ ей:

— Да ты что бѣгаешь-то? Вонъ погода какая! Всѣ ноги обломаешь. А вѣдь ужъ сколько времени? Може, онъ и того...

Феня посмотрѣла на него, желая понять, что онъ подразумѣваетъ подъ этими словами: «и того».

Онъ покачалъ головой и усмѣхнулся.

— Всѣ вы, дѣвки, такой народъ. Что-жь ты думаешь,—на веревочкѣ онъ у тебя, что-ли? Его, може, ужъ и слѣдъ давно простылъ. Онъ, сказываютъ, ужъ и не въ городѣ.

Феня продолжала смотрѣть остановившимся взглядомъ, въ которомъ чувствовался такой ужасъ, что старикъ опять только покачалъ головой и замѣтилъ:

— Чего уставилась-то на меня? Не я отколдовалъ. Воля ихняя. Былъ по близости,—ходилъ, а теперь-то—очень ты ему нужна! Мало у него тамъ, въ Москвѣ, дѣвокъ разныхъ.

Феня покачнулась и чуть не упала.

— Экая ты какая!—продолжалъ старикъ.—Что-жъ я тебѣ—зла, что ли, желаю? Я тебѣ по просту сказалъ, а ты — вона, побѣлѣла даже вся!

Онъ продолжалъ долго бормотать ей что-то вслѣдъ, но она уже бѣжала прочь отъ него. Быстро, насколько хватало силъ, она переступала по мокрой, вязкой дорожкѣ, забывъ куда и зачѣмъ идетъ. Потомъ она вдругъ остановилась, глубоко вдохнула въ себя воздухъ, еще и еще разъ. Глаза отяжелѣли и закрывались. Руки въ ладоняхъ больно кололо, и отъ рукъ какой-то пронизывающій токъ поднимался выше, кололъ сердце и мѣшалъ ему биться. Нѣсколько поворотовъ лѣсной тропинки промелькнули незамѣтно, но въ колѣняхъ была такая тяжесть, что дорога казалось безконечной...

Вотъ полосатый шлагбаумъ, домъ. Феня прошла въ избу и сѣла на лавку, не снимэя платка. Анисья вошла за нею вслѣдъ и подозрительно посмотрѣла.

-- Опять ходила!—сказала она громко.—Смотри ты, Фенька, отцу скажу. Который день изъ дому чуть свѣтъ бѣжишь!

Но Феня сидѣла съ такимъ неподвижнымъ лицомъ и такими странными мутными глазами, что Анисья удивилась, пристально взглянула на нее и прибавила съ нерѣшительной ласковостью:

— Чаю не выпивши убѣжала! Подать, что-ли, поѣсть?

Феня упала головой на столъ и зарыдала. Анисья привыкла къ Фенинымъ слезамъ; но никогда еще она не плакала такъ. Анисья сняла ей съ головы платокъ и погладила по волосамъ. Но голова Фени такъ и билась подъ ея рукой. Острый захлебывающійся крикъ вылеталъ изъ ея груди съ каждымъ дыханіемъ.

— Господи помилуй!—пробормотала Анисья.—Вотъ до чего дѣвченка добѣгала! Пойти отцу, что-ли, сказать?

Феня вскочила.

— Не надо! Тетенька Анисья, не надо!—говорила она, судорожно

хватаясь то за голову, то за платье Анисьи.—Не говори! Я сейчасъ... я не буду...

Но вмѣсто того, чтобы успокоиться, она вырвалась изъ рукъ, убѣжала и, упавъ на постель, навзничь, вцѣпившись руками въ волосы, стала кричать тонкимъ голосомъ, который казался однимъ непрерывно тянущимся, сдавленнымъ рыданіемъ. Анисья постояла надъ ней минуту и пробормотавъ укоризненно:—«Господи прости! сглазили, что-ли, дѣвчонку,—точно кликуша какая!»—пошла искать Василія Пантелѣевича.

Вдругъ Феня затихла и молча сѣла на постель. На одну минуту ей показалось, что ничего не случилось, что все было такъ, какъ всегда, какъ давно, какъ еще въ дѣтствѣ. Только во лбу что-то сосало, и казалось, что голова была пустою—точно вся кровь ушла изъ нея. Глаза закрылись и ей захотѣлось лечь. Но какъ только она легла, весь ужасъ послѣднихъ недѣль, все пережитое сразу всколыхнулось въ ея сознаніи. Мысли, путающіяся и пересѣкающія другъ друга, пылающія воспоминанія, несносная и сверлящая тоска,—все обступило сразу и захватило мозгъ, залило жгучей волной сердце, побѣжало холодомъ по тѣлу,—и, стиснувъ зубы, сдавивъ судорожно сжатыми руками виски, Феня начала стонать, стонать безъ перерыва, потому что каждый вздохъ душилъ и рѣзалъ ее смертельной болью. Ей казалось, что никогда это не кончится...

Василій Пантелѣевичъ пришелъ, перепуганный Анисьей, и остановился у постели. Фенѣ было теперь все равно, поймутъ-ли они что-нибудь изъ того, что она такъ старательно скрывала. Нечего было скрывать, потому что ничего уже не было. Она сразу, всей силой души повѣрила этому старику, съ его холодными, злыми словами, такъ-же, какъ раньше вѣрила своему сердцу. Она ясно видѣла, что на ея письмо не будетъ никакого отвѣта, что онъ больше никогда не придетъ, что онъ уѣхалъ,—можетъ быть, даже не получивъ ея письма. И теперь уже ничего болѣе нельзя было сдѣлать. Она не съумѣла во время угодить ему. Онъ такъ и не полюбилъ ее...

Часы проходили. Феня больше не плакала и покорно пила изъ рукъ Анисьи какое-то лѣкарственное снадобье. Отецъ подходилъ къ ней и щупалъ ея голову. Голова у нея была горячая, глаза то блестѣли сухимъ блескомъ, то мутнѣли и закрывались. Наступилъ вечеръ. Спустилась на землю тихая, черная ночь. Нѣсколько разъ Феня начинала дремать. Но какъ только она закрывала глаза, недавнее прошедшее, жгучее и ослѣпительное, какъ счастье, подкрадывалось къ ея воображенію. Она вскакивала и протягивала впередъ руки, точно хотѣла дотянуться до покинувшаго ее человѣка. Грудь ея такъ болѣла, какъ будто внутри ея что-нибудь нарывало. Руки безсильно падали, голова запрокидывалась. Она чувствовала изнеможеніе, и что-то горячее, щекочущее бѣгало

во всѣхъ ея жилкахъ, такъ что хотѣлось и хохотать, и плакать, и кричать, вскочить, броситься куда-нибудь... Но тяжелая, холодная безпросвѣтная ночь давила и сверху, и со всѣхъ сторонъ.

Василій Пантелѣевичъ тоже не спалъ. Онъ думалъ и соображалъ, какъ ему быть. Совѣсть упрекала его за то, что онъ не уберегъ Феню. Онъ уже ясно понималъ теперь, что Феня бѣгала въ лѣсъ не спроста. Вспомнился на минуту веселый ремонтеръ, заѣхавшій къ нему на ночь. «Не онъ-ли?» думалъ онъ мелькомъ. Но Феня, кажется, вовсе и не говорила съ нимъ. Да и на что ему Феня? Мало-ли тамъ у него, въ городѣ, своихъ?..

«Сохрани ее, Святая Угодница! сохрани ее, Матерь Божія!» шепталъ Василій Пантелѣевичъ, глядя на темную божницу, освѣщенную мигавшею лампадкой. И копотливыя думы бродили въ его головѣ: какъ быть съ Феней? какъ ее устроить?

Л. Гуревичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

* * *

О, бойся лунныхъ вечеровъ
Съ ихъ тѣнью, тишью и мерцаньемъ,
Они томятъ своимъ дыханьемъ,
Они загадочнымъ молчаньемъ
Такъ много говорятъ безъ словъ...
О, бойся лунныхъ вечеровъ.

Ихъ чарами завороженный
Ты бродишь, словно опьяненный;
Все ярче дерзкія мечты;
И, полный радости тревожной,
Ты вѣришь грезѣ невозможной;
Надежду, что казалась ложной,
Опять, слѣпецъ, ласкаешь ты.

Кругомъ все такъ необычайно
Все такъ обманчиво и тайно;
Въ пустынной глубинѣ аллей,
Надъ далью дремлющей поляны,
Плывутъ, какъ призраки, туманы,
Скользитъ пугливый сонмъ тѣней.
Чуть вѣтерокъ дохнетъ украдкой —
Сильнѣй отравой дышатъ сладкой
Деревья, травы и цвѣты.
Все дерзновеннѣе мечты.
Будя забытыя волненья,
Рождая смутныя стремленья,
Изъ мглы оплаканныхъ годовъ
Встаютъ лучистыя видѣнья...
О, бойся лунныхъ вечеровъ.

Ф. Червинскій.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Аполлонъ и Діонисъ.

I.

Довольно много лѣтъ тому назадъ Ницше написалъ сочиненіе, которое никогда не будетъ забыто, какъ удивительный комментарій къ одному изъ очень трудныхъ вопросовъ—къ вопросу о происхожденіи греческой трагедіи [1]). Небольшое по объему, сочиненіе это заключаетъ въ себѣ рядъ глубокихъ мыслей, объединенныхъ въ строгую систему, полную характеристику цѣлаго строя греческой образованности. Разсужденія объ искусствѣ перемѣшаны съ обще-философскими разсужденіями, но сущность книги можетъ быть названа эстетическою въ самомъ строгомъ смыслѣ слова. Еще не увлеченный крайностями индивидуализма, Ницше на первоначальной ступени своей литературной дѣятельности не былъ тѣмъ блестящимъ, но парадоксальнымъ мыслителемъ, какимъ онъ явился предъ европейскою публикою въ трактатѣ объ «Антихристѣ».

Ницше разсматриваетъ главныя основы греческой трагедіи, но его разсужденія относятся ко всякому искусству вообще. Вникая въ существенныя черты древняго творчества, онъ находитъ въ немъ два начала, въ неизмѣнномъ сочетаніи, которое придало греческому искусству величіе, неразрушимое ни для какого времени. Эти два начала—Аполлонъ и Діонисъ. Какъ и простыя явленія, искусство на своей поверхности почти не представляетъ никакой загадочности. Въ художественномъ отраженіи событія жизни выступаютъ, облеченныя простыми и ясными формами. Все, что есть въ жизни доступнаго воспріятію, переносится въ поэтическую картину со всѣми живыми подробностями, потому что

---

[1]) Die Geburt der Tragödie. Oder: Griechenthum und Pessimismus. Dritte Auflage. Leipzig. 1894.

искусство даже на высшихъ ступеняхъ своего развитія хочетъ быть только правдивымъ отраженіемъ того, что дѣйствительно существуетъ. Оно ставитъ передъ міромъ свое чистое зеркало, чтобы дать точное художественное изображеніе жизненнаго процесса—не въ его отвлеченныхъ идеяхъ и понятіяхъ, которыми занимается наука и философія, а въ его простыхъ, чувственныхъ формахъ и проявленіяхъ. Искусство занимается явленіями. Какихъ бы цѣлей оно ни достигало при полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ, оно никогда не должно переходить въ отвлеченное разсужденіе на ту или другую тему. Въ немъ должны быть простыя, осязаемыя вещи, міръ въ его пестротѣ и сложности, въ его предметныхъ событіяхъ и фактахъ, потому что внѣ вещей и явленій нѣтъ настоящаго искусства. Даже самыя тонкія границы, которыя раздѣляютъ между собою явленія различныхъ порядковъ, оно должно различать и отражать съ глубокою идеальною правдивостью. Вотъ гдѣ истинное царство бога Аполлона, о которомъ съ такою удивительною проницательностью разсуждаетъ Ницше. Искусство служитъ Аполлону. Оно служитъ красотѣ, потому что внѣ опредѣленныхъ формъ красота не существуетъ. Отъ зачаточныхъ проявленій первобытнаго творчества до вершинъ поэзіи, искусство всегда было и будетъ царствомъ формъ—пестрыхъ, многоразличныхъ, иногда сходныхъ между собою, но никогда не сливающихся въ одну сѣрую массу.

Но жизнь въ ея видимыхъ явленіяхъ не болѣе, какъ блистательный покровъ, подъ которымъ таится ея невидимый, но вѣчный принципъ. Красивыя видѣнія, которыми заслоняется отъ насъ божество, предметы не имѣютъ истинно реальнаго характера. При обманчивой внѣшней независимости, они находятся въ полномъ внутреннемъ подчиненіи тому началу, которое противоположно всему индивидуальному, противоположно красотѣ, противоположно тѣмъ жизненнымъ порядкамъ, надъ которыми царитъ Аполлонъ. Это начало—Діонисъ. Міръ явленій, въ его различныхъ системахъ, стремится сохранить свое равновѣсіе въ опредѣленныхъ границахъ. События жизни чередуются въ строго логическомъ порядкѣ постепенности и причинной зависимости. Казалось бы, что нѣтъ иного бога, кромѣ бога Аполлона. А между тѣмъ, въ каждую данную минуту, мы можемъ легко убѣдиться въ томъ, что подъ видомъ служенія Аполлону міръ постоянно и неотразимо стремится къ полному освобожденію отъ самого себя, отъ своей индивидуальности, отъ своихъ случайныхъ формъ. Посреди плавнаго, тихаго, безмятежно красиваго теченія жизни, вошедшей въ опредѣленные берега, человѣкомъ вдругъ овладѣваетъ чувство протеста противъ собственной ограниченности. Безпощадно разбилъ-бы онъ желѣзныя цѣпи индивидуальности, которыя мѣшаютъ ему дать полную волю своимъ влеченіямъ. Онъ, который только что съ молитвеннымъ умиленіемъ служилъ Аполлону,—теперь готовъ при-

нести кровавую жертву богу Діонису, лицомъ къ лицу съ роковымъ закономъ всякой жизни, со смертью.

По народному преданію, мудрый демонъ сопровождаетъ бога Діониса—демонъ, знающій ничтожество человѣческой жизни, ея безцѣльность и безсиліе. Однажды царь Мидасъ долго гнался за этимъ демономъ по густымъ лѣсамъ. Когда, наконецъ, его схватили, царь пожелалъ узнать отъ него смыслъ человѣческой жизни. Но демонъ молчалъ неподвижно и сурово. Тогда царь пригрозилъ ему насиліемъ, и демонъ, среди саркастическаго смѣха, сказалъ ему: «Несчастный человѣкъ, созданье суеты и праха! Зачѣмъ заставляешь ты меня говорить о томъ, что было бы тебѣ полезнѣе совсѣмъ не знать? Тебѣ недоступно самое лучшее: не родиться, быть ничѣмъ. Но если тебѣ не дано то, что лучше всего на свѣтѣ, то тебѣ было бы всетаки хорошо немедленно умереть». Мысль о Діонисѣ убиваетъ въ человѣкѣ интересъ къ мимолетнымъ земнымъ явленіямъ. Философская мудрость, которая не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ мистической тайны жизни въ отвлеченныхъ понятіяхъ, возбуждаетъ въ немъ безумно-страстную потребность развѣять миражъ явленій, нарушить законныя черты, выйти изъ оцѣпенѣлаго круга индивидуальности, чтобы въ вакхическомъ экстазѣ воздать великую славу могучему, вѣчному, неразрушимому богу Діонису, богу надъ всѣми богами, трагическому богу міровой и вѣчной свободы.

II.

Это неустойчивое соединеніе двухъ противоположныхъ началъ, Аполлона и Діониса, создало, по толкованію Ницше, величайшее явленіе міра—греческую трагедію. Діалоги, фигуры, художественныя краски въ произведеніяхъ Софокла и Эсхила отличаются необычайною красотою. Дѣйствующія лица обрисованы величаво, просто—строго индивидуальными чертами, надъ которыми вѣетъ духъ Аполлона. Но это только внѣшняя сторона трагедій — тѣ простые факты, которые должны успокоить глазъ, только что созерцавшій бездну. За нею таится трагическій смыслъ, надъ которымъ не властвуетъ богъ Аполлонъ. Ужасающія событія и могучія страсти кипятъ подъ покровомъ красоты, покорныя не земнымъ, а высшимъ діонисовскимъ законамъ. Въ небольшомъ разсужденіи Ницше дѣлаетъ нѣсколько великолѣпныхъ критическихъ замѣчаній къ произведеніямъ Софокла и Эсхила, чтобы на живомъ примѣрѣ объяснить свое ученіе объ Аполлонѣ и Діонисѣ. Вотъ предъ нами «Эдипъ». Повидимому, въ этой трагедіи нѣтъ ничего особеннаго. Событія развиваются въ фатально-неизмѣнномъ направленіи. Таинственная судьба Эдипа, выкованная изъ желѣза, раскрывается предъ глазами съ ничѣмъ неразрушимою послѣдовательностью. Фигуры ясны,

торжественная логика царитъ надъ всѣми происшествіями. Великое несчастье разразилось надъ Ѳивами, и это несчастье не пройдетъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ найденъ убійца царя Лайоса. Такъ сказалъ дельфійскій богъ, и Эдипъ, въ праведномъ гнѣвѣ на невѣдомаго злодѣя, на верху личнаго блаженства и славы, изрекаетъ ужасныя проклятія виновнику народнаго бѣдствія. Его должны найти сейчасъ-же. Пусть никто не побоится открыто принести его въ жертву яростной мести боговъ. Но хоръ молчитъ. Никто не выходитъ съ покаяніемъ передъ великимъ царемъ. Ужасъ надвигается все ближе и ближе. Величавая фигура Эдипа становится зловѣщимъ видѣніемъ. Слѣдуетъ геніально написанная сцена съ пророкомъ Тирезіемъ, который въ гнѣвномъ спорѣ съ царемъ почти открываетъ ему, кто убійца Лайоса, кто совершилъ не только это, но и другое, не менѣе великое, преступленіе. Народъ не вѣритъ своимъ ушамъ. Слышенъ смущенный шопотъ хора, какъ отдаленные раскаты грома. Эдипъ не можетъ быть убійцей своего отца, не можетъ быть кровосмѣсителемъ, — онъ, который спасъ городъ, усмирилъ крылатую дѣву. Но неумолимая судьба приближаетъ, съ каждымъ новымъ мгновеніемъ, царственнаго героя къ трагической развязкѣ. Въ успокоительномъ разсказѣ Іокасты Эдипъ съ ужасомъ узнаетъ, что именно онъ великій преступникъ, что Іокаста его родная мать, что боги преслѣдовали его отъ перваго дня рожденія, таинственно ведя его противозаконными путями къ могуществу и славѣ. Спасенья нѣтъ.

Горе! горе!
Отнынѣ все мнѣ ясно. Свѣтъ дневной,
Погасни же въ очахъ моихъ. Я проклятъ
И проклятымъ рожденъ, я осквернилъ
Святое ложе, кровь святую пролилъ.

На сценѣ раздаются спокойныя, какъ вѣчность, слова трагическаго хора о ничтожествѣ всякой жизни на землѣ.

Обитатели Кадмеи, посмотрите на Эдипа,
На того, кто былъ великимъ, кто ни зависти согражданъ,
Ни судьбы ужъ не боялся, ибо мыслію безстрашной
Сокровеннѣйшія тайны Сфинкса древняго постигъ.
Посмотрите, какъ низвергнутъ онъ судьбой. Учитесь, люди,
И пока предѣловъ жизни не достигнетъ безъ печали
И пока свой день послѣдній не увидитъ тотъ, кто смертенъ,
На землѣ не называйте вы счастливымъ никого.

Но трагедія еще не кончена. Отнынѣ судьба Эдипа, испытавшаго великія страданія, новымъ чудеснымъ путемъ достигнетъ предѣла всякой славы. Эдипъ въ Колонѣ является преображеннымъ героемъ новаго трагическаго типа. Прежній мудрецъ, разрѣшившій загадку Сфинкса, стоитъ теперь предъ нами въ ореолѣ высшей святости. Однажды открывъ

предъ нимъ тайну жизни, мудрость открыла ему теперь великую освободительную тайну смерти. Слѣпой старикъ, съ истощенными силами, онъ смѣло и спокойно готовъ отдаться во власть неумолимому закону разрушенія и разложенія. Онъ умретъ *безболѣзненною* смертью, тихо, безъ крика, потому что на краю жизни онъ понялъ величайшую изъ загадокъ міра,—загадку, которую онъ объяснитъ только Тезею. Пусть Антигона и Исмена стоятъ вдали. Пусть никто не приблизится изъ толпы афинскаго народа, когда онъ поставитъ Тезея лицомъ къ лицу съ истиною. Передъ Эдипомъ блеснулъ послѣдній свѣтъ послѣдняго откровенія—смерти, которая выше жизни, свободы, которая выше рабства, блеснули золотые лучи божественнаго избавленія и примиренія.

Горе! Я слышу: Зевсъ меня зоветъ.
Пойдемъ скорѣй въ назначенное мѣсто,
И вы, о, дѣти, слѣдуйте за мной;
Васъ поведу, слѣпой вожатый зрячихъ,
Какъ нѣкогда водили вы отца...
Ведетъ меня подземная богиня
И богъ Гермесъ, путеводитель душъ.
О свѣтъ, и мнѣ въ былые дни сіявшій,
Вотъ озаряешь ты въ послѣдній разъ
Эдиповы невидящія очи:
Я ухожу и то, чѣмъ жизнь моя
Окончится, въ нѣмомъ Аидѣ скрою..
О, другъ,—ты самъ, народъ твой и земля,—
Счастливыми вы будете во вѣки—
Но въ счастіи безоблачномъ порой
Умершаго Эдипа вспоминайте.

(Д. Мережковскій).

Этимъ примирительнымъ аккордомъ кончается трагедія. Загадочная фигура Эдипа возбуждаетъ въ насъ глубокія настроенія. Трагическій разсказъ объ его многострадальной судьбѣ, какъ религіозное откровеніе, обнажаетъ величайшую міровую истину. Этотъ благородный человѣкъ, умышленно не совершившій ни единаго сквернаго дѣянія, мудрецъ, могучій властелинъ своего народа, оказался злодѣемъ, кровосмѣсителемъ, человѣкомъ, который невѣдомо для себя попралъ законы естества. Несмотря на мудрость, онъ нарушилъ міровой порядокъ. Онъ, который заглянулъ глубоко въ тайны жизни, оказался въ союзѣ съ враждебными ей силами. Пониманіе міра выростало въ немъ съ каждымъ днемъ. Можетъ быть, съ каждымъ часомъ свѣтлѣлъ въ немъ разумъ. Но преступность, какъ тѣнь, слѣдовала за нимъ повсюду, неискоренимая, фатальная. Эдипъ—убійца своего отца и мужъ своей матери! Эдипъ, разрѣшившій загадку сфинкса! восклицаетъ Ницше. Вотъ гдѣ мудрость является передъ нами въ полномъ противорѣчіи со всякою нормальною человѣче-

скою жизнью, со всѣми нравственными законами и непреложными индивидуальными разграниченіями. Нарушены всѣ правила, побѣждена всякая справедливость, но торжествуетъ мудрость. Совершено величайшее въ мірѣ злодѣйство, но торжествуетъ принципъ свободы, который враждебенъ всему личному, всему тому, что заталкиваетъ духъ человѣческій въ узкую рамку. Эдипъ не готовился къ преступленіямъ. Онъ вышелъ на дорогу, ведущую къ богу Діонису, безсознательно, вопреки разсудочнымъ намѣреніямъ, но руководимый инстинктомъ освобожденія. Духъ его таинственно вращался въ мірѣ идей, для которыхъ не существуетъ никакихъ преградъ, для которыхъ жизнь на землѣ есть только безсильное подчиненіе низменному законодательству физической и нравственной раздробленности. Да! восклицаетъ Ницше. Этотъ миѳъ объ Эдипѣ, кажется, хочетъ объяснить намъ, что мудрость, въ особенности мудрость Діонисовская, дается только ужасами преступленій. Только ставши выше природы, можно освободиться отъ ея желѣзныхъ цѣпей, разгадать ея законы, понять ея стремленія. Возбуждая борьбу противъ нея въ интимномъ центрѣ ея самыхъ неоспоримыхъ велѣній, мудрость достигаетъ настоящей свободы, потому что идти въ разрѣзъ съ подавляющими силами естества значитъ вывести изъ оцѣпенѣнія свою духовную энергію. Мудрость есть преступленіе противъ природы—вотъ какую ужасную истину разоблачаютъ предъ нами трагедіи Софокла.

Аполлонъ, великій духъ красоты, создаетъ волшебные миражи на поверхности міра. Явленія возникаютъ за явленіями, но каждое изъ нихъ, въ извѣстную минуту, расплывается въ ничто, исчезаетъ и тонетъ въ безформенной стихіи Діониса. Великая правда жизни не въ явленіяхъ, не въ опредѣленности индивидуальныхъ, человѣческихъ и бытовыхъ формъ, а въ томъ, что скрыто подъ волшебнымъ покровомъ красоты,—въ царствѣ смерти, въ законѣ разрушенія и освобожденія отъ всякой ограниченности.

Перейдемъ къ «Прометею» Эсхила. Вотъ предъ нами герой, которому предназначено вытерпѣть величайшія страданія. Прикованный къ гранитной скалѣ, Прометей будетъ цѣлыя столѣтія вопіять къ небу. Но небо ему не поможетъ. Эта небольшая трагедія, дошедшая до насъ отъ древнихъ временъ, должна быть признана однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ проявленій человѣческой геніальности. Образъ Прометея, какъ полное выраженіе человѣческаго протестантства, очерченъ съ поразительнымъ вдохновеніемъ. Прометей борется съ всемогущимъ Зевсомъ, и если теперь эта борьба не увѣнчалась еще побѣдою, то нельзя, однако, сомнѣваться, что день его великаго торжества придетъ когда-нибудь. Надъ міромъ царитъ справедливость, которой подчинены сами боги. Съ изумительной смѣлостью Эсхилъ кладетъ на ея вѣсы цѣлый Олимпъ. Несмотря на ужасающіе трагическіе вопли,

которыми переполнено произведеніе, оно кажется намъ на своей поверхности великолѣпною картиною уравновѣшенныхъ страстей. Неизбѣжное торжество Прометея надъ Зевсомъ какъ бы успокаиваетъ воображеніе, взволнованное трагическими событіями. Въ мечтательномъ свѣтѣ горделиваго пророчества страданія Прометея теряютъ свою жесткость и цѣлый міръ борьбы и печали облекается успокоительными красками примиренія и спасенія. Но какъ и въ «Эдипѣ» Софокла, въ основѣ произведенія таится иная трагическая правда. Для арійскихъ народовъ миѳъ о Прометеѣ имѣетъ такое же значеніе, какъ и семитическій миѳъ о грѣхопаденіи. Прометей первый бунтовщикъ противъ человѣческой ограниченности во имя Діониса. Возмущеніемъ противъ законовъ земного существованія онъ добываетъ себѣ великія радости, смѣшанныя съ великой печалью. Откровенный, дерзкій, честный, мужественный родоначальникъ человѣческаго освобожденія, онъ смѣло бросаетъ вызовъ небу. Въ фанатическомъ экстазѣ Прометей разрушаетъ всѣ преграды отчужденія, чтобы дать людямъ настоящую свободу, чтобы сдѣлать ихъ богами, чтобы вывести ихъ изъ мучительнаго плѣна на чистый воздухъ безформеннаго блаженства. Если Эдипъ—мудрецъ, невольно нарушающій законы индивидуальности, то Прометей—титанъ, который хочетъ стать мудрецомъ во что бы то ни стало, который узналъ, гдѣ мудрость, и нашелъ къ ней дорогу. Ничто не остановитъ его на этомъ священномъ пути протеста противъ человѣческой ограниченности, потому что просвѣтленнымъ духомъ онъ уже видитъ скрытую за далью вѣковъ звѣзду освобожденія. Онъ далъ людямъ знанія, искусство, теоретическую мысль съ творческимъ даромъ живого труда и воплощенія. Небесный огонь озарилъ предъ нимъ ничтожество всякаго личнаго, грубо самолюбиваго чувства и все неизреченное великолѣпіе мірового единства, основаннаго на принципѣ любви. Увидѣвъ, что солнце едино, онъ захотѣлъ собрать его разсѣянные лучи, но Зевсъ, испугавшись новаго подвига титана, мстительной рукой низринулъ его съ небесныхъ высотъ. Единое—вотъ въ чемъ правда, послѣдняя правда, послѣднее слово избавленія и освобожденія. Всѣ раздѣленія, существующія на землѣ, созданы только иллюзіями. Начиная отъ безжизненнаго предмета и кончая человѣкомъ, каждое явленіе окутано обманомъ, потому что въ мірѣ нѣтъ ни предметовъ, ни явленій, разграниченныхъ пространствомъ и временемъ, а есть одна безтѣлесная правда, которую можно чувствовать духомъ. Индивидуальность есть ложь, а ложь существуетъ только какъ призракъ, какъ фантастическое видѣніе, какъ галлюцинація, но не такъ, какъ существуетъ единая міровая правда. Богъ справедливыхъ разграниченій, Аполлонъ придалъ фигурамъ Эдипа и Прометея особенныя индивидуальныя черты, но тотъ, кто проникнетъ въ глубокій смыслъ обѣихъ трагедій, не сможетъ не понять, что между этими

величавыми фигурами нѣтъ логическаго различія, что каждая изъ нихъ является выраженіемъ той единой мудрости, которая исходитъ отъ бога Діониса. Никто, кромѣ Діониса, не управлялъ судьбою Эдипа отъ первыхъ дней его рожденія. По внушенію этого бога, онъ совершилъ великія преступленія. Загадку сфинкса онъ разрѣшилъ, вдохновленный Діонисомъ Когда охваченный отчаяніемъ преступности, Эдипъ предаетъ проклятію самого себя, выкалываетъ себѣ глаза, онъ и въ эту минуту приноситъ великую жертву только Діонису. Не человѣкъ, который могъ-бы считать себя случайнымъ орудіемъ судьбы, а самъ богъ Діонисъ вопилъ въ немъ, когда обнаружилась печальная правда его земного величія. Эдипъ, Прометей и всѣ вообще герои греческихъ трагедій—только маски Діониса, говоритъ Ницше, символическіе образы, потому что истинно реальное лицо въ этихъ трагедіяхъ богъ Діонисъ. За нѣжными чертами человѣчности, надъ которыми витаетъ геній Аполлона, постоянно можно разсмотрѣть въ нихъ трагическій духъ Діониса. Ихъ страданія имѣютъ религіозный характеръ, потому что въ нихъ плачетъ могучій Діонисъ, прикованный желѣзными цѣпями къ случайной формѣ.

Таковы элементы трагическаго міросозерцанія: единство Діониса подъ разными символическими масками, индивидуальность, какъ источникъ всякихъ страданій, всякой горести, всякой печали и, наконецъ, искусство, какъ радостная надежда, что найденъ путь, ведущій къ разрушенію тѣлесной темницы, какъ свѣтлое предчувствіе возрожденнаго единства человѣка съ Богомъ. Изъ этихъ элементовъ сложились лучшія произведенія древне-греческаго міра. Два начала стоятъ передъ глазами, требуя правильнаго логическаго сочетанія въ одномъ цѣльномъ міровоззрѣніи: начало индивидуальное, временное, земное и начало безличное, безформенное, божественное. Одно—реальное, другое—идеальное. Будучи временнымъ выраженіемъ истины вѣчной, личное начало никогда не можетъ выйти изъ подъ фатальной для него власти начала идеальнаго, потому что таковъ законъ взаимнаго отношенія между частнымъ и общимъ, между временнымъ и вѣчнымъ, между явленіемъ и причиною, между міромъ и Богомъ. Эти два начала приходятъ въ соприкосновеніе въ каждомъ данномъ предметѣ, но при ихъ полномъ метафизическомъ различіи между собою, союзъ Аполлона съ Діонисомъ можетъ имѣть только трагическій характеръ. Все индивидуальное обречено на погибель, и самая красота въ жизни, какъ рѣдкое сочетаніе внѣшнихъ силъ, служитъ только зловѣщимъ покрываломъ надъ бездною разложенія. Какія бы демоническія страсти ни обуревали человѣка, какъ бы ни былъ великъ его геній, какое бы широкое поприще ни лежало передъ нимъ въ области его постояннаго труда, ему не уйти отъ могучей власти смерти. Все исчезаетъ въ потокѣ времени. Мѣняются взгляды, лица, учрежденія. Даже душа человѣческая, съ ея капризными

волненіями и настроеніями, постоянно облекается новыми силами въ вихрѣ борьбы и страданій. Ничто не остается на своемъ мѣстѣ навѣки. Одинъ только Богъ неподвиженъ, какъ вѣчна и недоступна никакимъ измѣненіямъ та высшая, безформенная правда, о которой нѣкогда сказали свое мудрое слово Упанишады. Явленія человѣческой жизни имѣютъ трагическій характеръ именно потому, что они происходятъ надъ бездною. На повседневномъ пути существованія мы чувствуемъ себя униженными предъ лицомъ собственныхъ вольнолюбивыхъ мечтаній. Повсюду насъ давитъ форма, принципъ индивидуальности, задерживая порывы къ небу. Мы жаждемъ свободы, но постоянными нашими заботами жалко влачимся по землѣ въ прирожденномъ рабствѣ, котораго мы не въ силахъ преодолѣть. Въ нашихъ лучшихъ поступкахъ видна тоскливая напряженность благородной, но не могучей воли. Смѣются только боги. Только богу доступно веселье, веселье до конца, до послѣдняго звука, свѣтлое насквозь веселье, незнаемое на землѣ. Въ трагическомъ сочетаніи личнаго и божескаго начала, которое носитъ наименованіе: «человѣкъ», не остается почти никакого мѣста для безоблачнаго созерцанія, потому что жизнь воздвигнута надъ бездной, потому что вакхическое изступленіе безконечно непохоже на легкій, вѣчный праздникъ Олимпа. Прикованные оскорбительными цѣпями къ своей тѣлесной формѣ, люди должны мучительно бороться за каждый призракъ веселья и счастья, за каждую иллюзію свободы, потому что настоящая, полная свобода, настоящее, полное веселье существуетъ только въ таинственномъ царствѣ божества.

При всей поразительной глубинѣ, эти разсужденія Ницше объ основныхъ элементахъ греческой трагедіи не достигаютъ полнаго совершенства, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи философскомъ. Поставивъ предъ человѣкомъ великую задачу, онъ разрѣшаетъ ее въ идеалистическомъ направленіи, но не идеальными средствами. Будучи личностью, т. е. неполнымъ выраженіемъ божества, человѣкъ долженъ стремиться къ свободѣ—вотъ задача, которая останется неизмѣнною для всѣхъ вѣковъ, для всякой исторической эпохи. Отрѣшиться отъ собственной ограниченности, переступить за ту черту, которая отдѣляетъ человѣка отъ Бога—никакая иная цѣль не покажется равно возвышенною по своему внутреннему содержанію и смыслу. Въ этихъ разсужденіяхъ, съ блестящими иллюстраціями при помощи Софокла и Эсхила, Ницше ставитъ не только рядъ эстетическихъ вопросовъ, но и вопросъ религіозный, который всегда будетъ первенствовать надъ всѣми прочими интересами человѣка, какъ самое широкое обобщеніе его духовныхъ потребностей и стремленій. Греческая трагедія, при ея великихъ художественныхъ достоинствахъ, открыла передъ нимъ внутренній кругозоръ одного изъ самыхъ культурныхъ народовъ. На произведеніяхъ Софокла мысли-

тель современности, съ геніальнымъ чутьемъ къ трагическимъ безднамъ, научился понимать, что иныя преступленія являются результатомъ мудрой борьбы человѣка съ собственной ограниченностью. Освѣщена тревожнымъ свѣтомъ та бездна, надъ которою происходятъ явленія жизни. Найдено и получило наименованіе то единственное веселье, которое доступно человѣку: вакхическій экстазъ. Смѣются только боги. Человѣческое веселье, посреди воинственныхъ условій древняго быта и политическихъ нравовъ языческаго міра, имѣло характеръ великолѣпнаго жертвоприношенія, представляло жестокій праздникъ въ честь разгнѣванной святыни. «Богъ веселій грозныхъ, богъ вакханокъ» требовалъ отъ людей именно грозныхъ, преступныхъ дѣяній, какъ это за нѣсколько вѣковъ до Ницше съ безпощадной твердостью обнаружилъ Макіавелли въ немногихъ удивительныхъ строкахъ. Но, какъ мы сказали, такое разрѣшеніе человѣческой задачи кажется намъ неполнымъ и, по существу, невѣрнымъ, потому что религіозность классическаго міра потеряла, при новыхъ событіяхъ, свою магическую власть надъ людьми. Образъ Діониса померкъ въ сознаніи новаго человѣчества, пережившаго великія духовныя потрясенія. При непобѣдимой потребности въ правдѣ безграничной, стоящей выше всякихъ точныхъ опредѣленій, *грозныя* черты Діониса не могли не показаться черезчуръ конкретными и доступными, черезчуръ близкими къ свойствамъ земной природы и потому неспособными внушить великое, но *таинственное* дѣло человѣческаго освобожденія. Призрачныя черты вакхическаго экстаза выступили съ полною ясностью. Древне-греческая культура, при ея несомнѣнно трагическомъ характерѣ, не освободила человѣка отъ его грубой силы, чтобы дать ему силу новую, — легкую прозрачную, духовную силу чистой идеальности. Разрушеніе личнаго начала, совершаясь постепенно, въ порядкѣ историческихъ эпохъ, могло захватить у древнихъ народовъ только поверхностные слои жизни, почти не достигая ея глубокихъ внутреннихъ основъ,—туда, гдѣ таится корень зла, внутренняя причина всякой человѣческой ограниченности. Въ изступленныхъ крикахъ Эдипа слышна еще настоящая душевная дикость, которая столь же велика въ немъ, какъ и мудрость. Соприкосновеніе съ Богомъ, какъ слабый лучъ надежды, привело въ замѣшательство его силы, толкнуло его на опасную дорогу въ его исканіяхъ великой свободы, но окончательно не передѣлало его грубой натуры до конца, какъ это было бы необходимо для полнаго слiянія съ міровою душою. Только на послѣднихъ страницахъ «Эдипа въ Колонѣ» мелькаютъ какіе-то загадочно успокоительные намеки иного, можно сказать, не языческаго типа, облекая мягкимъ свѣтомъ всѣ фигуры на сценѣ. Преодолѣвъ великія страданія, Эдипъ *безболѣзненно* соединяется съ Богомъ. Онъ достигъ послѣдней святости, доступной на землѣ, святости духовнаго ясновидѣнія, которая дается человѣку только

тогда, когда въ немъ окончательно усмирена мятежная воля жизни, съ ея мишурными побѣдами и сурово великолѣпными жертвоприношеніями во имя Діониса. Онъ пережилъ потребность въ вакхическомъ экстазѣ и достигъ вершины человѣческаго совершенства,—спокойнаго созерцательнаго экстаза, безболѣзненнаго пониманія великой задачи освобожденія и смерти. И вотъ моментъ, когда греческая трагедія становится предчувствіемъ будущихъ революцій въ области человѣческаго духа, того новаго міровоззрѣнія, которое овладѣетъ культурными народами. Старое разрѣшеніе задачи рано или поздно должно было оказаться неудовлетворительнымъ, потому что только въ идеальномъ соединеніи съ міровою тайною человѣкъ освобождается отъ личной ограниченности, переступая всѣ законныя черты, но не разрушая при этомъ никакихъ вещественныхъ символовъ. Служеніе Діонису съузило задачу человѣческой жизни, которая должна быть *чудомъ*, а не преступленіемъ, таинственнымъ подвигомъ любви, а не чувственнымъ весельемъ съ кровавыми жертвоприношеніями въ храмѣ жестокаго бога. То, что должно естественно, легко и безболѣзненно расплыться въ безформенной стихіи божества, что само собою отпадаетъ съ теченіемъ времени, искусственно и насильственно разрушается вакхическимъ экстазомъ. Ни одна форма не должна быть разбита, потому что вещественные символы святы, какъ само божество, потому что никто, кромѣ Бога, не знаетъ истинной мѣры вещей и событій. Порываясь въ вакхическомъ безуміи на встрѣчу смерти, человѣкъ неизбѣжно вовлекается въ пучину явленій, отъ которыхъ онъ хотѣлъ освободиться. Отъ однихъ формъ онъ переходитъ къ другимъ, умножая внутреннія страданія и постоянно теряя душевную тишину. Только въ созерцательномъ экстазѣ спасеніе отъ міра. Отрѣшенный отъ житейскихъ заботъ и стремленій,—онъ во всемъ противорѣчитъ міру, борется съ его ограниченіями и предразсудками, неслышно, тихо и безболѣзненно расправляя при этомъ крылья человѣческаго духа. Криками веселья нельзя приблизиться къ тайнѣ жизни. Сквозь миражъ ослѣпительныхъ видѣній одна только спокойная мудрость видитъ какое-то неясное, безформенное мерцаніе, и это мерцаніе—Богъ.

Діонисъ выше Аполлона, но Брама выше Діониса.

III.

Продолжимъ изложеніе философскаго анализа Ницше.

Съ теченіемъ времени миѳическій элементъ сталъ исчезать изъ греческой трагедіи. Новыя силы разсудочно-теоретическаго характера вошли въ греческое искусство, разрушая въ немъ основу всѣхъ основъ, Діонисовскую идею міра. Трагическое безуміе замѣнилось тѣмъ языческимъ весельемъ, которое оскорбляло первыхъ христіанъ своею пошлостью

и отсутствіемъ внутренняго метафизическаго такта. Изъ греческой трагедіи, именно подъ воздѣйствіемъ разсудочной культуры, долженъ былъ исчезнуть тотъ музыкальный духъ, который неразлученъ съ представленіемъ о Діонисѣ. Ницше долго останавливается на характеристикѣ Эврипида, который, по его мнѣнію, довелъ трагическое искусство до полнаго упадка. Слѣдуя философіи Сократа, Эврипидъ не могъ не разойтись съ лучшими традиціями греческаго искусства. Въ его произведеніяхъ мы постоянно встрѣчаемся съ холодной разсудочной мыслью, вмѣсто художественнаго созерцанія въ духѣ Аполлона, и съ пламеннымъ чувствомъ, вмѣсто вакхическаго экстаза въ духѣ Діониса. Принципы новой школы овладѣли его могучимъ талантомъ, Сократъ давилъ его своимъ авторитетомъ. Не останавливаясь ни передъ какими затрудненіями, Сократъ училъ и просвѣщалъ греческій народъ знаніемъ ради знанія. Всѣ несчастія, говорилъ онъ, проистекаютъ отъ невѣжества, добродѣтель есть знаніе, добродѣтельный человѣкъ самый счастливый въ мірѣ,—и въ этихъ трехъ формулахъ его оптимистическаго міросозерцанія заключается, по словамъ Ницше, смерть всякаго искусства. Требуя отъ своихъ учениковъ, чтобы они воздерживались отъ нефилософскихъ удовольствій, Сократъ становился въ самую враждебную оппозицію къ эллинской трагедіи. Горячій полемистъ, онъ начинаетъ собою новую эру научнаго *оптимизма* въ жизни европейскаго человѣчества, такъ какъ въ діалектическомъ процессѣ каждое заключеніе выступаетъ торжественно и увѣренно, въ холодномъ воздухѣ сознательности и полнаго пониманія. Эта діалектика, овладѣвая царствомъ Діониса, должна была мало-по-малу превратить греческую трагедію въ буржуазное представленіе для толпы. Противополагаясь всему таинственному и мистическому, она должна была вытѣснить то, что дѣлаетъ греческое искусство цѣльнымъ выраженіемъ эллинскаго духа, въ его самыхъ сокровенныхъ движеніяхъ и настроеніяхъ. Но съ оптимистическою наукою, горделиво соединяющею въ одну неразрывную цѣпь свои разсудочныя заключенія, находится въ полной дисгармоніи Діонисовская музыка, неотдѣлимая отъ греческой трагедіи. Вакхическій напѣвъ сопровождаетъ каждое явленіе, происходящее на сценѣ. Къ событіямъ, совершающимся въ средѣ индивидуальности, трагическая музыка присоединяетъ міровую тайну. Ничего не описывая, она не становится на мѣсто частныхъ фактовъ. Не подражая явленіямъ, она не воспроизводитъ ихъ никакими условными звуками, потому что ея задача заключается только въ томъ, чтобы напомнить о трагической безднѣ, чтобы возбудить въ человѣкѣ глубокія настроенія, открытыя для правды. Возрождая душу къ новой жизни, скликая къ ней цѣлый міръ таинственныхъ тѣней, она при этомъ не даетъ ей никакихъ конкретныхъ матеріаловъ съ улицы. Божество въ непосредственномъ проявленіи, въ крикѣ, въ шумѣ, въ стихійномъ движеніи силъ природы, му-

зыка не дѣйствуетъ никакими аллегорическими знаками. Именно потому, что она открываетъ предъ нами не пестрый и призрачный міръ явленій, а причину и конецъ всякой жизни, ея трагическую бездну, она выше другихъ искусствъ.

Это противоположеніе пластическаго искусства Аполлона и музыкальнаго искусства Діониса открылось съ полною ясностью въ новѣйшей философіи. Ницше указываетъ на Канта и Шопенгауэра, какъ на людей, которые побѣдили оптимизмъ разсудочно-теоретическаго мышленія. Обнаруживъ призрачность явленій, они совершили великій переворотъ, направившій культуру народовъ единственно вѣрнымъ трагическимъ путемъ. Новая философія показала, что цѣль человѣческой жизни не знаніе, а мудрость, которая созерцаетъ природу въ цѣломъ, въ ея таинственной борьбѣ личныхъ и міровыхъ началъ, которая встрѣчаетъ въ ней всякое страданіе сочувственнымъ ощущеніемъ, какъ свое собственное страданіе. Съ научной опредѣленностью она отдѣлила миражъ явленій отъ его реальной причины, и тѣмъ открыла передъ человѣкомъ въ новомъ свѣтѣ вѣчные горизонты. Искусство, основанное на философскомъ идеализмѣ, станетъ со временемъ такимъ-же великимъ религіознымъ дѣломъ, какимъ была для грековъ художественная трагедія Эсхила и Софокла. Снова расцвѣла настоящая музыка, потому что за Кантомъ и Шопенгауэромъ неизбѣжно долженъ былъ явиться такой великій геній, какъ Рихардъ Вагнеръ. Возрожденіе стараго культа Діониса стало живымъ требованіемъ просвѣщенія, и классическій ренессансъ, съ его трагическими безднами и символическимъ служеніемъ богу Аполлону, сдѣлался великою задачею настоящей умственной эпохи. «Да, мои друзья, восклицаетъ Ницше. Вѣрьте вмѣстѣ со мною въ жизнь Діониса, вѣрьте въ возможность трагическаго возрожденія. Время Сократа прошло безвозвратно. Имѣйте только смѣлость быть трагическими людьми—и вы будете спасены. Сопровождайте торжественное шествіе Діониса изъ Индіи въ Грецію. Одѣньте ваши доспѣхи, необходимые для жестокой битвы, но вѣрьте чудесамъ вашего бога». Новая философія съ точностью объяснила трагическій законъ всякаго личнаго существованія. Послѣ многихъ вѣковъ извращеннаго и ограниченнаго просвѣщенія, Діонисъ опять овладѣлъ сознаніемъ людей, идущихъ къ правдѣ. Но съ возрожденіемъ стараго трагическаго культа должна возникнуть съ большимъ блескомъ поэзія Аполлона. Когда обнажается бездна жизни, когда человѣкъ становится лицомъ къ лицу съ трагическою тайною міра, когда онъ до глубины прозрѣваетъ ограниченную природу всякаго личнаго существованія, именно тогда въ немъ просыпается всесильная потребность красоты,—безмѣрной, какъ безмѣрно его отчаяніе. Искусство спасаетъ жизнь, набрасывая блистательный солнечный покровъ на темную бездну. Чѣмъ глубже страданія, чѣмъ сильнѣе въ человѣкѣ вопли Діониса, тѣмъ свѣт-

лѣе должна быть его поэзія, тѣмъ она должна быть могучѣе. Кто служитъ Діонису, тому помогаетъ богъ Аполлонъ. По изобилію красоты въ произведеніяхъ греческаго искусства мы можемъ безошибочно судить о безмѣрности эллинскаго страданія. Мы должны сказать себѣ: какъ великъ былъ въ греческой жизни богъ Діонисъ, если потребовалась *такая* красота для примиренія человѣка съ самимъ собою! Обозрѣвая новѣйшую эпоху, съ ея психологическими страданіями и вѣчнымъ духовнымъ разладомъ, мы не должны сомнѣваться въ томъ, что время поэтическаго расцвѣта недалеко. Съ неслыханною силою человѣкъ постигаетъ теперь трагическій смыслъ всякой жизни—это значитъ, что царство Аполлона близко. Аполлонъ идетъ уже.

Этими свѣтлыми надеждами заканчивается разсужденіе о греческой трагедіи. Съ большою силою Ницше указалъ на значеніе музыкальнаго искусства, на неизбѣжную связь между идеализмомъ и творчествомъ, хотя въ этой области, какъ мы увидимъ нѣсколько ниже, мысль его не отличается особенною новизною. Задача книги опредѣлилась съ полною ясностью. Возрожденіе Діониса въ старо-классическомъ смыслѣ слова кажется Ницше единственною цѣлью просвѣщенія и культуры. Надо возвратиться къ Діонису, потому что пути спасенія и избавленія отъ личнаго начала указаны разъ навсегда греческимъ искусствомъ. Подъ перомъ проповѣдника классическаго ренессанса во что-бы то ни стало, не только Шопенгауэръ, но даже Кантъ превратились въ теоретиковъ языческаго возрожденія. Вотъ ошибка Ницше, которая должна быть понята, какъ можно отчетливѣе. Защищая трагическое міровоззрѣніе, Ницше выступаетъ глашатаемъ правды міровой и вѣчной. Не подлежитъ сомнѣнію, что факты жизни трагичны по своей природѣ, по своему содержанію, по внутреннему составу, представляющему дисгармоническое соединеніе противоположныхъ силъ. Съ паденіемъ поверхностнаго оптимизма старыхъ и новыхъ эпохъ не могла не обнаружиться та міровая правда, отъ которой некуда бѣжать. Будучи невольнымъ носителемъ двухъ стихій, человѣкъ въ себѣ самомъ открылъ трагическую бездну, отъ которой некуда бѣжать. Духъ его объемлетъ вѣчный ужасъ безсильныхъ и, можетъ быть, безплодныхъ страданій, отъ которыхъ некуда бѣжать. Въ трагическомъ экстазѣ онъ весь ушелъ-бы въ служеніе невѣдомому Богу, но на жизненномъ пути постоянно выростаютъ неожиданныя препятствія, осложненныя сознаніемъ собственной внутренней ограниченности, отъ которой рѣшительно некуда бѣжать. Трагедія въ самомъ принципѣ человѣческаго существованія—въ индивидуальности. Это истина наглядная и понятная для всѣхъ. Но вотъ вопросъ: какъ, при трагическомъ міросозерцаніи, разрѣшается задача человѣческой жизни, какіе лежатъ предъ человѣкомъ пути, если онъ проникся этимъ метафизическимъ взглядомъ на себя и на другихъ? Мы видѣли, какая мысль увлекаетъ Ницше. Про-

повѣдуя трагическое пониманіе жизни, онъ указываетъ при этомъ на классическія орудія избавленія и спасенія. Въ ученіи объ антихристѣ, онъ, забывъ о Діонисѣ, требуетъ отъ людей того веселья, которое, по его-же собственнымъ словамъ, раздражало и огорчало первыхъ христіанъ. Изслѣдуя вопросъ о происхожденіи греческой трагедіи, онъ тоже требуетъ ренессанса, но именно старо-классическаго, при которомъ служеніе Аполлону имѣетъ символическій характеръ, совершается во имя Діониса. Мистическое начало, которое казалось ему убійственною силою для всякой культуры на послѣднихъ ступеняхъ его блестящей литературной дѣятельности, здѣсь, въ ученіи о верховенствѣ Діониса, получаетъ характеръ высшаго, направляющаго принципа. Но при вѣрности философскаго настроенія, которое дало огромную силу критическимъ сужденіямъ Ницше о греческомъ искусствѣ, нельзя не видѣть глубокихъ внутреннихъ пробѣловъ въ его анализѣ, въ стремленіи сочетать въ одномъ міросозерцаніи два кореннымъ образомъ различныхъ между собою начала: Діониса и философскаго идеализма новѣйшей умственной эпохи. Ученіе о Діонисѣ въ своемъ послѣдовательномъ развитіи не могло не выродиться въ крайній демонизмъ «Антихриста». Постоянно упуская изъ виду, что наше индивидуальное существованіе вращается неизбѣжнымъ образомъ въ мірѣ иллюзій, что метафизическая правда скрыта подъ внѣшнимъ жизненнымъ покровомъ, Ницше дѣлаетъ въ своихъ разсужденіяхъ логическую ошибку, роковую для всей его системы. Изъ религіозной она мало-по-малу становится грубымъ натуралистическимъ ученіемъ, лишеннымъ глубины. Мысль о Діонисѣ сообщила невѣрное направленіе его уму—яркому, но не глубокому, вдохновенному, но лишенному трезвой остроты, изступленно проповѣдническому, но не благородно созерцательному. Давъ краснорѣчивое объясненіе греческаго искусства, онъ при этомъ не замѣтилъ, что трагическое міросозерцаніе новаго времени, открытаго, по его-же словамъ, Кантомъ и Шопенгауэромъ, стало еще болѣе безпросвѣтнымъ, что классическій ужасъ, съ его жестокими жертвоприношеніями и вакхическимъ экстазомъ, уступилъ мѣсто ужасу почти безпредѣльному. Нѣкогда могло казаться, что, нарушая законныя черты, человѣкъ приближается къ Богу, что дорога къ свободѣ лежитъ на поверхности жизни, идетъ черезъ земныя явленія, но именно послѣ Канта и Шопенгауэра не должно было остаться никакого сомнѣнія, что соединеніе съ Богомъ возможно только посредствомъ внутренняго идеальнаго созерцанія, мирно отрѣшеннаго отъ всякихъ ограниченій. Есть только одинъ способъ побѣдить индивидуальность, и этотъ способъ—созерцательный экстазъ, тихій, спокойный, благородный. На какомъ-бы поприщѣ ни трудился человѣкъ, предъ нимъ лежитъ одна открытая дорога къ Богу—идеальная дорога созерцательнаго подвига. Въ наукѣ человѣкъ соединяется съ міровою тайною, если онъ подъ внѣшнимъ покровомъ явленій

умѣеть прозрѣвать великую метафизическую правду. Въ области житейскихъ предпріятій, политическаго или гражданскаго характера, человѣкъ побѣждаетъ свою индивидуальность, если онъ созерцаетъ божество, не разрушая при этомъ никакихъ вещественныхъ символовъ. Благородно, безъ малѣйшаго преступленія, не возмущая ни своихъ, ни чужихъ инстинктовъ справедливости, онъ торжествуетъ надъ собственною ограниченностью. Не вынимая насильственно изъ міра ни единой формы, не нарушая эстетической игры явленій, онъ вступаетъ въ безболѣзненный союзъ съ тѣмъ, что выше всякой формы. Мыслью свѣтлою и трезвою онъ постигаетъ святость красоты, облекающей трагическую бездну. На пути религіознаго подвижничества человѣкъ постоянно выходитъ изъ тѣснаго круга мелкаго себялюбія, смиряясь только предъ идеальнымъ началомъ жизни. Не преломляя надломленной трости, онъ все пересоздаетъ таинственною любовью, потому что религіозное чувство сильнѣе всякой силы, могущественнѣе всякой власти. Вотъ единственный путь избавленія отъ индивидуальности. Не вакхическій экстазъ, который ставитъ человѣка въ самую пучину явленій, а только экстазъ созерцательный мирно выводитъ людей свѣтлымъ путемъ красоты изъ миража къ свободѣ. Служа Діонису, человѣкъ постоянно приходитъ въ уродливое, а не логическое противорѣчіе съ богомъ Аполлономъ, потому что только безкорыстное, самоотверженное служеніе безформенной міровой правдѣ, не разрывая съ міромъ явленій, не совершая никакихъ насилій, спасаетъ человѣческую душу отъ всякаго жизненнаго праха, отъ всякой мишуры—мелкой, пышной и блистательной.

Вакхическое, оргійное начало, культъ Діониса медленно, но неизбѣжно приходилъ къ упадку, постигался все съ большею глубиною—по мѣрѣ того, какъ развивалась мысль человѣка. Въ этомъ прогрессивномъ движеніи Сократъ, на котораго обрушивается Ницше, занимаетъ очень видное мѣсто. Своею діалектикою, проникнутою нѣжною добротою къ міру, онъ безсознательно для самого себя подготовлялъ почву для будущихъ революціонныхъ переворотовъ не только въ области житейской морали, но и въ чистой области красоты. Еще предаваясь оргійному веселью на великолѣпныхъ пирахъ съ обильными возліяніями старымъ богамъ, онъ уже духомъ предчувствовалъ новыя, неизвѣданныя наслажденія, соединенныя съ новыми идеями и понятіями. Иногда онъ застывалъ въ глубокомъ молчаніи, посреди краснорѣчія, которое лилось кругомъ шумными потоками. Этотъ человѣкъ, съ рѣзкими чертами вакхическаго энтузіазма на лицѣ, неподвижно, не произнося ни единаго слова, цѣлыми часами, бывало, стоялъ на Аѳинской площади, ничего не видя и не слыша, никому не давая отвѣта на предложенные вопросы. Передъ Сократомъ не только преклонялись, но его любили нѣжною любовью, любили съ восхищеніемъ, какъ любятъ красоту. Среди бурнаго веселья,

которое овладѣвало аѳинскою молодежью, онъ одинъ казался пришельцемъ изъ новаго міра, съ душою, открытою не только для вакхическаго экстаза, съ умомъ, который таилъ въ себѣ еще непонятный, но высокій судъ надъ безумными оргіями. Молчаніе Сократа говорило сердцу чуткихъ аѳинянъ сильнѣе всякой блестящей риторики. Обучая добродѣтели, онъ вносилъ въ свои разсужденія не тотъ узкій духъ, о которомъ опрометчиво говоритъ Ницше, а ту особенную красоту утонченнаго благородства и божественнаго милосердія, которая передъ суровымъ лицомъ Діониса должна была казаться пустою фантазіею сентиментальнаго человѣка. Отъ его діалектики ломались старые устои трагическаго міросозерцанія, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ею медленно, но вѣрно созидался новый міръ трагическихъ понятій, благородный, нѣжный, легкій, какъ красота. Онъ былъ великимъ преступникомъ въ глазахъ не только невѣжественной черни, но и самыхъ просвѣщенныхъ аѳинянъ, потому что его діалектика вносила расколъ въ самый центръ народной жизни, потрясая служеніе старымъ богамъ. Защищая доброе начало, онъ явился реформаторомъ не въ практической только области, что имѣло-бы второстепенное значеніе, но и въ свободной области искусства, въ области народныхъ вѣрованій и предчувствій, въ таинственной сферѣ человѣческихъ отношеній съ Богомъ. А за Сократомъ расцвѣла философія Платона, которая, опять-таки, подрывала вакхическіе устои жизни во имя идей нѣжныхъ и возвышенныхъ, какъ душа Сократа. Старыя классическія твердыни разрушались сами собою, уступая мѣсто новымъ силамъ исторіи. Одерживая постоянныя побѣды, идеализмъ просачивался въ жизнь, видоизмѣняя въ ней не только внѣшнія формы, но и самое представленіе человѣка о томъ, что хорошо и что дурно, что красиво и что безобразно, до безконечности раздвигая его созерцательный горизонтъ и облагораживая его трагическое самочувствіе. На новыхъ основахъ идеализма расцвѣтала новая красота съ иными перспективами во всѣхъ направленіяхъ. Выступая упорнымъ защитникомъ классическаго ренессанса, Ницше борется за дѣло, навсегда проигранное, потому что даже въ самыя лучшія эпохи эллинскаго расцвѣта идеализмъ не достигалъ тѣхъ вершинъ, которыя уже виднѣлись такимъ людямъ, какъ Сократъ, и которыя вырисовываются въ тревожной атмосферѣ современныхъ умственныхъ броженій съ особенною ясностью, взывая къ новымъ созерцательнымъ подвигамъ. Мы видѣли, до какихъ печальныхъ банальностей Ницше договорился въ небольшомъ трактатѣ объ «Антихристѣ», гдѣ героемъ возрожденія выступилъ даже такой жалкій въ своемъ уродствѣ человѣкъ, какъ Цезарь Борджіа. Вся политическая карьера этого авантюриста была не больше, какъ огромною пошлостью самаго дурнаго тона. А между тѣмъ, Ницше готовъ преклонить колѣни и передъ нимъ. Мало проникая

въ событія многознаменательной эпохи итальянскаго возрожденія, онъ не видитъ, что попытка вернуться къ старому богу Діонису не имѣла серьезнаго успѣха въ народѣ, пережившемъ, какъ бы то ни было, христіанскую катастрофу. При новомъ идеалистическомъ кругозорѣ, котораго нельзя было заслонить никакими искусственными средствами, оргійное изступленіе, лишенное искренности, не могло стать историческимъ событіемъ высшаго порядка. Вакханаліи Александра VI возбуждали повсюду не трагическій ужасъ, въ которомъ есть нѣчто священное, а грубый ужасъ непреодолимаго отвращенія. Когда Цезарь Борджіа развратно надругался въ Чезенѣ надъ Катериной Сфорца, принудивъ ее угождать своимъ чувственнымъ прихотямъ, послѣ мучительной осады Форли, близкіе и отдаленные люди, которые еще чтили въ немъ внѣшнюю силу, горѣли отъ стыда. Во всей исторіи XVI вѣка нельзя найти ни единаго преступленія, совершеннаго въ безсознательномъ экстазѣ. Мелкая политическая вражда между отдѣльными частями государства, съ чисто разсудочнымъ искательствомъ успѣха и власти, кровопролитныя оргіи не во имя Діониса, а во имя личныхъ честолюбій, низкое предательство, съ убійствами изъ-за угла, съ наемнымъ и пьянымъ солдатствомъ,—такая эпоха не можетъ быть названа эпохою старо-классическаго ренессанса. Новыя понятія, хотя и не получившія еще твердаго признанія, уже овладѣвали народными массами, возбуждая презрительную ненависть къ лицемѣрнымъ служителямъ Діониса. Посреди дикаго опьяненія инстинктами преступности и политическихъ вакханалій слышались вопли идеальнаго возмущенія и протеста. Только искусство (о немъ Ницше не говоритъ ни слова), которое далеко опередило культуру страны, спасало ее отъ полнаго паденія, созидая новыя формы красоты. Нарушая внутренніе законы справедливости, люди XVI вѣка разучались понимать и чтить святость міра въ его явленіяхъ. Но посреди культурнаго опустошенія, геній художественнаго и умственнаго творчества искалъ и находилъ высокія задачи, совершалъ таинственное чудо настоящаго поэтическаго ренессанса. Рафаэль и Микель-Анджело явились дѣйствительными реформаторами итальянскаго духа. Слава Леонардо да Винчи распространяла свѣтъ художественнаго искупленія надъ цѣлой Италіей, даже въ тѣ печальные мѣсяцы его скитальчества, когда онъ, въ качествѣ военнаго инженера, объѣзжалъ и осматривалъ мѣста, только что раззоренныя пьяными солдатами Цезаря Борджіа.

Настоящіе великіе люди не разрушаютъ, а побѣждаютъ міръ—вотъ почему благородство неразлучно съ красотою. Явленія остаются на своихъ мѣстахъ, но творческій геній передѣлываетъ ихъ,—неслышно, незамѣтно пріобщая къ божеству. Въ благородномъ соприкосновеніи съ міровою тайною геній ни на минуту не теряетъ своей глубокой безмятежности, своей играющей легкости. Полубогомъ онъ ходитъ среди людей, съ душою, от-

крытою для самыхъ мрачныхъ настроеній, но съ сердцемъ, исполненнымъ мистической нѣжности. Такимъ человѣкомъ является Моцартъ въ безсмертной поэмѣ одного изъ величайшихъ міровыхъ талантовъ, Пушкина. Моцартъ ничего не разрушаетъ, хотя изъ подъ его пальцевъ вылетаютъ звуки, наполняющіе міръ невѣдомыми очарованіями. Какъ нѣкій херувимъ, онъ принесъ на землю чудесныя райскія пѣсни, въ которыхъ мирно расплылись всѣ старые напѣвы. По сравненію съ Сальери, онъ кажется гулякою и безумцемъ. Съ поразительной ясностью постигая природу геніальности, Пушкинъ немногими словами ставитъ передъ нами простого, живого, никогда ничѣмъ не напряженнаго человѣка. Онъ веселится, шутитъ и хохочетъ, какъ дитя. Хмурый видъ Сальери безпокоитъ и пугаетъ его. А между тѣмъ, воображеніе Моцарта постоянно витаетъ надъ мрачной бездною жизни.

Недѣли три тому, пришелъ я поздно
Домой. Сказали мнѣ, что заходилъ
За мною кто-то. Отчего—не знаю,
Всю ночь я думалъ, кто бы это былъ
И что ему во мнѣ? На завтра тотъ же
Зашелъ и не засталъ опять меня.
На третій день игралъ я на полу
Съ моимъ мальчишкой. Кликнули меня.
Я вышелъ. Человѣкъ, *одѣтый въ черномъ*,
Учтиво поклонившись, заказалъ
Мнѣ Requiem и скрылся. Сѣлъ я тотчасъ
И сталъ писать—и съ той поры за мною
Не приходилъ мой черный человѣкъ.
А я и радъ: мнѣ было бъ жаль разстаться
Съ моей работой, хоть совсѣмъ готовъ
Мой Requiem. Но между тѣмъ....

Сальери:

Что?

Моцартъ:

Мнѣ совѣстно признаться въ этомъ...

Сальери:

Въ чемъ же?

Моцартъ:

Мнѣ день и ночь покоя не даетъ
Мой черный человѣкъ. За мною всюду
Какъ тѣнь онъ гонится. Вотъ и теперь
Мнѣ кажется, онъ съ нами самъ-третей
Сидитъ.

Но при трагическомъ возбужденіи фантазіи, Моцартъ не способенъ ни на что дурное, потому что въ его глазахъ геній и злодѣйство—двѣ вещи несовмѣстимыя, потому что духъ его безболѣзненно вращается въ свѣтломъ мірѣ формъ и явленій.

Насъ мало избранныхъ, счастливцевъ праздныхъ,
Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
Единаго прекраснаго жрецовъ...

Пренебреженіе къ пользѣ, къ выгодѣ, ко всему тому, что укрѣпляетъ индивидуальную жизнь человѣка, изгоняя мысль о трагической безднѣ—этимъ идеальнымъ подвигомъ Моцартъ дѣлаетъ для себя возможнымъ аристократически-безмятежное благородство созерцательнаго экстаза.

IV.

Въ ученіи о Діонисѣ есть еще одна сторона, на которую слѣдуетъ обратить вниманіе. Дѣлая искусство выраженіемъ двухъ началъ, личнаго и мірового, Ницше не могъ не подойти къ вопросу, имѣющему первостепенную важность для эстетической критики. Если Аполлонъ является представителемъ міра красоты и формъ, то Діонисъ получаетъ въ его разсужденіяхъ характеръ отвлеченнаго элемента, необходимаго для всякаго творческаго процесса. Какъ-бы ни измѣнялось самое понятіе о Діонисѣ, неизбѣжная связь между метафизикою и искусствомъ объяснена и доказана съ огромною силою. Искусство служитъ красотѣ при помощи Діониса, т. е. при помощи отвлеченныхъ метафизическихъ идей. Сливаясь въ одно цѣлое, духъ Аполлона и духъ Діониса создаютъ явленія новаго порядка, имѣющія символическій смыслъ. Ницше разсуждаетъ объ этомъ предметѣ только примѣнительно къ вопросу о происхожденіи греческой трагедіи, но смыслъ его анализа гораздо шире и глубже, потому что вопросъ о взаимномъ отношеніи между жизненнымъ матеріаломъ искусства и отвлеченными идеями имѣетъ всемірное значеніе, какъ вопросъ центральный для каждой данной исторической эпохи и при самыхъ разнообразныхъ литературныхъ вѣяніяхъ. Ведя борьбу со всякимъ разсудочнымъ просвѣщеніемъ, Ницше, при его поэтическомъ чутьѣ, не могъ не разобраться въ этомъ вопросѣ съ полною свободою. Въ самомъ дѣлѣ, связь искусства съ метафизикою ясна до очевидности. Основанное на простыхъ воспріятіяхъ, искусство нуждается въ умственномъ свѣтѣ, который дается просвѣщеніемъ. Чтобы воспринять явленія жизни, надо ихъ увидѣть глазами духа. Чѣмъ шире пониманіе обстоятельствъ, формъ и типовъ личнаго и общественнаго существованія, чѣмъ просторнѣе горизонтъ наблюденій и анализа, тѣмъ яснѣе для насъ тѣ факты, которые должны подвергнуться переработкѣ въ творческомъ процессѣ. Самое общирное образованіе помогаетъ только видѣть предметы міра. Мы должны увидѣть дѣйствительную природу вещей въ ихъ многоразличныхъ сплетеніяхъ, въ ихъ отдаленныхъ и близкихъ воздѣйствіяхъ на человѣка, побѣждая предразсудки собственнаго мышленія, которые мѣшаютъ трезвости и точности созерцанія. Не всякій человѣкъ видитъ то, что есть,

потому что между глубокимъ воспріятіемъ и способностью къ свободному, не банальному мышленію существуетъ отношеніе полной внутренней солидарности. При узкомъ разсудочномъ просвѣщеніи мы видимъ явленія и предметы въ ихъ поверхностныхъ отношеніяхъ между собою. Отъ насъ ускользаетъ все таинственное. Мы ничего не видимъ въ глубину, потому что только идеи высшаго порядка открываютъ внутреннія свойства вещей, приближаютъ насъ къ загадкамъ человѣческой и міровой жизни. Будучи выраженіемъ мистической тайны жизни въ отвлеченныхъ понятіяхъ, философія даетъ тотъ свѣтъ, при которомъ предметы могутъ быть изучены въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ и подвергнуты глубокому анализу. Она соединяетъ конкретный міръ призрачныхъ видѣній и галлюцинацій съ тою правдою, которая составляетъ его живое дыханіе, его безсмертный смыслъ. Вотъ почему каждый истинный талантъ, въ какой-бы области искусства онъ ни работалъ, непремѣнно тяготѣетъ къ философской мудрости, которая одна даетъ ему возможность войти въ центръ природы и живыхъ соціальныхъ броженій. Видя предметы хорошо—насквозь, въ глубину, зная относительную цѣнность явленій, внутренно постигая непобѣдимый законъ разрушенія и освобожденія, художникъ съ дарованіемъ является одновременно и огромною умственною силою, и убѣжденнымъ носителемъ возвышенныхъ тайнъ жизни, открытыхъ въ созерцательномъ экстазѣ. Ницше много разъ на протяженіи своего трактата возвращается къ этой темѣ, постоянно развивая ее въ одномъ и томъ-же направленіи. Царство Аполлона, пишетъ онъ, подчиняется царству Діониса. Это значитъ, что все индивидуальное подчиняется міровому, что явленія жизни находятся въ неразрывной связи съ метафизическими силами, что каждое случайное событіе какого угодно порядка можетъ получить правильное истолкованіе только при помощи критическаго анализа на твердыхъ основахъ философскаго идеализма. На этотъ счетъ Ницше высказываетъ свои убѣжденія съ литературною ясностью, не требующей никакихъ дальнѣйшихъ комментаріевъ съ нашей стороны. Но мы должны замѣтить только слѣдующее. Какъ-бы ни были сильны и мѣтки разсужденія Ницше по вопросу объ элементахъ всякаго искусства, они не отличаются особенною новизною въ трактатѣ, который появился тогда, когда философія Шопенгауэра уже пользовалась европейскою извѣстностью. Никто лучше Шопенгауэра не писалъ о творческомъ процессѣ, никто тоньше, глубже и смѣлѣе не выражалъ своей ненависти ко всякому педантически узкому ограниченію художественной дѣятельности чисто житейскими взглядами и понятіями. Съ необычайною ясностью опредѣляя задачу философіи, онъ при этомъ въ отдѣльныхъ мимолетныхъ разсужденіяхъ указываетъ, какую огромную силу метафизика представляетъ для художественныхъ цѣлей и воспріятій. Ничего не говоря ни объ Аполлонѣ, ни о Діонисѣ,

Шопенгауэръ логически ставитъ тѣ-же самые вопросы, что и Ницше въ томъ-же сочетаніи и въ томъ-же освѣщеніи. Для него, какъ и для Ницше, искусство является воплощеніемъ мировой загадки въ образахъ легкихъ, точныхъ и прозрачныхъ, но подчиненныхъ трагической задачѣ смерти и освобожденія, какъ богъ Аполлонъ фатально подчиняется богу Діонису.

Въ связи съ вопросомъ о взаимномъ отношеніи между искусствомъ и философіей Ницше ставитъ и разрѣшаетъ вопросъ о музыкѣ. Изслѣдованіе греческой трагедіи, въ которой хоръ имѣлъ значеніе чисто музыкальной силы, дало то направленіе его мыслямъ, которое мы очертили на предыдущихъ страницахъ. Музыка, говоритъ Ницше, самое метафизическое изъ всѣхъ искусствъ, потому что она не изображаетъ и не должна изображать никакихъ явленій, не подражаетъ и не должна подражать никакимъ событіямъ. Своими дѣйствительными, ей присущими, средствами музыка можетъ только возбуждать настроенія, волновать наши глубокія, скрытыя симпатіи — то, что есть въ душѣ общечеловѣческаго, мірового, космическаго. Въ соединеніи съ поэтическимъ представленіемъ на сценѣ она являлась въ древнихъ трагедіяхъ тою безформенною силою, которая рыла бездны подъ каждымъ событіемъ, создавала вакхическій экстазъ въ герояхъ пьесы. Но и въ этомъ анализѣ Ницше, при всемъ великолѣпіи литературныхъ выраженій, нѣтъ настоящей оригинальности, потому что Ницше дѣлаетъ прямыя ссылки на Шопенгауэра, говоритъ его словами, цитируетъ его фразы, даже приводитъ изъ его сочиненія цѣлыя страницы. Въ этомъ вопросѣ Ницше, какъ и Вагнеръ (въ своей брошюрѣ Beethoven, Leipzig 1870) прямо шли по слѣдамъ Шопенгауэровской критики, не улучшая и не дополняя ее никакими самобытными разсужденіями и замѣчаніями. На очень немногихъ страницахъ, въ обѣихъ частяхъ своего основного сочиненія, Шопенгауэръ объяснилъ природу музыки, ея высокій трагическій характеръ, съ удивительнымъ совершенствомъ. Ея идеальное отношеніе къ міру явленій онъ описалъ такими фразами, какія были доступны только Шопенгауэру,—съ какимъ-то суровымъ вдохновеніемъ, въ которомъ какъ-бы отразился старо-классическій богъ Діонисъ. Каждое замѣчаніе его мѣтко, точно, относится къ существу предмета и незамѣтно раздвигаетъ передъ читателемъ широкія духовныя перспективы. Музыка, говоритъ Шопенгауэръ, стоитъ совершенно отдѣльно отъ всѣхъ другихъ искусствъ. Независимая отъ предметнаго міра, она могла-бы—въ извѣстномъ смыслѣ слова—существовать и въ томъ случаѣ, если-бы все разрушилось, потому что она выражаетъ не явленія, а ихъ сокровенную сущность. Не увлекаясь задачами, ей недоступными, она высказываетъ глубочайшую мудрость на языкѣ, котораго не понимаетъ разумъ, но который постигается внутреннимъ чувствомъ. Непосредственно она исходитъ изъ тайныхъ источниковъ души,

какъ ея откровеніе—не въ аллегоріяхъ, а въ живой, волнующей гармоніи страстныхъ звуковъ и аккордовъ. Вотъ почему нѣтъ такого предмета въ мірѣ, который не раскрывался-бы предъ нами въ своихъ самыхъ существенныхъ сторонахъ, если глубокое музыкальное впечатлѣніе сопровождаетъ его воспріятіе. Почти незамѣтно музыка производитъ легкій вѣтеръ, уносящій духъ въ пустыню, возбуждая мечтательный экстазъ, который длится одну минуту. Никогда музыка не отождествляется съ внѣшнимъ содержаніемъ предметнаго міра. Даже сопровождая смѣшныя и разнузданныя выходки комической оперы, пишетъ Шопенгауэръ, она остается въ своей, всегда присущей ей красотѣ, чистотѣ и возвышенности. Ничто не можетъ совлечь ее съ ея пустынной высоты, потому что, при трагическомъ характерѣ, ей чуждо все смѣшное, жалкое, временное, потому что она можетъ быть только откровеніемъ серьезныхъ тайнъ жизни, а не тѣхъ внѣшнихъ событій, которыя разыгрываются надъ ея бездною. Гете говорилъ: музыка есть откровеніе болѣе высокое, чѣмъ наука и философія,—и никто лучше Шопенгауэра не могъ оцѣнить и понять его слова.

Но за нѣсколько вѣковъ до Шопенгауэра духовную силу музыки постигъ во всю глубину Шекспиръ. Въ «Венеціанскомъ купцѣ» и «Двѣнадцатой ночи» есть слова, подъ которыми не подписался-бы Софоклъ, съ его невольнымъ поклоненіемъ преступному Діонису, но которыя превосходно выражаютъ духъ и геній новыхъ временъ. Лоренцо говоритъ:

Какъ сладко спитъ сіяніе луны
Здѣсь на скамьѣ. Мы сядемъ тутъ съ тобою,
И пусть въ нашъ слухъ летитъ издалека
Звукъ музыки; тишь безмятежной ночи—
Гармоніи прелестной проводникъ.
Сядь, Джессика. Смотри, какъ сводъ небесный
Весь выложенъ милліонами кружковъ
Изъ золота блестящаго. Межъ ними
Нѣтъ самаго малѣйшаго кружка,
Который бы не пѣлъ, какъ ангелъ, вторя
Въ движеніи размѣренномъ своемъ
Божественнымъ аккордамъ херувимовъ.
Такою-же гармоніею души
Безсмертныя исполнены; но *мы*
До той поры ее не можемъ слышать,
Пока душа безсмертная живетъ
Подъ грубою и тлѣнною одеждой.

Джессика никогда не испытываетъ особенной радости, когда она слушаетъ музыку. Но Лоренцо спѣшитъ объяснить ея чувство:

Причина та, что духъ твой напряженъ.
Замѣть себѣ: когда несутся дико

Въ степяхъ стада иль молодыхъ коней
Лихой табунъ: они безумно скачутъ.
Ревутъ и ржутъ; то кровь играетъ въ нихъ
Горячая. Но стоитъ имъ заслышать
Лишъ звукъ трубы или иной какой
Звукъ музыки—какъ вкопанные, станутъ
Мгновенно всѣ, и одичалый взглядъ
Подъ силою мелодіи прелестной
Въ *смиреніе* и *кротость* перейдетъ.
Вотъ отчего и говорятъ поэты,
Что пѣснями своими привлекалъ
Орфей деревья, волны и утесы;
Нѣтъ на землѣ живого существа.
Столь жесткаго, крутого, адски-злого,
Чтобъ не могла хотя на часъ одинъ
Въ немъ музыка свершить переворота.
Кто музыку не носитъ самъ въ себѣ.
Кто холоденъ къ гармоніи прелестной,
Тотъ можетъ быть измѣнникомъ, лгуномъ.
Грабителемъ; души его движенья
Темны, какъ ночь, и какъ Эребъ, черна
Его пріязнь. Такому человѣку
Не довѣряй....

(Вейнбергъ).

Вся новѣйшая философія не могла прибавить къ этому геніальному поэтическому объясненію ни единаго слова. Душа человѣческая объята божественной гармоніей, которой мы не слышимъ потому, что она живетъ подъ грубою и тлѣнною одеждою. Индивидуальное начало, противоположное идеально-міровому, мѣшаетъ тонкости и ясности нашихъ воспріятій. Музыка есть выраженіе душевной и міровой тайны—глубокой, серьезной, важной, такъ что настоящія музыкальныя впечатлѣнія не возбуждаютъ никакихъ обычныхъ, пошло-житейскихъ радостей. Тайна жизни не можетъ не быть благородной, и вотъ почему музыка, дѣйствуя на душу непосредственно, съ мистическою силою, придаетъ мечтательную легкость ея полету къ небу.

Міръ съ его индивидуальными формами, съ его красотою и трагическими безднами—въ немногихъ стихахъ.

А. Волынскій.

---

* * *

Повисли сѣрые туманы,
Клубится сумрачная мгла...
Мой духъ въ заоблачныя страны
Нѣмая греза увлекла.

Я позабылъ земные звуки,
Утратилъ слова даръ земной,
И чьи-то пламенные руки
Простерлись властно надо мной.

Осеннихъ дней воспоминанья
Святой огонь испепелилъ,
Послѣднимъ трепетомъ страданья
Я содрогнулся — и застылъ.

И переходъ былъ такъ прекрасенъ
Отъ бытія къ небытію,
Какъ будто брошенъ я, безгласенъ,
На грудь лилейную твою!

К. Льдовъ.

Очерки народно-хозяйственной жизни.

Торгово-промышленный съѣздъ и нужды фабрично-заводскихъ рабочихъ.—Ремесленное ученичество.

Бывшій въ Н.-Новгородѣ всероссійскій торгово-промышленный съѣздъ оказалъ значительное вниманіе вопросамъ улучшенія быта различныхъ категорій рабочихъ. Однѣ стороны этого улучшенія имѣютъ въ виду непосредственные интересы рабочихъ, съ осуществленіемъ-же другихъ тѣсно связаны и интересы преуспѣянія промышленности. Сюда относятся вопросы: о воскресномъ и праздничномъ отдыхѣ для рабочихъ; о мѣрахъ по предупрежденію несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ и заводахъ; о вознагражденіи рабочихъ и ихъ семействъ на случай инвалидности или смерти; объ устройствѣ при фабрикахъ и заводахъ сберегательныхъ и пенсіонно-вспомогательныхъ кассъ; образованіи союзовъ частныхъ предпринимателей для организаціи страхованія рабочихъ; о государственномъ страхованіи; о мѣрахъ, способствующихъ повышенію уровня нравственнаго и умственнаго развитія рабочихъ; о распространеніи среди нихъ профессіональныхъ знаній.

Наиболѣе важное значеніе имѣетъ въ данномъ случаѣ вопросъ объ организаціи вознагражденія рабочихъ на случай инвалидности. Этотъ вопросъ уже болѣе десяти лѣтъ разрабатывается въ правительственныхъ сферахъ. Первый проектъ объ отвѣтственности хозяевъ предпріятій за несчастія съ рабочими былъ выработанъ еще въ 1883 г. Съ тѣхъ поръ онъ нѣсколько разъ восходилъ на разсмотрѣніе высшихъ государственныхъ учрежденій и каждый разъ возвращался для дальнѣйшей переработки. Кореннымъ отличіемъ послѣдняго проекта объ отвѣтственности хозяевъ является возложеніе на нихъ обязанности доказывать на судѣ, что несчастіе произошло не по ихъ винѣ, а по винѣ самого пострадавшаго. Между тѣмъ какъ по дѣйствующимъ законамъ, пострадавшій рабочій обязанъ установить фактъ виновности хозяина въ происшедшемъ

съ нимъ несчастіи. Естественно, что выполненіе подобной задачи, требующее близкаго знакомства съ техникой каждаго производсва, представлялось для рабочаго дѣломъ совершенно непосильнымъ.

На съѣздѣ, въ отношеніи выбора наиболѣе цѣлесообразныхъ способовъ вознагражденія пострадавшихъ рабочихъ, голоса раздѣлились. Меньшинство высказалось за желательность скорѣйшаго изданія закона, устанавливающаго матеріальную отвѣтственность хозяевъ за несчастія съ рабочими, а большинство признало болѣе желательнымъ замѣнить такую индивидуальную отвѣтственность той или иной формой страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ.

Естественно, что на сторонѣ страхованія находятся всѣ преимущества сравнительно съ личною отвѣтственностію хозяевъ предпріятій. Такъ, въ послѣднемъ случаѣ, даже при значительномъ расширеніи отвѣтственности хозяевъ, устанавливаемымъ законопроектомъ, пострадавшіе рабочіе все-таки останутся безъ вознагражденія, если несчастіе произошло по ихъ собственной винѣ, по винѣ посторонняго лица или вслѣдствіе дѣйствія какой-либо непреодолимой силы. Съ точки зрѣнія самыхъ интересовъ рабочихъ было-бы гораздо цѣлесообразнѣе, чтобы правомъ на вознагражденіе одинаково пользовались всѣ пострадавшіе безъ различія причинъ, вызвавшихъ инвалидность. Наконецъ, при личной отвѣтственности хозяевъ, вознагражденіе рабочихъ далеко не всегда представляется достаточно обезпеченнымъ. Практика, напримѣръ, показываетъ, что очень часто въ упадокъ приходятъ или даже вовсе прекращаютъ существованіе самыя первоклассныя предпріятія. При такихъ условіяхъ выдачи, предназначенныя на значительное число лѣтъ не могутъ быть признаны вполнѣ гарантированными. Въ нѣкоторыхъ-же случаяхъ, при крупныхъ бѣдствіяхъ — вродѣ пожара, разрыва котла и т. д., причиной разоренія предпринимателя явится уже самая необходимость уплатить очень крупную сумму на вознагражденіе пострадавшихъ. Очевидно, что здѣсь они опять-таки останутся безъ вознагражденія.

На основаніи подобныхъ соображеній, нѣкоторые члены съѣзда предложили избрать ту или другую форму страхованія рабочихъ съ устраненіемъ личной отвѣтственности хозяевъ предпріятій. Можно замѣтить однако, что нѣкоторые изъ подобныхъ проектовъ скорѣе преслѣдуютъ интересы хозяевъ, чѣмъ рабочихъ. Такой именно характеръ носитъ проектъ П. П. Соколова, составленный имъ для фабрикантовъ и заводчиковъ петербургскаго района. Авторъ его исходитъ изъ того положенія, что на вознагражденіе въ видѣ страховой преміи имѣютъ право только пострадавшіе по винѣ хозяевъ или въ силу условій самаго производства. Для полученія-же вознагражденія во всѣхъ другихъ случаяхъ рабочій долженъ страховаться самъ. Затѣмъ, всѣ предприниматели образуютъ «союзъ», въ пользу котораго и устанавливается извѣстный сборъ со всѣхъ пред-

пріятій въ зависимости отъ числа рабочихъ. Этотъ сборъ избавляетъ участника отъ личной гражданской отвѣтственности, которую принимаетъ на себя союзъ. По довѣрію своихъ кліентовъ, союзъ выступаетъ на судъ отвѣтчикомъ при предъявленіи рабочими исковъ о вознагражденіи и вознаграждаетъ по постановленію суда.

По справедливому замѣчанію нѣкоторыхъ членовъ съѣзда такого рода организація, съ точки зрѣнія интересовъ рабочихъ, имѣетъ всѣ недостатки индивидуальной отвѣтственности хозяевъ и не имѣетъ никакихъ преимуществъ страхованія. Она не устраняетъ ни судебнаго разбирательства, ни возможности отказа рабочему въ вознагражденіи, если онъ пострадалъ не по винѣ предпринимателя. Сущность самой реформы заключается здѣсь въ томъ, что предприниматели будутъ содержать на общій счетъ адвокатовъ для защиты своихъ интересовъ. Это, конечно, гораздо удобнѣе, чѣмъ нанимать порознь адвоката для каждаго предпринимателя. Но что подобнаго рода общества не только не улучшаютъ положенія рабочихъ, а скорѣе ухудшаютъ его, свидѣтельствуетъ примѣръ Германіи и Великобританіи. Такъ, германское общество, вело въ теченіи четырехъ лѣтъ 172 процесса съ рабочими и этимъ путемъ сократило размѣръ исковой суммы съ 650 т. м. до 124 т. марокъ. Въ общемъ-же, предлагаемую П. П Соколовымъ организацію скорѣе можно назвать страхованіемъ хозяевъ отъ тѣхъ убытковъ, которые они несутъ вслѣдствіе установленной закономъ отвѣтственности для нихъ за несчастные случаи съ рабочими. Страхованіемъ-же рабочихъ подобную организацію ни въ какомъ случаѣ назвать нельзя.

Затѣмъ, московскій биржевой комитетъ предложилъ организовать государственное страхованіе рабочихъ, приблизительно на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Ввести общее государственное вспомоществованіе рабочимъ, получившимъ при работахъ на промышленныхъ заведеніяхъ увѣчье или иное происходящее отъ свойства работы поврежденіе въ здоровьѣ, уничтожающія или сокращающія трудоспособность потерпѣвшихъ, а въ случаѣ причиненія имъ, при производствѣ работъ, смерти—вспомоществованіе ихъ семействамъ. 2) Съ таковой цѣлью установить сборъ со всѣхъ промышленныхъ заведеній, по числу рабочихъ или суммѣ производимой заработной платы (или-же по тому и другому одновременно), съ раздѣленіемъ такого сбора, сообразно степени опасности, представляемой различными производствами, на нѣсколько категорій. 3) Уплату сбора возложить на обязанность владѣльцевъ предпріятій, безъ всякаго участія въ томъ со стороны рабочихъ. 4) Размѣръ постоянныхъ вспомоществованій поставить въ зависимость, съ одной стороны, отъ получавшагося потерпѣвшимъ годоваго заработка, съ ограниченіемъ максимальнаго размѣра для сего послѣдняго извѣстной суммой и съ введеніемъ прогрессивнаго уменьшенія, въ процентномъ отношеніи, размѣра вспомоще-

ствованій при возвышеніи, въ предѣлахъ помянутаго максимальнаго размѣра, годовой заработной платы, а съ другой стороны—отъ общей суммы имѣющихся на выдачу такихъ пособій средствъ.

Съѣдъ, въ общемъ, высказался за государственное страхованіе, какъ наиболѣе отвѣчающую интересамъ рабочихъ и хозяевъ форму вознагражденія пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ.

Однако, признавъ въ принципѣ необходимымъ обезпечить рабочаго на случай инвалидности, съѣздъ почти вовсе не остановился на тѣхъ мѣрахъ, которыя способны по возможности предупредить или отдалить такую инвалидность. Между тѣмъ вопросы этой категоріи имѣютъ для рабочаго весьма важное значеніе, такъ какъ обезпеченіе вознагражденія едва-ли окажется достаточнымъ утѣшеніемъ для получившаго увѣчья или потерявшаго здоровье. Сюда нужно было-бы отнести: установленіе продолжительности рабочаго дня въ зависимости отъ болѣе или менѣе вредныхъ условій производства въ данномъ предпріятіи, обязательное устраненіе этихъ вредныхъ условій, по скольку оно допускается современнымъ состояніемъ техники, устройство здоровыхъ жилищъ и т. д.

Надо сказать, что съ разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ тѣсно связано и осуществленіе высказаннаго съѣздомъ пожеланія объ улучшеніи условій распространенія среди фабрично-заводскихъ рабочихъ какъ общаго, такъ и профессіональнаго образованія. Въ этомъ отношеніи съѣздъ постановилъ возбудить ходатайство объ устраненіи законодательнымъ путемъ затрудненій для устройства частными лицами и обществами при фабрикахъ и заводахъ курсовъ общеобразовательныхъ предметовъ, чтеній съ туманными картинами, читаленъ-библіотекъ, а также спеціальныхъ курсовъ по отдѣльнымъ отраслямъ техники. Что касается спеціальныхъ курсовъ, то, какъ извѣстно, въ послѣднее время иниціативу дѣла устройства ихъ взяло на себя министерство народнаго просвѣщенія. Оно еще ранѣе обратилось къ городскимъ общественнымъ управленіямъ, а также къ представителямъ промышленности, съ предложеніемъ оказать свое содѣйствіе устройству подобныхъ курсовъ. Само собою разумѣется, однако, что посѣщеніе подобныхъ курсовъ окажется доступнымъ для рабочихъ не ранѣе, чѣмъ они получатъ необходимый для этого досугъ. Но пока рабочій день простирается до 14 часовъ въ сутки и едва оставляетъ свободное время для ѣды и сна, трудно разсчитывать на успѣхъ вечернихъ классовъ. По этому вопросу представители нашей промышленности впадаютъ въ нѣкоторое противорѣчіе. Съ одной стороны они справедливо указываютъ на низкій уровень умственнаго развитія рабочаго и отсутствіе технической подготовки, какъ на одинъ изъ главныхъ факторовъ низкой производительности его труда. Когда-же рѣчь заходитъ о сокращеніи рабочаго дня, то

полная производительность труда нашего рабочаго фигурируетъ въ качествѣ главнаго препятствія къ тому. Такимъ образомъ оказывается, что рабочій день не можетъ быть сокращенъ ранѣе повышенія производительности труда рабочаго, а повышеніе производительности его въ свою очередь не можетъ произойти ранѣе сокращенія рабочаго дня!

Въ тѣсной связи съ улучшеніемъ быта фабрично-заводскихъ рабочихъ находится и поднятый на съѣздѣ вопросъ объ устройствѣ для нихъ больничныхъ и сберегательныхъ кассъ.

По первому изъ указанныхъ вопросовъ докладчикомъ выступилъ фабричный инспекторъ докторъ Е. М. Дементьевъ. По словамъ докладчика, существующій законъ, обязывающій хозяевъ предпріятій устраивать больницы по разсчету одной кровати на 100 рабочихъ, не достигаетъ цѣли. Естественно, что мелкія фабрики и заводы не могутъ содержать врача или фельдшера для больницы въ двѣ-три кровати. Въ результатѣ подобныя учрежденія существуютъ лишь для видимости, рабочіе-же пользуются въ дѣйствительности медицинскою помощію въ земскихъ или городскихъ больницахъ. Поэтому докторъ Дементьевъ предлагаетъ замѣнить существующее обязательство для хозяевъ предпріятій опредѣленнымъ денежнымъ сборомъ, на счетъ котораго и должна быть организована врачебная помощь для рабочихъ земствами и городскими общественными управленіями. Къ этимъ сборамъ съ хозяевъ присоединяются обязательные взносы со стороны рабочихъ, образующіе вмѣстѣ фонды для больничныхъ кассъ. Помимо платы за врачебную помощь изъ подобнаго рода кассъ выдаются пособія, какъ заболѣвшимъ рабочимъ, такъ и ихъ семьямъ. Учрежденіе кассъ обязательно для всѣхъ фабрикъ и заводовъ, число рабочихъ на которыхъ не менѣе 50. Мелкія фабрики могутъ устраивать общія кассы для нѣсколькихъ предпріятій. По разсчету д-ра Дементьева взносы рабочихъ должны составлять отъ 1 до 3 проц. заработной платы, сборы-же съ хозяевъ не могутъ быть менѣе общей суммы взносовъ, рабочихъ. Кассы, основанныя по общему характеру съ предлагаемыми д-ромъ Дементьевымъ, получили, какъ извѣстно, заграницей весьма широкое распространеніе. Онѣ являются лучшимъ средствомъ для предупрежденія тѣхъ тяжелыхъ послѣдствій для рабочаго, съ какими связано лишеніе заработка на болѣе или менѣе продолжительное время. Съѣздъ принялъ предложеніе докладчика и постановилъ возбудить ходатайство объ обязательномъ устройствѣ при фабрикахъ и заводахъ подобныхъ кассъ.

До нѣкоторой степени однородныя съ этимъ цѣли преслѣдуетъ и предлагаемое директоромъ государственнаго банка А. Т. Никольскимъ устройство при фабрикахъ и заводахъ сберегательныхъ кассъ. По закону 1889 г. устройство ихъ предоставлено хозяевамъ предпріятій. «Однако, противъ всякихъ ожиданій, говоритъ докладчикъ, владѣльцы фабрикъ и заводовъ отнес-

лись весьма сдержанно къ предоставленному имъ праву». Въ результатѣ такой сдержанности съ 1889 по 1895 г. всего открыто 28 отдѣленій подобныхъ кассъ, изъ которыхъ 6 закрылось и 22 дѣйствуютъ. Поэтому въ настоящее время рабочіе пользуются исключительно городскими сберегательными кассами, что, конечно, сопряжено съ значительными затрудненіями. Между тѣмъ, по замѣчанію А. Т. Никольскаго, сберегательная касса является однимъ изъ серьезнѣйшихъ противовѣсовъ тѣмъ специфическимъ соблазнамъ, которые окружаютъ жизнь рабочихъ. Близость кассы въ данномъ случаѣ имѣетъ весьма важное значеніе, и съ этой точки зрѣнія, какъ полагаетъ докладчикъ, «у насъ еще слишкомъ мало сдѣлано для того, чтобы представить нашему рабочему возможныя удобства къ накопленію и сохраненію сбереженій и тѣмъ воспитать въ немъ склонность къ бережливости». Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, докладчикъ ограничился пожеланіемъ, чтобы устройсгво сберегательныхъ кассъ при фабрикахъ и заводахъ получило болѣе широкое распространеніе, а съѣздъ присоединился къ этому пожеланію. Но едва-ли можно сомнѣваться, что «сдержанность» хозяевъ предпріятій явится по прежнему весьма важнымъ препятствіемъ осуществленія подобнаго пожеланія.

Наконецъ у насъ есть отрасль промышленности, положеніе рабочихъ въ которой пока, можно сказать, совершенно игнорируется нашимъ законодательствомъ. Мы говоримъ о ремесленной промышленности. Здѣсь взаимныя отношенія между хозяевами и рабочими регулируются исключительно на основаніи давно уже отжившаго свой вѣкъ устава о цехахъ. Въ этомъ уставѣ имѣются весьма гуманныя для рабочихъ статьи, но онѣ являются скорѣе пожеланіями, чѣмъ обязательными правилами. Въ настоящее время надзоръ за соблюденіемъ ихъ лежитъ на выборныхъ должностныхъ лицахъ ремесленнаго управленія, т. е. на тѣхъ-же хозяевахъ ремесленныхъ заведеній. Само собою разумѣется, что этотъ самоконтроль сводится къ нулю, что особенно печально отражается на положеніи малолѣтнихъ рабочихъ, такъ-называемыхъ ремесленныхъ учениковъ.

На торгово-промышленномъ съѣздѣ вопросу о мѣрахъ къ улучшенію ремесленныхъ учениковъ было посвящено нѣсколько обстоятельныхъ докладовъ. Настоящее положеніе ихъ докладчики рисуютъ самыми мрачными красками, которыя, однако, нисколько не сгущены. Дѣйствительно, едва-ли есть печальнѣе судьба на свѣтѣ судьбы ремесленныхъ учениковъ. Это въ большинствѣ случаевъ дѣти городскихъ бѣдняковъ, отдаваемые «въ ученье» съ самаго ранняго возраста. Періодъ «ученья» продолжается отъ трехъ до шести лѣтъ, смотря по возрасту ученика и роду ремесла. Ранѣе окончанія курса, согласно заключаемымъ контрактамъ, дѣти не могутъ быть взяты обратно. Для хозяевъ такіе ученики

составляютъ весьма доходную статью. Въ первое время они исполняютъ главнымъ образомъ роль прислуги и состоятъ на побѣгушкахъ, какъ у хозяевъ, такъ и у подмастерьевъ. Между этими побѣгушками и выполненіемъ разныхъ работъ производится обученье ремеслу, сопровождаемое самыми суровыми взысканіями, доходящими иногда до истязаній. Въ этомъ отношеніи ученикъ также находится въ полномъ распоряженіи какъ хозяина, такъ и подмастерьевъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ такой науки ученикъ до окончанія срока контракта, остается для хозяина даровой рабочей силой. Вся остальная обстановка, въ которой живутъ ученики, вполнѣ соотвѣтствуетъ способамъ обученія. Спятъ они тутъ-же на полу въ грязныхъ мастерскихъ вмѣстѣ съ остальными рабочими, одежду для нихъ замѣняютъ разныя старыя лохмотья, въ которыхъ они дѣлаютъ длиннѣйшія экскурсіи въ самые лютые морозы. Такъ и ростутъ эти дѣти среди грязи и колотушекъ, исподоволь усваивая себѣ самое ремесло и привычки своихъ учителей, чтобы превратиться наконецъ въ заправскаго пьяницу-ремесленника.

Наиболѣе настоятельной мѣрою улучшенія положенія ремесленныхъ учениковъ является распространеніе на нихъ закона о малолѣтнихъ рабочихъ, находящихся на фабрикахъ и заводахъ. По этому закону продолжительность рабочаго дня для подобныхъ рабочихъ не должна превышать 8 часовъ въ сутки. Затѣмъ законъ обязываетъ хозяевъ посылать своихъ малолѣтнихъ рабочихъ въ школу, по крайней мѣрѣ, на три часа каждый день. Для учениковъ-ремесленниковъ послѣднее требованіе гораздо болѣе выполнимо, такъ-какъ въ городахъ этому не можетъ препятствовать отсутствіе поблизости самыхъ школъ. Въ настоящее-же время, по словамъ докладчиковъ, рабочій день въ ремесленныхъ мастерскихъ продолжается до 15 часовъ въ сутки и посѣщеніе школы учениками составляетъ рѣдкое исключеніе. Поэтому грамотны изъ нихъ лишь тѣ, которые побывали въ школѣ ранѣе, чѣмъ поступили въ мастерскую.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, необходима и организація спеціальнаго надзора за положеніемъ ремесленныхъ учениковъ, такъ-какъ безъ этого распространеніе на нихъ закона о малолѣтнихъ рабочихъ не принесетъ особенной пользы. Вопросъ заключается лишь въ томъ, можно-ли ограничиться распространеніемъ на ремесленныя заведенія общей фабричной инспекціи, или слѣдуетъ въ данномъ случаѣ создать спеціальную инспекцію. Мнѣнія докладчиковъ и членовъ съѣзда по этому поводу раздѣлились. На послѣднемъ особенно настаивали представители петербургской ремесленной промышленности. Но они, повидимому, ратовали въ этомъ отношеніи за сохраненіе statu quo, предлагая поручить надзоръ за учениками выборнымъ отъ ремесленниковъ. Другіе, соглашаясь съ мнѣніемъ о желательности учрежденія особой ремесленной инспекціи, ближе знакомой съ бытовыми условіями этой отрасли промышленности,

высказались, однако, за необходимость сдѣлать подобный надзоръ вполнѣ независимымъ отъ хозяевъ ремесленныхъ заведеній. Съѣздъ въ своей резолюціи постановилъ, «придавая особое значеніе охраненію здоровья и нравственности тѣхъ рабочихъ, которые въ дѣтскомъ возрастѣ вынуждены посвящать себя физическому труду въ разныхъ отросляхъ производства» и не усматривая существенныхъ различій въ условіяхъ работы на фабрикахъ и въ ремесленныхъ мастерскихъ, ходатайствовать о возможно скорѣйшемъ распространеніи на ремесленныя заведенія закона о малолѣтнихъ рабочихъ.

Но и эта формула въ сущности не вполнѣ разрѣшаетъ вопросъ о ремесленномъ ученичествѣ, самое существованіе котораго слѣдуетъ признать явленіемъ ненормальнымъ. Оно объясняется крайне недостаточнымъ числомъ у насъ ремесленныхъ училищъ, учебныхъ ремесленныхъ мастерскихъ и вообще учрежденій, которыя давали-бы дѣтямъ бѣдняковъ возможность обучиться какому-либо ремеслу помимо частныхъ мастерскихъ. А такъ-какъ контингентъ ремесленниковъ вербуется преимущественно изъ дѣтей бѣднѣйшихъ городскихъ классовъ, то обязанность доставить имъ такую возможность лежитъ главнымъ образомъ на городскихъ общественныхъ управленіяхъ. Къ сожалѣнію, въ настоящее время дѣятельность ихъ по удовлетворенію различныхъ нуждъ городского благоустройства носитъ чрезвычайно односторонній характеръ. Подъ такимъ благоустройствомъ исключительно разумѣются хорошія мостовыя, электрическое освѣщеніе, устройство скверовъ, постановка монументовъ и т. д. Что-же касается домашнихъ, такъ сказать, нуждъ обывателя, то онѣ отходятъ совершенно на задній планъ или даже вовсе игнорируются. Поэтому даже наши столицы не имѣютъ ни сколько-нибудь удовлетворительно организованнаго санитарнаго надзора, ни ночлежныхъ домовъ, дешевыхъ квартиръ и столовыхъ для рабочихъ, ни всего прочаго, что выходитъ за предѣлы наружнаго благоустройства. Достаточно сравнить въ этомъ отношеніи хотя-бы отношеніе земствъ къ кустарямъ и городскихъ думъ къ ремесленникамъ. Между тѣмъ положеніе обѣихъ названныхъ отраслей промышленностей совершенно аналогично.

В. Б.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

Земскіе расходы въ 1895 году.

(«Расходы земствъ 34-хъ губерній по смѣтамъ на 1895 г.» Изд. статистическаго отдѣленія департамента окладныхъ сборовъ).

Всякая сводная работа, касающаяся земскаго хозяйства, хотя бы она состояла изъ голаго цифроваго матеріала, какъ напр. упоминаемая выше, всегда представляетъ большой интересъ. Мы вообще не богаты сводными трудами, обнимающими территорію всей страны, но еще болѣе бѣдны мы обобщающими работами, характеризующими земскую дѣятельность въ 34-хъ губерніяхъ Европейской Россіи.

Послѣднее изданіе статистическаго отдѣленія департамента окладныхъ сборовъ даетъ свѣдѣнія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ расходахъ въ видѣ сырого цифроваго матеріала; «подробное изслѣдованіе и объясненіе котораго,—по словамъ авторовъ работы,—не входило въ задачу департамента». Свѣдѣнія о расходахъ даются по каждой губерніи отдѣльно, въ поуѣздныхъ итогахъ, при чемъ расходы земствъ разбиты на 14 крупныхъ отдѣловъ, подраздѣленныхъ въ свою очередь на 40 болѣе мелкихъ статей. Этой сравнительной подробностью группировки земскихъ расходовъ разсматриваемое изданіе отличается отъ подобнаго рода работъ хозяйственнаго департамента мин. вн. дѣлъ.

Недостатки разбираемаго сборника отчасти указаны самими составителями въ предисловіи къ нему. Такъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ составителямъ сборника пришлось пользоваться не подлинными земскими смѣтами, а проектами ихъ, что, конечно, не одно и тоже. Во-вторыхъ, вслѣдствіе разнообразія составленія земскихъ смѣтъ, трудно было достигнуть однородной группировки земскихъ расходовъ и неизбѣжно пришлось соединять вмѣстѣ расходы совсѣмъ различные. Составители оговариваются, что «наименѣе возможно поручиться за полноту и точ-

ность данныхъ о расходахъ по медицинской и благотворительной части: по многимъ смѣтамъ та доля этихъ расходовъ, которая покрывается изъ спеціальныхъ капиталовъ, вовсе не вносится въ общую расходную смѣту, а показывается только въ спеціальныхъ смѣтахъ; но для сужденія о томъ, входятъ ли упомянутые расходы въ общую смѣту, иногда не имѣлось достаточно опредѣленныхъ данныхъ». Конечно, такая оговорка имѣетъ смыслъ только при очень спѣшной работѣ, сопровождавшей, очевидно, составленіе сборника о земскихъ расходахъ. При болѣе же внимательной и менѣе торопливой работѣ разобраться въ земскомъ бюджетѣ не составило бы большого труда. Еще больше выиграла бы работа статистическаго отдѣленія департ. окладн. сборовъ въ смыслѣ точности добытыхъ результатовъ, если бы параллельно съ расходами были изучены и источники земскихъ доходовъ: тогда сомнительныя и неясныя статьи расходныхъ смѣтъ имѣли бы прочное основаніе для своей провѣрки въ статьяхъ доходной смѣты.

Не смотря на указанные недочеты, опубликованный матеріалъ о земскихъ расходахъ представляется настолько цѣннымъ, что имъ безъ особаго риска можно пользоваться при изученіи земскаго бюджета и вообще при разнаго рода обобщеніяхъ и выводахъ. Жаль только, что для сопоставленія расходовъ по отдѣльнымъ губерніямъ въ названномъ изданіи дана только одна относительная цифра, именно—процентное отношеніе главныхъ группъ расходовъ къ общей ихъ суммѣ по губерніямъ, но не указаны имѣющіе весьма важное значеніе средніе размѣры расходовъ на 1 десятину облагаемой земли или на 1 душу населенія.

Вотъ главные цифровые выводы разсматриваемой работы.

Общій расходъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ въ 34-хъ губерніяхъ достигъ въ 1895 году 65,9 миллл. рубл.; на каждую губернію, въ среднемъ, приходится по 1,9 милл. Но далеко не во всѣхъ изъ нихъ общій размѣръ земскихъ расходовъ приближается къ этой средней цифрѣ: и пространство территоріи, и густота и численность населенія, безъ сомнѣнія, значительно вліяютъ на размѣры расходовъ по отдѣльнымъ губерніямъ. Такъ, двѣ губерніи (Пермская и Полтавская) расходуютъ въ годъ свыше 3 милл. рублей. Въ шести губерніяхъ земскіе расходы простираются отъ $2^1/_2$ до 3 милл.; губерніи эти слѣдующія: Таврическая (2,9), Самарская (2,8), Курская (2,6), Вятская (2,6), Московская (2,5) и Херсонская (2,5). Затѣмъ отъ 2 до $2^1/_2$ милл. въ годъ расходуютъ земства слѣдующихъ шести губерній: Рязанской (2,4), Тамбовской (2,4), Харьковской (2,3), Екатеринославской (2,3), Воронежской (2,1) и Саратовской (2,1). Въ слѣдующую группу, съ годовымъ расходомъ земствъ отъ $1^1/_2$ до 2 милл., вошли губерніи: Владимірская (1,97), Черниговская (1,97), Казанская (1,95), Нижегородская (1,8), Тверская (1,7), Бессарабская (1,7), Новгородская (1,7), Орловская (1,6) и Калуж-

ская (1,6). Наконецъ, менѣе 1½ милл. расходуютъ земства одиннадцати слѣдующихъ губерній: Уфимской (1,4), Симбирской (1,4), Вологодской (1,4,) Смоленской (1,4). Костромской (1,4,) С.-Петербургской (1,3), Ярославской (1,2), Тульской (1,2), Псковской (1,1), Пензенской (1,0) и Олонецкой (0,7). Послѣдняя, какъ видимъ, расходуетъ въ годъ даже меньше 1 милліона.

Разсматривая земскіе расходы по районамъ, находимъ, что наибольшимъ среднимъ размѣромъ расходовъ отличаются восточныя губерніи (2,5 милл.); за ними слѣдуютъ малороссійскія (2,4 м.) и южныя (2,4); въ средне-черноземныхъ губерніяхъ средній расходъ губерніи равенъ 1,9 милл., въ средне-промышленныхъ—1,7 и, наконецъ, сѣверныхъ—1,3 милл. рублей.

Изъ какихъ же составныхъ частей складываются земскіе расходы? На этотъ вопросъ разбираемый сборникъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ:

Изъ общей суммы земскихъ расходовъ 34-хъ губерній въ 65,9 милл. рублей.

1) расходы на медицину составляютъ	17,7	милл.	или	27,0%
2) » общаго гражданскаго управленія	12,9	»	»	19,5%
2) » на народное образованіе	9,3	»	»	14,2%
4) » » уплату долговъ	8,0	»	»	12,1%
5) » » земское управленіе	6,2	»	»	9,5%
6) » » дорожную повинность	3,9	»	»	5,9%
7) » » образованіе капиталовъ	2,1	»	»	3,1%
8) » » ветеринарію	1,1	»	»	1,7%
9) » » общественное призрѣніе	1,0	»	»	1,5%
10) » » содѣйствіе сельск. хозяйству и пром.	0,7	»	»	1,0%
11) » » по устройству и содержанію мѣстъ заключенія составляютъ	0,6	»	»	0,9%
12) » » содержаніе почты	0,2	»	»	0,4%
13) разные расходы	0,5	»	»	0,7%
14) непредвидѣнные расходы	1,7	»	»	2.5%

И такъ, самый крупный земскій расходъ, это—*расходъ на медицину*, поглощающій свыше ¼ общей суммы земскихъ расходовъ. Въ земствахъ средне-промышленныхъ губерній расходъ на медицину составляетъ еще болѣе значительную долю общеземскаго расхода—29,9%; почти также значителенъ онъ въ сѣверныхъ губерніяхъ—29,5%; затраты на медицину въ земствахъ среднихъ черноземныхъ губерній близки къ средней по земской Россіи нормѣ (27,5%); ниже средней нормы расходуютъ земства восточныя (25,5%), малороссійскія (24,9%) и южныя (23,7%).

Изъ отдѣльныхъ губерній наиболѣе крупными относительными размѣрами расхода на медицинскую часть, составляющими треть и выше общей суммы земскихъ расходовъ, выдѣляются слѣдующія шесть: Орловская (35,8°/₀), Саратовская (34,6°/₀), Ярославская (33,3°/₀), Владимірская (30,1°/₀), Новгородская (30,1°/₀) и Пензенская (33,0°/₀). Наименьшими же относительными размѣрами этого расхода отличаются двѣ губерніи: Таврическая (20,3°/₀) и Рязанская (18,2°/₀). Изъ числа сѣверныхъ губерній рѣзко выдѣляются незначительностью своихъ расходовъ на народное здравіе (22,4°/₀) С.-Петербургская губернія; изъ средне-черноземныхъ, кромѣ исключительной Рязанской. не великъ этотъ расходъ еще въ Симбирской (21,9°/₀) и Курской (22,8°/₀). На югѣ исключительное положеніе занимаетъ Херсонская губернія, расходующая на медицину 27,9°/₀ своего бюджета, тогда какъ въ-сосѣднихъ губерніяхъ этотъ расходъ составляетъ отъ 20,3 до 23,9°/₀ земскаго бюджета.

Слѣдующее мѣсто въ земскомъ бюджетѣ занимаютъ ***расходы общаго гражданскаго управленія***, достигающіе почти $^1/_5$ общеземскихъ расходовъ (19,5°/₀). Почти половину ихъ (6,0 милл. или 9,2°/₀) составляютъ расходы, снятые съ земства по закону 1 іюня 1895 г. и предназначенные съ 1896 г. на улучшеніе дорожнаго дѣла. Изъ остающихся затѣмъ на обязанности земства расходовъ общаго гражданскаго управленія наиболѣе значительныхъ размѣровъ достигаетъ подводная повинность, на которую затрачивается до 5 милл. рублей или 7,6°/₀ земскаго бюджета. Въ среднемъ каждой губерніи подводная повинность обходится въ 148 тыс. рубл.; для Тульской, Калужской, Смоленской и Ярославской губерній эта сумма понижается до 28—53 тыс. рубл., а для губерній Вятской, Пермской и Новгородской она повышается до 313—278 тыс. рубл. Такая неравномѣрность расходовъ земствъ на подводную повинность много зависитъ отъ способовъ ея выполненія: въ губерніяхъ, гдѣ подводная повинность удовлетворяется почти исключительно при посредствѣ содержанія земскихъ разъѣздныхъ лошадей, расходы по этой статьѣ достигаютъ наиболѣе крупныхъ размѣровъ; и наоборотъ: гдѣ практикуется система выдачи разъѣздныхъ денегъ, тамъ расходы эти наименѣе значительны.

Третье мѣсто въ ряду земскихъ расходовъ занимаетъ ***расходъ на народное образованіе***, достигающій 9,3 милл. рубл. или 14,2°/₀ земскаго бюджета. Изъ этой общей суммы собственно на начальныя народныя училища тратится земствами $6^3/_4$ милл. рубл. (т. е. 10,3°/₀ общеземскаго бюджета); на среднія учебныя заведенія земства расходуютъ 1,1 милл. и, наконецъ, всѣ прочіе расходы по народному образованію составляютъ $1^1/_2$ милл. рубл. Такимъ образомъ, говоря о земскихъ расходахъ по народному образованію, приходится главнымъ образомъ имѣть въ виду расходы на народныя училища.

По географическимъ районамъ расходы средней губерніи на народное образованіе колеблются, въ абсолютныхъ и относительныхъ величинахъ, слѣдующимъ образомъ:

въ восточныхъ губерніяхъ. . .	424	тыс.	рубл.	или	17,0%
» малороссійскихъ	403	»	»	»	16,5%
» южныхъ.	275	»	»	»	11,7%
» средне-промышленныхъ. . .	241	»	»	»	14,3%
» средне-черноземныхъ. . . .	220	»	»	»	11,7%
» сѣверныхъ	198	»	»	»	15,9%

Прежде всего нельзя не отмѣтить вытекающей изъ только что приведенныхъ цифръ существенной разницы въ расходахъ по народному образованію между сѣверными и южными земствами: въ то время какъ первыя изъ своего сравнительно скромнаго бюджета затрачиваютъ на школы около одной шестой части, вторыя, при большей абсолютной величинѣ этого расхода, едва отдаютъ на школы $^1/_8$ своего бюджета.

Разсматривая расходы земствъ на народное образованіе по отдѣльнымъ губерніямъ, наталкиваемся на еще болѣе поразительную неравномѣрность этихъ расходовъ: процентъ ихъ по губерніямъ колеблется между 6,9 (Симбирская) и 22,7 (Вятская). Вообще, по относительнымъ размѣрамъ расхода на школьное дѣло земскія губерніи можно разбить на слѣдующія группы. а) На первомъ мѣстѣ, съ расходомъ превышающимъ 20% общаго бюджета, стоитъ одна Вятская губернія. б) Вторую группу губерній, расходующихъ на народное образованіе отъ 17 до 20% своего бюджета, составляютъ слѣдующія пять: Пермская (19,1), Московская (18,2), Черниговская (18,0); Тверская (17,9) и Вологодская (17,0). в) Отъ 15 до 17% расходуютъ земства шести губерній: Полтавской (16,9), Олонецкой (16,7), С.-Петербургской (16,2), Псковской (16,0), Ярославской (15,4) и Казанской (15,4).—г.) Въ четвертую группу губерній, отдающихъ на народное образованіе отъ 13 до 15% своего бюджета, входятъ слѣдующія семь: Харьковская—14,9, Херсонская (14,3), Новгородская (14,2), Пензенская (13,6), Костромская (13,3), Уфимская (13,3) и Смоленская (13,2). д) Затѣмъ, къ пятой, самой многочисленной группѣ губерній, расходующихъ на школьное дѣло немного больше десятой части своихъ средствъ (отъ 10 до 13%) отошли слѣдующія 12 губерній: Владимірская (12,9), Воронежская (12,9), Тамбовская (12,9), Саратовская (12,7), Таврическая (12,7), Нижегородская (12,4), Тульская (12,2), Курская (12,2), Самарская (11,9), Орловская (10,6), Рязанская (10,6) и Екатеринославская (10,4). е) Наконецъ, въ трехъ губерніяхъ относительное значеніе разсматриваемыхъ расходовъ въ общемъ земскомъ бюджетѣ спускается до своего минимума, до 6,9—8,7%; это—губерніи съ преобладающимъ дворянскимъ землевладѣніемъ: Калужская

(8.7), Бессарабская (7,7) и Симбирская (6,9). И такъ, изъ приведенной группировки губерній видно, что сѣверныя земства, гдѣ крестьянскій элементъ играетъ довольно замѣтную роль въ земскомъ представительствѣ, удѣляютъ изъ своего бюджета болѣе крупную долю на дѣло народнаго образованія; наоборотъ, южныя земства, по преимуществу дворянскія, за исключеніемъ Черниговскаго, Полтавскаго, Харьковскаго и Херсонскаго, гораздо скупѣе въ этомъ отношеніи.

На четвертомъ мѣстѣ въ земскомъ бюджетѣ стоятъ *расходы по уплатѣ долговъ*. Въ среднемъ, каждой губерніи по этой статьѣ приходится расходовать въ годъ 235 тыс. рубл. или 12,1%. По относительной величинѣ этихъ расходовъ рѣзко выдѣляются семь губерній, ежегодно отдающихъ на уплату долговъ свыше $^1/_5$ своего бюджета. Рязанская (33,8%), Бессарабская (29,4), Самарская (27,4), Таврическая (26,4), Симбирская (23,5)) Екатеринославская (21.9) и Калужская (21,2). Почти всѣ эти губерніи, какъ мы видѣли выше, по относительнымъ размѣрамъ затратъ на дѣло народнаго образованія стоятъ на самомъ послѣднемъ мѣстѣ. Очевидно, въ этихъ случаяхъ размѣръ расхода земствъ на народное образованіе находится въ обратномъ отношеніи къ расходамъ по уплатѣ долговъ, т. е. къ задолженности земствъ. Въ 14-ти губерніяхъ расходъ на погашеніе долговъ совсѣмъ незначителенъ и составляетъ менѣе 5% земскаго бюджета; въ особенно благопріятныхъ условіяхъ находятся губерніи: Тамбовская (1,0%), Псковская (1,8%) и Херсонская (2,3%).

Далѣе слѣдуютъ *расходы по земскому управленію*; сюда входятъ: содержаніе личнаго состава земскихъ управъ (1,9 милл.—2,9 милл.), канцелярскіе расходы, содержаніе техническихъ чиновъ и статистическихъ отдѣловъ (2,9 милл.—4,5%), устройство и содержаніе земскихъ зданій (0,8 милл.—1,1%); расходы по оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ по закону 8 іюня 1893 г. (0,6 милл.—1,0); весь же расходъ по земскому управленію опредѣляются суммою въ 6,2 милл. или 9,5% общаго бюджета земствъ. По отдѣльнымъ губерніямъ относительное значеніе этого расхода не подвергается особенно замѣтнымъ колебаніямъ: выше 13,9% (Московская губ.) этотъ расходъ нигдѣ не поднимается и не падаетъ ниже 6,3% (Самарская губ.). Между тѣмъ по отдѣльнымъ губерніямъ составъ этихъ расходовъ далеко не одинаковъ. Такъ, въ рубрикѣ канцелярскихъ расходовъ помѣщены и затраты земствъ на статистическія бюро, содержаніе которыхъ, вообще, обходится не дешево и которыя имѣются далеко не во всѣхъ земствахъ. Нельзя не пожалѣть, что составители сборника не выдѣлили послѣдняго расхода въ особую рубрику, какъ это сдѣлано, напр., по отношенію къ расходамъ по оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ. Наиболѣе крупныя затраты на производство оцѣночныхъ работъ по новому закону въ 1895 году сдѣлали земства слѣ-

дующихъ шести губерній: Тамбовской (49,2 тыс. р.), Пермской (39,8 т. р.), Уфимской (34,2 т. р.), Нижегородской (33,2 т. р.) и Харьковской (30,6 т. р.). Затраты земствъ по этой статьѣ, какъ извѣстно, далеко не соотвѣтствуютъ получаемымъ результатамъ, и очень часто по обстоятельствамъ, отъ земства не зависящимъ.

Затѣмъ, изъ болѣе крупныхъ земскихъ расходовъ остается упомянуть *о расходахъ на дорожное дѣло*, достигшихъ въ 1895 году 3,9 милл. или 5,9% общаго бюджета земствъ. Къ этимъ расходамъ съ текущаго 1896 года присоединяются суммы, ассигновавшіяся раньше земствами на содержаніе судебно-административныхъ крестьянскихъ учрежденій: такимъ образомъ, въ настоящее время земства, если сохранятъ и прежніе свои расходы на дорожное дѣло, будутъ удѣлять изъ своего бюджета на улучшеніе своихъ путей сообщенія свыше 15%.

На *образованіе капиталовъ* земства ежегодно отчисляютъ изъ своихъ средствъ 2,1 милл. рубл, или 3,1% общаго бюджета; въ томъ числѣ: на обязательное образованіе оборотнаго капитала—1,3 милл. (1,9%) и различныхъ специальныхъ капиталовъ—0,8 милл. (1,2%).

На *ветеринарную часть*, въ общемъ, земства расходуютъ 1,7% своего бюджета; въ Саратовской и Самарской губерніяхъ процентъ этотъ повышается до 4,5 – 3,6, а въ Черниговской и Пензенской спускается до 0,1—0,2. Почти въ тѣхъ же предѣлахъ колеблются по губерніямъ и расходы на *общественное призрѣніе*, составляющіе по 34 губерніямъ 1,5% общаго земскаго бюджета: въ Тамбовской и Смоленской они повышаются до 4,1—4,6%, а въ Воронежской, Уфимской и Симбирской понижаются до 0,2—01%.

Въ заключеніе необходимо отмѣтить хотя и незначительные по размѣрамъ, но представляющіе большой интересъ *расходы на мѣропріятія по сельскому хозяйству и промышленности*. По всѣмъ земскимъ губерніямъ расходы эти едва достигаютъ 671 тыс. рубл. или 1,0% общаго бюджета. Выше средняго они поднимаются въ слѣдующихъ 10-ти губерніяхъ: Вятской (3,4%), Тамбовской (2,1%), Херсонской (1,8%), Екатеринославской (1,8), Уфимской (1,6), Пермской (1,6), Смоленской (1,6), Московской (1,5), Самарской (1,4) и Симбирской (1,1). Вообще. на мѣропріятія по сельскому хозяйству больше расходуютъ восточныя и южныя земства, меньше—сѣверныя.

К. В.

Изъ Привислянскаго края.

Въ повседневной, будничной жизни Привислянскаго края все идетъ по старому. Теперь, правда, жалуются на «новыя явленія», въ родѣ недостатка денегъ, застоя въ дѣлахъ, и на старыя — въ родѣ желѣзнодорожныхъ нестроеній. Лодзь, до сихъ поръ счастливо ускользавшая отъ застоя въ дѣлахъ и осложненій на денежномъ рынкѣ, теперь жалуется на то, что ее постигла общая участь. «Варшавскій Дневникъ», вообще склонный говорить о незаслуженномъ благоденствіи Лодзи, теперь далъ мѣсто корреспонденціи, рисующей положеніе Лодзи далеко не въ розовомъ цвѣтѣ. «Встрѣчающіяся за послѣдніе мѣсяцы довольно частыя банкротства, въ особенности вновь появившихся въ нашемъ городѣ мелкихъ фирмъ, говоритъ корреспондентъ «Варшав. Днев.», являются результатомъ отсутствія денежной наличности у векселедателей, черезъ что отпускающій свой товаръ подъ вексель положительно не гарантированъ своевременнымъ полученіемъ должныхъ ему денегъ, почему и самъ, давая векселя, находится въ большомъ затрудненіи производить срочные платежи. Чтобы дать наглядное понятіе въ этомъ отношеніи о движеніи векселей, не уплаченныхъ въ срокъ въ мѣстномъ отдѣленіи Государственнаго банка, и вообще выяснить постигшій Лодзь въ настоящемъ году денежный кризисъ, привожу цифровыя данныя, заимствованныя мною изъ оффиціальныхъ источниковъ, и притомъ за одинъ лишь только іюль мѣсяцъ с. г., какъ самый тяжелый, но, къ счастью, уже пережитый нашими промышленниками въ ихъ дѣлахъ. Для сравненія беру цифры за іюль прошлаго 1895 года. Во всѣхъ шести нотаріальныхъ конторахъ города Лодзи было протестовано векселей, не уплаченныхъ въ срокъ въ отдѣленіи Государственнаго банка въ 1895 г. за іюль 1,952 векселя на сумму 350,580 руб., въ 1896 г. за іюль — 3,154 векселя на сумму 1,064,281 руб. И это за одинъ лишь мѣсяцъ. Спрашивается, до какихъ же милліоновъ дошла сумма за весь текущій годъ по протестованнымъ

векселямъ?» Конечно, суммы по протестованнымъ векселямъ къ концу года выростутъ. Слѣдуетъ замѣтить, что корреспондентъ «Варшав. Днев.» писалъ въ концѣ августа о положеніи дѣлъ въ іюлѣ, а въ концѣ сентября и въ началѣ текущаго мѣсяца денежныя затрудненія еще болѣе обострились.

Лодзь можетъ служить до нѣкоторой степени барометромъ и для нашихъ желѣзнодорожныхъ порядковъ. Если Лодзь не успѣваетъ справиться съ желѣзнодорожными порядками, то другимъ городамъ остается страдать терпѣливо. Между Лодзью и фабрично-лодзинской желѣзной дорогой давно уже идутъ разныя распри. Дорога съ рѣдкимъ упорствомъ продолжаетъ давать поводы къ жалобамъ и сѣтованіямъ на недостатокъ вагоновъ, на опаздываніе поѣздовъ и на медленную доставку товаровъ. Лодзинцы попытались хлопотать о разрѣшеніи устроить обходную вѣтвь на Лодзь, но ихъ ходатайство было отклонено. Теперь лодзинцы потеряли терпѣніе и рѣшили перейти отъ желѣзной дороги къ лошадиной тягѣ. Газета «Слово» сообщаетъ, что они рѣшили образовать компанію для перевозки товаровъ, высылаемыхъ въ Лодзь, *на лошадяхъ* отъ станціи Рокицины варшавско-вѣнской желѣзной дороги до Лодзи и обратно, взимая, притомъ, за перевозку низшую плату, нежели та, которую беретъ лодзинская дорога за провозъ товаровъ отъ Колюшекъ въ Лодзь. Разумѣется, это должно отнять у Лодзинской дороги львиную долю ея барышей.

Въ виду такихъ порядковъ, заслуживаютъ особого вниманія сообщенія о благоденствіи края за общегосударственный счетъ по части путей сообщенія, промышленнаго развитія и т. п. Такими сообщеніями заполнена вся корреспонденція изъ Варшавы, напечатанная въ «Нов. Времени» отъ 19 октября. Нисколько не смущаясь, корресподентъ «Новаго Времени» утверждаетъ, «что выгодное во многихъ отношеніяхъ географическое положеніе Привислянскаго края, сравнительно высокое развитіе въ немъ промышленности, созданной при помощи правительственныхъ субсидій и произведенія которой находятъ сбытъ во всѣхъ частяхъ Россіи, особыя льготы, которыми долгое время пользовался и отчасти пользуется до сихъ поръ со стороны правительства здѣшній край,—*слишкомъ избаловали поляковъ* (?). Въ настоящее время въ здѣшнемъ краѣ строится нѣсколько желѣзныхъ дорогъ на правомъ берегу Вислы и уже построена и продолжаетъ строиться сѣть прекрасныхъ шоссейныхъ путей. Постройка этихъ желѣзныхъ и шоссейныхъ путей вызвана стратегическими соображеніями, но вѣдь они поступаютъ въ общее пользованіе, облегчая средства сообщенія въ здѣшнемъ краѣ и отражаясь на подъемѣ экономическаго уровня его. Такимъ образомъ, благодаря стратегическимъ путямъ, здѣшній край много выигрываетъ въ экономическомъ отношеніи и, конечно, ни въ одной изъ остальныхъ областей Россіи правительство не

дѣлаетъ такихъ большихъ затратъ на пути сообщенія, какъ здѣсь. Но это и многія иныя преимущества, выпадающія на долю здѣшняго края, обогащеніе его вслѣдствіе усиливающагося изъ года въ годъ сбыта привислянскихъ издѣлій въ остальныхъ частяхъ Россіи,—все это забывается здѣшними публицистами и ихъ соратниками въ петербургской печати всякій разъ, когда ставится тотъ или другой экономическій вопросъ, имѣющій общегосударственное значеніе. Начинаются толки о несправедливомъ отношеніи къ окраинамъ и, подъ шумокъ этихъ толковъ, стараются выторговать новыя льготы для нихъ, въ ущербъ центральнымъ частямъ государства».—Можно подумать, что и въ самомъ дѣлѣ Привислянскій край живетъ на счетъ Россіи и на ея счетъ благоденствуетъ!

* * *

Корреспондентъ извѣстной газеты «Новая Реформа», на основаніи газетныхъ и оффиціальныхъ сообщеній, перечислилъ всѣ случаи частыхъ и опустошительныхъ пожаровъ въ сѣверо-западномъ краѣ. Отмѣтивъ извѣстные пожары въ городахъ Вильно, Бѣлостокѣ, Борисовѣ, Кобринѣ, Ковелѣ, Гродно, Слуцкѣ, Несвижѣ, Сморогони, Луцкѣ, Свислочи, Брестѣ, Минскѣ и многихъ другихъ, авторъ корреспонденціи говоритъ слѣдующее: «Рѣдкая недѣля пройдетъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, чтобы гдѣ-нибудь не было пожара, не виднѣлось на горизонтѣ его зарево или не показалась на небѣ грозная туча дыма. Всякій, кто бывалъ въ пожарномъ сезонѣ, т. е. въ лѣтніе мѣсяцы, въ окрестностяхъ Минска, Вильны, Гродны, могъ-бы способствовать статистикѣ литовскихъ пожаровъ, въ качествѣ писателя-очевидца. Тамъ, гдѣ нѣтъ городовъ и человѣческаго жилья, горятъ лѣса... Объясняя это удивительное явленіе, нѣкоторые ссылаются на суевѣріе и темноту литовскаго и бѣлорусскаго люда, который, не тушитъ, напримѣръ, пожара, возникшаго отъ удара молніи. Иные жалуются на уловки евреевъ, поджигающихъ сосѣда, чтобы сжечь собственную застрахованную постройку. Разсказываютъ въ Литвѣ о воровскихъ шайкахъ, распространяющихъ пожары для облегченія грабежа или о плотникахъ, поджигающихъ города, въ надеждѣ заработка, при возобновленіи пожарищъ».

По мнѣнію автора корреспонденціи, всѣ эти разговоры не попадаютъ въ цѣль и не указываютъ на дѣйствительную причину опустошительности пожаровъ. Онъ признаетъ главной причиной опустошительности пожаровъ плохую организацію пожарныхъ командъ и отсутствіе вольныхъ пожарныхъ командъ. «Варшавскій Дневникъ» усмотрѣлъ тутъ «намекъ». Онъ спрашиваетъ «Новую Реформу»: не вытекаетъ-ли отсюда прямое заключеніе, что во всемъ виновато русское правительство? Что мѣшаетъ «Новой Реформѣ» утверждать, что и «пожарныя бѣдствія являются результатомъ общей политической системы...» «Варшавскій Дневникъ» спрашиваетъ: «отчего-бы на эту тему не написать романъ подъ

заглавіемъ «Огнемъ», въ pendant къ роману Сенкевича «Огнемъ и мечемъ?»

Этотъ вопросъ, быть можетъ, не лишенъ нѣкотораго остроумія, но кто долженъ принять во вниманіе выражаемую въ немъ мысль?.. На столбцахъ «Варшавскаго Дневника» такъ любятъ разжигать огонь страстей и угрожать мечомъ, что и самому г. Тимановскому не мѣшало-бы подумать объ умиротворяющемъ предназначеніи редактируемаго имъ органа. Подозрительность, повидимому, не нравится самому г. Тимановскому. Его разговоры о «сближеніи» не лишены нѣкоторой доли здраваго смысла. Но при этомъ, онъ нѣсколько перепуталъ нравственную основу «сближенія» съ коммерческими разсчетами. Коммерческіе интересы въ наше время сближаютъ и тѣхъ, кто не имѣетъ никакихъ мотивовъ продолжить сближеніе за предѣлы коммерческихъ разсчетовъ. Въ этихъ предѣлахъ письмо г. Тиманскаго, помѣщенное въ «Новомъ Времени», имѣетъ свое право на достовѣрность. Мы вполнѣ соглашаемся съ г. Тимановскимъ, что «для насъ, пробывшихъ многіе годы въ Привислянскомъ краѣ, вопросъ о прогрессирующемъ стремленіи торгово-промышленнаго класса къ болѣе тѣсному единенію съ остальными частями имперіи не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ онъ подтверждается различными проявленіями ежедневнаго обихода». Въ подтвержденіе этого, г. Тимановскій ссылается на распространеніе за послѣднія 15 лѣтъ среди мѣстныхъ торговцевъ познаній по русскому языку. Привлекаетъ вниманіе г. Тимановскаго и тотъ фактъ, что количество привислянскихъ экспонатовъ на нижегородской выставкѣ увеличилось по сравненію съ ихъ количествомъ на московской выставкѣ 1882 г. «Укажемъ, наконецъ,—продолжаетъ г. Тимановскій—на помѣщеніе польскими газетами не только заимствованныхъ свѣдѣній, но и спеціальныхъ корреспонденцій о всероссійской выставкѣ; такое явленіе служитъ нагляднымъ доказательствомъ созрѣвшей потребности у нѣкоторой части читателей этихъ газетъ, т. е. у купцовъ и промышленниковъ, знать все то, что имѣетъ отношеніе къ производительнымъ силамъ Россіи. Для насъ, старожиловъ Привислянья, такія спеціальныя корреспонденціи въ польскихъ повременныхъ изданіяхъ имѣютъ характеръ симпатичной новинки и служатъ также однѣми изъ первыхъ ласточекъ новой весны въ русско-польскихъ отношеніяхъ».

Пусть будетъ такъ, но къ числу какихъ «ласточекъ» отнесенъ г. Тимановскій послѣднія выходки «Московскихъ Вѣдомостей»? Онъ не отмѣтилъ эти выходки на столбцахъ редактируемаго имъ «Варшавскаго Дневника», хотя онѣ относятся прямо къ темѣ, затронутой г. Тимановскимъ въ приведенномъ письмѣ. Г. Тимановскій увидѣлъ «ласточку» сближенія въ увеличеніи числа привислянскихъ экспонентовъ и выставленныхъ ими экспонатовъ. «Московскія Вѣдомости» доказываютъ обратное и ссы-

лаются именно на выставочныя дѣла. «Въ Варшавѣ, повѣствуютъ «Моск. Вѣд.», время выставокъ... Причина неудачъ всѣхъ вообще варшавскихъ выставокъ заключается въ томъ, что онѣ вызываются нестолько потребностями мѣстной промышленности, сколько желаніемъ извѣстной партіи подчеркнуть *обособленность Привислянья отъ остальной Россіи*. Такой неудачной выставкой является гигіеническая выставка, гдѣ есть пряники съ прочими кондитерскими товарами и.. пустота. несмотря на зазыванія газетъ. Въ помощь этой выставкѣ устроилась въ маленькомъ помѣщеніи такъ называемаго промышленнаго музея на Краковскомъ предмѣстьѣ тоже специальная выставка старыхъ вещей, преимущественно ковровъ и тканей, большею частью лохмотьевъ, выдаваемыхъ собственниками за гобелены и вообще не имѣющихъ съ ними ничего общаго. Цѣль этой выставки заключалась, будто-бы, въ желаніи облегчить покупателямъ древнихъ вещей домашняго обихода розыскъ ихъ, свести владѣльцевъ рѣдкостей и продавцевъ ихъ съ покупателями».

Какъ видите, даже мѣстныя русскія власти провинились предъ «Московск. Вѣдомостями». Власти разрѣшили въ Варшавѣ одновременно цѣлыхъ двѣ выставки, закрывая глаза на то обстоятельство, что этими двумя выставками имѣлось въ виду демонстративно подчеркнуть обособленность Привислянья отъ остальной Россіи! Почему, г. Тимановскій ничего не сказалъ въ отвѣтъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» на столбцахъ редактируемаго имъ «Варшавскаго Дневника»? Вѣдь «Московскія Вѣдомости» явно распугиваютъ тѣхъ «ласточекъ», которыя такъ дороги сердцу г. Тимановскаго. Впрочемъ, г. Тимановскій, какъ мы уже говорили выше, мало обращаетъ вниманія на отношеніе къ этимъ «ласточкамъ» даже имъ самимъ редактируемаго «органа умиротворенія», т. е. «Варшавскаго Дневника».

* * *

Вопросъ объ отношеніяхъ между евреями и поляками и трактованіе этого вопроса въ мѣстной печати заслуживаютъ особаго вниманія. Изъ корреспонденціи «Новаго Времени» (№ отъ 20 октября) читатели уже узнали, будто антисемитизмъ ростетъ въ Привислянскомъ краѣ. «Еврейское населеніе Варшавы, сказано въ этой корреспонденціи, быстро возрастаетъ и все болѣе ростетъ здѣсь сила еврейскаго капитала. Но рука объ руку съ усиленіемъ еврейства ростетъ и интисемитское движеніе въ здѣшнемъ обществѣ, почему увеличивается и число антисемитскихъ органовъ печати на польскомъ языкѣ. Въ Варшавѣ теперь ихъ четыре: ежедневныя газеты «Вѣкъ», «Газета Варшавская» и еженедѣльные журналы «Нива» и «Роля» («Поле»).» При этомъ три изъ нихъ ведутъ постоянную полемику другъ съ другомъ по различнымъ пустячнымъ поводамъ, при чемъ настоящая цѣль этой полемики отнять

у конкурента подписчиковъ. Отсюда обвиненія одного антисемитскаго органа другимъ въ недостаткѣ антисемитизма, въ поддѣлкѣ антисемитскихъ чувствъ и т. п. Теперь вы можете сами судить о достоинствахъ польской антисемитической печати, а равнымъ образомъ и объ искусственномъ (ненастоящемъ) ростѣ антисемитизма въ Привислянскомъ краѣ. Имъ занимаются низкопробныя газеты. Къ нимъ примкнулъ и «Варшавскій Дневникъ». Онъ состоитъ въ особой дружбѣ съ «Rola.» Правда, изъ этихъ двухъ дружественныхъ газетъ «Rola» всегда выступаетъ застрѣльщикомъ, а «Варшавскій Дневникъ» оказываетъ ей поддержку.

Недавно умеръ извѣстный польскій писатель Іосифъ Рогошъ, жившій постоянно въ Галиціи. Обратите вниманіе на слѣдующій оригинальный «некрологъ», помѣщенный въ «Rola»: «Образъ дѣйствій большинства нашей печати въ виду этой потери столь недостоинъ, говоритъ «Rola», что для него нѣтъ подходящаго названія и простая обязанность велитъ отмѣтить и запятнать его. Когда годъ назадъ въ Варшавѣ умеръ журналистъ, единственная заслуга котораго состояла въ добываніи пособій и субсидій отъ богатыхъ евреевъ и пановъ для органа своей партіи, или вѣрнѣе для клики ихъ служащихъ, въ большинствѣ газетъ раздался такой плачъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ журналистика потеряла ничѣмъ незамѣнимую силу. Некрологи были саженные, а восхваленіямъ, портретамъ и проч. не было конца. Теперь скончался писатель, потеря котораго дѣйствительно тяжела для литературы и публицистики,—и тѣ же газеты, которыя годъ назадъ призывали общество проливать слезы объ утратѣ одного изъ членовъ ихъ партіи—нынѣ или совсѣмъ молчатъ о смерти Рогоша, или отдѣлываются замѣткою въ нѣсколько строкъ. Чѣмъ это объяснить? Тѣмъ, что покойный Рогошъ былъ антисемитомъ по убѣжденію и врагомъ ассимиляціи съ еврействомъ, съ которымъ онъ боролся открыто и настойчиво, и этого было совершенно достаточно, чтобы въ виду его смерти большинство нашихъ «независимыхъ» направителей общественнаго мнѣнія заявили себя такъ недостойно. Но этого мало. Нашлись газеты, которыя, мстя Рогошу даже умершему, говорятъ съ легкимъ сердцемъ, что онъ «запутывался въ судебные процессы». Да, Рогошъ велъ процессы и долженъ былъ вести ихъ; онъ, какъ противникъ евреевъ, подвергался нападеніямъ и клеветамъ ихъ наемниковъ, но этихъ нападеній, отъ которыхъ не обезпеченъ ни одинъ антисемитъ, онъ не прощалъ и привлекалъ клеветниковъ въ суды».

Конечно, можно только сожалѣть о томъ, что Рогошъ занимался антисемитической травлей, не подходящей къ роли писателя вообще и польскаго патріота въ частности. «Замѣчанія «Rola»,—говоритъ «Варшавскій Дневникъ»—вѣрны, но въ такомъ отношеніи большинства органовъ здѣш-

ней печати къ евреямъ и ко всѣмъ тѣмъ, кому претитъ зависимость отъ евреевъ, нѣтъ ничего новаго. Братанье съ евреями, начавшееся во время агитаціи, охватившей польское общество въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, было чуть-ли не единственнымъ пунктомъ, на которомъ сходились рѣшительно всѣ тогдашніе партіи и дѣятели, почти во всемъ остальномъ несогласные между собою. Всѣ такъ называемые Клеменсовщики (партія графа Андрея Замойскаго), Милленеры (варшавское образованное мѣщанство), Червеньцы (красные, радикалы и демократы), и наконецъ маркизъ А. Велепольскій со своими немногими сподвижниками — всѣ считали «равноправіе» (rownouprawnienie) евреевъ необходимою частью своихъ программъ; печать конечно тоже шла за этимъ движеніемъ и только въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ часть ея перестала слѣдовать этимъ традиціямъ смутнаго времени начала шестидесятыхъ годовъ и стала въ положеніе, независимое отъ евреевъ, но большинство польскихъ органовъ печати остается вѣрными тогдашнему девизу, что «поляки и евреи — братья одной земли», и нерѣдко заявляетъ объ этомъ весьма неуклюже, переходя приличную мѣру и выставляя себя черезчуръ усердными слугами еврейства. Такъ было и теперь, по случаю смерти Рогоша, и нѣтъ никакихъ симптомовъ, дающихъ право предполагать, чтобы эта, услужливая для евреевъ часть здѣшней печати измѣнила свой образъ дѣйствій и стала въ болѣе независимое отъ нихъ положеніе».

Мѣстнымъ евреямъ нельзя принять никакого участія въ содѣйствіи развитію мѣстной печати и литературѣ. Всякій шагъ ихъ въ этомъ направленіи будетъ истолкованъ въ смыслѣ попытки къ подкупу. Въ цитированной выше корреспонденціи «Новаго времени» (№ 20 октября) сказано, что варшавскіе богатые евреи, замѣчая усиленіе антисемитскаго движенія въ польскомъ обществѣ, всячески стараются затормазить это движеніе. Съ этой цѣлью они, будто-бы, и расщедрились на субсидированіе польской литературы. Много разговоровъ было въ Варшавѣ нѣсколько времени тому назадъ о томъ, что г. Кроненбергъ далъ «Газетѣ Польской» 15,000 р. на пріобрѣтеніе отъ извѣстнаго писателя Сенкевича его послѣдняго романа «Quo vadis». Въ данномъ случаѣ куріозно то, что «Quo vadis» проникнутъ ультрамонтанской тенденціей и заканчивается апоѳеозомъ римскаго католицизма, а между тѣмъ гонораръ за этотъ романъ уплаченъ изъ еврейскаго источника. Недавно также было объявлено въ здѣшнихъ газетахъ, что банкиръ Вавельбергъ ассигновалъ извѣстную сумму на дешевое изданіе произведеній г. Сенкевича, а г. Ротвандъ сдѣлалъ пожертвованіе на учрежденіе за труды по польской исторіи на польскомъ языкѣ преміи имени недавно скончавшагося, пользовавшагося популярностью у поляковъ професора Павинскаго. Дѣлаютъ это здѣшніе богатые евреи, желая, будто бы, всѣми этими по

жертвованіями снискать себѣ популярность и доказать, что они не евреи, а поляки Моисеева вѣроисповѣданія.

Мы преднамѣренно привели полностью эти размышленія «Новаго Времени» и «Варшавскаго Дневника». Въ нихъ читателямъ предполагалось дать краткую, но «безпристрастную» исторію «ожидовленія» польской печати, освобожденія меньшей ея части и продолжающагося плѣненія большей части польскихъ періодическихъ изданій. Въ этой «безпристрастной» исторіи такъ много пристрастнаго вздора, что «Варшавскій Дневникъ», оставаясь послѣдовательнымъ, долженъ доказывать, что на самостоятельности Польши настаиваютъ не поляки, а главнымъ образомъ евреи. По мнѣнію «Варшавскаго Дневника», въ большей части польскихъ періодическихъ изданій каждая строка заключаетъ въ себѣ намекъ на самостоятельность Польши. Въ то-же самое время, по мнѣнію того-же «Варшавскаго Дневника», большая часть польской періодической печати находится въ плѣну у евреевъ. Очевидно, газета умиротворенія должна придти къ тому заключенію, что главарями «политики активной обороны» являются евреи и они-то и суть главные враги русскаго правительства въ Привислянскомъ краѣ.

Право трудно перечислить всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ «Московскихъ Вѣдомостей» въ Привислянскомъ краѣ. «Московскія Вѣдомости» недавно «сорвали маску» и признали даже въ «Гражданинѣ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» явныхъ враговъ престижа Россіи въ Привислянскомъ краѣ. Въ чемъ состоитъ суть дѣла мы понять не могли, но ясно прочли въ «Моск. Вѣд.» (№ 222) слѣдующее: «Для ознакомленія съ тѣмъ, что достигнуто въ смыслѣ благосостоянія края мѣрами русскаго правительства уже въ началѣ 70-хъ годовъ, рекомендуемъ газетамъ, взявшимъ на себя защиту польскихъ мечтаній, поучительный и серьезный трудъ проф. Симоненки «Сравнительная статистика Царства Польскаго». Чтобы хотя слегка ознакомиться съ ходомъ современной жизни въ краѣ, рекомендуемъ нашимъ руссофобамъ знакомиться съ трудами варшавскаго статистическаго комитета. Смѣемъ увѣрить Гражданинъ, С.-Петербургскія Вѣдомости и друг., что въ этомъ комитетѣ засѣдаетъ много поляковъ». До чего мы дожили!.. «Московскимъ Вѣдомостямъ» приходится поучать патріотизму «Гражданинъ» и «С.-Петерб. Вѣд.», обнаружившіе какіе-то признаки неуваженія къ дѣятельности русскаго правительства въ Привислянскомъ краѣ!.. Нужно думать, что эти преступныя газеты сказали что-либо о недостаткѣ школъ въ Привислянскомъ краѣ. Такъ слѣдуетъ думать потому, что «Москов. Вѣд.» обращаютъ особенное вниманіе «полонофильствующихъ органовъ» на увеличеніе числа школъ въ краѣ. Мы прочли объ увеличеніи числа школъ въ Привислянскомъ краѣ и стали ожидать, что скажетъ на сію тему «Варшавскій Дневникъ». Газета упорно молчала, но недавно напеча-

тала слѣдующую замѣтку: «въ Ломжѣ ежегодно даетъ себя чувствовать недостатокъ мѣста и вакансій въ мужской гимназіи. Причина этого заключается, между прочимъ, въ отсутствіи другихъ школъ, вслѣдствіе чего, кто можетъ, посылаетъ своихъ дѣтей въ гимназію, а если здѣсь нѣтъ уже мѣстъ, перевозитъ ихъ въ другой городъ. По многимъ причинамъ, не лишне-бы было открыть здѣсь среднее учебное заведеніе вродѣ четырехклассной прогимназіи или ремесленнаго училища. Послѣднее имѣло-бы несомнѣнный успѣхъ, такъ-какъ ломжинскіе ремесленники съ готовностью отдавали-бы сюда своихъ дѣтей. Ломжа—городъ большой и школу содержать будетъ въ состояніи уже сама по себѣ, не говоря о другихъ городахъ и мѣстечкахъ губерніи, изъ которыхъ также будутъ воспитанники».

Не мѣшаетъ обратить вниманіе на то, что Ломжа большой городъ, а что мы видимъ за предѣлами городскихъ центровъ—едва-ли стоитъ много распространяться!

М. П.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Воспитательное значеніе нашихъ университетовъ. — Фельетонъ студента о студентахъ.—Разныя категоріи студентовъ.—Студенчество.—Пересмотръ устава о гражданской службѣ.—Третій пунктъ.—Чины.—Распространеніе новаго земскаго положенія на сѣверо-западной и юго-западный край.—Евреи и земство.—Братство съ евреями и взглядъ на него православныхъ архіереевъ.—Расчлененіе отечества.—Самопогашающійся кредитъ.

Съ разныхъ сторонъ постоянно роздаются жалобы на недостатокъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Но при этомъ многіе говорятъ и о томъ что можно привести рядъ доводовъ противъ устройства новыхъ университетовъ. По этому поводу естественно возникаетъ вопросъ: что теперь даетъ университетъ обществу? Присмотритесь къ той публикѣ, которая воспитывается въ стѣнахъ университета. Прошли тѣ времена, когда въ стѣнахъ университетовъ юношество воспитывало въ себѣ доблести сердца и ума. Теперь университетъ сталъ формировать иныхъ людей. Изъ рядовъ самой университетской молодежи слышатся жалобы на упадокъ культурныхъ стремленій среди нашего студенчества. Недавно въ кавказской газетѣ «Новое Обозрѣніе» (№ 4376) какой-то студентъ, за подписью И. Альдонскій, помѣстилъ цѣлый фельетонъ подъ заглавіемъ «Изъ замѣтокъ студента». Г. Альдонскій въ этомъ году поступилъ въ петербургскій университетъ и рѣшилъ печатно подѣлиться своими впечатлѣніями, вынесенными изъ университета. «Студенческая самостоятельная жизнь, повѣствуетъ г. Альдонскій,— утратила значительную долю своего обаянія въ глазахъ молодежи, и для большинства имѣютъ вѣсъ одни матеріальные разсчеты. Вообще, студенческая масса, насколько я успѣлъ къ ней присмотрѣться, довольно равнодушна къ наукѣ и собственно къ университету. Рѣзко выдѣляются нѣсколько категорій. Наиболѣе обширная—это «безразличные», смотрящіе на университетъ, какъ на «необходимый, но скучный проселокъ, которымъ скорѣй объѣзжаютъ въ коллежскіе секретари». На лекціяхъ сту-

денты этой категоріи скучаютъ и своимъ апатичнымъ видомъ положительно наводятъ уныніе на свѣжаго человѣка... Интересы ихъ лежатъ внѣ университета: это разные шахматисты, винтеры, балетоманы, велосипедисты,—и посмотрите, какъ они оживляются, когда рѣчь заходитъ объ ихъ любимомъ предметѣ... Вотъ въ такихъ-то «безразличныхъ» студентахъ и заключается, мнѣ кажется, главная язва современнаго университета. Что касается пресловутыхъ «пшютовъ»,—ихъ немного. Какъ всякое каррикатурное явленіе, конечно, подобные господа невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе, бросаются въ глаза, но печать, мнѣ кажется, слишкомъ раздула это явленіе и преувеличила его размѣры. Этимъ студентамъ-«бѣлоподкладочникамъ», въ сущности, только хочется обратить на себя вниманіе, и для этой цѣли они готовы сдѣлать все; потому-то они доходятъ, дѣйствительно, до каррикатурности, бьющей въ глаза и лишенной даже тѣни изящества. Но, повторяю, ихъ немного. Въ университетъ они являются въ мундирахъ, бѣлыхъ перчаткахъ, при шпагахъ, надушенными, чуть не напомаженными; ко всѣмъ остальнымъ студентамъ относятся презрительно, съ надутымъ, тупымъ самомнѣніемъ, съ высоты какого-то величія. Однако, послѣдніе—нужно отдать имъ справедливость—не обращаютъ ровно никакого вниманія ни на нихъ самихъ, ни на ихъ уничтожающіе взгляды; господа «пшюты» чувствуютъ это, а потому появляются въ университетѣ рѣдко: ихъ чаще видишь на улицахъ. Гораздо больше въ университетѣ «дѣтей»,—чистенькіе, аккуратные «пай-мальчики», усердно посѣщающіе и напряженно слушающіе лекціи, очень замѣтны въ массѣ; отъ другихъ студентовъ, особенно отъ «лохматыхъ» (такихъ очень мало), они сторонятся, въ корридорахъ ходятъ въ одиночку или парами. При всемъ томъ, однако, въ нихъ нѣтъ и капли робости; все это юноши очень опредѣленные, уже сложившіеся: намѣтили они себѣ «рельсы» до конца жизни и катятся по нимъ съ полной увѣренностью въ будущемъ благополучіи. Работаютъ они много, но только въ предѣлахъ обязательной программы; то, что не «требуется»— ихъ не касается и не интересуетъ, такъ что заподозрѣть ихъ въ особомъ влеченіи къ знанію нельзя, хоть и многіе изъ нихъ мѣтятъ въ профессора. Присутствіе «дѣтей» еще сильнѣе оттѣняется четвертой замѣтной группой: это—студенты-ветераны, «вѣчные» студенты, въ потертыхъ сюртукахъ, съ солидными бородками, повидимому сильно пьющіе и менѣе всего думающіе о наукѣ. Попадаются, конечно, и хорошія, вдумчивыя, оживленныя лица, и такихъ не мало, но нѣтъ цѣлаго, нѣтъ сплошной студенческой товарищеской массы съ общимъ настроеніемъ, общими интересами. Много студентовъ, и есть хорошіе студенты, но нѣтъ студенчества».

Въ классификаціи студентовъ пусть разбираются сами студенты. По нашему мнѣнію, г. И. Альдонскій немного погрѣшилъ противъ истины,

обрисовавъ разные типы студентовъ. Мы вполнѣ соглашаемся съ его заключеніемъ, что въ университетѣ много студентовъ, и есть хорошіе студенты, но нѣтъ студенчества. Намъ невольно приходятъ на память слова Чичерина, въ которыхъ онъ кратко выразилъ значеніе студенчества для университета. «Уничтожить, разсыпать какъ песокъ студенчество—говоритъ онъ,—значитъ тоже, что убить университетъ, втоптать все, что въ немъ самаго благороднаго, въ обыденную житейскую пошлость». Чичеринъ много говорилъ и о необходимости сближенія между студенчествомъ и профессорской корпораціей.

Къ сожалѣнію, теперь и между профессорами не существуетъ никакого сближенія. Старое выраженіе «профессорская корпорація» теперь стало пустымъ звукомъ. Система прямого назначенія профессоровъ, какъ извѣстно, есть въ то-же самое время и система разобщенія. Мы уже отмѣтили въ одномъ изъ прошлыхъ обозрѣній ослабленіе этой системы въ самомъ новомъ уставѣ, т. е. въ уставѣ рижскаго политехническаго института. Быть можетъ, система выборовъ въ скоромъ времени получитъ болѣе широкое примѣненіе Эта система, представлявшаяся наилучшей въ началѣ 60-хъ годовъ, не должна казаться наихудшей въ концѣ 90-хъ годовъ. Къ началу 60-хъ годовъ выяснились всѣ печальныя послѣдствія примого назначенія при замѣщеніи вакантныхъ кафедръ. Стоитъ вспомнить, что въ харьковскомъ университетѣ съ 1830 года по 1833 годъ кафедру философіи занималъ, по назначенію попечителя, частный приставъ. Мы не думаемъ утверждать, что система прямыхъ назначеній въ 90-хъ годахъ выдвигаетъ на кафедры точно такихъ-же кандидатовъ, но уже одно отмѣченное выше отступленіе отъ этой системы въ уставѣ рижскаго политехническаго института свидѣтельствуетъ объ оффиціальномъ признаніи ея малосодѣйствующей замѣщенію кафедръ соотвѣтствующими лицами. Не слѣдуетъ, однако, думать, что только одни университеты поставлены въ условія, не особенно благопріятныя для замѣщенія мѣстъ соотвѣтствующими лицами. Всѣ отрасли гражданской службы въ общемъ поставлены въ однѣ и тѣже условія. Недостатки дѣйствующихъ законоположеній о службѣ гражданской остановили на себѣ вниманіе даже руководящихъ сферъ. Три года тому назадъ при государственномъ совѣтѣ была образована особая комисія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Перетца, для пересмотра устава о службѣ гражданской. На дняхъ «Русскія Вѣдомости» сообщали довольно подробныя свѣдѣнія о тѣхъ предположеніяхъ и заключеніяхъ, на которыхъ остановилась коммисія. По словамъ «Русскихъ Вѣдомостей», коммисія признала необходимымъ измѣнить дѣйствующія постановленія объ увольненіи отъ службы, въ смыслѣ установленія болѣе устойчиваго положенія лицъ, состоящихъ на гражданской службѣ. Газета сообщаетъ кратко всѣ размышленія коммисіи по этому

вопросу. По мнѣнію коммисіи, изъ всѣхъ правилъ относительно увольненій отъ службы наиболѣе существенное значеніе имѣетъ третій пунктъ положенія 1850 г., по которому начальникамъ предоставляется право увольнять чиновниковъ по своему усмотрѣнію и безъ ихъ просьбы, въ случаѣ, если они, по убѣжденію начальства, оказываются неспособными къ исправленію возложенныхъ на нихъ должностей, или почему-либо неблагонадежными, или сдѣлали вину, извѣстную начальству, но такую, которая не можетъ быть доказана фактами. Хотя въ примѣненіи этого пункта начальствамъ и вмѣняется въ обязанность поступать «съ достаточною осмотрительнастью» и «не допуская ни пристрастія, ни личности», однако, вслѣдствіе выраженнаго четвертымъ пунктомъ того-же Положенія правила, по которому уволенныя такимъ образомъ, безъ означенія причинъ увольненія, лица лишаются права жаловаться, и просьбы ихъ о возвращеніи къ прежнимъ должностямъ или о преданіи суду не только оставляются безъ движенія, но и не принимаются ни въ какой инстанціи къ разсмотрѣнію, произвело то, что подобное увольненіе безъ означенія причинъ стало пониматься въ смыслѣ полной негодности или неблагонадежности должностнаго лица для службы, и выдаваемый имъ аттестатъ получилъ въ просторѣчіи наименованіе «волчьяго паспорта». Необставленность означенной мѣры никакими предосторожностями объясняется тѣмъ, что увольненіе по 3 пункту, «хотя и разрушающее нерѣдко всю будущность человѣка, признается собственно не взысканіемъ, а мѣрою административною». По мнѣнію коммисіи, начальство не можетъ быть лишено права увольнять отъ должностей лицъ, признаваемыхъ имъ негодными для службы, но пользованіе этимъ правомъ «должно быть обставлено такими условіями, которыя, если и не совершенно устраняли-бы, то, по крайней мѣрѣ, затрудняли-бы распоряженія произвольныя». На первый планъ надлежало-бы поставить то, принятое по военно-сухопутному и морскому вѣдомствамъ общее положеніе, по которому никто не можетъ быть, помимо суда, уволенъ отъ службы, безъ предварительнаго предложенія подать просьбу объ отставкѣ. Если затѣмъ это предложеніе не будетъ исполнено, начальство обязано войти съ представленіемъ объ увольненіи должностнаго лица въ высшей инстанціи. «При этомъ слѣдовало-бы, однако, установить, чтобы увольненію (безъ просьбы) предшествовало изслѣдованіе причинъ, вызывающихъ принятіе такой мѣры, а въ нѣкоторыхъ, опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, и коллегіальное разсмотрѣніе дѣла».

Изъ всѣхъ этихъ размышленій коммисіи, по нашему мнѣнію, достойны особаго вниманія пожеланія, чтобы «произвольное» удаленіе со службы было «обставлено такими условіями, которыя если и не совершенно устраняли-бы, то, по крайней мѣрѣ, затрудняли-бы распоряженія *произвольныя*». Отсюда можно вывести лишь то заключеніе, что историческій

3-й пунктъ еще въ теченіе долгаго времени будетъ сохранять свою силу. Сохранятъ свою силу и «Чины», на значеніе которыхъ коммисія обратила особое вниманіе. Изъ сообщенія «Русск. Вѣд.» мы узнаемъ, что коммисія не нашла возможнымъ принять такую мѣру, какъ упраздненіе чиновъ, «съ давнихъ поръ являющихся у насъ существенною, коренною принадлежностью служебнаго строя имперіи», но выразила сочувствіе стремленію положить предѣлъ «неимовѣрному у насъ расточенію высшихъ служебныхъ отличій. Титуломъ «превосходительства», составляющимъ въ иностранныхъ государствахъ удѣлъ собственно лишь министровъ и весьма немногихъ другихъ высшихъ государственныхъ дѣятелей, пользуются у насъ, по гражданской только службѣ, около трехъ тысячъ лицъ». Не прибѣгая къ такой коренной реформѣ, какъ совершенное уничтоженіе гражданскихъ чиновъ, «существующихъ съ пользою и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ», напр. въ Пруссіи, коммисія, однако, признаетъ «совершенно утратившими прежнее свое значеніе» сохранившіяся въ дѣйствующемъ законѣ правила о соотвѣтствіи должностей чинамъ опредѣляемыхъ лицъ, а также о производствѣ за выслугу лѣтъ.

Въ этомъ и состоитъ однако существенная «ломка» стараго порядка николаевскихъ временъ. Если связь между чиномъ и правомъ лица занимать извѣстное мѣсто будетъ нарушена, то въ такомъ случаѣ до извѣстной степени чины перестанутъ быть тѣмъ препятствіемъ, которое мѣшало людямъ способнымъ занимать соотвѣтствующія должности. Но сохраненіе чиновъ во всякомъ случаѣ будетъ попрежнему однимъ изъ главныхъ обстоятельствъ, поддерживающихъ старый порядокъ жизни и не чуждый многихъ нестроеній.

Опыты по устраненію этихъ «нестроеній», быть можетъ укажетъ на потребность въ иныхъ, болѣе радикальныхъ мѣрахъ. Мы думаемъ что такія радикальныя мѣры крайне необходимы и для предстоящихъ опытовъ по устраненію нестроеній въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ краѣ. Какъ извѣстно въ этихъ видахъ предполагается распространить новое земское положеніе на губерніи. Между введеніемъ земскихъ учрежденій и распространеніемъ новаго земскаго положенія существуетъ крупная разница. Во всякомъ случаѣ было бы весьма желательно чтобы введеніе новаго земскаго положенія въ юго-западномъ и сѣверозападномъ краѣ сопровождалось соотвѣтствующими измѣненіями этого положенія...

Всѣмъ извѣстно, что, евреи теперь сконцентрированы въ такъ называемой чертѣ осѣдлости. Благодаря этой концентраціи, евреи занимаютъ даже по своей численности весьма важное мѣсто въ ряду другихъ обывателей сѣверозападного и югозападнаго края. Новое же земское положеніе, какъ извѣстно, закрываетъ евреямъ доступъ къ земскимъ и избирательнымъ урнамъ. Допустимъ, что и на самомъ дѣлѣ евреи уже въ силу одного того, что они евреи, будутъ лишены одного изъ важнѣйшихъ

правъ, т.-е. права участвовать въ земскомъ самоуправленіи. Въ какомъ смыслѣ можетъ быть истолковано это лишеніе правъ всѣми тѣми оригинальными публицистами которые у насъ занимаются травлей одного племени на другое. Въ прошломъ году автору этихъ строкъ пришлось подробно поговорить по этому вопросу (см. «Дѣла и дни» въ «Сѣв. Вѣстн.» № 12, 1895 г.) и вызвать бурю негодованій со стороны любителей «громленія евреевъ». Они нашли въ нашихъ разсужденіяхъ много опаснаго для будущности Россіи и много враждебнаго христіанству. Они готовы были видѣть въ авторѣ еврея, скрывающагося подъ псевдонимомъ Петропавловскаго и проповѣдующаго «братство съ евреями» во имя произвольно толкуемыхъ христіанскихъ началъ. Положимъ, въ нашей статьѣ доказательства противъ антисемитизма были заимствованы не изъ области христіанскихъ догмъ, но на этотъ разъ мы считаемъ не лишнимъ привести факты, свидѣтельствующіе объ отношеніи къ «братству съ евреями« со стороны представителей не только христіанства вообще, а даже господствующаго у насъ оффиціальнаго христіанскаго вѣроисповѣданія. Въ самомъ антисемитическомъ органѣ — «Московскихъ Вѣдомостяхъ» — мы встрѣтили слѣдующую замѣтку подъ заглавіемъ «Еврейскія депутаціи у православныхъ епископовъ». «Литовскія Епархіальныя Вѣдомости» сообщаютъ, что, при обозрѣніи своей епархіи въ гор. Шавляхъ, епископъ Іеронимъ, при выходѣ изъ церковной ограды, былъ встрѣченъ депутаціей отъ еврейскаго городского общества съ хлѣбомъ-солью. Принимая приношеніе, владыка указалъ на то, что всѣ люди—дѣти одного Отца и что еврейскій Іегова есть тотъ-же самый Богъ, Котораго христіане славятъ въ Троицѣ, и просилъ евреевъ жить въ мирѣ съ своими сосѣдями-христіанами. Изъ Слуцка, Минской губ., сообщаютъ: недавно гор. Слуцкъ посѣтилъ преосвященный Симеонъ, епископъ минскій и туровскій. Преосвященнаго встрѣтила хлѣбомъ-солью еврейская депутація, съ раввиномъ г. Эшманомъ во главѣ. На привѣтственное слово раввина, преосвященный, въ присутствіи собранія духовенства, отвѣтилъ рѣчью, въ которой указалъ на необходимость братства и единенія между всѣми людьми, безъ различія вѣроисповѣданія. Въ заключеніе преосвященный, принявъ хлѣбъ-соль и благословивъ присутствующихъ, просилъ раввина раздѣлить этотъ хлѣбъ между всѣми присутствующими евреями и христіанами въ знакъ единства и братства». Теперь нашимъ любителямъ громленія евреевъ остается заподозрить даже православныхъ епископовъ въ «опасномъ» братаніи съ евреями. Мы, со своей стороны, образъ дѣйствій православныхъ епископовъ находимъ вполнѣ подходящихъ къ условіямъ даннаго времени. Разныя условія и обстоятельства дѣйствительно сбиваютъ съ толку темную массу, которой потомъ приходится украшать скамьи подсудимыхъ за свои заблужденія.

Въ массѣ темнаго, деревенскаго люда грѣшно вытравлять...

сущія ей начала дружелюбія и братства... Мы отказываемся понять, какимъ путомъ «отечественные» публицисты примиряютъ «цѣлость и единство отечества» съ расчлененіемъ населенія на расы и съ натравленіемъ одной расы на другую. Возбужденіе такой взаимной вражды скорѣе всего можетъ быть отнесено къ заботамъ о «расчлененіи отечества». Объ этомъ «расчлененіи отечества» очень много говорили въ серединѣ истекшаго мѣсяца по совершенно другому поводу. Читателямъ, навѣрно, извѣстно, что въ началѣ истекшаго мѣсяца въ Петербургѣ состоялся съѣздъ представителей разныхъ губерній для обсужденія вопроса объ урегулированіи хлѣбныхъ тарифовъ на желѣзныхъ дорогахъ. Представители центральныхъ губерній стали доказывать, что отдаленныя губерніи и окраины притѣсняютъ и раззоряютъ «центръ». По ихъ мнѣнію, отдаленныя губерніи и окраины заваливаютъ своимъ хлѣбомъ внутренніе рынки въ центральныхъ губерніяхъ и окончательно убиваютъ земледѣліе въ «центрѣ» Россіи». «Новое Время» напечатало рядъ писемъ, доставленныхъ въ редакцію газеты представителями центральныхъ губерній въ доказательство того, что «центръ Россіи» окончательно раззоренъ въ экономическомъ отношеніи, подъ натискомъ отдаленныхъ губерній и окраинъ. Они настаиваютъ на необходимости защитить «центръ» при помощи такихъ хлѣбныхъ тарифовъ, которые мѣшали-бы наплыву хлѣба изъ отдаленныхъ губерній и окраинъ.

Конечно, теперь трудно возвратиться къ средневѣковымъ порядкамъ, когда существовали внутреннія пошлины, но несомнѣнно, хлѣбные тарифы, возвышенные въ интересахъ защиты центра, имѣли-бы характеръ внутреннихъ пошлинъ. Но дѣло, пока, не въ этомъ, а въ общемъ воплѣ нашихъ газетъ. «Биржевыя Вѣдомости» самую идею поддержанія «центра» при помощи хлѣбныхъ тарифовъ признали «идеей расчлененія и разложенія Россіи». Газета идетъ противъ притязаній центра и доказываетъ, что расчлененіе отечества проповѣдуетъ центръ, а не окраины. «Новое Время» изъ силъ выбивается и доказываетъ, что «центръ» добивается своего укрѣпленія, а слѣдовательно и скрепленія узъ, объединяющихъ разныя части Россіи. «Биржевыя Вѣдомости» заявляютъ, что «изъ центра, если онъ дѣйствительно центръ, должны исходить лучи свѣта и тепла, въ которыхъ заключается лучшая притягательная сила». «Новое Время» спѣшитъ къ этому добавить: «Потому-то мы и настаиваемъ, чтобы русскому центру дана была возможность развивать свою духовную и матеріальную силу. Безъ той и другой какіе-же лучи свѣта и тепла могутъ исходить отъ него?»

На этотъ вопросъ можетъ отвѣтить само «Новое Время», напечатавшее рядъ писемъ о полномъ экономическомъ раззореніи центра. Мы противъ этихъ писемъ спорить не будемъ и не желаемъ обвинять «центръ» въ напрасныхъ нареканіяхъ. Въ необъятной территоріи трудно объеди-

нить мѣстности съ одними и тѣми-же интересами. Помимо другихъ причинъ, противоположность интересовъ разныхъ мѣстностей между собою и по отношенію къ центру всегда будетъ выражаться въ той или иной формѣ. Теперь идутъ несогласія по поводу хлѣба, а потомъ пойдутъ несогласія насчетъ разныхъ улучшеній, направленныхъ къ увеличенію производства хлѣба въ разныхъ мѣстностяхъ. «Центръ» опять будетъ жаловаться на то, что разныя мѣропріятія увеличиваютъ производство хлѣба въ отдаленныхъ губерніяхъ и на окраинахъ на погибель центральнымъ губерніямъ.

Быть можетъ, именно такую роль и придется играть меліоративному кредиту. На дняхъ объ этомъ кредитѣ снова заговорили «Русскія Вѣдомости». Газета указываетъ на нѣкоторые пробѣлы въ положеніи объ этомъ кредитѣ и предсказываетъ, что послѣ исправленія этого положенія, въ исторіи русскаго земледѣлія начнутся самые счастливые дни. У насъ однако, нашлись такіе оригинальные скептики, которые и въ меліоративномъ крѣдитѣ увидали вредное позаимствованіе и неподходящее подражаніе «гнилому западу». Повидимому они думаютъ что очищеніе національнаго русскаго земледѣлія отъ національно-русскихъ грѣховъ должно и можетъ послѣдовать только отъ положенія объ очистительномъ русско-національномъ кредитѣ. Вотъ въ забвеніи этой истины публицисты извѣстнаго лагеря, повидимому, усматриваютъ главную ошибку правительства и главный недостатокъ положенія о ссудахъ на сельскохозяйственныя улучшенія, отъ котораго они не ждутъ особой пользы.

Такой искусственный скептицизмъ, очевидно, не имѣетъ ничего общаго съ сомнѣніемъ, какъ всегдашнимъ спутникомъ размышленія. Сомнѣніе, конечно, неустранимо и при размышленіи о результатахъ и будущности меліоративнаго кредита въ Россіи. Оно даже полезно, такъ какъ легкомысленныя надежды землевладѣльцевъ всегда извращали не мало, быть можетъ, весьма полезныхъ начинаній. Въ данномъ-же случаѣ соблазнъ и искушеніе для легкомыслія такъ велики, что многіе будутъ рваться къ новому кредиту, не понимая, что они роютъ себѣ могилу. Распространенію легкомыслія среди нашихъ землевладѣльцевъ не мало содѣйствовала и та невѣжественная «отсебятина», которую многія изъ нашихъ газетъ съ апломбомъ выдавали за послѣднее слово теоріи въ ученіи о меліоративномъ кредитѣ. Для нихъ оставался тайной тотъ фактъ, что теорія меліоративнаго кредита—дѣло будущаго, и что въ данное время ученіе о меліоративномъ кредитѣ едва-ли можетъ быть признано существующимъ даже въ зачаточной формѣ. Это обстоятельство открыло широкій просторъ для игры того «здравомыслія», которое питаетъ особую склонность къ поискамъ за даровымъ кредитомъ, отпускаемымъ изъ казеннаго сундука. Благодаря такой склонности къ искушенію на столбцахъ нашихъ газетъ меліоративный кредитъ скоро пре-

вратился въ кредитъ «самопогашающійся». Для землевладѣльцевъ, исчерпавшихъ свою кредитоспособность, такое ученіе о меліоративномъ кредитѣ являлось настоящимъ откровеніемъ. Они использовали всѣ виды и формы кредита безъ всякой пользы и впали въ состояніе неоплатной задолженности. Оставалось просить у казны даровыхъ и безвозвратныхъ ссудъ. Казна отнеслась съ нѣкоторой холодностью къ такимъ просьбамъ и намекамъ. Наступилъ печальный 1891 годъ съ его проектами о мѣрахъ и средствахъ, могущихъ содѣйствовать поднятію отечественнаго земледѣлія. Въ правительственныхъ сферахъ остановились на такихъ формахъ кредита, которыя гарантировали-бы затрату ссудъ на разныя улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ и тѣмъ положили-бы конецъ прежнему расточенію ссудъ. Для достиженія этой цѣли меліоративный кредитъ былъ признанъ наиболѣе подходящимъ. Такія намѣренія, конечно, не особенно понравились; заговорили объ излишней опекѣ и въ концѣ концовъ договорились до отрадныхъ перспективъ, открываемыхъ новымъ самопогашающимся кредитомъ. Такимъ образомъ новый кредитъ въ концѣ концовъ оживилъ надежды нашихъ землевладѣльцевъ. Онъ былъ признанъ разрѣшающимъ мучительный неразрѣшенный вопросъ о томъ, можно-ли какимъ-либо путемъ открыть доступъ къ ссудамъ послѣ того, какъ уже все заложено и вся кредитоспособность исчерпана. Газеты разобрали этотъ вопросъ и нашли, что никакая прежняя задолженность не лишаетъ права на полученіе новыхъ ссудъ въ формѣ меліоративнаго кредита. Полная исчерпанность кредитоспособности не можетъ служить препятствіемъ для полученія меліоративныхъ ссудъ. Нѣтъ никакой надобности въ томъ, чтобы данное лицо, желающее получить меліоративную ссуду, представило какое-либо обезпеченіе для этой ссуды. Сама меліоративная ссуда создаетъ для себя и обезпеченіе. Она будетъ полностью затрачена на извѣстное сельскохозяйственное улучшеніе и это улучшеніе и будетъ служить обезпеченіемъ ссуды. Такимъ образомъ рубиконъ былъ перейденъ. Оставалось подыскать способъ уплаты процентовъ и погашенія по меліоративной ссудѣ въ виду того, что уплата процентовъ и погашенія по полученнымъ уже ссудамъ поглощала почти всю платежную способность землевладѣльцевъ. Этотъ вопросъ тоже разрѣшался очень просто. Произведенное улучшеніе должно поднять доходность даннаго хозяйства по меньшей мѣрѣ на такую сумму, какая окажется необходимой для ежегодной исправной уплаты процентовъ и погашенія.

Такимъ образомъ всѣ мучительные вопросы были легко разрѣшены и начиная съ 1891 г. къ правительству постоянно предъявлялись самыя настоятельныя просьбы и ходатайства о скорѣйшемъ введеніи «самопогашающагося» кредита. Эти просьбы и получили удовлетвореніе въ положеніи о ссудахъ на сельскохозяйственныя улучшенія. Впрочемъ, надежды, возлагавшіяся на это положеніе, въ извѣстной степени, не оправ-

дались. На ссуды безо всякаго обезпеченія могутъ надѣяться только немногіе, а большинству все-таки придется искать въ обезпеченіе ссуды что-либо подходящее для залога. Уплата процентовъ и погашенія по ссудѣ не ставится въ тѣсную зависимость отъ увеличенія доходности хозяйства. Погашеніе и проценты по ссудѣ придется платить независимо отъ того, послѣдуетъ-ли увеличеніе доходности хозяйства отъ произведеннаго улучшенія или не послѣдуетъ. Вотъ этотъ-то пунктъ, повидимому, и охлаждаетъ прежнее увлеченіе самопогашающимся кредитомъ. Можно-ли разсчитывать на поднятіе доходности хозяйства, если вообще въ данное время земледѣліе становится дѣломъ безвыгоднымъ, если не прямо убыточнымъ? Вѣдь всѣ главнѣйшіе виды улучшеній должны увеличить количество производимаго хлѣба, т.-е. вызвать дальнѣйшее пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ. Въ результатѣ, вмѣсто увеличенія доходности, может̂ъ получиться ея уменьшеніе. Пожалуй, тутъ можно вспомнить о томъ, что Россія производитъ меньше хлѣба, чѣмъ нужно для пропитанія ея собственнаго населенія. Къ сожалѣнію, одно увеличеніе производства хлѣбовъ не можетъ усилить способность населенія къ потребленію хлѣба. На рынкахъ послѣдуетъ еще большее скопленіе хлѣба, который будетъ ждать благосклоннаго вниманія заграничныхъ потребителей, заваленныхъ предложеніями лучшихъ хлѣбовъ изъ Америки,Австраліи, Египта и т. п. Словомъ, при настоящихъ, условіяхъ одно увеличеніе производства хлѣбовъ можетъ вызвать только пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ и доходности хозяйства. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что производство хлѣбовъ въ Россіи вообще не должно быть увеличено. Оно должно быть увеличено и увеличится безъ всякихъ искусственныхъ поощреній при наличности условій, благопріятныхъ для матеріальнаго и моральнаго развитія массъ населенія.

Только быстрый ростъ матеріальнаго и моральнаго развитія въ массахъ народа можетъ сопровождаться такимъ энергичнымъ воздѣйствіемъ населенія на неблагопріятныя условія природы, которое можетъ возвратить почвѣ ея истощенныя силы, возстановить истребленные лѣса, прекратить высыханіе рѣкъ и т. д. и т. д. Остановимся нѣсколько на возстановленіи истребленныхъ лѣсовъ, какъ самомъ главномъ условіи для исправленія климата и всесильной погоды. Въ положеніи о ссудахъ на сельскохозяйственныя улучшенія, между прочимъ, предусматривается и выдача ссудъ для лѣсонасажденія и лѣсоразведенія. Спрашивается, кто можетъ воспользоваться этими ссудами? Крестьяне, конечно, не могутъ ими воспользоваться, такъ какъ, за весьма рѣдкими исключеніями, они не могутъ выдѣлить изъ своихъ участковъ даже самую ничтожную площадь для лѣсоразведенія. На земляхъ частныхъ владѣльцевъ лѣсоразведеніе теперь едва-ли возможно. Во-первыхъ, едва-ли кто изъ землевладѣльцевъ согласится выдѣлить для лѣсонасажденія болѣе

или менѣе крупную площадь, такъ какъ на періодъ въ 30—40 лѣтъ пришлось-бы отказаться отъ полученія какого-либо дохода со всей площади, занятой молодымъ лѣсомъ. Во-вторыхъ, въ теченіе тѣхъ-же 30—40 лѣтъ, пришлось-бы уплачивать проценты и погашеніе по ссудѣ съ участка земли, дающаго меньшій доходъ, вслѣдствіе отвода извѣстной площади подъ лѣсныя насажденія. Спрашивается, кто изъ землевладѣльцевъ согласится нести такіе убытки—мы не скажемъ—во имя интересовъ будущихъ поколѣній, но хотя-бы даже во имя интересовъ своихъ ближайшихъ наслѣдниковъ?

Въ области психопатологическихъ явленій.

Ольга Палемъ обвинена и признана судомъ душевно здоровой. Преклоняясь предъ верховнымъ приговоромъ суда, мы должны считать дѣло Ольги Палемъ, какъ юридическій казусъ, исчерпаннымъ и сданнымъ въ архивъ. Остается, однакожъ, еще исторія Ольги Палемъ и интересъ къ ея безспорно загадачной личности. Для врача вопросъ о душевномъ состояніи Палемъ остается открытымъ, и приговоръ присяжныхъ въ этомъ пунктѣ едва-ли можетъ имѣть убѣдительную силу для психіатра. Многіе изъ насъ, русскихъ психіатровъ, руководимые чисто научнымъ интересомъ, слѣдили съ живымъ вниманіемъ за ходомъ процесса, исходъ котораго не вполнѣ разъяснилъ нѣкоторыя наши сомнѣнія и недоумѣнія. И теперь, когда дѣло Ольги Палемъ перестало существовать, когда тотъ или другой взглядъ врача-специалиста уже не можетъ имѣть характера практической тенденціи, намъ кажется, наступилъ моментъ, удобный для того, чтобы голосъ психіатра могъ быть выслушанъ спокойно, sine ira. Не претендуя на полное разрѣшеніе вопроса о душевномъ состояніи Палемъ, мы намѣрены въ настоящей замѣткѣ лишь высказать нѣкоторыя соображенія по этому поводу. Какъ во время перваго, такъ и второго судебнаго разбирательства слово «истерія» не сходило съ устъ одинаково, какъ свидѣтелей такъ и экспертовъ; даже обвинительная власть не отрицаетъ истеричности Палемъ, но даетъ иное своеобразное освѣщеніе, говоря, что «истерія есть лишь почва для болѣзни». Итакъ всѣ сходятся въ томъ, что Палемъ истерична, но расходятся въ степени, формѣ и самомъ значеніи этой истеріи для того дѣйствія, которое было объектомъ судебнаго разбирательства. Посмотримъ, что такое истерія. Послушаемъ, что говоритъ геніальнѣйшій невро-патологъ нашего вѣка Шарко, обезсмертившій себя разработкою этой болѣзни. «Изъ всѣхъ нервныхъ болѣзней истерія, говоритъ онъ, самая разнообразная по своей формѣ, симптомамъ, по степени развитія и теченія». Онъ называетъ ее

протеобразной, т. е. безпрерывно мѣняющей свою форму. Истерія есть не болѣзнь, а цѣлый классъ болѣзней. Различаютъ три основныя формы истеріи:

1) Истеричность, или истерическій темпераментъ, заключается въ крайней неустойчивости, какъ нервной такъ и душевной дѣятельности; безпрерывная смѣна настроенія, переходъ отъ экзальтаціи къ полной подавленности, отъ нервной раздражительности къ нечувствительности, смѣна крайней подвижности и оцѣпенѣнія—вотъ главныя характерныя черты такого темперамента. Психическая жизнь истерички, кромѣ неустойчивости, характеризуется еще конвульсивнымъ возникновеніемъ у нихъ самыхъ разнообразныхъ идей и чувствъ, откуда такъ называемыя ихъ капризность съ совершенно не мотивированными антипатіями и симпатіями. Эти капризы обусловливаютъ различныя иллюзіи, самообманъ; истерички прежде чѣмъ лгать и обманываетъ другихъ, обманываютъ сами себя, вѣря въ свои фантазіи. Отсюда ихъ театральность, аффектированность, позировка передъ другими и передъ собой. Резонерство, какъ слѣдствіе неустойчивости мысли, не сдерживаемой и не руководимой волей, также составляетъ обычное явленіе у истеричекъ. Воля обнаруживается у нихъ вспышками, моментами она напряжена, лихорадочна, а вслѣдъ затѣмъ какъ будто парализована. Пока эти колебанія неособенно значительны, предъ нами еще здоровый, хотя неустойчивый, мало выносливый и съ трудомъ переносимый человѣкъ. Такая истеричность представляетъ собою благопріятную почву для развитія различныхъ нервныхъ страданій. Для этого достаточно даже незначительнаго внѣшняго или внутренняго повода. Простуда, лихорадка, регулы, потеря крови, утомленіе, какое-либо напряженіе... и истеричка легко дѣлается жертвой обмороковъ, спазмовъ, и т. п.

2) Слѣдующей ступенью является истерія какъ самостоятельная нервная болѣзнь, нерѣдко развивающаяся на почвѣ общей истеричности. Какъ болѣзнь, истерія узнается не по какимъ-либо постояннымъ симптомамъ, хотя и такіе иногда имѣются, но главнымъ образомъ по періодическимъ, совершенно неправильно появляющимся и при томъ чрезвычайно разнообразнымъ припадкамъ—то въ видѣ различныхъ невралгій, то въ видѣ временнаго паралича или судорогъ, напримѣръ судорожнаго кашля, астмы, икоты, то въ видѣ дрожанія рукъ и ногъ и т. д. Поразительна наклонность такихъ больныхъ къ обморокамъ и головокруженіямъ. Самая сильная степень развитія болѣзни характеризуется появленіемъ, хотя и не часто, общихъ судорожныхъ припадковъ, такъ называемыхъ истеро-эпилептическихъ приступовъ, при чемъ сознаніе можетъ быть или вполнѣ потеряно во время припадка, или до извѣстной степени сохранено. Эта форма истеріи, такъ называемая «Hysteria gravis», всегда сопровождается различными болѣзненными явленіями въ сферѣ психиче-

ской, которыя иногда предшествуютъ припадка, иногда слѣдуютъ за нимъ и изрѣдка могутъ появляться самостоятельно въ промежутки между ними. Чаще всего это различной степени помраченія сознанія, временныя иллюзіи, галлюцинаціи, непроизвольные, какъ-бы конвульсивно зарождающіеся въ мозгу больной образы, идеи и чувства. Особенно легко развиваются у нихъ патологическіе аффекты, представляющіе собою чрезмѣрную реакцію возбужденнаго мозга на иллюзіи, ложныя идеи, имъ-же порожденныя. Въ практическомъ житейскомъ отношеніи весьма важно то обстоятельство, что одержимыя «Hysteria gravis» по временамъ почти не отличаются отъ обыкновеннаго здороваго человѣка, но въ то-же время на пути къ болѣзни, и достаточно ничтожнаго повода, чтобы послѣдняя обнаружилась. И если общая истеричность служитъ почвой для развитія истеріи, какъ нервной болѣзни, то послѣдняя, особенно-же «Hysteria gravis», представляетъ, въ свою очередь, благопріятную почву для возникновенія наиболѣе тяжкихъ формъ истерическихъ психозовъ.

Наука знаетъ цѣлый рядъ психическихъ заболѣваній, развивающихся на истерической почвѣ; таковы: истерическая меланхолія, истерическій бредъ, истерическое изступленіе и т. д. Всѣ эти острыя истерическія заболѣванія отличаются неправильностью, разнообразіемъ симптомовъ, появленіемъ свѣтлыхъ промежутковъ, примѣсью массы чисто нервныхъ признаковъ истеріи, какъ-то спазмовъ, параличей и, наконецъ, сопровождаются нерѣдко конвульсивными припадками. Со стороны психической эти болѣзни характеризуются даже въ болѣе свѣтлые промежутки нѣкоторымъ потемнѣніемъ сознанія и склонностью къ автоматическимъ поступкамъ и взрывамъ аффектовъ. Безспорно, однакожъ, что наиболѣе сложную и запутанную форму представляютъ хроническія истерическія душевныя заболѣванія. Больныя этого рода составляютъ бичъ тѣхъ заведеній, гдѣ они находятся, а для психіатра онѣ составляютъ камень преткновенія въ дѣлѣ діагноза и предсказанія. Хроническая истеричка по временамъ на видъ почти совершенно здорова, но въ сущности остается всегда нѣсколько слабоумной, легко возбуждающейся и легко направляемой то въ одну, то въ другую сторону; для нихъ характерны: періодическая смѣна подавленности и экзальтаціи, онѣ то счастливы до блаженности, до экстаза, то наоборотъ, искренне, хотя и не глубоко, несчастны.

Склонность къ капризамъ и фантазіямъ въ области мысли, къ взрывамъ аффектовъ, къ импульсивнымъ поступкамъ никогда не оставляетъ ихъ даже въ наиболѣе свѣтлые періоды. Поразительно то, что все поведеніе такихъ больныхъ, вся ихъ моральная физіономія также подвержена рѣзкимъ колебаніямъ. Въ періодъ экзальтаціи и повышеннаго самочувствія истеричка добра, ласкова, признательна, всѣмъ и всѣми довольна; оставаясь больной, она дѣлается на время сносной, въ періодъ

же угнетенія такая больная придирчива, зла, никому не довѣряетъ, все и всѣхъ подозрѣваетъ словомъ, она совершенно невыносима для окружающихъ. Болѣе чѣмъ въ какой-либо другой формѣ душевной болѣзни, при психической истеріи уходъ и обстановка, какъ въ физическомъ, такъ особенно и въ моральномъ смыслѣ имѣетъ значеніе для хода болѣзни. Достаточно малѣйшаго неблагопріятнаго повода, чтобы такая больная въ періодъ возбужденія пришла въ неистовство, а угнетеніе легко перешло въ глубокую, хотя кратковременную меланхолію. Особенно характерны для этого состоянія хронической истеріи тѣсное сплетеніе полового бреда и религіознаго настроенія, кокетства и обрядности. Сознаніе такихъ субъектовъ обыкновенно весьма ограничено и вращается въ заколдованномъ кругу нелѣпыхъ представленій и обломковъ ихъ прошлаго, оттого ихъ разговоръ носитъ на себѣ характеръ «бреда воспоминаній». Нерѣдко одно какое-либо изъ этихъ представленій, особенно въ сферѣ половой жизни, дѣлается какъ-бы неотвязчивымъ и преслѣдуетъ больную, періодически всплывая и дѣлаясь на нѣкоторое время господствующей идеей.

Сознательнаго, яснаго, опредѣленнаго отношенія ни къ себѣ, ни къ окружающимъ мы не найдемъ у такихъ больныхъ; онѣ живутъ въ какомъ-то туманномъ мірѣ полугрезъ, полумысли. Такова въ общихъ чертахъ картина хроническаго истерическаго психоза.

Вооружившись этими данными, обратимся къ Палемъ. Вся исторія ея отношеній къ Довнару носитъ на себѣ рѣзкую печать истеричности; много говорилось о ея любви къ покойному, но стоитъ только посмотрѣть холоднымъ взоромъ наблюдателя на этотъ злополучный романъ, чтобы убѣдиться, что самое ея чувство къ убитому имѣетъ мало общаго съ тѣмъ здоровымъ чувствомъ, которое одно имѣетъ право называться любовью. Стоитъ только сопоставить ея чисто собачью привязанность съ тѣми муками, которыя она терпѣла отъ нея, ея приниженность, доходящую до того, что она переноситъ отъ него самыя тяжкія оскорбленія, съ ея преувеличенными притязаніями на него и мы тотчасъ узнаемъ истерію, которая вся соткана изъ противорѣчій.

Упрямое стремленіе Палемъ сдѣлаться женой Довнара отнюдь не имѣетъ ничего общаго съ упорнымъ преслѣдованіемъ обдуманнаго плана, а производитъ впечатлѣніе неотвязчивой идеи, которою одержима Палемъ, и отъ которой она не можетъ освободиться; идея эта питается хроническими аффектами, періодически вспыхивающими. Намъ невольно припоминается аналогичный случай, который мы наблюдали. Нѣкая дѣвушка изъ психопатической семьи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ упорно преслѣдовала одного студента, имѣвшаго неосторожность, будучи еще гимназистомъ, за ней ухаживать, хотя въ чисто дѣтскомъ смыслѣ этого

слова. Она періодически появлялась въ томъ университетскомъ городѣ гдѣ онъ воспитывался, устраивала ему сцены, являлась къ нему на квартиру съ револьверомъ въ рукахъ, заставляла его слѣдовать за собой на безконечныя прогулки и, промучивъ его два-три дня, оставляла его подъ угрозой, что онъ будетъ «или ея, или мертвый». Такъ тянулось нѣсколько лѣтъ эта печальная исторія, обѣ стороны страдали невыносимо, но къ счастью онъ успѣлъ окончить курсъ и удалиться изъ раіона преслѣдованій психопатки.

Претензіи Палемъ на Довнара были весьма мало обоснованы, особенно въ первое время ихъ сожительства въ Одессѣ, а между тѣмъ она уже тогда, довольно рано обнаружила упрямство въ погонѣ за тѣнью брака. Уже въ это время, когда она не была еще измучена, мы уже видимъ ее съ револьверомъ въ рукахъ, и только счастливая случайность спасла ее отъ преступленія. Другой разъ, въ Петербургѣ, она подъ вліяніемъ семейной сцены, вскакиваетъ на окно, намѣреваясь выброситься головой внизъ на мостовую. Въ этихъ двухъ эпизодахъ обнаруживается склонность, присущая истерической натурѣ Палемъ, къ взрывамъ преувеличенныхъ, почти патологическихъ аффектовъ. Къ этому періоду жизни Ольги Палемъ имѣется одно вѣское показаніе доктора Чацкина, наблюдавшаго ее въ Одессѣ, какъ свою паціентку. По его словамъ, уже тогда у него мелькало подозрѣніе, что Палемъ психически нездоровая женщина. Докторъ Чацкинъ—опытный психіатръ, имя котораго небезъизвѣстно въ русской судебно-медицинской литературѣ. Его впечатлѣнію должно быть потому удѣлено должное вниманіе.

Въ Петербургѣ всѣ эти черты психической истеріи выступаютъ еще рѣзче. Нужно умышленно закрывать глаза, чтобы не замѣтить, сколько нелѣпаго, нецѣлесообразнаго и конвульсивнаго въ ея борьбѣ за свои сомнительныя права на Довнара, сколько наивности, граничащей съ малоуміемъ, въ ея суетливой бѣготнѣ по начальству. Какъ хотите, а въ самой идеѣ чрезъ начальство устраивать свое семейное счастье, въ ея наивной вѣрѣ въ участіе и во всемогущество этого начальства, въ томъ экстазѣ, съ которымъ она восклицаетъ: «вся петербургская знать на моей сторонѣ», въ ея готовности ежеминутно раскрыть предъ первымъ встрѣчнымъ свои сердечныя раны, всю грязь своей закулисной жизни, въ этомъ отсутствіи женской стыдливости, въ этой наготѣ души есть что-то ненормальное и чувствуется нѣчто слабоумное. Женщина не нуждается ни въ воспитаніи, ни въ образованіи для того, чтобы, слѣдуя своему здоровому инстинкту, прятать отъ людей свой позоръ и свои разочарованія.

Всякая душевно-здоровая женщина на мѣстѣ Палемъ давно отказалась-бы отъ безсильной борьбы, или вела-бы ее совершенно иначе. Дѣлать скандалы было главнымъ пріемомъ Палемъ, она не чувствовала, что

прежде всего она скандализируетъ себя и что это вѣрнѣйшій способъ сдѣлать совершенно невозможнымъ свое будущее сожительство съ Довнаромъ. Вся эта возня и суета Палемъ производитъ впечатлѣніе, если не слабоумія, то чего-то близкаго къ этому.

Болѣзнь Довнара знаменуетъ собою начало новаго болѣе остраго періода. Онъ въ больницѣ, онъ боленъ, ее оторвали отъ него. Въ одно и то-же время она безпокоится за его здоровье и жизнь, она раздражена насильственнымъ удаленіемъ отъ него, онъ находится во власти ея враговъ, и по случаю болѣзни онъ лишенъ собственной воли. Всего этого болѣе чѣмъ достаточно, чтобы потрясти кого угодно. Она, считавшая себя его женой, видитъ себя прогнанной чужими и лишена даже права ухаживать за дорогимъ ей человѣкомъ. Было-бы совершенно противоестественно, если-бы все это вмѣстѣ взятое не вызвало въ Палемъ глубокаго аффекта. Довнаръ выздоравливаетъ, первое свиданіе съ нимъ имѣетъ мѣсто при раздѣлѣ ихъ имущества въ присутствіи полиціи, и ее выгоняютъ изъ ея гнѣзда. Съ этого момента Палемъ впадаетъ въ своеобразное душевное состояніе, которое тянется вплоть до преступленія. Остановимся подробнѣе на этомъ періодѣ.

Прежде всего бросается въ глаза совершенно непостижимое обстоятельство, что во время самого раздѣла и послѣдняго свиданія Палемъ держалась сравнительно спокойно. Какимъ образомъ она, приходившая въ неистовство по поводу каждаго пустяка, такъ легко впадавшая въ истерики и обмороки, безъ сценъ, тихо и мирно прошла черезъ этотъ едва-ли не самый тяжелый моментъ ея жизни? Объясненіе можетъ быть только одно—она находилась въ состояніи душевнаго оцѣпенѣнія и едва-ли ясно сознавала происходившее. Чрезъ нѣсколько дней она приходитъ въ себя и проявляетъ лихорадочную, хотя совершенно нелѣпую дѣятельность. Она бѣгаетъ по всевозможнымъ учрежденіямъ, адвокатамъ, вездѣ жалуется на Довнара, кое-гдѣ возбуждаетъ къ себѣ участіе и сочувствіе, сама разогрѣвается, какъ-бы питается этимъ выраженіемъ сочувствія, которое еще больше ее волнуетъ и разстраиваетъ. Она добивается вынужденнаго согласія Довнара на сожительство, которое разумѣется не можетъ ей доставить ни спокойствія, ни увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Онъ ее окончательно покидаетъ, не имѣя однако-жъ силъ совсѣмъ прекратить съ ней свиданія. Въ душевномъ состояніи у Палемъ обнаруживаются новыя черты, она становится религіозной, а еще болѣе суевѣрной. Она ходитъ постоянно по церквамъ, посѣщаетъ часовню и по часамъ молится у себя дома. По показанію квартирной хозяйки, Палемъ находилась это время въ мрачномъ настроеніи. Очевидно въ ней пошатнулась ея наивная вѣра въ свое будущее. У ней остается еще одинъ фетишъ, въ который она продолжаетъ наивно и полусознательно вѣрить—то были письма къ ней Довнара, въ нихъ она теперь сосредоточила свои иллюзіи, свои права,

т.-е. все свое будущее. Но и этотъ фетишъ у нея отнимаютъ. Довнару удалось чрезъ администрацію отобрать отъ нея письма. Ударъ неожиданный и жестокій, который долженъ былъ еще больше потрясти ее. Намъ припоминается по этому поводу слѣдующій случай, который намъ пришлось наблюдать. Одна истерическая дама, потерявъ ребенка, заболѣла душевнымъ разстройствомъ. Изъ тряпокъ и подушекъ она сдѣлала себѣ подобіе куклы, не разставалась съ ней ни днемъ, ни ночью, принимая ее, очевидно, за своего ребенка, качала ее, напѣвала ей и т. д, При всякой попыткѣ отнять у нея мнимаго ребенка она приходила въ неистовство; когда она уже стала приходить въ себя, и передъ ней однажды неожиданно развернули узелъ и обнаружили отсутствіе тамъ ребенка, она впала въ конвульсивный припадокъ. Впослѣдствіи она выздоровѣла. Повидимому пачка писемъ Довнара играла для Палемъ ту-же роль мнимаго ребенка, содержа въ себѣ эссенцію самыхъ завѣтныхъ ея иллюзій и мечтаній. Жить безъ иллюзіи, безъ фетиша она однако-жъ не можетъ, взамѣнъ утеряннаго она создаетъ себѣ новое. Она ѣдетъ въ Кронштадтъ, чтобы найти утѣшеніе и подкрѣпленіе въ молитвѣ пастора, но возвращается отдуда съ письмомъ, которое дѣлается для нее новымъ фетишемъ. Она сразу вся оживаетъ, она снова полна вѣры и надежды, не сомнѣвается больше въ успѣхѣ; въ какомъ успѣхѣ, какимъ образомъ—этого она конечно и не въ состояніи объяснить. Она пишетъ въ это время къ Кандинскому: «Министръ готовъ для меня все будетъ устроить, такъ какъ онъ очень вѣруетъ въ отца Іоанна... видите, какъ все хорошо для меня устраивается, приходится очень энергично хлопотать, иначе я останусь оклеветанной... Я достигну своего, но не буду ими оскандалена. У меня надежда большая на Спасителя и письмо онъ выдалъ, что меня унизили... Узнаю, уѣхать-ли въ монастырь, если не удастся, но я и думать не хочу, что ничего не удастся». Вся путаница мыслей, вся неопредѣленность настроеній, неясность представленій, словомъ—вся психическая истерія въ этомъ коротенькомъ письмѣ. Что ей удастся, она не говоритъ, врядъ-ли она уже разсчитывала на возвращеніе Довнара. Слышится уже новая нота, она хочетъ возстановить свою честь, ее унизили, оклеветали. Она не понимаетъ, что каждый новый шагъ съ ея стороны ее еще болѣе компрометируетъ. «Успѣхъ» съ одной стороны, «монастырь» съ другой, вотъ два крайніе полюса ея настроенія.

Ведя съ Довнаромъ открытую борьбу, она однако-жъ не въ силахъ вырвать свое чувство къ нему. Жалуясь на него всюду и всѣмъ, она не перестаетъ обращаться къ нему съ нѣжнымъ призывомъ. «Саша, бойся Бога, ты меня убилъ, я съума сойду, если тебя не увижу... обращаюсь къ тебѣ, какъ къ любящему честному человѣку, спаси меня отъ отчаянія и самопожертвованія». Онъ не отвѣчаетъ ей на письма, ходатайствуетъ о ея насильственномъ выселеніи изъ столицы, а она пишетъ

ему: «Я такъ много дышала тобой, что одна въ темнотѣ чувствую твое присутствіе, знаешь, я какъ-будто стала блаженная и хотя мысленно цѣлую твои дорогіе губки, глазки и шейку». Это не мѣшаетъ ей поносить его предъ товарищами и начальствомъ и обзывать его самыми бранными эпитетами.

Сопоставимъ все это вмѣстѣ взятое—эти нѣжныя письма къ любящему человѣку и жалобы на него, выгнавшаго ее на улицу. Надежда на успѣхъ и мечты о монастырѣ, борьба съ врагами, молитвы, мысли о самоубійствѣ и въ то-же время половыя галлюцинаціи, и мы должны будемъ сознаться, что есть только одно душевное состояніе, которое въ состояніи вмѣстить въ себѣ весь этотъ pêle-mêle — это психическая истерія.

Насколько она была поглощена своими мрачными мыслями о смерти, можно судить по ея бесѣдѣ съ Лутковской; она спрашивала: «можно-ли, любя человѣка, убить его и себя». «Не поминайте меня лихомъ, мы, вѣроятно, больше съ вами не увидимся». По мнѣнію Лутковской, она еще никогда не видала Палемъ въ такомъ мрачномъ состояніи и, какъ она выразилась мужу, «быть бѣдѣ». Душевное состояніе Палемъ хорошо иллюстрируется содержаніемъ бумагъ, найденныхъ у нея послѣ преступленія. Въ одномъ письмѣ мы читаемъ: «я когда положила письма въ пакетъ, не читала ихъ, но знаю, что между ними есть такія, которыя меня оправдаютъ послѣ моей смерти; изъ нихъ видно будетъ, какъ меня... эти люди». Въ черновомъ письмѣ, не отправленномъ къ К., читаемъ: «молю каждый день Господа Бога, чтобы онъ далъ мнѣ силъ перенести всѣ страданія и удержалъ меня отъ такого ужаснаго шага, какъ убить себя на глазахъ моего тирана». Мысль объ убійствѣ и самоубійствѣ носилась, какъ призракъ, передъ глазами Палемъ, которая склонялась то въ одну, то въ другую сторону, то мечтала о нихъ обоихъ вмѣстѣ и одновременно. Въ послѣднее время передъ самымъ убійствомъ, Довнаръ возобновилъ съ ней встрѣчи и свиданія, что, конечно, должно было зажечь въ Палемъ искру иллюзій и увеличить еще больше ея душевную смуту.

Наступаетъ роковое свиданіе; немало недоумѣній вызвано было удивительной обстановкой убійства, сочетаніемъ кружки Эсмарха и револьвера. Для насъ въ этой нелѣпой комбинаціи нѣтъ ничего удивительнаго, въ ней вполнѣ отражается душевная сумятица Палемъ, жившей все послѣднее время въ хаосѣ самыхъ противорѣчивыхъ мыслей, чувствъ, образовъ и плановъ. Кружка и револьверъ являются крайними полюсами ея настроенія, сплетеннаго изъ самыхъ разнорѣчивыхъ элементовъ. Убійство совершено, и совершено въ послѣднюю минуту разставанія передъ выходомъ изъ гостинницы, гдѣ молодые люди вмѣстѣ провели 18 часовъ. Что между ними произошло—неизвѣстно. Не будемъ вѣрить

ни одному слову Палемъ и попытаемся сами возстановить эту темную полосу времени, предшествовавшую преступленію. Съ несомнѣнностью было доказано, что время было проведено нѣжно. Судя по тому, какъ продолжительно было свиданіе, какъ тихо было въ ихъ комнатѣ, надо полагать, что съ вечера они оба забыли свои старые счеты. Палемъ на время была усыплена и физически, и душевно. На другой день наступило пробужденіе, приходилось разставаться, и, какъ оба сознавали, навсегда. Можно-ли сомнѣваться, что въ Палемъ проведенная съ Довнаровъ ночь пробудила всѣ старыя мечты, оживила поблекшія иллюзіи, растравила прежнія еще не зажившія раны, оскорбленія и страданія. Быть не можетъ, чтобы она не возобновила своихъ просьбъ, увѣщаній и упрековъ, на которые онъ несомнѣнно отвѣчалъ рѣзкимъ отказомъ. Допустимъ даже, что онъ не произнесъ рокового слова, которое она ему приписываетъ. Ясно какъ день, что, истощивъ всѣ свои ласки, мольбы, увѣщанія и упреки, она по мѣрѣ наростанія въ ней гаммы волненія и возбужденія, перешла и къ угрозамъ. Въ этихъ угрозахъ, конечно, фигурировало и убійство, и самоубійство, такъ-какъ оба эти образа одинаково срослись съ ея аффектами. Послѣ всего того, что мы знаемъ о душевномъ состояніи Палемъ за этотъ періодъ, можемъ съ достовѣрностью предположить, что въ послѣднюю минуту разставанія, видя все потеряннымъ и находясь въ то-же время подъ возбуждающимъ вліяніемъ только-что перенесенныхъ ласкъ, она пришла въ состояніе сильнѣйшаго аффекта. Не будемъ настаивать на терминахъ и кличкахъ; можно назвать этотъ аффектъ патологическимъ или истерическимъ, можно предположить, что она пришла въ возбужденное полусознательное состояніе, или что въ ней вспыхнули глубоко засѣвшіе импульсы убійства или самоубійства.

Быть можетъ, она уже вслѣдъ за этой первой вспышкой пришла въ состояніе такого аффекта. Всѣ эти предположенія одинаково законны. Важно то, что налицо были всѣ внѣшнія и внутреннія условія для того, чтобы Палемъ пришла въ состояніе истерическаго изступленія, въ которомъ, какъ въ водоворотѣ, потонули послѣдніе остатки ея и безъ того слабой воли, уступивъ мѣсто конвульсивнымъ проявленіямъ ея истерической натуры.

Весьма важнымъ обстоятельствомъ служитъ то, что Палемъ стрѣляла въ себя съ той-же искренностью, если можно такъ выразиться, какъ и въ Довнара. Она пускаетъ себѣ пулю въ лѣвый бокъ около сердца, пуля пробиваетъ легкое и только случайно не задѣваетъ крупныхъ сосудовъ, и Палемъ остается жить. Выскочивъ въ корридоръ, она кричитъ: «я совершила преступленіе и убила себя». Машинально, какъ всякій раненый, она кричитъ «спасите, доктора», но не обнаруживаетъ безпокойства за себя, ее не пугаетъ близкая смерть, у нея только одна забота, одна мысль: «хочу объяснить, какъ это случилось». Въ нашихъ глазахъ

огромное значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что она не признала доктора; въ ея недовѣріи слѣдуетъ видѣть проявленіе крайняго возбужденія и полусознательнаго состоянія. Какой человѣкъ, почти смертельно раненый, станетъ провѣрять права и званія того, кто является подать ему помощь? Очевидно, самый инстинктъ самосохраненія на время умолкъ у Палемъ. Первыми ея словами были: «я убила подлеца», вслѣдъ затѣмъ она говоритъ: «я хотѣла только себя убить, но нечаянно убила его». Въ этихъ явныхъ противорѣчивыхъ ея показаніяхъ хотѣли видѣть новую ложь. Но гораздо проще допустить, что Палемъ сама не въ состояніи была отдать себѣ ясный отчетъ о томъ душевномъ состояніи ея, которое предшествовало выстрѣлу. Да наврядъ-ли она и въ тотъ самый моментъ сознавала отчетливо, куда ее больше тянетъ стрѣлять, въ себя или въ него. Мы видѣли, что обѣ эти идеи крѣпко сидѣли въ ея головѣ, то соперничая между собою, то сливаясь въ одно. Такъ онѣ слились въ одно и въ роковой моментъ, въ которой разрядилось все, до того скрытое на днѣ ея души. Ни сожалѣнія о происшедшемъ, ни жалости къ убитому,—все это является уже послѣ, когда она нѣсколько успокоилась. Тотчасъ-же послѣ убійства она начинаетъ свои показанія, имѣющія характеръ исповѣди; она открывается съ одинаковымъ пафоссомъ корридорному, и полицейскому, и доктору. Точно она говоритъ для себя, а не для другихъ. Объясненіе носитъ стереотипный характеръ, рядомъ съ общими сентенціями—«никто не виноватъ, такъ должно было случиться»—слѣдуетъ наивная до слабоумія фраза: «я помогла ему поступить въ университетъ», какъ-будто это обстоятельство можетъ оправдать ее. Доставленная въ больницу, она обнаруживаетъ замѣтное возбужденіе, «потому что я себя слишкомъ высоко ставлю, меня хотѣли поставить слишкомъ низко». Другой разъ: «развѣ господинъ министръ захочетъ меня навѣстить, тогда я ему что-нибудь скажу». Она хвастаетъ своимъ даромъ слова, выражаетъ увѣренность, что ее оправдаютъ, она влюбитъ въ себя прокурора, какой-то графъ, влюбившійся въ нее, женится на ней. Тутъ же она собирается въ сестры милосердія въ случаѣ войны съ Китаемъ. Во всемъ этомъ слышится экспансивное, повышенное самочувствіе истерички, находящейся въ состояніи экзальтаціи. Возбужденное состояніе продолжается, однако, недолго и вскорѣ Палемъ приходитъ въ относительно спокойное состояніе, по временамъ перерываемое вспышками истеріи. Послѣ перваго разбора ея дѣла, она водворена для наблюденій и испытаній въ больницу св. Николая, гдѣ въ теченіе 9 мѣсяцевъ она находится подъ наблюденіемъ извѣстнаго психіатра, доктора Чечета. Онъ тамъ наблюдалъ у больной два припадка общихъ истерическихъ судорогъ съ потерей сознанія, т. е. настоящую истеро-эпилепсію. Ея поведеніе, настроеніе, отношеніе къ окружающимъ, рѣзко выраженная смѣна періодовъ полувозбужденнаго состоянія и подавленнаго, все это не остав-

ляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и теперь психическая сфера Палемъ не перестала быть истерической не въ смыслѣ темперамента, а въ размѣрѣ настоящей болѣзни. Было-бы не только ничѣмъ не оправдываемой натяжкой, но прямо научной ложью включить припадки безсознательнаго состоянія съ судоргами въ понятіе объ истерическомъ характерѣ. Впрочемъ, вопросъ о душевномъ состояніи Палемъ, какъ въ настоящее время, такъ и въ послѣдній годъ ея жизни, имѣетъ второстепенное значеніе. Центръ тяжести заключается въ томъ, каково было состояніе Палемъ въ періодъ совершенія ею преступленія. Данныя о самомъ роковомъ моментѣ весьма скудныя, и приходится основываться на данныхъ, характеризующихъ эпохи предшествующую преступленію и слѣдующую за ней. Мы видѣли, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Палемъ находилась въ состояніи хроническаго аффекта, въ которомъ преобладали черты истерической меланхоліи. Болѣзнь, правда, не достигла высшей степени развитія, но кто знакомъ съ истерическими психозами, знаетъ, что многія жертвы этой болѣзни въ теченіе годовъ остаются на свободѣ, находясь на границѣ безумія и кажущагося здоровья. Болѣзнь маскируется съ одной стороны періодичностью, частыми свѣтлыми промежутками и, кромѣ того, резонерствомъ, которое нерѣдко принимаютъ за умъ, даже за остроуміе. И то, и другое замѣчается у Палемъ. Она по временамъ находилась въ относительно просвѣтленномъ состояніи, резонерствовала, повторяя свою печальную повѣсть, какъ затверженный урокъ, но она не выходитъ вполнѣ изъ-подъ власти тѣснаго круга представленій, чувствъ и импульсовъ, ею овладѣвшихъ. Все ея поведеніе послѣ убійства указываетъ на глубокій аффектъ и полусознательное состояніе. Судя по силѣ и продолжительности реакцій, т. е. по тому возбужденному состоянію, въ которомъ она находилась въ больницѣ, мы имѣемъ полное право думать, что и моментъ совершенія преступленія сопровождался сильнымъ аффектомъ; несомнѣнно выходящимъ изъ физіологическихъ предѣловъ. Состояніе Палемъ въ первые дни послѣ преступленія должно быть безъ всякой натяжки отнесено къ типу остраго истерическаго возбужденія съ экзальтаціями.

Не разъ указывали на склонность Палемъ ко лжи, притворству и преувеличенію; нѣкоторые припадки даже заподозривались въ естественности, ихъ находили дѣланными и во всемъ этомъ думали видѣть возраженіе противъ допущенія у Палемъ настоящей душевной болѣзни. Въ глазахъ психіатра однако-жъ эта лживость, наклонность къ притворству, при наличности истеріи, не только не уменьшаетъ значеніе послѣдней, но наоборотъ входитъ въ ея составъ, какъ обычный ея спутникъ.

Если мы, наконецъ, сопоставимъ состояніе Ольги Палемъ до и послѣ убійства Довнара, то нельзя не замѣтить здѣсь строгой послѣдовательности въ ходѣ развитія ея всего психопатическаго процесса. До роко-

вого момента господствующее настроеніе близко къ меланхоліи, по крайней мѣрѣ къ аффекту угнетенія. Послѣ она оказывается въ состояніи возбужденія близкаго къ экзальтаціи, и оба эти противоположные періода отдѣлены одинъ отъ другого моментомъ преступленія, т. е. острымъ аффектомъ. Что этотъ аффектъ не могъ быть нормальнымъ, а долженъ былъ носить характеръ чисто патологическій съ изложенной точки зрѣнія не можетъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ онъ былъ подготовленъ, созрѣлъ и развился на больной почвѣ. Мы узнаемъ также патологическую натуру этого аффекта какъ по тому состоянію возбужденія, такъ и по неявственному воспоминанію, которое замѣчается у Палемъ въ отношеніи къ моменту преступленія. Впрочемъ, на нашъ взглядъ, дѣло вовсе не въ характерѣ момента совершенія преступленія, а въ душевномъ состояніи Палемъ въ теченіе всего предшествовавшаго періода времени.

Быть можетъ, изложенные здѣсь факты и соображенія не достаточны для полнаго доказательства существованія у Палемъ опредѣленной типичной душевной болѣзни, но ихъ вполнѣ достаточно для того, чтобы исключить у нея въ этомъ періодѣ ея жизни нормальное душевное состояніе. Съ спокойной совѣстью, руководясь одними положеніями науки, психіатръ можетъ сказать, что съ ноября 1893 года, съ рокового дня раздѣла, Палемъ не выходила изъ состоянія хроническаго истерическаго аффекта, сопровождавшагося путанностью мысли, неясностью сознанія, взрывами различныхъ чувствъ и наклонностью къ конвульсивнымъ автоматическимъ поступкамъ. Въ моментъ-же совершенія убійства она находилась въ состояніи патологическаго аффекта, развившагося на почвѣ психической истеріи.

Проф. **И. Оршанскій**.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

Характерное недоразумѣніе.—Наше отношеніе къ провинціальной прессѣ и мнительность провинціальныхъ газетъ.—Изслѣдованія врачей о жилищахъ саратовской бѣдноты.—Оренбургское ауто-да-фе.—Недостатокъ въ училищахъ.—Особенности современнаго городского самоуправленія.—Страхъ думцевъ передъ «ордою образованныхъ людей».—Дѣло о диффамаціи.—Волостные писаря.

Въ сентябрьской книгѣ «Сѣв. Вѣстника», мы, какъ помнятъ наши читатели, подробно остановились на яркомъ во многихъ отношеніяхъ инцидентѣ съ установленіемъ воскреснаго отдыха для казанскихъ наборщиковъ. Мы привели рядъ документальныхъ данныхъ и постарались разобраться въ *пріемахъ*, которыми была достигнута, повидимому, благая цѣль,—такъ какъ именно эти пріемы, свидѣтельствующіе о снаровкѣ, близко граничащей съ беззастѣнчивостью, особенно поразили насъ въ органахъ *провинціальной* прессы. Безпристрастный читатель, сколько-нибудь внимательно пересмотрѣвъ нашу сентябрьскую статью, не можетъ не понять, что мы вовсе не думали возвеличить столичную печать насчетъ ея «младшей сестры». Только предвзято настроенный глазъ можетъ усмотрѣть въ нашихъ словахъ что-либо подобное. Мы сочли своимъ долгомъ обстоятельно отмѣтить некрасивыя замашки нѣсколькихъ провинціальныхъ издателей, главнымъ образомъ, вслѣдствіе сходства пущенныхъ ими въ ходъ пріемовъ съ выработанной въ этомъ направленіи тактикой столичной и иностранной прессы. Г. С. Кирилловичъ, обрушившійся на насъ въ фельетонѣ «Тифлисскаго Листка» за мнимое пренебреженіе къ провинціальнымъ газетамъ, впалъ, повидимому, совершенно искренно, въ странную и чрезвычайно прискорбную ошибку. Считая вопросъ о правильномъ отношеніи къ провинціальной печати весьма важнымъ, мы остановимся подробнѣе на этомъ недоразумѣніи, въ нѣкоторой надеждѣ на то, что намъ удастся выяснить нѣчто существенное не только г. Кирилловичу, но и другимъ его сотоварищамъ по провинціальной печати.

Заявивъ, что «г. Горевъ не находитъ ничего лучшаго, какъ третировать провинціальную печать съ усердіемъ, по истинѣ достойнымъ лучшаго приложенія»,—фельетонистъ «Тифлисскаго Листка» тутъ-же приводитъ и самыя слова, которыми мы яко-бы «третируемъ» провинціальную печать. «Для него (Л. Горева),—говоритъ г. Кирилловичъ,—всѣ дѣятели провинціальной прессы ни болѣе, ни менѣе, какъ *«жалкіе кропатели строчекъ и неудачники, завершающіе свою загубленную жизнь въ редакціяхъ»*. Подчеркнутое нами курсивомъ приведено г. Кирилловичемъ въ кавычкахъ и принято имъ за *наши* слова, какъ свидѣтельствуетъ и дальнѣйшая филиппика: «нужно *очень далеко стоять въ сторонѣ отъ провинціальныхъ газетъ*, чтобы такъ дерзко утверждать о «загубленности жизни» работающихъ въ провинціальныхъ газетахъ!..» Г. Кирилловичъ продолжаетъ въ этомъ духѣ—и съ немалымъ паѳосомъ—на протяженіи еще четырехъ столбцовъ своего фельетона, то стыдя насъ, то уговаривая «не разносить провинціальную прессу, не подмигивать зло въ ея сторону».

Между тѣмъ, приписываемыя намъ обличительныя слова противъ провинціальныхъ газетныхъ работниковъ составляютъ *буквальную выдержку* изъ «Самарской Газеты» и приведены нами на первой-же страницѣ сентябрьскаго обозрѣнія («Сѣв. Вѣстникъ», сентябрь, област. отд. стр. 14), въ кавычкахъ, съ точнымъ указаніемъ источника. Такимъ образомъ, по словамъ г. Кирилловича, «очень далеко стоящей отъ провинціальныхъ газетъ» и «дерзко утверждающей о загубленности жизни» оказывается «Самарская Газета», осыпаемая въ томъ-же фельетонѣ похвалами за свои приглашенія «новой Сандрильонѣ», т. е. провинціальной печати,—умыться, причесаться и надѣть свѣтлыя, незапятнанныя одежды. Очевидно, г. Кирилловичъ не потрудился внимательно прочесть ни нашей статьи, подвергаемой имъ такому рѣшительному обсужденію, ни статьи въ «Самарской Газетѣ», которая удостоилась его столь-же категорическаго одобренія. Одну половину нашей цитаты, хвалебную, онъ оставилъ за своимъ самарскимъ собратомъ, а другую половину—насильственно вложилъ въ наши уста.

Мы далеки отъ мысли, что журнальный обозрѣватель «Тифлисскаго Листка» впалъ въ столь грубую ошибку сколько-нибудь преднамѣренно. Насъ не можетъ не удивлять, однако, что въ своемъ фельетонѣ онъ вовсе не касается фактическаго содержанія нашей статьи и не видитъ ряда указаній, которыя могли-бы помочь ему выйти изъ по меньшей мѣрѣ неловкаго положенія. Невольно возникаетъ предположеніе, что г. Кирилловичъ ограничился одною выдержкой изъ «Самарской Газеты» и, приписавъ часть ея намъ, не счелъ нужнымъ вникнуть въ дальнѣйшія страницы. Это весьма и весьма прискорбно, такъ какъ въ нихъ онъ почерпнулъ-бы болѣе правильное пониманіе нашего отношенія къ важ-

ной просвѣтительной задачѣ провинціальной печати. Онъ прочелъ-бы тамъ, что «безлюдьемъ страдаютъ у насъ не однѣ только провинціальныя газеты» (стр. 14); далѣе онъ убѣдился-бы, что «мы сильно опасаемся, какъ-бы провинціальная печать въ погонѣ за соблазнительною популярностью не усвоила себѣ именно тѣхъ замашекъ и пріемовъ *столичной и иностранной* прессы, которые въ корнѣ подрываютъ ея культурное значеніе» (стр. 15). Изъ этихъ совершенно опредѣленныхъ строкъ онъ могъ-бы безъ особенныхъ усилій сдѣлать неожиданный для себя выводъ, что мы считаемъ провинціальную печать пока неповинной въ такихъ «замашкахъ и пріемахъ» и крайне дорожимъ ея особенностями, не позволяющими поставить ее на одну доску съ иностранными и столичными газетами. Неужели г. Кирилловичу не ясно, что мы не только не отдаемъ предпочтенія «старшей сестрѣ» провинціальной прессы, а съ глубочайшимъ огорченіемъ и истиннымъ негодованіемъ отмѣчаемъ явленія, которыя могутъ породнить провинціальную прессу со столичной, въ которой, по словамъ самого г. Кирилловича, «чуть-ли не явно торгуютъ газетнымъ листомъ» и въ которой была открыта строго организованная шайка «панамистовъ», блокадирующая лѣтніе театры». Пусть г. Кирилловичъ просмотритъ не только нашу сентябрьскую статью, но и всѣ предыдущія обозрѣнія провинціальной печати въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ»,—пусть онъ внимательно просмотритъ ихъ и укажетъ хотя-бы малѣйшій слѣдъ поползновенія превозносить столичную прессу въ ущербъ «младшей сестрѣ» ея. Откуда-же возникло такое неосновательное и несправедливое представленіе въ сознаніи г. Кирилловича? Не имѣемъ-ли мы въ данномъ случаѣ дѣло съ однимъ изъ характерныхъ проявленій заурядной *предвзятости* въ сужденіяхъ провинціальныхъ журналистовъ, когда они касаются нѣкоторыхъ изданій? И не вправѣ-ли мы указать на этотъ фактъ, какъ на одно изъ доказательствъ *силы внушенія* большихъ столичныхъ газетъ, вліящей на оцѣнки провинціальной печати? Почему не только одинъ г. Кирилловичъ, но и многіе изъ его собратьевъ по перу, послушно повторяютъ вслѣдъ за столичными газетами пристрастныя и голословныя сужденія, не позаботившись тщательно провѣрить показанія, исходящія изъ сомнительнаго, по ихъ-же воззрѣніямъ, источника? Не пора-ли провинціальной журналистикѣ выработать самостоятельные взгляды, основанные на серьезномъ изученіи, а не тянуть пассивно однѣ и тѣ-же ноты, слѣпо повинуясь взмахамъ палочекъ столичныхъ дирижеровъ?

Мы остановились на этомъ мелкомъ по своему внѣшнему значенію эпизодѣ съ исключительною цѣлью показать на живомъ примѣрѣ, какъ необходимо критическое отношеніе ко всякаго рода шаблонамъ. Сужденіе, передаваемое съ чужихъ словъ, независимо отъ своей сплошь и рядомъ вопіющей неосновательности, унижаетъ человѣческую личность,

превращая ее въ передаточный пунктъ для всевозможныхъ пошлостей, завѣдомо измышленныхъ—нерѣдко завистью и злобой. Тѣмъ цѣннѣе всякое фактическое указаніе, добытое путемъ самостоятельной иниціативы. Нельзя, напримѣръ, не остановиться съ чувствомъ истиннаго удовлетворенія на починѣ саратовскихъ врачей, гг. Матвѣева, Галлера и Соколова, подвергнувшихъ тщательному осмотру и изученію всѣ мѣстные ночлежные дома (съ 1,216 жильцами въ 17 домахъ), артельныя квартиры (476 жильцовъ въ 25 квартирахъ) и 90 постоялыхъ дворовъ, въ которыхъ зимой помѣщается до 3,500 пріѣзжихъ. «Саратовскій Листокъ», приводя результаты этихъ поучительныхъ изслѣдованій, усматриваетъ въ нихъ «яркую картину тѣхъ условій, среди которыхъ пребываетъ бѣднѣйшая часть населенія Саратова, живущая, по живописному выраженію одного писателя, *на границѣ человѣчества*».

Мы съ тѣмъ большей готовностью удѣляемъ мѣсто изслѣдованіямъ саратовскихъ врачей, что ими какъ нельзя болѣе подтверждаются выводы статьи «О жилищной нуждѣ рабочихъ», недавно помѣщенной на страницахъ нашего журнала. Нѣкоторыя явленія, какъ-бы мы ни старались хотя временно забывать о нихъ,—сами напоминаютъ о себѣ съ угрожающей настойчивостью, неизгладимо врѣзываясь въ память и воображеніе. Чтобы съ полною наглядностью представить себѣ все краснорѣчіе нижеслѣдующихъ данныхъ, достаточно лишь принять въ соображеніе, что наименьшее количество воздуха для одного человѣка въ жиломъ и хорошо вентилируемомъ помѣщеніи, допускаемое гигіеной, равняется 111 куб. аршинамъ, соотвѣтствуя маленькой комнатѣ въ 5 шаговъ длины и ширины и 4½ арш. высоты. Между тѣмъ изъ таблицъ д-ра Матвѣева видно, что средній кубическій объемъ воздуха, приходящагося на каждаго человѣка въ мѣстныхъ ночлежныхъ домахъ, равняется только 14½ кубич. аршинамъ, или въ 8 разъ менѣе минимальной нормы. Скученность чрезвычайная, въ которой «люди задыхаются въ выдѣляемой ими углекислотѣ». Въ большей половинѣ ночлежныхъ домовъ эта скученность еще значительнѣе: въ домахъ Розенберга, Гордона и Усова воздуха приходится на каждаго ночлежника въ 9 и 12 разъ меньше нормы (8, 10 и 11 кубич. арш., вмѣсто 111), въ д. Обухова на Валовой ул —въ 14 и въ 20 разъ менѣе, то-есть по 6 куб. арш. воздуха на 1 чел.; въ домахъ Михайлова, фонъ-Паули и городскомъ № 1—въ 6 разъ (отъ 13 до 22 куб. арш. на 1 чел.), у Кубасова и Попова—въ 5 разъ, въ городскомъ № 2--въ 9 разъ менѣе нормы. Во всѣхъ 17 ночлежныхъ домахъ (считая отдѣльныя зданія) въ апрѣлѣ 1896 г. помѣщалось 1,216 чел.; при осмотрѣ ихъ вездѣ обнаружена сырость и «грязь настолько сильная, что является вопросъ—подвергаются-ли они чисткѣ хотя-бы одинъ разъ въ годъ». Въ 4 домахъ нѣтъ никакой вентиляціи, въ остальныхъ фортки и вертушки или бездѣйствуютъ, или на-

глухо заколочены. Воздухъ въ частныхъ ночлежныхъ домахъ не только удушливый, но прямо гнилой, *вызывающій дурноту у непривычнаго человѣка.* Изслѣдованіе накопленія углекислоты показало, что въ большинствѣ домовъ ея въ 7—10 разъ больше той нормы, за предѣлами которой является уже *медленное удушеніе.* Д-ръ Матвѣевъ рисуетъ слѣдующую картину ночлежнаго дома ночью: масса людей копошится въ безпокойствѣ на грязныхъ нарахъ и на полу, не находя себѣ всю ночь покоя и сна вслѣдствіе полной невозможности дышать отъ громаднаго количества угольной кислоты, смѣшанной съ ядовитыми продуктами отъ тѣлъ и одежды ночлежниковъ; они сбрасываютъ съ себя всѣ прикрывающія ихъ лохмотья и остаются совершенно голыми, надѣясь хоть этимъ уменьшить мучительное чувство удушья. На минуту является обманчивое чувство, но холодъ заставляетъ ихъ вновь покрываться,—и мечется цѣлую ночь несчастный ночлежникъ на кишащей клопами нарѣ. Послѣ трудового и проведеннаго впроголодь дня онъ не спитъ, а находится только въ полузабытьѣ и просыпается съ головной болью. И кто знаетъ, сколько такихъ людей проходитъ ежедневно мимо насъ, прося «работишки» или куска хлѣба, а мы нерѣдко, взглянувъ на еле держащагося на ногахъ отъ усталости ночлежника, отвертываемся отъ него, считая его пьянымъ. Изъ общаго числа 1,216 ночлежниковъ половина (562 ч.) нѣсколько лѣтъ подрядъ живетъ въ этихъ домахъ, которыя превратились въ дешевыя квартиры съ постоянными жильцами. Частные ночлежные дома никогда не ремонтируются, а нѣкоторые изъ нихъ до того ветхи, что угрожаютъ разрушеніемъ и, слѣдовательно, опасны для жизни ихъ обитателей. Изъ 1,216 ночлежниковъ 134 неспособныхъ къ труду, не считая дѣтей (51); остальные 90% работаютъ или ищутъ работы. Одеждой имъ служатъ изодранные лохмотья, едва прикрывающіе тѣло, пищей сухой черный хлѣбъ, гнилая рыба и въ лучшемъ случаѣ—грязный кипятокъ подъ видомъ щей или супа, рубцы, печенка, горло, легкія—все это—сомнительной свѣжести, въ грязной посудѣ. Но и эта неприхотливая пища не всегда доступна жильцамъ ночлежныхъ домовъ, вслѣдствіе плохихъ заработковъ и ничтожной оплаты труда. Полуголодный и одѣтый въ отрепья, вмѣсто одежды, съ надорванными силами отъ плохого питанія и сна, выходитъ обитатель ночлежнаго дома съ зарею на поиски работы. Но работодатели знаютъ по виду, что ему цѣна грошъ, поэтому грошъ такому слабосильному рабочему и платятъ.

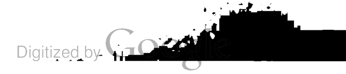
Д-ръ Матвѣевъ заканчиваетъ свой «снимокъ съ натуры» любопытнымъ подсчетомъ,—во сколько обходится ночлежникамъ пребываніе въ конурахъ, въ которыхъ углекислоты «въ десять разъ больше нормы, за которою начинается медленное удушеніе». За возможность подвергаться асфиксіи ночлежники платятъ отъ 2 до 5 коп.; если считать, что они платятъ только по двѣ коп., то всѣ содержатели саратовскихъ ночлеж-

ныхъ пріютовъ выручатъ въ годъ 5,196 р., въ дѣйствительности-же выручаютъ почти вдвое больше. А между тѣмъ наемная стоимость всѣхъ ночлежныхъ помѣщеній, по самой снисходительной оцѣнкѣ, не превышаетъ 1,500 р. въ годъ. Изъ этого приблизительнаго подсчета явствуетъ съ полною очевидностью, что дѣло призрѣнія бездомовнаго люда могло-бы быть поставлено въ Саратовѣ вполнѣ раціонально и безъ всякихъ матеріальныхъ жертвъ со стороны предпринимателей, если-бы они умѣрили свои аппетиты. Немудрено, что ночлежники задыхаются, если изъ нихъ выжимаютъ за каждый затраченный рубль втрое или вчетверо. Столь-же понятно и то, что люди, поставленные въ такія возмутительныя условія, изнуренные отъ всякаго рода лишеній, не имѣютъ силъ бороться со своими дурными инстинктами, ищутъ забвенія въ пьянствѣ и сами совершаютъ подчасъ дѣянія, отъ которыхъ становится «страшно за человѣка». До какого озвѣрѣнія, до какого помраченія совѣсти и сознанія надо дойти, чтобы отважиться на поступокъ, описанный въ слѣдующей корреспонденіи «Самарской Газеты» изъ Оренбурга: «Безобразія, безобразія и безобразія... Вотъ все, что можно сказать въ послѣднее время по адресу оренбургской жизни. Въ ночь съ 25 на 26 сентября, въ 4-й части города, было совершено возмутительное преступленіе: *какіе-то изверги сожгли женщину*. Объ обстоятельствахъ дѣла передаютъ такъ: пожарная команда 4-й части, замѣтивъ на одной изъ улицъ пламя, подняла тревогу. Когда она явилась къ мѣсту предполагаемаго пожара, то оказалось, что среди улицы горитъ женщина. Она была связана и облита керосиномъ, который съ большимъ трудомъ удалось потушить. Несчастную сейчасъ-же отправили въ больницу для оказанія медицинской помощи, но утромъ она скончалась. Покойной около 45 лѣтъ, имя и фамилія ея Марія Боброва. Въ послѣднее время она вела нетрезвую жизнь и, какъ передаютъ, занималась проституціей». Виновные не были обнаружены... Да и легко-ли, въ самомъ дѣлѣ, обнаружить истинныхъ виновниковъ въ подобныхъ проявленіяхъ «общественнаго темперамента?» Не вопіютъ-ли такіе факты, главнымъ образомъ, противъ своего первоисточника,—низкаго уровня культурности и просвѣщенія, противъ «власти тьмы», подъ покровомъ которой возможно устраивать на улицахъ большого города дикое ауто-да-фе, безцѣльно сожигая неповинную жертву? И не являются-ли такія расправы какъ-бы роковымъ напоминаніемъ, побуждающимъ съ неослабной энергіей ратовать, по мѣрѣ силъ и возможности, въ пользу неотложной, насущной необходимости принести самыя широкія жертвы дѣлу народнаго образованія. Между тѣмъ понынѣ у насъ имѣются цѣлые города, думы которыхъ за все время своего существованія не открыли *ни одной школы*. Въ г. Вяткѣ, по словамъ газеты «Вятскій Край», нѣтъ ни одного начальнаго училища, открытаго городскимъ управленіемъ и содержимаго на его средства. Существующія въ городѣ 7 начальныхъ

школъ всѣ открыты уѣзднымъ земствомъ; ихъ, конечно, недостаточно для нужды города съ 30,000 населеніемъ, тѣмъ болѣе, что большой процентъ учащихся въ нихъ составляютъ дѣти подгородныхъ крестьянъ. Немудрено поэтому, что съ наступленіемъ учебнаго года въ начальныхъ городскихъ школахъ начинаются массовые отказы въ пріемѣ дѣтей за недостаткомъ мѣста. Несмотря на то, что при этомъ очень страдаютъ дѣти обывателей г. Вятки, мѣщанъ и разночинцевъ, ни городская управа, ни мѣщанское управленіе не находятъ нужнымъ позаботиться о своихъ гражданахъ и спокойно смотрятъ на невѣжество и грубость, въ которыхъ погрязаетъ большинство не только разночинцевъ и мѣщанъ, но и купечества». Въ такомъ крупномъ торговомъ центрѣ, какъ Рыбинскъ, число школъ остается неизмѣннымъ уже втеченіе болѣе десятка лѣтъ. Въ 1882 г. въ этомъ городѣ было 5 приходскихъ училищъ, въ 1896 г. ихъ тоже имѣется пять!.. Городское управленіе г. Смоленска ровно ничего не предпринимаетъ для обезпеченія начальнаго образованія дѣтей, несмотря на то, что о необходимости увеличить число школъ, по свидѣтельству «Смоленскаго Вѣстника», въ думу неоднократно поступали заявленія со стороны мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ. Столь равнодушное отношеніе провинціальныхъ городскихъ думъ къ народному просвѣщенію объясняется низкимъ образовательнымъ цензомъ многихъ гласныхъ. Попытки повысить уровень его, посредствомъ привлеченія образованныхъ людей къ участію въ городскомъ самоуправленіи, встрѣчаютъ систематическій отпоръ со стороны представителей «черныхъ сотенъ». Въ саратовской думѣ при обсужденіи вопроса о предоставленіи избирательныхъ правъ квартиронанимателямъ, платящимъ квартирный налогъ въ пользу городовъ, одинъ изъ гласныхъ купцовъ воскликнулъ съ нескрываемымъ ужасомъ: «помилуйте! тогда въ думу нахлынетъ орда образованныхъ людей, неимѣющихъ ничего общаго съ интересами нынѣшнихъ гласныхъ». Наивный ужасъ саратовскаго думца былъ-бы смѣшонъ, еслибы его устами не гласила несомнѣнная дѣйствительность. «Орда» образованныхъ людей, еслибы возможно было представить себѣ что-нибудь соотвѣтствующее хотя въ численномъ отношеніи этому колоритному выраженію, повидимому, дѣйствительно имѣла-бы «мало общаго съ интересами нынѣшнихъ гласныхъ». Какое дѣло имъ до народнаго образованія, когда и сама она болѣе чѣмъ беззаботна по части элементарной грамоты. Въ самарскихъ газетахъ напечатаны съ соблюденіемъ подлиннаго правописанія записки двухъ гласныхъ мѣстной думы, свидѣтельствующія о глубочайшемъ пренебреженіи къ правописанію. Исполняя требованіе новаго городового положенія, эти избранники самарскихъ обывателей такъ оповѣстили о невозможности для нихъ прибыть въ думское засѣданіе: «*Вдуму явица на собранье быть не могу посемеиному обязательствомъ. И. П.*» «*Посимеинымъ объ стоятельствы Но Севоднишнимъ Собраніи быть нимогу. П.*»

Какъ-же не опасаться подобнымъ думцамъ вторженія «орды образованныхъ людей», которая, чего добраго, по примѣру большинства земствъ, станетъ больше радѣть о народномъ образованіи, чѣмъ объ интересахъ самихъ гласныхъ? Кромѣ того, образованные гласные, пожалуй, вздумаютъ требовать отъ сотоварищей болѣе старательнаго отношенія къ лежащимъ на нихъ обязанностямъ и оторвутъ ихъ отъ излюбленныхъ выручекъ и прилавковъ, не допуская такого анекдотическаго самоотреченія, какое произошло, напримѣръ, въ Новохоперскѣ. Въ этомъ богоспасаемомъ городѣ было назначено очередное засѣданіе мѣстной думы для обсужденія накопившихся срочныхъ дѣлъ. Для того, чтобы собраніе признано было законно состоявшимся, необходимо было присутствіе на немъ не менѣе десяти гласныхъ. Между тѣмъ прибыло всего девять гласныхъ, которые подождали немного, не забредетъ-ли въ думу еще который-нибудь изъ «отцовъ» города, и затѣмъ разошлись. Засѣданіе было отложено и назначено вторично. На этотъ разъ, однако, гласныхъ явилось еще менѣе, чѣмъ на первое засѣданіе, а именно всего семь человѣкъ. Руководствуясь правиломъ, что «семеро одного не ждутъ» и проученные горькимъ опытомъ, они не стали напрасно терять драгоцѣннаго времени. Вслѣдствіе этого городской управѣ пришлось препроводить подлежавшія разсмотрѣнію новохоперской думы дѣла на разрѣшеніе губернатора. Новохоперская управа не догадалась прибѣгнуть своевременно къ оригинальному понудительному способу созыва гласныхъ, съ успѣхомъ практикуемому въ Симбирскѣ. Въ этомъ городѣ, по сообщенію «Камско-Волжскаго Края», для привлеченія гласныхъ въ думу принята была энергичная мѣра: управскіе сторожа на извозчикахъ разъѣзжали по городу и упрашивали думцевъ пожаловать на засѣданіе, такъ какъ накопились вопросы, не терпящіе никакого отлагательства. Убѣдительныя аргументаціи думскихъ сторожей повліяла. Законное число гласныхъ собралось, но, торопливо рѣшивъ два—три мелкихъ вопроса, представители симбирскаго муниципалитета «запросились домой». Они встали съ мѣста и начали переглядываться, порываясь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не рѣшаясь выйти изъ зала засѣданія. Какого-же прока можно ожидать отъ преній гласныхъ, ведущихъ себя на засѣданіи, какъ лѣнивые школьники? Невольно возникаетъ предположеніе, что «интересы ихъ» требуютъ бездѣйствія органовъ городского самоуправленія. Въ думѣ бывать сами они не желаютъ, а образованныхъ людей туда не пускаютъ.

Въ какую сторону направлены пресловутые «интересы» нѣкоторыхъ думцевъ, въ достаточной степени поясняютъ слѣдующіе факты изъ дѣятельности таганрогской городской думы. Недавно въ Таганрогѣ состоялось открытіе исправительной колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ. «На освященіи колоніи,—изумляется хроникеръ «Приазовскаго Края»,—я не видѣлъ не только ни одного гласнаго, но даже ни одного члена

управы». Въ такомъ пренебреженіи къ внѣшней представительности не было-бы, по существу, ничего дурного, если-бы таганрогское городское управленіе избѣгало всякого показного церемоніала. На дѣлѣ-же оказывается, что это городское управленіе,—какъ выражается «Самарскій Вѣстникъ»,—«не прочь пофигурировать тамъ, гдѣ не только ему фигурировать не подобаетъ, но даже и не тактично». Оно не сочло унизительнымъ для себя явиться «съ визитомъ» in corpore къ сыну умершаго милліонера Вальяно, не оказавшаго никакихъ услугъ городу и, вообще, ничѣмъ, кромѣ своего богатства, не отличавшагося. То-же городское управленіе, руководясь, повидимому, однородными соображеніями, вмѣнило себѣ «въ обязанность» торжественно *поздравить* азовско-донскій коммерческій банкъ по случаю его 25-лѣтняго юбилея и даже снарядило для этой цѣли спеціальную депутацію,—подъ тѣмъ предлогомъ, что банкъ «способствовалъ развитію торгово-промышленной дѣятельности города Таганрога». Заправилы банка,—иронизируетъ цитируемая газета,—«принимая городскую депутацію, въ душѣ, вѣроятно, не мало посмѣялись надъ наивностью Таганрогскихъ городскихъ «отцовъ», такъ какъ общее собраніе акціонеровъ этого банка рѣшило перевести правленіе изъ Таганрога, вслѣдствіе *постепеннаго упадка торгово-промышленной дѣятельности этого города*. Такимъ образомъ, самъ банкъ отрицаетъ свое «благотворное» вліяніе на коммерческую дѣятельность города, констатируетъ фактъ упадка, а не развитія, а городскіе дѣятели во что-бы то ни стало хотятъ навязать ему то, отъ чего онъ открещивается обѣими руками.

Приводя рядъ этихъ фактовъ, мы принуждены оговориться. Примѣръ «Тифлискаго Листка», обвинившаго насъ въ «злопыхательствѣ къ провинціальнымъ газетамъ», когда мы разобрали прискорбное явленіе, серьезно угрожающее просвѣтительному явленію этихъ изданій, наводитъ на печальныя соображенія. Стоитъ конечно безъ всякой задней мысли и преднамѣреннаго умысла перепутать двѣ—три выдумки, безсвязно выхватить нѣсколько фразъ изъ нашего обозрѣнія,—и возникнетъ новое обвиненіе въ недоброжилательствѣ къ городскому самоуправленію. Когда мы отмѣчаемъ несоотвѣтствіе между образовательнымъ и имущественнымъ цензомъ гласныхъ, и вытекающую изъ этой коренной причины бездѣятельность провинціальныхъ муниципалитетовъ въ сферѣ народнаго образованія, равнодушіе гласныхъ къ принятымъ на себя обязанностямъ, преклоненіе передъ денежными мѣшками въ виду какихъ-то особенныхъ «интересовъ», которымъ чужда «орда образованныхъ людей»,—всѣ эти указанія, направленныя къ упорядоченію и развитію городского самоуправленія, легко могутъ быть истолкованы въ смыслѣ «высокомѣрнаго злопыхательства». Провинціальнымъ журналистамъ, столь часто привлекаемымъ къ отвѣтственности за выполненіе прямого ихъ долга, за обличеніе различныхъ отрицательныхъ явленій окружающей жизни, слѣдова-

ло-бы, по собственному опыту, проницательнѣе уловлять побудительные стимулы мнимого «третированія». Редакторы провинціальныхъ органовъ, сплошь и рядомъ обвиняемые въ «диффамаціи», должны бы научиться различать правду «по существу» отъ правды формальной. Въ этомъ отношеніи весьма любопытныя особенности представляетъ дѣло по обвиненію въ диффамаціи редактора неоффиціальной части «Кубанскихъ Вѣдомостей»,—В. В. Скидана, бывшимъ ейскимъ полиціймейстеромъ Бабичемъ, разбиравшееся въ Екатеринодарѣ выѣздной сессіей тифлисской судебной палаты. Поводомъ къ возбужденію этого дѣла послужила слѣдующая замѣтка, напечатанная въ 192 № «Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ» за прошлый годъ: «Въ Приазовскомъ Краѣ напечатано: Полиціймейстеръ города Ейска, есаулъ Бабичъ, какъ сообщаетъ «Каспій», преданъ суду по обвиненію въ томъ, что онъ установилъ сборъ съ нищихъ за право просить милостыню на ейскомъ базарѣ».

По счастливому для г. Скидана совпаденію, за два дня до разбирательства его дѣла съ Бабичемъ, послѣдній судился за свои дѣянія той-же тифлисской судебной палатой въ гор. Ейскѣ. Бабичъ вмѣстѣ съ своимъ письмоводителемъ Гайдаровымъ признаны были виновными и приговорены, по лишеніи особенныхъ правъ и преимуществъ, къ ссылкѣ на житье въ тобольскую губернію срокомъ на 12 лѣтъ. И вотъ *уже осужденый за тѣ поступки, о которыхъ «Куб. Обл. Вѣд.» помѣстили въ свое время совершенно основательную замѣтку*, г. Бабичъ явился въ судъ, въ ту-же палату, въ качествѣ грознаго обвителя за опозореніе его... добраго имени! Товарищъ прокурора отказался отъ обвиненія, и г. Скиданъ былъ оправданъ. Нетрудно себѣ представить, чѣмъ кончилось-бы это-же самое дѣло для г. Скидана, если-бы обвиненіе въ диффамаціи было предъявлено судомъ нѣсколькими мѣсяцами раньше. Насколько-же часты, такъ называемые, литературные процессы въ провинціи видно хотя-бы изъ того, что вь тотъ-же день тифлисской судебной палатой слушалось еще два процесса по обвиненію въ диффамаціи редактора газеты «Сѣверный Кавказъ», г. Евсѣева, жандармскимъ управленіемъ владикавказской желѣзной дороги. Палата, признавъ г. Евсѣева виновнымъ по обоимъ дѣламъ, присудила его: по первому — къ штрафу въ 25 руб , а по второму—къ штрафу въ 100 руб., но въ силу манифеста 14 мая 1896 г., постановила г. Евсѣева отъ штрафовъ этихъ освободить.

Коснувшись вопроса объ отношеніи нашихъ провинціальныхъ муниципалитетовъ къ народному образованію и о грамотности представителей этихъ муниципалитетовъ, приведемъ еще одинъ характерный документъ, точно воспроизведенный «Камско-Волжскимъ Краемъ». На этотъ разъ дѣло касается не простыхъ гласныхъ, а самого городского головы чистопольской думы. Онъ огласилъ слѣдующее письмо въ названной газетѣ:

«Господинъ редакторъ! Прошу васъ покорнѣйше на основаніи цензурнаго устава помѣстить слѣдующую корреспонденцію.

«Чистополь въ 211 номѣрѣ «Камско-Волжскаго Края» была корреспонденція изъ Чистополя подъ заглавіемъ (Скандалъ въ чистопольской думѣ), въ которой было брошено много грязи по моему адресу, въ корреспонденціи много неправды; что-бъ выяснить правду я обратился къ господину Начальнику губерніи съ просьбой произвѣсти слѣдствіе. Меня эта грязь нисколько не мараетъ, ибо живя въ Чистополѣ болѣе 25 лѣтъ жители меня хорошо узнали, предложили мнѣ должность Городского Головы, которымъ я состою уже девять лѣтъ, былъ всегда выбранъ громаднымъ большинствомъ голосовъ. Правда, въ дѣлахъ Управы я иногда ставлю личное Я потому, что имѣю дѣло съ человѣкомъ, который кромѣ чувашъ съ хлѣбомъ у себя на дворѣ никого не видалъ, едва можетъ сложить двѣ цифры, приходится для самозащиты и не подлежать отвѣтственности быть настойчивымъ. Я не обладаю такою храбростію какъ корреспондентъ, чтобы съ зараженнымъ револьверомъ бѣгать за отцемъ, какая его была цѣль, я не знаю, но дѣло въ судѣ, чѣмъ кончилось мнѣ не извѣстно, вѣроятно онъ съ отцемъ помирился, отецъ принимая во вниманіе, что онъ недавно вышелъ изъ военной службы и духъ храбрости въ немъ еще не погасъ, его простилъ. Въ настоящее-же время какъ Членъ Земской Управы онъ отъ нечего дѣлать стрѣляетъ вмѣсто пуль грязью въ ничѣмъ не повинныхъ людей. Городской Голова А. Бургеръ».

Послѣ этихъ образцовъ думской грамотности и статистики, представляется весьма страннымъ оптимизмъ кіевской газеты «Жизнь и Искусство», восвятившей пространную статью волостнымъ писарямъ и характеристикѣ ихъ дѣятельности. На волостныхъ писаряхъ, какъ справедливо указываетъ газета, лежитъ чрезмѣрное бремя непосильнаго труда: веденіе всей переписки, денежной и иной отчетности, дѣлопроизводство по волостному суду, по воинской и военно-конской повинностямъ, по торговой, податной, страховой и проч. отчетностямъ, руководительства по большей части безграмотными волостными старшиной и судьями, обязанность доставлять всякаго рода справки о волости учрежденіямъ всѣхъ вѣдомствъ,—губернской администраціи, центральному и губернскому статистическимъ комитетомъ, казенной палатѣ, податнымъ инспекторамъ и проч. Для выполненія всѣхъ этихъ важныхъ и отвѣтственныхъ работъ волостной писарь долженъ, очевидно, обладать обширными познаніями по различнымъ отраслямъ наукъ и законоположеній. Между тѣмъ, волостные писаря сплошь и рядомъ располагаютъ лишь ничтожнымъ образовательнымъ цензомъ, пріобрѣтеннымъ въ одноклассныхъ сельскихъ училищахъ. Газета совершенна права, заявляя, что «если въ любую канцелярію на нештатныя даже должности писцовъ требуются люди съ извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ, то тѣмъ съ большимъ основа-

ніемъ слѣдуетъ требовать извѣстнаго образовательнаго ценза, даже спеціальной подготовки отъ людей, которымъ ввѣряется такая многосложная, вліятельная и отвѣтственная должность». Указавъ на причины зла, названный органъ ставитъ рядъ требованій, одно предъявленіе которыхъ отзывается невѣроятною маниловщиной. «Прежде всего,—говоритъ. «Жизнь и Искусство»,—надо измѣнить составъ волостныхъ писарей, *привлечь къ этой дѣятельности людей образованныхъ*, по возможности спеціально къ ней подготовленныхъ. А чтобы такіе люди шли на эту должность, надо самую должность поставить выше, *обезпечить* ее правами службы и матеріально. Чтобы справляться со всею работою, лежащею на волостныхъ писаряхъ, нужна и подготовка, и спокойное, безбоязненное отношеніе къ дѣлу, а можетъ-ли быть такое отношеніе у человѣка, который чувствуетъ и сознаетъ, что не сегодня—завтра будетъ прогнанъ, иногда благодаря какому-нибудь случайному капризу. Нельзя не упрекать волостныхъ писарей въ отсутствіи безкорыстія; но этотъ недостатокъ является естественнымъ результатомъ ихъ необезпеченнаго положенія и ихъ предварительной подготовки, когда они въ качествѣ мальчишекъ—учениковъ въ писаря—жили единственно подачками приходившихъ въ волость разнообразныхъ просителей. У насъ иногда жалуются на перепроизводство образованныхъ людей. Въ городахъ *дѣйствительно замѣчается избытокъ такихъ людей*, ищущихъ копѣечныхъ заработковъ. Почему они не идутъ въ деревни? Сдѣлайте такъ, чтобы служба ихъ народу оказалась возможною и производительною,—и *намъ нечего будетъ искать людей*; они *сами найдутся* въ громадномъ избыткѣ». Пріятно и лестно читать такія строки: до сихъ поръ было твердо установлено у насъ лишь перепроизводство рафинада, да и то гг. сахарозаводчики быстро устранили это убыточное для нихъ явленіе еще болѣе убыточной для потребителей нормировкой. Теперь кіевская газета порадовала насъ извѣстіемъ объ «избыткѣ образованныхъ людей». Что-жъ, если это правда, отчего бы, въ самомъ дѣлѣ, не замѣстить нынѣшнихъ полуграмотныхъ волостныхъ писарей кандидатами университета? Не мѣшаетъ и назначить имъ тысячи по три жалованья,—тогда волостныхъ писарей не придется «упрекать въ отсутствіи безкорыстія». Если намъ «нечего искать людей», которые «сами найдутся», тогда нечего и изыскивать средства для содержанія ихъ: деньги конечно также *сами найдутся*. Проектъ кіевской газеты простъ и ясенъ; никакихъ сомнѣній и остановокъ быть не можетъ, нужно только составить штаты и—распорядиться.

Л. Горевъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I.

Представительная нація.

Нашимъ патріотамъ остается только радоваться. Самый заклятый врагъ отечества развѣ только позавидуетъ имъ. Во всякомъ случаѣ, ужъ на этотъ разъ онъ не можетъ упрекнуть ихъ въ національномъ хвастовствѣ, слыша ихъ возгласъ: «на нашей улицѣ праздникъ!» Какъ ни смотри на міръ лѣтописецъ западныхъ дѣяній, онъ обязанъ посвятить свое обозрѣніе только-что минувшаго октября не столько самому Западу, сколько Востоку Европы. Заглядывая, какъ говорятъ краснорѣчивые историки, въ глубь временъ, мы съ трудомъ ищемъ тутъ «прецедента», примѣра. Правда, если вѣрить тѣмъ-же историкамъ, была въ судьбахъ человѣчества «эпоха Николая I». Но теперь, какъ извѣстно, исторію стали трепать и передѣлывать съ разныхъ концовъ; да и канула въ вѣчность пора «героепоклонства». А та «эпоха» была, конечно, героическая. Но тѣмъ важнѣе историческій смыслъ истекшаго октября: тутъ Россія явилась на Западъ и поглотила его вниманіе не съ громами пушекъ и барабановъ, а съ оливковою вѣтвью въ рукахъ, что́ такъ-же уже признано всѣми.

Мы, съ своей стороны, сосредоточимъ вниманіе на характеристикѣ и оцѣнкѣ необычайнаго историческаго явленія. Начнемъ съ его внѣшней оболочки, какъ требуетъ того и хронологія: октябрь открывался *русскою недѣлей*, какъ уже записали быстрые французы это явленіе на послѣдней страницѣ исторіи.

Извѣстно, что, развѣ за исключеніемъ древнихъ эллиновъ, не было въ мірѣ народа болѣе представительнаго, чѣмъ французы. Никто не съумѣетъ такъ выставить товаръ лицомъ, такъ себя показать и людей посмотрѣть, такъ, при нуждѣ, смастерить чарующую обстановку, восхи-

тительныя манеры, улыбки, даже чувства: и все это съ головокружительной быстротой, съ поднятіемъ на ноги всей націи въ 24 часа. Въ этой чертѣ народной психологіи кроется, какъ мы думаемъ, и рѣдкій духъ централизаціи у французовъ, и ихъ знаменитая военная выправка, и ихъ неподражаемая артистичность во всемъ. Что-бы ни было съ этимъ народомъ, онъ всегда выкажетъ изящество, зачастую граничащее съ театральностью. Посмотрите, какъ маркизы временъ госпожи Помпадуръ умѣли «se présenter» или подавать дамѣ руку калачикомъ, за что и получались высшіе посты! И какъ кудластый санкюлотъ красиво справлялся съ гильотиной, а потомъ умиралъ подъ ней или воиспроизводилъ изящныя «потопленія» (noyades) по образцу Нероновъ да посылалъ на эшафотъ букеты изъ дѣвицъ въ бѣлоснѣжныхъ платьяхъ! Точно также во всѣ времена духъ изящества, хотя-бы самаго условнаго, господствовалъ во французской педагогіи. Онъ и сейчасъ виденъ во внѣшности каждаго француза, если поставите послѣдняго рядомъ съ человѣкомъ всякой другой національности. Онъ ясенъ и въ его языкѣ и каллиграфіи, и въ живописности всей его жизни, отъ boulevard des Italiens до деревенскаго захолустья. Никакая лордская Англія не сравнится съ этимъ внѣшнимъ аристократизмомъ великой европейской республики. И она изумительно умѣетъ сливать его съ демократическими требованіями времени: то, напримѣръ, чѣмъ любуется міръ на парижскихъ выставкахъ, есть, въ значительной степени, плодъ прикладного искусства. Нигдѣ техническое рисованіе не разлито по всей странѣ въ такой степени: съ этой стороны и «русская недѣля» представляетъ серьезное поученіе, особенно для убогаго головотяпа Щедрина.

Съ культурной стороны, значеніе описываемаго событія несомнѣнно. «Русская недѣля» оказалась новою выставкой: представительная нація съ огненнымъ темпераментомъ не можетъ дотерпѣть до новаго всемірнаго смотра 1900 года,—и она поспѣшила profiter de l'occasion. И, взявъ въ разсчетъ деликатность, сложность задачи, а также электрическую быстроту приготовленій, нельзя не признаться, что французы въ сотый разъ «превзошли самихъ себя».

II.

«Русская недѣля». Предвкушеніе и море.

Semaine russe началась 5 октября формально, но на дѣлѣ еще съ конца сентября. Мы имѣемъ въ виду развитіе того акта, который можно назвать prélude или подъемомъ чувствъ и соображеній. Такимъ докамъ по декоративной части, какъ французы, нечего было мучиться надъ внѣшнею стороной дѣла: тутъ сразу милліоны головъ взялись за изобрѣтенія, а дважды миліоны рукъ—за исполненіе «феерій». И живо вышло

нѣчто не только «неизобразимое», но и невообразимое. Вниманіе радушныхъ хозяевъ сосредоточивалось, прежде всего, не здѣсь, а на устраненіи диссонансовъ да на пріисканіи, въ археологіи страны, гармоническихъ сочетаній. Особенно много возни замѣчалось въ парижскомъ муниципалитетѣ, этомъ скопищѣ разныхъ «дикихъ» партій, которыя не хотятъ отставать, по духу новшествъ, отъ совѣта лондонскаго графства и усвоили дурную привычку показывать зубы даже своему республиканскому режиму. Но вдругъ все уладилось. Газеты почти единогласно заговорили о «патріотизмѣ» и о необходимости бросить такіе предразсудки теоретиковъ, какъ несовмѣстимость «республики и абсолютизма»: примѣръ—сама Франція, гдѣ всегда было очень много абсолютныхъ формъ, но также и республиканскаго, демократическаго духа. А затѣмъ—мудрая французская поговорка: à la guerre comme à la guerre!..

Что касается историческихъ воспоминаній, то тутъ не встрѣтилось особыхъ затрудненій. Археологія доставила даже мечъ Карла Великаго и славянское Евангеліе Анны Ярославны, супруги Генриха I, на которомъ присягали французскіе короли: нечего и говорить про цѣлую коллекцію вещественныхъ знаковъ пребыванія Петра Великаго въ Парижѣ или про такія диковинки, какъ ваза, которую Блюхеръ хотѣлъ разбить, а Александръ I спасъ. Не оказалось недостатка и въ «живыхъ традиціяхъ». Сердце третьей, великой республики, Парижъ, прежде всего, веселый хозяинъ, утолитель всякихъ печалей: безсмертное перо романиста прославило его, какъ убѣжище всѣхъ величій «en éxil», кромѣ, впрочемъ, желѣзнаго канцлера Нѣмецкой имперіи. Ex-короли, принцы, герцоги, маркизы, со своими дамами, среди которыхъ стушевывались сыновья и вдовы бывшихъ президентовъ, Мак-Магона и Карно, конечно были рады случаю снова появиться красивыми призраками въ магическомъ блескѣ: они положили свой досугъ на алтарь своего второго отечества и вообще человѣчества. А гостепріимная республика явила трогательный примѣръ мирнаго согласія когда-то враждебныхъ «домовъ» [1]).

И вотъ, вѣнценосная чета еще не ступила на почву Франціи, какъ уже все было готово въ Парижѣ... Главнымъ чудомъ была та сказочная мобилизація націи чуть не на скатертяхъ-самобранкахъ, которая возможна только въ такой необширной, глубоко культивированной странѣ, какъ Франція, только среди такой пылкой, любознательной, говорливой, довольной, веселой націи, какъ наши новые друзья. Уже 3-го октября телеграфъ оповѣщалъ ошеломленное человѣчество: «Въ Парижѣ уже цѣлый милліонъ пріѣзжихъ со всѣхъ концовъ Франціи, не считая иностранцевъ (изъ Марсели путь стоилъ всего 22 fr.!). Въ центральныхъ

[1]) Къ парадному обѣду въ Елисейскомъ дворцѣ были приглашены: экс-королева Испаніи и Неаполя, король Миланъ, герцогъ Омальскій, принцъ Генрихъ Орлеанскій, принцесса Матильда Бонапартъ, не говоря о менѣе крупныхъ ex-величіяхъ...

частяхъ движеніе почти невозможно. На вокзалахъ—нѣчто небывалое и даже невообразимое. Въ гостинницахъ уже все занято. Биржа и магазины закрываются.» Вся эта масса искала «гвоздя» или Эйфелевой башни празднества. Таковыми оказались: настоящая спаржа неимовѣрныхъ размѣровъ, а главное, внезапно распустившіеся цвѣты на деревьяхъ Булонскаго лѣса и Елисейскихъ полей,—верхъ декоративнаго искусства.

А въ это время французское море уже принимало «дорогихъ гостей». Впрочемъ, несовсѣмъ французское: то была мечта французскаго гиганта начала вѣка, который унесъ ее съ собой въ могилу среди безлюднаго океана, не успѣвъ довершить задачу Столѣтней войны. 20 англійскихъ военныхъ судовъ и 12 миноносокъ сопровождали императорскую яхту до половины Ламанша, гдѣ появился французскій флотъ изъ 22 нарядныхъ броненосцевъ. Соперники измѣрили другъ друга стальными взорами—и на царской яхтѣ картинно сталъ «паладинъ флота»,—лоцманъ, «храбрый Депрэ». Дождь смѣнился радугой—и на берегу развернулась панорама сказки, которую могутъ изобразить только художники, которые, съ Боголюбовымъ во главѣ, дѣлали наброски. Но дѣло было не въ сценахъ, а въ первыхъ словахъ, которыми обмѣнялись Россія и Франція и которыя ожидались съ напряженіемъ всѣмъ міромъ, какъ первый звукъ камертона. Президентъ великой республики, Форъ, сказалъ: «въ Парижѣ ваше величество почувствуете біеніе сердца Франціи». Глава единственной въ цивилизованномъ мірѣ монархіи отвѣчалъ: «Я *раздѣляю чувства*, которыя вы мнѣ выразили».

III.

Русскій царь въ сердцѣ республики.

5-го октября началось сердцебіеніе Франціи. Читая его описаніе, часто переносишься мыслью въ Москву. Много сходства... Самъ русскій царь выразилъ Фору «свое сердечное удивленіе» по поводу образцоваго порядка и просилъ поздравить префекта полиціи; а французское остроуміе уже прозвало Парижъ «большою гостиной» (grand salon). Здѣсь все вело къ безоблачному счастью. Погода выстояла. Вся патріотическая пьеса была разыграна, какъ по нотамъ: никто не испортилъ... Эта публика, состоявшая изъ «всего Парижа» (магазины были закрыты, всѣ служащіе и учащіеся распущены), порывалась везти завѣтную карету на себѣ: ее удерживала только французская вѣжливость, опасавшаяся «обезпокоить даму». Она съ ума сходила отъ дѣтской радости. Массы, обѣдавшія на улицахъ, ночевавшія тамъ-же или по корридорамъ, въ омнибусахъ, фіакрахъ, на лодкахъ, заглушали своими криками пушечные выстрѣлы и трубные звуки и покрывали цвѣтами мостовыя. Въ толпѣ обнимались и даже проливали слезы умиленія. Буквы

R. F. (République Française) читали: Russie, France. Въ часы выхода газетъ улицы превращались въ сплошную читальню, особенно красивую по вечерамъ, когда знаменитые бульвары представляли собой огненный сводъ на 5 верстъ. Крыши были усыпаны народомъ: въ Елисейскихъ Поляхъ каждый фонарь, каждое дерево были буквально облѣплены людьми; на Площади Согласія взбирались даже на фонтаны, промокая до костей. Услужливые «камло» продавали стулья и скамеечки по франку за минуту. Цѣлыя ночи напролетъ, на площадяхъ не смолкали пѣсни, шутки, хохотъ, не прекращались «балы». А улицы утопали въ электричествѣ, мосты сіяли разноцвѣтными огнями, и по Сенѣ сновали иллюминованныя лодки съ пароходиками.

Толпа особенно умилялась при такихъ Пуссеновскихъ картинахъ, какъ прогулки въ президентской коляскѣ, великой княжны Ольги Николаевны, посылавшей ей воздушные «безэ», да бѣлый букетъ сорока красавицъ, дочекъ «именитыхъ купцовъ», въ корсажахъ у которыхъ красовались розы noisette (любимый цвѣтъ русской царицы). Эти дѣвицы составляли гвоздь въ зрѣлищѣ закладки моста имени «Александра III»: онѣ везли, на роскошномъ баркасѣ, чудо-вазу съ цвѣтами—подарокъ французскихъ дамъ августѣйшей гостьѣ. Тутъ-же особенно ярко проявился патріотизмъ правительства. Даже камень для закладки моста изображалъ дружбу: онъ былъ составленъ изъ французскаго гранита и русскаго порфира. А когда онъ былъ положенъ и императоръ ударилъ по немъ, министръ почтъ воскликнулъ, что онъ «далъ одобреніе и *милостивое* покровительство великому дѣлу цивилизаціи и мира».

Впрочемъ, патріотизмъ выражался всякимъ на свой ладъ. Газеты, не исключая «Intransigeant'a», воспѣвали «солнце, радугу, зарю», кончали свои статьи нашимъ гимномъ и возгласами: «merci sire»—merci за эту «награду за 25 лѣтъ труда, мужества» и особенно—«благоразумія». Въ Латинскомъ кварталѣ студенты ходили веселыми шумными толпами. Въ академіи старички совсѣмъ растрогались и сознались, что ихъ дѣло—скучная матерія: президентъ Легувэ заявилъ русской царицѣ, что ея присутствіе внесетъ въ ихъ засѣданіе «нѣчто совершенно небывалое—очарованіе». Зато они оказались весьма изобрѣтательными: безсмертные посвятили свое засѣданіе изученію слова Amitié, напомнивъ этимъ міру, что они за 200 лѣтъ и вправду ушли въ своемъ словарѣ недалеко отъ буквы А. Ихъ поэтъ, Коппэ, сочинилъ пышную оду на ту-же тему...

Клареси вызвалъ неописуемый восторгъ стихомъ: «надежда свѣтитъ намъ съ сѣвера». Это было въ Оперѣ, гдѣ блистали мундиры и наряды чуть не всѣхъ вѣковъ и сословій, а актеры порусски пѣли «Боже царя храни», съ аккомпаниментомъ колоколовъ и пушечной пальбы; публика-же требовала его повторенія троекратно и кричала «ура!» Совершенная Москва! Полная иллюзія! Нашъ гимнъ распѣвали и французскіе солдаты по ули-

цамъ Версаля. Онъ слышался и по провинціямъ, гдѣ тоже праздновалась «русская недѣля» повсюду, отъ Гавра до Аячьо. Наконецъ, его заигралъ и органъ въ маститомъ соборѣ Богоматери, гдѣ кардиналъ возносилъ молитвы о здравіи русскаго государя, повелѣвъ дѣлать тоже по всѣмъ церквамъ Парижа. А французскому духовенству еще мѣшали «заявить свою привязанность» августѣйшей четѣ «массонскія секты, которыя держатъ его какъ-бы подъ остракизмомъ»; несмотря на то, что совершилось такое «обращеніе», какъ крещеніе своихъ дѣтей «однимъ либераломъ извѣстнаго типа» и «молчала свободомысленная печать, которая часто богохульствуетъ» [1]).

IV.

Смыслъ празднествъ. Республика и монархія.

Для Парижа «русская недѣля», безъ сомнѣнія, останется навѣки незабвенной. Когда, послѣ чаду восторговъ, подсчитали итоги, оказалось, что истратили 8 милл. фр., въ особенности «на сосредоточеніе войскъ въ Парижѣ и на охрану желѣзнодорожнаго пути»; но зато пріобрѣли чуть-ли не вдвое. Помимо оживленія всего матеріальнаго быта, было выпито до 11 милл. литровъ вина, было заказано безконечное число экстренныхъ поѣздовъ со скотомъ изъ провинцій. Довольно сказать, что населеніе Парижа почти удвоилось за это время: наѣхало до 2 мил. народа; ничего подобнаго не было съ выставки 1889 г. Здѣсь несомнѣнно и культурное значеніе праздниковъ: большинство пріѣзжихъ было издалека. Было много сельскихъ представителей, а также иностранцевъ. Это—мирный съѣздъ народовъ, братанье города съ деревней, средство вносить въ захолустье широкій, человѣчный взглядъ и массу познаній.

Мы склонны расширить культурный смыслъ «русской недѣли». Чѣмъ-то новымъ, гуманнымъ вѣетъ отъ той мысли, которая вчера еще казалась дикой и опасной, а теперь становится обыденной истиной, такъ какъ ее всячески доказывали и выставляли съ обѣихъ сторонъ. Это—возможность разнымъ формамъ общежитія сливаться въ высшихъ, благородныхъ стремленіяхъ, не гнушаясь заимствованіемъ добра, гдѣ-бы оно ни находилось. За исключеніемъ голосовъ завистливыхъ политикановъ стараго покроя, иностранная печать вообще признавала, что республика и монархія могутъ жить не на ножахъ, какъ прежде, а въ дружбѣ, сглаживая взаимныя угловатости.

Про французовъ и говорить нечего. У нихъ даже аббатъ Жонкэ восклицаетъ: «что Россія—монархія, а Франція—республика, это ничего не значитъ!» Единодушное мнѣніе ихъ публицистики выразилось, съ этой стороны,

---

[1]) См. любопытное письмо французскаго аббата Жонкэ протопресвитеру Янышеву.

въ слѣдующихъ словахъ нашего стараго знакомца, Анатолія Леруа-Болье [1]): «Самая форма французскаго правленія придаетъ посѣщенію царя особую цѣну для насъ и особую важность для иностранцевъ. Если-бы Франція оставалась или снова сдѣлалась монархіей, если-бы изъ засаженныхъ пустыми садами развалинъ воскресъ Тюльери и въ немъ снова жилъ-бы императоръ или король, посѣщеніе Николая II, конечно, было-бы пріятно для нашего національнаго самолюбія; но и только. Но тотъ фактъ, что мы-республиканцы, что у насъ нѣтъ ни престола, ни вѣнчанной главы, что у насъ монархія срыта до оснований, вмѣстѣ съ ея обиталищемъ, что для монарховъ уже нѣтъ во Франціи ни брата, ни ровни, который могъ-бы отвѣтить вѣжливостью на вѣжливость, дѣлаетъ шагъ Его Величества Императора Всероссійскаго еще болѣе лестнымъ, еще болѣе значительнымъ. Пусть республиканскій этикетъ Елисейскихъ Полей отдаетъ монархическими нравами, по невольному воспоминанью; пусть онъ окружаетъ нашихъ президентовъ, въ ихъ объѣздахъ, почти королевскими почестями: царь и царица дѣлаютъ визитъ не г-ну и г-жѣ Форъ, даже не республикѣ, а самой Франціи, французской націи. Уже это—фактъ новый, быть можетъ, безпримѣрный»...

Россія разумно отдѣлила форму отъ сущности. Она сдѣлала больше: впервые въ своей исторіи она выказала полное уваженіе къ чужой жизни или отсутствіе политической нетерпимости. Вся иностранная печать отмѣтила и замѣчательные крупные шаги, и даже мелочи въ этомъ смыслѣ. Нечего и говорить про положеніе представителя Франціи: тутъ, со стороны Россіи, было соблюдено полное и деликатное равенство, какъ того требуетъ достоинство великихъ державъ. Русскій царь появился въ Оперѣ даже въ черномъ фракѣ, чтобы не стѣснять своего хозяина и восторженную публику. А г-жа Форъ была неотлучной спутницей своей высокой гостьи... Весь міръ обратилъ вниманіе на то, что русская чета на каждомъ шагу выказывала глубое пониманіе той власти, которую изображаютъ собой законодательныя палаты въ представительныхъ правленіяхъ. Президенты сената и нижней палаты, Лубэ и Бриссонъ, почти наравнѣ съ Форомъ были неразлучными и столь-же почетными спутниками высочайшихъ гостей. Вниманіе распространялось и на ихъ дамъ: г-жа Лубэ сидѣла, на одномъ обѣдѣ, рядомъ съ русскимъ царемъ. И послѣднее adieu высокихъ гостей было обращено, наряду съ Форомъ, къ Лубэ и Бриссону. Давая отчетъ объ этомъ палатѣ, Бриссонъ привелъ ее въ единодушный восторгъ, напомнивъ неоднократныя слова Николая II: «Я радъ видѣть національныхъ представителей Франціи». Онъ припомнилъ еще Гамбетту, при которомъ палата (въ 1881 г.) выразила свое сочувствіе Россіи. А французы были очарованы вниманіемъ

[1]) Онъ посвятилъ большую статью «путешествію царя», въ «Revue des deux Mondes» отъ 1 октября.

русскаго царя къ могилѣ этого великаго трибуна (въ Севрѣ), точно такъ-же, какъ и вѣнкомъ, который возложенъ имъ на гробницу Карно, этого честнаго «сотрудника Александра III».

V.

Разоблаченіе великой тайны.

Но все это лишь побочныя стороны вопроса. Суть «русской недѣли»— во всенародномъ оповѣщеніи о *франко-русскомъ союзѣ.* Оно такъ важно, что иные не смѣли надѣяться, другіе боялись вѣрить. Послѣдніе всегда старались поддерживать тутъ скептицизмъ; во время самаго путешествія русской императорской четы, они какъ-бы вызывали, въ понятномъ раздраженіи, на откровенность, внушая мысль, что все это только такъ, разныя манифестаціи, которыми старая дипломатія любила пускать пыль въ глаза. Они достигли, наконецъ, цѣли, хотя къ крайнему своему прискорбію.

А, вѣдь, среди скептиковъ было не мало опытныхъ дипломатовъ! Поистинѣ изумительна сила рутины. Именно увѣренность, что Россія вѣчно останется Россіей, а Франція—Франціей, именно предразсудокъ, что между самодержавной имперіей и республикой всегда будетъ ненависть (иной мимолетный примѣръ при Павлѣ I перетолковывался психологически также въ этомъ смыслѣ), не позволяли видѣть этимъ умнымъ мужамъ то, что было ясно и профану. Всѣ столбы дипломатіи послѣдняго времени — франкфуртскій договоръ, берлинскій трактатъ, тройственный союзъ—т. е. всѣ великія дѣянія Бисмарка были вехами на пути Европы къ нынѣшнему союзу. Онъ началъ подготовляться самою силой вещей съ самаго разгрома Франціи. Поѣздка Тьера въ Петербургъ (1870) была многозначительна для будущаго, хотя она могла привести лишь къ личнымъ отношеніямъ знаменитаго француза съ княземъ Орловымъ. Если затѣмъ дѣло шло тихо, то едва-ли, главнымъ образомъ, не по винѣ самой Франціи, которая блистала тогда столь не великими умами, что ихъ не могла образумить даже «великая паника» 1875 года, хотя всѣ признавали, что тогда Россія спасла Францію отъ когтей желѣзнаго канцлера. Макъ-Магонъ любезничалъ съ Австріей, Греви—то съ Англіей, то даже съ Пруссіей. Карно уже сочувствовалъ Россіи, что́ и припомнилось теперь; но его министры, Рибо и Фрейсинэ, не довѣряли ей, а Гоблэ даже бомбардировалъ казака Ашинова въ Красномъ морѣ. Но Франціи помогалъ ея злой геній: Бисмаркъ издавалъ боевые тарифы противъ Россіи, выкидывалъ ея цѣнности съ берлинской биржи, всюду вредилъ ей и втихомолку, пока не попался, какъ школьникъ, съ болгарскими бумагами. Французы, наконецъ, поняли, въ чемъ дѣло, особенно со временъ Казиміра Перье: они стали помогать намъ вездѣ, въ особенности своими

капиталами. И... всѣ разинули рты отъ такихъ пассажей, какъ Кронштадтъ и Тулонъ, гдѣ впервые марсельеза стала сливаться съ «Боже царя храни», при восторженныхъ кликахъ двухъ націй, которыя еще во времена консульства сознавали необходимость сблизиться [1]).

Но рты оставались разинутыми цѣлыхъ 5 лѣтъ. Нужно-же было покончить съ такимъ натянутымъ положеніемъ: такова была идея перваго крупнаго шага во внѣшней политикѣ, задуманнаго новымъ императоромъ Россіи. Это было ясно уже изъ начала путешествія, особенно изъ рѣчей въ Бреславлѣ, о чемъ мы говорили въ прошлой лѣтописи. Но противорѣчивыя толки не прекращались, — и потребовался «визитъ къ самой французской націи».

Мы говорили о первыхъ словахъ, которыми обмѣнялись двѣ великія державы въ Шербургѣ. Оставалось поставить точку на *i*, какъ говорятъ французы: это и произошло въ сердцѣ Франціи. 6-го октября, на президентскомъ обѣдѣ, русскій императоръ, восхваливъ Парижъ, этотъ «источникъ такой геніальности, вкуса и просвѣщенія», сказалъ: «Вѣрный незабвенному преданію, я прибылъ во Францію привѣтствовать, въ вашемъ лицѣ, г. президентъ, главу націи, съ которою насъ соединяютъ узы, столь драгоцѣнныя, по вашимъ словамъ. Эта *дружба*, въ силу своего *постоянства*, будетъ оказывать лишь самое счастливое вліяніе».

Значеніе этого тоста для французовъ точно выражено газетой «Journal des Débats»: «Царь хотѣлъ успокоить колеблющихся, робкихъ пессимистовъ, которые нуждались въ успокоеніи и воздерживались отдаться потоку энтузіазма, увлекающему всю Францію къ болѣе свѣтлому будущему». Немудрено, что царское слово «растрогало до слезъ» присутствовавшихъ мужей власти и значенія и даже заставило ихъ, забывая этикетъ, горячо привѣтствовать его. А на улицахъ не только многіе плакали отъ восторга, но толпа «дѣлала необычайныя усилія», чтобы не понести экипажъ дорогихъ гостей на рукахъ, и раза два прорвала таки

[1]) Вотъ слова *конференціальной записки Кочубея*, 17 апрѣля 1802 г.: «Обѣ державы, на крайностяхъ, такъ сказать, Европы находящіяся, другъ другу вредить не могутъ, а соединяся важное вліяніе вездѣ имѣть могутъ». То-же самое выражено въ донесеніи Талейрану Эдувиля, французскаго посла въ Петербургѣ отъ 25 апрѣля (н. с.) 1802 г. См. изданныя нами *Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I* (Сборникъ Импер. рус. ист. Общества, томы 70, 77, 82, 88). Это—собраніе неизданныхъ важнѣйшихъ бумагъ нашего и парижскаго архивовъ за 1802—1808 гг. Въ немъ часто повторяется указанная тема, придающая особое значеніе современнымъ событіямъ. Оттого вдвойнѣ—и въ интересахъ науки, и въ интересахъ нашей государственной жизни — прискорбно, что помянутое документальное собраніе остается незаконченнымъ. Мы вправѣ надѣяться, что Императорское русское историческое Общество не замедлитъ съ его продолженіемъ, такъ какъ уже болѣе 2 лѣтъ тому назадъ нами переданы въ его распоряженіе избранные списки бумагъ парижскаго архива до 1815 года, открытыхъ намъ полностью впервые, благодаря любезности французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ.

цѣпь, смявъ войска. И солидный «Temps» проронилъ новое слово о значеніи науки: «самые ничтожные факты нынѣшняго дня будутъ занесены въ исторію». А «Journal des Débats» выступилъ съ предложеніемъ назвать Ольгой всѣхъ французскихъ дѣвочекъ, родившихся въ октябрѣ, что́ также бывало въ исторіи.

Но Россія хотѣла довершить счастье Франціи. На возвратномъ пути, въ шалонскомъ лагерѣ, гдѣ было болѣе 3,000 однихъ офицеровъ и до 150,000 зрителей со всей страны, императоръ сказалъ, въ отвѣтъ Фору, который рыцарски привѣтствовалъ царицу, какъ «улыбку счастливаго предзнаменованія»: «Вы правы, обѣ страны связаны *неизмѣнною дружбой* (inaltérable amitié), точно также какъ между нашими обѣими арміями существуетъ глубокое чувство братства по оружію».

Тутъ ужъ было не до этикета. При подчеркнутыхъ твердымъ тономъ словахъ о дружбѣ, послѣдовалъ взрывъ рукоплесканій. Старые и молодые офицеры, дипломаты, министерство—все проливало слезы умиленія. Толпа словно опьянѣла. Она осыпала цвѣтами экипажъ отъѣзжающихъ гостей. Рабочіе махали шляпами. Женщины поднимали дѣтей къ маленькой великой княжнѣ и кричали: «Au revoir, la tzarine!» Затѣмъ военный министръ отмѣнилъ дисциплинарныя наказанія въ войскахъ; а парижанки стали вышивать золотомъ шалонское слово царя. Вся французская печать захлебывалась отъ восторга. Она свидѣтельствовала, какъ сказалъ «Rappel», что «франко-русская дружба вторично подтверждена». А «Matin» заявилъ, что между друзьями была заключена военная конвенція еще въ 1890 г. которая была дополнена, въ 1894-мъ, дипломатическимъ протоколомъ, а теперь подписанъ формальный союзный договоръ.

Во всякомъ случаѣ, всѣ видѣли, что управляющій нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, Шишкинъ, бесѣдовалъ по-часту и по-долгу съ своимъ французскимъ коллегой, Ганото, и наканунѣ «русской недѣли», и тотчасъ по отъѣздѣ высокихъ гостей. Императоръ прислалъ еще съ границы президенту дружескую благодарственную телеграмму. А недѣлю спустя, «Journal de St. Pétersbourg» тепло вспоминалъ «эти чудные дни» и восхвалялъ французовъ за «единодушный патріотизмъ», вызванный «столь великимъ событіемъ». Еще 10 дней спустя, онъ заявилъ то-же самое, по поводу перваго засѣданія французскихъ палатъ (27 октября), гдѣ Лубэ, Бриссонъ и министры удостовѣрили міръ о господствующемъ во Франціи «духѣ патріотическаго единенія», вызванномъ «окончательнымъ освященіемъ узъ прочной дружбы между двумя великими и гордыми націями». Наконецъ, въ Петербургѣ, видно, надоѣлъ скептицизмъ, который умышленно продолжала поддерживать въ особенности англійская печать. Газета «Nord» выразилась уже какъ нельзя больше ясно: «Мы опять заговорили объ этомъ единственно лишь для того, чтобы лишній разъ подтвердить, и притомъ съ такимъ авторитетомъ, какимъ

не могутъ обладать въ данномъ случаѣ англійскія газеты, что *франко-русскій союзъ* представляетъ договоръ положительный и *вполнѣ реальный* (l'alliance franco-russe est un pacte positif et bien réel) и что онъ составляетъ лучшее обезпеченіе мира Европы»...

VI.

«Тройственница» и «двойственница».

Въ исторіи, естественно, всегда чувствовалось всеобщее содроганіе, когда поворачивались съ боку на бокъ такіе левіаѳаны, какъ Россія и Франція: вѣдь, они, дѣйствительно, представляютъ соединеніе двухъ колоссальныхъ энергій—одна по своимъ внѣшнимъ, другая по внутреннимъ силамъ. Довольно вспомнить такіе случаи, какъ превратности въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ эпоху Наполеона I, при Павлѣ I и Александрѣ I [1].

Конечно, прежде всего, возникаетъ великій вопросъ о судьбѣ знаменитой «тройственницы» (triplice), какъ называютъ уже надоѣвшій всѣмъ союзъ Германіи, Австріи и Италіи,—это «геніальное» твореніе желѣзнаго канцлера, который теперь вдругъ и выскочилъ еще разъ на сцену, какъ увидимъ ниже. Въ самомъ дѣлѣ, какъ устоять этому искусственному пережитку старомодной дипломатіи, который уже доказалъ, что онъ противенъ всѣмъ лучшимъ вожделѣніямъ человѣчества, не достигая именно своей цѣли, даже вредя своимъ-же творцамъ? Если-бы это сатанинское значеніе тройственницы не было уже достаточно обнаружено, то послѣ «русской недѣли» естественно поднялся-бы вопросъ объ ея упроченіи и, главное, расширеніи. Но теперь, въ виду «двойственницы» (какъ уже начинаютъ называть франко-русскій союзъ), напротивъ, столь-же естественно возникъ вопросъ о самомъ ея существованіи. И съ нимъ нельзя медлить: грозное положеніе, принятое восточнымъ вопросомъ, этимъ кольцомъ дипломатическихъ ключей всякихъ размѣровъ, требуетъ немедленнаго рѣшенія.

Откуда должно послѣдовать это рѣшеніе? Передъ нами любопытный и неожиданный фактъ, еще болѣе свидѣтельствующій о наступленіи *новой дипломатической эпохи*. Казалось-бы, тутъ пальма первенства, по всѣмъ правамъ, должна принадлежать нѣмецкому левіаѳану. А онъ стушевывается, молчитъ или противорѣчитъ самъ себѣ, — словомъ, не знаетъ, на какую ногу стать. То онъ сердится и бранится въ своей стоустой печати, то ластится, въ лицѣ нѣмецкаго императора, который обѣщаетъ «отдать визитъ» весной въ Петербургѣ, а пока столь внезапно прибылъ въ Дармштадтъ. Мало того: Михель даже опозорился, въ лицѣ своего

[1] Ихъ значеніе можно прослѣдить, во всѣхъ жизненныхъ подробностяхъ, по тѣмъ архивнымъ документамъ, о которыхъ мы упоминали выше.

отставного генія, какъ сейчасъ увидимъ, и словно самъ хочетъ доканать тройственницу. Вершителемъ судебъ, наряду съ друзьями, выступаетъ не Германія, а Англія. И ведетъ она себя крайне занимательно, поражаетъ обѣ стороны сюрпризами. А британскій левъ—дѣйствительная сила.

Уже въ прошлый разъ мы видѣли, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила Англія за каждымъ шагомъ августѣйшихъ путешественниковъ и какъ она изворачивалась, сообразно съ ихъ движеніями. Мы отмѣтили отбой въ ея печати, по всей линіи, какъ только выяснилось, что Россія не потерпитъ ничьего «отдѣльнаго» вмѣшательства въ восточный вопросъ. При этомъ ясно было видно, что новѣйшая вражда между Лондономъ и Берлиномъ, по поводу африканскихъ дѣлъ, слишкомъ обострилась: англичане подсмѣивались надъ надеждами нѣмцевъ снова залучить Россію въ свои объятія и, кажется, сами мечтали о томъ-же.

Сольсбери дѣйствительно показался въ Бальморалѣ. Но тамъ ему дали понять, что это свиданіе—чисто семейнаго свойства. Русскій посолъ Стааль оставался въ Биркаллѣ, неподалеку отъ Бальмораля, и, вѣроятно, увлекался охотой, также какъ и гости. Сольсбери, лишенный даже своего политическаго секретаря, показалъ только обширный докладъ по восточному вопросу—и долженъ былъ снова спрятать его въ карманъ. А затѣмъ англійская печать всѣхъ оттѣнковъ начала доказывать пуще прежняго нелѣпость «отдѣльнаго дѣйствія» и все больше склонялась къ мысли, что слѣдовало-бы сдѣлать что-нибудь въ Африкѣ, «по соглашенію съ Франціей». Въ то-же время съ разныхъ сторонъ пошли комплименты Россіи: епископъ петерборскій, бывшій въ Москвѣ на коронаціи, расхвалилъ даже, на одномъ митингѣ, русскихъ за то, что ихъ дворянство обнаружило передъ нимъ изумительное знакомство «съ англійскими порядками», — конечно оттого, что оно читало «Русскій Вѣстникъ» г-на Каткова. И тогда-же этотъ епископъ былъ повышенъ въ санъ лондонскаго владыки. Когда вышла книжка извѣстной нашей соотечественницы и политическаго друга Гладстона, Новиковой (Russia and England; proposals for a new departure), гдѣ совѣтуется Англіи оставить Кипръ (мысль покойнаго князя Лобанова), либеральныя газеты Англіи начали внушать тоже самое маркизу Сольсбери, чтобы этимъ купить «сближеніе съ Россіей». На «русскую недѣлю» англичане отвѣчали любезными улыбками, причемъ опять задѣвали косвенно нѣмцевъ. Либеральныя газеты совѣтовали даже своей королевѣ, указывая на русскаго царя, отказаться отъ монархическихъ пристрастій и сдѣлать визитъ республикѣ. «Times» воздавалъ должное миролюбію Россіи и поздравлялъ Францію съ блестящею дипломатической побѣдой, съ ниспроверженіемъ «шедевра» Бисмарка; «Daily Telegraph» возвѣщалъ, не безъ злорадства, объ ослабленіи тройственницы.

Паденіе послѣдней связываютъ, главнымъ образомъ, съ поведеніемъ

Италіи. Тамъ, конечно, органы Криспи называютъ двойственницу «величайшимъ бѣдствіемъ 19-го вѣка». Но этому злому генію Италіи уже не добиться власти. Всѣ независимыя газеты обрадовались случаю громить ненавистную тройственницу, которая ввела несчастную Италію въ неимовѣрныя военныя издержки—болѣе чѣмъ на 2 милліарда франковъ! А нынѣшнее министерство, согласно съ требованіемъ общественнаго мнѣнія, еще до русской недѣли заключало переговоры съ Франціей и наладило только-что совершившійся бракъ итальянскаго наслѣдника съ черногорской княжной. Теперь австрійскія и германскія газеты переполнены тревожными слухами объ «измѣнѣ» Италіи. Онѣ обрадовались-было тому, что Ватиканъ сталъ очень любезенъ съ Петербургомъ и поздравилъ Францію съ новымъ союзомъ; но «Nord» поспѣшилъ увѣрить ихъ въ равномъ расположеніи Россіи, владѣющей 10-ю милл. католиковъ, какъ къ папѣ, такъ и къ Квириналу. И у Австріи уже до того утрачивается надежда на тройственницу, что она налаживаетъ союзъ съ Румыніей, къ которому хочетъ присоединиться Сербія, въ виду успѣховъ своей сосѣдки, Черногоріи, а также, какъ говорятъ, и Греція: въ Бухарестѣ только-что произошло свиданіе королей Сербіи и Румыніи, тотчасъ послѣ визита туда императора австрійскаго.

VII.

«Вопіющая несправедливость».

Сказаннаго достаточно, чтобы, при самомъ хладнокровномъ, научномъ взглядѣ, придавать «русской недѣлѣ» историческій смыслъ. Но этого мало. Пока обнаружатся глубокія послѣдствія двойственницы для отдаленнаго будущаго, есть сейчасъ великое живое дѣло, на которомъ отразится вся ея сила. Это—«вопіющая несправедливость», какъ назвалъ на-дняхъ Турцію «великій старецъ» Англіи. Восточный вопросъ въ разгарѣ, хотя въ октябрѣ пожаръ былъ не такъ эффектенъ, какъ въ сентябрѣ.

Въ прошлый разъ мы высказали печальную увѣренность въ возможности новыхъ «звѣрствъ», новыхъ подвиговъ «великаго убійцы», какъ называютъ въ Англіи султана, съ легкой руки Гладстона. Такъ и вышло. Октябрь былъ мучительнымъ мѣсяцемъ для подданныхъ Порты всякихъ религій. Могло-ли быть иначе, когда правительство почіетъ на лаврахъ, съ азіатской безпечностью, а назрѣвшія потребности населенія, и не одного только христіанскаго, просятся наружу во что-бы то ни стало? Никакихъ «реформъ» не происходило, какъ мы и предсказывали: Портѣ просто недоступно это понятіе; какъ всякое ретроградное правительство, она видитъ въ немъ лишь крамолу да собаку, которая бѣсится съ жиру. Критяне уже хлопотали о заграничномъ займѣ для выкупа земель

у турокъ—новый способъ безкровнаго рѣшенія политическихъ вопросовъ и новое свидѣтельство силы экономическаго интереса. Но откуда взять денегъ? Армянскій главный комитетъ, въ запискѣ отъ 3-го октября, жаловался державамъ, что теряетъ всякую надежду хотя-бы на «палліативы», и снова просилъ у нихъ помощи, горячо опровергая «безсмысленный» слухъ объ его намѣреніи взорвать на воздухъ дома пословъ. Послы снова обращались къ Портѣ «съ весьма серьезными» представленіями, а представители Соединенныхъ Штатовъ, Испаніи, Голландіи и Греціи домогались поставить своихъ стаціонеровъ въ Константинополѣ. Порта отклонила требованіе послѣднихъ, ибо ихъ государства не подписывали берлинскаго трактата, а первыхъ кормитъ попрежнему обѣщаніями. Самъ-же «великій убійца» собирается привлечь Гладстона, за диффамацію, къ суду... Въ то-же время Порта назначила въ пяти санджакахъ Малой Азіи вице-губернаторовъ изъ христіанъ.

А между тѣмъ, казни, аресты и высылка армянъ идутъ своимъ чередомъ; и полиція и военные патрули все усиливаются. Армяне, съ своей стороны, конечно, не желаютъ, чтобы ихъ рѣзали, какъ барановъ на шашлыкъ. Вопросъ о жизни и смерти охватываетъ всѣ ихъ слои: на-дняхъ у двухъ армянокъ въ Перѣ нашли динамитныя бомбы. Тайные комитеты собираютъ оружіе и деньги путемъ поголовнаго налога, особенно среди богачей, которыхъ у нихъ не мало, причемъ достается и шпіонамъ, и измѣнникамъ. 26 октября было сдѣлано покушеніе на завѣдующаго армянскимъ патріархатомъ, угодника Порты [1]), а по слухамъ, грозили и нашему послу, Нелидову. Французскій посолъ получилъ удостовѣреніе, что равнодушіе Европы доведетъ армянъ до «невиданныхъ еще» манифестацій. А на-дняхъ опять загорѣлось въ многострадальной Анатоліи: 23 октября въ Ванѣ 6,000 вооруженныхъ армянъ внезапно напали на турецкій гарнизонъ и избили его; 29-го телеграфъ извѣщалъ лаконически, что въ Смирнѣ «серьезные безпорядки».

VIII.

Разложеніе османліевъ.

И всюду продолжается разложеніе «вопіющей несправедливости». Въ Албаніи опять «безчинства» арнаутовъ: стычки по деревнямъ съ турецкими властями. Въ Македоніи инсургенты разбили турецкій отрядъ. «Четы» остановлены лишь тѣмъ, что разграничительная коммиссія прирѣзала къ Болгаріи земли, всегда считавшіяся турец-

[1]) Бывшій патріархъ, патріотъ Измирліанъ, бѣжалъ вмѣстѣ со многими богачами изъ армянъ. Въ одной Болгаріи насчитывается до 20,000 армянъ, и то только снабженныхъ иностранными паспортами. Въ Греціи болѣе тысячи армянъ живутъ въ шатрахъ и питаются подаяніемъ.

кими. Но важнѣе всего, что сами османліи теряютъ терпѣніе. Въ ихъ передовыхъ рядахъ ростетъ движеніе, которое таилось давно, еще съ конституціи 1877 г. Партія «младо-турокъ» организуется и вступаетъ въ соглашеніе съ армянами. Во главѣ ея стоитъ эмигрантъ, бывшій министръ Мурадъ-бей, орудующій въ Парижѣ въ пользу введенія парламента для всѣхъ подданныхъ Порты, подъ надзоромъ великихъ державъ. Въ его комитетъ, конечно, заглядывалъ и юный египетскій хедивъ: по крайней мѣрѣ, египетская принцесса Назли состоитъ его постояннымъ членомъ. Въ самомъ Стамбулѣ много младо-турокъ: то и дѣло арестуются софты, улемы и офицеры, въ томъ числѣ приближенные султана, въ родѣ маршала Фуада-паши. А на улицахъ появляются афиши, требующія увольненія негодныхъ министровъ, устраненія безшабашной камарильи.

А правительству, можно сказать, нечего ѣсть. Безденежье—небывалое даже для привычной къ голодовкѣ Порты. Въ бюджетѣ 3 милл. турецкихъ фунтовъ дефицита. Солдаты ропщутъ, рабочіе въ арсеналѣ шабашатъ, не получая жалованья; а верховный коммисаръ въ Анатоліи, Шакиръ-паша, посланный «для реформъ», плачется, что населеніе, подъ вліяніемъ армянскихъ комитетовъ, вовсе не платитъ податей. Изъ Крита тоже доносятъ: какія тутъ тебѣ реформы, когда ѣсть нечего! Порта бросилась къ иностраннымъ банкирамъ: никто не даетъ, особенно въ виду вражды Англіи. Тогда задумали собрать до 25 милл. франковъ путемъ «принудительнаго» поголовнаго налога, распуская слухъ, что хотятъ вооружить весь народъ, въ виду крайней бѣды. Но тутъ возстали послы: они пришли въ ужасъ. И есть отъ чего. Мы уже видѣли въ прошлый разъ, на какія «звѣрства» способна безчисленная полудикая орда. Чего-же ожидать теперь, когда принудительный заемъ 5 ноября (по 5—20 піастровъ съ души, по достатку, а кто дастъ больше 2,000, тому именная медаль) объявленъ только для 12 милліоновъ *мусульманскихъ* подданныхъ султана, и имамы уже начали взывать, въ мечетяхъ, къ истребленію армянъ «и христіанъ, стремящихся погубить Турцію!» Правда, для успокоенія пословъ, Порта переименовала налогъ въ «добровольный»; но сущность дѣла отъ этого не измѣнилась: уже при всѣхъ казначействахъ, въ санджакахъ, образуются коммиссіи для сбора денегъ, и султанъ уже закупилъ 2,000 ружей. При этомъ любопытно, что нетурецкимъ газетамъ воспрещена перепечатка указа о знаменитомъ налогѣ.

Такъ, Порта сама распаляетъ фанатизмъ. Она вызываетъ въ правовѣрныхъ ненависть къ «невѣрнымъ» ежедневными арестами и ссылками армянъ, такими конфискаціями у христіанъ, какъ 500 «дубинокъ», которыя оказались метлами для конокъ, да оповѣщеніями о присылкѣ ужасныхъ бомбъ и кинжаловъ, о прибытіи сотенъ революціонеровъ изъ-за границы и т. п. И она пользуется этими слухами, чтобы добиться от

пословъ права обыска даже въ домахъ и на судахъ европейцевъ. А въ то-же время ей приходится, изъ страха мятежа, арестовывать множество турокъ, даже военныхъ, въ особенности-же духовныхъ лицъ. Въ Илдызъ-Кіоскѣ теряютъ голову; какъ всегда въ такихъ случаяхъ, тамъ закипѣла распря между самими наперсниками султана.

И вотъ, сейчасъ мы читаемъ такую корреспонденцію изъ Стамбула: «Учрежденія, которымъ ввѣряется исполненіе реформъ, ненадежны. Голуховскій высказалъ передъ делегаціями (выписываемъ изъ «Pester Lloyd'a») ту-же мысль, когда говорилъ о камарильѣ, возстановляющей султана противъ реформъ. Либеральные турки, въ особенности многіе улемы и софты, съ ужасомъ ожидаютъ паденія имперіи, которое, по ихъ мнѣнію, состоится не въ формѣ раздѣла Турціи между европейскими державами, а вслѣдствіе постепеннаго и рѣшительнаго отпаденія отъ нея разныхъ провинцій. Партія реформъ въ Турціи полагаетъ, что этотъ моментъ уже близокъ». Другіе корреспонденты извѣщаютъ: «Общее нервное и тревожное настроеніе да возрастающая бѣдность и нужда—вотъ характеристика настоящей минуты... Турки явно готовятся къ войнѣ... Они съ отчаяніемъ ждутъ вступленія европейскихъ флотовъ въ Босфоръ: они готовятся тогда разрушить св. Софію, испепелить Перу и избить поголовно всѣхъ христіанъ въ Азіи». А европейцы въ Стамбулѣ съ трепетомъ передаютъ извѣстіе, что въ Илдызъ-Кіоскѣ сидитъ, какъ почетный гость, а въ сущности узникъ султана, шейхъ-уль-исламъ, духовный глава суннитовъ. Вчужѣ содрогаешься, когда припомнишь, что это — кнопка, которую стоитъ нажать — и развернется, хотя-бы и подставной, зеленый плащъ пророка [1]), призывающій правовѣрныхъ къ «стезямъ Божіимъ», къ страшному «джихаду» (священная война) противъ «гяуровъ и шайтановъ» (враговъ и чертей),—и подымется «вопіющая несправедливость» во всемъ своемъ адскомъ величіи...

IX.

Самообличеніе «отставного генія».

Неужели этого не видятъ присяжные стражи цивилизаціи, у которыхъ подъ руками цѣлыя вѣдомства оффиціальныхъ развѣдчиковъ съ милліонными средствами? Неужели ужасъ не овладѣваетъ ихъ сердцами? Мы увѣрены въ противномъ. И намъ душевно жаль дипломатовъ. Ихъ положеніе—роковое. Оно мѣтко обрисовано словами вѣнскаго корреспондента газеты «Times»: «въ дипломатическихъ кругахъ рѣшительно не понимаютъ нынѣшняго международнаго положенія и теряются въ догадкахъ». Еще-бы понимать такой моментъ дипломатамъ, возросшимъ на

[1]) Плащъ Магомета, поддѣлку котораго сейчасъ показываютъ въ Илдызъ-Кіоскѣ, сожженъ въ Багдадѣ татарами. въ 1258 г.

узкомъ опытѣ да на матушкѣ-рутинѣ, когда тутъ задумается и глубокомысленный соціологъ! Вѣдь, переживается ни больше, ни меньше, какъ цѣлый міровой переворотъ, связанный съ перемѣной въ міровоззрѣніи человѣчества. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы шли по старой колеѣ, какъ легко рѣшился-бы этотъ «проклятый» вопросъ на данную минуту! Сейчасъ «участницы берлинскаго трактата» передрались-бы или взяли-бы по куску землицы—и оставили-бы султана въ покоѣ на прежнемъ положеніи. А теперь никто не знаетъ, какъ ступить и куда приведетъ любой шагъ...

Дѣло въ томъ, что уже нѣтъ, на дѣлѣ, ни участницъ трактата, ни самого трактата, ни даже тройственницы или воительницы-Россіи и корыстолюбца-Альбіона. Все претворяется, на нашихъ глазахъ, во что-то великое новое; всѣ историческія силы колеблются и переворачиваются, сдвинутыя съ обычныхъ основъ, ищущія новаго равновѣсія, болѣе достойнаго для широко развившагося человѣчества. Приходится и считаться съ еще крѣпкими пережитками, и удовлетворять неотложнымъ новымъ потребностямъ. Отсюда какая-то игра въ жмурки, пока не выяснится новая дорога и вихрь свѣжей жизни не понесетъ по ней помолодѣвшее человѣчество,—понесетъ къ лучшему политическому будущему, обликъ котораго уже не тайна для людей науки и идеаловъ. Нашимъ первымъ долгомъ будетъ ловить каждый моментъ величайшаго въ исторіи движенія. Сегодня любопытно захватить первый и довольно ясный шагъ.

Прежде всего, знаменательно, что въ европейскомъ вопросѣ первой важности совсѣмъ молчитъ сила, которая цѣлое поколѣніе считалась первостепенною у поклонниковъ внѣшняго успѣха. Нѣмецкая имперія боится высказаться, не знаетъ, на какую ей ногу стать, потому что это—сила только кажущаяся, искусственная, мертворожденная. Это—созданіе генія старой поры, работа Мефистофеля, которому суждено провалиться передъ свѣтлымъ лицомъ 20-го вѣка. Мы видимъ не случай, а неизбѣжный финалъ меттерниховскихъ преданій въ томъ позорѣ, которымъ покрылъ себя теперь Бисмаркъ и который нанесъ послѣдній, самый тяжкій ударъ его лучшему дѣтищу, тройственницѣ.

Года три тому назадъ, когда «отставной геній» Германіи совершалъ свою артистическую tournée по всѣмъ землямъ, гдѣ die deutsche Zunge klingt, мы сказали, что это—онъ самъ себѣ пропѣлъ отходную: въ своемъ старческомъ брюжжаніи на все и вся, въ особенности-же на своего соперника, этого мирнаго Каприви, въ своихъ наивныхъ признаніяхъ, въ своемъ безпардонномъ пониманіи исторіи, какъ кровavаго шарлатанства, онъ, казалось, достигъ невозможнаго полета. Мы ошиблись. Послѣ того, не разъ великій старикашка злился опять, что его вспоминаютъ только въ досадный день рожденія присылкой пудовъ колбасъ и бутылки придворнаго шампанскаго: и онъ [illegible]

щалъ міру то, отъ чего краснѣли его біографы въ тиши своихъ кабинетовъ. Всѣмъ памятна его похвальба тѣмъ, что онъ,—да, онъ, а не кто другой,—исказилъ эмскую депешу ради потоковъ крови въ 1870 г. Но теперь Бисмаркъ даже превзошелъ себя и въ этомъ. Въ своемъ сатанинскомъ безпокойствѣ, онъ предвосхитилъ у исторіи право разоблаченія своихъ нравственныхъ паденій: Бисмаркъ, подобно Гоголевской героинѣ, рѣшился самъ себя высѣчь.

И въ самомъ дѣлѣ! Россія и эта негодница, Франція, овладѣли вниманіемъ міра; всѣ шумятъ и кричатъ о какой-то новой эрѣ, притомъ самой нелѣпой, разрушающей всѣ его дѣянія,—а его-то, истиннаго творца исторіи, и забыли. Возможно-ли перенести такую шутку дѣтей и не исправить искажаемую ими исторію? И вотъ, желѣзный канцлеръ, выражаясь его собственнымъ неподражаемымъ языкомъ, рѣшилъ «бросить камень въ лужу», чтобы поднялось «кряканье утокъ». 9-го октября телеграфъ возвѣстилъ съ тревогой, что великій узникъ въ Фридрихсруэ «страдаетъ безсонницей», а 14-го пошла писать Бисмаркова губернія, т.-е. весь еще неиздохшій штатъ рептилій—«Hamburger Nachrichten», «Neueste Nachrichten», «Zukunft». Это понятно. Но что́ они понаписали—совсѣмъ непостижимо: именно то, что скрылъ-бы даже врагъ отставного генія, уважающій права старости. Порывшись, при безсонницѣ, въ ворохахъ своихъ желтыхъ бумагъ, Бисмаркъ извлекъ документы, которые дѣйствительно еще разъ обратили на него всеобщее вниманіе, но... какъ на Герострата чести и нравственности.

Оказывается, видите-ли, что, кромѣ самого Бисмарка, всѣ на свѣтѣ виноваты въ такомъ скандалѣ, какъ двойственница, а несносный Каприви—больше всѣхъ. Въ 1875 г. кругомъ былъ виноватъ капризный Горчаковъ, которому не нравилась слишкомъ независимая политика Германіи. Впрочемъ, Бисмарку удалось угодливостью Россіи поправить дѣло: и тутъ-то встрѣчаемъ чудовищное заявленіе. Самъ ех-канцлеръ удостовѣряетъ, что со времени свиданія въ Скерневицахъ вплоть до 1890 г. существовало соглашеніе между Германіей и Россіей, въ силу котораго, при нападеніи на одну изъ нихъ, другая сохраняетъ «доброжелательный» нейтралитетъ. А въ 1890 г. этотъ шедевръ генія развалился: конечно, виновата отставка его творца да еще «ошибки» Каприви, который завелъ «полонофильскую эру», со Стаблевскимъ и Косцѣльскимъ во главѣ. Тутъ передъ нами дипломатъ допотопной школы во весь ростъ: тутъ все — коварство, ложь и близорукость. Не одной Россіи, а всему міру памятны продѣлки «честнаго маклера» и тарифнаго бойца—продѣлки, которыя, въ 1887—1888 годахъ, чуть не привели къ войнѣ, устраненной торговымъ договоромъ Каприви. Но пусть онъ поднадулъ восточную сосѣдку: въ этомъ разоблаченіи можно видѣть хоть смыслъ мести за «русскую недѣлю» Спрашивается, какая выгода была

ему раскрывать свою измѣну собственной дражайшей дамѣ, тройственницѣ, и особенно южной сосѣдкѣ? Qu'allait-il faire, этотъ новый Скапенъ, dans cette galère? Вѣдь, хвастаться тѣмъ, что почти въ одно время съ тройственницей (она возникла въ 1882 г.) былъ заключенъ противный ей союзъ—согласитесь, это значитъ (простите за выраженіе) по меньшей мѣрѣ выжить изъ ума.

Конечно, Бисмаркъ не сообразилъ послѣдствій, ясныхъ и ребенку. Вознегодовали не одна Австрія съ Италіей, но и сама Германія. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ теперь отвѣчать любой порядочный нѣмецъ, когда его спросятъ насчетъ достоинства «геніальнаго» воплощенія его націи? Что-нибудь одно, выхода нѣтъ: или Бисмаркъ сейчасъ лжетъ, или онъ—предатель честнаго имени нѣмцевъ, а, стало быть, и ихъ будущности, потому-что кто-же станетъ имъ вѣрить? Оттого-то тотчасъ-же въ «Times» написали изъ Берлина, что всѣ германскіе публицисты и политики считаютъ разоблаченія Бисмарка «неумѣстными и даже опасными». Затѣмъ въ самой германской печати заговорили о неслыханномъ «цинизмѣ» плута высокаго полета и потребовали отвѣта отъ правительства. Но Каприви уклонился отъ всякой полемики, а «Reichsanzeiger» отказался отвѣчать, ссылаясь на всеобщій долгъ — «добросовѣстно хранить государственныя тайны». А «Köln. Zeit.», припоминая злополучнаго Арнима, замѣтила, что Бисмаркъ первый строго наказалъ-бы, за такую нескромность, своего подчиненнаго,..

И что-же? Да ничего. Рептиліи обѣщали правительственной газетѣ снова возвратиться къ этому вопросу. Затѣмъ онѣ признались, что имъ хотѣлось вызвать «недовѣріе со стороны Франціи». Наконецъ, «Zukunft» забила въ барабанъ: въ статьѣ «Мане, Фекелъ, Фаресъ», она возвѣстила, что пора опять «смѣло выступить на борьбу» и что, конечно, Германія снова должна взяться за «твердую руку», если не желаетъ «распасться черезъ 5 лѣтъ». А чтобы не было недоразумѣній, самъ желѣзный канцлеръ заявилъ одному корреспонденту: «Сожалѣю, что бывши 30 л. на высотѣ, мы какъ будто начинаемъ спускаться... Но я не такъ дряхлъ, какъ думаютъ нѣкоторые господа». Тридцать лѣтъ! Мефистофель припомнилъ сладкую минуту,—Садовую, свое нервное крупное кровопролитіе. Воронъ почуялъ, что съ Востока потянуло запахомъ крови, и встрепенулся отъ увѣренности, что ужь теперь-то опять позовутъ его заправлять судьбами міра. Онъ уже принимаетъ обычныя мѣры, какъ опытный торреадоръ: рептиліи совѣтуютъ Даніи потребовать, чтобы ее объявили нейтральной, «въ виду войны между тройственницей и двойственницей»...

X.

Старыя и новыя силы.

Такъ, слѣпецъ воображаетъ, что онъ еще твердъ и что цѣлый смерчъ крови снова подыметъ его до небесъ. А между тѣмъ его цинизмъ на-

несъ новый и тяжкій ударъ его искусственному созданію. И восточный вопросъ рѣшается не Германіей, а другими силами — Франціей, Россіей да Англіей. Поведеніе послѣдней, какъ націи крѣпкой матеріально и духовно, заслуживаетъ особаго вниманія и по тѣмъ признакамъ новаго порядка вещей, которые обнаруживаются въ немъ.

Великобританія—единственная держава, которая, въ крайнемъ случаѣ, могла-бы и одна взять на свои широкія плечи все бремя величайшаго вопроса текущей политики: вѣдь, ея нація чувствуетъ, что тутъ правда на ея сторонѣ, а нравственная сила подыметъ на помощь и ея могучихъ соплеменниковъ за океаномъ. Она такъ и начала-было, когда ея великій старецъ заклеймилъ главу правовѣрныхъ именемъ «великаго убійцы», разумѣя тутъ, конечно, не Абдулъ-Гамида, а всю османскую систему, не ушедшую, въ своемъ развитіи дальше ея творца, полудикаря Османа, жившаго 600 л. тому назадъ въ Азіи. Но мы видѣли въ прошлый разъ, какъ одинъ слухъ о двойственницѣ внезапно остановилъ ея *одиночное* дѣйствіе.

Для Англіи былъ большой соблазнъ примкнуть къ тройственницѣ. Быть можетъ, она и повернула-бы сюда, если-бы не чувствовала отвращенія къ Германіи, какъ къ искусственному величію: африканскія столкновенія легко было уладить И вотъ, какъ выразились австрійскіе журналы, началась истинная «газетная война». Англійская печать, которая въ 1870 г. радовалась успѣхамъ «родственныхъ» тевтоновъ насчетъ извѣстной соперницы Альбіона, теперь столь-же единодушно то негодовала на Берлинъ, то глумилась надъ его отставнымъ геніемъ. Въ отвѣтъ на выходки нѣмецкихъ газетъ, которыя восхваляли переѣхавшаго изъ Парижа въ Берлинъ Мустафу-Камеля, вождя «молодого Египта» или «партіи независимости», и взваливали на Англію охлажденіе Италіи къ тройственницѣ, англійскіе журналы клеймили позоромъ продѣлку Бисмарка и «нѣмецкую злость и торгашескую зависть». «Times» утѣшалъ Австрію тѣмъ, что Германія ужъ больше не обманетъ ее. Почтенный ученый и членъ перламента, извѣстный и у насъ по переводу его «Американской Республики», съ достоинствомъ, но горячо выступилъ въ газетахъ самого Берлина съ подобными-же упреками нѣмцамъ. Такъ, всѣ отварачиваются отъ искусственнаго созданія «желѣзнаго» канцлера, который воображалъ, въ своей юнкерской близорукости, что навѣки «изолировалъ» Францію. *Его* Германію ждетъ самое ужасное изолированіе—остракизмъ цивилизаціи. Какъ далеко ушли нѣмцы отъ той поры, когда они были жалкою въ политикѣ, но тою «націею философовъ и поэтовъ», которую всѣ не только почитали, но и сердечно любили! Какой хорошій урокъ для всякаго, кто, не понимая новаго духа времени, носится съ романтическими пережитками желѣза и крови.

Есть такіе оскорбители памяти благороднаго Донъ-Кихота и въ Ан-

гліи: гдѣ ихъ нѣтъ! Увлекшись примѣромъ празднованія Седана въ Пруссіи, на время котораго августѣйшіе путешественники возвратились домой, джингоисты (шовинисты Англіи) вздумали-было почтить трафальгарское побоище, благо этой гибели французскаго флота истекло 90 лѣтъ. Но оно не выгорѣло: правительство отсутствовало, небольшая толпа какъ-бы стыдилась самой себя; и самъ «Standard» радовался, что не удалось такое «безцѣльное и безплодное» торжество.

Настоящая Англія думаетъ о другомъ. Могучая нація, которая, при всемъ своемъ консерватизмѣ, умѣетъ такъ глубоко обновляться въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, дѣлаетъ благородныя усилія, чтобы преодолѣть свои заматерѣлые пороки во внѣшней политикѣ. Вѣдь, тутъ и ей нужно обѣляться. И ей никто не вѣритъ: у всѣхъ въ памяти, какъ «митинги негодованія» по поводу «болгарскихъ звѣрствъ» окончились сначала помощью туркамъ, а послѣ войны—«оккупаціей» Египта и Кипра.

Теперь Англія ищетъ иныхъ путей: она склоняется къ новымъ силамъ, ведущимъ къ миролюбію; а оно немыслимо безъ взаимныхъ уступокъ, безъ устраненія такой древней основы политики, какъ корыстолюбіе à tout prix.

XI.

Англія, Египетъ и европейскій конгрессъ.

Мы видѣли въ прошлый разъ, какъ Англія внезапно свернула со старой дороги уже въ половинѣ сентября. Въ октябрѣ еще яснѣе обозначилось это замѣчательное движеніе. Выступили, съ рѣчами, открытыми письмами, статьями въ своихъ и иностранныхъ газетахъ, вожди политики, какъ бывшіе, такъ и сущіе министры и вліятельные люди. И никогда еще торіи и виги, недавно формально передравшіеся въ парламентѣ изъ-за гомъ-руля, не выказывали такого трогательнаго единодушія. Гладстонскіе «лейтенанты», Гаркуръ, Розбери, Керзонъ, Кемпбель, глава уніонистовъ и министръ колоній Чемберленъ, радикалъ Лабушеръ (издатель безпощадной «Правды», Truth), нынѣшніе министры Лансдаунъ (военный), Гиксъ-Бичъ, Гошенъ (лордъ канцлеръ), самъ Сольсбери запѣли хоромъ на тему (наши выписки изъ разныхъ рѣчей и статей буквальны): «Нужно бросить нашу традиціонную политику, которая только помогала Турціи творить зло. Пора отказаться отъ маніи земельныхъ пріобрѣтеній, которая выгодна лишь подозрительнымъ финансистамъ, которая возбуждаетъ всюду недовѣріе къ намъ да еще отвлекаетъ насъ самихъ отъ *соціальныхъ и политическихъ реформъ*. Терпѣть вопіющую несправедливость, конечно, нельзя долѣе. Но было-бы еще пущимъ зломъ, еслибы вздумали устранить ее путемъ войны. При такой политикѣ приключеній, нашъ военный бюджетъ достигъ-бы очень крупной цифры и пришлось-бы ввести обязательную военную повинность (это—слова Лансдауна).

Такъ, война была-бы величайшимъ бѣдствіемъ для нашей богатой и цивилизованной страны и не принесла-бы ничего, кромѣ вреда, стонущимъ подъ игомъ варварства христіанамъ. А война неизбѣжна при одностороннемъ вмѣшательствѣ Англіи. Неизбѣжно *совмѣстное* дѣйствіе державъ на благо Европы и человѣчества; а для этого мы должны стать въ сердечныя и дружественныя отношенія къ двойственницѣ. Нужно подавить вѣковѣчное недовѣріе къ Россіи и Франціи».

Но... но какъ завести эту необходимую дружбу и устранить «пессимизмъ» (слово Чемберлена) по отношенію къ Англіи? Иначе сказать, какъ поставить новую, благодатную идею на практическій путь? Тѣ-же вожди англійской политики приходятъ къ совѣтамъ одинаковаго характера, причемъ впервые слились въ своихъ желаніяхъ органы Гладстона и Сольсбери, «Daily News» и «Daily Telegraph». Всѣ заговорили о томъ, что нужно произвести «эвакуацію» или опростаніе Египта: безъ этого немыслима дружба съ Франціей; да и пора дать свободу несчастнымъ феллахамъ, которымъ тоже хочется пожить послѣ десяти-тысячелѣтняго ига фараоновъ, римлянъ, арабовъ, мамелюковъ, турокъ и еще тамъ какихъ-то грабителей. Это доказываетъ и знатокъ Африки, знаменитый Стэнли, который утверждаетъ, что этотъ исходъ, «желанный для многихъ англичанъ», ускоряется донгольскою экспедиціей, такъ-какъ Суданъ—законная и извѣчная мечта египтянъ и его нужно завоевать для нихъ за всю кровь, высосанную у несчастныхъ. И самъ Лансдаунъ согласенъ съ этимъ, осуждая эту экспедицію. А Гаркуръ прибавляетъ, что слѣдовало-бы начать съ очищенія Кипра: вѣдь этотъ островъ, по словамъ гладстонскаго военнаго министра, Кемпбеля, «былъ избранъ мѣстомъ военныхъ дѣйствій противъ Россіи». Лабушеръ совѣтуетъ даже предоставить Россіи самой покончить съ армянскимъ вопросомъ. Въ то-же время во всей иностранной печати стали развивать ту-же тему. Съ 20 октября телеграфъ сталъ твердить: «въ дипломатическихъ сферахъ говорятъ о нейтрализаціи Египта; и Бельгія съ Голландіей предлагаютъ свои услуги для этого». А съ 1 ноября чуть не всѣ бывшіе министры Франціи (Рибо, Бертело, Дюпюи, Гобле, Девель) заговорили въ одинъ голосъ: «очищеніе Египта—вопросъ чести для Англіи; оно поведетъ къ ея сближенію съ Франціей». Очевидно, Франція, а слѣдовательно и Россія, ставятъ этотъ вопросъ, какъ преддверіе къ европейскому конгресу для пересмотра берлинскаго трактата,—конгресу, который является такимъ счастливѣйшимъ исходомъ, что самъ султанъ не противится ему.

Маркизу Сольсбери приходится забыть свойственный нынѣшнимъ торіямъ джингоизмъ. Англійскій посолъ въ Константинополѣ уже получилъ приказъ дѣйствовать сообща съ представителями другихъ державъ. А Гошенъ, въ своей бирмингамской рѣчи, скорбя о «всеобщемъ недовѣріи къ чистотѣ намѣреній Англіи», воскликнулъ: «но Англія не разъ могла

служить примѣромъ самаго благороднаго безкорыстія и доказывала свою способность на самопожертвованіе ради блага человѣчества и служенія идеѣ!» Но еслибы нравственное превращеніе оказалось не подъ силу торіямъ, то Англія богата другими источниками благородства. На сцену выступятъ опять виги, которые недавно доказали свою способность на безкорыстіе, отказавшись, при Розбери, отъ о. Формозы, предложеннаго Англіи Китаемъ, разгромленнымъ Японіей. Но виговъ поведетъ даже не этотъ Розбери, который самъ сознался, что разошелся съ большинствомъ ихъ, и отказался отъ роли вождя либераловъ. Еще разъ подымется, во всемъ своемъ нравственномъ обаяніи, великій старецъ, который надняхъ подтвердилъ свою ливерпульскую рѣчь и, посылая привѣтъ громадному митингу негодованія въ Нью-Іоркѣ, снова проклялъ «вопіющую несправедливость». Въ этомъ случаѣ, за Гладстона и сама королева Викторія, и общественное мнѣніе, которое проявилось и въ новыхъ внушительныхъ митингахъ негодованія (въ Гайдъ-Паркѣ и въ С. Джемсъ-Голлѣ), и въ желаніи новаго лорда-мера пригласить на банкетъ въ Лондонъ 30 меровъ главныхъ городовъ Франціи. А онъ, будучи у кормила правленія, всегда стыдился египетскаго вопроса и пытался раздѣлаться съ нимъ. Не было-бы ничего приличнѣе и трогательнѣе, какъ актъ невиданнаго національнаго великодушія, совершенный, наканунѣ XX-го вѣка, политикомъ, въ которомъ привыкли видѣть воплощеніе совѣсти Европы. А уже тогда не было-бы сомнѣнія въ мирномъ и справедливомъ рѣшеніи всѣхъ измучившаго восточнаго вопроса.

Неизбѣжный переворотъ въ самыхъ основаніяхъ политики, если ему суждено совершиться теперь-же, будетъ плодомъ франко-русскаго сближенія. Не намъ вдаваться въ рутинную похвальбу или въ отжившую теорію превосходства однѣхъ расъ надъ другими. Сила вещей, законы соціологіи,—словомъ, то безсмертное «безсознательное», понимаемое въ смыслѣ и духѣ современной науки, выше, могучѣе, разумнѣе всѣхъ смертныхъ Титановъ и умницъ. И оно-то, какъ послѣдняя ступень эволюціоннаго прогресса, требуетъ именно теперь особаго напряженія отъ тѣхъ силъ, которыя выдвинуты исторіей впередъ. Та истинно-великая роль, которая выпала на ихъ долю, крайне тяжела и отвѣтственна. Прогрессивная внѣшняя политика неизбѣжно сливается съ внутреннимъ преуспѣяніемъ, какъ доказала исторія, т. е. накопленный вѣками опытъ. Если даже англичане заговорили о необходимости «соціальныхъ и политическихъ реформъ», то тѣмъ болѣе должна задумываться надъ ними остальная Европа... Да, обязательно воспользоваться такимъ счастливымъ случаемъ, какъ сближеніе съ самыми просвѣщенными націями Запада, чтобы приблизиться къ ихъ лучшимъ сторонамъ.

А. Трачевскій.

КРИТИКА.

Собраніе стихотвореній Виктора Гюго въ переводѣ русскихъ писателей, подъ редакціей И. Ф. Тхоржевскаго. Тифлисъ, 1896.

«Изъ каждаго произведенія, какъ-бы оно ни было ничтожно или значительно, говорилъ однажды Викторъ Гюго, вырисовывается личность, личность писателя. Въ этомъ его наказаніе, если онъ мелокъ; въ этомъ его награда, если онъ великъ». Рѣзко и ярко Гюго выступаетъ въ каждомъ своемъ произведеніи. Предъ нами не мудрецъ, который говоритъ спокойно, тихо, простыми образами, а политическій ораторъ, прибѣгающій даже къ заурядным пріемамъ, если только они могутъ дать въ результатѣ сильное впечатлѣніе. По внутреннему кругозору Гюго не можетъ быть названъ писателемъ великимъ. Не отличаясь глубиною, его мысли не открываютъ новыхъ умственныхъ міровъ. Настроеніе поэта, измѣняющееся сообразно съ политическими событіями, почти никогда не обнаруживаетъ особенной, духовной силы, несмотря на шумныя воззванія къ понятіямъ долга, чести, народной и человѣческой свободы. По истеченіи очень немногихъ лѣтъ, произведенія Гюго, которыя нѣкогда читались нарасхватъ въ Европѣ, обнаружили свое безсиліе руководить литературнымъ движеніемъ среди новыхъ умственныхъ потребностей современнаго общества. Вопросы политической свободы—въ разсудочной постановкѣ—не дебатируются больше въ стихотворной формѣ, потому-что поэтическая форма можетъ естественно воспринять въ себя только извѣстный матеріалъ, обработанный въ опредѣленномъ направленіи. Вотъ почему стихотворенія Гюго, при неизсякаемомъ гражданственномъ паѳосѣ, производятъ, въ огромномъ множествѣ случаевъ, впечатлѣніе напускной декламаціи, лишенной красоты. Темы, нѣкогда волновавшія общественное мнѣніе Франціи и даже цѣлой Европы, заслонились другими политическими задачами и событіями, на которыя его поэзія бросаетъ очень мало свѣта. Другіе герои съ иными рѣчами, обращенными къ

легкомысленно-пылкой французской толпѣ, выступили на сцену. Иныя знамена вѣютъ надъ французскимъ народомъ! Многіе-ли поймутъ стихотворные памфлеты Гюго, направленные противъ Наполеона, въ той огромной толпѣ, которая теперь бѣшенно аплодируетъ ораторамъ франко-русскаго союза? Само собою ясно, что именно съ политической точки зрѣнія большинство стихотворныхъ произведеній Гюго почти совершенно устарѣло для современныхъ читателей, ибо никакая гражданственная поэзія не можетъ пережить тѣхъ броженій, которыми она создана.

Гюго былъ поэтомъ толпы, и притомъ не всякой, а толпы своего времени. Даже въ лучшихъ его стихотвореніяхъ вы не откроете особенно тонкихъ ощущеній, но всегда найдете то, что сливаетъ писателя съ демократическою массою: пылкое чувство, не знающее никакого предѣла. Въ его художественномъ отраженіи всѣ предметы принимаютъ уродливо колоссальныя формы, теряютъ свою естественную простоту и мягкость. Никакое явленіе жизни не воспринимается *трезвымъ* ощущеніемъ, безъ котораго нѣтъ настоящей поэзіи. Рискованныя аллегоріи, въ романтическомъ стилѣ, заслоняютъ живую картину тѣхъ дѣйствительныхъ событій и фактовъ, которые стояли предъ глазами поэта. Но въ этомъ сила Гюго. Поэтъ толпы, онъ мыслитъ чувствами, бурно настраиваясь только по поводу внѣшнихъ фактовъ современной ему исторіи. Его поэзія, кричащая, экзальтированная, ходульно-геніальная, съ неотразимою силою можетъ увлекать только толпу, готовую пойти за всякимъ смѣлымъ ораторомъ, но которая никогда не пойдетъ за мудрецомъ.

Остановимся на нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, собранныхъ И. Ф. Тхоржевскимъ въ настоящемъ его изданіи. Вотъ стихотвореніе «На баррикадѣ»:

На баррикадѣ, кровью залитой,
Ребенка лѣтъ двѣнадцати съ толпой
Другихъ бойцовъ солдаты захватили.
— И ты былъ съ ними?—«Да, мы вмѣстѣ были».
— Ну, такъ тебя мы разстрѣлять должны.
Жди свой чередъ...

Но мальчикъ, обратившись къ начальнику, получаетъ позволеніе пойти домой проститься съ матерью. Онъ воротится сейчасъ, какъ только исполнитъ свой послѣдній долгъ. Его отпускаютъ при всеобщемъ смѣхѣ солдатъ. Проходитъ нѣсколько минутъ, и осужденный ребенокъ возвращается, готовый безтрепетно принять смерть рядомъ съ своими товарищами по баррикадамъ. «Вотъ я,—стрѣляйте!» Капитанъ, изумленный неслыханною революціонною дерзостью мальчишки, прощаетъ его и отпускаетъ домой:

Дитя! ужаснымъ ураганомъ,
Который налетѣлъ на насъ,

Перемѣшавши все: героя
Съ разбойникомъ, добро со зломъ,
Тебя толкнуло въ бездну боя—
Зачѣмъ?.. Не знаю я о томъ,
Но говорю я: ты душою
Младенческою былъ великъ
Въ тотъ роковой и страшный мигъ,
Когда ты съ матерью родною
Простился и пошелъ опять
Туда, гдѣ долженъ былъ принять
Ты смерть съ погибшею толпою
Товарищей...

(Буренинъ).

Въ другомъ стихотвореніи «Междоусобная война» шпіонъ спасается отъ смерти, потому что въ послѣднюю минуту, среди шума толпы, пришедшей въ ярость, раздается дѣтскій крикъ: «Онъ—мой отецъ!» Шестилѣтній ребенокъ производитъ на толпу магическое дѣйствіе. Въ довольно большой поэмѣ, подъ названіемъ «Бѣдные люди», жена рыбака спасаетъ дѣтей своей сосѣдки отъ голодной смерти, хотя ея собственная огромная семья часто не имѣетъ необходимыхъ средствъ для существованія. Мужъ—на морѣ. Разыгралась страшная буря, и бѣдная Жанна съ замирающимъ сердцемъ ждетъ возвращенія рыбака. Вотъ она беретъ фонарь и выходитъ на улицу посмотрѣть, не успокоилось-ли море и не появился-ли на сигнальной мачтѣ огонекъ. Кругомъ темно, востокъ еще не побѣлѣлъ. Падаетъ едва замѣтный декабрьскій мелкій дождь.

Не свѣтится ничье окно. Вдругъ на пути
Попалась на глаза ей хижина.. Войти?
Ни свѣта, ни огня. Убогая лачуга
Подъ вѣтромъ вся дрожитъ. Сердито треплетъ вьюга
Расшатанную крышу,—издали она
Похожа на потокъ весной: желта, грязна,
И каждый клокъ соломы кажется струею.

Жанна чувствуетъ потребность войти въ хижину и посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Она стучится въ дверь, но ей не отвѣчаютъ. На всѣ ея призывы больная сосѣдка не открываетъ дверь. Тогда Жанна, предчувствуя бѣду, быстро входитъ въ хижину, пользуясь тѣмъ, что порывомъ вѣтра дверь открылась сама собой. Какъ и слѣдовало ожидать, сосѣдка оказалась мертвой, а въ двухъ шагахъ отъ «роковой постели», съ улыбкою на устахъ, спокойно спали дѣти—сынъ и дочь. Жанна, движимая чувствомъ состраданія къ несчастнымъ малюткамъ, уноситъ ихъ къ себѣ, позабывъ о собственной нищетѣ и о кулакахъ мужа, который можетъ отнестись къ ея поступку съ грубымъ порицаніемъ. Однако, когда рыбакъ явился домой и узналъ о бѣдствіи, которое постигло сосѣднюю хижину, онъ самъ сталъ требовать отъ Жанны, чтобы она

пошла за дѣтьми. Онъ броситъ пить вино и станетъ раньше отправляться на ловлю, а по вечерамъ дѣти всею гурьбою будутъ взбираться къ нему на колѣни. Богъ, видя его милость къ сиротамъ, пошлетъ ему счастье.

Иди-же! Что-жъ ты стала?
Бывало, мой приказъ ты живо исполняла!—
Тутъ Жанна занавѣсъ отдернула:—«Взгляни»,
Промолвила она, краснѣя: «вотъ они!»
(Иванъ-да-Марья).

Въ этомъ духѣ написано не мало стихотвореній Гюго. Контрасты, разсчитанные на сантиментальнаго читателя, одно изъ самыхъ любимыхъ его поэтическихъ орудій. Посреди гражданственной декламаціи, взывающей къ священнымъ правамъ отечества и солдатскому штыку, какая нибудь пышно написанная сантиментальная картина должна произвести чарующее впечатлѣніе на нетребовательную въ литературныхъ вопросахъ публику. А за стихами съ трогательными контрастами сейчасъ-же слѣдуютъ безконечно длинные дифирамбы въ честь французскаго народа, обширная стихотворная дидактика на современныя политическія темы. Краснорѣчіе бьетъ фонтаномъ, романтическіе образы, неестественные, чудовищные, производятъ головокруженіе, которому толпа предается съ особеннымъ удовольствіемъ.

А вотъ и цѣлая поэма, написанная ради толпы, образами ей не только понятными, но и пріятными. Съ легкомысліемъ, достойнымъ чисто французскаго генія, Гюго выводитъ на сцену осла и Канта. Оселъ оказывается умнѣе и даже глубокомысленнѣе Канта во многихъ отношеніяхъ. Смущенный его діалектикою, Кантъ молчитъ. Оселъ въ отчаяніи. Какими путями идетъ современное просвѣщеніе? Книги затопили міръ. Отвлеченныя идеи вытѣснили простую здравость ослинаго существованія. Оселъ восклицаетъ:

Я все читалъ,—пока себя не искалѣчилъ,
Пока разсудокъ свой въ конецъ не изувѣчилъ!
Теперь лишь объ одномъ молю я всѣхъ людей:
Не мучьте вы меня ученостью своей!
Довольно я вертѣлъ шарманку... Легче розга!
Сѣдлайте спину мнѣ, но не сѣдлайте мозга!
Сѣките, бейте всласть, но, чуръ! лишь не учить
И памяти безцѣльнымъ знаньемъ не давить!

Какой смыслъ имѣютъ всѣ творенія Августина, если ихъ можно сразить тоненькимъ, карманнымъ памфлетомъ? Къ чему наука, если она не даетъ отвѣта на вопросъ, каковы права отца, каковы права сына, куда идти, чего держаться—коммуны или семьи? Что такое философія? Что, въ сущности, она, какъ не сопротивленье тамъ, гдѣ нужна власть

мысли, и подчиненье тамъ, гдѣ надобно бороться? Все это понялъ онъ— оселъ. Онъ разгадалъ суету вѣка, и его, умудреннаго опытомъ, не увлечь уже никакими ни идеалистическими, ни реалистическими книжными планами. Теперь онъ бѣжитъ отъ міра — на чудесный лугъ, гдѣ блеститъ роса и пчелки съ мотыльками летаютъ вокругъ цвѣтовъ.

И вотъ оселъ исчезъ. И Кантъ промолвилъ мрачно:
— Да! долгъ свершаетъ свой наука неудачно,
Чуть шепчетъ разумъ намъ, идетъ, потупя взоръ...
Увы! слова осла, признаться, до сихъ поръ
Не такъ безсмысленны, какъ кажутся сначала:
Пока въ рукахъ у Знанья силъ еще такъ мало,
Что факелъ въ нихъ дрожитъ, намъ тьмы не освѣтивъ,
Невѣжества протестъ почти что справедливъ.

(Иванъ-да-Марья).

Нельзя было придумать болѣе «демократической» поэмы, хотя своимъ безвкуснымъ содержаніемъ она отлично передаетъ умственную банальность одного изъ самыхъ прославленныхъ поэтовъ ближайшей намъ эпохи...

О самомъ изданіи И. Ф. Тхоржевскаго мы скажемъ только нѣсколько словъ. Въ настоящей книгѣ можно найти не мало версификаціонныхъ оплошностей, но въ общемъ духъ Гюго переданъ довольно удовлетворительно. Такіе переводчики, какъ Буренинъ, Вейнбергъ, Андреевскій, Курочкинъ и нѣкоторые другіе, легко могли справиться съ своею задачею, потому что каждый изъ нихъ обладаетъ достаточною литературною опытностью, чтобы передать кричащій текстъ французскаго оригинала. Буренинъ переводчикъ не заурядный. Переводная версификація Вейнберга давно уже освободилась отъ контроля литературной критики. Г. Андреевскій вкладываетъ въ стихотворенія даже такого поэта, какъ Гюго, нѣкоторую меланхоличность, чуть-чуть манерное изящество, съ нѣжнымъ оттѣнкомъ какой-то особенной, пустынной разочарованности. О другихъ переводчикахъ, отдавшихъ свои произведенія г. Тхоржевскому, какъ и о самомъ Тхоржевскомъ, нельзя сказать ничего дурного

А. Волынскій.

I. Шерръ. Всеобщая литература. Переводъ подъ редакціей П. И. Вейнберга.

Всеебщая исторія литературы Шерра, популярная на своей родинѣ, представляетъ въ сравнительно небольшомъ объемѣ очеркъ всѣхъ восточныхъ и западныхъ литературъ, начиная отъ древнѣйшихъ временъ и до послѣднихъ литературныхъ явленій современности. Шерръ знакомитъ не столько съ общимъ духомъ литературныхъ теченій различныхъ эпохъ,

какъ съ рядомъ литературныхъ именъ и фактовъ, дающихъ читателю внѣшнюю исторію литературныхъ произведеній, а не внутреннюю исторію человѣческаго духа. Въ этомъ отношеніи Шерръ стоитъ не ниже и не выше другихъ популяризаторовъ, задающихся столь колоссальною задачей, какъ исторія всемірной литературы. Казалось-бы, что въ руководствахъ столь общаго характера слѣдовало опускать именно подробности и намѣчать, такъ сказать, этапы человѣческаго духа, давать общія характеристики культурныхъ эпохъ и указывать на результаты господства тѣхъ или другихъ идей, на созидателей крупныхъ литературныхъ движеній. Изъ общихъ литературныхъ картинъ, на фонѣ которыхъ рельефно выступали-бы духовные свѣточи человѣчества, читатели могли-бы получить полное и осязательное представленіе о духовной жизни прошлаго и настоящаго. Взамѣнъ этого, обыкновенно даются длинные списки именъ и названій, которыя безслѣдно проходятъ передъ глазами читателя, не будучи связаны съ соотвѣтствующими характеристиками. Стремясь къ исчерпывающей полнотѣ въ перечисленіи писателей, историки литературы достигаютъ этого большею частью въ ущербъ характеристикамъ наиболѣе важнымъ въ данномъ случаѣ.

«Исторія всеобщей литературы» Шерра представляетъ именно этотъ характеръ очень полнаго перечня. Начиная съ исторіи санскритской литературы и странъ востока, авторъ, доходя до современности, находитъ возможность упоминать имена новѣйшихъ французскихъ поэтовъ символической школы или въ отдѣлѣ итальянской литературы прославившуюся въ послѣдніе годы Аду Негри и т. п. имена, едва-ли умѣстныя въ всеобщей исторіи литературы, гдѣ лишь очень вскользь говорится о греческихъ трагикахъ и лишь немного страницъ отведено Данте, Шекспиру и другимъ геніальнымъ писателямъ прошлаго. Несоразмѣрное распредѣленіе матеріала сопровождается въ исторіи Шерра рѣзкостью сужденій, не всегда умѣстной уже потому, что она недостаточно мотивирована. Такъ напр., справедливо выводя латинскую литературу изъ греческой, Шерръ лишаетъ всю латинскую литературу всякаго самостоятельнаго значенія: «литература римлянъ», говоритъ онъ, «не ихъ естественное произведеніе, а только блѣдное отраженіе литературы греческой». Такого рода опредѣленіе является невѣрнымъ, именно благодаря своей категоричности. Несомнѣнно, что многое въ латинской литературѣ заимствовано и представляетъ только подражаніе. Но тѣмъ не менѣе Виргилій очень самобытенъ въ своихъ «Георгикахъ» и «Буколикахъ», а Горацій отражаетъ чисто римскіе идеалы въ своей поэзіи. Тоже можно сказать и о богатой литературѣ послѣднихъ вѣковъ Рима, времени его политическаго разложенія, когда писали глубокіе историки и сложные по своимъ настроеніямъ поэты. Ихъ нужно разсматривать въ связи съ греческой литературой, болѣе здоровой и свѣтлой, но менѣе

отрицать ихъ самостоятельнаго значенія; оно наполняетъ собой цѣлую эпоху европейской литературы, обаятельную даже для насъ, ея далекихъ потомковъ.

Рѣзкость сужденій Шерра особенно замѣтна въ изложеніи новой литературы и проявляется въ ущербъ безпристрастности — необходимаго качества всякаго историка. Интересенъ въ этомъ отношеніи отдѣлъ французской литературы начала и середины нашего вѣка. Почему-то, во-первыхъ, Шерръ приписываетъ французской литературѣ начала XIX вѣка названіе ново-романтической. Гдѣ-жь въ такомъ случаѣ старый романтизмъ? Шерръ особенно высоко ставитъ заслуги м-мъ де-Сталь, такъ какъ она внесла во Францію пониманіе нѣмецкой культуры. Рядомъ съ ней одобренія Шерра заслуживаетъ и Шатобріанъ. Но за то совершенно неожиданнымъ для читателя является низведеніе двухъ крупнѣйшихъ представителей французскаго романтизма, Ламартина и Виктора Гюго: въ Ламартинѣ Шерръ совершенно забываетъ истиннаго поэта, съ глубокимъ пониманіемъ природы и неподражаемой мелодіей стиха, поэта съ искренними религіозными настроеніями и нѣжной душой, автора Пѣсенъ къ Эльвирѣ, безсмертнаго стихотворенія «Le lac» и т. д. Вмѣсто всего этого Шерръ видитъ въ Ламартинѣ лишь популяризатора христіанскихъ идей Шатобріана. «Ламартинъ», говоритъ онъ, «сдѣлался любимымъ поэтомъ высшаго свѣта временъ реставраціи, и своей манерой пѣть и говорить о Богѣ, людяхъ и природѣ содѣйствовалъ успѣху начатаго Шатобріаномъ литературнаго переворота. Кругъ идей у Ламартина не широкъ и ординаренъ, за исключеніемъ отдѣльныхъ геніальныхъ проблесковъ... Ламартинъ обладаетъ также способностью находить красивыя выраженія для самаго ординарнаго, для самой плоской катехизической мысли; дыханіе сладкой меланхоліи, которымъ вѣетъ отъ его картинъ природы, легко плѣняетъ молодыя сердца, а сила его риторики можетъ ослѣпить даже и болѣе взрослыхъ» и т. д. Главнымъ произведеніемъ Ламартина Шерръ считаетъ его «Исторію жирондистовъ». Такова характеристика одного изъ самыхъ нѣжныхъ и наименѣе понятныхъ пѣвцовъ романтизма, которому нѣмецкій историкъ предпочитаетъ Беранже. Славой романтической или ново-романтической, какъ ее называетъ Шерръ, школы онъ признаетъ Виктора Гюго, придерживаясь въ этомъ отношеніи общепринятаго мнѣнія. Многіе французскіе критики доказывали въ послѣднее время неосновательность этого мнѣнія. Главные элементы романтизма были выработаны другими его создателями: Шатобріаномъ, Ламартиномъ, Альфредомъ де-Виньи и Альфредомъ де Мюссе. Гюго же, только благодаря отзывчивости своей натуры, умѣлъ воспринять всѣ эти отдѣльные элементы и наложить на нихъ отпечатокъ своего генія, вслѣдствіе чего онъ и затмилъ своей коллосальной фигурой истинныхъ творцовъ романтизма. Характеристикѣ

Гюго Шерръ отводитъ довольно много мѣста, но вмѣсто анализа произведеній даетъ лишь рядъ голословныхъ и менѣе всего справедливыхъ опредѣленій. Такъ, напр., онъ ставитъ Гюго въ вину перемѣнчивость его политическихъ убѣжденій. «Гюго былъ лишенъ характера единства, какъ человѣкъ», говоритъ онъ. «Извѣстно, что изъ фанатическаго бурбониста онъ обратился въ ревностнѣйшаго бонапартиста, затѣмъ въ либерала въ духѣ іюльской революціи и т. д. И этихъ-же качествъ ему недоставало, какъ художнику. Это былъ смутный умъ, неустойчивый, раздвоенный характеръ, что съ непріятной наглядностью отразилось въ его поэтическихъ произведеніяхъ». Въ дальнѣйшей характеристикѣ французскаго романтизма у Шерра проявляется тотъ-же тонъ и произволъ. Альфреду де-Виньи отводится всего лишь нѣсколько строкъ, въ которыхъ перечисляются его произведенія, но за то болѣе подробно Шерръ останавливается на Эдгарѣ Кинэ, вѣроятно, потому, что на поэтическомъ творчествѣ послѣдняго, какъ говоритъ Шерръ, «сильно замѣтно вліяніе нѣмецкой литературы». Характернымъ образцомъ литературныхъ сужденій Шерра являются также его слова о Теофилѣ Готье. «Чистокровнымъ романтикомъ comme il faut», говоритъ онъ, былъ—«Теофиль Готье, который въ теоріи придерживается отвлеченной метафизики искусства, подобно той, въ какую ударился также нѣмецкій романтизмъ, а на практикѣ оправдывалъ положеніе: чѣмъ безумнѣе, тѣмъ прекраснѣе. Повѣсти и разсказы Готье представляютъ собою сумасшедшій домъ, гдѣ въ безчисленномъ количествѣ бродятъ и толпятся метафоры и дикія гиперболы». Вотъ въ какомъ освѣщеніи представляетъ Шерръ нѣмецкимъ, а теперь и русскимъ читателямъ того истиннаго артиста французскаго стиха, котораго Бодлеръ такъ справедливо прозвалъ magicien es lettres françaises. Шерръ даже не упоминаетъ лучшаго изъ лирическихъ сборниковъ Готье, его «Emaux et camées», съ его безсмертными по выкованности и красотѣ стиха Symphonie en blanc majeur и т. д. Мюссе Шерръ тоже не считаетъ большимъ поэтомъ и жалѣетъ, что онъ растратилъ свое дарованіе такъ-же, какъ здоровье и жизнь. Жалѣетъ онъ также Мюссе за его чрезмѣрное увлеченіе байронизмомъ. Но за то, отвергнувъ значеніе названныхъ передовыхъ поэтовъ романтизма, Шерръ находитъ, что, къ счастью, романтизмъ «не всѣхъ поэтовъ увлекалъ въ свой ошеломляющій водоворотъ». Если Гюго, де-Виньи и Мюссе достойны порицанія, то за то Шерръ превозноситъ другихъ болѣе трезвыхъ поэтовъ той-же эпохи: Эмиля де-Бронъ, булочника Жана Ребуля, наборщика Гезежипъ Моро и нѣкоторыхъ другихъ. Такъ-же онъ признаетъ большія достоинства за драматургомъ той поры Евгеніемъ Скрибомъ. Александра Дюма-отца онъ называетъ фабрикантомъ романовъ и торговцемъ драмами en gros. Всѣ дальнѣйшія сужденія Шерра, столь-же рѣзкія и голословныя, въ этомъ-же превратномъ видѣ рисуютъ фран-

цузскую литературу и ея дѣятелей. Почему-то бóльшей симпатіей историка пользуется Жоржъ-Зандъ, которой посвящено нѣсколько страницъ въ сравнительно краткомъ очеркѣ всей французской литературы. Но читатель напрасно сталъ-бы искать въ этихъ страницахъ подробнаго изложенія и разбора произведеній Жоржъ-Зандъ,—Шерръ больше предается лирическимъ изліяніямъ по поводу отдѣльныхъ романовъ Жоржъ-Зандъ. Говоря о появленіи «Индіаны», онъ восклицаетъ: «Эта книга, точно раздирающій душу крикъ, ворвалась въ кругъ вопросовъ и событій дня. Авторъ ея сразу сталъ въ ряду знаменитыхъ писателей Франціи. Кто-же былъ этотъ авторъ, который спустился въ сокровенную глубину человѣческаго сердца и съумѣлъ съ такой поразительной силой освѣтить его загадки и тайны? Кто былъ этотъ писатель, который такой твердой и увѣренной рукой ввелъ въ сферу искусства современные вопросы? Это была женщина. Жоржъ-Зандъ въ жизни называлась Аврора Дюдеванъ». Такая дешевая риторика замѣняетъ Шерру серьезный разборъ произведеній. Современная французская литература представляетъ въ изложеніи Шерра тотъ-же хаосъ произвольныхъ сужденій и неумѣнье разобраться въ отдѣльныхъ литературныхъ школахъ. Къ натурализму онъ относится враждебно, но за то высоко ставитъ Жоржа Онэ, который, по его мнѣнію, «спасъ реалистическій романъ изъ натуралистическаго болота и въ своемъ романическомъ циклѣ «Les batailles de la vie» («Битвы жизни») снова поставилъ его на поэтическую почву». Говоря о современной поэзіи, Шерръ смѣшиваетъ парнасцевъ съ символистами и гонится за тѣмъ, чтобы назвать какъ можно больше именъ, не заботясь о вѣрномъ опредѣленіи отдѣльныхъ дарованій.

Остановившись болѣе подробно на французскомъ отдѣлѣ въ «Исторіи» Шерра, мы хотѣли показать, до чего мало можно довѣрять свѣдѣніямъ, сообщаемымъ этимъ историкомъ. Нѣсколько лучше поставленъ отдѣлъ англійской литературы, хотя и въ немъ слишкомъ рѣзко проглядываютъ симпатіи и антипатіи автора и отсутствіе мотивированныхъ сужденій. Статьи о Байронѣ и Шелли, наиболѣе пространныя, опять-таки сводятся на риторику и общія фразы. Новѣйшую поэзію Шерръ отмѣчаетъ очень поверхностно. Говоря, напримѣръ, о Браунингѣ, онъ даже не называетъ лучшихъ его произведеній «The Ring and The Book», «Sordello» и др., почти совершенно обходитъ крупную стихотворную дѣятельность его жены, Елизаветы Браунингъ. Школа прерафаэлитовъ, съ Россетти во главѣ, совершенно не изучена Шерромъ, и все, что онъ можетъ сказать о Россетти, заключается въ указаніи на «изящество формы, прекрасный языкъ и глубину чувства», т. е. тѣ самыя общія черты, которыя примѣнимы ко всякому поэту. Болѣе подробно разобрана дѣятельность Теннисона, причемъ опять-таки мнѣніе Шерра объ отдѣльныхъ поэмахъ поэта лауреата отличается странной произвольностью. Лучшую вещь Теннисона, «In

Memoriam», признанную таковой всѣмъ критиками, Шерръ называетъ сухой, растянутой и однообразной элегіей и предпочитаетъ ей пошловато—сентиментальныя стихотворенія «Дочь мельника» и т. п. произведенія незрѣлой поры творчества Теннисона. Точно также стихотвореніе «Модъ» («Магдалина») съ его проповѣдью войны и насилія онъ предпочитаетъ «Идилліямъ короля», самой знаменитой національной поэмѣ Теннисона. Можно было бы указать на множество другихъ столь-же непонятныхъ сужденій объ англійской и американской литературахъ, но и указанныхъ нами примѣровъ достаточно для характеристики труда Шерра.

А. Ѳ. Кони.—За послѣдніе годы.—Спб. 1896 г.

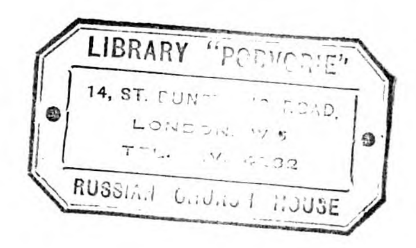
Выдающійся судебный дѣятель, А. Ѳ. Кони выступаетъ въ названномъ трудѣ, какъ моралистъ, ученый, практикъ и должностное лицо. Хотя трудъ этотъ и не представляетъ собою цѣльнаго ученаго трактата, хотя въ немъ разносторонній умъ автора останавливается на разнообразнѣйшихъ сторонахъ судебной практики, науки, этики, философіи и психологіи, тѣмъ не менѣе, онъ представляетъ крупное значеніе въ отечественной литературѣ и потому главнымъ образомъ, что въ немъ на каждой странице рельефно выдѣляется одна опредѣленная руководящая идея. Кому извѣстно, какъ популярно имя г. Кони, какъ прислушивается общественное мнѣніе къ его слову, тотъ согласится, что такіе труды, какъ разсматриваемый, способны принести огромную нравственную пользу, содѣйствуя укрѣпленію въ обществѣ и въ судейскомъ сословіи уваженія къ гражданской личности.

Уже по всему сказанному легко понять, что детальная критическая оцѣнка труда г. Кони—едва-ли возможна; необходимо только установить руководящую идею, одушевляющую автора и подчиняющую себѣ читателя. Живой человѣкъ, съ его страстями, недугами, пороками, но и съ неугасающею искрою Божьею — вотъ то высшее начало, которое должно руководить судами и судьями при исполненіи ими ихъ обязанностей. Таковъ общій выводъ, извлекаемый изъ книги «За послѣдніе годы». Примѣняемый къ частностямъ, онъ выражается въ уваженіи автора ко всѣмъ процессуальнымъ гарантіямъ личности—къ суду присяжныхъ засѣдателей, къ устности и публичности въ процессѣ. Таково, именно, значеніе кассаціонныхъ заключеній, по дѣламъ д. с. с. Алабина (1895 г.) и принца Кейкубата-Мирзы (1889 г.). Авторъ стремится, далѣе, водворить въ судѣ коронномъ, разсматривающемъ дѣла безъ участія присяжныхъ засѣдателей, уваженіе къ началу устности и сознаніе вреда, приносимаго формализмомъ. Относясь гуманно къ положенію обвиняемаго, авторъ проводитъ взглядъ, что оправданіе обвиняемаго, даже

при установленіи присяжными засѣдателями объективнаго факта событія преступленія, исключаетъ возможность разсмотрѣнія судомъ уголовнымъ гражданскаго иска. Точно также авторъ представляется сторонникомъ вѣротерпимости (ср. кассац. закл. по дѣлу Парѳенова), доказывая, что и бракъ между раскольниками, разъ онъ заключенъ не съ нарушеніемъ религіозной формы раскольнической догмы, не есть своего рода «faux menage», а—настоящій бракъ; авторъ обращаетъ вниманіе судей на вредъ, приносимый формальнымъ толкованіемъ законовъ и доказываетъ, что сущность всего уголовнаго правосудія—живой человѣкъ—требуетъ, чтобы законы подвергались высшему истолкованію.

Привести всѣ разсужденія автора не представляется здѣсь возможнымъ, но, думается намъ, лучше всего и характернѣе всего выступаетъ этическое значеніе разсматриваемаго труда въ слѣдующихъ строкахъ его: «юристъ — замѣчаетъ г. Кони (стр. 407) — не долженъ ограничиваться однимъ знаніемъ права, кассаціонныхъ рѣшеній, не долженъ закрывать глаза передъ жизнью, не долженъ быть «статистомъ», въ томъ смыслѣ, какъ понималъ это слово одинъ представитель судебнаго вѣдомства 70-хъ годовъ, производя его отъ слова статьи, — нѣтъ, онъ долженъ быть широко и глубоко образованнымъ человѣкомъ, свѣдущимъ въ исторіи, искусствѣ, литературѣ. Съ ними судья не сдѣлается ремесленникомъ. Игнорируя эти условія, судья упуститъ изъ виду высшій предметъ правосудія—живого человѣка, съ его несчастьями, паденіями, преступленіями, но и съ Божіей искрой, которая во всякомъ теплится... Молодымъ юристамъ, входящимъ въ жизнь, такъ хочется сказать словами Гоголя: «забирайте съ собою, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое ожесточающееe мужество, забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія:—не оставляйте на дорогѣ, не подымите потомъ».—А къ этимъ движеніямъ относятся и пытливость ума и жажда новыхъ знаній».

Если теперь принять въ разсчетъ, что въ книгѣ г. Кони имѣются этюды по философіи, по уголовной психологіи, тюрьмовѣдѣнію, если указать еще на то, что болѣе или менѣе выдающіеся дѣятели прошлаго царствованія и нѣкоторые писатели, какъ напр. Достоевскій, подходящіе по идеямъ своимъ къ міросозерцанію автора, получили надлежащую оцѣнку, то тогда ясно очертится значеніе этой книги. Каждый человѣкъ прочтетъ ее съ истиннымъ удовольствіемъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I. КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ПУБЛИЦИСТИКА.

Вучетичъ, Н. Г. **Божіи дѣти.** Разсказъ для дѣтей. Рисунки художника А. А. Ждаха. Одесса. 1896. Ц. 15 к.

Нищія дѣти, братъ и сестра, мать которыхъ умерла послѣ пожара, отнявшаго у нея все имущество, а отецъ погибъ на войнѣ, побираются Христовымъ именемъ. Въ рождественскую ночь мятель застала ихъ на дорогѣ; «Божіи дѣти» завязли въ сугробахъ снѣга и замерзли. Таково скудное «выдумкой» содержаніе этого разсказа, написаннаго съ шаблонными поползновеніями на художественность.

Смирновъ, Ил. **Родное.** Разсказы для дѣтей. Рисунки П. Е. Литвиненко. Издан. второе, М. В. Клюкина. Москва. 1896. Ц. 75 к.

Нельзя не пожалѣть, что чрезмѣрно высокая цѣна (75 к. за 142 стр.) препятствуетъ распространенію этой интересной и хорошо написанной книги. Всѣ четыре разсказа, помѣщенныхъ въ ней, прочтутся дѣтьми съ полнымъ удовольствіемъ. Авторъ даетъ рядъ простыхъ, жизненныхъ картинъ изъ дѣтской жизни, чуждаясь преднамѣренной, фальшивой дидактики. Обстоятельныя, понятно изложенныя описанія дадутъ юнымъ читателямъ и нѣкоторыя, небезполезныя свѣдѣнія.

Догановичъ, Анна. **Въ кругу дѣтей.** Разсказы для дѣтскаго чтенія. Рисунки П. Литвиненко. Изд. М. Ф. Клюкина. Москва 1896. Ц. 40 к.

Въ этой книгѣ помѣщено четыре разсказа: «Заморышъ», «Маленькій скрипачъ», «Мачиха» и «Химикъ». Всѣ они отличаются недурнымъ изложеніемъ и скудостью замысла, проникнутаго сантиментальностью. Проще другихъ разсказъ «Химикъ», хотя и въ немъ выведено слишкомъ исключительное явленіе: деревенскій мальчикъ, моющій посуду въ трактирѣ и настолько увлекающійся химіей, что проводитъ ночи за опытами. Несмотря на рискованность сюжета, въ разсказѣ многія страницы не лишены жизненности и интереса.

Дмитрій Кайгородовъ. **Лепестки.** Разсказы, очерки и картинки. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1896.

Подъ этимъ несовсѣмъ удачнымъ названіемъ собраны, въ изящно-напечатанной книгѣ, 13 разсказовъ извѣстнаго профессора, автора нѣсколькихъ интересныхъ для юношества книгъ. Написанныя не въ настоящей художественной манерѣ, напряженнымъ тономъ добраго взрослаго «дяди», бесѣдующаго съ милыми ребятишками, пересыпанныя ненужными словесными вычурами и вывертами, книга эта имѣетъ и несомнѣнныя достоинства. Большая и искренняя любовь къ предмету и дѣтямъ сказывается на каждой страницѣ книги, и она, конечно, съ пользою и удовольствіемъ будетъ прочитана тою публикою, для которой предназначена.

Ежегодникъ императорскихъ театровъ. Сезонъ 1895—1896 гг. Приложенія. Книга 1-я Спб. 1896.

«Ежегодникъ», издаваемый подъ редакціей А. Е. Молчанова, заслуженно пользуется извѣстностью сборника матеріаловъ, чрезвычайно цѣнныхъ для исторіи русскаго театра. Въ 1-ой книгѣ «приложеній» къ ежегоднику нынѣшняго года помѣщено нѣсколько хорошо иллюстрированныхъ очерковъ, не лишенныхъ и нѣкоторыхъ литературныхъ достоинствъ. Въ біографіи Ю. Н. Линской, написанной по поводу 25-лѣтія ея смерти, интересенъ, главнымъ образомъ, фактическій матеріалъ, основанный на оффиціальныхъ документахъ. Ха-

рактеристика Линской и ея дарованія не удалась составителю, не обладающему для подобной работы необходимыми художественными данными: все, что онъ говоритъ «отъ себя», заурядно, тогда какъ почти всѣ дѣлаемыя имъ выписки болѣе или менѣе интересны. Нѣсколько самостоятельнѣе очеркъ г Ярцева «На родинѣ русскаго театра (Волковъ въ Ярославлѣ)», посвященный разъясненію нѣкоторыхъ пробѣловъ и погрѣшностей въ біографіи основателя русскаго театра. Н. Коробка въ статьѣ «Николай Ивановичъ Хмельницкій (1789—1845)» не ограничился компилятивнымъ перечнемъ біографическаго матеріала; своеобразная личность автора «Воздушныхъ замковъ» обрисована имъ довольно ярко. Заканчивающіе книгу «Отрывки изъ памятной книги отставнаго режиссера», принадлежащіе перу бывшаго режиссера московской драматической труппы С. П. Соловьева, были уже напечатаны въ газетѣ «Антрактъ» 1865 г. Перепечатка этихъ отрывковъ вызвана тѣмъ, что газета «Антрактъ» сдѣлалась библіографическою рѣдкостью. Соловьевъ даетъ рядъ набросковъ, нелишенныхъ типическихъ чертъ; въ запискахъ его цѣлыя главки посвящены характеристикамъ такихъ крупныхъ сценическихъ дѣятелей прошлаго, какъ Живокини, Самаринъ, Щепкинъ, Мочаловъ, Ленскій и мн. др.

Кавказская жизнь. Художетвенно-литературный сборникъ. Книжка I. Тифлисъ. 1896. Цѣна 1.

Содержаніе этой книги мало соотвѣтствуетъ ея изящной внѣшности: беллетристика въ ней какъ-то наивно и безпомощно слаба, двѣ историческія и одна этнографическая статейки очень незначительны по содержанію. Трудно понять даже, для чего она появилась въ свѣтъ: хотѣли издатели познакомить русскую публику съ жизнью Кавказа? Или просто это сборникъ упражненій начинающихъ кавказскихъ писателей? Первая цѣль такими слабыми средствами не можетъ быть достигнута; что касается второй, то слѣдуетъ сказать, что писатели кавказской жизни совсѣмъ не интересны.

Д. Джеромъ. **Тридцать шесть поученій моей благовѣрной**. Переводъ съ англ. В. И. Штейна. Спб. Изд. М. М. Ледерле. Цѣна 1 р. 50 к.

Краткій очеркъ жизни и дѣятельности Д. Джерома, которымъ начинается книга, даетъ читателю надежду найти въ сочиненіи англійскаго писателя первой половины нашего вѣка нѣчто интересное и замѣчательное. Но сама книга разочаровываетъ. На протяженіи около 250 стр. г-жа Каудэль, лежа въ постели, читаетъ нравоученія своему засыпающему мужу, и терзаетъ его язвительными упреками по поводу разныхъ обстоятельствъ семейной жизни. Первыя страницы снисходительному читателю кажутся забавными, но скоро чрезмѣрное однообразіе начинаетъ докучать, и, какъ ни правдоподобны рѣчи сварливой жены, врядъ-ли у кого достанетъ терпѣнія осилить цѣлый томъ вялаго балагурства на банальныя темы. Переводъ хорошъ, изданіе также, цѣна не высока.

В. С. Кривенко. **По Дагестану**. — Вдали отъ родныхъ. Спб. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Первая часть книги — путевыя замѣтки, а вторая — воспоминанія автора о своемъ пребываніи въ кадетскомъ корпусѣ въ 60-хъ годахъ. Въ путевыхъ замѣткахъ только незначительная часть удѣлена тому, что, собственно, только и можетъ интересовать читателя всякаго путешествія, — описанію той мѣстности, по которой проѣхалъ авторъ, торопясь куда-то: на многихъ страницахъ авторъ распространяется объ отдѣльныхъ эпизодахъ изъ кавказскихъ войнъ, которыя онъ «вспоминаетъ» при помощи разныхъ, преимущественно, общедоступныхъ и общеизвѣстныхъ книгъ. Собственныя наблюденія автора поверхностны и отрывочны и не даютъ никакой цѣльной картины. Въ видѣ газетныхъ фельетоновъ эти «путевыя замѣтки», быть можетъ, и были умѣстны; но перепечатывать ихъ отдѣльно, въ книгѣ, не было никакой надобности, — настолько незначительна какъ историческая, такъ и бытовая сторона этихъ фельетоновъ. Что касается кадетскихъ воспоминаній автора, то они не содержатъ ничего такого, что не было-бы уже десятки разъ пересказано; ни одной новой черты автору не удалось прибавить къ давно извѣстному, такъ что эта часть книги не представляетъ ни литературнаго, ни психологическаго интереса.

II. Психологія и исторія.

Е. М. **Возмездіе или чудеса нашего времени**. Москва. 1896 г., ц. 20.

Г. Е. М. хочетъ убѣдить мыслящихъ читателей въ томъ, что чудеса происходятъ и въ нашъ вѣкъ. Для доказательства этой оригинальной мысли г. Е. М. предлагаетъ «исторію», происшедшую на его глазахъ. Жили были два брата. Старшій изъ нихъ былъ небольшого роста и неуклюжъ, лицо его было изрыто оспой; но за то въ немъ чувствовалось «присутствіе человѣческой души». Другой братъ отличался противоположными качествами: онъ былъ высокаго роста, недурной наружности, но за то «глядя въ его бѣгающіе глаза, вы не чувствовали присутствія души человѣческой». Жила была также красивая дѣвица, Нина Рубенко. Старшій братъ сдѣлалъ Нинѣ предложеніе, которое было при-

нято. Младшій братъ, какъ истый Мефистофель, позавидовалъ счастью старшаго брата, отбилъ у него невѣсту и самъ женился на ней. По обыкновенію, пошли дѣти. Послѣдніе, къ удивленію сосѣдей, съ раннихъ лѣтъ стали проявлять неудержимую страсть къ воровству. Въ этомъ авторъ видитъ чудо и вмѣстѣ съ тѣмъ судъ Божій! По его объясненіямъ несчастную мать постоянно преслѣдовала мысль, что братъ *укралъ* невѣсту у брата. Мысль эта не покидала ее и во время беременности. И вотъ въ дѣтяхъ какъ бы воплотилась идея воровства! Авторъ, очевидно, слышалъ да не дослышалъ какой-то звонъ о моноидеизмѣ и объ его вліяніи на физіологическіе процессы...

Д-ръ Ланге. **Эмоціи.** Психофизіологическій этюдъ. Изданіе магазина «Книжное дѣло». М. 1896 г. Ц. 30 к. 95 стр.

Брошюра д-ра Ланге, профессора патологической анатоміи въ копенгагенскомъ университетѣ, переведена на русскій языкъ вмѣстѣ съ предисловіемъ французскаго переводчика. Предметъ ея—опредѣленіе природы эмоціи. Д-ръ Ланге вооружается противъ обыкновеннаго опредѣленія, по которому эмоція есть «таинственная энергія, выражающаяся движеніями, вызываемыми ею въ тѣлѣ человѣка». По мнѣнію д-ра Ланге, пора прекратить изслѣдованіе состояній духа при помощи стараго метода, метода самонаблюденія. Изученіе эмоцій можетъ стать научнымъ лишь тогда, когда найдены будутъ внѣшіе, объективные признаки ихъ. Эти признаки, дающіе изслѣдованію научную отправную точку, суть слѣдующіе: жесты, позы и тому подобныя явленія органическаго характера. По мнѣнію д-ра Ланге, всѣмъ этимъ явленіямъ въ организмѣ предшествуютъ измѣненія въ сосудо-двигательной системѣ. Основываясь на этомъ предположеніи, авторъ думаетъ, что всякая эмоція есть не что иное, какъ болѣе или менѣе скрытое сознаніе сосудодвигательныхъ явленій, совершающихся въ тѣлѣ. Мы ничего не имѣемъ противъ изученія эмоцій, съ физіологической стороны. Мы признаемъ, что всякой эмоціи соотвѣтствуютъ въ нашемъ организмѣ физіологическія и даже просто физическія движенія. Но мы не допускаемъ ни на секунду, чтобы сущность эмоціи заключалась въ физіологическихъ процессахъ. Современные ученые хотятъ во что бы то ни стало отожествить духъ съ матеріей, внушить мысль, до сихъ поръ представляющую недоказанную гипотезу, что духъ есть только сознаніе разнородныхъ физіологическихъ процессовъ, совершающихся въ организмѣ. *Сознаніе!* Въ этомъ словечкѣ — вся суть. Физіологи, сами того не замѣчая, вводятъ въ свои изслѣдованія понятіе, качественно отличающееся отъ понятій физіологическаго порядка, и этимъ въ корень подрываютъ собственную теорію...

И. Н. Шамонинъ и Д. М. Петрушевскій. **Исторія Греціи со времени пелопонесской войны.** Сборникъ статей. Вып. 2. М. 1896 г. 502 стр.

Второй выпускъ «Исторіи Греціи» составленъ такъ же удачно и интересно, какъ и первый. Онъ состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ. Въ первомъ оканчивается изложеніе результатовъ македонскаго завоеванія; во второмъ излагается эпоха діадоковъ; въ третьемъ разсматривается расцвѣтъ эллинизма въ эпоху эпигоновъ, наконецъ, въ послѣднемъ отдѣлѣ описывается упадокъ эллинизма.

Общеполезная библіотека для самообразованія. Изданіе М. В. Клюкина. *Заборовскій.* **Доисторическій человѣкъ.** Переводъ съ французскаго. Цѣна 40 к.;—*Ив. Семеновъ.* **Исторія культуры.** Цѣна 75 к.—Москва. 1896 г.

Книги, подобныя этимъ двумъ, отвѣчаютъ дѣйствительной и серьезной потребности русскаго общества, но, по большей части, какъ и разсматриваемыя двѣ книжки, отвѣчаютъ очень плохо. И это не потому, что сами по себѣ книги плохи, — нѣтъ, онѣ приличны, и читатель изъ нихъ что-нибудь извлечетъ. Нехорошо здѣсь только это наивное стремленіе выдать чтеніе популярныхъ и, въ сущности, очень поверхностныхъ книжекъ за серьезный трудъ самообразованія и такимъ образомъ замѣнить систематическую работу, безъ которой немыслимо образованіе, легкимъ и случайнымъ схватываніемъ разнообразныхъ свѣдѣній. Единственное употребленіе, которое можно сдѣлать изъ такихъ книжекъ, это—давать ихъ тѣмъ, кого надо пріохотить къ чтенію; да и тутъ польза сомнительна. Изъ двухъ разсматриваемыхъ книгъ первая (Доисторическій человѣкъ) кажется намъ лучшею, хотя, особенно въ началѣ, она представляетъ сухое и утомительное нагроможденіе свѣдѣній, выбранныхъ не достаточно строго и изложенныхъ слишкомъ сжато; переводъ сдѣланъ человѣкомъ, повидимому, недостаточно знакомымъ съ предметомъ, что сказывается, особенно, въ неловкомъ употребленіи терминовъ; слогъ перевода запутанный, неясный, неточный. Вторая книга (Исторія культуры) производитъ впечатлѣніе поверхностной, наскоро сдѣланной работы; свѣдѣнія—безъ всякаго выбора и системы, объясненія часто неточны или сомнительны; авторъ любитъ употреблять иностранныя слова, часто безъ всякой надобности.

IIII. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ.

Денежная реформа. Сводъ мнѣній и отзывовъ. Сп. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Этотъ сборникъ въ нѣкоторой степени является полезнымъ дополненіемъ къ извѣстному уже читателямъ изданію Вольнаго Экономическаго Общества—«Реформа денежнаго обращенія». Въ изданіи Вольнаго Экономическаго Общества напечатаны доклады и стенографически записанныя пренія по докладамъ. Въ сборникѣ «Денежная реформа» напечатаны доклады и пренія по докладамъ въ Обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ и с.-петербургскомъ собраніи сельскихъ хозяевъ. Кромѣ того, въ этомъ сборникѣ перепечатаны почти всѣ болѣе или менѣе серьезныя статьи изъ разныхъ газетъ по вопросу о денежной реформѣ. Въ виду этого, всѣ, желающіе экономизировать время при наведеніи разныхъ справокъ по вопросу о намѣченной у насъ денежной реформѣ могутъ достигнуть этой цѣли, пользуясь сборникомъ «Денежная реформа».

Бортксвичъ. **О денежной реформѣ, проектированной министерствомъ финансовъ.** Сп. 1896 г. Ц. 50 к.

Небольшая брошюра г. Борткевича принадлежитъ къ той литературѣ, которая теперь появляется въ изобиліи по вопросу о денежной реформѣ, и выходитъ изъ-подъ пера мало подготовленныхъ авторовъ, нерѣдко проникнутыхъ самыми благими побужденіями. Къ числу такихъ принадлежитъ и г. Борткевичъ. Онъ задался самой похвальной цѣлью подвергнуть тщательной критикѣ проектъ денежной реформы, составленной министерствомъ финансовъ. Задача г. Борткевича значительно облегчалась благодаря тому, что отсутствіе положительныхъ сторонъ въ проектѣ было доказано въ цѣломъ рядѣ брошюръ, статей и докладовъ. Къ сожалѣнію, г. Борткевичъ не смогъ толково воспользоваться имѣвшимся у него матеріаломъ и проявилъ крайнее неумѣніе выражать свои мысли. Его главные доводы противъ проекта министерства финансовъ кажутся вполнѣ убѣдительными, но они обезображены невозможнымъ изложеніемъ, дающимъ поводъ къ уличенію г. Борткевича въ противорѣчіяхъ и непониманіи того. о чемъ онъ самъ пишетъ. Предостерегая читателей на счетъ такихъ недостатковъ брошюры г. Борткевича, мы все таки совѣтовали бы, памятуя объ указанныхъ недостаткахъ, прочесть ее внимательно.

Шершеневичъ. **Опредѣленіе понятія о правѣ.** Казань 1896 г. Ц. 75 к.

Читателямъ «Сѣвернаго Вѣстника» отчасти уже извѣстна эта брошюра по цитатамъ, приведеннымъ въ статьѣ «Узаконенія крестьянской жизни». Г. Шершеневичъ причисляетъ себя къ юристамъ, отдающимъ предпочтеніе гуманнымъ началамъ предъ требованіями писаннаго права. Конечно, онъ поклонникъ права и признаетъ его великимъ культурнымъ и гуманнымъ регуляторомъ общественной жизни. «Право, говоритъ проф. Шершеневичъ, есть норма, опредѣляющая отношенія человѣка къ человѣку угрозою на случай нарушенія извѣстнымъ страданіемъ, которое будетъ причинено установленными для этой цѣли органами государственной власти» (73 с.). Мы склонны думать, что право, въ самомъ дѣлѣ, предназначено держать въ страхѣ людей, а не опредѣлять отношенія между людьми, которыя навѣрно безъ «права» господъ юристовъ гораздо скорѣе опредѣлили бы свои взаимныя отношенія безъ страшныхъ угрозъ и мучительныхъ каръ.

Суликовскій. **Земледѣльческое производство и желѣзнодорожные тарифы.** Сп. 1896 г. Ц. 2 р.

Въ преніяхъ на послѣднемъ съѣздѣ представителей южныхъ губерній по вопросу объ урегулированіи хлѣбныхъ тарифовъ этотъ вопросъ получилъ не лишенную интереса политическую окраску. При необъятной территоріи Россіи оказалось невозможнымъ примирить интересы различныхъ мѣстностей. Представители разныхъ районовъ настаивали на обособленіи и расчисленіи территоріи путемъ тарифныхъ ставокъ, не обирающихъ одинъ районъ въ пользу другаго. Эта чисто политическая сторона вопроса о хлѣбныхъ тарифахъ представляется настолько серьезной и важной, что, быть можетъ, она послужитъ темой для новыхъ брошюръ и монографій. Книга г. Суликовскаго не стоитъ на высотѣ такой нѣсколько новой постановки вопроса, а составлена изъ разныхъ шаблонныхъ указаній, совѣтовъ и правилъ для «мудраго» упорядоточенія хлѣбныхъ тарифовъ. Само собою понятно, что то или иное отношеніе къ вопросу о регулированіи хлѣбныхъ тарифовъ стоитъ въ тѣсной зависимости отъ взглядовъ автора на вопросъ о значеніи хлѣбныхъ цѣнъ. Признаніе дешевизны хлѣбовъ явленіемъ вреднымъ для интересовъ страны и народа неизбѣжно приводитъ къ тому заключенію, что хлѣбные тарифы, содѣйствующіе пониженію хлѣбныхъ цѣнъ, ничего кромѣ вреда не приносятъ. Г. Суликовскій именно такъ и смотритъ на пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ. «Теорія оптимистовъ о блаженныхъ послѣдствіяхъ дешевизны хлѣбовъ въ дѣйствительности, говоритъ г. Суликовскій, не находитъ оправданія и при болѣе близкомъ разсмотрѣніи исчезаетъ на подобіе мыльнаго пузыря Страны, выдающіяся своею зажиточностію не могутъ вовсе похвастаться низкими цѣнами хлѣбовъ и съѣстныхъ припасовъ, ча

ще всего бываетъ прямо противоположное: средства продовольствія тамъ дороги и цѣны высоки, между тѣмъ какъ, наоборотъ, въ бѣдныхъ общественныхъ организмахъ, за исключеніемъ періодовъ неурожая, цѣны по большей части стоятъ на низкомъ уровнѣ» (124 с.). Какъ видите, бѣднымъ странамъ въ интересахъ превращенія ихъ въ богатыя страны полезно переживать почаще неурожаи и поддерживать высокія цѣны на хлѣбъ. Прекрасный рецептъ и пусть по этому рецепту разбогатѣетъ самъ г. Суликовскій.

Хозяйственно-статистическія свѣдѣнія по Симбирской губерніи, I-й вып. по текущей статистикѣ. Сельско-хозяйственный обзоръ губерніи за весенній періодъ 1896 г.

Симбирское губернское земство, поставленное новымъ закономъ объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ въ затруднительное положеніе, какъ и многія другія земства, не думавшія раньше о статистикѣ, съ января текущаго года организовало при управѣ особое оцѣночно-статистическое отдѣленіе. По первой работѣ этого отдѣленія можно уже судить, что симбирская статистика находится въ надежныхъ рукахъ (завѣдуетъ ею П. П. Фирсовъ, бывшій херсонскій статистикъ) и что симбирское земство не постигнетъ участь уфимскаго или тверскаго, истратившихъ на новыя оцѣночныя работы десятки тысячъ рубл. и почти ничего не сдѣлавшихъ.

Въ оцѣночныхъ работахъ симбирскаго земства совершенно правильно разграничены два типа статистическихъ данныхъ: а) основныя, выясняющія современное состояніе облагаемыхъ имуществъ, и б) текущія, періодически собираемыя объ измѣняющихся явленіяхъ хозяйственной жизни. Сообразно съ этимъ симбирское земство положило начало не только основнымъ оцѣночнымъ работамъ, но и такъ называемой *текущей* статистикѣ, безъ которой, по нашему мнѣнію, не можетъ обойтись ни одна правильно организованная оцѣнка имуществъ по новому оцѣночному закону.

Матеріаломъ для составленія разбираемаго «Сельско-хозяйственнаго обзора» послужили сообщенія 412-ти добровольныхъ корреспондентовъ статистическаго отдѣленія. Преобладающимъ элементомъ въ средѣ симбирскихъ корреспондентовъ, какъ и въ другихъ губерніяхъ, является сельское духовенство (40% общаго числа корреспондентовъ); затѣмъ слѣдуетъ группа интеллигентныхъ работниковъ деревни: учителя, врачи (25%); около же 25% всего числа корреспондентовъ составляютъ землевладѣльцы и арендаторы. Благодаря такому удачному, для перваго года, качественному и количественному подбору корреспондентовъ, статистическому отдѣленію удалось получить довольно цѣнный матеріалъ о сельско-хозяйственной жизни губерніи за весенній періодъ года. Хотя обработка этого матеріала мѣстами и страдаетъ нѣкоторыми недочетами, обусловленными, очевидно, спѣшностью работы и новизною самаго дѣла для молодого бюро, тѣмъ не менѣе нужно признать, что симбирскіе статистики справились со своей задачей вполнѣ удовлетворительно и положенное ими начало текущей статистики весьма удачнымъ. Заслуживаютъ вниманія и сочувствія и планы будущихъ работъ симбирскихъ статистиковъ. Справедливо полагая, что текущая статистика не должна ограничиваться лишь областью сельскаго хозяйства, они надѣются въ будущемъ охватить въ своихъ работахъ по возможности всѣ стороны хозяйственной жизни губерніи, какъ-то: торговлю, промышленность фабричную и заводскую, кустарные и отхожіе промыслы, движеніе поземельной собственности, задолженность землевладѣнія и пр. Вполнѣ раздѣляя эти взгляды и желая скорѣйшаго ихъ осуществленія, мы идемъ дальше въ своихъ сочувственныхъ пожеланіяхъ молодой статистикѣ: намъ хотѣлось бы видѣть въ симбирскихъ сборникахъ по текущей статистикѣ серьезное изученіе экономическихъ и духовныхъ нуждъ края, а не отраженіе одной только хозяйственной дѣятельности населенія губерніи.

Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ рынкахъ Россіи за 1890—1895 годы. Матеріалы для торгово-промышленной статистики. Изд. департ. торговли и мануфактуръ. Спб. 1896 г.

Изданный департаментомъ торговли и мануфактуръ, подъ руководствомъ начальника отдѣленія г. Блау, «Сводъ товарныхъ цѣнъ» представляетъ первую у насъ попытку систематической разработки публикуемыхъ свѣдѣній о цѣнахъ на различные товары. Основнымъ матеріаломъ для этой работы послужили биржевые бюллетени и прейсъ-куранты. Кромѣ того, составителями были использованы телеграфныя свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣба и спиртъ, собираемыя самимъ департаментомъ торговли и мануфактуръ, данныя министерства земледѣлія о хлѣбныхъ цѣнахъ, многочисленныя сообщенія корреспондентовъ «Торгово-промышленной газеты», свѣдѣнія о цѣнахъ на скотъ с.-петербургскаго, московскаго и одесскаго скотопригонныхъ рынковъ и данныя о цѣнахъ на нефтяные продукты въ Баку. Весь этотъ матеріалъ, послѣ критической его оцѣнки, сгруппированъ въ двоякаго рода таблицы: за трехлѣтіе 1893—1895 гг. даны среднія мѣсячныя цѣны товаровъ, а

за шестилѣтіе, съ 1890 по 1895 г., среднія годовыя съ указаніемъ цѣнъ высшихъ и низшихъ. Среднія цѣны, понятно, выводились арифметическимъ путемъ, такъ какъ, при существующихъ условіяхъ регистраціи торговыхъ операцій, нѣтъ никакой возможности определить количество обращающихся на данномъ рынкѣ товаровъ и сообразно этому количеству вывести дѣйствительную среднюю цѣну. Во всякомъ случаѣ, по полнотѣ собраннаго матеріала и тщательности его обработки «Сводъ» составляетъ весьма полезное пособіе для всѣхъ интересующихся вопросомъ о товарныхъ цѣнахъ. Остается только пожелать, чтобы департаментъ торговли и мануфактуръ не остановился на этомъ опытѣ, а поставилъ себѣ задачей, на будущее время, издавать подобные своды за каждый годъ.

А. А. Бернацкій. **Кустарно-промышленныя товарищества и артели въ Пермской губерніи, организованныя при содѣйствіи кустарно-промышленнаго банка пермскаго губернскаго земства.**

Немного артелей организовано пермскимъ земскимъ кустарно-промышленнымъ банкомъ: за полтора года его дѣятельности всего насчитывается 14 артелей; да и тѣ преимущественно мелкія, состоящія изъ 3—5 членовъ. Точно также крайне незначителенъ и размѣръ ссудъ, выданныхъ банкомъ этимъ артелямъ: изъ общей суммы ссудъ на долю артелей едва приходится 5%, тогда какъ отдѣльнымъ кустарямъ выдано почти 90%. Отсюда ясно, что пермскія кустарныя артели—дѣло очень скромное и особенной будущности не имѣющее. Хотя авторъ названной брошюры и убѣжденъ въ противномъ, хотя онъ и говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что важнѣйшимъ побудительнымъ мотивомъ къ организаціи артелей служатъ выгоды оптовой совмѣстной закупки кустарями сырья, совмѣстной же продажи издѣлій, а также удобства пріобрѣтенія на общія средства дорого стоющихъ машинъ и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, выгоды совмѣстнаго труда,—тѣмъ не менѣе изъ другихъ его словъ можно вывести иное и, пожалуй, болѣе вѣрное заключеніе о причинахъ возникновенія артелей. Оказывается, что «ближайшей причиной уясненія общности интересовъ кустарей и выгодности веденія дѣла на артельныхъ началахъ» является «удобство совершенія займа безъ сторонняго поручительства и возможность полученія необходимыхъ для веденія промысла оборотныхъ средствъ»...

Существующія условія нашей кустарной промышленности, какъ извѣстно, нельзя признать особенно благопріятными. Что можетъ подѣлать артель или товарищество кустарей съ чрезмѣрно высокими ставками желѣзнодорожныхъ тарифовъ, хотя бы въ приведенномъ г. Бернацкимъ примѣрѣ? Казенная уральская желѣзная дорога,—разсказываетъ онъ,—взыскиваетъ за перевозку массивныхъ и нерѣдко весьма грубыхъ мраморныхъ издѣлій кустарей мраморскаго завода (Екатеринбургскаго у.) плату по 1-му классу, т. е. по тому же разсчету, по которому оплачивается провозъ самыхъ цѣнныхъ предметовъ роскоши, какъ ліонскій бархатъ, заграничныя кружева и пр. Не удивительно, что кустари возятъ свои издѣлія *за сотни верстъ гужемъ*, рядомъ съ желѣзной дорогой, такъ какъ гужевая доставка, несмотря на всѣ затрудненія, сопряженныя съ нею, обходится все же *во много разъ дешевле* доставки по желѣзной дорогѣ. Наиболѣе интересную часть брошюры г. Бернацкаго составляютъ приведенные имъ характерные примѣры артельныхъ договоровъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Неудавшійся музыкантъ.

(Неизданныя воспоминанія филолога [1]).

Существуетъ безъ сомнѣнія музыка вѣчная, обнимающая всѣ роды музыки и на ряду съ этимъ въ музыкѣ существуетъ безконечное разнообразіе, такъ что мы даже затруднимся признать даромъ музъ нѣкоторые ея виды. Музыка заключаетъ въ себѣ и нѣчто безсмертное, вѣчное, и нѣчто смертное, преходящее. Привычка несомнѣнно играетъ относительно музыки видную роль, такъ какъ для непривычнаго слушателя, кажется ужаснымъ то, что насъ восхищаетъ.

Индійская музыка построена на математическихъ законахъ и стала извѣстна намъ только послѣ долгаго развитія, длившагося нѣсколько вѣковъ. Но когда мы слышимъ ее въ первый разъ, она кажется намъ просто шумомъ, въ которомъ мы не можемъ различить ни мелодіи, ни гармоніи, ни такта. У маоритовъ также своя музыка; если-же мы заставимъ ново-зеландца прослушать длинную симфонію Бетховена, онъ, по всей вѣроятности, сбѣжитъ задолго до конца.

У насъ можно замѣтить то-же явленіе, но только въ меньшей степени: произведенія Бетховена считались сначала чѣмъ-то дикимъ и безпорядочнымъ и почитатели Гайдна и Моцарта не могли выносить ихъ. Впослѣдствіи весь міръ возвысился до пониманія его 9-ой симфоніи; но нѣкоторые его сонаты, написанныя для скрипки съ роялью, оставались непонятными, и даже такіе великіе музыканты, какъ Давидъ и Мендельсонъ, исполнявшіе ихъ въ моемъ присутствіи, пожимали плечами и утвер-

---

[1]) Кто-бы могъ предположить, что извѣстный ученый филологъ Максъ Мюллеръ мечталъ когда-то о томъ, чтобъ сдѣлаться музыкантомъ. Онъ очень мило и не безъ юмора разсказываетъ объ этомъ въ октябрьской книжкѣ международнаго журнала «Космополисъ». Предлагаемъ нашимъ читателямъ переводъ его «воспоминаній». Ред.

ждали, что Бетховенъ измѣнилъ своему генію, когда писалъ ихъ. А въ настоящее время мы уже настолько ушли впередъ, что многіе молодые люди слушаютъ эти вещи съ искреннимъ наслажденіемъ. Я помню время, когда въ Лейпцигѣ стали извѣстны первые романсы Шумана; наиболѣе компетентные судьи считали ихъ тогда многообѣщающимъ, но любопытнымъ и страннымъ явленіемъ, между тѣмъ какъ теперь они признаны восхитительными.

Итакъ въ музыкѣ несомнѣнно играетъ роль привычка и мы непрестанно пополняемъ наше музыкальное образованіе. Приближается, однако, время, когда наше музыкальное образованіе будетъ закончено, потому что не изъ чего будетъ пополнять его. Что касается меня, то я прошелъ въ музыкѣ трудную школу. Я началъ съ Гайдна, Моцарта и Бетховена, я воспитался на Мендельсонѣ, возвысился до Шумана и закончилъ Брамсомъ. Дальше пойти я не могъ,—я никогда не могъ дойти до пониманія Вагнера. Это конечно моя вина, но вѣдь и vulgum pecus имѣетъ свои права, прежде всего имѣетъ право протестовать, когда музыка утомляетъ его, вмѣсто того чтобъ укрѣплять и освѣжать.

Я воспитывался въ Дессо, маленькой столицѣ маленькаго герцогства Анхалтъ-Дессо, населеніе котораго не превышало 12 тысячъ. Это былъ прелюбопытный городокъ, съ одной единственной улицей, пересѣкавшей его съ одного края до другого, она называлась Кавалерійской улицей и была довольно широка и вымощена съ обѣихъ сторонъ. Но, несмотря на мостовую, ее приходилось иногда очищать отъ травы, такъ какъ движенія по ней было все-же слишкомъ мало, и трава выростала между камней (въ щеляхъ мостовой). Дома были по большей части маленькіе въ одинъ этажъ съ мезониномъ (чердакомъ). Всѣ другъ друга знали. Мой дѣдушка, бывшій первымъ министромъ герцога, получалъ двѣ тысячи талеровъ жалованья, съ прибавкой на квартиру, экипажи и на лошадей. Я помню, что у него бывали восхитительныя литературныя и музыкальныя собранія по вечерамъ. На этихъ собраніяхъ исполняли «Донъ-Жуана»—Моцарта и Фиделіо Бетховена и критиковали послѣднія произведенія Гете за чашкой чаю или за стаканомъ вина. Мать моя поселилась у дѣда послѣ кончины моего отца, умершаго, когда мнѣ было четыре года. Мы играли въ большомъ саду, находящемся позади дома и отдѣленномъ отъ сосѣднихъ садовъ низенькимъ заборомъ. Сосѣди переговаривались черезъ эти заборы и дѣла города часто обсуждались такимъ упрощенымъ способомъ. Нашъ сосѣдъ справа держалъ пансіонъ и одинъ изъ пансіонеровъ былъ молодой человѣкъ, пріѣхавшій въ Дессо, чтобъ заниматься музыкой подъ руководствомъ Шнейдера. Этотъ молодой человѣкъ часто разговаривалъ со мной черезъ заборъ, когда мнѣ было пять лѣтъ. Однажды онъ притянулъ меня къ себѣ и спросилъ меня не хочу-ли я учиться играть на фортепьяно. Я конечно согласился и онъ взялъ

съ меня обѣщаніе ежедневно приходить къ нему на полчаса, но никому объ этомъ говорить не велѣлъ, даже матери. Я обѣщалъ и въ точности исполнилъ обѣщаніе. Черезъ шесть мѣсяцевъ я сѣлъ за фортепьяно моего дѣда и ко всеобщему изумленію сыгралъ нѣсколько мелкихъ отрывковъ изъ Моцарта и Делиба. Какъ и нужно было ожидать, мой юный сосѣдъ, фамилія его была Кале, сталъ моимъ учителемъ музыки. Я платилъ ему пять грошей (10 сантимовъ) за урокъ, и дѣлалъ большіе успѣхи. Мать моя была музыкантша, у нея былъ прелестный контральто и ея часто просили участвовать въ большихъ музыкальныхъ празднествахъ Германіи.

Царствовавшій въ то время герцогъ держалъ прекрасный оркестръ подъ управленіемъ Фридриха Шнейдера, который въ то-же время завѣдывалъ капеллой и былъ директоромъ музыкальной школы, называемой теперь консерваторіей. Въ эту школу стекались ученики изо-всѣхъ угловъ Германіи и отсюда вышли многіе замѣчательные музыканты и композиторы.

Два раза въ мѣсяцъ давались общедоступные концерты, а два раза въ недѣлю бывали репетиціи, на которыхъ присутствовали лишь немногіе избранные. Я принадлежалъ къ числу избранныхъ и каждый вторникъ и пятницу послѣ классовъ слушалъ лучшую музыку въ артистическомъ исполненіи. Старикъ Шнейдеръ былъ большой оригиналъ. Онъ имѣлъ страсть къ вину, вслѣдствіе чего все лицо его, и особенно носъ, было багроваго цвѣта. Онъ совершенно не терпѣлъ противорѣчій и былъ страшенъ для молодыхъ музыкантовъ, заѣзжавшихъ въ Дессо. Среди этихъ послѣднихъ находился Мендельсонъ, тогда еще юноша, посѣщенія котораго произвело на меня глубокое впечатлѣніе. Я былъ еще ребенкомъ, но лицо его казалось мнѣ ликомъ ангела. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ органистовъ и однажды играя на органѣ въ нашемъ соборѣ, онъ меня посадилъ къ себѣ на колѣни и попросилъ меня сыграть хоралъ, тогда какъ онъ будетъ держать педаль. Я помню это такъ живо, какъ еслибъ это было вчера и я далъ себѣ слово тогда сдѣлаться музыкантомъ. Не даромъ-же моимъ крестнымъ отцомъ былъ Веберъ, Карлъ Веберъ, давшій мнѣ имя Максъ. Мои родители встрѣтились съ Веберомъ въ Дрезденѣ и отецъ собирался написать либретто для новой оперы, которая никогда не была окончена.

Моя мать и жена Вебера были обѣ беременны и ожидали разрѣшенія въ одно и то-же время; между ними было условлено, что если у одной изъ нихъ родится мальчикъ, то его назовутъ Максомъ, а если дѣвочка, то Агафіей. Родилось два мальчика. Максъ Веберъ былъ выдающимся писателемъ и путешественникомъ, а позднѣе вліятельнымъ финансистомъ въ Австріи. Онъ напечаталъ біографію своего отца, переведенную, какъ мнѣ кажется, на англійскій языкъ. Старый Шнейдеръ былъ очень любезенъ съ Мендельсономъ, когда тотъ при-

халъ въ Дессо; они оба были горячими поклонниками Генделя и Баха; но романтическія произведенія юнаго композитора не понравились старому маэстро. Онъ былъ чрезвычайно рѣзокъ и вспыльчивъ. Такъ однажды у него произошла бурная сцена съ знаменитой пѣвицей, m-me Зонтагъ. Нужно замѣтить, что онъ относился съ пренебреженіемъ ко всѣмъ композиторамъ, фамилія которыхъ кончалась на «ани» или на «антъ» и лишь изрѣдка уступалъ желанію герцога или герцогини послушать въ исполненіи ихъ собственнаго оркестра что-нибудь изъ Россини или изъ Меркаданта. Но когда m-me Зонтагъ дерзнула обратиться къ оркестру съ просьбой съиграть alentando, старый музыкантъ махнулъ своей палочкой. «Сударыня, сказалъ онъ ей,—вы можете пѣть все что вамъ угодно, но мой оркестръ играетъ то, что угодно мнѣ». Этимъ все было сказано. Когда мнѣ было одиннадцать или двѣнадцать лѣтъ, старый Шнейдеръ позволилъ мнѣ играть концерты Моцарта подъ акомпанементъ оркестра. Это было важнымъ событіемъ въ моей жизни и все казалось говорило, что я буду музыкантомъ. Когда впослѣдствіи я былъ въ Николаевской школѣ въ Лейпцигѣ, я жилъ опять въ музыкальной семьѣ профессора Kариса: его жена восхитительно пѣла, а сынъ, ученикъ, Давида былъ прекраснымъ скрипачемъ. Я было сталъ играть на віолончели, но не особенно успѣшно, и потому поступилъ въ хоръ, которымъ дирижировалъ Мендельсонъ, состоявшій тогда директоромъ знаменитыхъ концертовъ Гевандхауза (Gewandhaus) въ Лейпцигѣ. Онъ часто заставлялъ насъ репетировать какую-нибудь изъ своихъ вещей, желая слышать ее до концерта. Какъ другъ моего отца и моей матери, Мендельсонъ былъ всегда чрезвычайно милъ со мной, но не совѣтовалъ мнѣ посвящать себя музыкѣ. Въ сущности у меня не хватило времени служить двумъ господамъ: мои занятія музыкой отвлекали меня отъ занятій древними языками, а по мѣрѣ того, какъ я становился серьезнѣе, мой умъ постепенно удалялся отъ музыки и углублялся въ Гомера и Цицерона и великія идеи древняго міра.

Пока я былъ въ Лейпцигѣ, я еще рѣшался иногда выступать на публичныхъ концертахъ, но когда я сталъ ближе всматриваться въ жизнь и долженъ былъ выбрать карьеру, то окончательно оставилъ всякую мысль о музыкѣ. Меняпобудило къ этому рѣшенію слѣдующее соображеніе: въ моемъ семействѣ была распространена глухота—моя мать оглохла еще въ молодости, мой дѣдъ, нѣсколько моихъ дядей и кузеновъ также потеряли слухъ. Меня могла постигнуть та-же участь. И такъ я рѣшилъ посвятить себя латыни. Профессорская каѳедра стала цѣлью моихъ честолюбивыхъ стремленій, въ случаѣ-же еслибы меня постигла неудача, говорилъ я себѣ, всегда будетъ время удалиться въ уединенную келью, подобно бенедиктинцу и зарабатывать хлѣбъ перомъ. Но, несмотря на это, музыка всю жизнь была моимъ истиннымъ и вѣрнымъ другомъ.

Чудесные концерты парижской консерваторіи всегда казались мнѣ совершенствомъ инструментальной музыки; никакое другое исполненіе не могло выдержать сравненія съ ними. Но доставать билеты было трудно: желающіе получить абонементъ простаивали передъ кассой цѣлыя ночи. Абонементъ былъ мнѣ не по средствамъ, такъ какъ въ Парижѣ я былъ предоставленъ самому себѣ, но одинъ изъ моихъ друзей часто бралъ меня съ собой въ консерваторію и я слушалъ музыку, сидя въ коридорѣ. Дирижеръ оркестра былъ уже старикъ, у него была нѣмецкая фамилія, которую я ужъ забылъ; кажется это былъ Хабенекъ. Онъ напоминалъ мнѣ Шнейдера, что-же касается до его оркестра, то онъ былъ дисциплинированъ, какъ полкъ салдатъ. Музыка не только доставляла мнѣ духовное наслажденіе, но и часто оказывала помощь на жизненномъ пути. Многіе дома въ Парижѣ и Лондонѣ, недоступные простому профессору, были для меня открыты. Музыканты также интересовались сыномъ поэта Вильяма Мюллера, стихи котораго были положены на музыку Шубертомъ и другими извѣстными композиторами. Я помню, что когда Женни Линдъ (Jenny Lind) узнала, кто былъ моимъ отцомъ, то всплеснула руками и воскликнула: «Какъ! Вы сынъ автора «Мюллермедеръ»? Такъ садитесь и позвольте мнѣ спѣть вамъ «die schöne Müllerin». Боже мой, сколько воспоминаній! Я слышалъ Листа, когда еще былъ въ школѣ въ Лейпцигѣ. Это было его первое путешествіе по Германіи, но оно походило на шествіе тріумфатора. Онъ былъ молодъ, театраленъ и удивительно привлекателенъ, по единогласному мнѣнію дамъ. Его игра была тогда новостью, хотя теперь всѣ исполнители дѣлаютъ то-же самое.

Американскіе критики, мнѣніе которыхъ считалось въ Лейпцигѣ закономъ, были очень сдержанны въ своихъ сужденіяхъ. Одинъ Мендельсонъ, отличавшійся горячностью, принялъ Листа съ распростертыми объятіями. Онъ устроилъ у себя музыкальное утро, на которое были приглашены первоклассные музыканты. Листъ явился въ своемъ дикомъ, но роскошномъ венгерскомъ костюмѣ. Онъ сказалъ Мендельсону, что онъ написалъ нѣчто спеціально для него, потомъ сѣлъ за рояль и съигралъ венгерскую мелодію съ тремя или четырьмя варіаціями—одна непостижимѣе другой. Мы были очарованы, поражены. Когда всѣ поздравили героя дня, нѣкоторые изъ друзей Мендельсона подошли къ нему и сказали: «Ахъ, Феликсъ, мы можемъ теперь ретироваться, никто не въ состояніи сравниться съ нимъ! Это выше нашихъ силъ»! Мендельсонъ улыбнулся и, когда Листъ попросилъ его съиграть что-нибудь, онъ засмѣялся и отвѣтилъ, что съ этихъ поръ не будетъ играть. Но Листъ не принялъ отказа и такъ настаивалъ, что Мендельсонъ согласился и сказалъ: «Хорошо, я съиграю, но съ условіемъ, что вы не разсердитесь»? Онъ сѣлъ и съигралъ... венгерскую мелодію Листа, а потомъ всѣ варіаціи, одну за другой, такъ хорошо, что ни-

кто, кромѣ самого Листа, не замѣтилъ разницы. Мы всѣ боялись, что Листа это задѣнетъ, такъ какъ, играя, Мендельсонъ невольно подражалъ его движеніямъ и манерамъ, но Листъ только смѣялся и аплодировалъ, признавая, что онъ самъ никогда-бы не достигъ такого успѣха. Много лѣтъ спустя я видѣлъ Листа въ Лондонѣ, когда онъ былъ тамъ въ послѣдній разъ. Когда онъ вошелъ въ театральную залу, чтобъ видѣть Ирвинга и Елену Терри въ «Фаустѣ», всѣ зрители поднялись съ мѣстъ, какъ одинъ человѣкъ. По окончаніи спектакля я получилъ приглашеніе на ужинъ, даваемый въ честь Листа. Насъ было около тридцати человѣкъ; сидя подлѣ героя празднества, я напоминалъ ему то, что было въ Лейпцигѣ. Но онъ былъ въ плохомъ настроеніи духа и не хотѣлъ говорить по-англійски, несмотря на то, что Елена Терри сидѣла около него. Такъ какъ она со своей стороны не хотѣла говорить ни по-нѣмецки, ни по-французски, то я долженъ былъ служить переводчикомъ, что было не всегда легко. Подъ конецъ Е. Терри обратилась ко мнѣ и сказала: «Передайте Листу, что я говорю по-нѣмецки». Когда-же Листъ наклонился въ ея сторону, она сказала: «Lieber List, ich liebe dich». За ужиномъ Листъ обѣщалъ мнѣ посѣтить меня въ Оксфордѣ и провести тамъ нѣсколько дней. Но въ тотъ день, когда я ждалъ его къ себѣ, я получилъ отъ него записку изъ Амстердама; вѣроятно, это была одна изъ послѣднихъ написанныхъ имъ записокъ. Нѣсколько недѣль спустя газеты извѣстили насъ о его смерти.

Мендельсона, котораго я зналъ еще молодымъ, я видѣлъ въ послѣдній разъ тоже въ Лондонѣ. Это было въ 1847-мъ году. Онъ также, какъ Листъ, намѣревался пріѣхать въ Лондонъ въ слѣдующемъ году, а между тѣмъ вскорѣ послѣ отъѣзда внезапно разнеслась вѣсть о его кончинѣ. У Мендельсона былъ прекрасный характеръ, и я только разъ видѣлъ его разсерженнымъ. У него былъ замѣчательный альбомъ, содержащій письма, поэмы, рисунки, сочиненія величайшихъ людей того времени, напр. Гете. Переплетъ этого альбома былъ испорченъ и онъ отдалъ его переплести заново. Я былъ у него, когда ему возвратили этотъ альбомъ. Переплетчикъ обрѣзалъ верхи пейзажей и подписи писемъ и поэмъ. Я отказываюсь описать гнѣвъ обладателя этого альбома. Мендельсонъ былъ своимъ человѣкомъ въ сферѣ классической литературы. Онъ говорилъ по-англійски и по-французски, хорошо рисовалъ и былъ отлично знакомъ съ произведеніями всѣхъ великихъ мастеровъ какъ современныхъ, такъ и древнихъ. Его отецъ, богатый берлинскій банкиръ, сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло для воспитанія своихъ дѣтей. Онъ былъ сыномъ Мендельсона-философа и, когда его сынъ Феликсъ сталъ пріобрѣтать извѣстность, онъ говорилъ ему: «Когда я былъ молодъ, меня называли сыномъ великаго Мендельсона, теперь когда я состарился, меня называютъ отцомъ великаго Мендельсона, что-же представляю собою я самъ»?

Феликсъ очень любилъ своихъ сестеръ Ревеку и Фанни, особенно послѣднюю. Онѣ выросли вмѣстѣ. Она также знала греческій и латинскій, прекрасно играла и такъ хорошо композировала, что ея братъ издалъ нѣкоторыя ея произведенія подъ своимъ именемъ. Мендельсонъ долго оставался холостымъ и многіе задавались вопросомъ, на комъ онъ женится. Ходилъ слухъ, что сердце его принадлежитъ одной молодой дѣвушкѣ изъ Франкфурта, но никто изъ его самыхъ близкихъ друзей не былъ въ этомъ увѣренъ. Однажды онъ былъ во Франкфуртѣ, гдѣ дирижировалъ 9-ой симфоніей Бетховена. Я участвовалъ въ хорѣ и находился среди оркестра; когда зала опустѣла, его ближайшіе друзья остались съ нимъ и разспрашивали его о предстоящемъ обрученіи. Его сіяющее лицо выдавало его, но онъ ничего не отвѣчалъ и сѣлъ за фортепіано. Темой его импровизаціи было мѣсто изъ хора.

Это было признаньемъ и мы поняли все. Скоро послѣ этого его невѣста пріѣхала въ Лейпцигъ и свадьба была отпразднована. Въ то время, какъ Мендельсонъ дирижировалъ въ концертахъ Gewandhaus'а, другой великій музыкантъ оставался незамѣченнымъ въ томъ же городѣ. Это былъ Робертъ Шуманъ. Шуманъ уже сознавалъ свое величіе, но долженъ былъ долго биться, чтобъ его признали другіе и бороться съ нищетою, которая оказывается обязательнымъ удѣломъ всѣхъ геніевъ. Онъ въ то время былъ страстно влюбленъ въ молодую піанистку Клару Викъ, но отецъ этой послѣдней, знаменитый профессоръ музыки, не хотѣлъ и слышать о бракѣ. Онъ посвятилъ долгіе годы музыкальному образованію дочери и вовсе не былъ расположенъ отдать её молодому бѣдному и никому еще не извѣстному музыканту, въ то время, когда она начинала пожинать лавры, какъ себѣ такъ, и своему учителю и въ то же время вознаграждать деньгами ихъ соединенныя усилія. Но нѣкоторое время спустя молодые люди бѣжали вмѣстѣ, такъ что суровый отецъ принужденъ былъ дать свое согласіе и этотъ бракъ былъ осуществленіемъ совершеннаго счастья на землѣ, до тѣхъ поръ, пока въ его внутренней жизни не разыгралась ужасная трагедія. Это одно служитъ объясненіемъ тѣхъ проявленій безумія, которыя замѣтны и въ музыкальномъ геніи Шумана. Другой другъ Мендельсона, жившій нѣкоторое время въ Лейпцигѣ, былъ Фердинандъ Хиллеръ. Мы слышали нѣкоторыя его произведенія; нѣкоторыя симфоніи въ Gewandhaus'ѣ подъ управленіемъ Мендельсона. Письмо, полученное мною отъ него за годъ до смерти, извѣщало меня, что онъ намѣревается написать большую ораторію, для которой онъ просилъ меня написать текстъ. Планъ его былъ грандіозенъ и показался мнѣ превышающимъ силы не только музыканта, но и поэта. Это должно было быть нѣчто въ родѣ историческои драмы, изображающей всѣ религіи міра. Въ ней должны были заключаться гимны Веды, изрѣченія Зендъ-Авеста, псалмы ветхаго завѣта

проповѣди и діалоги Будды, трубный призывъ Магомета и нагорная проповѣдь. Это была великая идея, но врядъ ли она была выполнима. Я вѣрилъ, однако, въ ее осуществленіе, но не прошло года, какъ я узналъ о смерти Хиллера, и кто изъ музыкантовъ напишетъ ораторію вселенной? Еще одно воспоминанье о Мендельсонѣ. Однажды, находясь среди лучшаго лондонскаго общества, онъ, уступая общей просьбѣ, игралъ передъ многочисленнымъ собраніемъ. Когда онъ заканчивалъ лучшую сонату Бетховена, одна почтенная вдова, увлеченная ритмичностью музыки Бетховена, принялась играть вѣеромъ, открывая и закрывая его въ тактъ адажіо. Глаза всѣхъ присутствующихъ были устремлены на нее, но прошло не мало времени прежде чѣмъ она замѣтила какое преступленіе совершаетъ, и опустила вѣеръ. Мендельсонъ былъ невозмутимъ и продолжалъ играть. Но, наконецъ, когда терпѣнье его истощилось, онъ повторилъ послѣдній тактъ въ арпеджіяхъ, слѣдуя за движеніемъ вѣера. Когда же вѣеръ остановился, онъ закончилъ сонату, какъ ни въ чемъ ни бывало.

Въ настоящее время, я не болѣе какъ слушатель. Мои старые пальцы огрубѣли и ужъ не повинуются мнѣ. Я, можетъ быть, удѣлялъ музыкѣ слишкомъ много времени, но что оставалось-бы въ жизни, еслибъ не было музыки? Мнѣ-бы не хотѣлось впадать въ неясности либо несовсѣмъ ясное. Но будемъ откровенны, не заключаетъ ли въ себѣ музыка, лежащая въ основаніи всѣхъ искусствъ, нѣчто не принадлежащее землѣ? Гармонія и ритмъ могутъ быть подчинены извѣстнымъ законамъ и въ этомъ смыслѣ математики, можетъ быть, правы, говоря, что математика есть музыка безъ звуковъ (нѣмая музыка). Но откуда является мелодія? Несомнѣнно не изъ того, что мы слышимъ на улицѣ, въ лѣсу или на берегу моря! Ни исторія, ни эволюція не помогутъ намъ въ созданіи Trockne Blumen (Засохшіе цвѣты) Шуберта. Здѣсь или нигдѣ мы можемъ видѣть ту золотую лѣстницу, по которой ангелы спускаются на землю и напѣваютъ божественныя мелодіи тѣмъ, которые умѣютъ ихъ слышать.

Слова не могутъ быть внушены такимъ образомъ, потому что слова, какъ мы знаемъ, принадлежатъ землѣ. Мелодіи-же не принадлежатъ землѣ и величайшій поэтъ музыки былъ правъ, говоря: «мелодіи, которыя мы слышимъ, очень нѣжны, но тѣ, которыхъ мы не слышимъ, еще гораздо нѣжнѣй».

Ф. Максъ Мюллеръ.

Отъ конторы «Сѣвернаго Вѣстника».

Для устраненія возможныхъ недоразумѣній при возобновленіи подписки на журналъ въ 1897 г., контора «Сѣвернаго Вѣстника» имѣетъ честь обратить вниманіе гг. иногороднихъ абонентовъ на то, что **подписная цѣна на журналъ понижена** (безъ измѣненія объема и состава книжекъ) и приспособлена къ удобствамъ почтовой пересылки денежныхъ пакетовъ.

Условія подписки установлены слѣдующія:

	Годъ.	1/2 г.	1/4 г.	1 мѣс.
Для иногороднихъ	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
» городскихъ (съ дост.)	11 »	5 » 50 к.	2 » 75 к.	90 к.
» заграничныхъ . . .	14 »	7 »	3 » 50 »	

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» втеченіе октября мѣсяца.

Авенаріусъ, В. П. Дѣтскія сказки. Изданіе третье. Съ рисунками Н. Н. Каразина. Спб. Ц. 1 р. 25 коп.

Аргамаковъ, А. П. Двѣ рѣчи, привѣтствующія открытіе Всероссійской выставки 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ. Полоцкъ. 1896. Ц. 30 коп.

Бехтеревъ, В. М., проф. Проводящіе пути спинного и головного мозга. Руководство къ изученію внутреннихъ связей мозга. Ч. 1-ая. Изд. второе, совершенно переработанное и значительно дополненное съ 302 рис. въ текстѣ. Спб. 1896. Изд. К. Л. Риккера. Ц. 3 р. 50 к.

Беллэгъ. К. Музыка съ соціологической точки зрѣнія. Изданіе І. Юровскаго. Спб. 1896. Ц. 20 коп.

Беэръ, В. А. Инструкція волостнымъ судамъ, преобразованнымъ по закону 12 іюля 1889 года. Орелъ 1896 г.

Бичеръ Стоу. Романъ Хижина дяди Тома. Съ англійскаго, изложила Е. Б. Москва. 1896. Ц. 30 коп.

Бобынинъ, В. В. Математико-астрономическая и физическая секціи. Часть I. Москва. 1896. Ц. 1 р. 50 коп.

Булгаковъ, В. К. Поэмы, думы и пѣсни. Спб. 1897. Ц. 2 р. 50 коп.

Бланкъ, Н. Петръ Великій. Драматическая хроника. Спб. 1896. Ц. 1 р. 25 коп.

Вагнеръ, К. Молодежь, ея настоящее и будущее. Переводъ съ 16-го франц. изданія Ѳ. Ѳ. Трозинеръ. Спб. 1897 Ц. 1 рубль.

Вальтеръ Скоттъ. Вэверлей. Изданіе второе. Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 коп.

Величко Василій, Княжна Нина. Москва, 1896. Ц. $1^1/_2$.

Вестермаркъ, Е. Исторія брака, пер. И. Семенова. М. Ц. 60 к.

Вольтеръ. Вавилонская принцесса. (Летучая библіотека). Спб. 1896. Ц. 35 коп.

Вучетичъ, Н. Г. Божіи дѣти. Разсказъ для дѣтей. Одесса 1896. Ц. 15 коп.

Гауптманъ Э. Два разсказа Стрѣлочникъ Тиль, Апостолъ. (Изданіе летучей библіотеки) Спб. 1896 г. Ц. 30 коп.

Гельмгольцъ Г. Популярныя рѣчи. Переводъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ подъ редакціей О. Д. Хвольсона и С. Я. Терешина. ч. 1-я. Спб. 1896. Изд. К. А. Риккера. Цѣна 1 руб.

Гернесъ, М. Исторія порвобытнаго человѣчества, переводъ съ нѣмецкаго съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. Березина. Спб. 1896. Ц. 50 коп.

Герцль. Теодоръ. Еврейское государство. Опытъ современнаго рѣшенія еврейскаго вопроса. Цѣна 50 коп. Спб. 1896.

Геффдингъ, Г. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Певеводъ съ нѣмецкаго М. Эльциной. Спб. 1896. Ц. 20 коп.

Головъ Д. Теорія и практика громоотводовъ. Спб. 1896. Изданіе К. Л. Риккера Цѣна 1 р. 60 коп.

Гонеггеръ І. Исторія человѣческой культуры. Переводъ съ нѣмецкаго М. Чепинской. Спб. 1897. Ц. 60 коп.

Горбуновъ-Посадовъ И. Русскій Сельскій Календарь. 1897 г. съ полезными свѣдѣніями для хлѣбопашцевъ, огородниковъ, садоводовъ и пчеловодовъ. Москва 1896. Ц. 20 коп.

Зудерманъ Германъ. Разсказы кстати. (Изд. летучей библіотеки). Спб. 1896. Ц. 25 коп.

Гротъ Я. К. и Плетневъ П. А. Переписка. Издано подъ ред. К. Я. Грота, ординарнаго профессора Императорскаго Варшавск. Унив. Томъ III. Спб. 1896. Ц. 3 рубля.

Гурьевъ А. Реформа денежнаго обращенія, ч. 1—2. Спб. 1896 г.

Ежегодникъ Имераторскихъ театровъ. Приложенія, книга 1, редакторъ А. Е. Молчановъ. Изданіе дирекціи Императорскихъ театровъ. Спб. (Сезонъ 1895—1896 гг.)

Журнальныя постановленія Черниговской губ. земской управы за 1895 г. Черниговъ. 1896 г.

Журналы Вятскаго губ. зем. собранія XXIX очеред. сессіи, т. II. Вятка 1896 г.

Записки наукового товариства імени Шевченка, выходятъ у Львові під редакцією Михайла **Грушевскаго.** 1896. IX, X, XI, XII.

Звуковой букварь. Москва. 1896. Ц. 8 к.

Кайгородовъ проф. **Д. Н.** Дерево и его жизнь. Народное чтеніе. Изданіе Посредника. Москва. 1897. Ц. 6 коп.

Кривенко В. С. По Дагестану. Спб. 1896. Ц. 1 р. 25 коп.

Крестовская М. В. Артистка. (Романъ). Спб. 1896. Цѣна 2 руб.

— Немудреные. Семейныя непріятности. Имянинница. Сонъ въ лѣтнюю ночь. Дѣти. Первое счастье. Томъ IV. Цѣна 1 руб. 1896. Спб.

— Раннія грозы. Испытаніе. Томъ I. Изд второе. Спб. 1896. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Ревность. Бабушкина внучка. Торжество Юліи Андреевны. Томъ Ш. Ц. 1 руб. Спб. 1896 года.

— Внѣ жизни. Уголки театральнаго міра. Томъ II. Изданіе II. Спб. 1892 года. Цѣна 1 р. 50 к.

Купреяновъ Л. В. Основанія и таблицы для вычисленія единовременнаго вознагражденія потерпѣвшихъ по желѣзнодорожнымъ и пароходнымъ несчастьямъ. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Лебедевъ А. П. Вселенскіе соборы IV и V вѣковъ. Сергіевъ посадъ. 1896. Ц. 2 р.

Лексисъ В. Проф. Современное положеніе вопроса о валютѣ. Переводъ А. Коневскаго. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Ломброзо Цезарь. Безуміе. Прежде и теперь. Переводъ съ итальянскаго. Изд. Н. Лейненберга. Одесса 1897. Ц. 25 коп.

Мошковъ В. А. Скиѳы и ихъ соплеменники ѳракійцы. Варшава 1896. Ц. 50 коп.

Микусонъ, д-ръ **П. Л.** Дифтеритъ и заразныя болѣзни. (Съ 16 рисунками въ текстѣ). Одесса. 1896. Ц. 1 рубль.

Московскія хлѣбопекарни въ 1895 году. Москва 1896.

Новое manuale pharmaceuticum, изданное при участіи д-ра Bosetti, Eugen Dieterich'омъ. Перев. съ 6-го допол. изданія съ дополненіями изъ россійской фармакопіи, IV изд. 1891 г., подъ ред. д-ра Н. П. Иванова. Выпускъ 2-ой съ 27 рис. Спб. Изданіе К. Л. Риккера. Ц. 1 р. 80 к.

Общедоступная техническая энциклопедія. Подъ редакціею Н. Песоцкаго, въ 10 томахъ (томъ 1-й), выпускъ Ш-й.

Орелкинъ П. Изъ жизни пчелъ, чтеніе для юношества и народа, Спб. 1897. Ц. 15 коп.

Острогорскій Александръ. Коммерческое Образованіе. Часть I. Спб. 1896. Ц. 1 руб.

Отчетъ русскаго литературнаго кружка въ Ригѣ за 1895—6 годъ. Рига 1896.

Отчетъ о дѣятельности Орловской городской публичной библіотеки за 1895. Вятка 1896.

Отчетъ Александровской уѣздной земской Управы за 1895 г. Александровскъ. 1896.

Попова, О. Н. Католоґъ изданій 1894—1896. Спб. 1897.

Russe Hermann. Der Liebe Erstes Buch. Berlin 1896.

Сагарадзе, М. I. Краткій очеркъ исторіи греческой философіи, выпускъ первый. Кутаисъ 1896. Ц. 40 коп.

Сазоновъ Г. П. Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству (1865--1895 гг.), т. III. Изд. департамента земледѣлія, Спб 1896 г. Ц. 6 р.

Саратовская Земская Недѣля. Изданіе Саратовскаго Губ. Земства. Саратовъ 1896.

Скворцовъ Николай, Санит. врачъ. Брюшной тифъ въ Москвѣ, заболѣваемость и смертность за 1878—1892 гг.

Смирновъ, А. В. Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. Губ. Гор. Владиміръ. 1896. Ц. 1 р. 25 коп.

Сооруженіе и открытіе памятника императору Александру II, въ Казани. Казань 1895.

Стенли Джевонсъ. Краткое руководство политической экономіи Съ 6-го англійск. изд. перевелъ Гальдмерштейнъ. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Strasse D-r Alois. Компрессы, способъ дѣйствія ихъ и примѣненія. Переводъ доктора А. С. Аршавскаго. Спб. 1896. Ц. 60 коп.

Стуловъ, С. Картофель. Москва 1897. Ц. 3 коп.

Сологубъ Ѳедоръ. Тѣни. Разсказы и стихи. Спб. 1896. Ц. 1 руб.

Тихомировъ, Д. И. Вешніе всходы. Третья и четвертая книга для класснаго чтенія и бесѣдъ. Москва. 1896. Ц. 60 коп.

Трайль, Г. Д. Общественная жизнь Англіи. Томъ I. Переводъ съ англійскаго Л. Ч. Подъ редакціею П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва 1896. Цѣна 3 р.

Тэнъ, И. О методѣ критики и объ исторіи литературы. Изд. I. Юровскаго. Спб. 1896. Ц. 20 коп.

Ферри Энрико. Преступники въ искусствѣ, перев. съ французскаго. Москва 1896. Ц. 20 коп.

Фрейбергъ, П. Р. Растенія—друзья человѣка, выпускъ 1. Финиковая и кокосовая пальма, выпускъ II. Бамбукъ. Москва 1896. Ц. по 20 коп.

Хейденфельдтъ, Х. Изъ женской жизни, по поводу Крейцеровой Сонаты. Переводъ съ нѣмец. В. Мосоловой. Москва 1897. Ц. 40 коп.

Хозяйственно - статистическія свѣдѣнія по Симбирской губерніи, выпускъ первый. Симбирскъ. 1896.

Якушевичъ П. Г. Недуги школьнаго классицизма. Дидактическій этюдъ. Витебскъ 1896. Ц. 35 коп.

Шапиро, Б. Д-ръ. Учебникъ фармакологіи 5-е изданіе, просмотрѣнное и дополненное, съ прибавленіемъ о новыхъ средствахъ. Спб. 1896. Ц. 2 руб.

